

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2014 № 4 (60) Т. 3

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баян-Лукского университета (г. Баян Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Гудов А. М. – д-р ф.-м.н., доцент.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2014 № 4 (60) Vol. 3

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
A. M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 *Зими́на Е. В., Кукушкин И. А.* Использование естественнонаучных методов на полевой практике по физиологии растений
- 14 *Скалон Н. В., Егоров А. Г., Суицёв Д. В., Яковлева Г. И.* Памятник природы «Лысый Бухтай» («Чумайский Бухтай»): фауна, флора, природоохранное значение

ИСТОРИЯ

- 20 *Ермачкова Е. П.* Зарождение и распространение культуры сибирского чаепития
- 24 *Маркова К. Ю.* Новая интерпретация предметов декоративно-прикладного искусства Средневекового Казахстана (по результатам индивидуального гранта «Академическая мобильность»)
- 29 *Марочкин А. Г., Конончук К. В.* Археологические комплексы и культурно-хронологическая интерпретация петроглифов Нижнетомского очага наскального искусства (историография вопроса)
- 34 *Науменко О. Н., Науменко Е. А.* К вопросу о конфессиональной толерантности на примере истории и национальной психологии еврейских диаспор Тюмени и Тобольска XIX – начала XX веков
- 39 *Науменко О. Н., Науменко Е. А.* История формирования пространственно-архитектурной организации еврейской общины Тюмени

МАТЕМАТИКА

- 43 *Гудов А. М., Завозкин С. Ю., Шевнин В. А.* Автоматическая классификация слабоструктурированных документов, участвующих в научно-образовательном процессе
- 47 *Кучер Н. А., Жалнина А. А.* О корректности стационарной задачи обтекания препятствия потоком смесей вязких сжимаемых жидкостей
- 53 *Толстунов В. А.* Нелинейный фильтр геометрического среднего с Гауссовскими весами

ПЕДАГОГИКА

- 58 *Горшков Н. И.* Исследование уровня развития профессионально значимых лидерских качеств у студентов, будущих учителей физической культуры
- 64 *Загузина Н. Н., Невзоров Б. П.* Проблемы развития дистанционной педагогики
- 67 *Казакова О. П.* Самостоятельная учебная деятельность в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам
- 70 *Кириллов Н. П., Фадеева В. Н.* Проблемы теории и практики университетского образования

BIOLOGY

- 8 *E. V. Zimina, I. A. Kukushkin.* Application of natural science methods in the field practice on plant physiology
- 14 *N. V. Skalon, A. G. Egorov, D. V. Sushchev, G. I. Yakovleva.* Natural site «Lysiy Bukhtay» («Chumaysky Bukhtay»): fauna, flora, environmental value

HISTORY

- 20 *E. P. Ermachkova.* Origin and dissemination of the Siberian tea drinking culture
- 24 *K. Yu. Markova.* A new interpretation of decorative and applied art of Medieval Kazakhstan (the results of individual «Academic mobility» grant)
- 29 *A. G. Marochkin, K. V. Kononchuk.* Archaeological complexes, and cultural and chronological interpretation of the petroglyphs located in the lower tom' river rock art area (historiographical review)
- 34 *O. N. Naumenko, E. A. Naumenko.* On religious tolerance in the history and national psychology of the Jewish diaspora in Tyumen and Tobolsk in the 19th– early 20th centuries
- 39 *O. N. Naumenko, E. A. Naumenko.* The history of the formation of spatial-architectural organization of the Tyumen Jewish community

MATHEMATICS

- 43 *A. M. Gudov, S. Yu. Zavozkin, V. A. Shevnin.* Automatic classification of semi-structured documents in scientific and educational process
- 47 *N. A. Kucher, A. A. Zhalnina.* On well-posedness of steady problem for mixture of compressible viscous fluids flow around an obstacle
- 53 *V. A. Tolstunov.* Nonlinear filtering on the base of geometrical mean with Gaussian scales

PEDAGOGICS

- 58 *N. I. Gorshkov.* Profound research of leadership potential development in students as future teachers of physical culture
- 64 *N. N. Zaguzina, B. P. Nevzorov.* Problems of distance pedagogy development
- 67 *O. P. Kazakova.* Independent educational activity in profession-oriented teaching of foreign languages
- 70 *N. P. Kirillov, V. N. Fadeeva.* The problems of the theory and practice of university education

- 75 **Киселева Э. М.** Магистерская диссертация как показатель профессиональной компетентности в области научно-исследовательской деятельности
- 79 **Кorableва Г. Н.** Риторический анализ текста как прием формирования профессиональных компетенций будущего педагога
- 82 **Кулаков А. В., Манюкова В. Н.** Инновационная деятельность педагога в системе непрерывного педагогического образования
- 86 **Минникаева Н. В.** Программа фитнес-йога как средство физической культуры личности старших дошкольников

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 91 **Горелкин А. В.** Устойчивое развитие Кемеровской области: теоретико-методологические проблемы выделения показателей и опыт оценки
- 96 **Желтов В. В., Желтов М. В.** К вопросу об эволюции политической роли армии в странах арабского мира
- 101 **Захаров С. М.** Политический текст и поверхность: поиск новых сочетаний
- 104 **Казаков М. А.** Управление инновационным развитием РФ: выработка функционально эффективных элементов профессионального инструментария элит
- 109 **Чирун С. Н.** Постмолодёжь как социально-политический феномен: проблема релятивности

ПСИХОЛОГИЯ

- 117 **Проконич О. А.** Взаимосвязь характеристик временной перспективы личности студентов вуза со смысловыми аспектами отношения к процессу обучения

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 123 **Дороганов В. С., Пимонов А. Г.** Методы статистического анализа и нейросетевые технологии для прогнозирования показателей качества металлургического кокса

ФИЗИКА

- 130 **Датий К. А., Попова А. Н., Зюзюкина Е. Н.** Влияние температуры на фазовый состав наноструктурированной системы Fe-Co-Ni

ФИЛОЛОГИЯ

- 135 **Аулина М. В.** О взаимодействии языков на территории Азербайджанской Республики
- 139 **Бадер О. В., Шишигин К. А.** Идишские глаголы с префиксом *der-*, описывающие достижение цели продолжительного действия или процесса
- 141 **Балобанова А. Г.** О дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов (на материале определений студентами терминов из понятийной сферы «инфекционные болезни»)
- 145 **Галиева М. А.** Феномен трикстера и обрядовая реальность в поэмах В. Маяковского

- 75 **E. M. Kiseliova.** Master's thesis as an indicator of professional competence in the field of research

- 79 **G. N. Korableva.** Rhetorical analysis of the text as a method of formation of future teachers' professional competence

- 82 **A. V. Kulakov, V. N. Manyukova.** Innovative teaching in the system of continuing teachers' education

- 86 **N. V. Minnikaeva.** Yoga fitness programme as a means of senior pre-schoolers' personal physical culture

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 91 **A. V. Gorelkin.** Sustainable development of Kemerovo region: theoretical and methodological problems of indicators allocation and assessment experience

- 96 **V. V. Zheltov, M. V. Zheltov.** On the evolution of the political role of the army in the Arab world

- 101 **S. M. Zakharov.** Political text and surface: in search of new combinations

- 104 **M. A. Kazakov.** Management of the innovation development of the Russian Federation: development of functional elements of professional elites instrument

- 109 **S. N. Chirun.** Post youth as a social and political phenomenon: the problem of relativity

PSYCHOLOGY

- 117 **O. A. Prokonich.** Interrelation between the time perspective of university students' personality and the meaning aspects of their attitude to education

TECHNICAL SCIENCES

- 123 **V. S. Doroganov, A. G. Pimonov.** Methods of statistical analysis and neural network technologies for prediction of metallurgical coke quality

PHYSICS

- 130 **K. A. Datii, A. N. Popova, E. N. Zyuzukina.** Phase structure of Fe-Co-Ni nanosystems: temperature effect

PHILOLOGY

- 135 **M. V. Aulina.** The interaction of languages in Azerbaijan

- 139 **O. V. Bader, K. A. Shishigin.** Yiddish prefixed verbs describing the achievement of a long-term action or process

- 141 **A. G. Balobanova.** Definitional strategy of medical terms semantization (based on students' definitions of the terms from the conceptual sphere of "infectious diseases")

- 145 **M. A. Galieva.** The phenomenon of the trickster and ritual reality in Vladimir Mayakovsky's poems

- 151 **Градалева Е. А.** Адъективные и глагольные словосочетания с элементами ассоциативно-семантического поля “horse” (на материале художественных произведений XVIII – XX веков)
- 155 **Дударева Я. А.** Основные способы копиально-го нейминга товаров
- 160 **Ковалева Е. К.** Некоторые особенности дефиниционной синонимии в дискурсе информационно-технических блогов
- 165 **Куцевич Ю. А.** Лингвистика текста в исследовании комплексного процесса интенционального действия на примере романа А. Кристи «Убийство Роджера Экройда»
- 169 **Максимов В. Д.** О бинарном принципе нейминга звукофферы в английской фонемике
- 175 **Меряшкина Е. В.** Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья
- 180 **Петроченкова И. Л.** Применение метода корреляционного анализа Пирсона для исследования разноуровневых признаков английских инструментальных существительных
- 185 **Разумова Н. Е., Карпова А. Ю.** А. П. Чехов и Г. Гауптман: две версии комедийности
- 191 **Шишигин К. А.** Многоуровневый анализ семантики префиксальных глаголов (на примере глаголов языка идиш)

ФИЛОСОФИЯ

- 198 **Бельская Ю. В.** Аксиологические основания концептуализации модели человека в экономической теории
- 201 **Думнова Э. М.** Трансформация ментального пространства молодежи современного российского общества
- 206 **Иваненко А. И.** Возобновление вопроса о бытии в Ленинградской онтологической школе
- 209 **Исаченко Н. Н.** Зависть – один из факторов несовершенства мира
- 212 **Киселев В. И.** Совместная деятельность как субстанциональная основа общества
- 216 **Лякин В. Е.** Народная правда в России на рубеже XIX – XX веков
- 220 **Николина Н. В.** Предпосылочное знание за пределами научного познания
- 224 **Щербинин М. Н., Павловский А. И., Пупышева И. Н.** Методологические возможности структурного подхода в гуманитарном познании

ХИМИЯ

- 228 **Акентьева Т. Н., Лузгарев С. В., Глушкова Т. В., Кудрявцева Ю. А.** Химическая модификация хирургического шовного материала с целью профилактики артериальных тромбозов
- 232 **Загурская Ю. В., Васильев В. Г., Богатырев А. Л., Баяндина И. И.** Состав фенольных соединений сырьевой части *Leonurus quinquelobatus* Gilib. из различных регионов Западной Сибири

- 151 **E. A. Gradaleva.** Adjectival and verbal word-combinations containing the components of the semantic field “horse”
- 155 **Ya. A. Dudareva.** The main ways of copynaming products
- 160 **E. K. Kovaleva.** Some peculiarities of definitional synonymy in information technology blogs discourse
- 165 **Y. A. Kutsevich.** Linguistics of text as a means of studying the complex volitional action process in A. Christie’s novel «The Murder of Roger Ackroyd»
- 169 **V. D. Maximov.** On binary principle of naming of sound matter in English phononymy
- 175 **E. V. Meryashkina.** Honghuzi in the prose by foreign Far East writers
- 180 **I. L. Petrochenkova.** The use of Pearson correlation analysis for the analysis of heterogeneous characteristics of English instrumental nouns
- 185 **N. E. Razumova, A. Yu. Karpova.** A. P. Chekhov and G. Hauptmann: two versions of comediness
- 191 **K. A. Shishigin.** Multilevel analysis of prefixed verbs semantics (exemplified by Yiddish Verbs)

PHILOSOPHY

- 198 **Yu. V. Belskaya.** Axiological grounds of conceptualizing the model of the human in economic theory
- 201 **E. M. Dumnova.** Mental space transformation of the Contemporary Russian Society’s Youth
- 206 **A. I. Ivanenko.** The renovation of the question of being in Leningrad ontological school
- 209 **N. N. Isachenko.** Envy as one of the factors of the world’s imperfection
- 212 **V. I. Kiselyov.** Joint activities as the foundation of society
- 216 **V. E. Lyakin.** People’s verity in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries
- 220 **N. V. Nikolina.** Premised knowledge beyond scientific cognition
- 224 **M. N. Shcherbinin, A. I. Pavlovskiy, I. N. Pupyshva.** Methodological possibilities of structural approach in humanitarian cognition

CHEMISTRY

- 228 **T. N. Akentyeva, S. V. Luzgarev, T. V. Glushkova, Yu. A. Kudryavtseva.** Chemical modification of surgical suture material to prevent arterial thrombosis
- 232 **Yu. V. Zagurskaya, V. G. Vasiliev, A. L. Bogatyrev, I. I. Bayandina.** Phenolic compounds composition of *Leonurus quinquelobatus* Gilib. herb from different regions of Western Siberia

ЭКОНОМИКА

- 237 **Басова С. А.** Деоффшоризация российской экономики
- 241 **Генералов И. Г., Игошин А. Н., Оболенский Н. В.** Государственная поддержка зернопроизводства как один из факторов повышения конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей
- 248 **Дымова И. А.** Практические аспекты функционирования учетно-аналитической системы экономических субъектов
- 252 **Дятлова Н. К.** Соматические маркеры и их значение для индивида
- 257 **Козлова О. Н., Калачева И. В.** Страхование банковских рисков в системе защиты имущественных интересов банков
- 262 **Кононова С. А.** Формирование системы сбалансированных показателей как фактор стратегического развития предприятия
- 266 **Похомчикова Е. О.** Понятие и структура индустрии гостеприимства
- 274 **Шевченко И. Л.** Социальная ответственность в практике корпоративного управления ведущих российских нефинансовых ТНК

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 280 **Зайнутдинов Р. С.** Ограничение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты
- 285 **Лисина Н. Л.** Государственный кадастровый учет земельных участков: развитие, современность и перспективы
- 291 **Михеенков Е. Г.** Организация труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири в эпоху новой экономической политики
- 298 **Петракова Л. В., Гаг И. А.** Проблемы правового регулирования применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции
- 304 Правила для авторов журнала
- 306 Подписка на «Вестник КемГУ»

ECONOMICS

- 237 **S. A. Basova.** Deoffshoresation of Russian economy
- 241 **I. G. Generalov, A. N. Igoshin, N. V. Obolenskiy.** State support of grain production as the main factor of increasing competitiveness of agricultural producers
- 248 **I. A. Dymova.** Practical aspects of functioning of registration-analytical system of businesses
- 252 **N. K. Dyatlova.** Somatic markers and their implications for individuals
- 257 **O. N. Kozlova, I. V. Kalacheva.** Insurance of bank risks in the system of banks' property interests protection
- 262 **S. A. Kononova.** Forming a system of balanced indices as a factor of company's strategic development
- 266 **E. O. Pokhomchikova.** The definition and structure of hospitality industry
- 274 **I. L. Shevchenko.** Social responsibility in the practice of corporate governance in the leading Russian non-financial TNCs

JURISPRUDENCE

- 280 **R. S. Zainutdinov.** Limitation of freedom: criminal legal and penal aspects
- 285 **N. L. Lisina.** State cadastral registration of land plots: development, present and prospects
- 291 **E. G. Mikheenkoy.** Organization of convicts' labour in penitentiary institutions of Western Siberia in the era of the New Economic Policy
- 298 **L. V. Petrakova, I. A. Gaag.** Problems of legal regulation of the use of firearms by police officers
- 304 Information and instructions for authors
- 306 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 581.1:378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ НА ПОЛЕВОЙ ПРАКТИКЕ ПО ФИЗИОЛОГИИ РАСТЕНИЙ

Е. В. Зими́на, И. А. Кукушки́н

APPLICATION OF NATURAL SCIENCE METHODS IN THE FIELD PRACTICE ON PLANT PHYSIOLOGY

E. V. Zimina, I. A. Kukushkin

Статья посвящена использованию естественнонаучных методов на полевой практике по физиологии растений, раскрыты различные варианты применения методов естественнонаучного исследования, как на этапе сбора информации, так и при её анализе для составления прогнозов и моделирования физиологических процессов жизни растений. Даны методические рекомендации по проведению тематических экспериментов, обеспечивающих в ходе полевой практики по физиологии растений закрепление фундаментальных знаний студентов по таким разделам дисциплины как "Водный режим", "Рост и развитие растений", «Устойчивость растений к неблагоприятным условиям среды» и др. В работе показано, что использование различных естественнонаучных методов в ходе учебно-полевой практики по физиологии растений способствует повышению эффективности образовательного процесса в вузе. Полевые наблюдения являются важным средством воспитания экологического сознания обучающихся и способствуют утверждению бережного отношения к окружающей среде.

The paper is devoted to the use of natural science methods in the field practice on plant physiology; it discloses various applications of such methods as observation and experiment and provides guidelines for the original experiments. Experimental work in the field of teaching and practice enables students to revise the basic theoretical principles of the discipline "Plant Physiology" and consolidate their knowledge on such modules of the discipline as "Water regime", "Growth and development of plants", "Plants resistance to adverse environmental conditions" and others. Thus, training and field practice on physiology of plants increases the efficiency of the educational process. Field observations contribute to the environmental education of students, instilling respect for the environment.

Ключевые слова: физиология растений, наблюдение, эксперимент, полевая практика, зимостойкость, цветение, рост, развитие.

Keywords: plant physiology, observation, experiment, field practice, hardiness, bloom, growth, development.

Изучить жизнь растения – это значит изучить его свойства и функции: воздушное и корневое питание, транспорт веществ, водный обмен, рост и развитие, приспособление к окружающим условиям, установить зависимость функций от внешних и внутренних факторов; изучить взаимодействие органов растения [4; 9].

Для изучения жизни растений используют различные методы сбора информации и её анализа для составления научных прогнозов и моделирования различных физиологических процессов. Фундаментальной базой естественнонаучных методов исследования является положение о возможности познания окружающего нас мира при признании его материального состояния и непрерывного преобразования на основе законов диалектики.

Для сбора информации студентами используются методы полевых и лабораторных исследований в формах рекогносцировочного сбора объектов исследования или определения их местоположения на опытных площадках и многодневного наблюдения для познания развития функциональных и сезонных процессов. Применение информационно-статистического метода позволяет студентам осознать научную и методическую базу проводимых опытов и экспериментов и использовать ранее опубликованную науч-

ную информацию для последующего определения соответствия полученных ими результатов современным достижениям науки в избранной тематике учебной деятельности.

Наблюдение физиологических процессов растений в естественных и искусственных условиях позволяет установить последовательность функционального развития органов растения, например от развития эндосперма до колошения с созревания семян. Для того, чтобы изучить различия механизмов физиологических процессов в молодых и зрелых растений и функциональное взаимодействие их органов, производится посадка растений в различные сроки, с обеспечением одинаковых условий окружающей среды.

Для получения зачётных результатов студенту необходимо проводить как регулярное наблюдение развития растений, так и выполнить ряд последовательных опытов для получения представления об общем цикле жизни растения. Эксперимент, т. е. проведение практического исследования для подтверждения предполагаемого результата, позволяет развивать научную интуицию, стремление к поисковой деятельности, умению аргументировать и отстаивать собственные научные взгляды. Проведение студентами экспериментов как в естественных, так и в лаборатор-

ных условиях, позволяет заметно расширить спектр выработанных навыков и обретенных ими умений.

Перед началом практики студенты получают краткие методические рекомендации, поясняющие ход полевой практики и последовательность проведения опытов и экспериментов, при этом указывается значение эпизодических и постоянных наблюдений для познания сущности изучаемых явлений. Обучающимся рекомендуется активное участие в проведении практических исследований на учебно-опытном участке, а также использование ранее полученных опытных данных для оценки этапов развития растения за весь период его жизни, от начала вегетации до завершения листопада. Преподаватель указывает студентам какие эксперименты они самостоятельно выполняют на опытном участке, а какие выполняются совместно всей группой или под руководством преподавателя. Особое внимание уделяется профессиональной ориентации будущих выпускников вуза, например, какие из проводимых опытов и экспериментов можно использовать в работе со школьниками, а какие из них активно применяются в работах научных и исследовательских учреждений.

Студентам разъясняются особенности проведения наблюдений, опытов и экспериментов в составе группы или индивидуально, а также ход выполнения самостоятельных исследований для получения данных используемых при выполнении курсовых и дипломных работ.

Отображение тех или иных физиологических процессов и явлений рекомендуется производить в работах по изучению сельскохозяйственных растений. Актуальность данного направления исследований определяется возможностью сопоставления культурных сортов ягодных кустарников инорайонной селекции, акклиматизация которых производится непосредственно в сезон проведения практики, с типичными зональными видами.

В качестве объектов исследования мы используем сорта жимолости, шиповника, клюквы, брусники, голубики и других таёжных растений, площади распространения которых в Нижнем Приамурье в последние десятилетия постоянно сокращаются из-за варварской эксплуатации таёжных экосистем, пожаров и вырубок. В связи с необходимостью восстановления местообитаний дикоросов и организации последующего лесопользования на основе принципов рационального природопользования необходимо с помощью опытов на учебно-полевой практике, изучить физиологические основы восстановления зональных биогеоценозов, а также возможности введения полезных растений флоры Нижнего Приамурья в сельскохозяйственную культуру с улучшением их хозяйственно-биологических качеств.

После сбора данных, студенты переходят к последующему анализу информации, последовательно используя следующие естественнонаучные методы.

1. Метод ключевого участка позволяет определить ту часть растения, которая в данный момент имеет наиболее важное значение в развитии растения. Например, явление физиологической сухости определяет изначальное повышение роли корневой системы, в последующем – растительного покрова, сокращаю-

щего транспирацию, а с изменением условий увлажнения корневая система вновь становится ключевым участком, так как только её деятельность способна обеспечить восстановление растения и его дальнейшее развитие. Данный метод может быть использован и в варианте территориальной интерполяции: изучив особенности физиологических процессов для одного исследуемого участка, мы вправе предполагать общее геоэкологическое сходство естественных процессов и явлений для иных подобных биогеоценозов.

2. Метод выявления ведущего фактора позволяет определить значение различных геоэкологических воздействий и биоценологических процессов и явлений, которые в данный момент определяют особенности развития растения. Например, неблагоприятные метеорологические условия могут преодолеваются компенсирующим воздействием подземного стока, составом почвенного покрова, воздействием иных растений или адаптационными приспособлениями самого организма.

3. Метод топологической оценки влияния геоэкологических условий на физиологические процессы растений является частным видом геоэкологического районирования и завершает использование предшествующих аналитических методов, позволяя разработать территориальные прогнозы, рекомендации и моделирования биосистемных ситуаций на основе использования метода кластерного анализа в R, S и L схемах, с внедрением в прикладные исследования и разработки.

4. Метод балансов позволяет определить геохимическую основу поглощения, усвоения и расхода вещества, и энергии в организме растения, определив причину его увядания или расцвета. Широко используется в определении роли биоактивных соединений: фитогармонов и ингибиторов роста, фульвокислот и гуматов. Наглядные результаты дают опыты изменения условий освещения и полива растений.

Моделирование физиологических процессов может производиться с применением анимационных материалов, презентаций и демонстрации растений морфологические и физиологические параметры которых определены различными видами геоэкологических и физиологических воздействий в ходе полевой практики и в предшествующий ей период.

Ниже даем краткое описание некоторых заданий, которые рекомендуем выполнять на учебно-полевой практике по дисциплине "Физиология растений", а также приводим полученные нами результаты изучения отдельных физиологических процессов в условиях городов Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск Хабаровского края.

Задание 1. Фенологические наблюдения за формами и сортами различных ягодных растений (жимолости, розы морщинистой, смородины и др.). Выполнение задания способствует закреплению теоретических сведений по разделу "Рост и развитие растений", способствует изучению индикационных явлений в жизни растений, дает возможность выявить приспособленность растений к ритму климата.

Изучение прохождения растениями фенологических фаз роста и развития (фенологии) проводим по

общепринятым в плодоводстве методикам [1; 8]. Мы рекомендуем наблюдать за прохождением растением таких фаз вегетационного периода как, распускание почек; цветение; созревание ягод; листопад [6]. При этом в полевом журнале необходимо отмечать начало и окончание каждой фазы, признаки которых подробно описаны в указанных выше методиках и наших статьях, опубликованных ранее [3]. В годовом отчете обязательно делаем анализ фенологических наблюдений в связи с учетом погодных условий вегетационного сезона. В результате наблюдений необходимо произвести предварительную группировку растений на ранние, средние, поздние по отдельным фазам вегетации.

Нами изучались особенности сортов жимолости НИИСС им. М. А. Лисавенко: Голубое веретено, Лазурная, Камчадалка, Бакчарская, сорта Синяя птица, Томичка. Изучение прохождения фенологических фаз сортов жимолости в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре показало, что в условиях Хабаровска раньше, чем Комсомольска-на-Амуре, начинаются фенологические фазы цветение, созревание ягод (на 6 – 7 дней), начало листопада (на 12 – 13 дней). Наши исследования показали, что изучаемые сорта жимолости синей инорайонной селекции могут успешно возделываться как в условиях южной части Хабаровского края, например, в Хабаровском районе, так и в более северных его областях, например, Комсомольском районе, и пополнить сортимент плодово-ягодных культур данного региона.

Фенологические наблюдения могут стать основой для составления календаря природы, в котором приводятся средние многолетние даты наступления сезонных явлений, а также для установления границ биоклиматических сезонов и подсезонов. При этом наилучшими для составления календарей природы служат индикационные явления, к которым можно отнести фазу начала распускания почек, начала цветения, начала распускания листьев, начала созревания плодов [3]. Границы биоклиматических сезонов и подсезонов устанавливаются по наступлению соответствующих индикационных сезонных явлений. Практическое значение биоклиматических сезонов в том, что отрасли народного хозяйства с сезонной цикличностью производства проводят работы по биоклиматическому календарю. Чтобы придать биоклиматическому календарю полную действенность, нужно следить за сезонными изменениями природы.

Задание 2. Изучение зимостойкости и общего состояния растений. Выполнение данного задания позволяет оценить зимостойкость и общее состояние растений, определить устойчивость побегов древесных растений к низким температурам.

Зима в районе суровая и малоснежная. Средняя температура января в равнинной части составляют $-22...-28^{\circ}\text{C}$, в горной местности $-26...-37^{\circ}\text{C}$. Значительная солнечная радиация в зимний и ранневесенний период уплотняет снежный покров до наступления положительных температур. Снеговой покров в водном балансе почвы почти не играет роли, поэтому при наличии продолжительных засушливых периодов весной и в начале лета растения могут испытывать

недостаток влаги. В годовом ходе максимум месячных сумм суммарной и прямой радиации приходится на май – июнь, минимальный – на декабрь. Осенью заморозки начинаются на юге в первой декаде октября, в остальных районах – во второй – третьей декаде сентября. Началом активной вегетации растений считают дату перехода среднесуточной температуры воздуха через $+10^{\circ}\text{C}$. Весной переход через $+10^{\circ}\text{C}$ в южных и центральных равнинных районах происходит в конце первой и второй декадах мая, в северных – в третьей декаде мая.

Среднегодовое количество осадков в Хабаровском крае от 600 до 800 мм, в засушливые годы это количество снижается на 30 – 50 %. Наибольшие осадки приходятся в Приамурье на июль и начало августа. Такое неравномерное распределение осадков в течение года объясняется муссонным характером климата.

Выполнение данного задания позволяет оценить зимостойкость и общее состояние растений, определить устойчивость побегов древесных растений к низким температурам. Зимостойкость – это устойчивость растений не только к холоду, но и к целому комплексу неблагоприятных условий, связанных с перезимовкой. При изучении степени зимних повреждений использовали критерии в баллах, начиная от 0 баллов, когда зимние повреждения отсутствуют, заканчивая 5 баллами, при которых наблюдается полная гибель растений [3]. При этом степень подмерзания почек определялась глазомерно баллами: 0 – признаков подмерзания нет; 1 – вымерзло до 10 % почек; 2 – вымерзло до 25 % почек; 3 – вымерзло до 50 % почек; 4 – вымерзло до 75 % почек; 5 – вымерзло свыше 75 % почек.

Показатель общего состояния растений свидетельствует об общей приспособленности растений к местным условиям. Мы рекомендуем оценивать этот критерий в середине лета, поскольку можно учесть степень повреждения морозами и облиственности, увидеть результаты цветения, оценить рост. При этом используем критерии оценки от 5 баллов, что свидетельствует об отличном состоянии растения (кусты хорошо облиственные, листья типичного для сорта цвета, прирост сильный) до 1 балла, который даем очень слабым, погибающим растениям [6]. Мы зимостойкость и общее состояние растений оценивали в парках г. Комсомольска-на-Амуре (рис. 1).

Жимолость подсекии синей и роза морщинистая – поливитаминные плодово-ягодные культуры. Наблюдения за розой морщинистой показали, что большинство изучаемых растений зимостойкие, так как почти не имеют зимних повреждений (за исключением гибели верхушечных и частичной гибели пазушных почек). Растения имели отличное общее состояние, так как кусты здоровые, хорошо облиственные, обильно цветут летом, имеют сильный прирост. Известно, что жимолость рано выходит из состояния глубокого покоя. Переход растения в состояние вынужденного покоя у большинства сортов наблюдается уже к концу ноября. В местах естественного произрастания жимолость отличается хорошей зимостойкостью. Так, при температуре -35°C – -40°C при снеж-

ном покрове, достигающем 40 – 60 см высоты, подмерзают только концы однолетних приростов.

Наблюдения за зимостойкостью саженцев жимолости позволяет сделать следующие выводы. Осень – лучшее время для посадки саженцев жимолости. Это можно объяснить тем, что почки жимолости, как это показывают фенологические наблюдения, рано трогаются в рост – в начале третьей декады апреля. В это время почва еще только начала оттаивать и саженцы сажать еще рано. Посадка же в более поздние сроки, когда почва полностью оттаивает, нежелательна, поскольку можно повредить почки жимолости. Учитывая все эти обстоятельства, нами саженцы шести

форм жимолости были посажены на постоянное место в третьей декаде августа. Весной вели подсчет перезимовавших растений. По нашим данным, весной их гибель составляла от 7.1 до 64.6 %. Процент перезимовавших кустов, в зависимости от формы, был от 36.4 до 92.9 %. Если на зиму саженцы укрывать различными материалами, процент перезимовавших растений выше. Таким образом, саженцы жимолости даже посаженные в оптимальное время, могут погибнуть от комплекса неблагоприятных условий зимой, долго приживаются. Необходимо изучать и выделять наиболее зимостойкие формы.

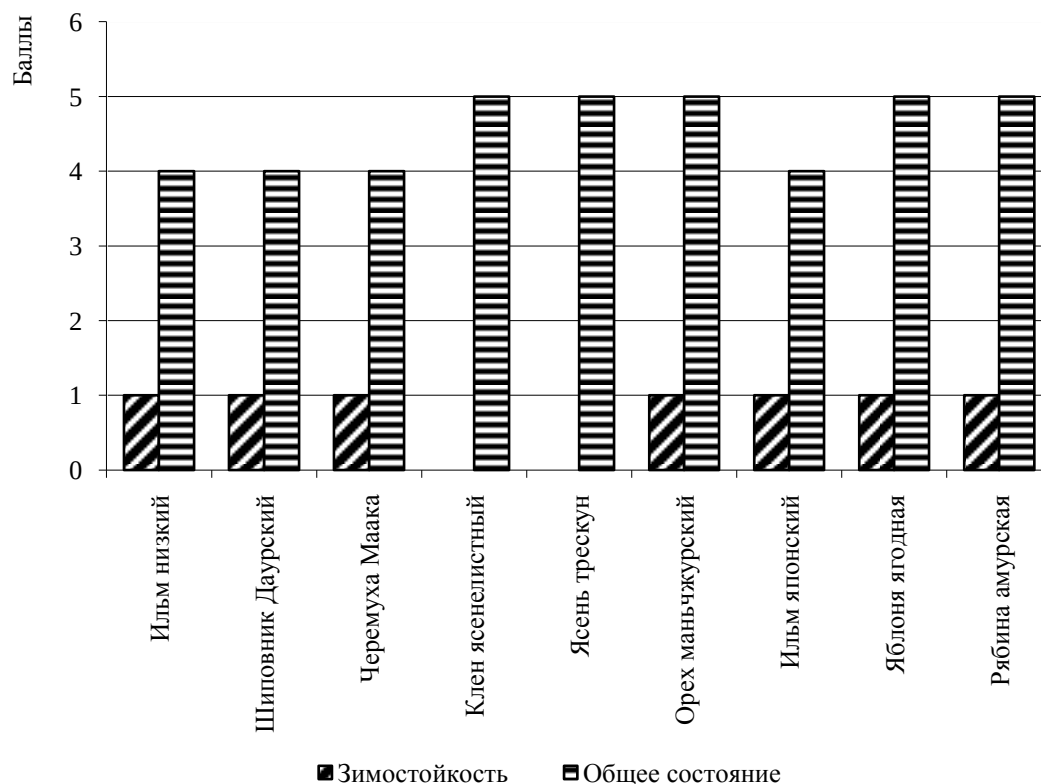

Рис. 1. Зимостойкость и общее состояние растений

Изучаемые сорта жимолости по степени зимних повреждений были разделены на две группы: высокозимостойкие, со степенью зимних повреждений от 0 до 1 балла – сорта Голубое веретено, Синяя птица, Бакчарская, Лазурная, Томичка; с хорошей зимостойкостью со степенью зимних повреждений до 2-х баллов: сорта Старт, Камчадалка.

Задание 3. Изучение опыления. Выполнение данного задания позволяет закрепить основные теоретические сведения о закономерностях цветения и опыления, произвести оценку степени самоплодности растений. Известно, что половое размножение цветковых растений состоит из следующих физиологических процессов: цветение, опыление, оплодотворение, формирование семян [4; 9]. Для многих растений необходимо перекрестное опыление пыльцой другого растения этого вида. Это явление получило название физиологической самостерильности растений. Мы изучали самоплодность при самоопылении путём

подсчёта плодов, завязавшихся под изолятором. В результате мы выделяем: высокосамоплодные растения, с хорошей самоплодностью, среднесамоплодные, с плохой самоплодностью, самобесплодные.

У жимолости физиология цветка характерна для перекрестно-опыляемых растений. Например, рыльце пестика выдвигается из цветка, когда он находится еще в состоянии бутона. Пыльники появляются позже – с раскрытием венчика. Этот момент происходит через половину суток после выхода пестика. Таким образом, можно выделить три резко различающиеся стадии развития цветка: бутона, раскрытого венчика с незрелой пыльцой и зрелым пестиком, цветка со зрелой пыльцой. Авторами были изучены цветки с незрелыми и зрелыми пыльниками. Незрелые пыльники больше по размеру, пыльца при постукивании по пыльнику не осыпается. Измерение основных частей этих цветков у трех различных форм показало различие в их размерах. Так, у незрелых цветков их длина меньше на 1 – 3 мм, чем у зрелых, диаметр вен-

чика меньше на 8 – 9 мм, длина лепестка – 1 мм, пестика – 2 – 3 мм, тычиночной нити – 2 – 9 мм, пыльников – больше на 1 мм. Не выявлено различий в диаметре трубки, образованной срастанием оснований лепестков, и ширине лепестков. Таким образом, после раскрытия венчика еще происходит рост частей цветка: лепестков, пестика, и, особенно, тычиночной нити. У незрелых цветков тычинки скрыты в венчике, их длина на 1 – 2 мм меньше длины венчика и на 1 – 3 мм пестика. Длина пестика превышает длину венчика на 1 – 2 мм на всех трех стадиях развития цветка. Таким образом, пестик постоянно возвышается над цветком, что способствует лучшему восприятию пыльцы. Поскольку есть промежуток времени, когда пестик еще восприимчив к пыльце и пылят тычинки этого же цветка, то возможность самоопыления не исключена. При свободном опылении завязываемость ягод у разных форм составила 84 – 99 %. Высокие показатели у сорта Синяя птица.

Изучение самоплодности растений розы морщинистой показало, что они не завязали плодов в условиях самоопыления, то есть они самобесплодны. При свободном опылении насекомыми в разноразных насаждениях завязываемость была высокая от 50.25 до 96.5 ± 1.50 %.

Задание 4. Экспериментальное изучение особенностей эффективного семенного и вегетативного размножения растений, влияния различных условий на прорастание семян.

Выполнение данного задания позволяет рассмотреть различные способы посева семян, вегетативного размножения, которое позволяет наиболее полно сохранить в потомстве хозяйственно ценные признаки и свойства материнского растения, научиться осуществлять стратификацию семян различных растений. Мы изучали особенности семенного размножения жимолости (*Lonicera* L.) подсемейства синей (*Caeruleae*). Семена извлекают из полностью созревших плодов, снятых с раннеспелых, лучших по качеству и урожаю растений. Собранные плоды помещают в марлевый мешочек, раздавливают и промывают под струей воды. Отмытые семена раскладывают на листе бумаги и высушивают в комнатных условиях. Семена жимолости мелкие, поэтому их лучше высевать в посевные ящики, наполненные смесью из равных частей перегноя, дерновой земли и песка. Сеют их весной, осенью и сразу после сбора плодов. Можно предложить студентам интересный способ проращивания и посева семян жимолости 3. Жолобовой [2; 7].

При весеннем посеве семена дают всходы через 40 – 50 дней. Перед посевом их стратифицируют. Мы проводили стратификацию следующим образом. Смешивали семена с речным песком в соотношении 1:3 и в течение месяца выдерживали на нижней полке бытового холодильника при температуре 5 – 6°C (50 дней). Другую часть семян в течение этого же времени стратифицировали в снегу. Семена из холодильника и снега во второй декаде апреля высевали в ящики. Посев проводили в неглубокие бороздки, расположенные через 5 см одна от другой. Заделывали семена песком на глубину 0,5 – 0,7 см. В фазе первых трех пар настоящих листьев (первая декада августа)

сеянцы распикировали по схеме 25 x 7 см. Стратифицированные семена при весеннем посеве всходят через 18 – 27 дней. Способ стратификации (в снегу, в холодильнике) на время появления всходов существенного влияния не оказывает. Сеянцы жимолости хорошо переносят пикировку. Высаженные в грунт даже с тремя парами листьев, они прижились на 98 %. Пересаживать однолетние сеянцы в грунт позднее конца июля – начала августа нецелесообразно. Если сеянцы слабые, их оставляют в ящиках до осени следующего года, а затем в 2-летнем возрасте высаживают в грунт по схеме 70 x 20 см. Можно рекомендовать летний посев семян, который проводят в начале июля свежими семенами, выделенными из ягод. Лучшие сеянцы переносим в сад.

Мы изучали вегетативное размножение шиповника и жимолости. Для выращивания сортового посадочного материала применяли зеленое черенкование в пленочной теплице, оборудованной туманообразующими устройствами. Методика зеленого черенкования – общепринятая [2; 7]. Зеленые черенки можно предварительно обработать слабыми растворами ростовых веществ (гетероауксином с концентрацией 0.01 %) [5]. Укореняемость растений жимолости в наших опытах составила 15 до 78 % в зависимости от сорта (рис. 2).

В местах естественного произрастания съедобных видов синей жимолости целесообразно отбирать лучшие по комплексу хозяйственных признаков растения и переносить их в сад. Различные виды и сорта легко скрещиваются между собой, что предоставляет редкую возможность иметь свои собственные сорта.

В последние годы, в связи с расширением базы экспериментальных исследований вуза, в практику введены физические методы оценки состояния растений: хроматографический и спектроскопический. С их помощью можно отслеживать движение химических элементов и соединений в органеллах клетки, изучая физиологические процессы на внутриклеточном уровне.

Навыки исследовательской работы в природных условиях, выработанные обучающимся в сфере естествознания, в дальнейшем будут востребованы специалистами в будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, использование различных методов исследования при проведении полевой практики по физиологии растений и системная организация экспериментальных и прикладных работ способствует повышению эффективности научной и учебно-методической деятельности и позволяет лучше подготовить студентов к будущей профессиональной работе.

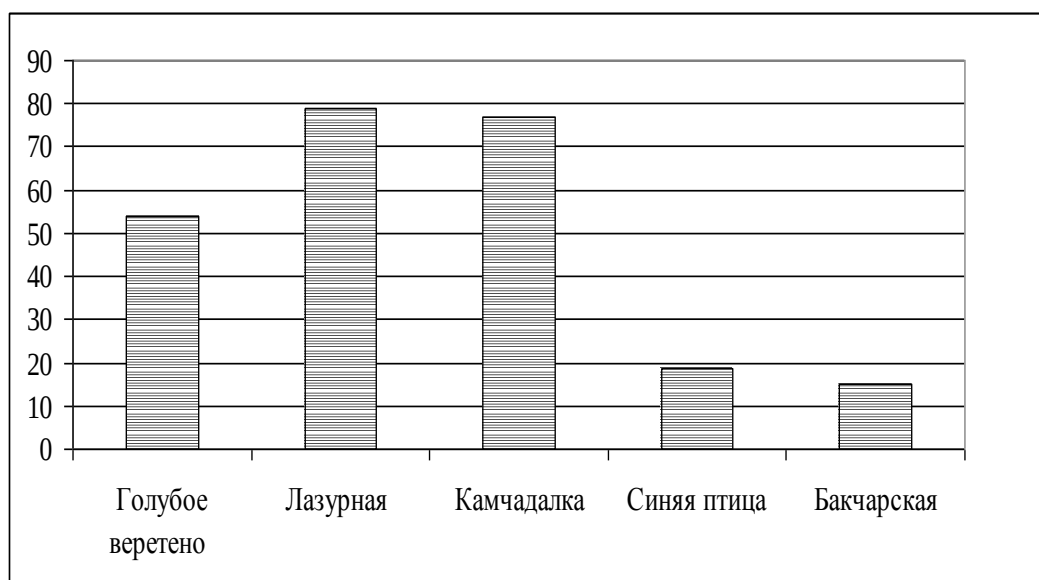

Рис. 2. Укореняемость различных сортов жимолости

Литература

1. Гидзюк И. К. Жимолость со съедобными плодами. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 166 с.
2. Жолобова З. П. Основы промышленной культуры синей жимолости в Сибири // Садоводство и виноградарство. 1990. № 8. С. 23 – 25.
3. Зими́на Е. В., Кукушкин И. А. Методика изучения темы «Рост и развитие растений» на полевой практике по физиологии растений // Новый взгляд. Международный научный вестник: сборник научных трудов. Вып. 4 / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. С. 7 – 19.
4. Кузнецов Вл. В., Дмитриева Г. А. Физиология растений. М.: Высшая школа, 2006. 742 с.
5. Кукушкина Е. В., Кукушкин И. А. Использование стимуляторов роста растений в курсе биологии средней и высшей школы // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Вып. 6. Ставрополь: Логос, 2013. С. 30 – 37.
6. Кукушкина Е. В., Кукушкин И. А. Особенности онтогенеза жимолости и шиповника в Приамурье // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Вып. 3. Ставрополь: Логос, 2012. С. 9 – 18.
7. Маненков К. С. Сам себе питомниковод. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. 96 с.
8. Программа и методика селекции плодовых, ягодных и орехоплодных культур. Орел: Изд-во Всероссийского научно-исследовательского института селекции плодовых культур, 1995. 502 с.
9. Якушкина Н. И., Бахтенко Е. Ю. Физиология растений. М.: Владос, 2004. 464 с.

Информация об авторах:

Зими́на Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности, биологии и химии Амурского Гуманитарно-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре, elena_dvkoms@mail.ru.

Elena V. Zimina – Senior Lecturer at the Department of Life Safety, Biology and Chemistry, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur.

Кукушкин Игорь Анатольевич – доцент кафедры географии Амурского Гуманитарно-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре.

Igor A. Kukushkin – Assistant Professor at the Department of Geography, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2014 г.

**ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «ЛЫСЫЙ БУХТАЙ» («ЧУМАЙСКИЙ БУХТАЙ»):
ФАУНА, ФЛОРА, ПРИРОДООХРАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
Н. В. Скалон, А. Г. Егоров, Д. В. Суцёв, Г. И. Яковлева**

**NATURAL SITE «LYSIY BUKHTAY» («CHUMAYSKY BUKHTAY»):
FAUNA, FLORA, NVIRONMENTAL VALUE
N. V. Skalon, A. G. Egorov, D. V. Sushchev, G. I. Yakovleva**

В статье впервые приводится комплексное описание памятника природы «Лысый Бухтай» из группы Чумайских Бухтаев, организуемого в Чебулинском районе Кемеровской области в среднем течении р. Кия. Рассматриваются геологические особенности, климат, почвы, растительный и животный мир, природоохранное значение новой особо охраняемой природной территории (ООПТ), её значения для сохранения этого уникального геологического памятника природы, редких видов растений и животных в долине Кии на юго-западной границе Чулымского плато и северо-восточных предгорий Кузнецкого Алатау.

The paper introduces the description of the natural complex of «Lysiy Bukhtay» site that is being organized in the Chebulinsky district of Kemerovo region in the middle reaches of the river Kiya. The authors consider the geological features, climate, soils, plant and animal life and environmental value of the new designated conservation area, its value for the preservation of the unique geological site, rare species of plants and animals, and the biological diversity in the Kia's valley on the southwest border of the Chulym plateau and the northeast foothills of the Kuznetsk Alatau.

Ключевые слова: памятник природы, редкие виды растений и животных, сохранение уникальных геологических объектов, сохранение биологического разнообразия.

Keywords: natural site, rare species of plants and animals, preservation of unique geological objects, preservation of biological diversity.

В среднем течении р. Кия, в Чебулинском районе Кемеровской области, недалеко от впадения в неё р. Чумай, в окрестностях старинного сибирского села Чумай имеется три уникальных геологических образования вулканического происхождения под названием Чумайские Бухтаи, два из них: Кондовый Бухтай и Лысый Бухтай – остатки жерлового аппарата вулканического процесса девонского периода. Эти горные возвышения остались после размытия и уничтожения горных цепей, простиравшихся с юга от центральных частей горной системы Кузнецкого Алатау на северо-запад.

Лысый Бухтай, самый северный из этих горных останцев расположен в 1,5 км к северо-востоку от п. Чумай. Это одинокая возвышенность конусообразной формы, поднимается над левым равнинным берегом р. Кия на 50 м. и имеет высоту 211,8 м над у. м., координаты 55°44' с. ш. и 87°40' в. д.

Лысый Бухтай так же известен как «Барабинский» или «Чумайский». Происхождение названия «Барабинский» упоминаемое в краеведческой литературе, не совсем понятно и вносит географическую путаницу, поскольку всем известны обширная Барабинская равнина, Барабинские озёра, г. Барабинск лежащие в 600 км западнее, в центре южной половины Западно-Сибирской низменности.

Самый южный из Бухтаев, расположенный на правом берегу р. Кия, носит название «Кондовый». Он находится на территории региональной ООПТ – Чумайско-Иркутяновского государственного заказника. Между Лысым и Кондовым Бухтаем, у д. Карачарово, расположен небольшой Карачаровский Бухтай с иным геологическим строением.

Точного объяснения слова «бухтай» найти не удалось. Предположительно это производное от звукоподражательного слова «бұхатъ» – громко стучать или «бухтеть» – ворчать, что могло образно переда-

вать звуки исходящие от горы в половодье, когда камни и быстрая вода ударялись о скалистый склон горы, создавая то сильный грохот, то ворчливый шум.

«Лысый Бухтай» – оригинальное название, отражающее облик поднятия, макушка которого «лысая» – лишена древесной растительности и покрыта каменной степью, что не характерно для предгорий Кузнецкого Алатау. Именно это название мы считаем предпочтительным для создаваемого памятника природы.

Все три Бухтая имеют степные участки, но именно на «Лысом» они – наибольшей площади, разнообразнее и представляют особенный интерес в ботаническом и зоологическом отношениях.

В физико-географическом отношении Чумайские Бухтаи располагаются на северо-восточной границе Кузнецко-Салаирской горной области и юго-западной оконечности Чулымской равнины, входящей в состав Чулымо-Енисейской впадины – одной из морфоструктур Западно-Сибирской равнины.

По геоморфологическому строению территория Чулымской равнины представляет собой пластовую денудационную равнину, выработанную в отложениях юры, мела и палеогена. Современная поверхность равнины наследует структурный план мезо-кайнозойского чехла Западно-Сибирской плиты: она наклонена на северо-запад и состоит из нескольких субширотно ориентированных ступеней. Это подчеркивается рисунком конфигурации долин правых притоков Кии. В рельефе равнины преобладает плоско-волнистый и полого-увалистый рельеф [6].

Климат этой территории резко континентальный. В агроклиматическом отношении окрестности памятника природы находятся в умеренно-прохладном, увлажненном агроклиматическом подрайоне, протянувшимся узкой полосой вдоль восточных предгорий Кузнецкого Алатау. За период с температурами выше +10°C накапливается сумма температур 1600 – 1800°C,

что позволяет успешно выращивать здесь многие сельскохозяйственные культуры. За год выпадает 450 – 550 мм осадков. Наибольшее количество осадков выпадает летом с максимум в июле, наименьшее – в феврале. Безморозный период начинается в конце третьей декады мая и заканчивается в конце первой декады сентября.

Зима холодная, средняя температура января -18° -20°C , абсолютный минимум достигает -57°C . Средняя из наибольших декадных высот снежного покрова составляет 30 – 60 см.

Лето теплое, со средней температурой июля $+20^{\circ}$ $- +22^{\circ}\text{C}$, абсолютный максимум $+38^{\circ}\text{C}$. Господствующие ветры северо-западные [1].

Почвы. Преобладающие типы почв – серые и темно-серые лесные, местами оподзоленные и выщелоченные черноземы, дерново-карбонатные, дерново-подзолистые глинистого и суглинистого механического состава, пятнами хрящеватые. Аллювиальные почвы в прирусловой части поймы р. Кия богаты органическими веществами и элементами зольного питания. Луговые почвы приурочены к пониженным элементам рельефа: по террасе и в пойме р. Кия Почвообразующими породами служат аллювиальные и древнеаллювиальные послеледниковые отложения [17].

Гидрологические условия. Памятник природы находится на левом берегу реки Кия, которая является правым притоком р. Чулым. Кия берет начало в северных отрогах Кузнецкого Алатау (район гольца Чемадан и горы Медвежья), выходя на равнину, расчленяет Причулымское плато и впадает в Чулым уже в пределах Томской области. Направление течения Кии с юго-востока на северо-запад, протяженность около 550 км, площадь водосбора – 32,2 тыс. км². Основные источники питания Кии и её притоков снеговое (зимние осадки) и грунтовое, формирующие соответственно около 70 и 25 % годового стока.

В предгорьях Кузнецкого Алатау режим реки носит переходный характер, долина хорошо разработана, с умеренно крытыми склонами, пойма частично заболочена. Русло реки песчано-галечное, зарастающее. Средняя скорость течения в паводок равна 0,8 – 3 м/сек., в межень 0,2 – 0,6 м/сек. В своём среднем течении Кия характеризуется высокой волной весеннего половодья и повышенной летней меженью [2; 6].

Растительный мир. Чумайские Бухтаи находятся на территории Тисульско-Берчикульского лесостепного ботанико-географического района и Тисульского степного подрайона. Исходный облик растительного покрова подрайона формировала типичная лесостепь с преобладанием остепненных суходольных лугов, чередующихся с участками щебнистых степей на южных крутых склонах возвышенностей [10]. Степи располагаются на маломощных щебнистых дерново-карбонатных почвах с близким подстиланием скальных пород. Щебнистость и маломощность профиля снижают водоудерживающую способность почвы и усиливают аридность местообитаний. Зимой неглубокий снеговой покров в 10 – 20 см способствуют глубокому и длительному промерзанию всего почвенного профиля, по этому степи на склонах Чумайских Бух-

таев находятся в более аридных условиях, чем в Кузнецкой котловине.

Примечательно, что на небольшой территории Лысого Бухтая отчетливо выделяется несколько вариантов степной растительности. На вершине распределены участки ковыльный степи. В верхней части склонов южной и юго-западной экспозиций располагаются различные варианты петрофитных (каменистых) степей. Средние и нижние части этих склонов занимают разнотравно-ковыльные и овсецово-ковыльные степи. У подножия – варианты разнотравно-злаковых степей с разреженными кустами таволги зверобоелистной (*Spiraea hypericifolia*) и кизильник черноплодный (*Cotoneaster melanocarpus*). На западном склоне преобладают разнотравные степи и злаково-разнотравные остепненные луга. Мозаику растительного покрова дополняют участки разреженного березового леса, сформированного березой повислой (*Betula pendula*), чередующееся с зарослями кустарников на склонах северной и восточной экспозиции.

Флористический состав кустарниковых зарослей довольно пестрый и состоит из смеси лесной и луговой флоры, а на южном обрывистом склоне – степной флоры при постоянном участии некоторого количества факультативных и облигатных петрофитов. Из кустарников доминирует карагана древовидная (*Caragana arborescens*), во втором кустарниковом подъярусе – таволга средняя (*Spiraea media*) и кизильник черноплодный (*C. melanocarpus*). Выходы скальных пород, постоянно присутствующие в местообитаниях кустарниковых зарослей и часто занимающие значительную площадь (до 20 – 30 % поверхности почвы), создают мозаику микроусловий, позволяющую произрастать в одном сообществе видам с различными экологическими требованиями от гигрофитов до настоящих ксерофитов. Видовое разнообразие высших сосудистых растений может достигать 100 – 110 видов на 100 кв. м. Антропогенное воздействие незначительное – следы низовых пожаров прошлых лет, местами, в нижней части склонов, поправа скотом.

Часто отдельные степные участки содержат виды, не встречающиеся на соседних, сходных с ним по экологии, что подтверждает реликтовый характер степей и свидетельствует об их изоляции. Именно в этих сообществах отмечены многие виды растений, занесенные в Красную книгу Кемеровской области [9].

Всего флора Лысого Бухтая содержит 345 видов высших сосудистых растений. Из них 9 видов являются эндемиками юга Сибири, 11 видов занесены в Красную книгу Кемеровской области (2012).

Так на южном склоне под каменистыми обнажениями произрастает одна из двух, отмеченных на территории Кемеровской области ценопопуляций патринии скальной *Patrinia rupestris* (Pall.) DuRoi., Ви находится под угрозой исчезновения – категорией 1. Численность в популяции невелика, растения встречаются плотными группами, преобладают старовозрастные генеративные особи. К категории 2 – сокращающиеся в численности относятся: лук Водопьяновой (*Allium vodopjanovae* Friesen) обитает в каменистой степи, необилён; ковыль Залесского (*Stipa zalesskii* Wilensky) единично отмечается в разнотравно-ковыльной степи; чий смешиваемый (*Achnatheum confusum* (Litv.) Tzvel.) единично встречается в разнотравно-ковыльных и кустар-

никовых степях; первоцвет поникающий (Зибольда) (*Primula patens* (Turcz.) E. Busch) единично отмечен по опушке березового леса; прострел Турчанинова (*Pulsatilla turczaninowii* Kryl. et Serg.) единично отмечен в каменистой степи; эфедра односеменная (*Ephedra monosperma* C. A. Mey.) единично отмечена в каменистой степи. Категория 3 – редкий вид: касатик приземистый (*Iris humilis* Georgi) небольшими группами встречается в каменистой степи; кандык сибирский (*Erythronium sibiricum* (Fisch. et C. A. Mey.) Kryl.) отмечен в березовом лесу по северному склону, необилён; ковыль перистый (*Stipa pennata* L.) произрастает в разнотравно-ковыльных, каменистых и кустарниковых степях; водосбор сибирский (*Aquilegia sibirica* Lam.) встречается единично по опушке березового леса.

Животный мир. Фауна окрестностей памятника природы «Лысый Бухтай» в целом типична для предгорий и низкогорий северо-восточной оконечности Кузнецкого Алатау и среднего течения р. Кия.

Территория непосредственно геологического образования «Лысый Бухтай» в основании около 2 га, резко выделяется на фоне окружающего ландшафта. Его северный более пологий склон представляет собой разнотравно-злаковый луг с типичной луговой фауной. Вершина, южный и юго-западный склоны – заняты каменистой степью, в нижней части склона с разреженными кустарниковыми зарослями караганы и таволги, со своеобразной степной фауной беспозвоночных животных. Вместе с тем, в виду незначительной площади степной территории характерные для степи позвоночные животные отсутствуют, и сюда заходят виды, из соседних лесостепных ландшафтов – лугов, берёзовых колков и зарослей прибрежной растительности. С севера и запада к подножью возвышенности прилегают пастбища и сенокосные луга. Равнинная часть памятника природы площадью так же около 2 га, примыкает к Бухтаю с юга и востока. Это берег и пойма основного русла Кии и отходящих от него стариц с открытыми галечными пляжами и приречными зарослями ив, берёз, тополей и с фауной, характерной для интразональных биотопов. С точки зрения сохранения разнообразия животных наибольший интерес территория памятника природы представляет для сохранения беспозвоночных животных, в особенности насекомых, которые здесь многочисленны и разнообразны.

Фауна беспозвоночных животных памятника природы «Лысый Бухтай» и его окрестностей пока исследована недостаточно и фрагментарно. Однако такие отряды насекомых, как стрекозы, прямокрылые, жесткокрылые и булавовусые чешуекрылые изучена более полно [5; 13 – 16].

Отряд Стрекозы. Близость главного русла реки Кия и цепочки озёр-стариц в старом русле Кии определяет благоприятные условия для размножения как рифильных, так и лимнофильных видов стрекоз, что обуславливает достаточно разнообразие одонатофауны на территории памятника природы «Лысый Бухтай» и в его ближайших окрестностях. По берегу Кии встречаются: *Calopteryx splendens* – красотка блестящая; многочисленны, но разнообразны коромысла – *Aeschna squamata*, *Aeschna juncea*, *Aeschna coluberculata* Hart. *Aeschna viridis*, *Aeschna serrata*, *Aeschna crenata*. На ис-

следуемой территории обычны: *Libellula quadrimaculata* – стрекоза четырёхпятнистая, сжатобрюхи – *Sympetrum sanguineum* и *Sympetrum meridionale*, зелёнотелка металлическая – *Somatochlora metallica*; стрелки – *Coenagrion hastulatum*, *Coenagrion lanceolatum*, красноглазка – наяда – *Erythromma najas*, меняшки – *Enallagma risi*, *Enallagma strouhali*, *Enallagma cyathigerum*, лютка-дриада *Lestes dryas*, лютка-невеста – *Lestes sponsa*.

Отряд Прямокрылые имеет большое экологическое и хозяйственное значение. На территории памятника природы «Лысый Бухтай» прямокрылые разнообразны, многочисленны и представлены: кузнечиками, прыгунчиками и саранчовыми.

Из длинноусых прямокрылых (семейство Кузнечиковые – *Tettigoniidae*), отмечено 6 видов, что составляет половину фауны кузнечиков Кемеровской области: пилхвост восточный *Poecilimon intermedius*, кузнечик певчий *Tettigonia cantans*, кузнечик Седакова *Gampsocleis sedakovi*, кузнечик серый *Decticus verrucivorus*, скачок двухцветный *Bicolorana bicolor* и скачок зелёный *Bicolorana (Roeseliana) roeselii*. Все они на исследованной территории вполне обычны, но не многочисленны. Кузнечики серый и Седакова отмечены только на южных и западных остепнённых склонах Бухтая. Мелкие кузнечики – скачки в значительной степени делят территорию по градиенту влажности. Скачок зелёный занимает наиболее увлажнённые и пониженные части рельефа.

Из короткоусых прямокрылых отмечены прыгунчики и саранчовые. Семейство Прыгунчиковые – *Tetrigidae* на территории памятника природы представлены 2 видами: прыгунчик узкий *Tetrix subulata* и прыгунчик короткоусый *Tetrix bipunctata*. Оба вида найдены на берегу старого русла Кии.

Представители семейства Саранчовых (*Acrididae*). На территории памятника природы отмечено 12 видов саранчовых, большинство из которых обитают на злаковых и разнотравных лугах. Высокий и густой травостой у подножья Бухтая и по его северному склону населяют: зеленчук короткокрылый *Euthystira brachyptera*, зеленчук непарный *Chrysochraon dispar*, травник зелёный – *Omocestus viridulus*. Кобылка темнокрылая – *Stauroderus scalaris* предпочитает более сухие, прогреваемые склоны. Конёк изменчивый – *Glyptobothrus biguttulus* населяет всю территорию, включая каменистый пляж берега реки, опушки лесных насаждений, луга и остепнённые склоны бухтая до его вершины. Это один из самых массовых видов как естественных, так нарушенных территорий. На исследуемой территории обычны: конек малый – *Glyptobothrus mollis*, конек бурый – *Chorthippus apricarius*, конек восточносибирский *Chorthippus fallax*, конек короткокрылый – *Chorthippus parallelus*. Кобылка белополосая – *Chorthippus albomarginatus* встречена только на сенокосных лугах и пастбищах, примыкающих к подножью Лысого Бухтая, при этом на стравленных лугах и пастбищах её численность возрастает. Кобылка Скалозубова – *Celes scabozubovi* – редкий вид для Чебулинского района, отмечена только в каменистой степи на южном склоне.

Отряд Жесткокрылые или Жуки – обширный отряд насекомых освоивший разнообразные природные местообитания и играющий важную роль в наземных экосистемах. Памятник природы «Лысый Бухтай» характеризуется луговыми, остепненными и степными местообитаниями, что и определяет видовой со-

став жуков населяющих данную территорию. В настоящее время имеются только первые сборы жуков по территории памятника природы, для выявления полного списка фаунистические исследования должны быть продолжены. Наибольший природоохранный интерес представляют виды жуков степного комплекса, по этому именно на выявление степных видов было направлено основное внимание исследователей.

На исследуемой территории пока отмечено 7 видов жукелиц. Все они являются герпетобиятами – обитателями постилки. Пестряк шёлковый (*Poecilus sericeus*) и моховик блуждающий (*Calathus erratus*), являются типичными обитателями степных биотопов и в других местообитаниях не встречаются. Активными ночными хищниками являются: бегун черный (*Harpalus nigran*), бегун циклогон (*H. cyclogonus*), бегун широкий (*H. latus*) и бегун эквиколлис (*H. aequicollis*). Они обитают на разнообразных лугах, склонах холмов, прибрежных участках, в степных и остепненных биотопах. Бегун циклогон (*H. cyclogonus*) – редкий вид Кемеровской области, хотя в Красную книгу пока не внесён.

Из семейства Чернотелки (Tenebrionidae) на территории памятника природы «Лысый Бухтай» найден 1 вид – медляк мыслитель (*Blaps reflexa*). Типичный степной вид.

Семейство Малашки (Malachiidae) – это некрупные жуки, не более 7 – 8 мм в длину, подвижные, с мягкими покровами тела. Тело уплощено в спино-брюшном направлении и заметно расширено кзади. Окраска довольно разнообразная: чёрная, зелёная, синяя, жёлтая, оранжевая, часто с металлическим блеском. Многие виды с жёлтыми, красными пятнами или полосами на вершине надкрылий. Жуки встречаются на травянистой растительности и кустарниках, чаще на цветах, где питаются пыльцой. Личинки – активные хищники, нападают на тлей и других насекомых. На исследуемой территории найдена малашка-соседка (*Clanoptilus affinis*). Это обычный обитатель опушек леса, разнообразных лугов и степей. Активный дневной хищник, питается мелкими насекомыми, включая тлей.

Из семейства Нарывники (Meloidae) отмечен 1 вид – шпанка большеголовая (*Epicauta megaloccephala*). К нарывникам относятся жуки средней и крупной величины, обыкновенно ярко окрашенные. Многие имеют отпугивающую окраску, предупреждая потенциальных хищников об их ядовитости. Шпанка большеголовая – чисто степной вид, населяющие разнообразные степные биотопы. Взрослые жуки растительноядные. Личинки питаются кладками яиц саранчовых прямокрылых, разыскивая их в почве.

Из семейства Божьи коровки (Coccinellidae) выявлена коровка люцерновая двадцатичетырехточечная (*Subcoccinella vigintiquatuor punctata*). Этот вид обитает в степных и остепненных местообитаниях. На исследуемой территории отмечена только на южном и юго-западном склона Лысого Бухтая. В отличие от большинства видов божьих коровок не является хищником, и питается бобовыми растениями. Местами коровка люцерновая может выступать вредителем сельскохозяйственных культур.

Отряд Чешуекрылые (Lepidoptera). На территории памятника природы были проведены исследования только подотряда Дневные чешуекрылые (Diurna или Rhopalocera). На территории памятника природы «Лы-

сый Бухтай» найдено 43 вида дневных бабочек: толстоголовки (Hesperiidae) – 3 вида, парусники (Papilionidae) – 2, белянки (Pieridae) – 7, сатириды (Satyridae) – 8, голубянки (Lycaenidae) – 10 (и нимфалиды (Nymphalidae) – 13 видов. Большинство выявленных бабочек, 36 видов, широко распространены на территории Кемеровской области: толстоголовка морфей (*Heteropterus morpheus*), толстоголовка тире (*Thymelicus lineola*), толстоголовка симилис (*Ochlodes similis*), хвостоносец махаон (*Papilio machaon*), беляночка горошковая (*Lepidea sinapis*), боярышница (*Aporia crataegi*), белянка капустная (*Pieris brassicae*), белянка репная (*Pieris rapae*), белянка брюквенная (*Pieris napi*), белянка рапсовая (*Pontia edusa*), желтушка луговая (*Colias hyale*), пеструшка обыкновенная (*Neptis rivularis*), крапивница (*Aglais urticae*), павлиний глаз (*Inachis io*), пестрокрыльница изменчивая (*Araschnia levana*), шашечница аталия (*Melicta athalia*), шашечница бритомарта (*Melicta britomartis*), шашечница Менетрие (*Melicta menetriesi*), перламутровка адиппа (*Fabriciana adippe*), перламутровка аглая (*Mesoacidalia aglaja*), перламутровка таволжанка (*Brenthis ino*), перламутровка полевая (*Issoria lathonia*), сенница луговая (*Coenonympha glycerion*), сенница памфил – *Coenonympha pamphilus*, сенница эдип – *Coenonympha oedippus*, бархатница ликаон – *Hyperophephe lycaon*, глазок цветочный (*Aphantopus hyperantus*), бархатница дриада (*Minois dryas*), червонец огненный (*Heodes virgaureae*), голубянка аргиад (*Everes argiades*), голубянка аргиюлюс (*Celastrina argiolus*), голубянка аргус (*Plebejus argus*), голубянка аргирогномон (*Plebejus argyrognomon*), голубянка аллоус (*Aricia allous*), голубянка Икар (*Polyommatus icarus*), голубянка аманда (*Polyommatus amanda*). Эти виды обладают высокой пластичностью, встречаются в разнообразных местообитаниях, предпочитая луговые биотопы. Непосредственно в степях встречаются редко, обычно пролетом, предпочитая занимать более увлажнённые и пониженные части рельефа.

Остальные виды бабочек, отмеченные на территории памятника природы и особенно важные для сохранения биологического разнообразия степных фрагментов ландшафта северо-востока Кемеровской области и Чебулинского района образуют экологическую группу, предпочитающую более сухие местообитания и встречающиеся в различных степях и на остепненных лугах. К ним относятся 7 видов дневных бабочек: аполлон обыкновенный (*Parnassius apollo*), шашечница дидима (*Melitaea didyma*), шашечница Феба (*Melitaea phoebe*), бархатница автономия (*Hipparchia autonoe*), русская кружевница (*Melanargia russiae*), голубянка Фишера (*Tongeia fischeri*) и голубянка дамон (*Agrodiaetus damon*).

Из этих видов редкими, как на исследованной территории, так и в целом по Кемеровской области, являются аполлон обыкновенный (*P. apollo*) – внесен в Международную Красную книгу, Российскую красную книгу и в Красную книгу Кемеровской области (2012) [9], а кроме того, бархатница автономия (*Hipparchia autonoe*) – была включена в Красную книгу Кемеровской области (2000), русская кружевница (*Melanargia russiae*) – была включена в Приложение в Красной книге Кемеровской области (2000) [7].

Анализируя особенности распределения беспозвоночных животных на территории памятника при-

роды «Лысый Бухтай», предварительно можно сделать вывод, что наибольшим своеобразием отличаются сообщества беспозвоночных каменистой степи южного и западного склонов, богато представлены луговые виды и виды прибрежного комплекса.

Фауна позвоночных животных. По предварительным данным, полученным в том числе при обследовании соседнего Чумайско-Иркутяновского заказника, на этой территории (среднее течение Кии и прилегающие горно-таёжные и равнинные лесостепные районы) обитает около 250 видов позвоночных животных, в том числе: 1 вид круглоротых, 22 вида рыб, 3 вида амфибий, 4 вида рептилий, более 170 видов птиц и 55 видов млекопитающих [3 – 4; 11 – 12].

Несмотря на богатство фауны окружающих ландшафтов, разнообразие позвоночных животных крупных и средних размеров на территории памятника природы не велико из-за его небольшой площади, близости памятника природы к населённому пункту и сельскохозяйственной освоенности его ближайших окрестностей. Ввиду выше указанных причин на этой территории нет условий для обитания большинства видов птиц крупного и среднего размера, а так же для видов таёжной фауны.

В реке Кия обитает богатая ихтиофауна, но поскольку акватория не включается в территории памятника природы, рыбы в фаунистическом описании отсутствуют. Вмесе с тем, несмотря на малую площадь здесь представлено большинство видов мелких млекопитающих и мелких воробьиных птиц, характерных для лесостепных ландшафтов долины р. Кия.

Фауна амфибии памятника природы «Лысый Бухтай» и его окрестностей характерна для севера Кемеровской области. Она представлена двумя наиболее обычными и широко распространенными видами: обыкновенной жабой и остромордой лягушкой.

Фауна рептилий исследованной территории бедна. Пока выявлено обитание только живородящей ящерицы, которая отмечена на опушке леса и по краям лугов. В прошлом здесь, вероятно всего, обитала обыкновенная гадюка. В настоящее время она обнаружена на противоположном правом берегу Кии.

Фауна птиц. Видовой состав птиц типичен для лугов, зарослей ивняков и мелколиственных берёзовых лесов Кемеровской области. Орнитофауна имеет много схожего с территорией Чумайско-Иркутяновского заказника. Большинство птиц крупных и средних размеров тяготеют к берегу р. Кия и к водоёмам в её старом русле. Фоновыми видами орнитофауны являются, из дневных хищников коршун и обыкновенная пустельга. Встречаются полевой лунь. На скальном обрыве южного склона Лысого Бухтая примечательно гнездование сокола – чеглока. Из сов в берёзовых колках отмечена ушастая сова, на лугах и полях – болотная сова. Поздней осенью, в начале зимы и весной на открытых местах появляется белая или полярная сова внесенная в Красную книгу Кемеровской области (2012) [9].

Для берега Кии характерны представители куликов (малый зуёк, черныш, перевозчик), на лугах и пастбищах гнездится чибис, по окраинам колков азиатский бекас, а во время полёта на берегу Кии встречается до 10 видов куликов и 6 видов уток (кряква, чирок – трескунок, чирок – свистунок, широконоска, шилохвость и

связь). Здесь так же обычны чайковые (сизая и речная чайки, речная крачка).

Врановые (серая ворона, сорока, ворон, в летнее время грач, в зимнее время чёрная ворона), тяготеют к посёлку Чумай и к местам выпаса и содержания крупного рогатого скота. В колках отмечены большая горлица, клintух, обыкновенная и глухая кукушки, иволга, дрозды (рябинник, певчий, белобровик), вертишейка, большой пестрый и белоспинный дятлы, в приречных зарослях Кии – седой дятел.

На исследованной территории хорошо представлены птицы кустарникового и лугового комплекса: коростель, перепел, полевой жаворонок, европейский жулан, певчий сверчок, садовая камышевка, серая славка, славка-завирушка, черноголовый и луговой чеканы, северная бормотушка, варакушка, обыкновенная чечевица, коноплянка, черноголовый щегол.

Характерны мелкие воробьиные птицы лесостепного и лугового комплексов: черноголовый и луговой чеканы, лесной конёк, пеночка – теньковка, обыкновенная горихвостка, мухоловка-пеструшка, большая синица, москковка, длиннохвостая синица, коноплянка, черноголовый щегол, зяблик, седоголовая и обыкновенная овсянки. По открытым берегам Кии обычны белая и жёлтая трясогузки, в ивняках – обыкновенный соловей и урагус.

Фауна млекопитающих. Несмотря на высокую степень антропогенного воздействия такие достаточно крупные звери как косуля и лисица периодически посещают эту территорию, а мелкие куньи – колонок, ласка, американская норка и заяц-беляк встречаются регулярно и могут здесь размножаться. В основном фауна млекопитающих представлена землеройками (7 видов) и мышевидными грызунами (8 видов). Из грызунов на полях и лугах обитает обыкновенный хомяк, 4 вида полёвок и 3 вида мышей. При этом полевая мышь и мышь – малютка тяготеют к полям, а восточно-азиатская мышь к кустарниковым зарослям по южному и западному склонам.

Антропогенное влияние. Территория памятника природы расположена всего в 1,5 км от с. Чумай, на берегу р. Кия. У его подножья расходятся между собой основное русло и одно из старых русел, порождающее цепочку стариц. Возвышенность и её окрестности со стороны Кии часто посещаются отдыхающими местными жителями и туристами, сплывающими по реке. Однако следов их пребывания остаётся не много. Вдоль берега реки они смыываются в половодье. С севера и запада к самому подножью памятника природы примыкают активно эксплуатируемые сельскохозяйственные угодья – пастбища, сенокосы и поля. Вместе с тем относительно большая крутизна склонов и преобладание на них петрофитных вариантов степей и зарослей кустарников свели к минимуму антропогенное использование территории. Здесь не ведётся ни распахивка, ни сенокосение. Выпас скота затрагивает только нижние части склонов. Всё это позволило степным сообществам сохраниться в относительно нетронутом состоянии и данная территория – один из лучших сохранившихся степных участков в бассейне р. Кия.

Комплексный памятник природы «Лысый Бухтай» станет важным элементом в системе региональных ООПТ Кемеровской области. В настоящее время эта

территория стихийно привлекает отдыхающих. С организацией ООПТ рекреационный процесс может стать более упорядоченным, после установления информационных щитов и аншлагов и более информационным для посетителей.

Небольшой по площади памятник природы позволяет сохранить уникальный геологический объект и сформировавшийся здесь в условиях своеобразного

микроклимата и определённой изоляции природный комплекс. Это особенно значимо в условиях высокой антропогенной нагрузки и сельскохозяйственной освоенности окружающих ландшафтов. Памятник природы будет иметь значение для сохранения биологического разнообразия, в первую очередь для охраны редких степных видов растений и беспозвоночных животных на северо-востоке Кемеровской области.

Литература

1. Агроклиматический справочник Кемеровской области. Л.: Гидрометеиздат, 1973. 142 с.
2. Архипов С. А., Вдовин В. В., Мизеров Б. В., Николаев В. А. Западно-Сибирская равнина. М.: Наука, 1970. 278 с.
3. Васильченко А. А. Птицы Кемеровской области. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 624 с.
4. Гагина Т. Н. Птицы Салаиро-Кузнецкой горной страны (Кемеровская область) // Вопросы экологии и охраны природы. Кемерово, 1979. С. 5 – 17.
5. Гагина Т. Н., Скалон Т. Н. К фауне стрекоз (Odonata) бассейна реки Кия и озера Большой Берчикуль // Труды русского энтомологического общества. Т. 78(2). (2007). СПб., 2008. С. 22 – 24.
6. Евсеева Н. С., Земцов А. А. Рельефообразование в лесоболотной зоне Западно-Сибирской равнины. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 241 с.
7. Красная книга Кемеровской области. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных / под ред. Т. Н. Гагиной, Н. В. Скалона. Кемерово: Кемеровское кн. издательство, 2000. 280 с.
8. Красная книга Кемеровской области. Т. 1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов / 2-е изд., перераб. и доп. / Т. Е. Буко, И. А. Горбунова, А. Г. Егоров [и др.] / под ред. А. Н. Куприянова. Кемерово: Азия-принт. 2012. 192 с.
9. Красная книга Кемеровской области Т. 2. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных. 2-е изд., перераб. и доп. / Н. В. Скалон, Т. Н. Гагина, Н. И. Еремеева [и др.] / под ред. Н. В. Скалона. Кемерово: Азия-принт, 2012. 208 с.
10. Куминова А. В. Растительность Кемеровской области. Новосибирск, 1949 (1950). 166 с.
11. Скалон Н. В. Земноводные и пресмыкающиеся Кемеровской области. Кемерово: Кузбасс; Скиф, 2005. 128 с.
12. Скалон Н. В. Рыбы Кемеровской области. Кемерово: Кузбасс; Скиф, 2009. 112 с.
13. Скалон О. Н., Скалон Н. В. Фауна прямокрылых (Orthoptera) Кузнецко-Салаирской горной области // Труды русского энтомологического общества. Т. 78(2). (2007). СПб., 2008. С. 73 – 80.
14. Скалон Т. Н., Скалон Н. В. Материалы по фауне стрекоз (Insecta, Odonata) Кузнецко-Салаирской горной области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3(51). С. 17 – 31.
15. Сущёв Д. В. Итоги изучения дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Diurna) Кузнецко-Салаирской горной области // Труды Русского энтомологического общества. Т. 78(2). СПб., 2008. С. 88 – 93.
16. Сущёв Д. В., Еремеева Н. И. Дневные чешуекрылые Кемеровской области. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 168 с.
17. Трофимов С. С. Экология почвы и почвенные ресурсы Кемеровской области. Новосибирск: Наука, 1975. 300 с.

Информация об авторах:

Скалон Николай Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии и экологии КемГУ, nskalon@kemsu.ru.

Nikolai V. Skalon – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Егоров Андрей Геннадьевич – кандидат биологических наук, заместитель директора МИП КемГУ, rekreo@mail.ru.

Andrey G. Egorov – Candidate of Biology, Deputy Director at the Small Innovative Enterprise of Kemerovo State University.

Сущёв Дмитрий Владимирович – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ, sushev@mail.ru.

Dmitry V. Sushchev – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Яковлева Галина Ивановна – эксперт-эколог, ведущий инженер МИП КемГУ.

Galina I. Yakovleva – environmental expert, leading engineer at the Small Innovative Enterprise of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ИСТОРИЯ

УДК 392.86; 656.025; 908

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СИБИРСКОГО ЧАЕПИТИЯ

Е. П. Ермачкова

ORIGIN AND DISSEMINATION OF THE SIBERIAN TEA DRINKING CULTURE

E. P. Ermachkova

Одним из источников духовных ценностей современных россиян является возрождение традиций и обычаев народов, проживающих на огромной территории нашей страны. Благодаря изучению новых архивных материалов, семейных хроник, литературы досоветского периода, которая в настоящее время хранится в крупнейших зарубежных библиотеках, появилась возможность выявить особенности культуры сибиряков с экономической, духовной, политической и социальной точки зрения. Процесс формирования западносибирского социума очень тесно был связан с торговлей, организованной по Сибирскому тракту и Великому чайному пути, как из Китая, так и центральной части России. В статье рассмотрены особенности расселения различных групп людей вдоль Сибирского тракта в границах Тобольской губернии, занятых поддержанием караванной торговли. Именно здесь и начала складываться культура сибирского чаепития, завезенная русскими и иноземными купцами и путешественниками, став в дальнейшем одним из показателей достатка, гостеприимства, просвещения. Новые традиции, связанные с застольем, нашли свое отражение в пословицах и поговорках, передаваемые из поколения в поколение, постепенно сближая городскую и сельскую культуру. Употребление различных сортов и видов чая противопоставлялось алкоголизму, охватившему сибирскую деревню в конце XIX в., но не дало тех результатов, на которые рассчитывало правительство и местная интеллигенция. С переходом к индустриальному обществу значительная часть традиций, в том числе и некоторых особенностей культуры чаепития, была утрачена, забыта. Поэтому сегодня особой популярностью пользуются труды известных кулинаров и ученых, раскрывающих основы пищевых пристрастий отдельных регионов, стран и континентов; краеведческие музеи организуют выставки и экспозиции, студенты и школьники изучают эти вопросы в рамках учебных программ.

Reviving traditions and customs of the peoples living in the huge territory of our country is one of the sources of cultural values of modern Russians. Studying new archival materials, family chronicles and the pre-Soviet literature which is now stored in largest foreign libraries provides the opportunity to reveal the economic, spiritual, political and social features of Siberians' culture. The formation of the West Siberian society was very closely connected with the trade organized on the Siberian path and the Great tea way, both from China and from the central part of Russia. The paper focuses on the features of various groups of people involved in caravan trade moving along the Siberian path in the borders of the Tobolsk province. It was there that the Siberian tea drinking culture emerged, imported by Russian and overseas merchants and travelers, to later become a symbol of prosperity, hospitality and education. The new traditions connected with feasting found the reflection in proverbs and sayings, transferred from generation to generation, gradually pulling together city and rural cultures. The use of various blends and types of tea was opposed to the alcoholism which captured the Siberian village in the late 19th century, but didn't yield the results on which the government and the local intellectuals counted. With transition to industrial society, considerable part of traditions including some features of tea drinking culture were lost and forgotten. Therefore today works of the famous culinary specialists and scientists opening bases of food addictions of certain regions, countries and continents enjoy special popularity; museums of local lore will organize exhibitions and expositions, school and university students study these questions within training programmes.

Ключевые слова: Сибирский тракт, чай, культура чаепития, ярмарка, таможня.

Keywords: Siberian path, tea, tea drinking culture, fair, customs.

В современной России с ее многонациональным составом, сложился особый стереотип сибиряка, сформированный за довольно короткий исторический период – чуть более четырех столетий. Представители различных конфессий, народов и этносов создали здесь собственную социокультурную среду, отличную от других регионов страны. Огромное влияние на ее формирование оказал не только суровый климат, но и общественно-историческая деятельность различных категорий населения, отправляющихся за Урал как прину-

дительно, так и в добровольно (служилых, военных, раскольников, крепостных крестьян, гулящих людей, обнищавших земледельцев и ремесленников из центральной России и с ее окраин). Поэтому следует отметить особую роль процессов заимствования и распространения культур переселенцев на социальное, экономическое и духовное развитие региона в целом.

Если в начальный период колонизации Сибири заселение проходило вдоль судоходных рек, то в дальнейшем основным становится сухопутный путь – Си-

бирский тракт, который неоднократно сокращался и «выпрямлялся». С 1760 г., когда Омск приобрел важное значение в Зауралье, он в очередной раз изменил свое направление с северного (через Тобольск, Тару) на южное и протянулся от границ Пермской губернии через Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск, Каинск в Восточную Сибирь. В Иркутске он разделялся на два направления: через Кяхту на Монголию и Китай, а затем через Забайкалье на Амур, а потом уже на Камчатку. Основной сухопутный путь на Камчатку шел через Братск и Якутск. Именно на южном направлении Сибирского тракта, от Тюмени вглубь Западной Сибири, основаны первые русские населенные пункты для обслуживания путешественников, разрастаясь в дальнейшем до крупных торговых сел и городов. К 1868 г. только в Тобольской губернии вдоль Сибирского тракта находилось 55 селений и 4 города (Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск), где проживало более 50 тыс. человек. Самая густонаселенная территория на этом участке оказалась в Ялуторовском, Ишимском и Омском округах. Таким образом, на протяжении каждой из 868 верст Сибирского тракта в границах губернии, проживал 61 чел.; селения находились в среднем на расстоянии 14,7 верст, в то время как почтовые станции – через каждые 28 верст [10, с. 142]. В отличие от других трактов региона, здесь располагались самые крупные населенные пункты: 4 с количеством жителей до 100 чел., 20 – до 500 чел., 25 – до 1 тыс. чел., 5 – до 1,5 тыс. чел и 1 – свыше 1,5 тыс. чел. Выгодное расположение обеспечивало постоянную занятость населения как гоньбой лошадей, так и содержанием постоянных дворов, лавочек с различными мелочными товарами.

Значительная часть главного Сибирского тракта проходила по левой ветви знаменитого Великого чайного пути – караванного маршрута XVI – XIX вв. между Азией и Европой, по которому из Китая в Россию доставляли чай (от Иркутска до Красноярска, Томска, Барабинска, Омска, Ишима, Тюмени, Москвы). Первые русские путешественники и купцы рассказывали, что в Поднебесной (Китае) этот напиток применялся исключительно как лекарство для избавления от различных болезней. До сих пор там существует пословица: «Каждая выпитая чашка чая разоряет аптекаря». Уже древние китайцы подметили, что напиток, приготовленный из сухой смеси чайных листьев, бодрит не только тело, но и ум, улучшал пищеварение, усиливал деятельность сердца и почек. При этом помнили, что свежий чай – это лекарство, старый чай – яд.

Появившись в Европе, чай приобрел как новых почитателей, так и ярых противников. Уже в 1635 г. немецкий лекарь С. Паули издал медицинский трактат, подробно описывая негативные последствия этого напитка. Он считал, что климат Европы совсем не подходит для чаепития и вообще, этот напиток приближает смерть его почитателей, особенно в возрасте старше сорока лет. Аналогичная книга «Чай и вред его для телесного здоровья, умственный нравственный и экономический» вышла в Вильно в 1874 г., где автор А. Владимиров, сетовал на этот «проклятый иноземный напиток, который может разорить народ своей дороговизной».

Русским путешественникам чай понравился. В 1659 г. московское посольство под руководством боярского сына И. Перфильева через Тобольск по Иртышу посетило Пекин, договорилось о взаимовыгодной торговле между государствами и привезло первые 10 пудов чаю. Из столицы мода на чай пошла по всему государству, и в первую очередь – в Сибирь. Постепенно здесь сложилась своя культура потребления этого напитка, сначала его употребляли исключительно как лекарство, мощное тонизирующее средство.

Начиная с 1728 г. была установлена «разменная» торговля в Кяхте между Россией и Китаем. К середине XIX в. ее обороты дошли до 16 млн руб., прибыль российской таможни при этом составила 5 млн руб. Кяхтинские товары (чай, сахар, ткани – шелковые, бумажные и даба (грубая, окрашенная во всевозможные цвета), специи) распространялись по всем сибирским верстам, обогащая торговлю на местных ярмарках и торжках. В 1755 – 1762 гг. через Кяхтинскую таможню провозили 5 – 7 тыс. пудов кирпичного (для простого народа) и 6000 пудов байхового (черного и цветочного) чая.

Еще в 1731 г. императрица Анна Иоанновна распорядилась по всем сибирским городам, дистриктам и крепостям продавать питьевой черкасский и китайский чай «по указанной цене лишь с небольшой уступкой или менять на товары и рухлядь». Этот товар, поступивший на Тюменскую таможню, местный бурмистр И. Кривошеин рекомендовал для распространения по самой Тюмени и уезду по строго фиксированным ценам [2, л. 1]. Таким образом, из данного документа видно, что сибиряки употребляли не только китайский чай, но и привезенный с Кавказа по тому же Сибирскому тракту, но уже с другой стороны. Так как не только россияне, но и сибиряки привыкли к этому напитку, его закупки значительно возросли. Этому способствовало и запрещение в 1822 г. ввозить чай в страну через Турцию и Персию в пользу Китая. Данный «стратегический» товар наравне с элем, пивом, спиртом, сахаром, табаком, сигарами, патентованными лекарствами и огнестрельным оружием запрещалось иностранцам провозить в Сибирь и по морю, через устье р. Оби [1, с. 84]. А вот тем, кто вел торговлю со Средней Азией, наоборот, установили ряд льгот. Например, только в 1866 г. через Петропавловскую, Павлодарскую и Семипалатинскую таможни в Тобольскую губернию среди прочих товаров привезли чая разного на 1491 руб., а обратно в степь поступило этого же товара уже на сумму почти в сто раз больше [10, с. 247].

Таблица

Основные продуктовые товары, вывозимые из Сибири в Среднюю Азию в 1866 – 1867 гг. (руб.)

Наименование	1866 г.	1867 г.
Хлеб	121086	108777
Сахар	48732	74300
Чай	164802	214794

В 1851 г. Правительство установило на чай таможенную пошлину: с одного фунта ординарного торгового – 40 коп. серебром, цветочного и высших сортов зеленого – 70 коп., зеленого простого в бакчах и рассыпного – 47 коп., каменного – 10 коп., кирпичного –

6 коп. Когда в 1850 – 1852 гг. из Кяхты поступило 243507 пудов байхового и торгового чая, на таможене осталось 4506693 руб. пошлин. На ярмарках Тобольской губернии в середине XIX в. товары делились на несколько категорий, в т. ч. на жизненные (разные масла, сало скотское топленое и сырец, мыло, скотские кожи и щетина и др.) и роскошные (чай, сахар, кофе, разные фрукты, конфеты, орехи и табак) [5, с. 207]. Последние поступали на крупнейшие ярмарки, а отсюда уже небольшими партиями распространялись по сельским торжкам, через систему магазинов и лавок – в провинцию. Например, в 1869 г. на знаменитой по всей Западной Сибири Никольской зимней ярмарке (располагалась в г. Ишиме на Сибирском тракте) среди иностранных европейских товаров самым популярным оказался сахар (из поступившего на 100 тыс. руб. осталось только на 2 тыс. руб.), из азиатских товаров лучше всего расходился чай (из привезенного на 92 тыс. ушло на 80 тыс.).

Конец караванной торговле положило открытие в 1903 г. транссибирской магистрали, вследствие чего чай в Сибири и России значительно подешевел и стал общедоступен. Иногда его стоимость стали включать как часть заработной платы наравне с «деньгами и харчами».

Известно, что на рубеже XVII – XVIII вв. на нашей территории наибольшее распространение получил кирпичный чай, который обычно заваривали в ведерном самоваре и выпивали без сахара. Проезжие столичные чиновники и путешественники считали, что здесь не бывает в продаже хорошего чая, объясняя это тем, что лучшие сорта чая отправляли из Кяхты прямо в Россию, а для сибиряков оставляли «посредственный». Любителям качественного натурального напитка приходилось выписывать его через знакомых из Кяхты.

Местные власти отмечали, что татары и бухарцы, которые в основном занимались мелочной торговлей – разносили по деревням самый ходовой товар: спички, духи, мыло, помаду, ваксу, ножички, зеркальца, продавали в розницу и чай, закупаемый на Ирбитской и Нижне-Новгородской ярмарках. По собственной инициативе к сухой заварке они подмешивали лобазник, бадан, кипрей или другие ароматические травы, собранные в близлежащих лесах и полях. Понятно, что такие махинации можно было проделать только с дешевым, более дешевым чаем, поэтому зажиточные сибирские крестьяне предпочитали покупать «кирпичики», спрессованные, по их мнению, в самом Китае.

Исследователь культуры чаепития В. В. Похлебкин, автор таких трудов, как «Чай: его типы, свойства, употребление» (2001), «Чай» (2007), «История важнейших пищевых продуктов» (1997) доказывает, что на самом деле, те самые кирпичики не являлись продуктом высшего качества [6]. Во время сбора чайного листа на плантациях и фабричного производства чая появлялись различные продукты обработки: ветки, обстриженные во время регулярных подрезок чайного куста, старые листья, стебельки, задержанные ситами при просеивании разных номеров чая, крошка, обломки листьев, образовавшиеся при сушке, и значительное количество чайной пыли, которая скапливалась в цехах. Китайцы подметили, что чайная крошка хороших сортов способна давать довольно ароматный и более

крепкий напиток, чем даже целые листья чая. Поэтому, чтобы не терять такой ценный материал, придавали крошке компактную и удобную для употребления форму. Так в Сибири появились **прессованные черные и зеленые чаи** в виде кирпичиков, плиток, цилиндров, шаров массой от 100 г до 2,5 кг.

Новым продуктом в нашем крае стал и привозимый из Китая сахар. На местных рынках и торжках в середине XIX в. его можно было купить по цене 35 – 40 коп. за фунт (400 г.). Дети, молодежь и солидные домохозяйки также полюбили разноцветные китайские сахарные леденцы и рафинад. Еще одними потребителями этого товара становились раскольники, которые «гнушались употреблять сахар в пост, считая его очищенным кровью», предпочитая ему китайский сахар или мед. Всего в Сибири в середине XIX в. ежегодно сбывалось около 100000 пудов сахара на сумму 1200000 руб.

Те, кто мог себе позволить приобретать к чаю сахар, устраивали семейные и соседские посиделки, превращая их продолжительные встречи с обсуждением последних новостей, подбором подходящих супругов для незамужних девиц и парней. При этом на стол выставлялся кусковой или колотый сахар, а сама головка этого «чайного деликатеса» красовалась на дорогом блюде иногда в бумажной обертке как главное украшение. Отлитый в виде конуса кусок сахара в домашних условиях раскалывали и вручали гостям во время чаепития. Так как это лакомство долгое время оставалось довольно дорогим удовольствием, и основным его потребителем были довольно состоятельные слои городского и сельского социума, даже присказка появилась по этому поводу для тех, кто не надеялся на благополучное разрешение начатых дел: «Где уж нам, мужикам, чай с сахаром пить».

В основном сибиряки привыкли пить чай с сахаром «прикуску». Иногда один кусочек смаковали на протяжении всей церемонии, откусывая совсем понемножку, показывая тем самым свою воспитанность и достаток (мол, мы такой же дома каждый день едим). Говорили, что «Чай – малый не глупый, но без сахара и он дурак», «Чай у нас китайский, сахарок хозяйский». Окончив пить чай, оставшийся кусочек рафинада пристраивали на блюдце. Скорее всего, на рубеже XVII – XVIII вв. появилась такая примета – увидеть во сне целую головку сахара – к удаче в начатых делах, а вот разбитую на несколько частей – рекомендация перестать вести себя заносчиво и быть попроще с окружающими.

Чем выше социальный статус хозяев, тем темнее и крепче у них оказывался чай, и, наоборот – у бедных он напоминал по виду современный слабозаваренный зеленый чай. При этом считалось, что «Чай крепче, если он с добрым другом разделен».

«В городе чай – гостям угощение, в деревне – себе наслаждение», «Коль чаем угощают, значит – уважают». Иногда чаепития с выставленными на стол пирогами, растягаями, варениями и соленьями заканчивались далеко за полночь, перерывы при этом делались только на очередной разогрев воды в самоваре. Откусав чаю, принято было переворачивать чашку на блюдце, давая тем самым сигнал о том, что гость более не желает продолжать церемонию. Хлебосольные хо-

зьева пользовались уважением не только односельчан, но и горожан, заезжавших к таким знакомым по большим праздникам «за угощением», отбывающих домой всегда с хорошим настроением и прихватив на обратную дорогу съестных подарков.

Такой тщательно выверенной чайной церемонии как у китайцев, сибиряки никогда не придерживались. Путешествуя в 1808 г. из Пекина в Кяхту, архимандрит Софроний Грибовский отмечал, что «там пьют чай в чашках без блюдцев, да и чашки без ручек; а когда пьют манджуры и китайцы чай, то чашку берут за край, дабы не обжечь рук» [7, с. 164]. Сибиряки же отсыпали или отламывали в глиняный или фарфоровый чайник определенную норму заварки и просто заливали ее кипятком. Через несколько минут настоявшийся ароматный напиток разливали по стаканам. Если поначалу этот напиток пили из простых глиняных или деревянных кружек, то в дальнейшем специально для чаепития стали приобретать фабричные чашки и блюдца, более состоятельные выписывали фарфоровые чайные сервизы из губернских городов и столицы. Даже народная пословица «В хорошей посуде и чай вкуснее» стимулировала народ на приобретение более дорогой и качественной посуды, которая у небогатых крестьян и мещан в дальнейшем передавалась по наследству и в приданое.

За красиво накрытым столом следовало забыть о срочных делах, неприятностях. Говорили – выпей чайку – забудешь тоску. При этом народ подметил, что если человек по одному стакану чай пьет – быть ему одному. Основные сословия сибирского социума засиживались за накрытыми столами с самоварами довольно долго, да и в придорожных трактирах никто не уходил раньше, чем выпив несколько стаканов чая.

Как в городе, так и в деревне, с распространением культуры чаепития, постепенно снижалось употребление алкоголя. Местная интеллигенция, духовенство, учителя ратовали за искоренение этого зла на воскресных проповедях и чтениях, в периодической печати, беседуя с односельчанами и прихожанами. Трезвый образ жизни одобрялся обществом, и наоборот, пьянство в рабочие дни и праздники постоянно осуждалось. Относительная дешевизна спиртных напитков и достаточно большое количество винных лавок, быстрая транспортировка по Сибирскому пути, а затем и в отдаленные регионы по рекам, привели к появлению новой социальной проблемы – пьянству значительного количества трудоспособного населения, а также молодежи и детей.

Народ понимал, что увеличение больных алкоголизмом негативно отражается на всем сельском обществе, во всех сферах жизнедеятельности. Так, на сходе Змеиногородской волости Бийского округа Томской губернии 17 сентября 1883 г. крестьяне пришли к заключению, что «теперешнее жалкое положение и бедность местного населения происходят от пьянства» [9].

Правительство, озабоченное тем, что спиртные напитки употребляют не только взрослые, но и дети школьного возраста, предлагало устроить книжные центральные склады и летучие библиотеки, читальни и противоалкогольные музеи, издавать в печатном виде картограммы с рисунками и модели, которые находятся в Московском противоалкогольном музее [8, с. 10].

В 1912 г. состоялся Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, который признал потребление спиртных напитков детьми школьного возраста вполне доказанным и призвал ввести в учебных заведениях как самостоятельный предмет науку трезвости [4, с. 9 – 11]. На открытках и в дешевых книжках для простого народа все чаще стали появляться пословицы и поговорки на эту тему. Например, «От чаю пьян не будешь», «С чая лиха не бывает» и т. д.

Со временем начала широкой антиалкогольной компании в Западной Сибири совпадает массовый поток просьб сельских жителей о закрытии винных лавок. Так, весной 1912 г. Тюлякское сельское общество Устьламенской волости Тарского уезда Тобольской губернии ходатайствовало о «недопущении в селе питетий торговли». Их просьба была удовлетворена точно так же, как и ходатайство крестьян Соловьевского сельского общества того же уезда [3, л. 1, 1]. В местах массового скопления людей: на ярмарках и торжках, в праздничные дни обязательно старались устроить на главных площадях столы с нехитрым угощением – рядом с ведерными самоварами выставляли кренделя, бублики, пряники, которым радовались не только дети, но и взрослые. Оптовые и розничные торговцы вдоль всего Сибирского тракта постоянно включали в свой ассортимент сопутствующие чаепитию товары – готовую выпечку, мед, сладости фабричного и кустарного производства, красивую посуду, тульские самовары.

Следует отметить, что в целом борьба с пьянством в западносибирской деревне чаще всего носила декларативный характер и не затрагивала основной массы сельских жителей. Поэтому наравне с чаем здесь одним из основных напитков в досоветское время оставалась водка, самогон, брага. К сожалению, в имеющихся источниках досоветского периода не удалось установить степень снижения алкоголизации населения Сибири в период распространения культуры чаепития. Правительство, заинтересованное в получении постоянной прибыли от торговли спиртными напитками, подогревало повышенный спрос населения на виноводочную продукцию, не обращая внимания на социальную и психологическую деградацию сибиряков, желающих таким образом уйти от окружающей действительности, забот и трудностей.

С переходом к индустриальному обществу значительная часть традиций, в том числе и некоторых особенностей культуры чаепития, была утрачена, забыта. Поэтому сегодня особой популярностью пользуются труды известных кулинаров и ученых, раскрывающих основы пищевых пристрастий отдельных регионов, стран и континентов; краеведческие музеи организуют выставки и экспозиции, студенты и школьники изучают эти вопросы в рамках учебных программ.

В настоящее время культура чаепития столичного жителя и провинциала мало чем отличается, за прошедшие столетия сложился определенный ритуал, который мы совершаем, автоматически, не задумываясь. Но в последнее время многие россияне, а с ними и сибиряки, стали заменять этот напиток другим, более бодрящим – кофе. Хотя врачи по-прежнему утверждают, что чай – природный источник долголетия, здоровья и крепкой нервной системы.

Литература

1. Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летия годовщины завоевания Сибири. 2-е изд. Тобольск, 1882. 181 с.
2. Государственное учреждение «Государственный архив Тюменской области» (ГУ ГАТО). Ф.И-47. ОП. 1. Д. 3770.
3. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 152. ОП. 27. Д. 134.
4. Омские епархиальные ведомости. 1912. № 18.
5. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск: Типография губернского правления, 1860. 225 с.
6. Похлебкин В. В. История важнейших пищевых продуктов. М.: Центрполиграф, 1997; Похлебкин В. В. Чай: его типы, свойства, употребление. М.: Центрполиграф, 2001; Похлебкин В. В. Чай. М.: Центрполиграф, 2007. 208 с.
7. Путешествие архимандрита Софрония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 г. // Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским. 1823 год. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1823.
8. Резолюции Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Омские епархиальные ведомости от 15 сентября 1912 г. № 18. Ч. II.
9. Сельский вестник. 1883. № 3.
10. Списки населенных мест Российской империи. LX. Тобольская губерния. СПб.: Типография МВД, 1871. 470 с.

Информация об авторе:

Ермачкова Елена Петровна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Заводоуковске, e.ermachkova@mail.ru.

Elena P. Ermachkova – Candidate of History, Head of the Department of Humanitarian and Natural Science Disciplines, Zavodoukovsk branch of Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК [903.23'18:316.722](574)“7/12”

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

(по результатам индивидуального гранта «Академическая мобильность»)

К. Ю. Маркова

A NEW INTERPRETATION OF DECORATIVE AND APPLIED ART OF MEDIEVAL KAZAKHSTAN (the results of individual «Academic mobility» grant)

K. Yu. Markova

В статье приведены результаты исследований декоративно-прикладного искусства Средней Азии и Казахстана, по материалам фондов музеев Москвы и Санкт-Петербурга. Проект осуществлялся с 20 по 29 сентября при поддержке благотворительного Фонда Михаила Прохорова в рамках конкурса «Академическая мобильность». С ежегодным пополнением археологического материала в результате масштабных раскопок на территории Казахстана, возникает необходимость в его интерпретации и поиске аналогий. На сегодняшний день в научной литературе имеется недостаток сведений о предметах искусства Средней Азии и Востока, хранящихся на территории России.

Поэтому целью исследования стало изучение музейных материалов декоративно-прикладного искусства Средней Азии и Востока.

Данные результаты позволили расширить и углубить знания в области культуры, по-новому интерпретировать изображения на предметах материальной культуры Казахстана, а также определить до сих пор неясное назначение некоторых предметов. В ходе исследования выяснилось, что с глубокой древности в Средней Азии сложилась сложная религиозная картина. Здесь сосуществовали различные религии (зороастризм, буддизм, ислам) и разнообразные культы (культ предков, культ плодородия, династийный культ и другие). Схожесть орнаментальных мотивов материальной культуры Казахстана и Китая, Индии, Ирана говорит о восприятии Средней Азией и Казахстаном разнообразных художественных традиций, а также интенсивном торговом и культурном обмене между Востоком и Западом.

The paper presents the results of researching decorative and applied arts of Central Asia and Kazakhstan, according to the materials of Moscow and St. Petersburg museums collections. The project was carried out on 20 – 29 September 2014, with the support of Mikhail Prokhorov Foundation in the framework of the contest "Academic mobility". Annual

replenishment of archaeological material in the large-scale excavations on the territory of Kazakhstan triggers the necessity of its interpretation and search for analogies. At present, scientific publications lack information about the art of Central Asia and the Orient stored on the territory of Russia. Therefore, the aim of the research was to study the materials of the Museum of decorative and applied arts of Central Asia and the East.

The results allowed us to broaden and deepen knowledge in the field of culture, to re-interpret the images on the artefacts of Kazakhstan's material culture, and also to identify the still unclear purpose of some items. The study revealed that since ancient times a complex religious image formed in Central Asia. Different religions (Zoroastrianism, Buddhism, Islam) and a variety of cults (the cult of ancestors, the fertility cult of the dynastic cult, and others) coexisted there. The similarity of the ornamental motives of the material cultures of Kazakhstan, China, India and Iran proves Central Asia's and Kazakhstan's perception of diverse artistic traditions, as well as intense commercial and cultural exchange between the East and the West.

Ключевые слова: архитектурный декор, культовая керамика, резная глина, музейный материал, аналогии.

Keywords: architectural decoration, cult ceramics, carved clay, museum material, analogy.

Народы Средней Азии и Казахстана внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры. Декоративное искусство этого региона развивалось в русле единого ближневосточного мусульманского стиля и художественного канона, но вместе с тем сохранило черты локального своеобразия. Эту самобытность предопределили сложная и драматичная история региона его географическое положение в самом центре азиатского континента – рядом с могущественными цивилизациями Китая, Индии, Ирана, на пересечении караванных дорог, по которым осуществлялся интенсивный торговый и культурный обмен между Востоком и Западом.

Изучая культуру городов Семиречья и Южного Казахстана в VII – XIII веках по материалам археологических экспедиций, фондов и архивов музея Института археологии и этнографии им. А. Х. Маргулана, Республиканского музея в Алматы, также ознакомившись с историографией темы, выявился недостаток научной литературы отражающей наличие и описание предметов искусства Среднеазиатского региона, хранящихся в музеях России. Поэтому, в рамках проекта «изучение археологического материала древних городов Средней Азии и Казахстана в экспозициях музеев Москвы и Санкт-Петербурга», поддержка которого осуществлялась в рамках благотворительной деятельности, на средства, предоставленные Фондом Михаила Прохорова, было проведено исследование более 1300 предметов декоративно-прикладного искусства Средней Азии и Востока, хранящихся в таких музеях как: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), Музей истории религии (Санкт-Петербург), Государственный музей Эрмитаж, (Санкт-Петербург), Музей искусства народов Востока (Москва).

Полученный материал помог по-новому интерпретировать многие предметы декоративно-прикладного искусства кочевников и земледельцев Средней Азии, а также найти ответы на многие нераскрытые вопросы в городской культуре средневекового Семиречья и Южного Казахстана, что, в свою очередь, расширяет сведения о городской культуре древности и Средневековья в целом.

Ярче всего самобытность народного творчества, художественные традиции и религиозные мировоззрения ярко демонстрируют образцы архитектурного декора, ритуальная керамика, художественный металл и др.

Рис. 1. Изображение мужчины, мелкая пластика. Кулан, IX – X вв.

Так, изображение виноградной лозы на фрагменте бронзового зеркала, завезенного в Казахстан из Ирана, встречается на бронзовых китайских зеркалах 1000 – 500 гг. до н. э., выставленных в экспозициях Музея искусства народов Востока. Культура винограда могла попасть в Казахстан из Средней Азии по Шёлковому пути так же, как и в Китай. Как известно, виноград из Средней Азии завез в Китай в середине II в. до н. э. Чжан Цянь. Здесь же, в Музее искусства народов Востока выставлены бронзовые китайские зеркала VII – IX вв. с орнаментом, напоминающим плоды клубники (?), широко распространенным в архитектурном декоре (резной глине) городов Семиречья.

Портретные изображения реальных людей – мужчин знатного происхождения в резной глине, украшавшей дворцы Семиречья и Южного Казахстана (рис. 1) находят аналогии среди фрагментов резного ганча VII – VIII вв. Варахши (Узбекистан) (рис. 2).

Рис. 2. Резной декор. Ганч, VII – VIII в. Варахша. Дворец

Рис. 3. Волк. Резная глина. Кулан, IX – X вв.

Рис. 4. Глиняный сланец, резьба. Кубачи, XIV – начало XV в.

Сцены звериного гона, охоты в резном декоре дворца Кулана IX – X вв. (рис. 3) относящиеся к более ранней доисламской традиции, а также редкое для средневековой культуры Казахстана изображение скачущего всадника (уникальная находка казахстанских археологов 2010 года) находят широкие аналогии в резном декоре Кубачи XIV – начала XV века (Государственный музей Эрмитаж) (рис. 4). Этот говорит о том, что данные мотивы имеет глубокие корни и встречается у разных народов в различные исторические периоды.

При комплексном исследовании памятников VII – начала XIII вв., выделяется ряд особенностей, свидетельствующих о сосуществовании в Семиречье и Южном Казахстане различных религиозных представлений и пережитков древних верований. Среди них самыми распространенными считались культ животных и культ огня. С культом огня, как правило, связывают курильницы.

Рис. 5. Курильница в виде коня. Алтынтобе, VIII – IX вв.

Рис. 6. Курильница с конем. Бактрия, III – IV в.

В поставленном казахстанскими исследователями вопросе интерпретации и назначении глиняного сосуда – курильницы VIII – IX вв. из Алтынтобе помогает продвинулся аналогичный предмет в экспозиции Эрмитажа, обнаруженный при раскопках в Бактрии и названный курильницей с конем (рис. 6). Г. А. Терновская относит курильницу из Алтынтобе к авестийской религии, указывая на то, что конь – это один из десяти обликов-воплощений бога войны и победы Веретрагны [3, с. 160], спутник бога Митры. Исследователь Э. Ртвеладзе, изучая культовую семантику гончарных сосудов Бактрии эпохи Кушан (I – III вв. н. э.), относил особые сосуды, которые в науке принято называть курильницами к особым предметам – оберегам, очищающим и охраняющим от скверны. По его мнению, в кушанское время курильницы, заполненные сгоревшими плодами и ветвями шиповника, применялись для защиты от злых духов и в качестве жертвоприношений. Предки казахов имели схожие представления о том, что угасание огня в очаге означало прекращение жизни семьи. Огонь не рекомендовалось тушить прежде, чем он сам погаснет. С целью охраны «своего» огня существовал обычай оставлять в очаге, светильниках и курильницах горящие угольки [5, с. 86; 10, с. 156].

С культом животных связаны образы барана и быка в виде наклепов на керамике, характерной не только для средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана (водолей со сливом, оформленным в виде головы быка, из Тараза, XI – XII вв.; фрагмент кувшина со сливом в виде головы быка из буддийского храма XII – XIII вв. в Каялыке), но и других регионов Средней Азии и Востока (слив сосуда в виде головы горного барана IV в. до н. э. – IV в. н. э., Хорезм;

глиняные сосуды со сливом в виде головы быка, VII – VIII вв., Пенджикент). Сосуды, изображающие быков, Г. А. Терновая связывает с зороастрийским обрядовым календарем с празднованием Ноуруза, в день, когда был создан Гайомарт – быкочеловек [9].

Рис. 7. Налеп на ручке в виде головы барана. Отрар

Рис. 8. Фишка для игры в нарды. Глина. Пенджикент, VI в.

Распространенный в первые века н. э. к западу от Ирана сюжет «Митра, убивающий быка», служит продолжением традиционных сцен победы Льва над Быком в древневосточном искусстве, которые со времени Ахеменидов трактовались «как изображение дня весеннего равноденствия, циклической смены явлений природы, космического акта творения и возрождения через уничтожение» [7, с. 34].

В археологических и этнографических материалах образ быка представляется в связи с водной стихией, растительностью и плодородием. У узбеков Хорезма бытовали понятия о том, что жертвоприношение быка водной стихии должно было обеспечить в текущем году обилие воды в каналах и хороший урожай [8, с. 310 – 311].

Изображение головы барана передает небольшая глиняная фигурка, найденная на территории средневекового Отрара (рис. 7). Казахстанские археологи считают, что она являлась навершием глиняной крышки сосуда в виде двухрогого существа. В ходе исследования предметов экспозиций Государственного музея Эрмитаж, была обнаружена очень похожая глиняная фигура, являющаяся фишкой для игры в нарды (рис. 8).

Использование образа баран в качестве украшения посуды, изображений на предметах быта и пред-

метах сакрального значения указывает на давно бытовавший среди полукочевого и оседлого населения культ барана. Шаманские представления о баране связаны с воплощением души умершего человека, которые перекликаются с понятием о баране, помогающим душе умершего человека перейти через мост, ведущий в рай [11, с. 557].

Широко распространенные в Семиречье и Южном Казахстане изображения «демонов» – духов-хранителей или духов-защитников передают образ сатира или силена – демона плодородия, входящего в свиту Диониса. Керамическая посуда и статуэтки в виде демонов использовались в празднествах дионисийского вакхического культа [2, с. 171]. К этой же группе казахстанские археологи относят навершие оссуария VI – VIII вв. из Тараза в виде головы демона [3, с. 212] (рис. 9), сходство которого прослеживается с выставленными в экспозициях Эрмитажа навершием глиняной крышки оссуария VII в. из Чача (Ташкентский оазис), и фрагментом глиняной ручки сосуда с территории Бактрии (рис. 10), которая, в свою очередь, интерпретируется как голова обезьяны (рис. 11).

Рис. 9. Навершие керамической крышки оссуария. Глина. Тараз, VI – VIII вв.

Рис. 10. Навершие глиняной крышки оссуария. Чач, VII в.

К тому же демоны – сатиры и силены изображались с рожками и лошадиными ушами, лошадиными и козлиными копытами, лошадиными хвостами.

Рис. 11. Ручка сосуда в виде обезьяны. Бактрия, III – IV вв.

К группе сосудов Семиречья с зооморфными признаками исследователи относят сосуды с «носиком» V – VII вв., собранные в ходе археологических раскопок на территории городищ Актобе, Кок-Мардан, Костобе, Мардан-Куик, Отрар. Так как они датируются временам, предшествующим распространению ислама, казахстанские ученые относят их к каунчинской (I в. до н. э. – VII в н. э.) и оттарско-каратауской культурам (I в. до н. э. – VII в н. э.) Кангюя (одного из ранних государств Центральной Азии II вв. до н. э. – V вв. н. э.) [4, с. 170 – 171].

Назначение этих сосудов как предметов, предназначенных для возлияний (омовений), подтверждает керамический кувшин с «носиком-сливом» – кундика из Северной Бактрии эпохи Кушан (I – III вв. н. э.). Кувшин из Бактрии имеет такое же вынутое горлышко, как и сосуды Семиречья. В экспозиции Музея искусства народов Востока он назван сосудом для омовений. По мнению Е. В. Антоновой, такие кувшины считались символическим изображением брачного соединения [1, с. 59 – 61]. Перед праздничной церемонией каждый зороастриец прежде того, как он входил в святилище или в храм, а также перед соверше-

нием любого «чистого» действия, должен был совершить омовение и частичный или полный обряд очищения [6, с. 69]. Омовение – необходимый ритуал у исповедующих ислам. Омовение совершалось с целью достижения чистоты, чтобы «освященной водою смыть с себя личину беса», получить здоровье и очиститься от грехов [7, с. 137].

По результатам приведенного сравнительного анализа археологического материала, собранного с территории средневековых городов Семиречья и хранящегося в музеях Алматы, с артефактами из фондов музеев Москвы и Санкт-Петербурга, можно заключить следующее: широкий круг орнаментальных сюжетов и анималистических образов, представленных в период с VII – нач. XIII вв. в разных видах искусств и ремесел, в частности, в архитектурном декоре и культовой керамике Средней Азии, связаны своими корнями с наследием древности, миграционными процессами, осуществлявшимися через главную торговую артерию средневековья – Шёлковый путь. Прикладные виды искусства демонстрируют сформированную городскую художественную традицию с присущим ей новым, орнаментальным стилем и народную традицию, отражающую вкусы сельчан-земледельцев и недавних кочевников, с растительной и зооморфной тематикой, культовыми знаками-символами.

Аналогичность мотивов на керамике, резном шtukе и художественной бронзе Семиречья и Южного Казахстана орнаменту архитектурного декора и современной ему керамики других регионов Средней Азии и Востока подчеркивает не только близость прикладного и монументально-декоративного искусства, но и дает возможность говорить о единстве художественной культуры средневекового мира.

Литература

1. Антонова Е. В. К исследованию сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в составе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
2. Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1990.
3. Байпаков К. М., Терновая Г. А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005.
4. Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2012.
5. Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.
6. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. (Историко-этнографический очерк). М., 1982.
7. Смирнова И. Рождество Христово // Наука и религия. 1991. № 12.
8. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
9. Терновая Г. А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв.) // Известия МО и Н РК, НАН РК. (Серия: Общие науки). 2000. № 1(224).
10. Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1991.
11. Топоров В. Н. Фарн // МНМ. М., 1982. Т. 2.

Информация об авторе:

Маркова Кристина Юрьевна – преподаватель кафедры истории России Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП), korobkova9@mail.ru.

Kristina Yu. Markova – Lecturer at the Department of History, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ НИЖНЕТОМСКОГО ОЧАГА
НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА (историография вопроса)**

А. Г. Марочкин, К. В. Конончук

**ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES, AND CULTURAL AND CHRONOLOGICAL INTERPRETATION
OF THE PETROGLYPHS LOCATED IN THE LOWER TOM' RIVER ROCK ART AREA
(historiographical review)**

A. G. Marochkin, K. V. Kononchuk

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья», проект № 14-11-42008.

В работе выполнен историографический обзор исследований наскальных изображений Нижнего Притомья. Проведен анализ концепций и гипотез о культурно-хронологической принадлежности петроглифов Нижнетомского очага наскального искусства, представленных в работах отечественных исследователей 1960-х – 2010-х гг. Обобщен опыт привлечения археологических данных для культурно-хронологической интерпретации наскальных изображений Нижнего Притомья. Обосновано соотнесение выделенных культурно-хронологических комплексов региона с петроглифами нижнетомских писаниц.

The paper focuses on historiography of Lower Tom' River rock art area researches. The authors analyze conceptions and hypotheses about the cultural and chronological identity of the Lower Tom' River rock art area petroglyphic complexes presented in scientific works by Russian researchers of the 1960s – 2010s. The paper generalizes the experience of using the archaeological complexes for cultural and chronological interpretation of rock art images in Lower Tom' River region, and validates the association of the cultural and chronological complexes of the region with the petroglyphs from Lower Tom' River rock art sites.

Ключевые слова: Нижнетомский очаг наскального искусства, археологические комплексы, культурная принадлежность, хронология, историография.

Keywords: Lower Tom' River rock art area, archaeological complexes, cultural identity, chronology, historiography.

Петроглифические комплексы Нижнего Притомья, такие как Томская писаница, Крутая 1 и Крутая 2, Новоромановская 1 и Новоромановская 2, Висящий камень, Никольская и Тутальская писаницы, хорошо известны специалистам. Памятники компактно располагаются на северо-западной периферии саяно-алтайского горного массива, образуя уникальный для Западной Сибири Нижнетомский очаг наскального искусства [12]. Общая история изучения нижнетомских писаниц достаточно подробно рассмотрена в ряде работ, в том числе монографических [13; 15 – 20; 29 – 31; 51].

Историография хронологии томских писаниц

За период с начала 1960-х гг. сложилось три основных подхода к решению проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников, в рамках которых те или иные комплексы изображений датируются эпохой неолита (в первую очередь, изображения лося); различными периодами бронзового века (преимущественно, антропоморфные изображения и личности и изображения лодок, или кулайским периодом раннежелезного времени.

Система аргументов в поддержку неолитического возраста ряда нижнетомских петроглифов сформировалась не позднее первой половины 1970-х гг. [1 – 2; 8; 35; 42 – 43; 46; 48; 51 – 52]. В её основе, как правило, лежало стилистическое сравнение зооморфных изображений Нижней Томи с предметами неолитической мелкой пластики Урала и Сибири (статуэтки лося из погребения у д. Базаиха, деревянные скульптуры из Шигирского и Горбуновского торфяников, кремневые

фигурки найденными у села Патроны на Ангаре и Туой-Хая на Вилное, головка медведя из Васьковского могильника и др.), а также на постулате о стадийном единстве писаниц Енисея, Ангара и Алтая. При этом, по справедливому замечанию И. В. Ковтуна, «практически неизменной оставалась линия хронологических привязок, которая была разработана А. П. Окладниковым еще в монографии, посвященной анализу шишкинских скал» [12]. Примечательно, что одновременно с пересмотром хронологии петроглифов Нижнего Притомья была «омоложена» Турочакская Писаница в Горном Алтае [47; 50]. Парадоксально, но факт – при достаточно архаичной аргументации в пользу неолитического возраста нижнетомских писаниц (последние такие работы датируются 1990-ми гг. [2; 44]), данная точка зрения широко тиражируется в околонаучной публицистике и при популяризации собственно Томской Писаницы. Например, вот цитата с главной страницы сайта Музея-заповедника «Томская Писаница»: «Самые ранние рисунки относятся к концу неолита 3 – 4 тыс. до н. э. это – лоси, медведь, антропоморфные существа, знаки солнца, птицы, лодки» [54]. Идентичное, в сущности, утверждение представлено на презентационной странице музея на сайте конкурса «Россия 10».

Датирование нижнетомских петроглифов различными периодами эпохи бронзы также зафиксировано в публикациях 1960 – 2000 гг. Изображения лосей стилистически связывались с окуневскими древностями, что впервые было предложено А. А. Формозовым [56, с. 70, 77, 81; 57, с. 84 – 86, 101 – 102, 110 – 112]. Позднее к подобным выводам пришли Н. В. Леонтьев,

М. А. Дэвлет [32, с. 100 – 104; 9, с. 53 – 60]. С. В. Студзицкая в конце 1980-х гг. резюмировала аргументы, предложенные сторонниками датирования изображений лосей эпохой бронзы [55, с. 325 – 326].

И. В. Ковтуном выделена нижнетомская изобразительная традиция эпохи бронзы – постсамусьского времени (начало второй половины II тыс. до н. э.), включающая несколько компонентов. Анализ серии палимпсестов и стилистических особенностей изображений привёл автора к убеждению об отсутствии петроглифов неолитического времени на Нижней Томи. Поэтому нижнетомские петроглифы рассматриваются, главным образом, в контексте генезиса изобразительных традиций эпохи бронзы на юге Западной Сибири [12, с. 16 – 20], с возможностью более позднего возраста «отдельных геометризованных и вычурных форм» [Там же]. Последовательно отрицая неолитический возраст петроглифических памятников на Томи, И. В. Ковтун дополняет свою аргументацию в ряде последующих работ [26; 27, с. 356 – 357; 28, с. 89 – 93; 25], написанных в соавторстве.

Исследователи, утверждающие о принадлежности части нижнетомских петроглифов к кулайскому времени, опираются на стилистическое сходство наскальных изображений и предметов кулайского бронзового литья [58, с. 105; 51, с. 242; 3, с. 27; 7, с. 161; 55, с. 325; 33, с. 19; 43, с. 22 – 23 и др.]. По мнению И. В. Ковтуна, такой подход отражает возможную связь нижнетомского наскального искусства с автохтонной, генетически близкой традицией [16, с. 24]. Это отчасти подтверждается гетерогенным характером кулайской изобразительной традиции, генетически связанной с более ранними компонентами.

Таким образом, наибольшую дискуссионность приобрела проблема нижней хронологической границы возникновения Нижнетомского очага наскального искусства, при общепризнанном факте его длительного, трансэпохального существования. Отметим, что атрибуция петроглифов в системе археологических культур зачастую не рассматривалась в качестве первоочередной задачи, а культурные параллели использовались преимущественно для эпохально-хронологической интерпретации писаниц.

Комплексные исследования петроглифических и археологических памятников в отечественной историографии

Рассмотренные выше точки зрения, при всей разнице конечных выводов, основаны главным образом, на анализе стиля рисунков и стилистических сравнениях с предметами искусства, что остаётся общим уязвимым местом. Современная тенденция в интерпретации петроглифов предполагает обращение к материалам близлежащих археологических памятников. В данном случае также нужно отметить два взаимосвязанных подхода.

Первый заключается в логичной корреляции локальных и региональных культурно-хронологических схем с результатами стилистической группировки наскальных изображений, когда знание о культурно-хронологическом контексте («фоне») писаниц формирует базис для культурно-хронологической идентификации той или иной группы рисунков. Второй подход

дополняет первый, и заключается в установлении функционально-семантического тождества собственно археологических и петроглифических памятников в местах их компактной дислокации, и их изучение как единого культового комплекса.

В фундаментальной работе А. И. Мазина «Тажские писаницы Приамурья» аккумулирован опыт раскопок жертвенников, расположенных непосредственно у наскальных изображений. Обнаруженные у 17 петроглифических местонахождений, зачастую небольшие по площади, эти объекты все же дали необходимый материал для корреляции с выделенными изобразительными стилями. Результатом совокупного изучения стала история развития наскальной живописи Приамурья с палеолита до Позднего Средневековья [34, с. 151].

Известен удачный опыт исследования культового комплекса Куйлю в Горном Алтае, когда стилистико-хронологический и семантический анализ изображений писаницы Кучерла-1 в совокупности с изучением предметов из прилегающих участков культурного слоя позволили создать комбинированную культурно-хронологическую колонку от энеолита до этнографической современности [49]. Схожий принцип применен при интерпретации Киинских писаниц в Хабаровском крае, когда выявленные в окрестностях памятника разновременно-разнокультурные поселенческие комплексы служат основанием для анализа «единых культовых центров длительного функционирования» [45, с. 77]. Опыт подобных комплексных исследований есть и для памятников Нижнетомского очага наскального искусства.

Археолого-петроглифические исследования в Нижнетомском очаге наскального искусства

Как уже отмечалось, археологическая изученность южных районов Нижнего Притомья, географически совпадающего с Нижнетомским очагом наскального искусства, остается относительно низкой. Это очевидно при сравнении с сопредельными районами северной части Нижнего Притомья и Кузнецкой котловины [4; 36; 38]. Сейчас на этой территории известно более 20 археологических местонахождений, шесть из которых изучены раскопками. В то же время, результатами изысканий, проведенных в 1990 – 1991 гг. экспедицией Музея-заповедника «Томская Писаница», а в 2005 – 2014 гг. – Кузбасской археологической экспедицией ИЭЧ СО РАН, была заложена основа локальной культурно-хронологической схемы (неолит – палеометалл), определяющей археологический контекст писаниц Нижнетомского очага наскального искусства.

1. Период развитого неолита: изылинский тип керамики (первая половина V тыс. до н. э.). Представлен в керамической коллекции стоянки Долгая 1 [40].

2. Период позднего неолита и энеолита (вторая половина V – начало IV тыс. до н. э.): керамика и каменный инвентарь кипринско-ирбинско-новокусовского культурного массива и игрековского типа. Представлены в материалах раскопок стоянки Долгая 1 и поселения Долгая 2 [40]. Данный комплекс позволяет судить о маргинальном характере южных районов Нижнего Притомья, как места соприкосновения позднеэнеолити-

ческих культурных ареалов Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья [37, с. 26 – 27].

3. Период ранней – начала развитой бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н. э.): керамика, каменный инвентарь и предметы бронзолитейного производства крохалевской культуры. Представлены в материалах стоянки Долгая 1, поселений Долгая 2, Ивановка 1, Ивановка 2 [25; 41].

4. Начальный период развитой бронзы (середина и вторая половина II тыс. до н. э.): керамика самусьской культуры и гребенчато-ямочного комплекса. Представлены в материалах стоянки Долгая 1 и поселения Ивановка 1 [11, с. 103; 5; 19, с. 288; 20, с. 31 – 35, 111 – 121].

5. Поздняя бронза и переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (конец II – первая половина I тыс. до н. э.): керамика ирменской культуры и керамика с крестово-штамповой орнаментацией. Представлены в материалах поселения Писаная 1 [4], стоянки Долгая 1 [5] и поселения Синеречка 1 [39].

6. Период раннего железа (вторая половина I тыс. до н. э.): фрагментированная, на данном этапе не поддающаяся достоверной культурной атрибуции керамическая коллекция стоянки Долгая 1, находящая определенные аналогии в материалах скифо-сибирских культур западносибирской лесостепи [5]. Чрезвычайно важным результатом стало обнаружение и исследование культового комплекса кулайской культуры на поселении Ивановка 1, единственного в Кузнецком Притомье [53].

Все перечисленные памятники расположены на участке от Томской писаницы до писаницы Висящий Камень, иногда в непосредственной близости от петроглифов. Уникальным для Нижнетомского очага наскального искусства представляется взаиморасположение поселенческо-культового памятника Долгая 1 и Новоромановской писаницы [22; 23], находящихся в непосредственной близости друг к другу. Таким образом, сформирована объективная возможность для комплексного изучения петроглифических и собственно археологических комплексов.

Первый и пока единственный опыт корреляции результатов археологических и петроглифических материалов предпринят в ходе изучения местонахождений в устье р. Долгая – стоянок Долгая 1 и Долгая 2 и Новоромановской писаницы. Наличие в слое стоянки Долгая 1 практически всех вышеперечисленных культурно-хронологических комплексов, а также следов древних ритуальных практик позволило применить их для установления хронологии и культурной атрибуции Новоромановской писаницы.

Несмотря на присутствие в культурном слое стоянки неолитических материалов, первоначально возможность их привлечения для датировки рисунков была отвергнута. Разрозненность и малочисленность фрагментов неолитической посуды изылинского типа не предоставила очевидных причин для пересмотра изложенной выше аргументации против неолитического возраста даже наиболее ранних композиций. Более того, отвергалась даже возможность их энеолитической датировки [25, с. 88]. Ситуация отчасти изменилась после обнаружения в 2011 г. под культурным слоем скального фриза со стилизованным изображением лодки [22]. Планиграфический и стратиграфический анализ археологического контекста позволил обозначить

достоверный хронологический диапазон теоретически возможного (!) нанесения изображения. Нижняя теоретически возможная хронологическая граница маркируется кипринско-ирбинско-новокусковскими материалами позднего неолита-энеолита, верхняя – материалами крохалевской культуры периода ранней бронзы. Зафиксированная ситуация не отменяет ни одной из дискуссионных позиций, сохраняя первоначальное значение стилистического анализа собственно изображений. В данном случае была подробно изложена версия крохалевской принадлежности наиболее ранних рисунков Новоромановской писаницы.

С крохалевским пластом, помимо указанного изображения лодки, И. В. Ковтуном был соотнесен рисунок парциальной окуневской личины, как маркер синстадиального окуневскому культурного субстрата [25, с. 91 – 92]. В этом качестве действительно могут выступать крохалевские древности, так как накопленные источники свидетельствуют о синхронности крохалевских ложнотекстильных комплексов сейминским культурам Западной и Южной Сибири [21]. В пользу этого свидетельствует и радиоуглеродная дата для крохалевского сосуда стоянки Долгая 1, определяющая абсолютный возраст комплекса в пределах конца III – начала II тыс. до н. э. [53]. Подчеркнем, что работы последних лет, проводимые на поселении Ивановка 1, подтверждают наличие в районе крупных поселенческих комплексов крохалевской культуры, в том числе с признаками бронзолитейного производства [6].

Несмотря на находки самусьской керамики на Долгой 1 и одновременное отсутствие очевидных самусьских рисунков на Новоромановской писанице, они присутствуют двумя километрами ниже по реке – на писанице Висящий Камень. Обнаружение самусьских древностей на р. Томи, почти наверняка, связано с нижнетомским поселением Самусь IV [20, с. 24 – 36, 111 – 121, и др.], роль и место которого в эпохальных исторических событиях этого и прилегающих регионов трудно переоценить [14, с. 247 – 250].

С периодом поздней бронзы, а следовательно, с представленными на местонахождении Долгая 1 ирменскими древностями, отождествлены большинство геометризованных зооморфных изображений, что соответствует ранее высказанной точке зрения И. В. Ковтуна. Подтверждены изложенные ранее доводы о датировке в диапазоне от постсейминского времени до эпохи поздней бронзы антропоморфных изображений одной из плоскостей, аналогичных т. н. «пляшущим» человечка Томской писаницы [25, с. 92 – 93]. Зафиксированные на Долгой 1 остатки ритуальной трапезы в виде множества фрагментов конечностей лося, хронологически связанной с позднебронзовым комплексом, впервые позволили обратиться к семантической реконструкции ментальных практик отразившихся в ряде композиций Новоромановской писаницы [23; 24; 20]. Этот уникальный для Кузнецкой котловины случай, имеет только одну косвенную параллель, когда остатки уже не ног, а рогов лося были зафиксированы в андроновских погребениях со столбовыми конструкциями [10, с. 124, 130]. Рисунки рогатых лосей известны на томских писаницах и, вероятно, именно ноги и рога сохатых, помимо самого животного, являлись объектами ритуального поклонения у населения эпохи бронзы Кузнецкой котловины.

Литература

1. Аникович М. В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. Новосибирск, 1969. С. 62 – 64.
2. Баринаева Е. С. Висячий Камень – новый памятник наскального искусства в Нижнем Притомье // Современные проблемы исторического краеведения. Тезисы докладов. Кемерово, 1993. С. 21 – 24.
3. Бобров В. В. Сходство в изображении оленей из бронзы и на петроглифах // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Новосибирск, 1 – 3 декабря 1971 г. // Тезисы докладов и сообщений. Томск: ТГУ, 1972.
4. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. № 1. С. 214 – 219.
5. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 170 – 174.
6. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. № XIX. С. 175 – 179.
7. Бородаев В. Б. О кулайских геральдических композициях // Археологические открытия на Алтае. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1987.
8. Бородин Ю. М. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васильевского могильника // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 99 – 108.
9. Давлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // КСИА. 1982. Вып. 169.
10. Ковтун И. В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф. И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994.
11. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (35). 2008.
12. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири: (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 21 с.
13. Ковтун И. В. Начало российской петроглифики: пролог // Материалы исследований древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск, 2010а. Т. III. Вып. 1. С. 135 – 148.
14. Ковтун И. В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I.
15. Ковтун И. В. От «Письмагоры» до «Огнедышащей горы»: открытие петроглифов и угля в Кузнецкой котловине // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. Кемерово, 2010б. С. 36 – 47.
16. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
17. Ковтун И. В. Письмагора (История открытия и исследований: 1630 – 1956 гг.). Кемерово: Азия-Принт, 2013а. 159 с.
18. Ковтун И. В. Письмагора: четыре столетия вокруг памятника. История открытий и исследований: 1630 – 1956 гг. // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 14 – 23.
19. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013б. 702 с.
20. Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. – 171 с.
21. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Архекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 69 – 76.
22. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2(8). С. 017 – 024.
23. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2(58). С. 101 – 110.
24. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Девяшин М. М., Русакова И. Д. Остеологические материалы Долгой 1 и истоки мифа о космической погоне // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Кемерово, 2011. Вып. 3. С. 112 – 119.
25. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Кемерово: ИП Скобликов, 2010. Вып. 2.

26. Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 352 – 354.
27. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притома // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I.
28. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы // Материалы Международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 1.
29. Конончук К. В. Источники Г. Ф. Миллера в описании Томской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 118 – 123.
30. Конончук К. В. Источники описания Томской писаницы в работах Г. И. Спасского // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011б. С. 97 – 102.
31. Конончук К. В. Рисунки Томской писаницы второй трети XVIII в. История создания и публикации // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. С. 92 – 97.
32. Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978.
33. Ломтева А. А. К вопросу о хронологической и культурной принадлежности петроглифов Новоромановской писаницы // Современные проблемы исторического краеведения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993.
34. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
35. Маркодорф Н. М. Образ лося – социокультурный символ в наскальном искусстве лесной зоны Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. Кемерово: НИКАЛС, 1999. С. 148 – 151.
36. Марочкин А. Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притома с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии // Материалы научной конференции. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН; ответственный редактор С. С. Тихонов. 2009. С. 86 – 91.
37. Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.
38. Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притома. Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 78 – 86.
39. Марочкин А. Г., Конончук К. В., Юракова А. Ю. Синеречка-1 – новый хроностратифицированный памятник на юге Нижнего Притома // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2013. С. 133 – 138.
40. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притома) // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2014. Т. 13. № 3. С. 189 – 201.
41. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Сизёв А. С., Щербакова А. В., Фальман А. В., Конончук К. В., Плац И. А. Крохалёвский комплекс поселения Ивановка 1 (южные районы Нижнего Притома) // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2013. С. 146 – 152.
42. Мартынов А. И. Лодки в страну предков. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. 35 с.
43. Мартынов А. И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово, 1997. С. 17 – 24.
44. Мартынов А. И. О принципах датировки наскального искусства Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии: Барнаул, 1996. С. 8 – 13.
45. Медведев В. Е. О культурно-хронологическом соответствии киинских писаниц и поселений // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011.
46. Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири: Обь-Иртышская лесостепь. Новосибирск: Наука, 1992. 190 с.
47. Молодин В. И. Еще раз о датировке турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993. С. 9 – 18.
48. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 171 с.
49. Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.
50. Молодин В. И., Маточкин Е. П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. М.: Наука, 1992. № 8. С. 80 – 83.

51. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.
52. Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 11 – 22.
53. Панкратова Л. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Культовый комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3(29). С. 108 – 115.
54. Режим доступа: <http://www.gukmztp.ru/index2.html>
55. Студзицкая С. В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.
56. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. № 3. 1967.
57. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 235 с.
58. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. Ч. 2. 148 с.

Информация об авторах:

Марочкин Алексей Геннадьевич – младший научный сотрудник ИЭЧ СО РАН, comcon@yandex.ru.

Alexey G. Marochkin – Junior Research Associate at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Конончук Константин Владимирович – магистрант по направлению «Археология Евразии» факультета истории и международных отношений КемГУ, старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным отделом музея заповедника «Томская Писаница», konstantinkonon@mail.ru.

Konstantin V. Kononchuk – Senior Research Associate, Head of the Division of Scientific Work and Expositions of Museum-Preserve “Tomskaia Pisanitsa”.

(Научный руководитель: Мухарева Анна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии факультета истории и международных отношений КемГУ.

Anna N. Mukhareva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 07.10.2014 г.

УДК 94:39(571.12+12.28)

**К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЕВРЕЙСКИХ ДИАСПОР
ТЮМЕНИ И ТОБОЛЬСКА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко

**ON RELIGIOUS TOLERANCE IN THE HISTORY AND NATIONAL PSYCHOLOGY
OF THE JEWISH DIASPORA IN TYUMEN AND TOBOLSK IN THE 19TH–EARLY 20TH CENTURIES**

O. N. Naumenko, E. A. Naumenko

Предмет исследования – конфессиональная толерантность, сложившаяся на территории юга современной Тюменской области в XIX – начале XX вв. по отношению к иудейскому населению региона. Цель статьи – на основе теории модернизации рассмотреть причины, виды и проявления конфессиональной толерантности представителей власти и общества в условиях сохранявшихся элементов антисемитизма. В статье показано, что истоки толерантности лежат в особенностях национального, экономического и духовного развития региона. Там сформировалась веротерпимость различной степени и направленности: от фактического признания равенства иудеев до значительного снижения уровня антисемитизма. В центре внимания авторов стоит вопрос о влиянии указанных факторов на ослабление религиозной и традиционной культуры иудеев. Результатом исследования, изложенного в статье, является обоснование связи между толерантностью и ослаблением национальной культуры евреев. В еврейских диаспорах, с одной стороны, в условиях частично сохранявшегося антисемитизма наблюдался вынужденный переход в православие; а с другой стороны – беспрепятственные контакты с православными на бытовом и личностном уровне влекли многочисленные смешанные браки, что разрушало традиционную культуру евреев. Авторы делают вывод о базовом влиянии традиций толерантности, сложившихся в XIX – начале XX в., на формирование межнационального мира в регионе в последующие периоды.

The research focuses on confessional tolerance, established on the territory of modern South of the Tyumen region in the XIX – early XX centuries in relation to the Jewish population of the region. The aim of the paper is to examine, basing on modernization theory, the causes, types and manifestations of the religious tolerance of the authorities and society in conditions of continuing elements of anti-Semitism. The paper shows that the origins of tolerance lie in the peculiarities of national, economic and spiritual development of the region that formed the toleration of various degrees: from de facto recognition of the equality of the Jews to a significant reduction in the level of anti-Semitism. The authors focus on the

question about the impact of these factors on the weakening of religious and traditional culture of the Jews. The result of the research described in the paper is the rationale for the connection between tolerance and weakening of the national culture of the Jews. In the Jewish Diaspora, on the one hand, continuing anti-Semitism was partially observed, which forced conversion to Orthodoxy; and on the other hand unimpeded contacts with the Orthodox at the household and individual level attracted numerous mixed marriages, which destroyed the traditional culture of the Jews. The authors conclude that the tradition of tolerance that developed in the 19th – early 20th centuries had basic influence on the formation of inter-ethnic peace in the region in subsequent periods.

Ключевые слова: евреи, иудаизм, толерантность, антисемитизм, Тюмень, Тобольск.

Keywords: Jews, Judaism, tolerance, anti-Semitism, Tyumen, Tobolsk.

Одной из задач репрессивной системы Российской империи было решение «еврейского вопроса», который заключался в создании для иудеев законодательных, политических, административных и иных ограничений; немаловажным фактором было формирование в обществе соответствующего образа еврея. Между тем, в отдельные исторические периоды государство вынуждено было ослаблять антисемитскую политику по причине значительной роли евреев в хозяйственной жизни страны. Эта тенденция впервые начала проявляться в Средневековой Италии еще в XVI в., что в рамках эпохи Возрождения привело к появлению непродолжительного «золотого века» иудеев и сопровождалось не только объективными судебными приговорами в отношении евреев, если таковые возникали, но даже введением охраны еврейских кварталов [22, с. 3].

В этот период возникла особая форма религиозной толерантности, пока не затрагивающая вопросы уважения нехристианских культур, но утверждающая веротерпимость как одну из экономических и политических основ государства. Предполагалось, что толерантность должна проявляться в системе послаблений и льгот, предоставляемых отдельным группам населения, оказавшегося за пределами католического общества, но при условии, что они несут «благотворную роль» и не представляют угрозы для христианства [23, с. 29]. Эту идею обсуждали философы и в последующие века: Джон Локк в «Письме о веротерпимости» (1689 г.), а также Иммануил Кант, Вильгельм фон Гумбольдт, Бенжамен Констан, Джон Стюарт Милль и др.

В России впервые эта форма толерантности была провозглашена в 1773 г. Екатериной II в «Указе о веротерпимости», что коренным образом изменило положение иноверческих общин [4, с. 21]. Положение иудеев все же продолжало зависеть от степени антисемитских взглядов императоров и их чиновников, однако один из сибирских регионов – юг современной Тюменской области – не вписывался в общегосударственную тенденцию. Конфессиональная толерантность в виде узаконенной Екатериной II веротерпимости там рано приобрела современные черты и уже на рубеже XIX – XX вв. основной частью местного населения понималась как признание равенства всех религий и необходимости их уважения. В качестве ответной реакции складывалась толерантность иудеев к православному и мусульманскому населению региона. Это явление не было абсолютным, но в целом соответствовало уже сложившимся традициям мирного сосуществования христиан с мусульманами.

Исторически Тюмень и Тобольск, будучи «воротами в Сибирь», принимали масштабные потоки пе-

реселенцев практически со всей европейской части России, которые по большей части оседали здесь же, формируя среду, толерантную к различным культурам [12, с. 189]. Кроме того, в течение столетий на территории юга Тюменской области были основаны сотни татарских и смешанных русско-татарских поселений, некоторые из которых насчитывали сотни лет своей истории (например, селу Чикча более 500 лет, селу Ембаево, где проживают представители 21 национальности, более 400 лет). Жизнь в них проходила в соответствии с «народным исламом», который основывался на началах веротерпимости по отношению ко всем народам и конфессиям, что подтверждается масштабными и многолетними исследованиями сектора этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета [20 – 21]. Взаимодействие мусульман с православными в рамках смешанных деревень проведено Т. Г. Бакиевой, которая на основе архивных материалов утверждает, что конфликты в деревнях проявлялись на бытовой, но отнюдь не на конфессиональной почве [2, с. 142]. Более того, в случае судебных споров (например, о земельных участках) представители местной власти не позволяли дискриминацию мусульман, таким образом компенсируя сложное в конфессиональном отношении российское законодательство и обеспечивая себе поддержку и уважение со стороны многочисленных мусульманских общин.

Если антисемитизм в Западной Европе и Европейской части России отражался даже в иконописных сюжетах (изображение иудеев в аду, на Страшном Суде и пр.) [19, с. 162], то для Тобольска и Тюмени это явление не было характерно, несмотря на широкое распространение иконописи за счет открытия при Тобольской Духовной семинарии иконописного класса. В частности, богатейшая коллекция русских православных икон конца XIX – начала XX вв., хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Тюменского государственного университета, а также сохранившиеся иконы местных церквей не содержат ни одного подобного сюжета.

В эту культурную среду попадали иудеи, находя там убежище от антисемитизма других регионов России и Сибири, по сравнению с которыми фактическое (не юридическое!) положение иудеев в Тюменском регионе воспринималось как свобода и реализация долгожданного «еврейского счастья». В этих условиях происходила весьма значительная социальная и психологическая трансформация переселенцев, затрагивающая глубинные образования их этнической и конфессиональной идентичности в национальной психологии. Взаимопроникновение культур было вы-

нужденным, оно обуславливалось административными, правовыми, национальными и бытовыми особенностями региона и формировало некий «усредненный» тип еврейского своеобразия. Религиозная психология иудейских объединений и отдельных граждан гармонизировалась и приобретала своеобразные черты регионального социокультурного пространства Тюменского региона. Данный феномен, отражающийся в конфессиональной толерантности, подтверждается исторической памятью, сохранившейся в культуре еврейских общин Тюмени и Тобольска, и зафиксированный в исследованиях [1; 3; 5] и ряде источников.

Первые примеры веротерпимости местной власти по отношению к евреям относятся к началу XIX в. В частности, в 1820 г. Александр I издал указ, запрещающий евреям принимать в услужение или на работу лиц христианского вероисповедания под угрозой за нарушение «сего запрещения подвергаться взысканию по суду» [6, л. 2]. При ознакомлении с указом выяснилось, что, например, в Тобольске он распространялся только на одного человека – Менделя Цванга, который занимался портным ремеслом и нанимал помощников из христиан. Мендель просил губернатора «не отбирать их», и власти пошли навстречу [6, л. 5], что было прямым нарушением императорского указа и могло повлечь наказание губернатора.

Примеры относительно лояльного и объективного отношения к евреям наблюдались в последующие периоды, о чем свидетельствуют полицейские и судебные дела. В качестве сравнения отметим, что в Западной Европе в Европейской части России многочисленными и регулярными были сфабрикованные судебные процессы по обвинению иудеев в ритуальных убийствах христианских детей [13, с. 183], и именно это чаще всего становилось поводом для еврейских погромов. В Тюмени и Тобольске таких обвинений и процессов не было никогда, а сохранившиеся архивные документы отражают принцип конфессионального равенства при расследовании уголовных и политических дел.

В частности, в середине XIX в. на уровне государственной власти началась борьба с мнимыми еврейскими революционными организациями. Одно из дел было начато в 1864 г., когда в Тобольскую жандармерию поступил донос от еврея Менделя Турина о том, что «между живущими в г. Тобольске евреями основалось под руководством политического преступника Евсея Борондовича, отставного солдата Ария Туника и с дозволения еврейского старосты Давыда Водовозова три общества, без надлежащего дозволения и утверждения правительства» [7, л. 10]. Во время внезапного и одновременного обыска на квартирах подозреваемых и в молитвенном доме жандармы обнаружили книги на еврейском языке, в частности, для записи пожертвований и обучения. К чести местной полиции, представленный донос в скором времени сочли ложным: «Все высказанные в доносе Турина обстоятельства выказывают только его недоброжелательность к остальному еврейскому обществу и желание набросить противоправительственную тень...» [7, л. 10].

В 1879 г. началось расследование нового дела [8, л. 10]. Согласно слухам, ходившим среди обывателей

Тобольска, местные евреи собирали деньги для помощи сосланным в Сибирь государственным преступникам. Следствие показало, что начиная с 1861 г. они действительно организованно собирали пожертвования для иерусалимских бедных евреев. С этой целью на каждом еврейском доме были прикреплены специальные жестяные кружки, которые разрешалось открывать три раза в год. Заключение следствия гласило: «Пожертвования не имеют никакого политического характера, а есть не более, как милостыня почитающих священные книги на Святой земле...» [8, л. 10].

В 1882 г. началось очередное следствие. Тобольский губернатор писал исправнику, что по сведениям МВД в России существует тайное еврейское общество, в которое вступили все евреи-капиталисты, отчислив крупные денежные взносы. Евреи имеют в своих домах кружки для сбора пожертвований в пользу всемирного еврейского кагала, для поддержания революционной партии [8, л. 10]. Результаты расследования были объективными: в Тобольске ни одного члена этого общества не оказалось.

Наиболее показательным примером межконфессионального взаимодействия и толерантности является история строительства Тюменской синагоги. В 1911 г. был торжественно заложен ее фундамент, и на этом мероприятии «было много публики разных вероисповеданий», которые поздравляли евреев; в этот день было собрано 1200 рублей пожертвований на строительство синагоги [15]. В 1912 г. синагога была готова. На ее торжественное открытие «пришло много русских, в числе их – представители города и приглашенные лица». Евреи просили православного купца Андрея Ивановича Текутьева «...как бывшего городского голову, оказавшего много услуг при постройке Синагоги, сделать честь еврейскому обществу – разрезать ленту у входной двери» [16], – этот факт свидетельствует не просто о веротерпимости представителя власти (пусть и бывшего), а о более высоком уровне толерантности – признании равенства иудаизма и уважении его представителей.

Исходя из изложенного, регион не случайно принимал все новые и новые волны иудеев из Западных районов России. Численность евреев, проживавших в Тюмени и Тобольске в конце XIX – XX вв., точно неизвестна, т. к. значительная (скорее всего, основная) их часть там находилась без разрешения и официально нигде не значилась. Между тем, предположение, что число евреев в разы превышало официальную статистику, не подлежит сомнению. На настоящий момент появились данные, что только в Тобольске действовало три синагоги, а на Тюменском еврейском кладбище, основанном в начале 1890-х гг., к 1912 г. было похоронено уже около тысячи евреев [10, с. 151]. Общая численность еврейского населения в городах доходила до 10 – 12 % [18, с. 73]. Наиболее активно массовое переселение в Сибирь началось со строительством Транссибирской железной дороги. Известен факт, что сразу после ее открытия в Западной Сибири за счет переселения евреев в течение года резко выросло число «маслоделательных заводов»: с 5 до 195 – почти в 40 раз, и масло начало экспортироваться, что говорило о резком развитии отрасли и начале конкурентности [14, с. 85].

Самовольное массовое переселение в Сибирь стало возможным в связи с несовершенством законодательной базы, с множеством противоречивых и запутанных нормативных актов об ограничении их прав. Губернская администрация, обремененная множеством других проблем, не имела ни времени, ни возможности, ни желания вникать в юридические тонкости вопроса, чтобы точно и своевременно выполнять законодательство по ограничению евреев в правах. Когда предпринимались попытки детально разобраться в нормативной базе, возникали коллизии: например, одни члены Правления считали, что запрет селиться в Сибири распространяется на всех, в т. ч. купцов первой гильдии, другие – что не распространяется на тех, кто живет в Сибири «долго», и т. д. [9, л. 41]. Поэтому практически на каждый запрос евреев о разрешении им постоянного проживания в регионе губернские власти обращались за разъяснениями в вышестоящие инстанции, вплоть до Сената, а ответ мог прийти через несколько лет, в течение которых евреев нельзя было выселить. Данную проблему в Тобольском губернском правлении отмечали как основную и успешно ее использовали, чтобы создать видимость борьбы с евреями и в то же время – освободить себя от лишних забот по их выселению.

Нужно понимать, что веротерпимость местной власти не могла быть абсолютной как в силу личностных качеств некоторых представителей власти, так в силу необходимости выполнять распоряжения «сверху», однако проявления антисемитизма наблюдались в Тюменском регионе значительно реже и мягче, чем в других частях России и Сибири. «Черные списки» на выселение евреев составлялись регулярно, но в отличие, например, от Томской губернии, не так активно применялись на практике (в частности, есть решения о высылке, но нет данных об их исполнении). В частности, в конце XIX в. был составлен график высылки: в 1899 г. из Тобольской губернии планировалось выдворить 246 чел. [9, л. 18], в 1901 г. – уже 460 [9, л. 5]. Однако местная власть не торопилась это делать под предлогом отсутствия средств в губернском бюджете, переполнения мест заключения, занятости иными проблемами и пр. В результате высылка все откладывалась, пока вопрос сам собой не «сошел на нет», и основная часть евреев осталась на своих местах. Перед центральной властью срыв программы Тобольский губернатор объяснил опять же запутанным законодательством и «человеческим фактором».

Составление «черных списков» и планы по массовой высылке евреев вызвали возмущение местных жителей других национальностей. Известны случаи, когда евреев под защиту брало татарское население. В частности, в 1896 г. земский заседатель пытался выселить из юрт Токузских Тобольской губернии семью Янкеля Пейселя, который, по его мнению, «являлся вредным для местного населения по своему мельничному занятию, отсыпая себе «лишние лопатки», т. е. брал с помольцев больше установленного». В юртах началось волнение, общество обратилось в губернское правление и объяснило, что требование выслать Пейселя вызвано «корыстью заседателя», и власти разрешили дальнейшее проживание [9, л. 19].

В начале XX в. в Тобольское губернское правление в защиту евреев поступала «масса ходатайств со стороны христиан, которые в течение долгого времени вступали с евреями в правовые, имущественные и личные отношения». Эти волнения также не прошли бесследно: власти постановили отсрочить высылку на год, «пока отношения между евреями и христианами не будут упорядочены», а также не выселять одиноких евреев старше 70 лет, если местное христианское общество, городское или сельское, согласится принять их на попечение [9, л. 95].

Массовым явлением среди евреев стала передача паспортов родственникам и знакомым при полицейских проверках. Такой паспорт не содержал «особых примет» и фотографии; он выдавался на всю семью и включал лишь имена и возраст главы семьи, его жены и детей. В ожидании проверки евреи формировали «семью» под паспорт, а затем быстро передавали его в другой дом, причем при поддержке православных. Полицейский исправник видел, что паспорта повторяются, но формальных оснований для ареста не имел. Попытки уличить обманщиков не приводили к успеху: согласно информации Тобольского губернского правления, паспорта передавались «каким-то чудесным образом» [9, л. 273]. Тот факт, что данное явление было массовым, но ни одна «семья» не была уличена, представляется довольно странным и ставит вопрос о добросовестности исполнения своих обязанностей полицейскими исправниками. Причины таких «упущений» не ясны, но они могли исходить не только из непрофессионализма и коррумпированности служащих, а также из их представлений о веротерпимости.

В начале XX в. было замечено, что согласно официальным спискам, многие евреи имеют христианские имена или фамилии [9, л. 247], причем сочетание было необычным, например, «Рыбкин Моисей Иосифович» и т. п. При составлении списков незаконно проживающих евреев, не имея официальных документов, сознательно присваивали себе русские имена или изменяли фамилии в соответствии с русским переводом, надеясь таким образом в будущем избежать антисемитского преследования. Особенно массовым это явление стало с 1915 г., когда отменили черту оседлости, разрешили проживать в Сибири и начали выдавать паспорта. Имена, отчества и фамилии записывались со слов евреев, которые, «замаскировав» таким образом свое происхождение, продолжали жить традиционной культурой. Многие фамилии сибирских евреев в тот период имели уменьшительно-ласкательный суффикс: «Птичкины», «Рыбкины», «Воробейчиковы», «Карасиковы» и т. п. До 1915 г. присвоение русских имен и фамилий было уголовно-наказуемым деянием, за что, например, в 1911 г. в Томске было привлечено к ответственности 64 чел. [11, л. 32.], но ни одного подобного процесса по Тюменскому региону архивы не зафиксировали.

Несмотря на встречавшиеся факты антисемитизма, данная среда все же сформировала в еврейской культуре устойчивые представления о Тюмени и Тобольске как едином конфессиональном культурном пространстве, что особенно ярко проявлялось в ситуациях, когда помощь требовалась православному населению. В частности, в мае 1918 г. в Тобольском драмтеатре активисты решили поставить пьесу, поро-

чащую Иисуса Христа, что вызвало возмущение всех религиозных общин города: «Сегодня издеваются над Христом, а завтра над Моисеем и Магометом». Через день в редакцию местной газеты от раввина О. Лейбовича поступило письмо: «Узнав от представителей Тобольского христианского общества... о готовящейся постановке на тобольской сцене пьесы «Распятый Христос» и ее кощунственном содержании, я считаю своей обязанностью уведомить евреев, что посещение такого зрелища, оскорбляющего чувства верующих, совершенно недопустимо» [17, с. 82]. Общими усилиями христиан, мусульман и иудеев пьеса была исключена из репертуара.

Мирное сосуществование иудеев в представителями иных конфессий вызывало тесные контакты между ними на бытовом и личностном уровнях и содействовала слиянию евреев с местным населением через многочисленные смешанные браки. Так как в условиях домашнего матриархата еврейское происхождение определяется по матери, которая является хранительницей традиций, то вхождение в семью женщины иной этноконфессиональной принадлежности вело не только к ослаблению, а иногда и к потере основных компонентов традиционной культуры.

Навязанный государством антисемитизм, подпитанный непримиримой позицией отдельных представителей местной власти и общества, общероссийская атмосфера неприятия еврейской идентичности не соответствовали представлениям большинства населения Тюмени и Тобольска о нормальных межконфессиональных отношениях, не могли в корне изменить основы религиозной толерантности Тюменского региона по отношению к иудеям, но в то время вынуждали их адаптироваться к общероссийской действительности. В условиях принудительной христианизации, принимаемая «ложное» крещение, значительная часть бывших иудеев региона оказалась вне религи-

озной культуры. Сформировался широкий пласт еврейского населения, отошедший от своих религиозных ориентиров, праздников, обычаев и верований, и, в то же время, не вошедший полностью в христианскую религиозную культуру, ее обрядность (например, Песах праздновать было уже нельзя, а про Пасху попросту забывали). На почве такого этнокультурного диссонанса значительная часть еврейского населения вынуждено оказалась в лоне атеизма самого различного толка, — полагаем, этот процесс коснулся и ряда революционных лидеров еврейского происхождения (В. И. Ленин и др.). Однако такая трансформация еврейской идентичности, в отличие от европейской, происходила в Западной Сибири в «мягкой» форме, без социальных эксцессов, потрясений и имела свою региональную специфику.

Выводы

На территории Тюменского региона XIX – начала XX вв. сформировались все виды религиозной толерантности по отношению к иудеям: от относительной веротерпимости до фактического признания их конфессионального равенства.

Проявления толерантности наблюдались на всех социальных уровнях местного общества: от представителей губернской власти, входивших в элиту региона, до беднейшего крестьянства разных национальностей и конфессий.

Явления антисемитизма в Тюменском регионе проявлялись значительно слабее, чем толерантность, что обеспечивало функционирование губернских центров как единого конфессионального пространства, в котором открытые межнациональные и религиозные конфликты представлялись невозможными; это подготовило почву для эффективного межнационального сотрудничества в советское время и в последующие периоды истории региона.

Литература

1. Антропова И. Е. Пожертвования евреев в Эрец-Исраэль в третьей четверти XIX в. Взгляд изнутри и отношение властей (на примере Тобольской губернии) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 42 – 55.
2. Бакиева Т. Г. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Гео, 2011. 214 с.
3. Белов С. Л. Еврейское население Тобольской губернии в конце XIX в.: социально-демографический портрет // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1997. Тюмень: Тюмень, 1999. С. 38 – 61.
4. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 265 с.
5. Боярский Л. В. География «Еврейской Тюмени» конца XIX – начала XX вв. // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 104 – 113.
6. Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (БГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 1. Оп. 1. Д. 340.
7. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 2. Д. 29.
8. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 6. Д. 607.
9. БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 597.
10. Варкин И. Е. Исчезнувшая иудаика Тюмени // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 147 – 160.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 2570.
12. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его обитатели в XVII – XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. 567 с.

13. Клиер Д. Кровавый навет в русской православной традиции // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 181 – 206.
14. Науменко Е. Е. Управляемое развитие предприятия как фактор конкурентноспособности // Предпринимательство. 2008. № 5.
15. Сибирская торговая газета. 1911. 29 июня.
16. Сибирский листок. 1912. 2 сентября.
17. Солодова Т. И. Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013.
18. Солодова Т. И. Документальные свидетельства о жизни евреев в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. (по материалам БГУТО ГАТО в г. Тобольске) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 70 – 80.
19. Химка Д.-П. Образ евреев в украинской иконе XIV – XVIII вв. // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 161 – 181.
20. Ярков А. П., Гарифуллин И. Б., Файзрахманов Г. Л. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: коллективная монография. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.
21. Ярков А. П., Гарифуллин И. Б., Пачежерцев Н. И. Ислам на территории Тюменской области: коллективная монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. 132 с.
22. Dana E. Katz. The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.
23. The History of the Jews of Italy. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1946. 137 p.

Информация об авторах:

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Olga N. Naumenko – Doctor of History, Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Tyumen State University.

Науменко Евгений Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Evgeniy A. Naumenko – Doctor of Psychology, Professor at the Department of State and Municipal Administration, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 94:39(571.12+12.28)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-АРХИТЕКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ТЮМЕНИ

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко

THE HISTORY OF THE FORMATION OF SPATIAL-ARCHITECTURAL ORGANIZATION OF THE TYUMEN JEWISH COMMUNITY

O. N. Naumenko, E. A. Naumenko

Предмет исследования – пространственно-архитектурная организация иудейской общины г. Тюмени. Цель статьи – выявление особенностей организации жизни еврейской диаспоры г. Тюмени с точки зрения архитектурных решений на основе сравнительно-исторического метода исследования. Авторы сопоставляют особенности пространственного освоения евреями Тюмени с принципами организации еврейских кварталов в двух основных исторических центрах иудейской культуры – Иерусалиме и средневековой Праге, выявляют общее и отличительное в этом процессе. Внимание авторов обращено на построение исторического центра Тюмени, где в начале XX в. по инициативе местной власти в пределах одного квартала располагались культовые здания нескольких конфессий, что содействовало закреплению в среде местного населения конфессиональной толерантности. Результатом исследования, изложенного в статье, является определение архитектурно-пространственной организации Тюменской еврейской общины как сочетания трех основных векторов культурного воздействия: иерусалимского, пражского и местного. Авторы делают вывод об эффективности сложившейся модели для реализации культурной и конфессиональной идентичности евреев и их влияния на социальное и экономическое развитие региона.

The research focuses on spatial-architectural organization of the Jewish community in Tyumen. The paper aims at identifying the characteristics of the organization of Jewish life in the Diaspora in Tyumen from the point of view of architectural decisions on the basis of historical-comparative method of historical research. The authors compare the

features of Jews' spatial development in Tyumen with the principles of the Jewish quarters organization in the two main historical centres of Jewish culture – Jerusalem and medieval Prague, to identify common and distinctive features in this process. The author's attention is drawn to the building of the historical centre of Tyumen, where in the early 20th century on the initiative of the local authorities cult buildings of several confessions were located within the same quarter, which contributed to the consolidation of religious tolerance in the local population. The result of the research presented in the paper is the definition of architectural and spatial organization of the Tyumen Jewish community as a combination of three key vectors of cultural impact: Jerusalem, Prague and local. The authors conclude about the effectiveness of the developed model for the realization of cultural and religious identity of the Jews and their impact on social and economic development of the region.

Ключевые слова: евреи, иудаизм, толерантность, антисемитизм, архитектура, Западная Сибирь, пространственно-архитектурная организация.

Keywords: Jews, Judaism, tolerance, anti-Semitism, architecture, Western Siberia, spatial-architectural organization.

Национальная политика Российского государства в дореволюционный период не предполагала равноправия многочисленных народов, населявших государство. В наиболее сложном положении находилось еврейское население, что вызвало его массовую миграцию в малозаселенную и отдаленную от центральной власти Сибирь. Основная часть еврейской общины Тюмени сформировалась в конце XIX – начале XX вв., что было связано со строительством Транссибирской магистрали, значительно облегчавшей процесс переселения; немаловажным фактором стал перенос губернской столицы из Тобольска в Тюмень.

Как правило, переселенцами становились евреи из западных районов Российской империи; они имели традиционные взгляды на организацию жизни общины, образцом которой в Европе был еврейский квартал в Праге. Эта столица на протяжении столетий считалась для иудеев вторым по значимости городом после Иерусалима [12, с. 76]. Именно в Праге в XIV в. Звезда Давида стала символом иудаизма, там же расположена одна из старейших в Европе синагог – Староновая (XIII в.), и именно там наблюдалась самая высокая концентрация еврейских культовых зданий: десять синагог на один квартал [15, с. 13]. Несмотря на сложившиеся традиции, при миграции в Сибирь копирование европейских принципов архитектурной организации кварталов не произошло.

В условиях западносибирского региона началось смещение акцентов в сфере культуры, чувстве конфессиональности и построении своего жизненного пространства. Тюменские евреи при организации жизни начали ориентироваться прежде всего на нормы пространственной архитектуры Иерусалима, и лишь частично – на западные, европейские образцы. Такая ориентация исходила от трех важных факторов жизнеустройства. Во-первых, у сибирских евреев постепенно ослабли связи с западными регионами, где проживали их предки. Во-вторых, не все, характерное для еврейской культуры Европы, воспринималось как «правильное», каноническое с точки зрения иудаизма. В-третьих, в Сибири еще не сложилась региональная еврейская культура, которая диктовала бы вновь приезжим свои правила. В условиях «чистого культурного поля» и конфессиональной толерантности можно было варьировать взглядами, ориентирами, избирая архитектурные образцы, но, в то же время, – следовать религиозным представлениям и духовным потребностям ортодоксальных иудеев. Как итог – в Тюмени сформировалась своя философия простран-

венно-архитектурной организации жизни еврейской общины, соответствовавшая в целом традициям как Иерусалима, так и Праги.

Среди общих принципов такой организации можно отметить расположение еврейских домов в центральной части города, что было связано с особенностями хозяйственной деятельности: торговые лавки, магазины, ростовщические конторы, фотоателье, салоны портных и другие предпочитаемые евреями заведения удобнее и выгоднее было располагать в многолюдных местах. В частности, в историческом центре Тюмени находилась швейная мастерская И. Л. Альтшуллера, кинотеатр и фотоателье И. Ш. Шустера и др. [8, с. 100]. В целом в Тюмени, как в Иерусалиме и Праге, евреи селились в районах, получивших позднее статус исторической части города. Рядом располагались культовые и жилые постройки представителей иных народов: на одной улице могло насчитываться до нескольких десятков жилых домов и учреждений, принадлежащих представителям разных конфессий и национальностей. Архивные материалы Тюмени свидетельствуют о высокой степени деловой, конфессиональной и межкультурной терпимости такого соседства.

Район улицы Царской в Тюмени был как раз таким местом: в пределах одного квартала действовали синагога, мечеть, католический костел и две православные церкви. Они располагались не рядом, а были разделены архитектурным пространством квартала: расстояние между каждым культовым строением составляет около 200 метров. Входы почти во все из них устроены не с центральной улицы, а из небольших переулков, – это позволяло верующим не видеть друг друга при посещении храмов. Ограда, а также небольшой участок вокруг культовых зданий создавали некоторое автономное пространство, которое верующими воспринималось как «свое». Получались условные «мини-кварталы»; в пределах этих территорий располагались и другие строения диаспор. Такое деление закрепилось и в повседневной культуре горожан: ориентация с уточнением «в районе костела», «в районе синагоги» стала обычным явлением и воспринималась как отражение традиционной территории религиозных общин.

Данная организация архитектурного пространства отражала устройство исторической части другого города: столицы «Земли Обетованной» – Иерусалима, уникального святого места трех конфессий [14, с. 359]. Исторический центр Иерусалима поделен на четыре квартала: Еврейский, Христианский, Армян-

ский и Мусульманский [16, с. 117]. Еврейский квартал никогда не был отгорожен отдельными стенами, в отличие от Праги, где уже в XIII в. по разрешению королевской власти вокруг квартала была построена стена с воротами, закрывающимися на ночь [5, с. 6]. Интересно, что в Праге остальные четыре квартала были христианскими: мусульмане отдельной территории не имели, информация о мечетях не обнаружена [9, с. 4 – 140].

Среди общих принципов расположения еврейских общин важно отметить еще один: наиболее значимые для них города стояли на выгодных торговых путях. Этот факт хорошо иллюстрируется примером про странственно-архитектурной организации еврейской общины в Праге, через которую издревна проходили караваны из Иерусалима, Месопотамии, Египта, из Финикии и районов Красного моря. Древнейшее письменное упоминание о Праге, сделанное в X в. арабским путешественником и купцом Ибрагимом Ибн Якубом, гласит: «Город Прага... является самым большим рынком славянских земель» [6]. В XIV столетии, в период правления Карла IV, Прага переживала пору экономического расцвета, став крупнейшим торговым центром Европы. Определенной аналогией Праги в принципе расположения еврейских общин стали сибирские столицы Тобольск и Тюмень, которые также находились на пересечении важнейших торговых путей: именно через них проходил Великий шелковый путь в Китай и Среднюю Азию.

Как правило, евреи предпочитали селиться на берегах крупных рек, где располагались порты, удобные для торговли: еврейский квартал Иерусалима построен на берегу Иордана, еврейский квартал в Праге располагается на берегу р. Влтавы. Основная часть еврейских домов в Тюмени находится недалеко от р. Туры, причем рядом располагался речной порт. Тура связана водными путями с другими крупными реками Западной Сибири: Тоболом, Иртышом, Обью, которые составляли единую судоходную сеть, связывавшую северные провинции России с ее южными рубежами и ведущими в Китай, Монголию и другие государства Средней Азии.

Важно также отметить, что традиции расселения евреев во многом обуславливалась и строительством ритуальных сооружений. Примером таковых могут быть бани-миквэ, которые должны были находиться в жилом комплексе. В Тюмени миквэ, по-видимому, располагалась также недалеко от берега, на пересечении улиц Тургенева и Герцена, где протекал еще и ручей [4, с. 153]. Однако было и историческое обоснование такого расположения: согласно традиции, зафиксированной у Иосифа Флавия (Древ. 58), синагога (следовательно, и еврейский квартал) должна стоять на берегу реки или моря.

Если был выбор, евреи предпочитали селиться в столицах государств или регионов. В частности, Иерусалим долгое время был самым крупным городом одной из Римских провинций; на протяжении всей истории он сохранял статус какой-либо столицы: «религиозной», «культурной», «второй государственной» и пр. [1, с. 111]. Прага уже в XIII в. стала местом резиденции чешских королей, а в XIV в. при Карле IV, который одновременно был императором Рим-

ским, она поднялась до уровня столицы Священной Римской империи [10]. Тобольск и Тюмень хотя и уступали этим городам по значимости, но превышали их по размерам управляемой территории. После деления Сибири на Западную и Восточную территориальные владения Тобольска значительно уменьшились, но все равно в несколько раз превышали размеры как Иерусалима, так и Праги.

Общие принципы расположения еврейских общин, характерные для рассмотренных городов, в Тюмени получили развитие. В условиях конфессиональной толерантности города у евреев появилась возможность не скрывать национальную принадлежность, не бояться еврейских погромов, открыто участвовать в различных социальных проектах и производствах, развивать искусство. В частности, Звезды Давида (Маген-Довид), кроме синагог, появились и на жилых зданиях, что свидетельствовало о свободном выражении конфессиональной и этнической идентичности евреев. Даже в еврейском квартале Праги символ Звезды Давида отсутствует на жилых постройках. Звезды располагаются только на синагогах, воротах кладбища и здании раввината. А вот в Иерусалиме на стенах и фронтонах частных особняков Маген-Довид помещался [14, с. 362.].

В Тюмени на настоящее время известно несколько хорошо сохранившихся жилых домов с иудейской символикой, ранее принадлежавших Брандтам, Рабиновичам, Альтшуллерам, Шайчикам, Оверштейнам [3]. Как правило, Маген-Довид помещался на высшей точке здания, на фронтоне. Символ внушительных размеров (примерно метр на метр или больше) был виден издалека и как бы возвышался над окружающим пространством. Кроме того, фронтон с Маген-Довидом занимал примерно 1/6 от общей высоты здания. Это наблюдается в архитектурном решении домов Й. Х. Брандта, Ш. М. Оверштейна и Я. Ш. Шайчика, расположенных на ул. Спасской (современная ул. Ленина) [7]. Такое соотношение не выдерживалось специально, но даже факт случайного совпадения символичен: число шесть является особо значимым в иудаизме.

Стремление поместить Маген-Довид на высшей точке здания соответствовало правилам, предусмотренным Галахой. Они касались строительства синагог, которые должны возводиться на самом высоком в городе месте, если для этого будет возможность. Правило противоречило законодательству Российской империи, согласно которому ни одно культовое сооружение иноверцев не может быть выше православной церкви [2, с. 58]. Однако в отношении купеческих особняков закон молчал, и у местных евреев появилась возможность компенсировать «историческую несправедливость» строительством домов более высокой этажности.

Связи с Иерусалимом традиционно были не только культурными, но и экономическими [13, с. 16], а начиная с XIX в. тюменские купцы покупали там землю. В частности, «Сибирский листок» начала XX в. отмечает: «Среди местных евреев начинается тяга в Палестину. Так, на днях возвратился из Палестины местный еврей г. Конюхович, ездивший туда со специальной целью подсмотреть и приобрести себе зем-

лю... Говорят, что г. Конюхович – не единственный случай» [11, с. 1]. Дома, построенные в Бухарском квартале Иерусалима (где селились бухарские евреи и богатые купцы), в основном асимметричны, в соответствии с убеждением владельцев, что совершенство подобает одному только Господу. В полной мере асимметричность наблюдается и в архитектурном облике Тюменской синагоги, в отличие, например, от Томской хоральной синагоги; этот же принцип наблюдается при сооружении евреями зданий сугубо гражданского назначения.

Выводы

В целом организация архитектурного пространства еврейской общины в Тюмени ориентировалась на Иерусалим как историческое место жизнедеятельности и взаимодействия представителей трех мировых религий; тяготение к «еврейской Праге» проявлялось в меньшей степени.

Литература

1. Боганим А., Израэль С. Истоки Иерусалима / ред. Д. Вул; отв. ред. Л. Дженнер-Клаузнер. Иерусалим: Education Matters Ltd., 1995. 218 с.
2. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 265 с.
3. Боярский Л. В. География «Еврейской Тюмени» конца XIX – начала XX вв. // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 104 – 113.
4. Варкин И. Е. Исчезнувшая иудаика Тюмени // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013.
5. Виторова М., Кейрж И., Гушек М. Прага еврейская. Прага: Изд-во Итка Кейржова, 2004. 56 с.
6. Еврейская электронная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.jn.co.il/article/15479> (дата обращения: 17.05.2013).
7. Еврейский календарь. Тюмень, 2012. 15 с.
8. Зотин Ю. С. Еврейские семьи Тюмени // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013.
9. Искусство и история Праги: русское издание. Italy – Rome: Copyright by Casa Editrice Bonechi, 1989. 144 p.
10. История Праги. Режим доступа: <http://www.prag.ru/history-prag/history-p.html> (дата обращения: 17.05.2013).
11. Сибирская торговая газета [Коллаж]. Тюмень: Экспресс, 2012.
12. David A. Harris. The Jewish world. New York: Liberty publishing house. 1989. – 450 p.
13. Holo J. Byzantine Jews in the Mediterranean Economy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. 211 p.
14. Jacobs A. S. Visible Ghosts and Invisible Demons: The Place of Jews in Early Christian Terra Sancta // Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures / Ed. by E. M. Meyers. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 1999.
15. Parik A., Cabanova D., Kliment P. Пражские синагоги. Прага: Zidovske muzeum Praha. 2012. 120 с.
16. The Talmud, Jerusalem and Greece-Roman Culture / Ed. by P. Schaefer. London: Coronet Books, 2002. Vol. 1. 321 p.

Информация об авторах:

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Olga N. Naumenko – Doctor of History, Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Tyumen State University.

Науменко Евгений Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Evgeniy A. Naumenko – Doctor of Psychology, Professor at the Department of State and Municipal Administration, Tyumen State University.

Региональный компонент при организации общины также имел выраженный характер и заключался в свободной демонстрации религиозных верований посредством распространения иудейской символики и невозможности полного обособления еврейской диаспоры в пространственно-архитектурном плане.

Особенности организации «еврейской Тюмени» создали условия для реализации как конфессиональной, так и национальной идентичности представителей иудаизма. Выражение и переживание национальных традиций, обрядов, праздников в этих условиях было в достаточной мере свободным и отражало высокий уровень конфессиональной толерантности в городе. Это обеспечивало взаимодействие евреев с представителями иных религий и содействовало экономическому и культурному развитию региона через широкое участие иудеев в хозяйственной, образовательной и иных сферах жизни местного общества.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

МАТЕМАТИКА

УДК 004.931

АВТОМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛАБОСТРУКТУРИРОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
УЧАСТВУЮЩИХ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

А. М. Гудов, С. Ю. Завозкин, В. А. Шевнин

AUTOMATIC CLASSIFICATION OF SEMISTRUCTURED DOCUMENTS
IN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROCESS

A. M. Gudov, S. Yu. Zavozkin, V. A. Shevnin

Работа выполнена в рамках задания № 2014/64 на выполнение государственной работы «Организация проведения научных исследований».

Ежедневно в научно-образовательном процессе любого учебного учреждения используется множество слабоструктурированных документов. Одним из подходов, позволяющих единообразно обрабатывать такие документы, является работа не с самими документами, а с их метаданными. Однако эффективность такого подхода в случае большого числа слабоструктурированных документов может быть достигнута лишь при наличии эффективного, с точки зрения использования вычислительных ресурсов, механизма автоматического извлечения метаданных из содержимого документов, который можно разбить на три этапа: определение класса документа; кластеризация документов, класс которых не удалось определить; извлечение метаданных из документа уже известного класса. Данная работа посвящена поиску возможных решений на первом этапе – автоматической классификации слабоструктурированных документов. В работе введено понятие слабоструктурированного документа, представлены критерии эффективности методов классификации, проведен сравнительный анализ методов в соответствии с первыми пятью критериями. Для оценки по дополнительно разработанным двум критериям были реализованы методы: многослойные нейронные сети, Роккио, k-ближайших соседей. Результаты проведенного анализа показали, что наибольшую эффективность при решении данной задачи с точки зрения соотношения точность/скорость показывают нейронные сети, но точность классификации на слабоструктурированных документах не является достаточной. Выдвинута гипотеза, что точность методов можно повысить, используя при классификации не только ключевые слова, но и известную структуру документа.

Numerous semi-structured documents are used daily in education and research activities at universities. Dealing with metadata rather than documents themselves is one of the ways of processing documents uniformly. However, as far as many semi-structured documents are concerned, this method is considered to be efficient only in case of the existing procedure of automatic extraction of documents content metadata. The procedure includes 3 stages: document class identification, clusterization of the documents whose classes could not be identified, extraction of metadata from the documents of identified classes. The paper is dedicated to possible solutions for the first stage, i.e. automatic classification of semi-structured documents. The paper includes the definition of a semi-structured document, criteria of methods efficiency classification, comparative analysis of different methods regarding 5 top criteria. To estimate 2 additionally developed criteria the following methods are used: multilayer neural networks, Rocchio algorithm, k-nearest neighbor method. Based on the analysis results, the neural networks method appears to be the most efficient in the context of accuracy and speed correlation. However, classification accuracy is not enough when dealing with semi-structured documents. The authors suppose the accuracy of the methods can be improved by using not only key words but also determined document structure during classification process.

Ключевые слова: слабоструктурированные документы, метаданные, автоматическое извлечение, автоматическая.

Keywords: semi-structured documents, metadata, automatic extraction, automatic.

На современном этапе развития мирового сообщества информация является стратегическим ресурсом, таким же, как традиционные материальные или энергетические ресурсы. При этом становление информационного общества уже немыслимо без использования информационных ресурсов (ИР) в электронном виде. Наибольший экономический и социальный успех сегодня сопутствует странам, активно развивающим и использующим современные информационные технологии и системы управления ИР. Это направление является приоритетным для многих развитых стран, в том

числе и России, где оно отнесено к критическому направлению развития общества.

В настоящее время используется множество систем, обеспечивающих информационную поддержку различных областей деятельности, которые, как правило, работают со строго структурированными данными. Однако существенная часть документов в электронном документообороте многих организаций являются слабоструктурированными. К примеру, ежедневно в научно-образовательном процессе учебного учреждения используется множество слабоструктурированных до-

кументов – решения, рефераты, отчеты, статьи, тезисы, курсовые и дипломные работы, электронные письма, рабочие и учебные планы и т. д. Работа с такими документами вызывает целый ряд проблем, связанных со сложностью и трудозатратностью поиска, классификации и обработки слабоструктурированных данных.

Одним из решений описанной проблемы является обработка метаданных документа известной структуры и, основываясь на ее результатах, осуществление основных действий с данными. Однако эффективность такого подхода в случае большого числа слабоструктурированных документов может быть достигнута лишь при наличии механизма автоматического извлечения метаданных из содержимого документа, который позволяет снизить затраты на обработку новых поступающих в систему документов. В частности, для учреждения высшего образования механизм автоматического извлечения метаданных позволит ускорить процессы регистрации и обработки документов: в системе, обеспечивающей информационную поддержку проведения приемной компании (паспортные данные, заявление и т. д.); в системе электронного документооборота (письмо, приказ и т. д.); в системе информационной поддержки научной деятельности (публикации, грамота за победу в конференции и т. д.); в системе информационной поддержки образовательной деятельности (лабораторная работа, сочинение и т. д.); в системе информационной поддержки библиотеки (новые литературные поступления и т. д.).

Еще одно преимущество применения механизма автоматического извлечения метаданных – возможность компьютеризированного анализа текста, в том числе и интеллектуального. Рассмотрим типовую ситуацию, когда на электронный почтовый ящик кафедры отправлено письмо, содержащее документы с результатами выполнения самостоятельной работы студента очной или очно-заочной формы обучения. После автоматического извлечения метаданных становится возможной регистрация и обработка каждого документа в соответствующей информационной системе с заданными для данного класса документов регламентом.

Метода для универсального решения задачи извлечения метаданных на сегодняшний день не существует [2]. Поэтому чрезвычайно актуальным является разработка общих научно-методологических подходов к решению указанной проблемы.

Основной проблемой для автоматических методов извлечения метаданных является достижение приемлемой точности определения как самих метаданных, так и их значений. Определение путей повышения скорости работы механизма извлечения метаданных при сохранении указанной точности получаемых значений является основной целью предлагаемой работы. Один из способов достижения поставленной цели – первоначальная классификация документа, а затем извлечение значений метаданных из документа определенного класса.

Таким образом, процесс автоматического извлечения метаданных из документов можно разбить на следующие этапы.

1. Автоматическая классификация документа. Данный шаг обоснован тем, что разные типы докумен-

тов содержат различные наборы и определения метаданных.

2. Кластеризация документов, класс которых не удалось определить на предыдущем шаге. Данный этап требуется для того, чтобы в процессе классификации выделять документы тех классов, которые не участвовали в первоначальном обучении алгоритмов классификации.

3. Непосредственное извлечение метаданных из документа определенного класса.

Был проведен сравнительный анализ большинства известных методов классификации документов:

- а) опорные вектора (О);
- б) «наивный» алгоритм Байеса (Б);
- в) метод k-ближайших соседей (БС);
- г) многослойные нейронные сети (НС);
- д) метод Роккио (Р);
- е) модифицированный метод k-ближайших соседей (МБС).

Описание методов (а – г) и (д – е) можно найти соответственно в работах [6; 7].

Для измерения эффективности методов при решении задачи извлечения метаданных использовались следующие характеристики, разработанные на основе работы [6]: 1) возможность модификации метода для учета структуры документа; 2) алгоритмическая сложность; 3) независимость скорости классификации от числа классифицированных документов; 4) возможность оценки степени близости к классу; 5) возможность классификации на уровне словосочетаний; 6) точность классификации; 7) скорость классификации.

Для каждой из характеристик определен способ измерения и шкала принимаемых ею значений. Характеристики (1 – 5) были измерены на основе анализа научной литературы. Соответствующие оценки представлены в таблице 1.

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что методы (г – е) наиболее эффективны при решении рассматриваемой задачи [3]. Для измерения критериев (6 – 7) анализа литературы оказалось недостаточно и методы (г – е) были реализованы в исполняемом коде.

Все рассматриваемые методы относятся к числу обучаемых – для них необходимо задать исходный набор заранее классифицированных документов, который изначально делится на две части: обучающее и тестовое множества. Эти множества были сформированы из 300 структурированных и слабоструктурированных документов.

Под структурированными в работе понимаются документы, структура которых позволяет однозначно определить необходимый набор метаданных. В качестве примера таких документов можно привести: распоряжение, приказ, служебная записка, заявление, объяснительная, отзыв на выпускную работу, рабочая программа.

Под слабоструктурированными в работе понимаются документы, структура которых не позволяет однозначно определить необходимый набор метаданных. Использовались следующие типы слабоструктурированных документов: реферат, отчет по лабораторной работе, дипломная работа, курсовая работа, отзыв на автореферат.

Сравнительный анализ методов классификации документов

Характеристики эффективности	Шкала, балл	Методы классификации					
		БС	О	Б	НС	Р	МБС
Возможность модификации метода для учета структуры документа	1 – да; 0 – нет.	1	1	0	1	1	1
Алгоритмическая сложность	1 – алгоритмическая сложность $O(n)$; 0 – алгоритмическая сложность $O(k \cdot n)$.	0	1	1	1	1	1
Независимость скорости классификации от числа классифицируемых документов	1 – скорость классификации не зависит от числа уже классифицируемых документов; 0 – скорость классификации падает при увеличении количества классифицируемых документов.	0	1	1	1	1	1
Возможность оценки степени близости к классу	1 – метод позволяет оценить вероятность принадлежности к классу; 0 – метод не позволяет оценить вероятность принадлежности к классу.	1	0	1	1	1	1
Возможность классификации на уровне словосочетаний	1 – метод позволяет учитывать словосочетания; 0 – метод не позволяет учитывать словосочетания.	1	1	0	1	1	1
Итоговая оценка		3	4	3	5	5	5

Все исследуемые методы работают с векторами из пространства признаков R^n , где n – количество признаков, которыми характеризуется каждый документ. Это приводит к необходимости преобразования документов к векторному виду, для чего каждому слову документа ставится в соответствие координата из пространства признаков (вес слова в контексте документа), значение которой находилось с помощью частотной характеристики TF-IDF [4]:

$$w_i = \frac{n_i}{N} \left(1 - \frac{l_i}{L} \right), \quad (1)$$

где w_i – вес i -того слова в контексте документа; n_i – частота встречаемости слова в документе; N – общее количество слов в документе; l_i – количество документов из обучающей выборки, в которых встречается i -слово; L – количество документов в обучающей выборке.

Учет всех слов, встречаемых в документах из обучающей выборки, приводит к высокой размерности пространства признаков, что может быть причиной низкой скорости работы алгоритмов. С целью сокращения размерности пространства признаков для классификации документов использовались лишь такие ключевые слова, которые встречаются не менее чем в 75 % документов одного класса из обучающей выборки. Кроме того, все рассматриваемые слова приводились к нормальным формам (именительный падеж, единственное число) с помощью словарей «iSpell» [5], что позволило объединить одинаковые слова, имеющие различные морфологические формы, в одну координату пространства признаков.

Таким образом, алгоритм приведения документов к векторному виду состоит из следующих шагов.

1. Из каждого класса документов, входящих в обучающую выборку, извлекаются и приводятся к нормальным формам ключевые слова.

2. Из множества полученных ключевых слов удаляются те, которые встречаются менее чем в 75 % документов рассматриваемого класса, что позволяет избавиться от слов, не характерных для документов класса.

3. Множества ключевых слов, которые были извлечены из каждого класса документов обучающей выборки, объединяются в одно общее множество.

4. Из полученного множества удаляются все повторяющиеся ключевые слова.

5. Векторное представление документов (входящих в обучающую выборку или поступающих на вход алгоритма для классификации), получается путем нахождения веса каждого слова из полученного множества в контексте рассматриваемого документа при помощи меры (1).

Представленный алгоритм каждому рассматриваемому документу ставит в соответствие некоторый вектор из векторного пространства размерности n , что позволяет сравнивать между собой различные документы.

При реализации метода, основанного на нейронных сетях, использовалась трехслойная нейронная сеть типа «Персептрон». Первый (входной) слой нейронной сети принимал координаты векторов документов из обучающей выборки, поэтому количество нейронов на данном слое совпадало с количеством координат. Оптимальное число нейронов на втором (скрытом) слое подбиралось в процессе тестирования алгоритма. Каждый нейрон на третьем (выходном) слое отвечал за определенный класс документов, поэтому количество нейронов на данном слое равнялось количеству имеющихся классов. В качестве функции

активации использовалась сигмоидальная функция следующего вида: $out = \frac{1}{1 + e^{-sum}}$,

где out – выходной сигнал нейрона; sum – сумма произведений выходных сигналов нейронов предыдущего слоя на соответствующие весовые коэффициенты данного нейрона.

Для обучения нейронной сети использовался алгоритм обратного распространения ошибки [1]. Обучение прекращалось, если для каждого документа из обучающей выборки выходной сигнал нейрона, соответствующего классу данного документа, принимал значение больше 0.999, в то время как остальные нейроны возвращали сигналы меньше 0.001.

При реализации метода Роккио для каждого класса документов из обучающей выборки находился центроид (типичный представитель класса) по формуле:

$$x_i = \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n x_i^k,$$

где x_i – i -ая координата центроида; n – количество документов в классе; x_i^k – значение i -й координаты для k -го документа класса. Классифицируемый документ относился к тому классу, к которому принадлежал ближайший к нему центроид.

При реализации классического метода ближайших соседей определялось расстояние от классифицируемого документа до каждого документа из обучающей выборки с целью определения k наиболее близких к нему документов. Новый документ относят

к самому многочисленному из классов, на которые разбиваются данные k документов. В модифицированном методе ближайших соседей хранятся расстояния между всеми документами из обучающей выборки, что позволяет каждый новый документ сравнивать лишь с теми документами из обучающей выборки, которые расположены заведомо близко от него.

В процессе классификации методами (д-е) необходимо находить расстояние между документами, для чего использовались следующие метрики: евклидово расстояние (Е)

$$P_e(x, y) = \sum_{i=1}^n x_i y_i,$$

косинусная мера сходства (К)

$$\cos(a) = \frac{(x, y)}{|x| |y|},$$

хеммингово расстояние (Х)

$$P_h(x, y) = \sum_{i=1}^n |x_i - y_i|.$$

Выбор для тестирования нескольких метрик был обусловлен предположением, что различные способы нахождения расстояния могут давать разные точности классификации.

Тестирование реализованных методов производилось на компьютере со следующей аппаратной конфигурацией: Intel Core i5 Haswell 3.4 GHz, 128 GB SSD, 4 GB ОЗУ. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Точность классификации рассматриваемых методов

Метод	Метрика	Кол-во нейронов	Кол-во соседей	Точность классификации на структурированных документах, %	Точность классификации на слабоструктурированных документах, %	Общая точность, %	Время, мс
НС		24		97,14	84	91,67	8
НС		25		97,14	80	90	11
МБС	Е		5	94,29	84	90	444
МБС	Х		5	94,29	84	90	269
НС		26		100	72	88,33	7
Р	Е			94,29	80	88,33	26
Р	К			91,43	84	88,33	25
МБС	К		5	85,71	76	81,67	389
Р	Х			57,14	64	60	24

Представленные результаты показывают, что наибольшую эффективность при решении данной задачи с точки зрения соотношения точность/скорость показывают нейронные сети, но точность классификации на слабоструктурированных документах не является достаточной. Возможно, точность методов

можно повысить, если при классификации использовать не только ключевые слова, но и структуру документа. Для проверки этой гипотезы разрабатываются соответствующие модификации рассмотренных методов с целью сравнения точности и скорости классификации слабоструктурированных документов.

Литература

1. Галушкин А. И. Синтез многослойных систем распознавания образов. М.: Энергия. 1974.
2. Гудов А. М., Завозкин С. Ю., Меньшиков А. С. Модуль автоматического определения метаданных документа в системе электронного документооборота вуза // Вестник КемГУ. 2006. № 1(25). С. 31 – 36.
3. Гудов А. М., Завозкин С. Ю., Шевнин В. А. Автоматическое извлечение метаданных из слабоструктурированных документов, участвующих в научно-образовательном процессе // Информационные технологии и

математическое моделирование (ИТММ-2013): материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (им. А. Ф. Терпугова), 29 – 30 ноября 2013 г. Ч. I.

4. Кристофер Д. Маннинг, Правхакар Рагхаван, Хайнрих Шютце. Введение в информационный поиск [пер. с англ.] М.: И. Д. Вильямс, 2011.

5. Лебедев А. Словарь русского языка ispell // Кафедра физики полупроводников. 2014. Режим доступа: scon155.phys.msu.ru/~swan/orthography.html (дата обращения: 30.01.2014).

6. Пескова О. В. Методы автоматической классификации текстовых электронных документов // НТИ. (Серия 2: Информационные процессы и системы). 2006. № 3. С. 13 – 20.

7. Толчеев В. О. Модифицированный и обобщенный метод ближайшего соседа для классификации библиографически текстовых документов // Заводская лаборатория, диагностика материалов. 2009. Т. 75. № 7. С. 63 – 70.

Информация об авторах:

Гудов Александр Михайлович – доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ, good@kemsu.ru.

Alexander M. Gudov – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the UNESCO Department for New Information Technologies, Kemerovo State University.

Завозкин Сергей Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ, shade@kemsu.ru.

Sergey Yu. Zavozkin – Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor at the UNESCO Department for New Information Technologies, Kemerovo State University.

Шевнин Василий Алексеевич – аспирант кафедры ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ, yaaaasyaaaa@gmail.com.

Vasily A. Shevnin – post-graduate student at the UNESCO Department for New Information Technologies, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – С. Ю. Завозкин).

Статья поступила в редколлегию 17.10.2014 г.

УДК 517.9

О КОРРЕКТНОСТИ СТАЦИОНАРНОЙ ЗАДАЧИ ОБТЕКАНИЯ ПРЕПЯТСТВИЯ ПОТОКОМ СМЕСЕЙ ВЯЗКИХ СЖИМАЕМЫХ ЖИДКОСТЕЙ

Н. А. Кучер, А. А. Жалнина

ON WELL-POSEDNESS OF STEADY PROBLEM FOR MIXTURE OF COMPRESSIBLE VISCOUS FLUIDS FLOW AROUND AN OBSTACLE

N. A. Kucher, A. A. Zhalnina

Рассматривается неоднородная краевая задача для уравнений, описывающих стационарное обтекание препятствия потоком смеси вязких сжимаемых жидкостей. Доказывается существование и единственность сильного решения данной задачи. На основании полученных результатов может быть проведен анализ оптимальной формы препятствия при обтекании смесью вязких сжимаемых жидкостей.

The inhomogeneous boundary value problems for equations of mixture of compressible viscous fluids steady flow around an obstacle are considered. Existence and uniqueness of strong solution for such problem is proved. The results established in the paper can be used to analyze the optimal shape for obstacles in compressible flow of mixture of viscous fluids.

Ключевые слова: краевая задача, смесь вязких сжимаемых жидкостей, сильное решение, обтекание препятствия.

Keywords: boundary value problem, mixture of viscous compressible fluids, strong solution, flow around an obstacle.

Предположим, что бинарная смесь вязких сжимаемых жидкостей заполняет область $\Omega = B \setminus S$, евклидова пространства $\mathbb{R}^3$ точек $x = (x_1, x_2, x_3)$, где B – ограниченная область с границей $\Sigma = \partial B$ класса C^3 (например, B – шар достаточно большого радиуса), S – компактное множество с достаточно гладкой границей ∂S , лежащее строго внутри B .

Стационарное движение смеси в области Ω характеризуется полями скоростей $\vec{u}^{(1)}$, $\vec{u}^{(2)}$, плотностями ρ_1 , ρ_2 и давлениями p_1 , p_2 составляющих ее компонент, которые удовлетворяют следующим уравнениям [6] (представленным в безразмерной форме):

$$\sum_{j=1}^2 L_{ij}(\vec{u}^{(j)}) + \operatorname{Re} \rho_i (\vec{u}^{(i)} \cdot \nabla) \vec{u}^{(i)} + \frac{\operatorname{Re}}{\operatorname{Ma}^2} \nabla p_i + (-1)^i a (\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)}) = 0 \quad (1a)$$

$$\text{в } \Omega, i=1,2, \quad \operatorname{div}(\rho_i \vec{u}^{(i)}) = 0 \text{ в } \Omega, i=1,2. \quad (1b)$$

Здесь $p_i = p_i(\rho_i)$, $i=1,2$ – заданная гладкая функция, Re и Ma обозначают числа Рейнольдса и Маха соответственно

$$\operatorname{Re} = \frac{V \cdot l \cdot \rho_c}{\mu}, \operatorname{Ma}^2 = \frac{\rho_c \cdot V^2}{p_c}, V, l, \mu, \rho_c$$

и p_c – характерные величины скорости, линейного размера, вязкости, плотности и давления соответственно), a – заданное положительное число, такое что слагаемое $\vec{J}^{(i)} = (-1)^i a (\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)})$ характеризует интенсивность обмена импульсами между компонентами смеси [1; 2],

$L_{ij}(\vec{u}^{(j)}) = -\mu_{ij} \Delta \vec{u}^{(j)} - (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \nabla \operatorname{div} \vec{u}^{(j)}$, $i, j=1,2$, причем постоянные (безразмерные) коэффициенты вязкости μ_{ij} , λ_{ij} удовлетворяют условиям:

$$\begin{aligned} \mu_{11} > 0, \quad 4\mu_{11} \cdot \mu_{22} - \\ -(\mu_{12} + \mu_{21})^2 > 0, \quad \lambda_{11} + \mu_{11} > 0, \\ 4(\lambda_{11} + 2\mu_{11})(\lambda_{22} + 2\mu_{22}) - \\ -(\lambda_{12} + 2\mu_{12} + \lambda_{21} + 2\mu_{21})^2 > 0. \end{aligned} \quad (1c)$$

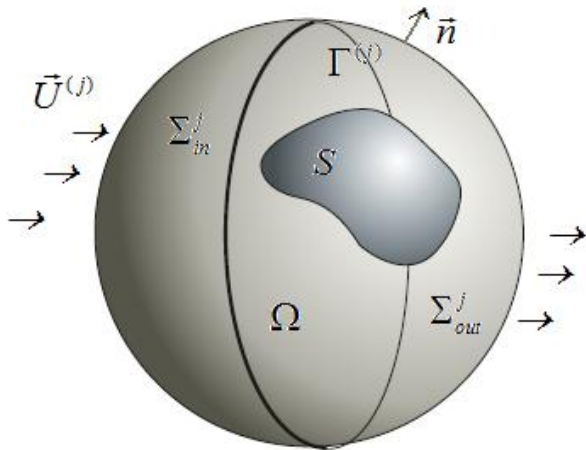

Рис. 1. Область течения j -ой компоненты смеси

Пусть $\vec{U}^{(j)}$, $j=1,2$ – заданные векторные поля класса $C^3(R^3)$, обращающиеся в нуль в окрестности множества S . На границе Σ области B , выделим так называемые участки «втекания»:

$$\Sigma_{in}^j = \{x \in \Sigma : \vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n} < 0\}, j=1,2,$$

и участки «вытекания»:

$$\Sigma_{out}^j = \{x \in \Sigma : \vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n} > 0\}, j=1,2,$$

где $\vec{n}$ – вектор внешней нормали к границе Σ (рис. 1).

Будем считать выполненными следующие условия.

Условие А.

1. Граница Σ есть замкнутая поверхность класса C^3 и множества

$\Gamma^{(j)} = cl \Sigma_{in}^{(j)} \cap (\Sigma \setminus \Sigma_{in}^{(j)}), j=1,2$ – замкнутые одномерные многообразия такие, что $\Sigma = \Sigma_{in}^{(j)} \cup \Gamma^{(j)} \cup \Sigma_{out}^{(j)}$.

2. Векторные поля $\vec{U}^{(j)} \in C^3(\partial\Omega)$ удовлетворяют условиям: $\int_{\Sigma} \vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n} ds = 0, j=1,2$.

3. Существует такая постоянная $C > 0$, что $\vec{U}^{(j)} \cdot \nabla (\vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n}) > C > 0$, на $\Gamma^{(j)}, j=1,2$.

Так как векторные поля $\vec{U}^{(j)}$ являются касательными к $\partial\Omega$ на $\Gamma^{(j)}$, то величина $\vec{U}^{(j)} \cdot \nabla (\vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n})$

определена значениями $\vec{U}^{(j)}$ на $\Gamma^{(j)}$. Очевидно, что условие А(3) выполнено для всех строго выпуклых областей и постоянных векторных полей. Геометрическая интерпретация условия А(3) состоит в том, что величины $\vec{U}^{(j)} \cdot \vec{n}$ обращаются в нуль на $\Gamma^{(j)}$ только до первого порядка, в любой точке $P \in \Gamma^{(j)}$ вектор $\vec{U}^{(j)}(P)$ касается части $\partial\Omega$, где $\vec{U}^{(j)}$ – внешнее векторное поле.

К уравнениям (1a) – (1b) присоединим граничные условия:

$$\vec{u}^{(j)} = \vec{U}^{(j)} \text{ на } \Sigma, \vec{u}^{(j)} = 0 \text{ на } \partial S, j=1,2, \quad (1d)$$

$$\rho_j = \rho_j^0 \text{ на } \Sigma_{in}^j, j=1,2, \quad (1e)$$

где $\rho_j^0, j=1,2$ – заданные положительные постоянные.

Выберем векторное поле $\vec{T} \in C^2(R^3)$, равное нулю в окрестности границы Σ и определим отображение $y = \vec{T}_{\varepsilon}(x) = x + \varepsilon \vec{T}(x)$, которое задает возмущение формы обтекаемого препятствия S . Для малых ε отображение $x \mapsto \vec{T}_{\varepsilon}(x)$ является диффеоморфизмом области течения Ω на область $\Omega_{\varepsilon} = B \setminus S_{\varepsilon}$, где $S_{\varepsilon} = \vec{T}_{\varepsilon}(S)$ – возмущенное обтекаемое препятствие.

В возмущенной области Ω_{ε} мы рассмотрим краевую задачу (1) и ее решение обозначим через $(\vec{u}_{\varepsilon}^{(i)}, \bar{\rho}_{i\varepsilon}), i=1,2$, т. е.

$$\sum_{j=1}^2 \left[\mu_{ij} \Delta \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} + (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \nabla \operatorname{div} \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right] -$$

$$- \operatorname{Re} \bar{\rho}_{i\varepsilon} \left(\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} \cdot \nabla \right) \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} - \frac{\operatorname{Re}}{Ma^2} \nabla p_i + \quad (2a)$$

$$+ (-1)^{i+1} a \left(\bar{u}_{\varepsilon}^{(2)} - \bar{u}_{\varepsilon}^{(1)} \right) = 0 \text{ в } \Omega_{\varepsilon}, i = 1, 2,$$

$$\operatorname{div} \left(\bar{\rho}_{i\varepsilon} \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} \right) = 0 \text{ в } \Omega_{\varepsilon}, i = 1, 2, \quad (2b)$$

$$\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} = \bar{U}^{(i)} \text{ на } \Sigma, \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial S_{\varepsilon}, i = 1, 2, \quad (2c)$$

$$\bar{\rho}_{i\varepsilon} = \rho_i^0 \text{ на } \Sigma_{in}^i, i = 1, 2. \quad (2d)$$

Таким образом решения краевой задачи (2) и функционалы от $\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}$, $\bar{\rho}_{i\varepsilon}$ становятся функциями параметра ε , и мы приходим к анализу зависимости решений краевой задачи для уравнений динамики смеси вязких сжимаемых жидкостей от формы области течения.

Данную задачу удобно свести к исследованию зависимости решений от коэффициентов системы дифференциальных уравнений, которая возникает в результате замены пространственных переменных.

С этой целью введем функции $\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}$ и $\rho_{i\varepsilon}$, $i = 1, 2$, определенные в невозмущенной области Ω по формулам:

$$\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(x) = \mathbf{N}(x) \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(x + \varepsilon \vec{T}(x)), \quad (3)$$

$$\rho_{i\varepsilon}(x) = \bar{\rho}_{i\varepsilon}(x + \varepsilon \vec{T}(x)), x \in \Omega, i = 1, 2,$$

где $\mathbf{N}(x) = (\det \mathbf{M}(x)) \mathbf{M}^{-1}(x)$,

$$\mathbf{M}(x) = \mathbf{I} + \varepsilon D\vec{T}(x),$$

$$D\vec{T}(x) = \left\{ \frac{\partial \vec{T}_i}{\partial x_j}(x) \right\} - \text{матрица Якоби отображения}$$

$x \mapsto \vec{T}(x)$. Введем обозначение

$$g(x) = \sqrt{\det \mathbf{N}(x)}.$$

Лемма. Пусть $(\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(y), \bar{\rho}_{i\varepsilon}(y)), i = 1, 2$ — решение задачи (2). Тогда пары

$$(\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(x), \rho_{i\varepsilon}(x)), i = 1, 2,$$

определенные по формулам (3), являются решением следующей задачи:

$$\sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} +$$

$$+ \nabla \left(g^{-1} \sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \nabla \operatorname{div} \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} - \frac{\operatorname{Re}}{Ma^2} \nabla p_i \right) = \quad (4a)$$

$$= \mathcal{A} \left(\sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) + \operatorname{Re} \mathcal{B}(\rho_{i\varepsilon}, \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}, \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}) +$$

$$+ (-1)^i \mathcal{S}(\bar{u}_{\varepsilon}^{(2)} - \bar{u}_{\varepsilon}^{(1)}) = 0 \text{ в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\operatorname{div}(\rho_{i\varepsilon} \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}) = 0 \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad (4b)$$

$$\bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} = \bar{U}^{(i)} \text{ на } \Sigma, \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial S, i = 1, 2, \quad (4c)$$

$$\rho_{i\varepsilon} = \rho_i^0 \text{ на } \Sigma_{in}^i, i = 1, 2. \quad (4d)$$

Здесь линейные операторы $\mathcal{A}$, $\mathcal{S}$ и нелинейное отображение $\mathcal{B}$ определены по формулам:

$$\mathcal{A}(\bar{u}) = \Delta \bar{u} - (\mathbf{N}^T)^{-1} \operatorname{div} (g^{-1} \mathbf{N} \mathbf{N}^T \nabla (\mathbf{N}^{-1} \bar{u})), \quad (4e)$$

$$\mathcal{B}(\rho, \bar{u}, \bar{w}) = \rho (\mathbf{N}^T)^{-1} (\bar{u} \nabla (\mathbf{N}^{-1} \bar{w})), \quad (4f)$$

$$\mathcal{S}(\bar{u}) = g \cdot a (\mathbf{N}^T)^{-1} \mathbf{N}^{-1} \bar{u}.$$

Доказательство. Заметим, что для любой функции $\varphi(y) \in C^1(\Omega_{\varepsilon})$ справедливо равенство

$$(\nabla_y \varphi)(y(x)) = \left((\mathbf{M}^T)^{-1} \nabla_x \tilde{\varphi} \right)(x), \quad (5)$$

$$\text{где } \tilde{\varphi} = \varphi(y(x)),$$

а для векторного поля $\vec{a} \in C^1(\Omega_{\varepsilon})$ имеет место формула:

$$(\operatorname{div}_y \vec{a})(y(x)) = g^{-1} \operatorname{div}_x (\mathbf{N} \cdot \vec{a}(y(x))). \quad (6)$$

Полагая $\vec{a}(y) = \bar{\rho}_{i\varepsilon}(y) \cdot \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(y)$, в силу формулы (6) имеем:

$$\operatorname{div}_y \left(\bar{\rho}_{i\varepsilon} \cdot \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)} \right) (y(x)) =$$

$$= g^{-1} \operatorname{div}_x (\rho_{i\varepsilon}(x) \cdot \bar{u}_{\varepsilon}^{(i)}(x)),$$

поэтому в силу уравнений (2b) приходим к уравнениям (4b). Учитывая тождество

$$(\mathbf{M}^T)^{-1} = g^{-1} \mathbf{N}^T, \text{ из равенства:}$$

$$\operatorname{div}_y \left(\sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (y(x)) =$$

$$= g^{-1}(x) \operatorname{div}_x \left(\sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)}(x) \right)$$

и формулы (5) получим:

$$\nabla_y \left[\operatorname{div}_y \left(\sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)}(y) \right) - \right. \\ \left. - \frac{\operatorname{Re}}{Ma^2} p_i(\bar{\rho}_{i\varepsilon}(y)) \right] (y(x)) = \quad (7)$$

$$= g^{-1} \mathbf{N}^T \nabla_x \left[g^{-1} \operatorname{div}_x \left(\sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)}(x) \right) - \right. \\ \left. - \frac{\operatorname{Re}}{Ma^2} p_i(\bar{\rho}_{i\varepsilon}(x)) \right].$$

В силу формул (5), (6) имеет место равенство:

$$\left(\Delta \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (y(x)) = \left(\operatorname{div}_y \left(\nabla_y \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) \right) (y(x)) =$$

$$= g^{-1} \operatorname{div}_x \left(g^{-1} \mathbf{N} \cdot \mathbf{N}^T \cdot \nabla_x (\mathbf{N}^{-1} \cdot \bar{u}_{\varepsilon}^{(j)}) \right) (x).$$

Поэтому, если ввести линейный оператор $\mathcal{A}(\vec{u})$ по формуле (4е), то получаем тождество:

$$\begin{aligned} & \left(\Delta \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (y(x)) = \\ & = g^{-1} \mathbf{N}^T \left[\Delta \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} - \mathcal{A}(\vec{u}_{\varepsilon}^{(j)}) \right] (x). \end{aligned} \quad (8)$$

$$\begin{aligned} & \text{Рассмотрим теперь выражение } \left(\vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \cdot \nabla \right) \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} : \\ & \left(\vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \cdot \nabla \right) \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (y(x)) = \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (y(x)) \cdot \left(\nabla_y \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (y(x)) = \\ & = \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (y(x)) \cdot g^{-1} \mathbf{N}^T \nabla_x \left(\vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (y(x)) \right) = \\ & = g^{-1} \mathbf{N} \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (y(x)) \nabla_x \left(\mathbf{N}^{-1} \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (x) = \\ & = g^{-1} \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} (x) \nabla \left(\mathbf{N}^{-1} \vec{u}_{\varepsilon}^{(j)} \right) (x). \end{aligned}$$

Вводя обозначение

$$\mathcal{B}(\rho, \vec{u}, \vec{w}) = \rho \left(\mathbf{N}^T \right)^{-1} \vec{u} \cdot \nabla \left(\mathbf{N}^{-1} \vec{w} \right),$$

получаем соотношение

$$\begin{aligned} & \bar{\rho}_{i\varepsilon} \left(\vec{u}_{\varepsilon}^{(i)} \cdot \nabla \right) \vec{u}_{\varepsilon}^{(i)} (y(x)) = \\ & = g^{-1} \mathbf{N}^T \mathcal{B}(\rho_{i\varepsilon}, \vec{u}_{\varepsilon}^{(i)}, \vec{u}_{\varepsilon}^{(i)}). \end{aligned} \quad (9)$$

Наконец, вводя линейный оператор

$$\mathcal{S}(\vec{u}) = g \mathbf{a} \left(\mathbf{N}^T \right)^{-1} \mathbf{N}^{-1} \vec{u},$$

$$\mathcal{S}(\vec{u}) = g \mathbf{a} \left(\mathbf{N}^T \right)^{-1} \mathbf{N}^{-1} \vec{u},$$

можем записать, что

$$\begin{aligned} & (-1)^{i+1} \mathbf{a} \left(\vec{u}_{\varepsilon}^{(2)} - \vec{u}_{\varepsilon}^{(1)} \right) (y(x)) = \\ & = (-1)^{i+1} g^{-1} \mathbf{N}^T \mathcal{S}(\vec{u}_{\varepsilon}^{(2)} - \vec{u}_{\varepsilon}^{(1)}) (x). \end{aligned} \quad (10)$$

Из формул (7) – (10) и уравнений (2а) вытекают уравнения (4а). Лемма доказана.

Задачу (4) удобно переписать в несколько иной форме, опуская ради краткости записи параметр ε .

Введем эффективные вязкие потоки по формулам:

$$q_i = - \sum_{j=1}^2 g^{-1} (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) \operatorname{div} \vec{u}^{(j)} + \frac{\operatorname{Re}}{\operatorname{Ma}^2} p_i, \quad i = 1, 2.$$

Тогда краевая задача (4) может быть переписана в виде:

$$\begin{aligned} & \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \vec{u}^{(j)} - \nabla q_i = \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \mathcal{A}(\vec{u}^{(j)}) + \\ & + \operatorname{Re} \mathcal{B}(\rho_i, \vec{u}^{(i)}, \vec{u}^{(i)}) + \\ & + (-1)^i \mathcal{S}(\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)}) \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2, \end{aligned} \quad (11а)$$

$$\operatorname{div} \vec{u}^{(i)} = \sum_{j=1}^2 g \sigma_{ij} p_j - \sum_{j=1}^2 g \gamma_{ij} q_j \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2, \quad (11б)$$

$$\begin{aligned} & \vec{u}^{(i)} \cdot \nabla \rho_i + \rho_i \sum_{j=1}^2 g \sigma_{ij} p_j = \\ & = \rho_i \sum_{j=1}^2 g \gamma_{ij} q_j \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2, \end{aligned} \quad (11с)$$

$$\vec{u}^{(i)} = \vec{U}^{(i)} \quad \text{на } \Sigma, \quad \vec{u}^{(i)} = 0 \quad \text{на } \partial S, i = 1, 2, \quad (11д)$$

$$\rho_i = \rho_i^0 \quad \text{на } \Sigma_{in}^i, i = 1, 2. \quad (11е)$$

Здесь $\gamma_{ij}, i, j = 1, 2$ – элементы матрицы $\varkappa^{-1}$, обратной к матрице $\varkappa = \left\{ \mu_{ij} + \lambda_{ij} \right\}_{i,j=1}^2$ (из условий (1с) следует невырожденность матрицы $\varkappa$);

$$\sigma_{ij} = \frac{\operatorname{Re}}{\operatorname{Ma}^2} \gamma_{ij}, i, j = 1, 2.$$

Решение задачи (11) ищем в виде возмущения в окрестности данного

$$\vec{u}^{(i)} = \vec{u}_*^{(i)} + \vec{v}^{(i)},$$

$$\rho_i = \rho_i^* + \varphi_i, \quad q_i = q_i^* + \pi_i + \quad (12)$$

$$+ \Lambda \cdot p_i(\rho_i^*) + \sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) m_j,$$

где $\rho_i^* = \rho_i^0$, $\Lambda = \frac{\operatorname{Re}}{\operatorname{Ma}^2}$, и $\vec{u}_*^{(1)}, \vec{u}_*^{(2)}, q_1^*, q_2^*$ – достаточно гладкие решения следующей краевой задачи:

$$\sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \vec{u}_*^{(j)} - \nabla q_i^* = 0, \operatorname{div} \vec{u}_*^{(i)} = 0 \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\vec{u}_*^{(i)} = \vec{U}^{(i)} \quad \text{на } \Sigma, \quad \vec{u}_*^{(i)} = 0 \quad \text{на } \partial S,$$

$$\Pi q_i^* = q_i^* \quad i = 1, 2, \quad \text{где } \Pi q = q - \frac{1}{|\Omega|} \int_{\Omega} q \, dx.$$

На основании уравнений (11) получим для вектора $\vec{\theta} = (\vec{v}^{(1)}, \vec{v}^{(2)}, \pi_1, \pi_2, \varphi_1, \varphi_2)$ краевую задачу:

$$\begin{aligned} & \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \vec{v}^{(j)} - \nabla \pi_i = \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \mathcal{A}(\vec{u}^{(j)}) + \\ & + \operatorname{Re} \mathcal{B}(\rho_i, \vec{u}^{(i)}, \vec{u}^{(i)}) + \end{aligned} \quad (13а)$$

$$+ (-1)^i \mathcal{S}(\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)}) \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\operatorname{div} \vec{v}^{(i)} = g \sum_{j=1}^2 \frac{1}{\rho_i^*} \tau_{ij} \varphi_j - \quad (13б)$$

$$- g \Phi_i[\vec{\theta}] - g m_i \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\vec{u}^{(i)} \cdot \nabla \varphi_i + \tau_{ii} \varphi_i = \Psi_i[\vec{\theta}] + \quad (13с)$$

$$+ g m_i \rho_i \quad \text{в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\vec{v}^{(i)} = 0 \quad \text{на } \partial \Omega,$$

$$\varphi_i = 0 \quad \text{на } \Sigma_{in}^i, \quad \Pi \pi_i = \pi_i, \quad i = 1, 2, \quad (13д)$$

где

$$\Phi_i[\vec{\theta}] = \frac{1}{\Lambda} \sum_{j=1}^2 \frac{\tau_{ij}}{p_j'(\rho_j^*) \cdot \rho_j^*} (q_j^* + \pi_j) -$$

$$- \sum_{j=1}^2 \frac{\tau_{ij}}{p_j'(\rho_j^*) \cdot \rho_j^*} H_j(\varphi_j), \quad i = 1, 2,$$

$$\Psi_1[\vec{\theta}] = - g \tau_{12} \varphi_2 - g \frac{1}{\rho_1^*} \sum_{j=1}^2 \tau_{1j} \varphi_1 \varphi_j +$$

$$+ g \rho_1 \Phi_1[\vec{\theta}] + (1 - g) \tau_{11} \varphi_1,$$

$$\begin{aligned}\Psi_2[\vec{\theta}] = & -g\tau_{21}\varphi_1 - g\frac{1}{\rho_2} \sum_{j=1}^2 \tau_{2j}\varphi_2\varphi_j + \\ & + g\rho_2\Phi_2[\vec{\theta}] + (1-g)\tau_{22}\varphi_2, \\ H_j(\varphi_j) = & p_j(\rho_j^* + \varphi_j) - \\ & - p_j(\rho_j^*) - p'_j(\rho_j^*)\varphi_j, j=1,2,\end{aligned}$$

τ_{ij} – элементы матрицы $\tau = R^* \sigma P^*$,

$$\sigma = \{\sigma_{ij}\}_{i,j=1}^2, \\ P^* = \begin{pmatrix} p'_1(\rho_1^*) & 0 \\ 0 & p'_2(\rho_2^*) \end{pmatrix}, R^* = \begin{pmatrix} \rho_1^* & 0 \\ 0 & \rho_2^* \end{pmatrix},$$

векторные поля $\vec{u}^{(i)}$ и функции ρ_i заданы в (12), $\mathcal{A}$, $\mathcal{B}$, $\mathcal{S}$ определены по формулам (4е), (4f). Константы m_i , служащие инструментом контроля массы компонент смеси в области Ω , определяются по формулам:

$$\begin{aligned}\vec{m} = & (k \mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1} \vec{f}, \quad \vec{m} = (m_1, m_2)^T, \\ \vec{f} = & (f_1, f_2)^T, \quad k = \int_{\Omega} g dx,\end{aligned} \quad (13e)$$

$$\mathbf{A} = \{a_{ij}\}_{i,j=1}^2, \quad a_{ij} = \frac{1}{\rho_i^*} \int_{\Omega} g \cdot \rho_j \cdot \zeta_i^{(j)} dx,$$

$$f_i = \frac{1}{\rho_i^*} \sum_{j=1}^2 \int_{\Omega} (\zeta_i^{(j)} \cdot \Psi_j[\vec{\theta}] - g\Phi_i[\vec{\theta}]) dx,$$

где $\zeta_i^{(j)}$ решение следующей краевой задачи

$$\begin{aligned}-\operatorname{div}(\vec{u}^{(i)} \cdot \zeta_j^{(i)}) + \tau_{ii} \cdot \zeta_j^{(i)} = & \tau_{ji} g \\ \text{в } \Omega, \quad \zeta_j^{(i)} = & 0 \text{ на } \Sigma_{out}^{(i)}, i, j = 1, 2.\end{aligned} \quad (13f)$$

В процессе решения задачи (13) используются пространства С. Л. Соболева $W^{l,p}(\Omega)$ с целыми показателями $l \geq 0$ (функции, обладающие обобщенными производными до порядка $l \geq 0$ включительно, суммируемые со степенью $p \geq 1$), а также $W^{s,r}(\Omega)$ с дробным показателем дифференцируемости s [3; 4].

Введем кроме того функциональные пространства:

$$X^{s,r} = W^{s,r}(\Omega) \cap W^{1,2}(\Omega),$$

$$V^{s,r} = W^{s+1,r}(\Omega) \cap W^{2,2}(\Omega)$$

с нормами:

$$\|\varphi\|_{X^{s,r}} = \|\varphi\|_{W^{s,r}(\Omega)} + \|\varphi\|_{W^{1,2}(\Omega)},$$

$$\|\mathbf{v}\|_{V^{s,r}} = \|\mathbf{v}\|_{W^{s+1,r}(\Omega)} + \|\mathbf{v}\|_{W^{2,2}(\Omega)}.$$

Принадлежность вектор-функции тому или иному функциональному пространству будем понимать как принадлежность ему каждой компоненты этой вектор-функции.

Рассмотрим замкнутое подпространство E Банахова пространства $V^{s,r} \times X^{s,r}$:

$$E = \{\vec{\theta} = (\vec{v}^{(1)}, \vec{v}^{(2)}, \varphi_1, \varphi_2) :$$

$$: \vec{v}^{(i)} \in V^{s,r}, \pi_i \in X^{s,r}, \varphi_i \in X^{s,r},$$

$$\vec{v}^{(i)}|_{\partial\Omega} = 0, \varphi_i|_{\Sigma_{in}^i} = 0, \Pi \pi_i = \pi_i, i = 1, 2\}.$$

Норма в пространстве E задается по формуле:

$$\|\vec{\theta}\|_E = \sum_{j=1}^2 (\|\vec{v}^{(j)}\|_{V^{s,r}} + \|\varphi_j\|_{X^{s,r}} + \|\pi_j\|_{X^{s,r}}).$$

Замкнутый шар радиуса τ с центром в точке $\vec{\theta} = 0$ из E обозначим через B_τ .

Основной результат работы доставляет следующая теорема.

Теорема. Предположим, что поверхность Σ и заданные векторные поля $\vec{U}^{(1)}, \vec{U}^{(2)}$ удовлетворяют условиям А. Пусть кроме того для чисел r и s выполнены условия:

$$1/2 < s < 1, \quad r < \infty, \quad 2s - 3r^{-1} < 1,$$

$$sr > 3, \quad (1-s)r > 3.$$

Тогда существует положительное число $\sigma_* > 1$, зависящее только от $\Omega, \vec{U}^{(1)}, \vec{U}^{(2)}, r, s$, обладающее следующими свойствами: для любых $\tau_{11} \geq \sigma_*, \tau_{22} \geq \sigma_*$ найдутся положительные числа τ_* и c , зависящие только от $\Omega, \vec{U}^{(1)}, \vec{U}^{(2)}, r, s$ и τ_{11}, τ_{22} , такие что если

$$\tau \in (0, \tau^*] \text{ и } \Lambda^{-1}, \quad a, \quad Re \in (0, \tau^2],$$

$$\|\mathbf{N} - \mathbf{I}\|_{C^2(\Omega)} \leq \tau^2, \quad \tau_{12}, \tau_{21} \in (0, \tau],$$

то задача (13) имеет единственное решение

$$\vec{\theta} = (\vec{v}^{(1)}, \vec{v}^{(2)}, \pi_1, \pi_2, \varphi_1, \varphi_2) \in B_\tau,$$

$$\vec{\zeta} = (\zeta_1^{(1)}, \zeta_2^{(1)}, \zeta_1^{(2)}, \zeta_2^{(2)}) \in X^{s,r},$$

$$\vec{m} = (m_1, m_2) \in \mathbb{R}^2,$$

удовлетворяющее неравенствам:

$$|\vec{m}| \leq c(\max\{\tau_{11}, \tau_{22}\})^{1+\frac{1}{\alpha}} \tau^2, \quad \alpha \in (0, s - 3r^{-1}),$$

$$\|\zeta_i^{(3-i)}\|_{X^{s,r}} \leq c\tau, \quad \|\zeta_i^{(i)}\|_{X^{s,r}} \leq c\tau_{ii}, \quad i = 1, 2,$$

$$\|(k \mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1}\| \leq c \cdot \sigma^{\frac{1}{\alpha}}, \quad \alpha \in (0, s - 3r^{-1}).$$

Совокупность решений $(\vec{\theta}, \vec{\zeta}, \vec{m})$ задачи (13), соответствующих всем матричнозначным функциям $\mathbf{N}$ из шара $B(\tau^2) = \{\mathbf{N} : \|\mathbf{N} - \mathbf{I}\|_{C^2(\Omega)} \leq \tau^2\}$,

является относительно компактным подмножеством пространства $W^{s+1,r}(\Omega) \times W^{s,r}(\Omega) \times \mathbb{R}^2$.

Охарактеризуем кратко этапы доказательства этой теоремы.

Фиксируем шар B_τ радиуса $\tau \in (0, 1)$ и выбираем произвольную матрицу $\mathbf{N}$ такую, что

$$\|\mathbf{N} - \mathbf{I}\|_{C^2(\Omega)} \leq \tau^2.$$

Выберем теперь произвольный элемент

$$\vec{\theta} = (\vec{v}^{(1)}, \vec{v}^{(2)}, \pi_1, \pi_2, \varphi_1, \varphi_2) \in B_\tau \text{ и положим}$$

$$\vec{u}^{(i)} = \vec{u}_*^{(i)} + \vec{v}^{(i)}, \quad \rho_i = \rho_i^* + \varphi_i,$$

$$q_i = q_i^* + \pi_i + \Lambda \cdot p_i(\rho_i^*) + \sum_{j=1}^2 (\mu_{ij} + \lambda_{ij}) m_j,$$

Рассмотрим следующую краевую задачу.

Требуется найти такое поле

$$\vec{\theta}_1 = (\vec{v}_1^{(1)}, \vec{v}_1^{(2)}, \pi_1^1, \pi_2^1, \varphi_1^1, \varphi_2^1), \text{ что}$$

$$\begin{aligned} & \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \vec{v}_1^{(j)} - \nabla \pi_i^1 = \\ & = \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \mathcal{A}(\vec{u}^{(j)}) + \operatorname{Re} \mathcal{B}(\rho_i, \vec{u}^{(i)}, \vec{u}^{(i)}) + \end{aligned} \quad (14a)$$

$$+ (-1)^i \mathcal{S}(\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)}) \text{ в } \Omega, i = 1, 2,$$

$$\operatorname{div} \vec{v}_1^{(i)} = \Pi \left(g \sum_{j=1}^2 \frac{1}{\rho_i^*} \tau_{ij} \varphi_j^1 - g \Phi_i[\vec{\theta}] - g m_i \right) \quad (14b)$$

в $\Omega, i = 1, 2,$

$$\vec{v}_1^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, \Pi \pi_i^1 = \pi_i^1, i = 1, 2, \quad (14c)$$

$$\vec{u}^{(i)} \cdot \nabla \varphi_i^1 + \tau_{ii} \varphi_i^1 = \Psi_i[\vec{\theta}] + g m_i \rho_i \text{ в } \Omega,$$

$$\varphi_i^1 = 0 \text{ на } \Sigma_{in}^i, i = 1, 2. \quad (14d)$$

Постоянные m_i определяются по формулам:

$$\vec{m} = (k \quad \mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1} \vec{f}, \quad \vec{m} = (m_1, m_2)^T,$$

$$\vec{f} = (f_1, f_2)^T, \quad k = \int_{\Omega} g dx,$$

$$\mathbf{A} = \{a_{ij}\}_{i,j=1}^2, \quad a_{ij} = \frac{1}{\rho_i^*} \int_{\Omega} g \cdot \rho_j \cdot \zeta_i^{(j)} dx, \quad (14e)$$

$$f_i = \frac{1}{\rho_i^*} \sum_{j=1}^2 \int_{\Omega} (\zeta_i^{(j)} \cdot \Psi_j[\vec{\theta}] - g \Phi_i[\vec{\theta}]) dx,$$

а $\zeta_i^{(j)}$ – решение следующей краевой задачи

$$-\operatorname{div}(\vec{u}^{(i)} \cdot \zeta_j^{(i)}) + \tau_{ii} \cdot \zeta_j^{(i)} = \tau_{ji} g \quad (14f)$$

$$\text{в } \Omega, \zeta_j^{(i)} = 0 \text{ на } \Sigma_{out}^{(i)}, i, j = 1, 2.$$

Опираясь на ряд известных результатов о линейных системах Стокса и транспортных уравнениях [5], доказываем, что задача (14) доставляет полную систему уравнений и граничных условий для однозначного определения вектора $\vec{\theta}_1$ и, следовательно, определяет отображение $W: \vec{\theta} \rightarrow \vec{\theta}_1$.

На основании оценок решения задачи (14) доказывается, что при малых числах Рейнольдса отображение W переводит некоторый шар B_τ в себя.

Заметим кроме того, что отображение W является секвенциально слабо непрерывным. Действительно, пусть последовательность

$$\vec{\theta}_n = (\vec{v}_n^{(1)}, \vec{v}_n^{(2)}, \pi_1^n, \pi_2^n, \varphi_1^n, \varphi_2^n) \in B_\tau$$

сходится слабо в E . В силу рефлексивности пространства E [5] существует $\vec{\theta} \in E$, такой что

$\vec{\theta}_n \rightharpoonup \vec{\theta}$ слабо в E . Так как шар B_τ является замкнутым и выпуклым множеством, то $\vec{\theta} \in B_\tau$.

Соответствующие элементы $\vec{\theta}_{1,n} = W(\vec{\theta}_n)$ содержатся

в шаре B_τ . Последовательности функций $\{\xi_{i,n}^{(j)}\}$, $i, j = 1, 2$, ограничены в $X^{s,r}$. Поэтому существуют подпоследовательности $\{\vec{\theta}_{1,n_k}\}$ последовательности $\{\vec{\theta}_{1,n}\}$ и $\{\xi_{i,n_k}^{(j)}\} \subset \{\xi_{i,n}^{(j)}\}$, $i, j = 1, 2$, такие что $\{\vec{\theta}_{1,n_k}\}$ сходится слабо в E к некоторому элементу $\vec{\theta}_1 \in B_\tau$, а последовательности функций $\{\xi_{i,n_k}^{(j)}\}$, $i, j = 1, 2$, сходятся слабо в $X^{s,r}$ к некоторым функциям $\xi_i^{(j)} \in X^{s,r}$, $i, j = 1, 2$. Так как вложение $E \hookrightarrow C(\Omega)$ компактно,

то $\{\vec{\theta}_n\} \rightarrow \vec{\theta}$ и $\{\vec{\theta}_{1,n_k}\} \rightarrow \vec{\theta}_1$ в $C(\Omega)$, и

$$\{\nabla \xi_{i,n_k}^{(j)}\} \rightharpoonup \nabla \xi_i^{(j)} \text{ слабо в } L^2(\Omega),$$

$$\{\xi_{i,n_k}^{(j)}\} \rightarrow \xi_i^{(j)} \text{ в } C(\Omega).$$

В уравнениях вида (14), соответствующих вектор-функциям $\vec{\theta}_{n_k}$ и $\vec{\theta}_{1,n_k}$, в силу вышесказанного возможен предельный переход при $n_k \rightarrow \infty$, в результате чего получим соотношение $\vec{\theta}_1 = W(\vec{\theta})$. Таким образом любая слабо сходящаяся подпоследовательность $\{\vec{\theta}_{1,n_k}\}$ последовательности $\{\vec{\theta}_{1,n}\}$ имеет

своим пределом единственный элемент $\vec{\theta}_1 \in B_\tau$. Следовательно, слабо сходящейся к $\vec{\theta}_1$ является и вся последовательность $\{\vec{\theta}_{1,n}\}$, что доказывает секвенциальную слабую непрерывность отображения W .

Согласно теореме Тихонова о неподвижной точке [5] существует такой элемент $\vec{\theta} \in B_\tau$, что $\vec{\theta} = W(\vec{\theta})$. Построенная вектор – функция $\vec{\theta}$ является решением задачи (13). Единственность решения задачи (13) вытекает из анализа дифференциальных свойств решений сопряженной задачи.

Литература

1. Крайко А. Н., Нигматулин Р. Н., Старков В. К., Стернин Л. Е. Механика многофазных сред // Итоги науки и техники. (Серия: Гидромеханика). 1972. Т. 6. С. 93 – 174.
2. Нигматулин Р. И. Динамика многофазных сред. Ч. 1. М.: Наука, 1987.
3. Никольский С. Л. Приближение функций многих переменных и теоремы вложения. М.: Наука, 1977.
4. Соболев С. Л. Некоторые применения функционального анализа в математической физике. М.: Наука, 1988.
5. Plotnikov P., Sokolowski J. Compressible Navier-Stokes equations: theory and shape optimization. Basel: Birkhauser, 2012.
6. Rajagopal K. R., Tao L. Mechanics of mixtures. London: World Scientific Publishing, 1995.

Информация об авторах:

Кучер Николай Алексеевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры дифференциальных уравнений КемГУ, nakycher@rambler.ru.

Nikolay A. Kucher – Doctor of Physics and Mathematics, Professor at the Department of Differential Equations, Kemerovo State University.

Жалнина Александра Анатольевна – старший преподаватель кафедры дифференциальных уравнений КемГУ, qwert1776@yandex.ru.

Alexandra A. Zhalnina – Senior Lecturer at the Department of Differential Equations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 65.012.12

НЕЛИНЕЙНЫЙ ФИЛЬТР ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СРЕДНЕГО С ГАУССОВСКИМИ ВЕСАМИ

В. А. Толстунوف

NONLINEAR FILTERING ON THE BASE OF GEOMETRICAL MEAN WITH GAUSSIAN SCALES

V. A. Tolstunov

Предлагается алгоритм цифрового сглаживающего фильтра со скользящим окном, использующий геометрическое среднее с гауссовскими весами входных значений сигнала. Приведены результаты цифрового моделирования работы данного фильтра в случае, когда мешающий шум является суммой гауссовских и импульсных помех.

The paper provides the algorithm of digital smoothing filter with slithering window using geometrical mean with Gaussian scales. The results of digital modeling of the given filter are shown, when disturbing noise is the amount of the normal end pulsed components.

Ключевые слова: фильтр, мешающий шум, погрешность фильтрации, цифровое моделирование.

Keywords: filter, disturbing noise, inaccuracy of filtering, digital modeling.

Задача восстановления полезных информационных сигналов, искаженных различными помехами, представляет интерес для широкого круга специалистов. Для решения этой задачи предложено много алгоритмов фильтрации, которые успешно работают как в пространственной, так и в частотной областях [1, с. 131, 228]. В настоящей работе для восстановления сигналов предлагается сглаживающий фильтр, построенный с помощью обобщенного алгоритма геометрического среднего [4].

Пусть $x_1, x_2, \dots, x_n, \dots$ – отсчеты входного одномерного сигнала, $y_1, y_2, \dots, y_n, \dots$ – отсчеты выхода фильтра. Тогда, согласно обобщенному алгоритму геометрического среднего,

$$y_k = \varphi^{-1} \left(\exp \left(\frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} f(x_i) \ln \varphi(x_i)}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} f(x_i)} \right) \right) \quad (1)$$

где $f(x), \varphi(x)$ – некоторые однозначные, монотонные функции, m – размер апертury фильтра. Из (1) в частном случае, когда $\varphi(x) \equiv 1$, $f(x) = \exp(-\alpha x^2)$, $x \geq 0$, $\alpha > 0$, будем иметь:

$$y_k = \exp \left(\frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} e^{-\alpha x_i^2} \ln x_i}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} e^{-\alpha x_i^2}} \right) \quad (2)$$

Рассмотрим свойства фильтра (2) в случае, когда $x_i = S_i + \xi_i + \eta_i$, где n_i – значение полезного сигнала, ξ_i – значение гауссовского шума, η_i – значение импульсного шума. Будем полагать, что гауссовский шум имеет нулевое математическое ожидание и дисперсию, равную σ^2 . Импульсный шум может принимать значения 0, $A \geq 0$ с вероятностями $p(\eta_i = A) = p$, $p(\eta_i = 0) = 1 - p = q$.

Будем полагать также, что в пределах апертуры фильтра значения полезного сигнала практически одинаковы. Тогда для

$$x_i \in [x_{k-(m-1)/2} \cdots x_{k+(m-1)/2}]$$

будем иметь $S_i = S_k$, и, следовательно, плотность вероятностей независимых, одинаково распределенных случайных отсчетов x_i имеет вид [2, с. 89]

$$y_k = \exp \left(\frac{pe^{-\alpha(2AS_k + A^2)} \ln(S_k + A) + q \ln S_k}{pe^{-\alpha(2AS_k + A^2)} + q} \right). \quad (5)$$

Из (5) при $q = 1$ имеем естественный результат

$$y_k = S_k.$$

Из (5) следует также, что

$$y_k \xrightarrow{\alpha \rightarrow \infty} \exp \left(\frac{q \ln S_k}{q} \right) = S_k.$$

То есть при увеличении параметра нелинейности α импульсный шум удаляется лучше.

Если во входном сигнале x_i присутствует только гауссовский шум и $\sigma/S_k \ll 1$, то из (4) можно получить:

$$y_k = \exp \left(\frac{\ln S_k}{1 + 2\alpha\sigma^2} - \frac{1}{(1 + 2\alpha\sigma^2)^2} \right). \quad (6)$$

$$p(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\sigma} \left(p \cdot \exp \left(-\frac{(x - s_k - A)^2}{2\sigma^2} \right) + q \cdot \exp \left(-\frac{(x - s_k)^2}{2\sigma^2} \right) \right). \quad (3)$$

Так как значения y_k случайны, то для характеристики сглаживающих свойств фильтра найдем математическое ожидание сигнала y_k .

Определить математическое ожидание случайной величины (2) по распределению (3) достаточно сложно. В нашем случае удобно при $m \gg 1$ воспользоваться законом больших чисел теории вероятностей [2, с. 63]. Тогда для математического ожидания выхода фильтра (2) можно использовать приближенное соотношение:

$$M(y_k) = \exp \left(\frac{M(e^{-\alpha x_i^2} \ln x_i)}{M(e^{-\alpha x_i^2})} \right). \quad (4)$$

Вычисляя математические ожидания в (4) с учетом распределения (3), можно получить, что при отсутствии гауссовского шума и $A/S_k \ll 1$:

Из (6) следует, что чем меньше α , тем ближе y_k и S_k . При $\alpha = 0$ имеем:

$$y_k = \exp \left(\ln S_k - \frac{\sigma^2}{2S_k^2} \right) = S_k e^{-\frac{\sigma^2}{2S_k^2}}.$$

Последнее показывает, что гауссовский шум при $\alpha = 0$ существенно ослабляется, но не удаляется полностью.

Таким образом, полученные результаты теоретического исследования фильтра (2) показывают, что он удаляет как импульсный, так и гауссовский шум. В первом случае параметр нелинейности α должен быть большим, во втором случае – равным нулю.

Фильтр (2) был промоделирован численно. В качестве полезного сигнала был выбран прямоугольный импульс с высотой ступеньки 20. Результат фильтрации характеризовался погрешностью

$$R = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N |s_i - y_i|, \quad (7)$$

где N – число отсчетов сигнала.

На рисунке 1 показана зависимость погрешности R при удалении импульсного шума

$$(m = 3, A = 30, p = 0.4, \sigma = 0)$$

от величины параметра α . Кривая (1) соответствует классическому фильтру геометрического среднего

$$y_k = \sqrt[m]{x_{k-(m-1)/2} \cdots x_{k+(m-1)/2}} \quad (8)$$

Кривая (2) соответствует исследуемому фильтру. Как видно из этого рисунка, для параметра α следует брать значения $\alpha \geq 8$.

На рисунке 2 показана погрешность R при удалении импульсного шума от величины вероятности его появления p . Параметры моделирования:

$$A = 30, \sigma = 0, m = 3, \alpha = 9.$$

Кривая (1) показывает зашумление сигнала, рассчитываемое по формуле:

$$R_0 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N |s_i - x_i|.$$

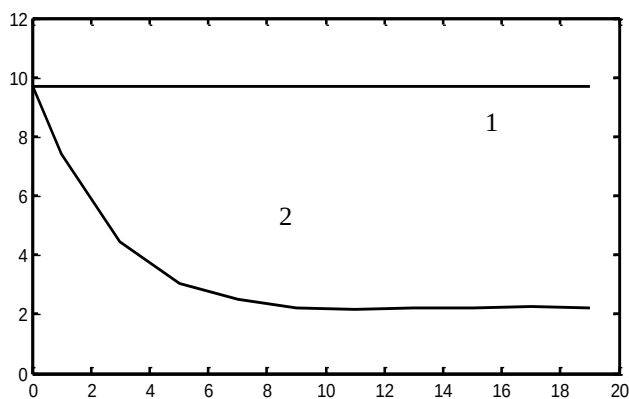

Рис. 1. Зависимость погрешности от α

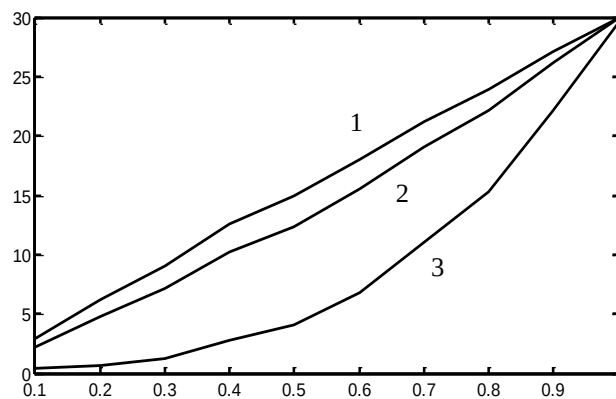

Рис. 2. Зависимость погрешности от p

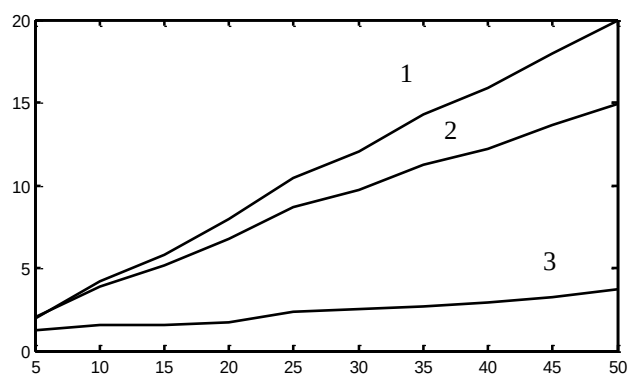

Рис. 3. Зависимость погрешности от A

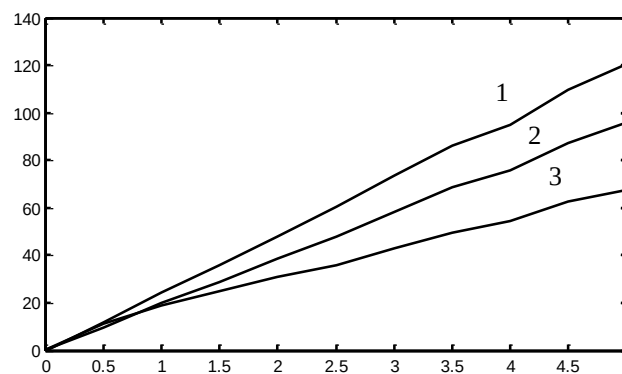

Рис. 4. Зависимость погрешности от σ

Кривая (3) показывает погрешность фильтра (2). Для сравнения, кривая (2) показывает погрешность классического фильтра геометрического среднего (8).

На рисунке 3 показана зависимость погрешности R от амплитуды A импульсного шума. Параметры моделирования:

$$m = 3, p = 0.4, \sigma = 0, \alpha = 9.$$

Кривая (1) показывает зашумление сигнала, кривая (2) показывает погрешность фильтра (8), кривая (3) соответствует погрешности фильтра (2).

На рисунке 4 показана зависимость погрешности R от параметра σ гауссовского шума. Параметры моделирования: $m = 3, p = q = 0, \alpha = 9$. Кривая (1) показывает зашумление сигнала, кривая (2) показывает погрешность фильтра (8), кривая (3) соответствует погрешности фильтра (2).

На рисунке 5 показаны: a – зашумленный полезный сигнал

($A = 30, p = 0.4, q = 0, \sigma = 0, R_0 = 11.4$),

b – выход классического медианного фильтра

($m = 3, R = 8.2$), c – выход фильтра геометрического

среднего (8) ($m = 3, R = 9.14$) и

d – выход исследуемого фильтра (2)

($m = 3, \alpha = 9, R = 2.02$).

Как видно из приведенных результатов, фильтр (2) существенно лучше предыдущих фильтров удаляет импульсный шум.

Фильтр (2) легко обобщается для обработки изображений. Если в этом случае размер апертуры равен $m \times n$, то

$$y_{kl} = \exp \left(\frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} e^{-\alpha x_{ij}^2} \ln x_{ij}}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} e^{-\alpha x_{ij}^2}} \right). \quad (9)$$

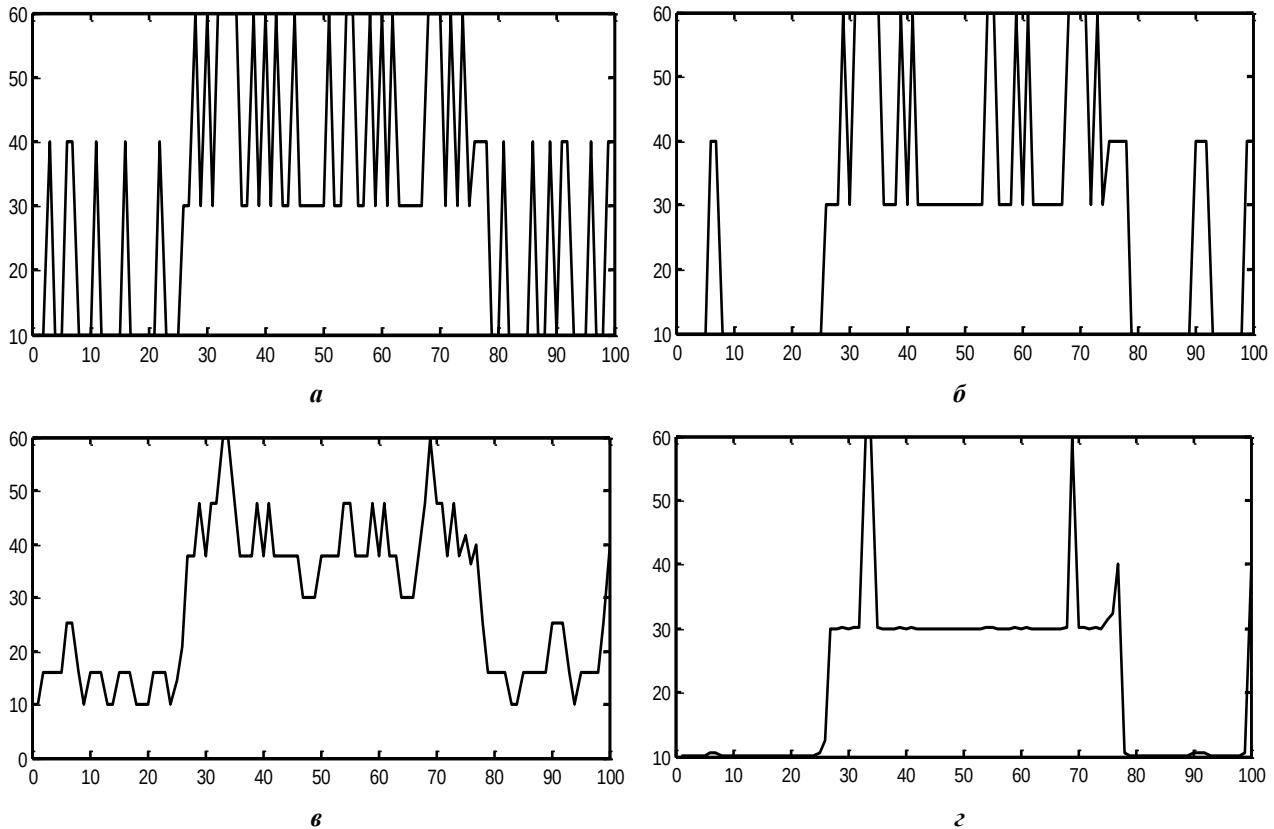

Рис. 5. Результаты удаления импульсного шума

Фильтр (9) был промоделирован численно. Результат фильтрации оценивался погрешностью

$$R = \frac{1}{N^2} \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N |s_{ij} - y_{ij}|,$$

где N^2 – размер изображения. Результат зашумления характеризовался величиной:

$$R_0 = \frac{1}{N^2} \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N |s_{ij} - x_{ij}|.$$

На рисунке 6 показаны: a – исходное изображение, b – изображение с наложенным импульсным шумом ($A = 100, p = 0.4, \sigma = 0, R_0 = 0.1569$),

c – выход медианного фильтра

($m = n = 3, R = 0.1145$),

d – выход фильтра геометрического среднего

($m = n = 3, R_0 = 0.1292$),

e – выход фильтра среднего арифметического с гауссовскими весами (10) [3]

($m = n = 3, \beta = 8, R = 0.0203$),

e – выход исследуемого фильтра

($m = n = 3, \alpha = 9, R = 0.0187$).

$$y_{kl} = \frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} e^{-\alpha x_{ij}^2} x_{ij}}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} e^{-\alpha x_{ij}^2}}. \quad (10)$$

Рис. 6. За шумление изображения и результаты удаления шума

Как видно из приведенных результатов, усредняющие фильтры с гауссовскими весами (2), (10) существенно лучше убрали наложенный импульсный шум.

Таким образом, проведенные исследования нелинейного фильтра (2) показали, что он достаточно хорошо удаляет аддитивные гауссовский шум и импульсный шум большой амплитуды и высокой интенсивности.

Литература

1. Гонсалес Р., Вуд Р. Цифровая обработка изображений. М.: Техносфера, 2005. 1072 с.
2. Севастьянов Б. А. Курс теории вероятностей и математической статистики. М.: Наука, 1982. 255 с.
3. Сусликов В. С., Толстунов В. А. Усредняющий сглаживающий фильтр с гауссовскими весами // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ – 2012): материалы XI Международной научно – практической конференции. Кемерово: Практика, 2012. Ч. 1. С. 71 – 75.
4. Толстунов В. А. Обобщенный алгоритм геометрического среднего // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12(59). Ч. 1. С. 133 – 135.

Информация об авторе

Толстунов Владимир Андреевич – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики Кемеровского государственного университета, vat@bk.ru.

Tolstunov Vladimir A. – Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor at the Department of Investigations Automation and Engineering Cybernetics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 377.6

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. И. Горшков

PROFOUND RESEARCH OF LEADERSHIP POTENTIAL DEVELOPMENT IN STUDENTS AS FUTURE TEACHERS OF PHYSICAL CULTURE

N. I. Gorshkov

Анализ современных тенденций социально-экономического развития страны ставит перед учреждениями профессионального образования помимо задач, связанных с подготовкой профессионала определенного уровня квалификации, задачи формирования у выпускника профессионально значимых лидерских качеств.

В связи с этим важно сделать акцент на необходимость формирования у обучающихся целостной системы профессионально значимых лидерских качеств, которые позволят развивать опыт самостоятельной деятельности и формировать личную ответственность за результаты обучения на этапе профессиональной подготовки.

Предмет исследования: профессионально значимые лидерские качества как основа структуры лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры.

Цель исследования: определение уровня сформированности профессионально значимых лидерских качеств, вошедших в структуру лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры.

При проведении исследования были использованы следующие методы:

1. Анализ научно-методической литературы по проблеме исследования.
2. Тестирование.
3. Методы математической обработки данных.

Результаты исследования: в результате проведенной работы было изучено состояние проблемы исследования в современной научно-методической литературе, подобраны методики исследования, определен уровень профессионально значимых лидерских качеств, выявлен уровень сформированности компонентов лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры.

Анализ полученных результатов позволил внести изменения в процесс профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры с целью формирования профессионально значимых лидерских качеств и активизации лидерского потенциала.

Выводы

1. На основе теоретического анализа проблемы исследования установлено, что лидерский потенциал студента представляет собой развивающуюся систему его способностей и ресурсных возможностей успешно проявлять лидерские качества в данных объективных условиях.

2. Подобранный диагностический инструментарий позволил определить уровень развития профессионально значимых лидерских качеств, составляющих основу структуры лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры.

3. Из результатов диагностики можно сделать вывод о том, что сформированность профессионально значимых лидерских качеств в подавляющем большинстве находится на среднем или низком уровне, что недостаточно для успешной профессиональной деятельности будущего учителя физической культуры.

The analysis of current trends in the socio-economic development of the country in addition to problems associated with the training of qualified professionals of a certain level arises the problem of leadership qualities formation in the future graduates of vocational education institutions. So, professional training of future teachers of physical culture is impossible without profound understanding and developing of professionally important leadership qualities in the process of future specialists' formation.

The **object** of the current research is the basic structure of students' leadership potential as basis for the professionally important leadership qualities of the future teachers of physical culture.

The **purpose** of the research is to identify the leadership potential in students as future teachers of physical culture.

The **research methods** used are: 1) analysis of the scientific and methodical publications; 2) testing; 3) methods of mathematical data processing.

As a **result** of this work, the state of the researched problem in the modern scientific and methodical publications was studied. The research methods were chosen, the level of professionally significant leadership qualities was defined, and the level of leadership potential development in students as future teachers of physical culture was identified.

The analysis of the data allowed making changes to the process of training future teachers of physical culture and activating their leadership potential.

Conclusions: 1. According to the theoretical analysis, the author can determine that the student's leadership potential is a developing system of their abilities and resource capacities for successful demonstration of leadership qualities in objective conditions. 2. According to the developing diagnostics, professionally important leadership qualities can be defined as the basis of leadership potential structure. 3. According to the diagnostic results, the author can conclude that the level of professionally important leadership qualities formation is middle or low and it is not sufficient for future teachers of physical culture.

Ключевые слова: профессионально значимые лидерские качества, физическая культура и спорт, лидерство, лидерский потенциал, структура лидерского потенциала, диагностика лидерских качеств, профессиональная успешность.

Keywords: professionally important leadership qualities, physical culture and sport, leadership, leadership potential, structure of leadership potential, leadership diagnostics, professional success.

Введение

Современная стратегия профессионального образования в области физического воспитания диктует необходимость создания такой системы подготовки учителей физической культуры, которая позволит овладеть будущим выпускникам не только умениями в организации и проведении физкультурных занятий, но и повысит эффективность педагогической деятельности в целом, что обеспечит востребованность молодого специалиста на современном рынке труда [9, с. 125 – 134].

В связи с этим профессиональная подготовка будущих учителей физической культуры невозможна без осознания важной роли активизации лидерского потенциала в процессе становления будущего специалиста в области физического воспитания.

Лидерский потенциал студента – это развивающаяся система его способностей и ресурсных возможностей успешно проявлять лидерские качества в данных объективных условиях [7, с. 41].

Развитый лидерский потенциал будущего учителя физической культуры отражает совокупность внутренних потребностей и ресурсных возможностей личности студента, способствующих достижению такого уровня профессиональной компетентности, который обеспечивает ведущее влияние на обучающихся при решении профессионально-педагогических задач.

Педагогической общественностью признается, что эффективно развивать профессиональные компетенции будущих учителей физической культуры позволяет лидерство, способствующее формированию у обучающихся профессионально значимых лидерских качеств, которые впоследствии помогут молодому специалисту стать настоящим профессионалом в области физического воспитания [4, с. 21 – 24].

Наличие профессионально значимых лидерских качеств поможет будущему учителю физической культуры не только успешно войти в мир педагогической деятельности, но и в дальнейшем реализовать себя в качестве высококвалифицированного специалиста, способного объединить вокруг себя своих воспитанников для решения задач современного образования.

Поскольку профессионально значимые лидерские качества являются важным компонентом компетенций современного выпускника, подготовка будущего специалиста должна быть нацелена на развитие не только общеучебных знаний, умений и профессиональных навыков, но и в большей степени на форми-

рование готовности эффективно организовывать свои внутренние и внешние ресурсы, то есть активизировать свой лидерский потенциал.

Опираясь на исследования В. И. Гама [3], Н. В. Мухаметзяновой [10], А. В. Зориной [6], Н. Ю. Бураковой [1], мы определили профессионально значимые лидерские качества, которые были объединены в структуру лидерского потенциала будущего учителя физической культуры.

В основу структуры вошли четыре компонента: когнитивный, коммуникативно-рефлексивный, организационно-деятельностный, личностно-творческий. Формирование каждого из компонентов обусловлено развитием определённых профессионально значимых лидерских качеств, соответствующих направленности данного компонента: *когнитивный* (обучаемость, осмысленность, познавательность, рассудительность); *коммуникативно-рефлексивный* (коммуникабельность, рефлексивность, эмпатия); *организационно-деятельностный* (виденье, организованность, ответственность и мобильность); *личностно-творческий* (инициативность, креативность, потребность в достижениях).

Целью исследования явилось определение уровня сформированности профессионально значимых лидерских качеств, вошедших в структуру лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры.

Для определения уровня сформированности лидерских качеств *когнитивного* компонента мы использовали опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова (исследование интеллектуальной сферы личности).

Результаты диагностики свидетельствуют о том, что сформированность профессионально значимых лидерских качеств *когнитивного* компонента находится на среднем уровне. Так у 66 % студентов отмечено средневыраженное стремление к деятельности, связанной с умственным напряжением (параметр эргичность) (рис. 1); у 60 % – средний уровень стремления к разнообразию форм интеллектуальной деятельности, ситуативный творческий подход к решению проблемных ситуаций (параметр пластичность); у 56 % студентов отмечается средняя скорость умственных процессов при осуществлении интеллектуальной деятельности (параметр скорость); у 56 % – средняя выраженность эмоциональных переживаний в случае неудач в работе, требующей умственного напряжения (параметр эмоциональность).

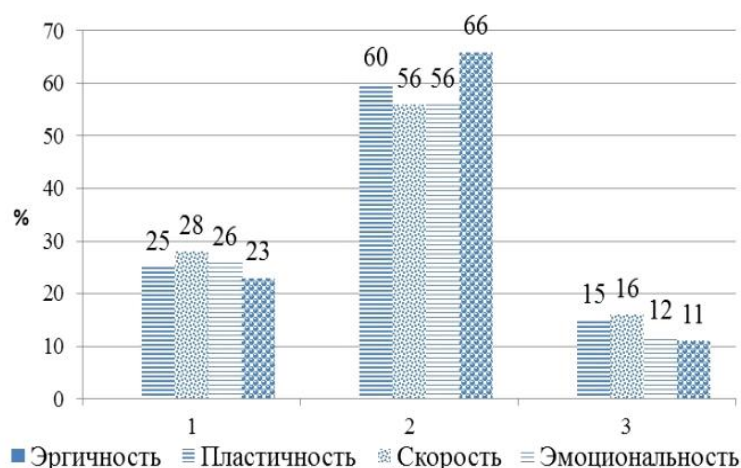

Рис. 1. Показатели сформированности профессионально значимых лидерских качеств когнитивного компонента: 1 – низкий уровень, 2 – средний уровень, 3 – высокий уровень

Для определения уровня сформированности профессионально значимых лидерских качеств коммуниктивно-рефлексивного компонента мы использовали комплекс диагностических методик, в который вошли: опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова (исследование коммуникативной сферы), методика определения уровня рефлексивности В. В. Пономаревой, методика исследования уровня эмпатийных тенденций И. М. Юсупова.

Исходя из результатов диагностики В. М. Русалова (исследование коммуникативной сферы), можно сделать вывод о том, что только у 13 % студентов отмечена высокая потребность в общении, стремление участвовать в социальных мероприятиях, прояв-

лять коммуникативную активность (параметр эргичность) (рис. 2); 16 % студентов показали способность к быстрой вербализации, имея высокую скорость речевой активности (параметр скорость). Важным является тот факт, что почти половина студентов, а именно 44 %, имеют высокую чувствительность (ранимость) в случае неудач в общении, ощущая постоянное беспокойство в процессе социального взаимодействия, неуверенность, раздражительность в ситуации общения (параметр эмоциональность). И только по параметру пластичность большинство студентов (54 %) показали высокий результат, что говорит о высоком уровне готовности к вступлению в новые социальные контакты, легкость переключения в процессе общения.

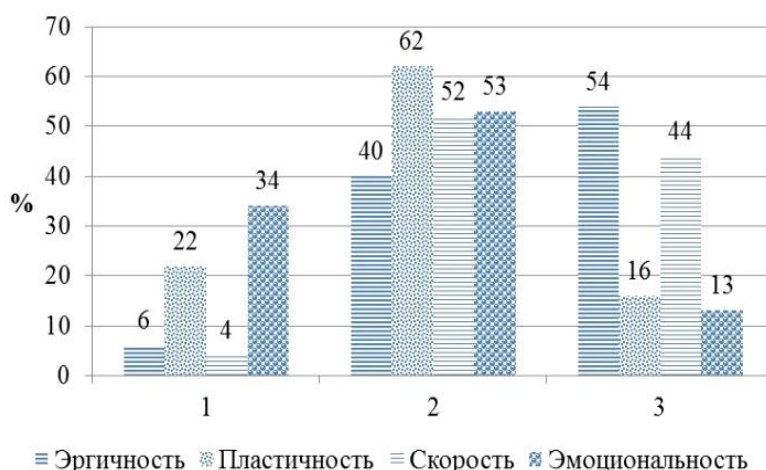

Рис. 2. Показатели сформированности коммуникативной сферы (коммуникабельность): 1 – низкий уровень, 2 – средний уровень, 3 – высокий уровень

Для исследования уровня рефлексивности нами была использована методика определения уровня рефлексивности В. В. Пономаревой.

Полученные результаты показывают, что у 66 % студентов рефлексивные способности находятся на

низком уровне (рис. 3), 26 % студентов имеют средний показатель, и только 8 % студентов способны на высоком уровне анализировать свои действия и поступки, критически осознавать свои особенности, ви-

деть свои возможности в саморегуляции своей деятельности и поведения.

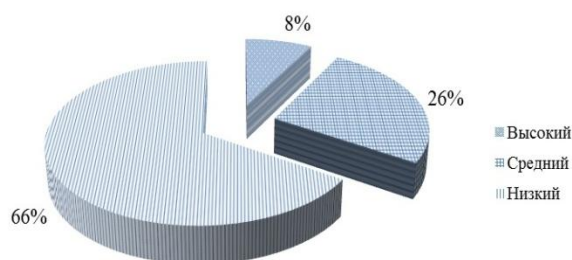

Рис. 3. Показатели сформированности рефлексивных качеств

Для исследования уровня эмпатии студентов нами была использована методика исследования уровня эмпатийных тенденций И. М. Юсупова.

Полученные результаты говорят о том, что у 59 % студентов отмечен низкий уровень эмпатийности (рис. 4), 26 % студентов имеют нормальный уровень эмпатийности, 9 % студентов показали высокую эмпатийность и только 6 % имеют очень высокий уровень эмпатийности.

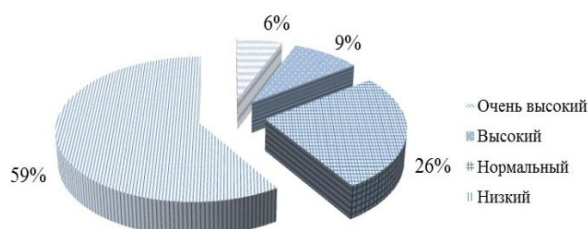

Рис. 4. Показатели сформированности эмпатии

Результаты диагностики сформированности профессионально значимых лидерских качеств коммуниктивно-рефлексивного компонента говорят о необходимости развития коммуникативной сферы личности студента, высокий уровень которой обеспечивает взаимопонимание и согласованность действий студентов и педагога в условиях процесса профессиональной подготовки, повышения уровня межличностного обмена информацией, с целью более эффективного взаимодействия. Для этого необходимо развивать умения четко, грамотно и понятно излагать свои мысли, приводить аргументированные доводы в свою пользу, совершенствовать аналитические умения, учиться критически, осознавать особенности саморегуляции своей деятельности и поведения, понимать эмоциональное состояние другого человека, уметь поставить себя на его место, быть способным к сопереживанию, проявлять эмпатию.

Для определения уровня сформированности профессионально значимых лидерских качеств организационно-деятельностного компонента мы использовали комплекс диагностических материалов, в который вошли: опросник «Коммуникативные и организаторские склонности», авторы В. В. Синявский, В. А. Федорошин; опросник «Ответственность», автор

В. П. Прядеин и опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова (исследование психомоторной сферы).

40 % студентов показали низкий уровень сформированности организаторских качеств (рис. 5), 30 % студентов имеют показатель ниже среднего и только 10 % и 7 % студентов имеют высокий и очень высокий уровни организаторских качеств соответственно.

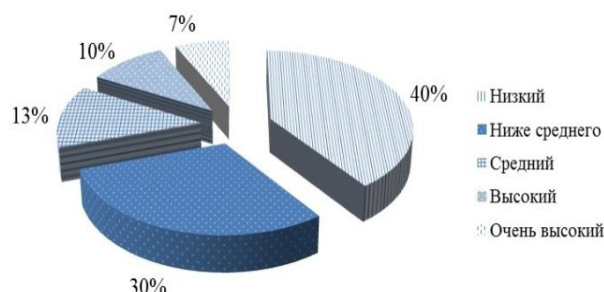

Рис. 5. Показатели сформированности организаторских качеств

При помощи методики В. М. Русалова (исследование психомоторной сферы) был определен уровень мобильности. 66 % студентов имеют средний показатель по параметру эргичность (рис. 6), что говорит о нормальной двигательной активности, средневыраженном стремлении к физическому труду; по параметру пластичность у 60 % студентов отмечается средневыраженная гибкость при переключении с одной физической работы на другую; у 53 % отмечена средняя скорость моторно-двигательных операций; 56 % имеют обычную интенсивность эмоционального переживания в случае неудач в физической работе.

Комплексный параметр ответственности определялся на основе подсчета основных компонентов ответственности. Результаты показали, что только 12 % студентов имеют высокий уровень ответственности (рис. 7). Они самокритично подходят к выполнению ответственных дел, характеризуются самостоятельным, тщательным выполнением трудных и ответственных заданий, у 44 % студентов отмечается нейтральность, ситуативное проявление ответственности (средний уровень), 44 % студентов в ситуации, где им нужно будет проявить ответственность, могут отказаться от реализации трудных и ответственных заданий, проявив частичную нерешительность, необязательность и поведенческую пассивность (низкий уровень).

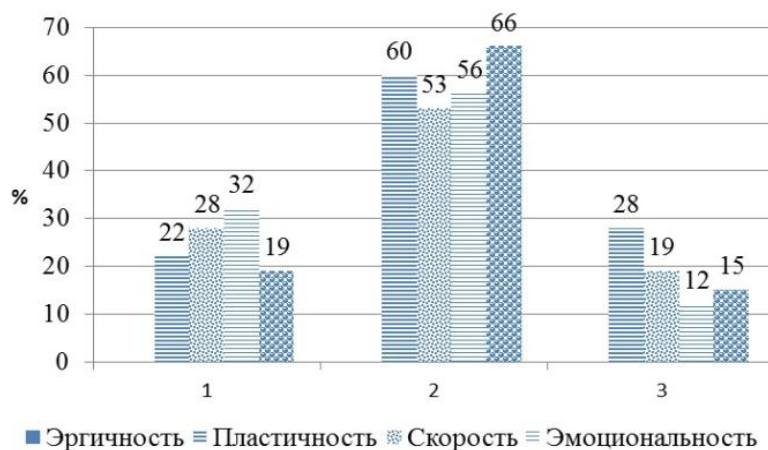

Рис. 6. Показатели сформированности психомоторной сферы (мобильность):
1 – низкий уровень, 2 – средний уровень, 3 – высокий уровень

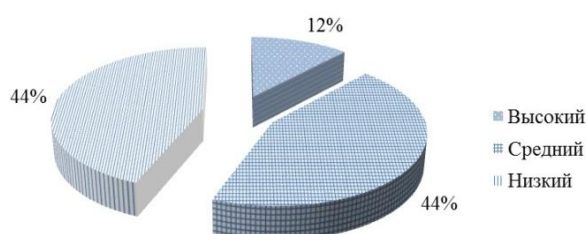

Рис. 7. Показатели сформированности ответственности

По результатам диагностики сформированности профессионально значимых лидерских качеств организационно-деятельностного компонента лидерского потенциала можно сделать вывод о необходимости развития умений, которые позволят правильно спланировать свою деятельность, успешно решить поставленные задачи в кратчайшие сроки и выполнить работу максимально качественно и эффективно. Необходимо учиться находить наилучшее применение, каждому члену группы, показывая при этом настойчивость, уверенность и самостоятельность, уметь располагать к себе людей, слушать и понимать их, убеждать в своей правоте, добиваться индивидуально поставленных целей, используя результаты групповой деятельности. При этом быть способным отвечать за свои поступки и действия, а также их последствия, уметь принимать решения, брать на себя ответственность, а также умело её делегировать в случае необходимости. Быть готовым исполнять все свои обязанности, принимать решение в трудных ситуациях не только за себя, но и за тех, кто от тебя зависит, проявляя гибкость и мобильность в своих действиях.

Для определения уровня сформированности профессионально значимых лидерских качеств личностно-творческого компонента мы использовали комплекс диагностических материалов, в который вошли: опросник «Шкала оценки потребности в достижении», автор Ю. М. Орлов и методика самооценки творческих способностей, автор Е. Туник.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что 43 % студентов имеют низкий уровень по шкале оценки потребности в достижении (рис. 8), 28 % студентов имеют средний показатель, 29 % студентов имеют высокие показатели потребности в достижении.

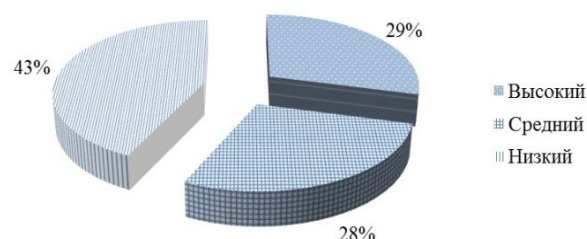

Рис. 8. Показатели сформированности потребности в достижении

В результате диагностики творческих способностей (креативности) 34 % студентов показали низкий уровень творческих способностей, 42 % студентов имеют средний показатель, 24 % студентов способны на высоком уровне проявлять креативность (рис. 9).

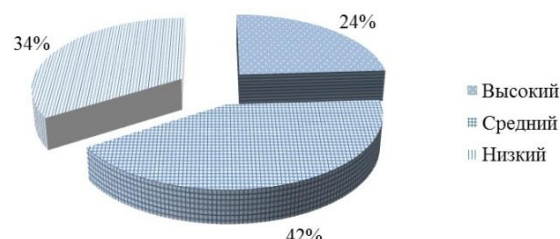

Рис. 9. Показатели сформированности креативности

Результаты диагностики профессионально значимых лидерских качеств личностно-творческого компонента лидерского потенциала говорят о важности

развития умений, характеризующихся определённым уровнем сознательности и самостоятельности. Необходимо развивать умения креативно мыслить, создавать нестандартные ситуации и творчески решать поставленные задачи. Применять навыки, приобретенные при решении одной задачи к решению другой, проявляя умения включать вновь воспринятые сведения в уже имеющиеся системы знаний и гибко мыслить там, где это, казалось бы, невозможно, добываясь от студентов постоянного поиска способов улучшения своей деятельности.

Опираясь на анализ полученных данных, мы определили уровень развития профессионально значимых лидерских качеств, составляющих основу структуры лидерского потенциала студентов, будущих учителей физической культуры. Как видно из резуль-

татов диагностики, сформированность профессионально значимых лидерских качеств в подавляющем большинстве находится на среднем или низком уровне, что недостаточно для успешной профессиональной деятельности. В связи с этим необходимо в процессе профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры большее внимание уделять формированию готовности эффективно организовывать свои внутренние и внешние ресурсы с целью активизации своего лидерского потенциала. Это позволит подготовить будущего специалиста к профессиональному вхождению в рынок труда со сформированными на высоком уровне потребностями в постоянном профессиональном самообразовании и саморазвитии, с развитой лидерской позицией.

Литература

1. Бурлакова Н. Ю. Профессиональные способности в структуре интегральной индивидуальности учителя физической культуры: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2000. 163 с.
2. Веряскина И. А. Организационно-педагогические условия развития лидерских качеств учащейся молодёжи средствами социально-культурной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2008. 143 с.
3. Гам В. И. Методология и технологии стратегического лидерства в условиях системных изменений в образовании: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. Калининград, 2009. 44 с.
4. Горшков Н. И., Кривошеева О. Р., Набиев Т. Э., Платунов А. И. Развитие лидерских качеств в малых группах в процессе физического воспитания студентов // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы всероссийской научно-практической конференции 2 – 3 апреля г. Кемерово; Омск: Изд-во СибГуфк, 2014. 206 с.
5. Давлетова А. И. Развитие лидерских качеств студентов педагогического вуза: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 270 с.
6. Зорина А. В. Педагогические условия формирования лидерских качеств у студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 217 с.
7. Иванова А. Б. Активизация лидерского потенциала студентов вуза в процессе внеучебной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 207 с.
8. Кривошеева О. Р. Формирование социальной ответственности студентов физкультурного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2007. 244 с.
9. Кривошеева О. Р., Горшков Н. И. Профессионально значимые лидерские качества педагога по физической культуре в структуре лидерского потенциала и стратегия его активизации // Профессиональное образование в современном мире. 2014. Т. 13. № 2.
10. Мухаметзянова Н. В. Особенности профессионально важных качеств будущих учителей физической культуры на разных этапах профессиональной подготовки: на материале студентов педагогического вуза: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2005. 179 с.
11. Павлова О. А. Социально-педагогические условия реализации лидерского потенциала старших подростков во временных детских объединениях: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2004. 165 с.
12. Соляхов В. Ю. Формирование лидерских качеств студентов: на опыте подготовки менеджеров: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2008. 189 с.

Информация об авторе:

Горшков Никита Иванович – аспирант кафедры педагогики гуманитарного факультета Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, nikgor2008@rambler.ru.

Nikita I. Gorshkov – post-graduate student at the Department of Pedagogy, Faculty for the Humanities, Siberian State University of Physical Education and Sport.

(Научный руководитель: Кривошеева Ольга Робертовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, декан факультета дополнительного профессионального образования Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, krivosheevao@mail.ru.

Olga R. Krivosheyeva – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at the Department of Pedagogy, Dean of the Faculty of Additional Professional Education, Siberian State University of Physical Education and Sport.

Статья поступила в редколлегию 06.10.2014 г.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Н. Н. Загузина, Б. П. Невзоров

PROBLEMS OF DISTANCE PEDAGOGY DEVELOPMENT

N. N. Zaguzina, B. P. Nevzorov

В настоящей статье предложены направления исследования по дистанционной педагогике и психологии, показаны проблемы развития и особенности применения дистанционной педагогике, дано понятие дистанционной педагогике, предложена новая формулировка «дистанционно-педагогическая среда», обоснована идея применения «научи-учиться» в дистанционной педагогике, показано в чем заключаются инновации в дистанционной педагогике и психологии.

The paper presents the trends of researching distance pedagogy and psychology. The authors show the problems of development and peculiarities of distance pedagogy application and define the notion of distance pedagogic. The new term of “distance-pedagogical environment” is introduced, the idea of “learn-study” method application in distance pedagogy is proved and the innovations in distance pedagogy and psychology are shown.

Ключевые слова: дистанционная педагогика, дистанционно-педагогическая среда, информационно-коммуникационные технологии, педагогическая инновация, дистанционное сопровождение, дистанционное образование и обучение, открытые образовательные ресурсы.

Keywords: distance pedagogy, distance-pedagogical environment, information-communicative technologies, pedagogical innovation, distance support, distance education, open education resources.

Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) занимают особое место в современном мире XXI века. Работа на компьютере, умение использовать открытые образовательные интернет-ресурсы и ИКТ в работе, умение создавать, а главное использовать информационные ресурсы, находящиеся в распоряжении человечества, являются основополагающими приоритетами нового стиля работы во всех сферах деятельности, особенно в образовании. Актуальной проблемой в науке по использованию информационных компьютерных технологий в образовании определяют пути развития инновационной, дистанционной педагогике. В общественном мнении складывается понимание задачи перехода к информационному обществу с политической и экономической точек зрения. Об этом свидетельствует Федеральная целевая программа «Электронная Россия на период 2002 – 2010 гг.» [5] в области политики и Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды (2001 – 2005 гг.)» [9] в области образования. Государство уделяет особое внимание вопросу реализации программ с применением электронных форм обучения, использования в образовании информационно-коммуникативных и дистанционных технологий. Так в законе об образовании в РФ № 273-ФЗ, 2012, с поправками от 01.09.2013 г., во второй главе в статье 15 прописана «Сетевая форма реализации образовательных программ» и в статье 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» [7].

Дистанционные, инновационные технологии развиваются в педагогике и психологии, при этом инновации заключаются в том, что разрабатываются новые принципы, формы, методы, функции, средства дистанционной педагогике и дистанционного психолого-педагогического сопровождения обучающихся, которые должны быть заложены в культурно-образовательную среду сетевого взаимодействия и дистанционного обучения. Развитие дистанционных образова-

тельных технологий приводит к разработке особого типа педагогике – дистанционной со своим понятием, аппаратом, принципами, формами, методиками, функциями, дидактикой, образовательными ресурсами.

Рассмотрим понятие, что такое педагогика. Философский словарь сообщает, что педагогика – это наука, объектом изучения которой является образование, как особая область социокультурной действительности [8]. В словаре педагогических терминов А. И. Кузьминского термин «педагогика» (от греч. *paides* – «дети», *опо* – «веду») определяется как наука об обучении, образовании и воспитании людей в соответствии с потребностями социально-экономического развития общества [3]. Понятие дистанционной педагогике в науке еще только складывается. Поэтому предлагаем рассмотреть понятие «дистанционная педагогика» с нашей точки зрения.

Дистанционная педагогика – это наука о применении информационно-компьютерных технологий в дистанционном режиме, влияющая: на развитие, формирование, социализацию, индивидуальную культуру деятельности и общения личности, обучающая самостоятельной работе и самообразованию.

С распространением цифровых технологий обучения, образование принимает формы непрерывного, индивидуально-ориентированного, гибкого и динамичного процесса [1]. Дистанционная педагогическая наука уделяет особое внимание развитию взаимодействия и сотрудничества (учитель – ученик), (преподаватель – студент) посредством использования современных информационных, коммуникационных и дистанционных технологий, но до сих пор все находится на стадии эксперимента, изучения, внедрения.

С педагогической точки зрения интернет-технологии представляют собой глобальный комплексный набор современных компьютерно-сетевых (телекоммуникационных) инструментальных средств, универсального программно-методического обеспечения. Они включают в себя многожанровую всеобъемлющую информацию, накапливаемую в сети в реальном

масштабе времени. Это позволяет наполнить учебный процесс невиданным ранее объемом информации [2].

Сделаем обзор важнейших проблем развития современного дистанционного образования и дистанционной педагогики, с точки зрения использования многообразия возможностей существующих и перспективных информационно-коммуникационных технологий и инновационных, педагогических методов используемых в становлении дистанционной педагогики, основанной на применении ИКТ.

Первая проблема: подготовка учителей, педагогов в области использования интернет-технологий.

Обеспечение подготовки учителей до внедрения информационно-компьютерных технологий в образовательные организации или в учреждения дополнительного образования является самым важным элементом в подходе применения дистанционных педагогических технологий. Учителя, педагоги, не уверенные в своей способности эффективно использовать компьютеры в работе со своими учениками, будут стараться избегать их применения. Задача состоит не в том, чтобы вызвать изменение менталитета учителей, а в том, чтобы дать им уверенность в работе с современным оборудованием и использованием информационно-компьютерных, дистанционных технологий, интернет-ресурсами. Подготовка учителей, педагогов в области освоения ИКТ будет способствовать развитию дистанционного образования и дистанционной педагогики.

Вторая проблема: внедрение новых педагогических дистанционных образовательных технологий в образовательные организации и учреждения дополнительного образования, вузы.

Внедрение требует: разработки новой учебной методики, программ, подходов, и принципов дистанционной педагогики, которые еще складываются. Разработка новых учебно-методических пособий, методических рекомендаций, электронных учебников, проектирование дистанционных уроков и т. д., по освоению ФГОС при помощи информационных, компьютерных, дистанционных технологий даст возможность выйти на новый уровень образования и развития инновационной, дистанционной педагогики.

Третья проблема: использование открытых образовательных ресурсов (ООР) в дистанционной педагогике. Учителя, педагоги, очень часто считают, что ООР не соответствует национальным образовательным стандартам, потребностям, либо не отвечает критериям качества. Во многих организациях, учреждениях, сообществах ценится создание собственного контента, а не использование открытых учебных материалов других авторов. Кроме того, педагоги не всегда готовы делиться своим интеллектуальным продуктом, особенно если предполагается совместное использование или переработка их материалов. Поэтому образовательные учреждения и педагоги очень осторожно относятся к любым изменениям своей профессиональной деятельности, включая обмен образовательными ресурсами и принятие, и адаптацию ресурсов коллег. Возможно одна из проблем, незнание влияния этих образовательных дистанционных ресурсов на педагогический процесс обучающихся. Растущая доступность ООР резко увеличит потенциал ИКТ в образовании. Это повысит эффективность ИКТ в практике каждого учителя, тем

более работающего в дистанционном режиме с обучающимися, что даст возможности развития дистанционно-образовательным технологиям и инновационной педагогики.

Четвертая проблема: применение ИКТ в дистанционной педагогике и способы ее влияния на учащихся. Данная проблема находится в стадии изучения.

Развитие дистанционной педагогики смогло бы помочь в решении проблемы взаимодействия обучающихся и обучающихся.

Апробированные и вновь зарождающиеся инновационные формы дистанционной педагогики и методы обучения, стоит рассматривать в целостности и единстве с целями и содержанием педагогического процесса. Среди новых интерактивных методов обучения опосредованными выступают: электронные учебники, дистанционные семинары, лекции, аудио-видеолекции, телеконференции, электронная почта, скайп, чат и т. п. Трудность заключается в том, что передача и прием информации происходят часто с помощью определенных промежуточных элементов, связующих деятельность обучающего и обучающегося. Этими элементами являются: содержание, формы и методы, средства и источники обучения, образовательная среда, сопровождение. Таким образом, во взаимодействии находятся семь элементов: обучающийся – обучающий; содержание обучения; источники и средства обучения; формы и методы обучения; культурно-образовательная среда, психолого-педагогическое сопровождение. Дистанционная педагогика освобождает себя от функции непосредственного контроля, передавая ее компьютеру, что позволяет сохранять благоприятную сферу общения (учитель-ученик, преподаватель-студент) и позволяет найти новые способы взаимодействия в дистанционной педагогике.

Пятая проблема: создание культурно-образовательной, дистанционно-педагогической среды.

Для создания культурно-образовательной, дистанционно-педагогической среды требуется создание ресурсных центров на региональном, городском, районном уровне. При этом существуют образовательные порталы созданные на правительственном уровне. Но в первую очередь для обучающихся должна быть создана культурно-образовательная и дистанционно-педагогическая среда с учетом местных условий. Это привнесет в дистанционную педагогику свои особенности.

Шестая проблема: научи учиться обучающихся.

«Научи-учиться», одна из задач современной педагогики и психологии (по П. Ф. Каптереву [4]). Для дистанционной педагогики это ключевая фраза (мысль), так как она предполагает самостоятельную работу обучающегося. Поэтому на первом этапе учителя, педагоги, родители должны действительно научить учиться (учащихся, студентов) с помощью ИКТ работать в глобальной информационной сети «Интернет».

Есть проблемы, которые заключаются в особенности применения дистанционной педагогики так как, каждый раз она сталкивается с конкретными, индивидуальными условиями обучения, уровнем подготовки учителей и учащихся, студентов по информационно-компьютерным технологиям, умением использовать открытые образовательные интернет-ресурсы, культурно-образовательной средой вокруг обучающегося, образовательной ситуацией, которая существует в

данном пространстве, личностными отношениями между обучаемым и обучающими. Необходимо объединение усилий в разработке теоретических и практических основ дистанционного образования с точки зрения педагогики и психологии.

Таким образом можно сделать вывод, что психолого-педагогическая наука должна вести научно-практические исследования в области дистанционной педагогики и психологии по следующим направлениям: социализация обучающихся к современным социально-экономическим условиям с применением информационно-компьютерных и дистанционных технологий; адаптация обучающихся к профессиональной деятельности с использованием ИКТ в дистанционном режиме; использование открытых образовательных ресурсов, сетевых ресурсов с помощью информационно-коммуникационных, дистанционных технологий в педагогике; использование информационно-компьютерных технологий в психолого-педагогическом сопровождении обучающихся; интеграция прогрессивных педагогических форм и методов обучения с информационными технологиями в дистанционном образовании; разработка системы дистанционной диагностики, контроля, аттестации, тестирования, консультирования; подготовка, переподготовка, повышения квалификации профессионального самосовершенствования учителей и педагогов для работы с ин-

тернет-технологиями в дистанционном режиме; разработка учебно-методических комплексов, программ, электронных учебников, методических рекомендаций, учебно-методических пособий для дистанционного образования; разработка инновационных методик и технологий, используемых в дистанционной педагогике; обосновать основные пути развития дистанционной педагогики с использованием информационно-коммуникационных технологий и их влияния на развитие личности, условия совершенствования дистанционного обучения.

Как видим, дистанционные образовательные технологии – это педагогические инновации в дистанционной педагогике.

Педагогическая инновация – это нововведение в области педагогики, целенаправленное прогрессивное изменение, вносящее в образовательную среду стабильные элементы (новшества), улучшающие характеристики, как отдельных ее компонентов, так и самой образовательной системы в целом [6].

Существенный вклад в решение развития и распространения передового опыта, инновационных идей в области применения ИКТ в образовании, внесут проводимые научно-практические исследования, и будут способствовать успешному решению проблем и развитию «новой инновационной дистанционной педагогики».

Литература

1. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: монография / под ред. Бадарча Дендиева. М.: ИИТО ЮНЕСКО, 2010. 320 с.
2. Корниенко Ю. М. Педагогические условия применения Интернет-технологий в профессиональной подготовке студентов исторических специальностей: авторефер. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет. 2005. 22 с.
3. Кузьминский А. И. Словарь педагогических терминов. Режим доступа: http://uchebnikonline.com/pedagogika/pedagogika_u (дата обращения: 17.11.2014).
4. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития // Труды Междунар. сотрудничества / составитель Н. А. Лобанов; под науч. ред. Н. А. Лобанова и В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им А. С. Пушкина, 2011. Вып. 9. 750 с.
5. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 "О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 – 2010 годы)" // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». Режим доступа: <http://base.garant.ru/184120/#ixzz3JNoCMfqN> (дата обращения: 18.11.2014).
6. Сазанова Ю. В. Инновационные преобразования в педагогике // V Международная студенческая электронная научная конференция "СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 2013" (15 февраля – 31 марта 2013 г.). Режим доступа: www.scienceforum.ru/2013/58/1699 (дата обращения: 18.11.2014).
7. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. № 5976. 31.12.2012.
8. Философский словарь. Энциклопедии-Словари. Режим доступа: enc-dic.com/phi/osophy/pegagogika-1701.htm (дата обращения: 19.11.2014).
9. Чусавитина Г. Н. Педагогические условия подготовки будущих учителей к использованию электронно-коммуникативных средств в учебно-воспитательном процессе: авторефер. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1995. 23 с.

Информация об авторах:

Загузина Нина Николаевна – кандидат педагогических наук, начальник отдела дистанционного образования Невского института управления и дизайна, г. Санкт-Петербург, ruusu@yandex.ru.

Nina N. Zaguzina – Candidate of Pedagogy, Head of Distance Education Division, Nevsky Institute of Management and Design, St. Petersburg.

Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры генетики КемГУ, nevzorov@kemsu.ru.

Boris P. Nevzorov – Doctor of Pedagogy, Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 378.1

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

О. П. Казакова

INDEPENDENT EDUCATIONAL ACTIVITY IN PROFESSION-ORIENTED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES

O. P. Kazakova

Профессионально-ориентированное обучение направлено на решение профессиональных задач, которые становятся определяющими в процессе самообразования. В статье показана важность обучения самостоятельной учебной деятельности и показаны пути развития самостоятельности студентов при изучении иностранных языков.

Profession-oriented training is aimed at the solution of professional tasks that determine the process of self-education. The paper shows the importance of teaching self-learning activities and the ways of developing students' autonomy in teaching foreign languages.

Ключевые слова: самостоятельная учебная деятельность, профессионально-ориентированное обучение, развитие самостоятельности, иностранный язык.

Keywords: independent educational activity, profession-oriented teaching, development of autonomy, foreign language.

На сегодняшний день развитие познавательной самостоятельности обучающихся является приоритетным направлением образовательного процесса. Цель данной статьи заключается в том, чтобы обосновать необходимость разработки методики обучения самостоятельной учебной деятельности (далее: СУД) и показать направления развития самостоятельности студентов в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам.

Федеральные государственные стандарты школьного и вузовского уровней подчеркивают важность формирования и развития умений самообразования на всех этапах обучения: одной из целей школьного образования становится формирование универсальных учебных действий, а самообразовательная компетенция выдвинута как компонент портрета выпускника вуза. В качестве примеров приведем ФГОС ВПО по разным направлениям, которые в качестве целей обучения выдвигают общекультурные компетенции, подчеркивающие важность развития самостоятельности студентов:

– «владеть культурой мышления, способностью к восприятию, обобщению и анализу информации, постановке цели и выбору путей ее достижения» (ОК-5, 080200 «Менеджмент»);

– «на научной основе организовать свой труд, оценить с большой степенью самостоятельности результаты своей деятельности, владеет навыками самостоятельной работы» (ОК-11, 100100 «Сервис»);

– «способен самостоятельно приобретать и использовать в практической деятельности новые знания и умения, стремится к саморазвитию» (ОК-5, 230700 «Прикладная информатика»).

Мы не ставим своей целью анализ всех стандартов, поскольку считаем, что приведенные примеры из различных образовательных сфер дают нам право предположить, что в той или иной форме умения самостоятельной учебной деятельности включены в целевые компетенции абсолютного большинства ФГОС ВПО. Сама идея развития самостоятельности

не нова. Еще в 90-е годы А. Л. Бердичевский говорил о задаче вуза "научить учиться, создать устойчивую потребность и готовность к постоянному пополнению и обновлению знаний" [2, с. 86], однако данная идея, широко обсуждаемая в педагогике, не нашла должной разработки в частных методиках обучения предметам.

Как показали результаты нашего исследования, психолого-педагогическое содержание понятия познавательной самостоятельности в литературе трактуется в основном в двух направлениях:

– самостоятельность как умение выполнять учебные действия без непосредственного участия преподавателя (К. Л. Бутягина, В. Н. Васильева, Л. С. Дергач, В. Л. Малашенкова, Т. Г. Сорокина, Д. Шарифов и др.);

– самостоятельность как умение организовать учебную деятельность, изначально распределенную между учителем и учащимся (А. Л. Бердичевский, Г. М. Бурденюк, И. А. Гиниятуллин, Б. П. Есипов, И. А. Зимняя, И. Я. Лернер, П. И. Пидкасистый, В. С. Почепаенков и др.) [6, с. 3 – 4].

Применительно к вузу, когда основная цель обучения заключается в подготовке квалифицированного специалиста, особо отметим исследование М. Б. Баликаевой, в котором автор проанализировала основные аспекты самообразования, выделенные в отечественной педагогической литературе, и предложила свою комплексную дефиницию: «Самообразование – образовательный процесс, личностно-ориентированная и личностно-управляемая многоаспектная деятельность, направленная в первую очередь на профессионализацию через непрерывное приобретение социального опыта, основанного на знаниях, использование различных ресурсов и овладение навыками и умениями самоорганизации, самообучения, самоконтроля и самооценки» [1, с. 33].

В данном определении отражен результат развития самостоятельности, те качества личности, которые обеспечивают осуществление СУД без руководства извне. Эти качества и являются целевыми, именно на их развитие должен быть направлен учеб-

ный процесс с постоянным нарастанием степени самостоятельности.

Сам процесс обучения представляет собой взаимодействие обучающего и обучаемого, направленное на передачу знаний и опыта одним и усвоение другим. Соответственно рассматривается деятельность двух сторон – преподавателя и студента. Преподаватель организует ознакомление с новым материалом, тренировку и применение, а студент выполняет поставленные перед ним задачи. Однако если студент выполняет задания, данные преподавателем, то имманентного овладения умениями самообразования не происходит, как считают представители первого подхода. В этом случае выпускник оказывается «подготовленным главным образом к самостоятельному выполнению управляемых преподавателем или учебным пособием предметных действий» [6, с. 24].

Любое действие, в том числе учебное, предполагает план и его выполнение, соответственно для развития умений/действий как единиц СУД субъект обоих компонентов должен быть один. Студент должен постепенно перенимать функции организатора, углубляя уровень самостоятельности, а именно: анализ ситуации и определение цели, разработка плана достижения цели, определение средств, необходимых ресурсов, проверка выполнения плана и достижения цели, определение причин невыполнения плана или факторов, способствующих его выполнению, разработка плана коррекционных действий.

Перечисленные функции в сущности представляют собой алгоритм целостного действия, в котором отсутствует единственный аспект – непосредственное запланированное действие, которое, как правило, и выполняет сам студент. Но даже на уровне выполнения не всегда в полной мере проявляется его самостоятельность, поскольку многие упражнения носят рецептивный характер по принципу «прочитай – перескажи», или выполнение по образцу, что, конечно, тоже не способствует развитию самостоятельности субъекта. Такие упражнения должны иметь место в учебном процессе, но только в качестве подготовительных, демонстрирующих возможные действия в составе комплексной самостоятельной учебной деятельности. *Под самостоятельной учебной деятельностью мы понимаем полностью управляемую самими обучающимися самообразовательную деятельность по овладению содержанием изучаемой дисциплины.*

Таким образом, в задачи преподавателей всех дисциплин входит не только организация и проведение учебных занятий с целью реализации предметных целей, но и организация самостоятельной работы своих обучающихся с постепенной передачей функций управления. К сожалению, многие ограничиваются лишь исполнительским уровнем самостоятельности, когда деятельность обучающегося заключается только в выполнении заданных учителем упражнений.

И. А. Зимняя подчеркивает необходимость разработки специальной программы обучения самостоятельной работе, которая должна включать диагностирование собственной познавательной потребности, определение своих возможностей, определение цели, выбор объекта изучения, разработку конкретного плана, определение форм и времени самоконтроля [5, с. 120].

Подобная программа применительно к овладению грамматическим аспектом иноязычной речи была разработана нами на основе типологии действий СУД И. А. Гиниятуллина, включающей четыре классификации:

- 1) деятельностно-компонентную;
- 2) компонентно-элементную;
- 3) деятельностно-регуляционную;
- 4) деятельностно-ситуативную [3, с. 87].

На наш взгляд, данная программа, представленная в монографии «Самостоятельное овладение новой грамматикой» [6], может быть взята за основу при разработке комплексной программы по обучению СУД.

Отметим, что речь идет не только о специальных вузах и факультетах. Мы считаем, что деление на языковые и неязыковые направления не продуктивно для методики, поскольку ряд специальностей сложно однозначно отнести к тому или иному виду (например, специалисты гостиничного сервиса должны иметь профессиональный уровень владения иностранным языком, но их специальность вряд ли может быть отнесена к лингвистическим). К тому же федеральные стандарты выделяют обобщенные направления подготовки, под которые попадают различные специальности / профили, как все будущие учителя обучаются по стандарту «Педагогическое образование», будь то учитель иностранного языка или учитель физики, значит, и программа обучения самостоятельной учебной деятельности может носить универсальный характер.

Общим подходом, который позволит достичь это единство, может считаться *профессионально-ориентированный подход, цель которого заключается в подготовке будущих специалистов к решению профессиональных задач средствами изучаемого предмета.*

Новизна предлагаемой методики заключается в том, что она обеспечивает развитие умений СУД на всех ее уровнях – от мотивационного до уровня контроля, и готовит, таким образом, субъекта к полной самостоятельности. Отличительным признаком методики является принцип развития самостоятельности, при котором студенты поэтапно перенимают функции организатора учебного процесса, то есть постепенно редуцируется роль преподавателя. Соответственно, комплекс упражнений разрабатывается от полного алгоритма действий, который позволит решить поставленную задачу до одной формулировки задачи.

В процессе обучения студенты овладевают различными учебными действиями СУД. Несомненно, процесс самообразования будет носить индивидуальный характер, и каждый субъект будет оперировать своим набором действий, зависящим от личных возможностей и ситуации, но в процессе обучения он должен быть ознакомлен с максимальным количеством вариантов выполнения этих действий.

Кратко остановимся на группах формируемых действий, которые конкретизируются в зависимости от предмета, аспекта изучения, временных и других возможностей обучения. Как было показано выше, мы опираемся на следующие типы учебных действий.

1. Аутометодические действия: мотивации (диагностика состояния), ориентации и планирования

(определение изучаемого материала, его фиксирование, семантизация, работа со справочной литературой, выбор ресурсов, в том числе возможностей сети интернет, выбор стратегии усвоения материала, его анализ, определение времени и места работы); *реализации программы познавательного акта* (начало деятельности, обеспечение работоспособности и гигиены труда); *контроля и коррекции* (контроль за ходом работы, проверка усвоения материала, действия по исправлению ошибок, анализ проделанной работы, определение причин неудач и сопутствующих факторов успеха).

2. Предметные действия: *мотивации* (осознание важности данного материала, преодоление неуверенности в работе с этим предметным материалом), *ориентации и планирования* (способы сбора информации, использования различных носителей, последовательность реализации задач и избранных способов решения), *предметно-реализующие действия* (выполнение намеченных действий, оформление записей, составление схем, таблиц, применение различных технических средств, анализ материала), *контроля и коррекции* (контроль процесса выполнения предметных действий, оценка, фиксация трудностей как объекта для дальнейшей деятельности).

3. Профессионально-прикладные действия: *мотивации* (мотивация на профессиональное развитие, получение заветного места работы), *ориентации и планирования* (определение целесообразности изучения данного материала для решения профессиональных задач), *профессионально-прикладные действия по реализации намеченного в возможных ситуациях будущей профессиональной деятельности* (например, для учителей составление собственных упражнений, разработка приемов объяснения материала), *контроля и коррекции* (портфолио профессиональных достижений).

Действия третьего типа обязательно должны присутствовать при разработке программы изучения любой дисциплины образовательной программы высшего или среднего профессионального образования. Ориентация на будущую профессию, практическое применение изучаемого материала при решении профессиональных задач мотивирует студентов к дальнейшей самообразовательной деятельности, демонстрирует необходимость владения материалом для профессионального становления.

Для учителей иностранного языка И. А. Гиниятуллин в качестве прототипов профессионально-прикладных действий СУД предложил ряд комплексов действий, например, специальная языковая подготовка к урокам, поиск материала для внеклассной работы, организация самостоятельной деятельности учеников и т. п. [4, с. 80].

Аналогичные прототипы должны быть разработаны в рамках каждой образовательной программы. Продуктивным нам представляется путь универсализации профессиональных задач для специальностей одного направления. Во-первых, это облегчит труд преподавателей особенно общих дисциплин, в том числе преподавателей иностранных языков, поскольку они не достаточно компетентны в будущей профессии своих студентов. Во-вторых, общие дисциплины изучаются на первых курсах, когда студенты не разделены на группы по специализации и обучаются в

одном потоке. В-третьих, универсальные профессиональные задачи являются, на наш взгляд, достаточной базой для обучения СУД, а их углубление и конкретизация станут предметным полем для дальнейшего самообразования.

К таким универсальным профессиональным задачам при изучении иностранного языка в качестве примера можно отнести следующие: поиск текстового материала для раскрытия темы (например, зарубежный опыт в изучаемом вопросе); включение в переписку с коллегами; дистанционное участие в конференциях, подготовка статьи / аннотации / ключевых слов; поиск материалов в социальных сетях, онлайн-изданиях, и т. п.

Выделенные профессиональные задачи становятся учебными ситуациями, определяющими отбор языкового и речевого материала, при этом сами ситуации выполняют функцию самомотивации. Профессионально-прикладные действия определяют содержание всей СУД, поскольку детерминируют ее предметную и мотивационную сторону.

Наиболее сложным компонентом СУД являются умения контроля, которые дольше всего останутся в компетенции преподавателя. Однако и в этом вопросе должна прослеживаться тенденция развития самостоятельности, привлечения других возможностей контроля, например, консультация коллег или самопроверка по справочным материалам.

Проследим, как на практике реализуется предлагаемая методика. Само задание дается в виде профессиональной задачи, при этом на начальном этапе обучения с мотивирующими установками и направлениями деятельности: «Вам предстоит краткое выступление, в котором Вы должны осветить ... (задается круг вопросов согласно профилю обучения). От этого выступления зависит Ваш карьерный рост, поэтому Вы заинтересованы как можно лучше выполнить задание руководства. Продумайте, какие источники помогут Вам для раскрытия вопроса, а также какие справочные материалы (печатные или онлайн-словари, грамматические справочники, конспекты занятий и т. д.) позволят понять и представить информацию в соответствии с правилами языка».

В качестве подготовительных упражнений студенты учатся работать с перечисленными или иного вида источниками, в том числе с отраслевыми словарями, находить информацию профессионального плана, ориентироваться среди специальных сайтов, знакомятся с правилами оформления презентации. В процессе обучения правильность выполнения задания сначала проверяет учитель в форме ролевой игры, комментирует ошибки и совместно с выступающим, анализирует причины возникновения ошибок и возможности их исправления.

К концу обучения студенты, ознакомленные со стратегиями работы поиска и обработки информации, умеющие пользоваться справочными источниками для проверки правильности языкового оформления, получают аналогичные задания, лучше индивидуального характера, но уже без дополнительных комментариев. Такой подход от пошагового выполнения полного алгоритма действий с обсуждением и апробацией других возможных стратегий к самостоятельному выбору стратегий решения поставленной задачи

создает базу для самообразовательной деятельности и имеет ярко выраженный метапредметный характер.

Таким образом, для формирования самообразовательной компетенции содержание обучения всех дисциплин должно строиться как возможный образец-ориентир будущей СУД студентов, в котором субъект обучения постепенно перенимает не только исполнительские, но и организаторские функции. В качестве

определяющих целесообразно рассматривать профессионально-прикладные действия, направленные на решение задач будущей профессиональной деятельности. В конечном счете профессионально-ориентированное обучение, в рамках которого развивается самостоятельность студентов, позволит сформировать личность, способную и готовую к постоянному личностному и профессиональному росту.

Литература

1. Балакаева М. Б. Современные подходы к изучению самообразования в отечественной педагогической науке // Качество. Инновации. Образование. М., 2008. № 5.
2. Бердичевский А. Л. Оптимизация системы практической языковой подготовки учителей ИЯ: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 251 с.
3. Гиниатуллин И. А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете. Свердловск, 1990. 95 с.
4. Гиниатуллин И. А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете. Екатеринбург, 2012. 95 с.
5. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991. 221 с.
6. Казакова О. П. Самостоятельное овладение новой грамматикой. Немецкий язык: продвинутый уровень. Saarbruecken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH, 2012. 163 с.

Информация об авторе:

Казакова Ольга Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, методики и переводоведения Уральского государственного педагогического университета, olgakaskova@yandex.ru.

Olga P. Kazakova – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at the Department of the English Language, Methodics and Translation, Ural State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 07.10.2014 г.

УДК 378.4

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. П. Кириллов, В. Н. Фадеева

THE PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF UNIVERSITY EDUCATION

N. P. Kirillov, V. N. Fadeeva

В статье рассматриваются проблемы теории и практики университетского образования на современном этапе. Актуализированы идеи развития философии высшего образования. Выявлено коренное противоречие: в прошлом веке университеты вели массовую подготовку специалистов исполнительского, репродуктивного типа, а в современном обществе растет потребность в массовой подготовке специалистов творческого, продуктивного типа. А новая инновационная дидактика, пока с трудом прорастает в недрах университетского сообщества. Предпринята попытка обосновать вывод, что университетские коллективы пока не располагают состоятельной концепцией философско-педагогического обоснования реформ. Предложен ряд подходов для реализации этих задач.

The paper considers some problems of the theory and practice of University education at the present stage. The ideas of developing the philosophy of higher education were actualized. A radical contradiction was identified: in the 20th century universities offered en masse training of the reproductive and performing type specialists, while in the modern society the needs for mass training of the creative and productive type specialists is increasing. But new innovative didactics are hardly growing inside of the university community. The authors made an attempt to establish the conclusion that university communities have no systematic concept of philosophical and pedagogical justification for reforms yet. A few options to achieve these objectives are proposed.

Ключевые слова: метод, методология, методологическая культура, творчество, философско-педагогическая концепция, воспитание творческой индивидуальности.

Keywords: method, methodology, methodological culture, creativity, philosophical and pedagogical concept, education of the creative individuality.

Настоящая статья отклик на выступление президента России на съезде Союза ректоров, в октябре 2014 года [21].

«Немало сделано, чтобы отечественные вузы развивались в соответствии с требованиями времени, становились конкурентно способными, задавали ориентиры передовым высокотехнологичным отраслям экономики».

«Тем не менее, претензии к уровню высшего образования, содержанию образовательных программ, к качеству преподавания пока еще есть». Президент продолжает. «Поэтому нужна большая открытость, понятные механизмы, которые бы *стимулировали* (курсив Н. К., В. Ф.) перемены» [21].

Такова оценка президентом состояния дел в высшем образовании, которую приняли все выступающие. И, как нам показалось, основная масса присутствующих на съезде.

Вывод: как в теории, так и в практике высшей школы накопились серьезные проблемы.

Авторы позиционируют себя прежде всего преподавателями, воспитателями, педагогами-экспериментаторами, и, наконец, исследователями процессов реформ высшего образования.

Перемены необходимы и возможны на основе оптимизации традиций и широком использовании новаций в дидактике, решающей задачи подготовки специалистов *творческого* типа. Мы постараемся в проблемной форме изложить основные философские подходы.

Исторически так сложилось, что на протяжении XX, а затем и XXI века шли попытки реформирования высшего профессионального образования. Реформа высшего образования не чисто российское изобретение. Актуальность реформы образования стала своего рода символом, знаменем в конце XX века, не только в России, но и за рубежом прежде всего на Западе [16].

С философских позиций воспринимались эти реформы, как часть глобализации. Но скоро стало понятно, что смысл глобализации – перестройка мира идет в интересах набравшего силу Запада. События на Украине особенно отчетливо показали, что идет процесс насильственного утверждения нового порядка в мире. «Управлять миром станет самая «цивилизованная» «демократическая» сверхдержава, используя свое финансовое и военное могущество» [1].

Многие авторы стали расценивать и реформы образования как перестройку образования по западным образцам. Подражательство стало проникать во многие сферы образовательного процесса. Особенно этим грешил университетский менеджмент. Возможность посещать Запад позволяло кроить готовые образцы по американским и европейским лекалам.

По нашему мнению, генеральной линией этих реформ является переход от подготовки в массовом порядке специалистов репродуктивного, т. е. исполнительского типа, к системе подготовки, теперь уже тоже в массовом порядке специалистов продуктивного, т. е. творческого типа.

Полезно заглядывать и в ретроспективу. Опыт показывает – успешно выходит из трудных ситуаций та

страна, которая ставит на должную высоту образование своих подданных [7].

Например, Петр I в 1701 году создал высшую инженерную школу. Учили математике астрономии, фортификации и получались грамотные и умные артиллеристы, военачальники и т. д.

Наполеон с его знаменитой Эколь Политехник – 1795 г. «Во имя отечества, науки и славы».

Линкольн создает в 1865 году Массачусетский институт, органично сочетающий в себе обучение фундаментальным наукам, социальным дисциплинам с практической деятельностью обучаемых и обучающихся.

В 1899 году Николай II с подачи С. Витте учреждает Петербургский и Томский политехнический, а затем ряд других институтов. Кстати, первое название института в Томке – Технологический институт практических инженеров. Кадры нужны были для освоения Сибири.

В 1921 году в уставе Калифорнийского университета прописано «готовить ученых и инженеров творческого типа» [7].

В 1946 году И. Сталин по инициативе Капицы утвердил систему подготовки кадров для атомного проекта. В кратком изложении подготовка специалиста-инженера: упорно и самостоятельно работать, думать творчески, нестандартно мыслить, открывать свежие, новые идеи, вечно стремиться к совершенству во всем. Держать – понимать, знать, думать, действовать в соответствии со своим разумением [7].

В 1960 году в Англии создан Черчил-колледж в составе Кембриджского университета. Технологизация подготовки приводит к дисперсии знаний, фрагментарности компетенций, воспитывает ограниченный недалекий технократизм, ведет к цинично узкому утилитаризму [7].

Но четверть века назад, когда потребность в специалистах принципиально новых инновационных, творческих выпускников была осознана как социальная необходимость высшая школа, как теоретически, так и практически оказалась не готова к решению этой задачи, как по объективным, так и по субъективным причинам.

С другой стороны, эти шаги как бы укладывались, в подход – старое знание уже не состоятельно, нового еще нет. За годы реформ высшей школы Минвуз предпринимал попытки преодолеть противоречие между новой формой и, по существу, старым содержанием, свидетельством чего были стандарты второго, третьего поколения. Звучали правильные слова о решении задачи подготовки специалистов инновационного, творческого типа.

Библиография истории, проблемы сложных и трудных многолетних процессах реформы высшей школы насчитывает объемный перечень публикаций. Законодательная база реформирования весьма обширна. Анализируется отечественный и зарубежный опыт создания инновационной инфраструктуры в вузах. Исследуются инновации в образовании и их классификация. Описываются и изучаются различные аспекты образовательного процесса в вузах России, опыт электронного обучения, другие современные

методы обучения в университетах [12 – 15, 17; 19 – 20].

Обширная библиография свидетельствует о том, что имеет место теоретическое и практическое оформление российских реформ.

Оглядываясь в поток времени, стараясь понять, какой же этап прошли, каким он был? Невольно напрашивается сравнение со Смутным временем. «Смутное время может тянуться десятки лет, если мы не приобретаем общего видения перспектив, которое может объединить людей, если мы не приобретем веры в такое будущее, ради которого стоит жить и переносить трудности» [18].

По существу, как в начале реформ, так и сегодня сохраняется недостаточная определенность концепции преобразований высшей школы. Ясно одно – реформирование высшей школы продолжается, но желанная цель, желанный финиш еще очень далеко.

Этот вывод предлагаем сделать, в определенном смысле, тезисом всех наших последующих рассуждений по выявлению проблем в современном российском образовании.

Современное основное противоречие, которое тормозит и не «стимулирует перемены», состоит в массовой подготовке специалистов репродуктивного, исполнительского типа. А жизнь требует массовой подготовки специалистов продуктивного, творческого типа.

Поняв, определив основное противоречие современного университетского образования можно заняться познанием коренных проблем обучения и воспитания. Любознательному исследователю проблем реформы высшей школы можно составить целый перечень таких больших и малых проблем.

Кроме того, нынешние проблемы современного университетского образования можно осознать, обратившись к философии прошлого.

Несколько примеров. Философская мысль в истории человечества, на разных этапах, постоянно обращалась к проблеме существования, воспитания человека. Сократ: «Познай самого себя». Декарт: «Тот кто сможет все рассказать о себе, тот опишет всю вселенную». Кант считал, что в философии три вопроса:

1. Что я могу знать?

2. Что я должен делать?

3. На что я могу надеяться?, которые перекрываются одним: Что такое человек? Маркс «Смысл жизни создается самим субъектом».

Гуманистическая философия – это поиск определения природы человека, смысла его существования и путей формирования зрелой личности. Классическое образование и светское воспитание строилось на изучении языков, включая «мертвые», философии, логики, математики, педагогики. Образовательная система призвана не только готовить специалистов, но, и, в большей степени, формировать личность, способную к саморазвитию, к ответственности за свой жизненный путь и за профессиональные решения. «В XVIII веке прусский министр Цедлиц «внушал своим подчиненным уважение к философии»; «студент должен усвоить, полагал министр, что после окончания курса наук ему придется быть врачом, судьей, адвокатом и т. д. лишь несколько часов в сутки, а человеком

– целый день. Вот почему наряду со специальными знаниями высшая школа должна давать солидную философскую подготовку» (см.: А. Гулыга. Кант. М., 1977. С. 95) [2].

Мы полагаем возможным выделить три основные проблемы, решение которых, на наш взгляд, позволит снять торможение и простимулирует перемены к лучшему.

I. Университетское сообщество и общество в целом, пока не располагает состоятельной концепцией философско-педагогических обоснований реформ.

Мы уже более двадцати лет находимся в состоянии реформирования. Сотрудники университетов уже успели привыкнуть к этим реформам. Работаем по-новому, а адекватного понимания сущности реформ пока нет ни у профессоров, ни у студентов. Президент страны не доволен результатами, ректоры, по крайней мере, выстулавшие на съезде, в октябре 14 года требуют прозрачных подходов в результатах.

Мы пренебрегаем философией образования, как бы, не понимаем, что философские вопросы имеют практическое, жизненное значение. Собственно, на современном этапе идет борьба двух позиций.

1. Образование есть общественный продукт.

2. Образование есть *услуга*.

В России продолжает утверждаться позиция технократического чиновника – образование это услуга.

II. Не удастся пока реализовать идею обучения методу в научно-педагогическом и дидактическом плане.

Надо вспомнить, что появление новых образовательных стандартов вдохновляло. Содержание их было насыщено такими терминами как метод, методология, эпистемология, понимание, творчество и т. д. [4].

Логика новых стандартов звала к принципиально новой дидактике в высшей школе. А суть этой новой дидактики в методологизации обучения и ориентации на формировании индивидуальности творческого типа. Новые стандарты направляют образовательный процесс на подготовку выпускников инновационного типа. Но нужна и инновационная дидактика! Наука как объект изучения выступает в контексте ее методологии. Теория выступает как результат научного познания, а методология характеризует сам процесс научного творчества.

Кстати, требование новой дидактики, формирование методологической культуры связано с введением нового кандидатского экзамена по истории и философии науки. Дело в том, что программа этого нового экзамена во главу угла ставит именно методологию. *Методология научного познания* – это и есть системообразующая цель и основное средство становления и развития инновационной системы высшего профессионального образования.

Не можем не отметить, что активные попытки в публикациях и на конференциях поставить эту проблему, должного внимания не получили («Метод как дидактическая проблема», «Магия метода» и т. д.) [8 – 10].

III. Задача воспитания специалистов творческого типа, творческих индивидуальностей не стала системообразующей конструкцией дидактики и методики университетского воспитания и образования.

В научной литературе сформировалось мнение – творчество – способ существования человека и человечества. Оно становится необходимым социально-технологическим элементом современной цивилизации [3]. Например, профессор Робин Шеин (Великобритания) в статье «Творчество и образование» пишет, что высшие учебные заведения... рассматриваются в качестве мест для поощрения творчества, потому что с помощью университетов можно развивать творческие и аналитические способности студентов намного более эффективно, чем в элитных группах» (1).

С. И. Гессен в начале XX века первый заведующий кафедры философии и логики Томского Государственного университета писал: «Свобода есть творчество нового, в мире до того не существовавшего... Свобода не есть произвольный выбор между несколькими уже данными в готовом виде, хотя и возможными только путями, но создание нового особого пути, не существовавшего ранее даже в виде возможного выхода» [5].

Понимание творчества, как свободы применительно к дидактике в том, что профессор в своей работе со студентами делает акцент на методе и его самостоятельном применении. Задача обучения – овладение методом.

Несколько тезисов, которые на наш взгляд актуализируют эту идею.

1. Процесс обучения и воспитания одновременно процесс самообучения, самовоспитания, самореализации личности.

2. Функция профессора – это организация процесса воспитания и обучения, наставническая, тьютерская, экспертная и т. д.

3. Функция студента – не только наполнить себя знаниями и трансформироваться в процессе самообразования и самовоспитания, под руководством профессора. Студент сам должен определять и осуществлять основные параметры своей самостоятельности.

4. Процесс воспитания строится по модели субъект-субъектных отношений. Ибо профессор и студент – это два сосубъекта. На наш взгляд продвигать, совершенствовать высшее образование можно, опираясь на принципы синергетической науки, способной объ-

единить все заинтересованные стороны. Смысл синергетики в том, что совокупное действие всех компонентов превышает эффект, оказываемый каждым из них. В основе лежит принцип самоорганизации каждой составляющей процесса, а точнее взаимодействие людей.

5. Будущий выпускник должен иметь проект саморазвития. Он должен представлять себе каждый шаг реальной научно-практической деятельности. Понимать, как достигаются им самим необходимые профессиональные и гражданские знания, умения, навыки. Проект, как процесс проникновения, понимания, осознания, который должен вдохновлять, формировать, реализовывать характер, поведенческую деятельность.

6. Путь индивидуального продвижения к творчеству. Используем метафору. Может быть как у Моцарта, благодаря – гениальности, а может быть, как у Сольери – трудом, целеустремленностью достичь вершин [22].

Саморазвиваться, как творческая индивидуальность, может личность, имеющая способности и потребность, характер волю, жизненные установки и ориентацию, которая осознает себя, свою собственную ответственность и перед самим собой и перед своей семьей, перед обществом и перед университетом, где эта индивидуальность самосозидается и самореализуется.

7. Творчеству можно и нужно учить и учиться. Дело это индивидуальное. У кого есть к этому задатки, тот развернется в полную силу. Кто-то, на собственном опыте, определит свою планку в творчестве. А если встать на устоявшуюся в науке точку зрения, что бесталаных, не творческих по природе людей нет, то каждому надо искать присущее для него творчество.

Заключение

Философский подход помогает лишь осмыслить проблемы. Дело за организаторами реформ, за их возможностями понять и определить действия миллионов людей занятых в этом процессе.

Еще один вывод. В наличии *дефети* гуманитарного подхода, гуманитарных знаний.

Литература

1. Афанасенко И. Д. Россия в потоке времени. СПб.: Третье тысячелетие, 2003.
2. Балашов Л. Е. Философия: учебник. М.: Дашков и К, 2004. 608 с.
3. Блоховцова Г. Г. Социокультурный потенциал творчества в искусстве, науке, образовании: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. 166 с.
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 940 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2005 – 2011 гг. Режим доступа: http://pravo.fso.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102031564&page=1&rdk=1 (дата обращения: 05.09.2011).
5. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
6. Карлов Н. В. Повесть древних времен или предыстория физтеха. Изд. 2-е испр. и доп. Препринт / МЦГО МФТИ. № 4. М., 2005. 200 с.
7. Карлов Н. В. Они создавали физтех. Вып. 2. По архивным материалам и воспоминаниям. М., 2007. 164 с.
8. Карлов Н. В., Кудрявцев Н. Н., Школьников В. А. Две статьи о физтехе. Препринт. МФТИ № 3. М., 2002. 43 с.
9. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Магия метода. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 70 с.
10. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Магия метода. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. 142 с.

11. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Метод как дидактическая проблема. История Томской философско-педагогической мысли свидетельствует. Томск: Изд-во ТПУ, 1998. 56 с.
12. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Методология формирования образовательной политики высшей технической школы в условиях единого международного образовательного пространства // Технический университет: реформы в обществе и открытое образовательное пространство: Труды II научно-практ. конф. Томск, 1996. С. 13 – 14.
13. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Проблема синтеза образовательного эффекта в условиях дистантного обучения // Проблемы и практика инженерного образования. Труды III Междунар. научно-практ. конф. Томск: Изд-во ТПУ, 1998. С. 19 – 20.
14. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Проблемы дистантного образования в свете эвристической педагогики // Проблемы и практика инженерного образования: Труды III Междунар. научно-практ. конф. Томск: Изд-во ТПУ, 1998. С. 18 – 19.
15. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С. Проблемы обучения и воспитания в техническом университете в свете требований педагогической антропологии // Высшее техническое образование: качество и интернационализация: Труды IV Междунар. научно-практ. конф. Томск: Изд-во ТПУ, 2000. С. 24 – 25.
16. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С., Терентьева Ю. В. Метод в системе образования. Томск: Изд-во ТПУ, 2008. С. 172.
17. Кириллов Н. П., Плотников Ю. С., Фадеева В. Н. Проблемы подготовки инженерных кадров в национальном исследовательском университете // Вестник науки Сибири: электронный научный журнал / Томский политехнический университет (ТПУ). 2011. № 1(1). С. 406 – 413.
18. Львов Д. С. Что дальше? (Размышление о перспективных проблемах экономики и экономической науки) // Экономическая наука современной России. 2002. № 3.
19. Макиенко М. А., Фадеева В. Н. Философский подход к инженерному образованию // Профессиональное образование в современном мире // Всероссийский научный журнал. 2014. № 2(13).
20. Плотников Ю. С. Философско-научные проблемы исследовательского университета // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы X Междунар. конф. Томск: ТПУ, 2011. С. 288 – 293.
21. Путин В. В. Выступление 30 октября 2014 г. на съезде союза ректоров России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46892>
22. Пушкин А. С. Золотой том собрания сочинений. М.: Эксмо, 2009. 1035 с.

Информация об авторах:

Кириллов Николай Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры инженерного предпринимательства НИ ТПУ, knk@tpu.ru.

Nikolay P. Kirillov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Engineering Entrepreneurship, National Research Tomsk Polytechnic University/

Фадеева Вера Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии НИ ТПУ, nika@tpu.ru, nikavera791@gmail.com.

Vera N. Fadeeva – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 378.2

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Э. М. Киселева

MASTER'S THESIS AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE FIELD OF RESEARCH

E. M. Kiseliova

В статье рассматриваются возможности становления профессиональной компетентности студентов в процессе подготовки магистерской диссертации. Выявлены направления развития интеллектуальных умений магистров. Показаны методологические подходы и требования к написанию магистерской диссертации, обеспечивающие готовность выпускника к профессиональной самореализации области научно-исследовательской деятельности.

The paper focuses on the structure of students' professional competence and the opportunities of its development. The tendencies of Master's Degree students' intellectual capability development are outlined. The paper also discusses the methodical ways and requirements to the master's thesis ensuring the Master student's competence and professionalism.

Ключевые слова: магистерская диссертация, профессиональная компетентность, исследовательская деятельность, интеллектуальные умения, личностно-деятельностный подход, требования к магистерской диссертации.

Keyword: Master's thesis, professional competence, research, intellectual capability, requirements to the Master's thesis.

Внедрение требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения в практику работы высшего профессионального образовательного учреждения невозможно без серьезного пересмотра содержания и организации учебного процесса, главной задачей которого становится повышение качества образования в соответствии с вызовами современного общества. При этом в понятие качества образования магистров включается не только освоение фундаментальных знаний, но и прежде всего овладение выпускником компетентностей, отраженных в государственном стандарте – общекультурной и профессиональной (см. ФГОС ВПО).

Реализуемая в РГПУ им. А. И. Герцена инновационная система подготовки магистров педагогического образования разработана на основе индивидуально-ориентированного, модульного и компетентностного подходов. Важным звеном системы нам представляется проектирование и внедрение на факультете безопасности жизнедеятельности встраиваемых вариативных практико-ориентированных образовательных модулей в специализированные магистерские программы по направлению «Педагогическое образование» в образовательной области «Безопасность жизнедеятельности». Так как в ФГОС ВПО (2010) предусмотрены федеральный и региональный компоненты, магистерская подготовка, включая конструирование образовательной магистерской программы, ведется с учетом изменений, происходящие в жизни общества. Направление развития подготовки магистрантов определяется современными особенностями социокультурного развития общества и прежде всего процессами модернизации образования.

Освоение магистерских программ в соответствии с требованиями ФГОС ВПО должно обеспечивать *профессиональную компетентность* магистра как базу эффективной самореализации и профессионального

функционирования с возможностью интеграции в международное образовательное пространство [4; 5].

В основе профессиональной подготовки магистров педагогического образования заложены идеи компетентностного и личностно-деятельностного подходов.

В результате магистерской подготовки достигается профессиональная компетентность – готовность выпускников к успешной работе в профессиональной сфере, включающей педагогические, научно-исследовательские, методические, управленческие и проектные виды деятельности в образовательной области «Безопасность жизнедеятельности». В рамках новой образовательной парадигмы именно профессиональная компетентность рассматривается как главная характеристика личности специалиста, ведущая и определяющая результат образования. Теория и методология компетентностного подхода, как реалии современного педагогического образования, стала предметом исследования ведущих российских педагогов – (О. В. Акулова, И. В. Гришина, И. А. Зимняя, В. А. Козырев, О. Е. Лебедев, Н. Ф. Радионова, В. П. Соломин, А. П. Тряпицына, А. В. Хуторской др.). В работах профессора А. П. Тряпицыной [3] под профессиональной компетентностью педагога понимается интегральная характеристика, определяющая способность специалиста решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи в реальных условиях профессиональной деятельности.

А. В. Хуторской рассматривает компетентность, как владение, обладание человеком соответствующими компетенциями, включающими его личностное отношение и к предмету деятельности [6]. Разделяя названные понятия, А. В. Хуторской имеет в виду, что компетенция отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке обучаемого, в то время как компетентность – это приобретенное существовавшее личностное качество.

Таким образом, компетентность специалиста представляет собой присвоенную, отрефлексированную им в ходе профессиональной деятельности систему социально-значимых и личностно-значимых компетенций.

Рассматривая содержание профессиональной компетентности магистров, следует отметить, что

важнейшей составляющей для любой профессиональной области деятельности магистров педагогического образования являются исследовательская деятельность, в процессе которой формируются *исследовательские умения* (таблица 1)

Таблица 1

Исследовательские умения в профессиональной компетенции магистра педагогического образования

<i>Виды профессиональной деятельности</i>	<i>Умения профессиональной компетентности</i>
<i>Педагогическая</i>	– готов использовать современные технологии диагностики и оценивания качества образовательного процесса; – способен руководить исследовательской работой обучающихся
<i>Научно-Исследовательская</i>	– способен анализировать результаты научных исследований и применять их при решении конкретных образовательных и исследовательских задач; – готов использовать индивидуальные креативные способности для оригинального решения исследовательских задач; – готов самостоятельно осуществлять научное исследование с использованием современных методов науки
<i>Методическая</i>	– готов к анализу результатов процесса использования методических моделей, методик, технологий и приемов обучения, в образовательных заведениях различных типов; – готов к систематизации, обобщению и распространению методического опыта (отечественного и зарубежного) в профессиональной области
<i>Управленческая</i>	– готов изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа; – готов исследовать, проектировать, организовывать и оценивать реализацию управленческого процесса
<i>Проектная</i>	– готов к осуществлению педагогического проектирования образовательной среды, образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов; – способен проектировать формы и методы контроля качества образования, а также различные виды контрольно-измерительных материалов
<i>Культурно-просветительская</i>	– способен изучать и формировать культурные потребности различных групп населения; – готов разрабатывать стратегии просветительской деятельности; – способен разрабатывать и реализовывать просветительские программы в целях популяризации научных знаний

Следовательно, существенным критерием качества образования магистров становится соответствие сформированных исследовательских умений и навыков выпускника требованиям образовательного стандарта (ФГОС ВПО).

В достижении планируемых результатов значительная роль принадлежит работе магистров над диссертационным исследованием, главной составляющей которой является научно-исследовательская деятельность. Научно-исследовательскую деятельность можно рассматривать как процесс реализации исследовательской компетентности, как готовность магистранта решать самостоятельно задачи исследования, приводящей к достижению конкретного результата в соответствии с требованиями профессионального стандарта.

Наиболее важными в работе над магистерской диссертацией, на наш взгляд, являются такие составляющие исследовательской компетентности, как ин-

теллектуальная, информационная, экспериментальная и рефлексивная [2].

Как показывает вузовская практика, магистры первого года обучения в достаточной степени владеют информационными умениями, готовы к поиску и обработке необходимой научной информации с использованием современных информационно-коммуникативных средств. Также не вызывают особых затруднений у магистров педагогического образования умения экспериментальной компетентности, т. е. способность к проектированию и проведению педагогического эксперимента.

В то же время, необходимо отметить, что наибольшие трудности у магистров вызывают интеллектуальные умения, основой которых является самостоятельная эффективная мыслительная деятельность [2]. Практика подготовки магистров педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности позволила выявить возможности самостоятельной

исследовательской работы студентов в процессе подготовки магистерской диссертации для развития профессиональной исследовательской компетентности.

Важным методологическим подходом при проектировании и организации научно-исследовательской работы, и прежде всего над магистерской диссертацией, является личностно-деятельностный.

Проблеме личностно-деятельностного подхода в учебном процессе как методологической основе нового образования посвящены работы видных педагогов (Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, В. В. Серикова, В. Т. Фоменко, Ю. С. Алферова, А. К. Марковой, И. С. Якиманской, Б. Г. Ананьева и др.). Первоначально личность рассматривалась как субъект деятельности, которая сама, формируясь в общении с другими людьми и в процессе деятельности, определяет характер этой деятельности и общения. В таком понимании личностно-деятельностный подход, сформулированный к середине 80-х годов, представлялся как субъектно-ориентированная модель организации и управления учебной деятельностью ученика самим педагогом. Задачей педагога была разработка специальных учебных задач разной сложности и проблематики, направленных не только на развитие предметной и коммуникативной компетентности ученика, но и развитие личности ученика. Дальнейшее изучение проблемы показало, что личностно-деятельностный подход может рассматриваться двойственно: с позиции педагога и с позиции обучаемого.

Исследования И. С. Якиманской, А. К. Марковой, Л. Б. Орлова и других ученых, показали неоспоримость значения не только учета индивидуальных особенностей личности ученика, но и необходимость специальной *организации* в процессе обучения индивидуально-психологических характеристик обучающегося: мотивации, адаптации, способностей, самооценки, когнитивного стиля и т. д. Центральным звеном в обучении является сам ученик, его личность, мотивы, цели, его неповторимый психологический склад. Проектирование и организация учебного процесса должны исходить из интересов обучающегося, уровня его знаний и умений, профессиональных планов.

В полной мере методология личностно-деятельностного подхода реализуется в научно-исследовательской деятельности магистров в процессе подготовки магистерской диссертации.

Работа над диссертационным магистерским исследованием, несомненно, развивает индивидуальные личностные качества магистранта, его интеллектуальные способности – умения целеполагания, готовность к построению логики исследования, умения видеть проблему и находить пути ее решения, т. е. умения, требующие творческого подхода, глубокого научного осмысления и креативности.

В проектировании научной работы над диссертационным исследованием, как и в проектировании цикла занятий [1], можно выделить систему принципов разного уровня:

– общедидактические, отображающие общие закономерности дидактики;

– методические, учитывающие особенности предмета;

– технологические, проявляющиеся в конкретных методах, приемах, видах и формах заданий.

В нашем исследовании мы, рассматривая методические принципы, выделяем прежде всего принцип индивидуализации и вариативности. Реализуя направление магистратуры «Педагогическое образование» на факультете работают пять магистерских программ:

1. Профилактика социальных отклонений.
2. Образование в области безопасности жизнедеятельности.
3. Экологическая безопасность.
4. Безопасность на дорогах и транспорте.
5. Безопасность жизнедеятельности в информационной среде.
6. Разнообразие магистерских программ позволяет магистрантам сделать свой выбор, соответствующий профессиональным интересам.

Индивидуализация и вариативность являются значимыми как в построении магистерских программ и проектировании индивидуальных образовательных маршрутов, так и в организации магистерского диссертационного исследования, что связано с особенностями обучения в магистратуре и с контингентом обучающихся. Практически все магистры к моменту обучения сделали свой профессиональный выбор, что и определило тесную связь темы магистерской диссертации с профессией магистра. В то же время, решение задач магистерской диссертации способствует более успешному профессиональному самоопределению и дает возможность для профессионального роста. Так реализуется личностно-деятельностный подход, определяющий гибкость и вариативность, нелинейность и динамизм в определении содержания и в использовании методов, форм и средств исследовательской деятельности магистров.

Профессиональные интересы магистров, являясь главным фактором магистерской подготовки, определяют содержание и методику работы над магистерской диссертацией, позволяя выбрать необходимые теоретические и эмпирические методы исследования.

Важнейшими планируемыми результатами диссертационного исследования магистров становится создание материалов, которые могут быть использованы в профессиональной деятельности магистранта, а также коллективом работающих базовой организации, где проводилось исследование.

Сказанное можно проиллюстрировать некоторыми примерами магистерских диссертаций по программе «Образование в области безопасности жизнедеятельности» (таблица 2).

Очевидно, что магистерская диссертация отражает профессиональные интересы и вопросы образования в соответствии со спецификой магистерской программы и с индивидуальным видом деятельности магистранта, показывая готовность к самостоятельному ведению научного поиска, готовность к решению профессиональных задач в области образования безопасности жизнедеятельности.

Корреляция профессиональных интересов и способов исследовательской деятельности магистрантов

Область профессиональной деятельности магистрантов и тематика диссертации	Способы исследовательской деятельности (практическая часть)	Планируемые результаты, используемые в профессиональной деятельности
Педагог военного училища – вопросы воспитания в области безопасности жизнедеятельности	Анкетирование, наблюдение, педагогический консилиум, анализ социального статуса, конфессиональной принадлежности, национальности и представлений, мотивов и убеждений в области воспитания	Проект системы патриотического воспитания в военном училище, методические разработки
Педагог ОБЖ профильной школы – «Технологии и методы обучения ОБЖ»	Изучение состояния и возможностей использования активных методов обучения, педагогический эксперимент. Разработка методических материалов	Методические рекомендации, проект цикла уроков с использованием активных методов
Преподаватель-организатор ОБЖ – «Мониторинговые исследования экологической безопасности среды образовательного учреждения»	Измерение качественных характеристик экологической безопасности, методика и организация внеклассной исследовательской работы учащихся	План кружка – «Экологическая безопасность», «Анализ состояния экологической безопасности в школе» и рекомендации для администрации по созданию безопасной среды образовательного учреждения
Охрана труда и экологическая безопасность – методика обеспечения экологической безопасности на предприятии	Анализ нормативных документов. Правовых актов по охране труда и безопасности, выявление проблем экологической безопасности	Памятки, рекомендации, оформление стенда, инструкции создание материалов для учебы персонала. Служебная записка с предложениями по экологической безопасности.

Таким образом, работа над магистерской диссертацией позволяет развивать научно-исследовательскую компетентность магистранта, а сама диссертация

является важным критерием становления профессиональной компетентности магистров педагогического образования.

Литература

1. Алексеева А. М. Система принципов проектирования цикла занятий по иностранному языку в профессиональном образовании // Вестник Кем ГУ, 2013. № 3(55). Т. 1.
2. Киселева Э. М. Развитие интеллектуальных исследовательских умений в профессиональной компетентности магистров в области безопасности жизнедеятельности. Мир науки, культуры, образования. Международный научный журнал. Горно-Алтайский государственный университет. № 3(34), июнь 2012.
3. Оценка профессиональной компетентности бакалавров и магистров образования: методические рекомендации / под ред. А. П. Тряпицыной. СПб, 2008.
4. Соломин В. П., Станкевич П. В. Формирование содержания специализированных магистерских программ в области экологической безопасности // Вестник Международной Академии наук (Русская секция). 2009. Специальный выпуск.
5. Станкевич П. В., Попова Р. И., Киселева Э. М. Стратегия формирования магистерских программ в области безопасности жизнедеятельности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 177 – 186.
6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования. Народное образование. 2003. № 2.

Информация об авторе:

Киселева Элеонора Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики обучения безопасности жизнедеятельности РГПУ им. А. И. Герцена, Eleonoram08@rambler.ru.

Eleonora M. Kiseleva – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at the Department of Methodics of Teaching Life Safety, Herzen State Pedagogical University of Russia.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Г. Н. Кораблева

RHETORICAL ANALYSIS OF THE TEXT AS A METHOD OF FORMATION OF FUTURE TEACHERS' PROFESSIONAL COMPETENCE

G. N. Korableva

Статья посвящена риторическому анализу текста, который отличается своей многогранностью, так как охватывает целое произведение, от анализа дискурса до выбора слов. В статье утверждается, что риторический анализ позволяет рассматривать текст в диалогическом контексте, что обеспечивает правильное его восприятие и понимание, учит критически мыслить и создавать собственные высказывания, является эффективным средством речевого воспитания будущих педагогов и приемом формирования у них профессиональных компетенций.

The paper is devoted to the rhetorical analysis of the text, which is characterized by its versatility, as it covers the whole product, from discourse analysis to the choice of words. The author claims that the rhetorical analysis allows to consider the text in a dialogical context that provides the correct perception and understanding, teaches critical thinking and creating personal statements, and it is an effective means of future teachers' verbal education and the formation of their professional competencies.

Ключевые слова: риторика, риторическое произведение, риторический анализ текста, профессиональные компетенции.

Keywords: rhetoric, rhetorical work, rhetorical analysis of the text, professional competence.

В современной справочной литературе понятие «компетенция» определяется как «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» [7, с. 381]. Профессиональные компетенции будущего педагога включают круг вопросов, проблем и задач, в решении которых он является сведущим лицом, то есть обладает соответствующими познаниями и личным опытом. Компетенции выражаются в готовности педагога эффективно использовать внутренние и внешние ресурсы для решения профессионально-педагогических задач. В этой связи для педагога особую актуальность приобретает проблема управления собственной речью и речью своих учеников, умение критически мыслить, способность общаться, находить противоречия, проявлять решительность и уверенность в публичном выступлении, готовность отстаивать свою точку зрения, доказывать и убеждать. Решить комплекс учебно-воспитательных задач и сформировать профессиональные компетенции будущему педагогу поможет риторический анализ текста на занятиях по риторике.

Работа над риторическим анализом текста способствует формированию таких компетенций, как способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; способность логически верно выстраивать устную и письменную речь; способность к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания [8].

В настоящее время важным звеном в культуре современного общества и человека является риторика. Современная частная риторика охватывает все сферы общественной жизни: педагогику, дипломатию, медицину, административную, юридическую, организационную деятельность и др. Риторика формирует процессы речевых коммуникаций и управляет ими. Ее язык характеризуется универсальностью, которая заключается в том, что с помощью этого языка создается

текст. Текст является объектом изучения современной риторики. Как отмечает В. И. Аннушкин, «неверно ограничивать риторику только ораторским искусством (ораторикой), современная риторика изучает все разнообразие текстов, включенных в культуру: от бытовой речи до речи средств массовой информации. Развитая языковая личность должна ориентироваться и владеть разными видами словесности, понимать их природу и иметь навыки общения в построении текстов» [1, с. 18].

По мнению С. А. Минеевой, острой проблемой современного человека является неумение понимать тексты. Она утверждает, что большинство людей «страдают» опасными заболеваниями: готовы воспринимать (пересказывать) тексты, не понимая смысла; «выхватывают» отдельные отрезки, более знакомые или привлечшие их внимание, и выдают их за понимание всего текста; произвольно сжимают, сокращают текст, искажая его смысл; приписывают тексту смыслы, игнорируя контекст. Перечисленные «заболевания» можно преодолеть с помощью риторического анализа текста. Постепенно складывается устойчивая тенденция к целостному восприятию и пониманию, прежде всего того, что написано или сказано в тексте данного автора, с последующим оформлением своего отношения [5, с. 28].

Понимание текста осуществляется через риторический анализ. Риторический анализ позволяет рассматривать текст в диалогическом контексте. Когда говорят о риторическом анализе, то, как правило, употребляют термин «риторическое произведение» (текст). Большинство исследователей считают риторическим всякий текст, главная цель которого – воздействовать на своего адресата.

Все компоненты риторического текста наполнены своим содержанием, взаимосвязаны и взаимообусловлены. С. А. Минеева выделяет такие компоненты ри-

торического текста, как риторическая ситуация, тема, автор, аудитория (адресат), целевая установка (задача и сверхзадача), тезис и аргументация, языковые, речевые, логические и психолого-педагогические средства и способы, а также композиция. Все компоненты наполнены своим содержанием, взаимосвязаны и взаимообусловлены [5, с. 30].

Основными критериями, по которым следует отбирать тексты для риторического анализа, являются культурная значимость, актуальность произведения и эффективность речевого воздействия. Для анализируемого текста большое значение имеют причины, условия появления данного высказывания и возможные в связи с этим последствия. Риторический текст дает ответ на вопросы «что и как сказать, чтобы добиться необходимого эффекта». В таком тексте главным считается аспект авторского целеполагания.

На начальных этапах обучения риторике будущие педагоги анализируют предложенные преподавателем тексты, затем самостоятельно отбирают тексты для анализа, позднее – создают собственные высказывания. Анализ текста на занятиях по русскому языку студентов среднего профессионального образования и риторический анализ текста как основа построения речевых высказываний будущего педагога рассматриваются нами в специальных работах [3; 4].

Анализируемый текст должен иметь три важных свойства: мысль, правду и красоту. Текст, насыщенный мыслью и имеющий смысл, несёт в себе нравственное содержание. Все, что излагается в нем, является правдивым изображением действительности, вымысел не допускается. Под красотой понимается стройность изложения, глубина содержания, нацеленность на привлечение внимания слушателей, на возбуждение в них определенных чувств и эмоций.

Риторический анализ отличается своей многогранностью, так как охватывает целое произведение, от анализа дискурса до выбора слов. В процессе анализа текста необходимо ответить на вопросы: кто говорит? кому говорит? зачем? при каких обстоятельствах? что говорит? как выражает свою мысль? каков результат?

Мы предлагаем студентам следующий план риторического анализа текста:

1. Общая характеристика текста: устный или письменный, род красноречия (социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, церковно-богословское) и вид (жанр) красноречия; автор, тема.

2. Анализ речевого события (дискурс и речевая ситуация) дает ответы вопросы:

– Кто говорит? (Сведения об авторе текста: объективный портрет, статус).

– Кому говорит? (Сведения об адресате: количественный состав, степень подготовленности, степень однородности и неоднородности (пол, возраст, национальность, образование, профессиональные интересы, партийная принадлежность, жизненный опыт и т. д.); мотив действия – мотив интеллектуально-познавательного плана, мотив морального плана, мотив эмоционально-эстетического плана.)

– Зачем, с какой целью говорит? (Коммуникативная цель: информировать, воодушевить и сплотить,

убедить, призвать к действию; тип речи по цели (намерению) автора: информационная, эпидейктическая, убеждающая, побуждающая).

– При каких обстоятельствах говорит? (Описание ситуации, в которой создавался и исполнялся текст).

– Что говорит автор и как выражает свою мысль? (Композиция текста, аргументация, выразительные средства, культура речи).

1) Композиция текста:

Вступление. Типы вступления: естественное начало, искусственное начало, внезапное начало. Формулировка задач и основных вопросов, которые будут обсуждаться.

Основная часть. Методы преподнесения материала: индуктивный, дедуктивный, метод аналогии, концентрический, ступенчатый, исторический. Аргументация: опровергающая или поддерживающая; односторонняя или двусторонняя, нисходящая или восходящая. Тезис. Аргументы: логические (рациональные) и психологические (иррациональные).

Заключение. Типы заключений и риторические приемы концовки.

2) Выразительные средства и приемы, повышающие силу воздействия речи: тропы, фигуры, фразеология, афоризмы, архаизмы, диалектизмы и др.

3) Оценка текста с точки зрения культуры речи (коммуникативные качества речи: правильность, точность, чистота, логичность, богатство, выразительность и уместность).

3. Вывод. Свое отношение к тексту: значимость (полезность, актуальность, новизна, интерес); убедительность (логичность, аргументация, достоверность); доступность (стиль, терминология, наглядность).

Риторический анализ текста предполагает прежде всего обсуждение компонентов речевого события и его составляющих: речевой ситуации и дискурса. Мы вслед за А. К. Михальской определяем дискурс как «звучащее слово – живую речь, произносимую в процессе развертывания речевого события» [6, с. 54]. Речевая ситуация – это условия и обстановка, в которой происходит речевое общение, и сами участники общения (говорящий, слушающий). Речевая ситуация помогает понять смысл сообщения, позволяет верно толковать высказывание, уточнять его целевую функцию (угроза, просьба, совет, рекомендация), выявлять причинные связи данного высказывания с другими событиями, а также диктует правила ведения разговора и определяет формы его выражения (диалог со студентом, публичные дискуссии, лекция в университете и др.). В структуру речевой ситуации, по мнению А. К. Михальской, входят речевые цели (намерения) участников общения: зачем говорится то, что произносится в данной речевой ситуации. Цель речи – это тот результат, к которому стремится автор [6, с. 59].

В риторике различают следующие типы публичной речи по цели (намерению) оратора:

– *информационная речь, целью которой является воздействие на чувства слушателей: сообщение, доклад, лекция, обзор, др.;*

– *эпидейктическая речь, цель которой – создание определенного эмоционального состояния у слушателей: порицание, благодарственное слово, похвальное слово и др.;*

– *убеждающая речь, основная цель которой – воздействовать на мысли слушателей:* парламентское выступление, речь в прениях или дебатах), заявление, и др.;

– *призывающая к действию речь, целью которой является воздействие на поступки слушателей:* политическое выступление (на митинге, собрании и т. д.), воззвание, обращение и др.

Автор текста и лицо, к которому он обращен (адресат), являются участниками речевой ситуации. Следовательно, при анализе текста необходимо дать характеристику автору и адресату.

Важным моментом анализа текста является его композиция: вступление, основная часть, заключение.

Вступление представляет собой несколько вводных замечаний. От него в значительной степени зависит эффективность восприятия главной части. Во вступлении автор одновременно решает несколько задач: психологически подготовить адресата к восприятию темы, пробудить заинтересованность адресата темой и создать благоприятные психологические условия ее представления. Анализируя вступление, необходимо обозначить задачи, сформулированные автором, перечислить вопросы, которые будут обсуждаться, а так же указать типы вступления (естественное, искусственное, внезапное).

В главной части выступления излагается основной материал, доказываются выдвинутые положения, адресата подводят к необходимым выводам. Материал может излагаться разными методами: индуктивным, дедуктивным, методом аналогии, концентрическим, ступенчатым, историческим. Индуктивный метод предполагает изложение материала от частного к общему, от конкретного случая к обобщениям и выводам. Дедуктивный метод предусматривает изложение материала от общих положений к подтверждению их примерами. Метод аналогии представляет собой сопоставление различных явлений, событий, фактов. Концентрический метод отличается расположением материала вокруг главной проблемы, поднимаемой оратором. Ступенчатый метод характеризуется последовательным изложением одного вопроса за другим. Исторический метод основан на изложении материала в хронологической последовательности.

На следующем этапе анализа необходимо разобратся, как автор текста обосновывает свою позицию. Логико-коммуникативный процесс, направленный на обоснование позиции одного человека для последующего ее понимания и принятия другим человеком называется аргументацией.

Рассмотрим виды и структуру аргументации. Аргументация бывает опровергающей (против) или поддерживающей (за); односторонней (только «за» или только «против») или двусторонней (и «за», и «против»); нисходящей или восходящей (от сильных аргументов к слабым и наоборот). В структуру аргументации входят тезис, аргументы (основания, доводы) и демонстрация. Тезис – это выдвинутое суждение, которое обосновывается в процессе аргументации. Тезис является главным структурным элементом аргументации. Анализ текста предполагает рассмотрение характера и системы избранных автором аргументов. Аргументы – это суждения, посредством которых

обосновывается истинность тезиса. В риторике принято делить аргументы на логические (рациональные), обращенные к разуму слушателей, и психологические (иррациональные), оказывающие воздействие на чувства.

Логические аргументы отражают объективную сторону события. Они влияют на разум, убеждают через сферу рационального и являются сильными аргументами. К логическим аргументам исследователи относят факты, не вызывающие сомнения; выводы науки (в том числе и научные аксиомы); статистические данные; законы природы; положения юридических законов, официальных документов, постановлений и других нормативно-правовых актов; данные, полученные экспериментальным путём, заключения экспертов и др. Психологические аргументы (доводы) влияют на чувства, убеждают через сферу эмоционального. Это могут ссылки на авторитетные источники (высказывания великих людей, афоризмы, пословицы); примеры, вызывающие эмоции; показ негативных последствий, которые наступят, если за истину принять антитезис; цитаты. Наиболее распространенными считаются следующие доводы: довод к чувству собственного достоинства; довод от сочувствия; довод от обещания; довод от осуждения; довод от недоверия; довод от сомнения и т. п. Следует иметь в виду, что логические и психологические аргументы нельзя отделить друг от друга. Логические аргументы часто подкрепляются приёмами, влияющими на желания и чувства людей.

Анализируя заключительную часть текста, следует отметить, имеются ли в ней риторические приемы концовки: цитаты, сравнения, парадоксы, лозунги и призывы. Заключение должно быть связано с предыдущим изложением, логически подводить итог обоснованию тезиса, предпринятому в основной части, а также усиливать впечатление, рождать желание идти навстречу устремлениям автора текста.

Большое значение в тексте имеют выразительные средства и приемы, повышающие силу воздействия речи: тропы, фигуры, фразеологизмы, крылатые слова и выражения и др. Текст также следует оценить с точки зрения культуры речи. Б. Н. Головин приходит к выводу о том, что само понятие «культура речи» сводится прежде всего к коммуникативным качествам речи: «Культура речи – это учение о совокупности и системе коммуникативных качеств» [2, с. 125]. К коммуникативным качествам речи относят правильность, точность, чистоту, логичность, богатство, выразительность и уместность. Автор текста должен стремиться к тому, чтобы сказанное им было понятно адресату, а сообщаемая информация правильно воспринята, то есть максимально эффективной.

Завершая анализ, необходимо дать тексту собственную оценку. Критериями собственной оценки являются значимость, убедительность, доступность. В первую очередь следует определить, является ли заявленная автором тема актуальной, интересной, конкретной и вызвана ли потребностями жизни. О степени убедительности можно судить по тому, насколько последовательно автор излагает вопросы, как их связывает между собой, насколько доказательно раскрывает тему. Представленная в тексте информация

должна быть точной, обоснованной, должна соответствовать реальному положению дел, не содержать фактических ошибок и искажений. О доступности изложенного автором текста судят по степени понятности употребляемых им слов и выражений. Нельзя считать доступным тот текст, в котором злоупотребляют иноязычной лексикой, терминологией. Автор должен избегать двусмысленных выражений, подтверждать главную идею конкретными данными и доказательствами.

Таким образом, текст, являясь уникальным явлением духовной культуры, играет важную роль в развитии будущих педагогов. Риторический анализ не только обеспечивает правильное восприятие и понимание текста, но и подготавливает к созданию собственного высказывания, формирует у студентов профессиональные компетенции, способствующие эффективной педагогической деятельности в современных условиях.

Литература

1. Аннушкин В. И. Предмет риторики и культуры речи в составе речеведческих и общегуманитарных дисциплин // Культура речи сегодня: теория и практика: коллективная монография; сост. Л. Н. Дмитриевская. М.: МИОО, 2009.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М: Высшая школа, 1988. 320 с.
3. Кораблева Г. Н. Анализ текста на занятиях по русскому языку студентов СПО: риторический аспект // Школа Будущего. 2013. № 6. С. 152 – 156.
4. Кораблева Г. Н. Риторический анализ текста как основа построения речевых высказываний будущего педагога // Нижегородское образование. 2013. № 2. С. 67 – 73.
5. Минеева С. А. Риторика диалога: риторический анализ текста // Актуальные вопросы русской словесности: сб.ст. М.: Старая площадь, 2009.
6. Михальская А. К. Основы риторики: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2001. 496 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Мир и образование, 2007. 1328 с.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования направления подготовки 050100 Педагогическое образование (Квалификация (степень) «Бакалавр»): утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 января 2011 г. № 46.

Информация об авторе:

Кораблева Галина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, galkorableva@yandex.ru.

Galina N. Korableva – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at Evseev Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 37.014

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. Кулаков, В. Н. Манюкова

INNOVATIVE TEACHING IN THE SYSTEM OF CONTINUING TEACHERS' EDUCATION

A. V. Kulakov, V. N. Manyukova

В условиях стремительных изменений и постоянного обновления технологий производства возникает потребность в выпускниках нового качества, обладающих не только знаниями, но и обобщенными умениями, проявляющимися в способности решать жизненные и профессиональные проблемы. Педагогическое образование, являясь составной частью системы образования России, выполняет важную задачу обеспечения кадрового потенциала. Уровень подготовки педагогов определяет качество профессиональной компетентности всех выпускников и поэтому требует тщательного исследования.

В статье рассматриваются основные особенности современного этапа развития системы отечественного образования, представлены требования к педагогической деятельности в современных условиях, раскрывается понятие нововведения в педагогической деятельности, затрагиваются проблемы повышения квалификации педагогических работников, их научной деятельности, а также излагаются противоречия и проблемы непрерывного педагогического образования и меры по их разрешению.

In the context of rapid changes and the constant updating of technology and production there is a need for graduates of a new quality, possessing not only knowledge, but also general skills, reflected in the ability to cope with life and professional problems. Teachers' education, being an integral part of the Russian educational system, fulfills the impor-

tant task of providing human resources. The level of teachers' training determines the quality of the professional competence of graduates and therefore requires careful consideration.

The paper deals with the main peculiarities of present stage educational system in Russia. The requirements for teaching in the current context are presented. The concept of innovation in teaching, problems of advanced training of teachers and their research activities are disclosed. Inconsistencies and problems of continuing teachers' education and measures to solve them are revealed.

Ключевые слова: непрерывное образование, педагогическое образование, инновация, профессиональная компетентность, повышение квалификации.

Keywords: continuing education, teachers' education, innovation, professional competency, advanced training.

Сегодня, когда общество переживает переход от индустриального этапа развития к постиндустриальному, широко признана необходимость реформы в отечественной образовательной сфере. Человеческие ресурсы, формирующие интеллектуальный потенциал страны, являются одним из основных факторов, определяющих развитие всего государства. Постоянно возрастает роль образования, которое помимо знаний и умений дает человеку способность решать жизненные и профессиональные задачи, помогает ориентироваться в интенсивных потоках информации. Основной целью образования становится развитие не «частичной», а целостной личности, способной к саморазвитию и быстрой адаптации к изменяющимся условиям жизни в глобализирующемся мире, способной создавать большое число инноваций.

Включение России в Болонский процесс и создание структуры образования, совместимой со структурами образования европейских государств, позволит выстроить в России свою, более совершенную систему общего и профессионального образования.

Система педагогического образования России относится к системе профессионального образования, одной из основных задач которого всегда являлась подготовка учителя-предметника. В этом видится универсальность подготовки, так как наряду с фундаментальными предметными знаниями осваиваются знания общекультурного и психолого-педагогического блока дисциплин. В совокупности указанные дисциплины призваны обеспечить разностороннюю теоретическую и практико-ориентированную подготовку.

Вместе с тем, цели подготовки учителя должны определяться потребностями общества. В этой связи современной образовательной системой России взят курс на построение модели, в которой «образование не только потребляет и транслирует знание, но и генерирует способность человека к его воспроизводству в формах культурной практики» [1]. Информационная линия обучения, концентрирующая свою функцию преимущественно на передаче накопленной информации, уступает свое место деятельностиной составляющей. Главный итог обучения состоит не в полученной сумме знаний, а в формировании умений и готовности их применять.

Являясь приоритетным направлением сферы российского образования, педагогическое образование обеспечивает формирование профессионально компетентной личности педагога, способного самостоятельно и творчески решать профессиональные задачи, осознавать личностную и общественную значимость педагогической деятельности, нести ответственность за ее результаты; способствует социальной стабиль-

ности и развитию общества; определяет качество подготовки кадров для всех сфер функционирования общества и государства.

В то же время эффективность профессионального педагогического образования сегодня существенно снижается из-за того, что остается нерешенным ряд проблем:

- несоответствие содержания и форм подготовки педагогов современным запросам образовательных учреждений, особенно в сфере развития детей на основе учета их индивидуальных особенностей;
- недостаточная практическая подготовка педагогов в вопросах активизации учебно-познавательной деятельности учащихся, организации исследовательского обучения;
- неготовность педагогов к использованию в учебном процессе современных информационно-коммуникационных технологий обучения;
- недостаточная информационно-методическая обеспеченность педагогических учебных заведений качественной учебной литературой и электронными ресурсами;
- недостаточное обеспечение преемственности подготовки педагогов в высших и средних профессиональных педагогических учебных заведениях, отсутствие единства системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации учителей.

В постиндустриальном обществе появляются принципиально новые интеллектуальные технологии, обеспечивающие контролируемое технологическое развитие, а основным социальным противоречием становится не противоречие между трудом и капиталом, а конфликт между некомпетентностью и профессионализмом. Сохранение профессиональной компетентности в новом типе общества становится все более сложной задачей. Вследствие этого подготовка и повышение квалификации специалистов, способных к профессиональной и социальной мобильности, – одна из важнейших проблем современного профессионального образования и систем повышения квалификации.

«Сегодня образование является важнейшим средством и ресурсом становления креативной личности, способной и готовой к жизни в поликультурном обществе, к принятию ответственных решений в условиях свободного выбора, к диалогу как сознательно принятой форме сотрудничества и конкуренции» [5, с. 43 – 48]. Принцип «образование длиною в жизнь» (непрерывное образование) делает этот вид деятельности базовым для любого человека нашего времени – тем важнее становится задача постоянной модернизации самого образования и повышения квалификации участников образовательного процесса [2].

В последние годы в педагогической науке появились такие понятия, как «инновация», «модернизация», «инновационная деятельность учителя», «технологизация», широко используемые в теории и практике. Эти понятия еще находятся в процессе своего становления, через них раскрывается сущность современной педагогики.

Развитию инновационных процессов присущи определенные закономерности. Методическая ценность понятия «нововведение» в педагогике заключается в том, что оно характеризует содержательную сторону инновационной деятельности педагога и отражает то новое, что появляется в целях, средствах, методах и формах его деятельности. Однако чтобы нововведение могло быть актуализировано в педагогической практике, необходим особый механизм его реализации. В качестве основного механизма развития инновационной практики выступает процесс ее проектирования, который является особым и своеобразным видом творческой деятельности, тесно связанным с научным исследованием, прогнозированием, планированием, моделированием, программированием.

Анализ работы инновационных образовательных учреждений показывает, что в их деятельности сложилось противоречие между потребностью педагогических коллективов осуществлять поиск новых, нестандартных решений и отсутствием сформированности общей «философии школы» по инновационному преобразованию.

Внутри системы непрерывного педагогического образования имеют место интеграционные процессы, проявляющиеся в создании учебно-научно-педагогических комплексов, которые объединяют дошкольные образовательные учреждения, школы, образовательные учреждения, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования.

Система непрерывного педагогического образования обеспечивает педагогическими кадрами: более 60 тысяч дошкольных образовательных учреждений; 66,7 тысяч общеобразовательных учреждений различных видов и типов; 4 тысячи учреждений начального профессионального образования; 2,65 тыс. учреждений среднего профессионального образования; 8,7 тыс. учреждений дополнительного образования; 587 высших учебных заведений.

В целом система непрерывного педагогического образования готовит педагогические кадры более чем для 140 тыс. образовательных учреждений всех видов и типов [3].

Востребованность выпускников системы непрерывного педагогического образования не ограничивается лишь образовательными учреждениями. Педагоги профессионального обучения запрашиваются учебно-курсовой сетью предприятий и организаций различных министерств и ведомств. Выпускники системы непрерывного педагогического образования приглашаются на работу центрами по подготовке, переподготовке и повышению квалификации незанятого населения.

В последнее время многое сделано по обновлению содержания педагогического образования. Внедряются федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения начального, сред-

него и высшего профессионального педагогического образования, что стало существенным вкладом в решение проблемы обеспечения преемственности подготовки кадров на разных уровнях системы непрерывного педагогического образования. Принятая модель стандарта способствует реализации принципа преемственности обучения и сохранения единого образовательного пространства в рамках всей системы образования, что усиливает системообразующую функцию педагогического образования. Впервые созданы 2 варианта государственных образовательных стандартов по педагогическим специальностям.

Вместе с тем, механизм разработки, апробации и внедрения государственных образовательных стандартов требует корректировки в соответствии с современными тенденциями развития всей системы образования. Чрезвычайно важными становятся вопросы мониторинга реализации государственных образовательных стандартов для всех уровней педагогического образования.

Следует обратить внимание на проблему перспективы научных исследований в системе непрерывного педагогического образования, на необходимость проявления большей активности педагогических учебных заведений в конкурсах научно-исследовательских проектов, разработке перспективных научных тем. Научный потенциал системы педагогического образования способен не только выявить перспективные направления развития науки, но и воплотить их в конкретный научный продукт. Для этого требуется скорректировать тематику научных исследований учреждений педагогического образования, последовательно включать в нее проблемы, связанные с модернизацией образования, добиться большей координации действий, стимулировать развитие научных школ, оказывать содействие внедрению результатов научных исследований в практику работы образовательных учреждений.

Важно сделать обязательным целевое повышение квалификации, подготовку педагогов к реализации предпрофильного обучения и профильной подготовки обучающихся, к работе по новым образовательным стандартам.

В качестве отдельной многогранной проблемы выделяем проблему «учитель – компьютер». С начала XXI века наблюдается рост числа учителей, использующих компьютер в своей профессиональной деятельности, в том числе при подготовке и проведении уроков. Сдерживается данная тенденция наличием: проблем управления и организации, связанных с созданием кабинетов, оснащенных соответствующей техникой и программно-методическим обеспечением; отсутствием ресурсных центров, помогающих педагогам знакомиться с накопленным опытом внедрения информационно-коммуникационных технологий в практику обучения; слабой подготовкой педагогов и инженерно-педагогического состава в сфере информационно-коммуникационных технологий обучения; возникновением новых учебных ситуаций, связанных с интеграцией компьютера в различные виды учебной деятельности др. [4].

Внедрение компьютеров в учебный процесс не приводит к «высвобождению» учителя (как ожидалось), а скорее увеличивают его нагрузки. Педагог

занимается многочисленными содержательно-организационными вопросами: согласование расписания уроков с расписанием работы компьютерного класса; просмотром и отбором программного обеспечения в целом и по изучаемой теме в частности; сбором, систематизацией и хранением статистической информации о работе учащихся и пр. Многие проблемы имеют в первую очередь, техническую основу: отсутствие достаточного количества компьютерных классов и достаточного количества мест в них для учащихся, недостаточное оснащение отдельных кабинетов и рабочих мест учителя.

Еще одной особенностью современного этапа профессионального педагогического образования является отношение к обучаемому, как к активному субъекту научно-познавательной деятельности. Это рождает ряд проблем: обновление содержания предметов; совершенствование организационных форм обучения и развития и постепенный переход на такие технологии обучения которые предоставляют большие возможности для организации самостоятельной учебной, исследовательской, научной, профессиональной деятельности.

Отмечая в целом положительную динамику развития системы непрерывного педагогического образования, следует признать наличие следующих проблем, обусловленных как внешними факторами, так и внутренними особенностями современного этапа ее существования: размытость концепции непрерывного педагогического образования и механизмов ее реализации; неразработанность научных и научно-методических основ диагностики качества педагогического образования; отсутствие эффективного механизма повышения качества подготовки педагогических кадров; наличие противоречий между содержанием современного педагогического образования и требованиями, предъявляемыми в настоящее время школой, обществом и государством к личности и уровню про-

фессиональной компетентности педагога; несогласованность методологических подходов при создании и реализации преемственных государственных образовательных стандартов и программ для всех уровней и ступеней педагогического образования; необходимость создания научно-методического обеспечения и разработки технологий подготовки педагогов к ведению учебно-воспитательной работы с разновозрастными коллективами; слабая материально-техническая база и недостаточное программное и научно-методическое обеспечение информационной подготовки педагогических кадров; нескоординированность тематики научных исследований в учреждениях системы педагогического образования, низкая активность педагогических учреждений в конкурсах научных проектов, недостаточный уровень поддержки и стимулирования фундаментальных и прикладных исследований, развития научных школ и научных направлений в системе педагогического образования.

Анализ современной ситуации и обозначенные тенденции изменений общества задают требования к определению нового качества образования как степени пригодности профессиональной школы, а также системы повышения квалификации педагогических и руководящих работников для решения иных, не востребованных ранее массовой практикой целей и задач, другими словами, задают требования к модернизации педагогического образования и системы повышения квалификации педагогических и руководящих кадров в рамках системы непрерывного образования. Наряду с традиционными функциями педагога (обучение, воспитание, помощь в развитии, оценка, работа с родителями и т. д.) в условиях модернизации образования актуализируются такие профессиональные функции, как прогнозирование, проектирование и организация содержательной и процессуальной сторон образования и социокультурной среды.

Литература

1. Вазина К. Я., Петров Ю. Н. Технология развивающего управления и непрерывное профессиональное саморазвитие. Н. Новгород: Издательство ВИПИ, 1996. 115 с.
2. Ежегодный доклад общественной палаты о состоянии гражданского общества в Российской Федерации от 21.01.2010. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166646/?frame=11 (дата обращения: 15.01.2014).
3. Пискарев Н. Н. Особенности непрерывного педагогического образования в России. [Режим доступа: www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3103](http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3103) (дата обращения: 25.01.2014).
4. Тихонов Р. Е., Пищулин Н. П., Ковалевский В. Ф. Стратегия образования: основы формирования, методы, оценки и прогнозирования. М.: МГПУ, 2003. 165 с.
5. Ярочкина Г. В. Роль повышения квалификации для учреждений довузовского профессионального образования: сб. статей // Всероссийского научно-практического семинара 14 – 15 апреля 2008 года. Москва. М.: ФГУ ФИРО, 2008. 285 с.

Информация об авторах:

Кулаков Андрей Викторович – директор Строительного колледжа № 41 г. Москвы.

Andrey V. Kulakov – Principal at Construction College № 41, Moscow.

Манюкова Вера Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела обеспечения деятельности диссертационных советов Федерального института развития образования, mailnm@mail.ru.

Vera N. Manyukova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of Dissertations Councils Division, Federal Institute for Education Development, Moscow.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ПРОГРАММА ФИТНЕС-ЙОГА КАК СРЕДСТВО
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Н. В. Минникаева

YOGA FITNESS PROGRAMME AS A MEANS
OF SENIOR PRESCHOOLERS' PERSONAL PHYSICAL CULTURE

N. V. Minnikaeva

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с содержанием образовательной области «Физическая культура» ФГОС. Представлена цель, концептуальное направление и содержание разработанной нами программы дополнительных занятий по физической культуре на основе фитнес-йоги, обеспечивающей: сохранение и укрепление здоровья воспитанников; развитие основных движений детей; воспитание физических и личностных качеств. Отсутствие программ дополнительного образования, учитывающих современные реалии, складывающиеся из понимания значимости формирования ценностного личностно-ориентированного подхода в физическом воспитании детей старшего дошкольного возраста обусловило необходимость разработки данной программы.

The paper discusses some current issues related to the content of the educational field of "Physical Culture". The author presents the target, conceptual direction and content of the programme developed for additional physical training on the basis of fitness yoga. The programme provides: preservation and promotion of students' health, development of children's basic movements; physical and personal qualities development. The lack of additional education programmes, taking into account the current realities of understanding the importance of forming the value-based student-centered approach to physical education of preschool children, has necessitated the development of this program.

Ключевые слова: дошкольники, ФГОС, фитнес, йога, организация занятий по физической культуре в дошкольном учреждении.

Keywords: preschool children, Federal State Educational Standard, fitness, yoga, organizing physical training in pre-schools.

На протяжении десятилетий в государстве складывалась система физического воспитания подрастающего поколения на основе прагматических установок на достижение индивидом определенного уровня сформированности двигательных умений и навыков, основных физических кондиций. Вместе с тем, отчуждение ребенка от ценностных установок физической культуры на развитие его индивидуальных потребностей и мотивов в этой сфере [3], ведет не только к снижению уровня общего здоровья, но и ограничивает объем их двигательной активности в режиме дня дошкольного учреждения.

Вместе с тем пути оптимизации процесса физического воспитания в дошкольном учреждении очевидны и лежат на поверхности. Современность такова, что главным средством воспитания, оздоровления и обучения детей старшего дошкольного возраста должна стать оздоровительная тренировка. Основное правило: занятия должны нести тренирующий эффект (среднее значение ЧСС занятия не менее 140 – 160 уд/мин), обеспечивающий положительные адаптивные морфофункциональные изменения в организме, влекущие за собой улучшение физической подготовленности и уровня развития физических качеств. При этом стоит отметить, что необходимо учитывать принципы индивидуальности, постепенности, соответствие применяемых форм, средств и методов возрастным особенностям занимающихся. Следует также заметить, что при выборе конкретных средств и методов необходимо основываться не столько на имеющемся уровне развития двигательных функций, сколько на задачах формирования опережающего развития двигательных и функциональных возможностей. Такой подход по су-

ществу, реализует система многолетней спортивной тренировки, направленная на совершенствование имеющихся показателей развития и приобретение ранее отсутствующих функций и качеств [2].

В режиме дня дошкольного учреждения, дополнительные занятия организуются во вторую половину дня, продолжительностью для старших дошкольников не более 30 минут. Однако имеющихся программ дополнительного образования по физической культуре для детей старшего дошкольного возраста, удовлетворяющих вышеизложенным требованиям явно не достаточно.

Нами разработана и в настоящее время проводится апробация программы дополнительных занятий по физической культуре на основе фитнес-йоги для детей старшего дошкольного возраста. В основу содержания программного материала лег многолетний опыт ведущих инструкторов по физическому воспитанию, научные изыскания кандидатской диссертации. При разработке и составлении содержания программы учитывались потребности современного российского общества в физически развитом, дееспособном и здоровом подрастающем поколении.

Целью данной программы дополнительных занятий по физической культуре на основе элементов фитнес-йоги является формирование физической культуры личности дошкольника, которая базируется на всестороннем развитии заложенных природой предпосылок, выражающихся в активном отношении к окружающему, осознании ценности занятий физической культурой, в конечном счете, определяющих жизнерадостного и здорового ребенка.

Реализация цели программы соотносится с решением следующих задач:

- приобретение знаний и общих представлений об йоге, как древней гимнастике, пользе в укреплении и сохранении собственного здоровья;
- расширение познавательной и двигательной сферы посредством увеличения двигательной деятельности в режиме дня;
- акцентированное развитие психофизических качеств (через интеграцию физической и интеллектуальной активности);
- воспитание положительного отношения к занятиям физической культурой на основе применения игрового метода.

Решение поставленных в программе задач, реализуется через формирование компонентов физической культуры личности [1] старших дошкольников, таких как: физическое совершенство (двигательные умения и навыки, физическая подготовленность и физическое развитие); знания и интеллектуальные способности (объем теоретических знаний, психические процессы); мотивационно-ценностные ориентации (положительное отношение к физической культуре через мотивы, установки, убеждения, потребности).

Направление «Физическое совершенствование» – разработан материал, ориентированный на общую физическую подготовку, за счет комплексов подвижных игр различной интенсивности, также направлен на развитие гибкости, посредством йога-упражнений и асан учитывая тот факт, что старший дошкольный возраст является сенситивным периодом. Формирование двигательных умений и навыков складывается в основном из совершенствования различных видов движений, включая прыжки, подскоки и т. д. в подвижной игре. Расширение функции внешнего дыхания на основе дыхательной гимнастики.

Направление «Знания и интеллектуальные способности» определяет объем теоретических знаний

об истории развития древней гимнастики йога, об ее особенностях, ее составляющих компонентах, о возможности применения разработанных комплексов самостоятельно для поддержания здоровья и хорошего самочувствия. В отношении интеллектуальных способностей материал подготовлен таким образом, что дети в непринужденной форме посредством игровых упражнений и подвижных игр, развивают интеллектуальный потенциал – мышление, воображение, память, восприятие и речь. При ведущей роли восприятия как наиболее благоприятно развивающегося в данный возрастной период.

Направление «Мотивационно-ценностные ориентации» направлено на обеспечение эмоционального благополучия, чувства удовлетворенности от двигательной деятельности, основано непосредственно на благоприятных впечатлениях, за счет чего достигается положительная мотивация к занятиям физической культурой и далее как высшая форма потребность в занятиях. Достигается такой эффект через создание ярких образов, аналогии сказочным персонажам в которых происходит занятие, а упражнения и асаны имеют подходящие для этого названия: «Собака потягивается», «Поза лягушки», «Поза орла», «Кошка округляет спинку». Важно учесть, что занятие проходит в благоприятной эмоциональной обстановке – дети держатся за руки, касаются носочками ног друг друга, что также включает тактильный контакт, который, в частности оказывает положительный эффект в развитии зрительного и слухового восприятия.

Представленные направления детализируются в программе посредством соответствующих разделов, которые представлены в таблицах 1 и 2 распределения прохождения материала в течение года. Программа рассчитана на детей старшего дошкольного возраста (старшая и подготовительная к школе группа), всего 72 часа.

Таблица 1

Распределение прохождения программного материала на 1-е полугодие (в часах)

Разделы программы	Месяцы			
	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Знания. Интеллектуальные способности	1	1	1	1
Подвижные игры	2	2	2	2
Фитнес-йога	3	3	3	3
Дыхательная гимнастика	1	1	1	1
Релаксация	1	1	1	1
Итого	8	8	8	8
Всего часов за 1-е полугодие	32			

Каждый раздел содержит конкретный материал, раскрывающий сущность представленных выше направлений, он в представлен в таблицах 3 и 4 в виде календарно-тематического плана на каждый месяц.

Так как программа основана преимущественно на игровом методе как ведущем в данном возрастном отрезке в предварительной работе нами подготовлены игровые комплексы различной интенсивности: высокой ЧСС – 160 – 170 уд/мин, средней ЧСС – 140 – 159 уд./мин., низкой от 110 – 139 уд./мин), их чередование в недельном цикле, позволяет в полной мере

реализовать подход оздоровительной тренировки. Полагаем, что данные пульсовые значения благоприятно скажутся на физических кондициях детей, увеличивая функциональный потенциал детей и расширяя двигательную сферу. Стоит отметить, элементы йоги, являющейся в настоящее время весьма популярным течением, позволяют не только повысить эмоциональный фон занятий и прививает детям интерес к занятиям физической культуры, но позволяет в полной мере удовлетворить потребности растущего организма в движении.

Таблица 2

Распределение прохождения программного материала на 2-е полугодие (в часах)

Разделы	Месяцы				
	январь	февраль	март	апрель	май
Знания. Интеллектуальные способности	1	1	1	1	1
	в процессе занятия				
Подвижные игры	2	2	2	2	2
Фитнес-йога	3	3	3	3	3
Дыхательная гимнастика	1	1	1	1	1
Релаксация	1	1	1	1	1
Итого	8	8	8	8	8
Всего часов за 2-е полугодие	40				

Результаты исследования и их обсуждение

Представленная выше программа была апробирована в МДОУ № 135 г. Кемерово, участниками эксперимента стали дети старшей и подготовительной к школе групп в числе 17 детей. Их средний возраст составил 5 лет и 6 месяцев. В ходе реализации программы нами было проведено тестирование отдельных показателей физической подготовленности и функционального состояния некоторых систем орга-

низма. Тестирование было проведено в начале учебного года в октябре и в конце в мае. Результаты тестирования были подвергнуты методам математической статистики, ниже в приведенном нами рисунке можно увидеть насколько процентов наблюдается прирост в показателях, отражающих развитие гибкости, подвижности отдельных суставов и статической выносливости. Прирост вычислялся нами по формуле Брууди.

Таблица 3

Календарно-тематическое планирование на 1-е полугодие

Разделы	Месяц			
	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1. Знания и интеллектуальные способности				
Знания (темы)	ЗОЖ. История развития йоги. Техника безопасности при выполнении упражнений	Что такое асаны? Рациональное питание. Техника безопасности: поведение в спортивном зале	Гибкость и как ее развить. Витамины. Польза динамических и статических упражнений. Техника безопасности при выполнении асан	Положительные эмоции или как успокоиться. Силовые упражнения, их польза для мальчиков. Дыхание – основа жизни
Интеллектуальные способности	Игровые задания на пространственную ориентацию. Игровые задания тактильного характера типа «волшебный мешок»	Игровые задания с изменением условий проведения (например, изменение правил игры). Игровые задания с прятанием и отгадыванием	Игры кинестетического характера типа «мы не скажем, а покажем». Игры-задания с использованием зрительного ощущения типа «красочки»	Игры с запоминанием и воспроизведением заданий. Игры-задания с определением величин больше – меньше, выше – ниже, длина-высота и т. д.
2. Физическое совершенствование				
Подвижные игры	«Горелки». «Невод». «Ловишка с лентой». «Ниточка-иглолка». «Запомни и скажи»	«Найди свое звено». «Бабочки». «Совушки». «Самолеты». «Найди свой цвет»	«Щука и караси». «Рыбак». «Хитрая лиса». «Мышеловка». «Ручеек»	«Медведь с цепью». «Слушай сигнал». «Жмурки с колокольчиком». «Бой петухов». «Ровным кругом»
3. Мотивационно-ценностные ориентации				
Название асан (санскрит)				
Фитнес йога	Тадасана. Врикшасана. Вирабхадрасана 1. Адхо-мукхашванасана. Дандасана. Уттанасана. Шавасана	Тадасана. Джануширшасана. Адхо-мукхашванасана. Урдхва-мукхашванасана. Дандасана. Шавасана	Тадасана. Вирабхадрасана – 2. Уттанасана. Дандасана. Бадха-конасана. Дханурасана. Шавасана	Тадасана. Гарудасана. Бхуджанга-сана. Упавиштха. Конасана. Вирасана. Баласана

Продолжение таблицы 3

Дыхательная гимнастика	Игровые упражнения с удлиненным и усиленным выдохом с произнесением гласных звуков (а-а-а, у-у-у, о-о-о). Диафрагмальное	Игровые упражнения с удлиненным и усиленным выдохом с произнесением шипящих согласных (ж и ш). Брюшное дыхание	Игровые упражнения с удлиненным и усиленным выдохом с произнесением сочетаний звуков (ах, ух, фу). Полное дыхание.	Игровые упражнения с удлиненным и усиленным выдохом с произнесением звука (р-р-р-р-р). Очистительное дыхание
Релаксация	Статические напряжения с последующим расслаблением мышц	Музыкотерапия и терапия светом (релаксация со свечой)	Мимическая гимнастика	Маховые упражнения рук (руки – плечи) и ног

Таблица 4

Календарно-тематическое планирование на 2-е полугодие

Разделы	Месяц				
	январь	февраль	март	апрель	май
1. Знания и интеллектуальные способности					
Знания (темы)	Закаливание. Основы техники безопасности и профилактики травматизма	Ознакомление с физическими упражнениями, недопустимых к выполнению в старшем дошкольном возрасте	Дыхательные упражнения для поддержания здоровья. Физкультурно-оздоровительные системы физических упражнений	Изучение асан, недопустимых к выполнению в старшем дошкольном возрасте	Самостоятельные формы занятий физической культурой
Интеллектуальные способности	Игры в «запретный предмет» типа «съедобное – несъедобное»	Игры-задания с использованием зрительного ощущения типа «чего не хватает»	Игры задания с использованием слухового ощущения типа «угадай, чей голосок»	Двигательные загадки. Игры-задания на точность воспроизведения действий	Самостоятельное придумывание сюжета и правил игр
2. Физическое совершенствование					
Подвижные игры	«Бег в мешках». «Рыбаки и рыбки». «Быстро по местам». «День, ночь»	«Два мороза». «Бабочки». Лисы и куры». Карусель». «Вызов номеров»	«Метелица». «Кошки и мышки». «Съедобное – несъедобное»	«Хитрая лиса». «Перелет птиц». «Великаны – гномики». «Пустое место»	«С кочки на кочку». Охотники и утки». «Шишки, желуди, орехи»
3. Мотивационно-ценностные ориентации					
Фитнес-йога	Гарудасана. Вирабхадрасана – 2. Дандасана. Пашчимоттанасана. Бадха-конасана. Баласана	Вирабхадрасана – 1. Уттанасана. Адхо-мукхашванасана. Макарасана. Баласана. Вирасана. Шавасана	Тадасана. Врикшасана. Уттанасана. Урдхва-мукхашванасана. Дханурасана. Данда-сана. Саламба. Сарвангасана. Шавасана	Уттанасана. Бхуджангасана. Адхо-мукхашванасана. Супта. Вирасана. Джануширшасана. Дандасана. Шавасана	Врикшасана. Упавиштха. Конасана. Дханурасана. Адхо-мукхашванасана. Саламба. Сарвангасана. Шавасана
Дыхательная гимнастика	Упражнения с удлиненным и усиленным выдохом со звуками (а-а-а, у-у-у, о-о-о)	Брюшное дыхание	Упражнения с удлиненным и усиленным выдохом с произнесением сочетаний звуков (ах, ух, фу)	Игровые упражнения с удлиненным и усиленным выдохом со звуком (р-р-р-р-р)	Полное дыхание
Релаксация	Аутотренинг. Самомассаж		Музыкотерапия и терапия светом (релаксация со свечой)	Статические напряжения с последующим расслаблением мышц	Ароматерапия

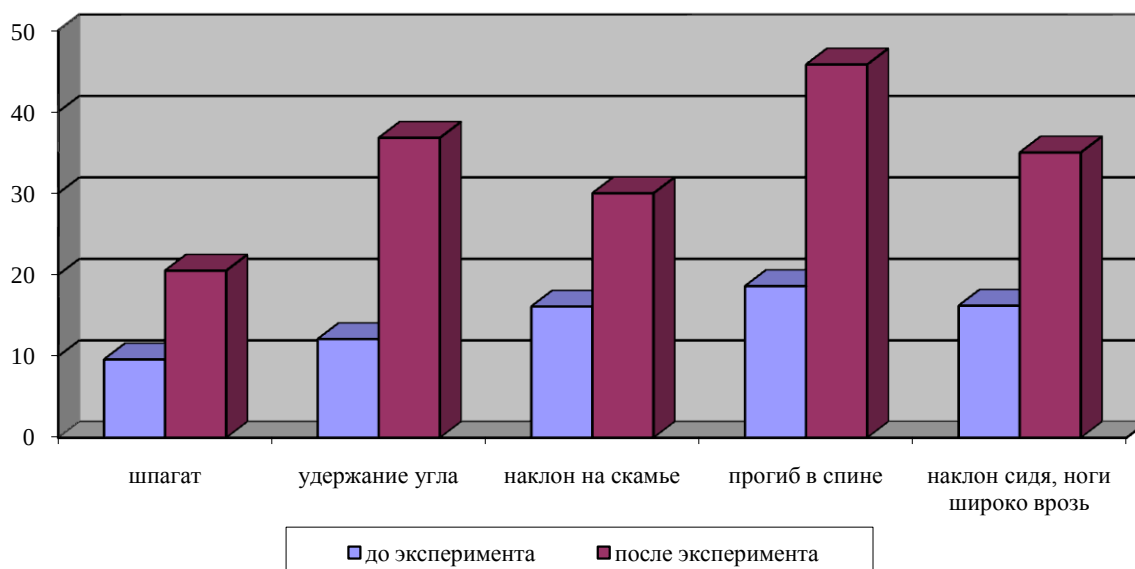

Рис. Показатели развития гибкости старших дошкольников

Наиболее значимые результаты прироста нами были отмечены в тестах «Удержание угла», «Прогиб в спине» и «Наклон сидя, ноги широко врозь». Половозрастных различий в приросте результатов замечено не было. Известно, что данный возрастной отрезок является сенситивным в отношении развития показателей гибкости, так средства фитнес-йоги, используемые на практике доказали свою эффективность.

Также нами были проедены тесты, характеризующие развитие отдельных систем организма, таких как дыхательная – «Проба Штанге», «Проба Генчи», и сердечнососудистая – «Проба Руфье», однако полученные нами данные оказались недостоверными, исходя из чего можно предположить, что занятия йогой не оказывают значительного влияния на их развитие.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать выводы о том, что формирование физической культуры личности детей старшего дошкольного возраста может осуществляться на основе новых технологий, в частности использования метода оздоровительной тренировки. Вместе с тем, эффективность ее внедрения в практику может на наш взгляд, определяться выполнением следующих условий.

Литература

1. Бальсевич В. К. Основные положения концепции инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России // Теория и практика физической культуры. 2002. № 3. С. 2 – 4.
2. Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2010. – 272 с.
3. Лубышева Л. И. Спортивная культура в школе. М.: Теория и практика физической культуры и спорта, 2006. 174 с.

Информация об авторе:

Минникаева Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физической культуры КемГУ, minnikaeva@yandex.ru.

Natalia V. Minnikaeva – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at the Department of Theoretical Bases of Physical Culture, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 09.10.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.2

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ОПЫТ ОЦЕНКИ

А. В. Горелкин

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF KEMEROVO REGION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF INDICATORS ALLOCATION AND ASSESSMENT EXPERIENCE

A. V. Gorelkin

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «устойчивое развитие». Анализируются экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития, выделяются соответствующие критериальные показатели. Приводятся результаты предварительной общей оценки выделенных показателей устойчивого развития Кемеровской области, аргументируется необходимость дополнения системы индикаторов комплексом социологических и социально-политических критериев.

The paper focuses on the main approaches to defining the concept of «sustainable development». Ecological, economic and social aspects of sustainable development are analyzed, the corresponding criteria indicators are allocated. Results of a preliminary general estimate of the allocated indicators of sustainable development of Kemerovo region are given, need of addition of improving the system of indicators is reasoned by a complex of sociological and socio-political criteria.

Ключевые слова: общество, природная среда, развитие, устойчивое развитие, стабильность, Кемеровская область.

Keywords: society, environment, development, sustainable development, stability, Kemerovo region.

Человеческий социум, как и любая другая сложная самоорганизующаяся система, является одновременно и системой динамической, т. е. непрерывно трансформирующейся, изменяющейся. Происходящие в нем изменения затрагивают имеющиеся социальные, экономические и политические отношения. Устойчивость динамической системы, в соответствии с современными теориями развития, определяется одновременным влиянием двух полярных тенденций – «отрицательной», связанной с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств, и «положительной», обеспечивающей возможность адаптации к «новым» условиям, изменениям внешней среды. Такая «динамическая устойчивость» развития служит для различных обществ идеальной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы [5, с. 198]. Это определяет популярность концепции так называемого «устойчивого развития» среди других теорий социальных изменений.

Сам термин «устойчивое развитие» (Sustainable development) был введен в широкое употребление в 1987 году премьер-министром Норвегии Г. Х. Брундтланд, возглавлявшей Международную комиссию по окружающей среде и развитию [23, с. 1066 – 1068]. Под устойчивым развитием в данном случае понималось длительное, непрерывное, стабильное, самоподдерживаемое, ответственное, безопасное развитие, обеспечивающее удовлетворение актуальных потребностей ныне живущего поколения без угрозы для удовлетворения потребностей поколений будущего.

Как отмечает Г. Н. Голубев, в определении устойчивого развития Г. Х. Брундтланд не установлены различия между принципиально разными понятиями развития и роста, что вызывает трудности в его использовании – по его мнению, развитие народов и стран мира может продолжаться неопределенно долгое время, а валовой рост ограничен потенциальной емкостью экосферы, ее способностью к регенерации систем жизнеобеспечения. Очевидно однако, что понимание устойчивого развития как «развития без роста» будет не вполне корректным. Поэтому им используется учитывающая данный аспект трактовка Х. Дейли, который определял устойчивое развитие как «социально устойчивое развитие, при котором валовой экономический рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» [цит. по 4].

Р. А. Иост в этой связи справедливо указывает, что концепция устойчивого развития по сути является попыткой сбалансировать два моральных требования общества: необходимость обеспечения потребности ныне живущего поколения в экономическом развитии, и, одновременно, необходимости достижения «устойчивости» этого развития, гарантирующей, что нынешнее поколение не собираются «закладывать» будущее ради настоящего. Соответственно, понятие «устойчивости» интерпретируется им как постоянный процесс постепенного развития от одного поколения к другому, как поддерживающийся поколениями уровень разумного благосостояния и качества жизни в течение как можно более долгого времени [8].

Способствующие росту благосостояния процессы модернизации и глобализации, по мнению С. А. Панкратова, наряду с положительными изменениями привнесли и целый комплекс проблем планетарного характера, связанных с направленностью современного человека на максимальное получение прибыли без учета возобновляемости ресурсов. В этой связи идея и принцип «устойчивого развития» рассматриваются им как ответная реакция общества на вызовы глобальных противоречий, которая проявляется в переориентации на сбалансированное, управляемое развитие, протекающее в условиях гармоничного взаимодействия человечества и биосферы [15]. По словам С. А. Степанова, концепция устойчивого развития фактически представляет собой новое мировоззрение, подразумевающее действия по предотвращению отрицательных последствий глобализации и кризисных катаклизмов [19].

Содержательно концепция устойчивого развития имеет междисциплинарный и межотраслевой характер, включая в себя экологический, экономический и социальный аспекты. Экологическая составляющая устойчивого развития подразумевает обеспечение целостности и жизнеспособности биологических и физических природных систем, от которых, в свою очередь, зависит глобальная стабильность всей биосферы. Экономическая составляющая направлена на оптимизацию использования природных ресурсов, применение природосберегающих технологий, создание экологически безопасной продукции, минимизацию и переработку отходов. Наконец, социальная составляющая предполагает развитие человеческого капитала, поддержание социальной стабильности, справедливое распределение ресурсов и возможностей между всеми членами общества, сокращение числа социальных конфликтов [17].

Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 году рекомендовала правительствам всех стран разработать свою национальную стратегию устойчивого развития. Следуя этой рекомендации, в России в 1994 году были утверждены «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», и в 1996 году была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», ставящая задачу обеспечить сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений [11]. В настоящее время продолжается экспертное обсуждение базовых положений и содержания стратегии устойчивого развития России, общие принципы которой заложены в ряд программных документов федерального уровня, таких как «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации», «Экологическая доктрина Российской Федерации», «Энергетическая стратегия Российской Федерации» и др.

Положения стратегии устойчивого развития реализуются сегодня и на региональном уровне. Как отмечает А. А. Зеленин, современный этап формирования системы внутренней государственной политики характеризуется поиском оптимальных подходов к

разделению ответственности и полномочий между федеральным центром и регионами, являясь неотъемлемой частью и характеристикой формирования российской государственной политической системы [6, с. 172]. В отношении реализации принципов устойчивого развития Ф. Р. Азашикова видит разграничение сфер ответственности между центром и регионами следующим образом: «Главное условие национальной модели устойчивого развития – это независимое экономическое развитие. Применительно к региону эта идея должна трансформироваться в идеологию обеспечения самодостаточного развития экономики региона, реально опирающейся на свои возможности» [1, с. 197]. По ее мнению, в основу стратегии устойчивого развития региона должна быть заложена как ориентация на реализацию экологически чистых технологий и производств, обеспечивающих защиту биосферы от вредных воздействий, так и системный анализ состояния социально-экономического, экологического, ресурсного развития мира, для принятия решений по устойчивому развитию региона на основе прогнозных моделей.

Основные принципы и механизмы перехода Кемеровской области к устойчивому развитию сформулированы в докладе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева на выездной сессии Комитета по устойчивому развитию Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, прошедшей в г. Кемерово в сентябре 2005 года. В докладе подчеркивается важность перехода угольно-промышленных регионов мира, и Кузбасса в том числе, на путь устойчивого развития, при этом суть перехода к устойчивому развитию Кемеровской области понимается как достижение баланса трех составляющих: производства, человека и окружающей среды. На примере Кузбасса был представлен опыт перехода региона от полного дисбаланса в экономике и социальной сфере на путь устойчивого развития – по словам А. Г. Тулеева, сегодня Кузбасс уверенно движется по пути экономической, социальной и политической стабильности [21]. Принципы обеспечения устойчивости развития региона были учтены при разработке программы экономического и социального развития Кемеровской области и других региональных документов.

Для изучения достигнутых результатов перехода Кемеровской области к устойчивому развитию в нашем исследовании была предпринята попытка выделить и оценить конкретные показатели устойчивого развития региона. Поскольку, как уже отмечалось, концепция устойчивого развития подразумевает достижение динамического баланса между экономическими, социальными и экологическими факторами, необходимо прежде всего выделить соответствующие интегральные показатели, выступающие индикаторами ее основных составляющих. В этом контексте заслуживает внимания система комплексной оценки социально-демографических, социально-экономических и экологических показателей устойчивого развития, разработанная японским исследователем С. Мураи, и включающая в себя следующие индикаторы:

- прирост населения за год;
- рост валового продукта за год;

- обезлесение за год;
- относительная площадь лесов;
- площадь пашни на одного человека;
- процент обеспечения собственным зерном;
- плотность городского населения;
- абсолютная численность населения городов.

Несмотря на то, что данная система разработана на японском материале и, как справедливо указывает Г. Н. Голубев, требует проверки в части полноты и репрезентативности набора индикаторов с точки зрения их приоритетности для других стран [4], мы сочли возможным апробировать ее для предварительной оценки показателей устойчивого развития Кемеровской области.

Первым критерием устойчивого развития в модели С. Мураи является рост населения менее 0,5 % в год, годовой рост 1,0 – 1,5 % соответствует критическому, а более 2 % – разрушительному уровню. Таким образом, отсутствие роста численности населения или даже его снижение являются в данной модели индикатором устойчивого развития, так как оно подразумевает отсутствие увеличения антропогенной нагрузки на биосферу. С учетом соотношения территории и численности населения, антропогенная нагрузка в Кемеровской области относительно невелика – несмотря на то, что Кузбасс является самым густонаселенным регионом Сибири, плотность его населения по данным за 2013 год составила лишь 28,65 чел./км². При этом, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [14], в Кузбассе с середины 1990-х годов наблюдается естественная убыль населения: так, в 2009 году население региона составляло 2773,0 тыс. чел., а в 2013 году – 2734,1 тыс. чел. В то же время, уровень естественной убыли населения последовательно снижается – с 2,6 до 0,9 человек на 1000 человек населения за этот же период. Таким образом, по данному критерию Кемеровская область соответствует показателям устойчивости развития и, одновременно, демонстрирует определенные положительные сдвиги в социально-демографической ситуации, что представляется еще более значимым со стратегической точки зрения.

Вторым критерием устойчивого развития является ежегодное увеличение валового продукта от 3 до 5 %; рост 8 – 10 % в год интерпретируется как критический, больше 10 % или же меньше 0 – как разрушительный. Согласно официальной статистике, валовой региональный продукт Кемеровской области в 2009 году составил 576 млрд рублей, в 2013 – 767 млрд рублей [18; 24]. Рассчитанное нами на основе данных за указанные годы среднегодовое увеличение валового регионального продукта, даже при относительном снижении в 2009 и 2012 годах, составило 6,7 % в денежном выражении. С учетом фактора инфляции, рост валового регионального продукта фактически не превысил критериальных показателей устойчивости развития. В прогнозе развития экономики области на 2013 – 2015 годы зафиксирован рост валового регионального продукта на 2 – 3 % ежегодно [3]. Соответственно, по данному показателю Кемеровская область в целом отвечает критериальным требованиям.

Третьим критерием выступает уровень обезлесения, не превышающий 0,1 % в год. Показатель обезлесения 0,5 – 1,0 % в год рассматривается как критический, более 1 % – как разрушительный. Согласно «Лесному плану Кемеровской области», за последний межучетный период (с 2008 по 2010 годы) общая площадь земель лесного фонда увеличилась с 5413,5 до 5423,6 тыс. га, т. е. в среднем на 0,093 % в год; площадь покрытия лесной растительностью – с 5115,4 до 5128,2 тыс. га, т. е. увеличилась в среднем на 0,125 % в год [13]. При этом, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [14], масштабы искусственного лесовосстановления и лесоразведения демонстрируют заметный рост – так, площадь лесоразведения в 2013 году по сравнению с предыдущим годом увеличилась в 4,7 раза. Следовательно, Кемеровская область отчетливо соответствует требованиям данного критерия.

Четвертым критерием принята относительная площадь лесов, составляющая более 30 % от всей территории. Доля лесов 15 – 20 % рассматривается как критическая, менее 10 % – как разрушительная. Как известно, специфической особенностью Кемеровской области является широкое распространение техногенных ландшафтов, формирование которых связано с открытыми разработками каменноугольных и других месторождений – по существу, вся территория от Междуреченска до Анжеро-Судженска представляет собой чередование угольных шахт и разрезов, терриконов, обогатительных фабрик, гидротехнических сооружений и др. В результате открытой добычи полезных ископаемых происходит комплексное нарушение земель, и площадь нарушенных горными разработками земель составляет не менее 64,8 тыс. га. Одновременно, до 80 % лесов затронуты интенсивными промышленными вырубками [9]. Тем не менее, площадь лесов в Кузбассе остается весьма значительной – по данным лесного реестра, общая площадь лесов Кемеровской области составляет 6308,0 тыс. га (66,4 % общей площади области), лесистость территории Кемеровской области составляет 60,4 % [13]. Таким образом, данный показатель устойчивого развития Кемеровской области более чем в два раза превышает критериальное значение.

Пятым критерием рассматривается площадь пашни, составляющая более 0,3 га на одного человека. Площадь 0,15 – 0,2 га на человека в модели С. Мураи является критической, менее 0,1 га – разрушительной. По данным Администрации Кемеровской области, в целом в сельскохозяйственном обороте находится 2399 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, что составляет 27 % от общей площади земельных ресурсов Кузбасса, при этом пашня занимает 1483 тыс. га, посевная площадь под урожай 2012 года составляла 1048,8 тыс. га. Соответственно, Кузбасс относится к регионам с высоким уровнем распаханности, и на каждого жителя Кемеровской области приходится 0,5 га пашни [12]. Тем самым Кемеровская область полностью удовлетворяет требованиям данного критерия устойчивого развития.

Шестым критерием устойчивого развития является обеспечение собственным зерном более чем на

90 %, обеспечение на 60 – 70 % соответствует критическому, а менее чем на 50 % – разрушительному уровню. В силу своих природно-климатических условий Кемеровская область относится к зоне рискованного земледелия. Тем не менее, Кузбасс входит в число самообеспечиваемых регионов, покрывающих собственным продовольствием значительную часть потребления зерна, картофеля, овощей, продукции животноводства и ввозящих недостающее их количество. При этом сельскохозяйственное производство региона характеризуется высокой интенсивностью производства: так, на одного работающего в сельском хозяйстве Кузбасса приходится 35 человек, тогда как в Западной Сибири – 16, по России в целом – 10 человек; по объему валовой сельхозпродукции в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве Кемеровская область занимает второе место в России [12]. По нашим расчетам, основанным на имеющихся статистических данных [2; 22], среднегодовое производство зерна в Кемеровской области в 2008 – 2013 годах составило 1159,7 тыс. тонн, т. е. 0,42 тонны на душу населения в год. С учетом объема потребности внутреннего рынка России в зерне, составляющей по оценке Министерства сельского хозяйства около 71,5 млн тонн в год, т. е. примерно 0,49 тонн на одного человека, можно констатировать, что Кузбасс самостоятельно обеспечивает себя зерном не менее чем на 86 %. Фактически, зерновое хозяйство области, производящее в основном мягкие сорта пшеницы, не полностью обеспечивает потребность только в твердых продовольственных сортах, недостающая часть которых завозится из соседних регионов юга Сибири и Казахстана. С другой стороны, область осуществляет экспорт фуражного зерна в Казахстан, что является мощным экономическим стимулом развития зерновой отрасли региона [20]. Таким образом, Кемеровская область в целом практически соответствует необходимому для продовольственной безопасности и устойчивого развития уровню зернового производства.

Седьмым критерием в модели С. Мураи выступает плотность городского населения, не превышающая 50 чел./га. Плотность городского населения 100 – 150 чел./га интерпретируется им как критическая, более 200 чел./га – как разрушительная. В Кемеровской области в 2013 году удельный вес городского населения составлял 85,5 %. При этом плотность населения каждого из двадцати городов Кузбасса значительно, в 2,5 – 75 раз меньше данного критерия устойчивого развития: наибольшая плотность населения наблюдается в г. Кемерово – 19,1 чел./га, наименьшая в г. Мыски – 0,67 чел./га [10]. Средняя плотность городского населения Кемеровской области, рассчитанная нами на основе данных о числе жителей и площади городской территории всех городов Кузбасса, составила 6,8 чел./га. Соответственно, Кемеровская область с запасом удовлетворяет требованиям данного критерия.

Последним, восьмым критерием устойчивого развития в данной модели является численность населения города, не превышающая 0,5 миллиона человек, в то время как население города, превышающее 1 и 10 миллионов человек, рассматриваются как критическое и разрушительное соответственно. В отличие от многих регионов России, для которых, как правило,

свойственно наличие одного крупного центра – регионального мегаполиса, значительно превышающего по численности остальные города области, Кузбасс имеет более «дробную» структуру городского населения – лишь два из двадцати городов области, с учетом входящих в их состав пригородных населенных пунктов, незначительно превышают данное критериальное значение: Новокузнецк (549 тыс. жителей) и Кемерово (540 тыс. жителей). Таким образом, Кемеровская область и здесь в целом демонстрирует соответствие показателям устойчивого развития.

Как следует из проведенной нами оценки, Кемеровская область практически полностью соответствует стандартам устойчивого развития по всем критериям, предлагаемым С. Мураи. Очевидно, тем не менее, что такая оценка имеет предварительный, общий характер и требует дальнейшего более глубокого изучения, в том числе и за счет расширения перечня индикаторов устойчивого развития, релевантных для Российской Федерации в целом и для Кемеровской области в частности. Так как устойчивое развитие включает в себя не только экологическую и экономическую, но и социальную составляющую, представляется необходимым включение в число оцениваемых индикаторов комплекса социологических и социально-политических показателей. На основании анализа современных исследований, посвященных методологии и практике оценки таких показателей в Кемеровской области [7; 16], нами предлагается использование следующих дополнительных индикаторов устойчивого развития:

- материальное положение и уровень доходов населения, показатели постоянной и временной занятости населения, число и продолжительность трудовых конфликтов;

- оценка населением деятельности органов федеральной и региональной власти, характер и направленность общественно-политической активности, социально-политическая стабильность;

- содержание и направленность системы ценностных предпочтений массового сознания, значимость ценности семьи, гражданских и патриотических ценностей в системе ценностных предпочтений населения региона.

Соответственно, одним из перспективных направлений дальнейшего изучения показателей устойчивого развития Кемеровской области является выделение и операционализация его конкретных социальных индикаторов, определение и экспертная оценка их критериальных значений, апробация их применения на практике. Оценка всего комплекса экологических, экономических и социальных показателей устойчивого развития представляет очевидную значимость при проведении мониторинга, оценки и корректировки областных целевых программ, разработке концепций и программ долгосрочного социально-экономического развития, анализа их эффективности, что позволит при необходимости своевременно скорректировать конкретные направления социально-экономического и экологического развития региона.

Литература

1. Азашикова Ф. Р. Основы стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). 2012. № 1.
2. Ахмадулина Т. В. Анализ самообеспеченности Сибирского Федерального округа основными видами продовольствия // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 143 – 147.
3. ВРП Кемеровской области к 2015 г. достигнет 1 трлн. рублей – вице-губернатор // Деловой Кузбасс 31.10.2012 г. Режим доступа: <http://delkuz.ru/content/view/16304/> (дата обращения: 30.09.2014).
4. Голубев Г. Н. Геоэкология. М.: ГЕОС, 1999. 338 с.
5. Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.
6. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. М.: Российские университеты; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 290 с.
7. Зеленин А. А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 240 с.
8. Иост Р. А. Устойчивое развитие: этические споры о будущем // Социальные проблемы. 2008. № 2. Режим доступа: <http://www.socprob.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
9. Кемеровская область // Википедия русская. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.ru> (дата обращения 30.09.2014).
10. Кемеровская область // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 30.09.2014).
11. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова. М., 2002. 161 с.
12. Официальный сайт Администрации Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.ako.ru/> (дата обращения: 30.09.2014).
13. Официальный сайт Департамента лесного комплекса Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.kemles.ru/> (дата обращения: 30.09.2014).
14. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: <http://kemerovostat.gks.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
15. Панкратов С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград: 2006. 395 с.
16. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: кол. монография. Томск: ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.
17. Синицина Е. Концепция устойчивого развития. Режим доступа: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/-2/view/72/> (дата обращения: 30.09.2014).
18. Список субъектов Российской Федерации по ВРП // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 30.09.2014).
19. Степанов С. А. Глобализация. Устойчивое развитие. Образование / Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. 286 с.
20. Столбова О. Б. Зерновое хозяйство Кузбасса в решении продовольственного обеспечения региона // Электронный журнал «Вестник Кузбасской государственной педагогической академии». 2013. № 1(26). Режим доступа: <http://vestnik.kuzsra.ru/articles/157/> (дата обращения: 30.09.2014).
21. Тулеев А. Г. Устойчивое развитие Кемеровской области: опыт и перспективы. Доклад на выездной сессии Комитета по устойчивому развитию Конгресса местных и региональных властей Совета Европы // Медиа-Кузбасс 29.09.2005 г. Режим доступа: <http://mediakuzbass.ru/news/62882.html> (дата обращения: 30.09.2014).
22. Урожай зерна в Кемеровской области в 2013 г. удвоился к 2012 г., как и прогнозировалось // Интерфакс-Россия 01.11.13 г. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
23. Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. и сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: 2003.
24. 65 млрд руб. инвестировано в угольную отрасль в 2013 году в Кемеровской области // Электронная газета «Век» 27.12.2013 г. Режим доступа: <http://wek.ru> (дата обращения: 30.09.2014).

Информация об авторе:

Горелкин Антон Вадимович – начальник главного управления по работе со СМИ Администрации Кемеровской области, anton.gorelkin@gmail.com

Anton V. Gorelkin – Head of the Kemerovo Region Administration Principal Division for Work with Mass Media.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2014 г.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ АРМИИ В СТРАНАХ АРАБСКОГО МИРА

В. В. Желтов, М. В. Желтов

ON THE EVOLUTION OF THE POLITICAL ROLE OF THE ARMY IN THE ARAB WORLD

V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

В статье освещаются основные изменения политической роли армий в странах арабского мира, что сыграло существенную роль в демократических преобразованиях в мусульманских странах, которые вошли в политический словарь современности под названием «арабская весна». Раскрывается содержание понятия «новый профессионализм» военных в арабских странах.

The paper highlights the major changes in the political role of the Arab world armies, which played an important role in Muslim countries' democratic reforms known in today's political vocabulary as the "Arab Spring". The concept of "new professionalism" of militaries in the Arab world is explored.

Ключевые слова: армия, милитаризм, авторитаризм, политика, изменения цивилизационные, «новый профессионализм» военных.

Keywords: army, militarism, authoritarianism, politics, civilization change, "new professionalism" of militaries.

«Народная армия», «демократическая армия», «мирная армия» и т. д. – эти и другие подобные формулы в последние годы нередко использовались для характеристики роли военных в арабских революциях, свершившихся в 2010 – 2011 гг., на Севере Африки и на Ближнем Востоке. Такая постановка вопроса, по мнению специалистов, стала своеобразным выражением новой политической мифологии, связанной с претензиями армий арабских стран на присущую им якобы «демократическую природу». И эта «демократическая природа» противопоставляется явно «недемократической» (иногда называют ее «аристократической», иногда – «преторианской» (преторианская армия – это армия, которая осуществляет политическую власть в обществе или прямо влияет на власть)) природе других сил безопасности (полиция, милиция, службы разведки, разного рода спецподразделения и т. д.).

Но так было не всегда. До недавнего времени авторитаризм большинства государств Северной Африки и Ближнего Востока по многим аспектам совмещался с политическим всемогуществом военных. Милитаризм как черта политического режима многих арабских стран являл собой современную версию восточного деспотизма (деспотизм – самодержавное правление одного человека. Греки называли "деспотом" "владыку" или "правителя" несвободного государства. Так же обычно называли византийского императора и христианских властелинов в провинциях турецкой империи. Аристотель положил начало западной традиции мышления, различая персидский "деспотизм" и греческую "тиранию". Тирания, по Аристотелю, – это узурпированная нестабильная власть, насаждаемая силой, в то время как деспотизм устойчив и стабилен. Он основан на согласии людей, которые зачастую не знают никакой иной формы правления, и, следовательно, по сути своей является легальным. Таким образом, деспотизм – явление сугубо восточное, поскольку свободные народы Греции долгое время такое правление терпеть бы не стали. В современном языке термин превратился просто в ругательное слово из политического жаргона, мало чем

отличающееся от таких слов, как "тирания", "диктатура" или "абсолютизм"). Авторкраты в военной форме и офицеры высшего звена армии на протяжении ряда десятилетий привычно наполняли залы заседаний единственной правящей партии. В арабских странах господствовала мысль, что милитаризм и авторитаризм – это две стороны одной медали [1, с. 73].

Было бы совершенно неверно в начале нынешнего столетия рассматривать политические режимы всех арабских стран как «государства-казармы», как их нередко характеризовали ранее. Такое представление в какой-то мере отвечало реалиям 1960 – 1970-х гг. Позднее же эти государства постепенно шли по пути существенных социально-политических преобразований, которые не могли не менять границу между гражданским обществом и обществом политическим. А это сопровождалось определенным снижением политической роли вооруженных сил.

Более того, в условиях информационного общества военные аппараты арабских государств вынуждены были, что называется считаться, с набирающей силу прогрессивной демилитаризацией арабских обществ. В итоге, как отмечает один из исследователей Министерства обороны Франции Флавиен Бурра, армейское руководство многих арабских стран строит свою деятельность в последние годы на основе переговоров с властями, избегая прямого участия армии в осуществлении политики [8, с. 15].

Милитаризм и авторитаризм: брак по расчету?

Арабские режимы долгое время воспринимались на Западе как милитаризированные политические системы – за исключением, может быть, Туниса – воплощавших собой на деле понятие «государство-казарма», которое с легкой руки американского политолога Г. Лассуэлла [5] получило название «Garrison State» (Garrison State – состояние, в котором военные вопросы доминируют экономической и политической жизни). Этим понятием выражается «подчинение совокупности социальной и экономической жизни императивам войны» [7].

Для понимания роли армии на Ближнем Востоке и на Севере Африки необходимо учитывать влияние на политику арабских государств их открытого конфликта с Израилем. Само существование еврейского государства и его политика рассматривались пропагандой многих арабских стран с позиций непринятия «сионистской совокупности» Израиля. И это служило для руководства арабских стран предлогом для наведения в них вполне определенного общественного порядка, далекого от основ демократии.

Кроме того, фактор существования Израиля использовался в арабских странах для проведения политики милитаризации почти всех ключевых секторов общества (экономика, образование, культура, пресса и т. д.). Такая политика способствовала распространению среди населения разных форм милитаризма, анализ которого был сделан политологом Элизабет Пикар:

«Военная культура – а точнее милитаризм – требует распространения в обществе символов, ценностей и речей, оправдывающих и придающих соответствующую оценку отношениям между армией и властью, опираясь на националистические аргументы или на формулы национальной идентичности. Милитаризованная культура захватывает как частную сферу, укрепляя патриархальные ценности, так и публичную сферу, в которой новые медиа ей уделяют достойное место. Речь идет о повышенной оценке физической силы, уважении «естественной» иерархии возраста и пола, героизации истории и политической жизни, повышении социального статуса офицеров, критике политического плюрализма под углом зрения необходимости обеспечения единения армии и нации» [10, с. 306 – 307].

В большинстве арабских стран, утверждение «современных» режимов, просуществовавших вплоть до 2010 – 2011 гг., происходило на основе захвата власти кастой военных. Так было в Сирии (1949), Египте (1952), Ираке (1958), Алжире (1965) или Ливии (1969).

Однако этот милитаризм не воспринимался как социальная аномалия, находящаяся в отрыве от глубинных потребностей и надежд населения арабских стран. Милитаризм в них нередко воспринимался как вектор модернизации и прогресса в силу значительного традиционного влияния этнических стереотипов (этнический стереотип – устойчивый, эмоционально насыщенный обобщенный образ этнической группы. Аккумулирует пристрастные представления об этносе) и даже трайбализма (трайбализм (англ. *tribalism*, от англ. *tribe* – «племя») – форма общественно-политической племенной обособленности, выражающаяся в формировании органов государственной власти на основе родоплеменных связей. Одно из проявлений межплеменной вражды. Практика трайбализма заключается в предоставлении привилегий выходцам из одной этнической группы при подборе и расстановке кадров в государственном аппарате и, соответственно, в ущерб остальным группам населения. Трайбализм приводит к усилению межплеменной вражды, нередко выливающейся в гражданские войны. Пример тому – гражданские войны в Руанде в 1994 году, в Сомали (война идет, начиная с 1988 г.) и Либерии (1989 – 1996 гг. и 1999 – 2003 гг.)).

Нужно сказать, что многие аналитики и политики на Западе способствовали утверждению девелопменталистских (девелопментализм – (от *англ.* development – развитие) – 1. Представление о развитии как о непрерывном прогрессивном движении ко все более совершенным формам. 2. Концепция модернизации, служащая обоснованием превращения традиционно слабо развитых стран в развитые капиталистические страны) мифов, представляющих военные режимы арабского мира как режимы, преданные народам и ведущие борьбу против «сил обскурантизма» традиций и сецессии. Это западное видение, скорее доброжелательное по отношению военной олигархии арабского мира, в сочетании с мифом «просвещенного деспота», основанном «на идее [о том], что вмешательство в политику военных, в какой бы то ни было форме, может содействовать экономическому развитию и/или политической модернизации этих стран. Способности в организации военных сил, моральные качества и патриотизм, распространенные в их среде, могли становиться козырями для национального и этатического строительства девелопменталистской школы» [7].

Вера в благотворную модернизаторскую роль армии в арабских обществах разделялась в послевоенные годы многими либеральными англо-саксонскими авторами и европейскими интеллектуалами, занимавшимися странами Третьего мира. С позиций нашего сегодняшнего знания указанная вера строилась на необъективном, если не сказать на *мифологическом*, основании.

Обращает на себя внимание тот факт, что в такого рода работах присутствовала двойственность в вопросах *военные режимы/гражданские режимы*. Так, теоретик авторитаризма Хуан Линц (Линц Хуан (1926 – 2013) – американской политолог, профессор политических наук в Йельском университете, автор классических трудов по теории тоталитарных и авторитарных политических режимов, различным формам перехода к демократии) утверждает: «первостепенная роль, выполняемая армией в поддержке этих режимов, происходит из факта, что многие офицеры в ней играют важную роль, даже если они не участвуют в управлении государством, что подтолкнуло некоторых авторов рассматривать их как военных диктаторов. И хотя некоторые из них родились именно как таковые и военные продолжают занимать видное место, было бы большой ошибкой не учитывать того, что они опирались на более комплексную политическую структуру, в которой гражданские лица, высшие чиновники в частности, эксперты и политики-выходцы из существующих партий перед государственным переворотом занимали влиятельные позиции» [9, с. 189].

Если следовать логике Х. Линца, то военное изменение современных арабских режимов нельзя оценивать без учета процесса «цивилизационных изменений», в осуществление которых они включаются. Репрессивный регистр, являющийся одной из основных пружин авторитаризма, не ограничивается полем действия только армии. Можно утверждать: если вопросы безопасности становятся главной ставкой в сохранении арабских режимов [6], то сама эта безопасность все более и более выходит за пределы «классической» военной сферы.

Почему арабские военные обречены «цивилизываться»?

«Арабская весна» вызвала к жизни новую романтическую мифологию, которая превращает военных, едва ли не в главных акторов демократических преобразований.

В Тунисе, например, генерал Рашид Аммар, начальник штаба сухопутных сил, который отказался расстреливать толпу в ходе событий зимы 2010 – 2011 гг., представлялся в западных СМИ как «тунисский де Голль» [4]. Надо полагать, что в таком подходе явно присутствует преувеличение, ибо не учитываются объяснения социоисторического типа. Речь в данном случае идет о том, что арабские режимы вынуждали адаптироваться к новой демократической риторике, которая сопровождает требования таких международных организаций, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Евросоюз и т. д. Оказывая поддержку развивающимся странам, международные организации, как правило, принуждают их цивилизовать свои институты, в том числе и армии.

Между тем, вооруженные силы арабского мира развивались, в том числе и по своей логике, связанной, к примеру, с определенной «нормализацией» своего статуса. Реальность такова, что армии в ряде арабских стран, по сути дела, являются аппаратом безопасности, находящимся в распоряжении власти и конкурирующим с другими силовыми структурами (полиция, частная милиция, наемники, президентские гвардии и т. д.). Это справедливо отмечает, например, Э. Пикар: «Интересы и деятельность вооруженных сил, – пишет она, – стали объединительной и легитимной частью дискурсивного, политического и экономического пейзажа в изменяющихся авторитарных режимах. Военный сектор участвует в институционализации этих режимов, внутри которых он становится одним из агентств власти» [10, с. 305].

Изменение позиции армии в политических системах большинства арабских стран происходят не сами по себе. Они коренятся в социальных, экономических и культурных процессах.

Упадок милитаризма как «институциональной культуры», основанной на апологии мужества и отваги, совпадает с подъемом профессионализма внутри вооруженных сил арабского мира. Офицеры, которые обрели легитимность в своих «военных подвигах» (арабо-израильская война, войны за независимость, региональные конфликты и т. д.), в последние два-три десятилетия постепенно были замещены техниками и инженерами, выпускниками местных и иностранных военных школ, профессиональная культура которых не так уж далека от культуры гражданских элит. На это, в частности, обращает внимание уже упомянутый нами Х. Линц. В своей работе «Тоталитарные и авторитарные режимы» он пишет:

«Новый тип подготовки в военных школах изменил интересы и профессиональные способности военных. Эта новая профессиональная подготовка, контакт с другими сообществами и взаимодействие с другими национальными элитами, в частности с экспертами и менеджерами, породили новый профессионализм, обращенный к внутренней безопасности и развитию» [9, с. 219].

Не удивительно, что представители «нового профессионализма» в руководстве армий, используя метафору Х. Линца, в ситуации политической неопределенности, как это было в Тунисе, Египте и Йемене в 2011 г., проявили способность отказаться от использования мер жесткого насилия в отношении населения. В условиях глубокого политического кризиса, охватившего многие страны арабского мира в 2011 г., командные круги армий этих и других государств стремились найти политические решения, несмотря на требования политического руководства этих стран использовать репрессии против манифестантов. В этом сказывался не столько их относительный «нейтралитет» по отношению к манифестантам и даже не столько как некое проявление естественного демократизма вооруженных сил (как это предполагает романтическое видение), сколько их профессионализм и прагматизм как порождение изменений эпохи и определенного разрыва с былым милитаризмом [1, с. 78 – 79].

«Новый профессионализм» арабских военных является, помимо сказанного, результатом того, что, чем дальше, тем больше армия утрачивает свою монополию на осуществление государственного насилия перед лицом разного рода гражданских и частных служб. Речь идет о том, что во многих странах, в том числе и в странах арабского мира, развивается процесс сегментации и фрагментации полей безопасности, согласно принципу *divide et impera* (Divide et impera (с лат. разделяй и властвуй) – принцип государственной власти, к которому часто прибегают правительства государств, состоящих из разнородных частей, и, согласно которому, лучший метод управления таким государством – разжигание и использование вражды между его частями. В более широком смысле – тактика (чаще скрытая) создания, усиления и использования противоречий, различий или разногласий между двумя или более сторонами для контроля над ними. Нередко используется более слабым меньшинством для управления большинством. Более того, получает развитие конкуренция разных структур безопасности в решении общей задачи поддержания общественного порядка.

Однако конкуренция между различными репрессивными структурами внутри совокупного аппарата безопасности государства не может в полной мере объяснить изменение позиции руководящего состава армии по отношению к политическим событиям в стране. Казалось бы, еще недавно, в 1970-е – 1980-е гг. в Тунисе армия не проявляла нерешительности, расстреливая толпу своих соотечественников, строго выполняя указания политического руководства страны.

Нужно, видимо, сказать и о том, что, армии арабских стран, будучи центральным институтом государства, не отождествляются полностью с действующей властью. А это открывает возможность для военных играть, в том числе и свою роль, в исключительных обстоятельствах. Это наглядно показывают события в 2011 г. в Тунисе и Египте, когда армия, хотя и не сразу, поддержала манифестантов. И этот момент вновь был подтвержден в том же Египте летом 2013 г., когда армия сыграла решающую роль в отстранении от власти президента М. Мурси.

Экономика страны и политическая позиция армии

Экономика является одним из главных факторов, который способствовал формированию «нового профессионализма» в армиях арабского мира. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что масштаб влияния этого фактора в разных странах проявляется различно. Пример тому – армии Туниса и Египта. Если тунисская армия является «бедными родственником» государства, египетская армия, наоборот, обладает немалой экономической мощностью, способной оказывать влияние на всю совокупность общества.

Поясним. Позиции армии Туниса со времен правления Х. Бургибы (Бургиба Хабиб (1903 – 2000) – политический деятель Туниса и первый президент Туниса (1957 – 1987), с 1975 г. – пожизненный президент) в экономическом плане отличала известная «скромность». Это проявлялось не только в том, что она была основана на призыве, но и в том, что армия находилась на обочине деловых кругов и сетей власти. Это во многом объясняет тот факт, что армия Туниса не была замешана в мафиозных деяниях режима. И в силу этого высшие офицеры прислушивались к требованиям народа и, особенно, к разоблачениям фактов коррупции, в которой страна просто погрязла. И не будучи экономическим актором, тунисская армия могла без особого сожаления пожертвовать президентством Бен Али (Бен Али Зин эль-Абедин (1936 г. рожд.) – тунисский государственный и военный деятель, президент Туниса в 1987 – 2011 гг. 14 января 2011 года был вынужден покинуть страну под давлением массовых народных протестов. Получил политическое убежище в Саудовской Аравии, где и проживает в настоящий момент. 13 июня 2012 г. заочно приговорён Военным трибуналом Туниса к пожизненному тюремному заключению по обвинению в убийстве демонстрантов во время разгона демонстраций начала 2011 года), ускорив его отъезд в Саудовскую Аравию.

Совсем иная ситуация характеризует положение армии в Египте. Ее экономическая мощь в этой стране такова, что она занимает ее промежуточное положение между президентским дворцом и манифестантами на площади Тахрир (Площадь Тахрир – «Площадь освобождения») – площадь в центре Каира, изначально называвшаяся Площадь Исмаилия. Переименована после революции в Египте 1952 г.). Египетская армия всегда играла важную экономическую роль. Так это было как в период правления Г. А. Насера (1952 – 1970) и в период правления А. Садата (1970 – 1981). В последующие годы, уже при правлении Х. Мубарака (1981 – 2011), египетская военная иерархия стала актором не олиберализма, породив тем самым «военно-коммерческие коалиции» [10, с. 305], по выражению Э. Пикар.

Согласно некоторым источникам, египетская армия обладает до 25 % ВВП и обеспечивает от 10 до 20 % национальной занятости. Она обладает предприятиями, клубами, отелями и значительной земельной собственностью. К этому представительному экономическому капиталу необходимо добавить многочисленные привилегии, которыми наделены высшие чины:

«Ее члены обладают правом на жилище, автомобили, клубы, профессиональную подготовку, отпуска,

недоступные большинству граждан. Это дорого обходится государству, точнее – не отражается на бюджете государства: армия как корпус функционирует на собственных источниках дохода, а высшее звено офицеров индивидуально обеспечивается в неизвестных, но значительных масштабах...» [3, с. 73 – 105].

В то же время в последние годы это экономическое могущество высшей военной иерархии все более и более подвергалось угрозе, исходящей от новых кланов («новые фараоны»), окружавших младшего сына Х. Мубарака Гамала, чей возможный приход к власти как наследника отца мог бы нанести ущерб некоторым офицерам высшего звена армии. И потому аналитики выдвинули гипотезу о том, что египетская армия действовала, исходя из «экономического национализма»: принося в жертву Х. Мубарака, она настойчиво стремилась приходу к власти «политико-аферистской коалиции», сформировавшейся вокруг Г. Мубарака [2].

Наконец, еще один из факторов формирования «нового профессионализма» арабских армий – это их «интернационализация». В этом случае показательным является пример армий Туниса и Египта, которые, как известно, довольно регулярно принимали участие в операциях по поддержанию мира в странах, в которых имели место вооруженные конфликты: Конго, Ангола, Руанда, Босния, Косово и т. д. Это имело очевидные последствия для менталитета и практической деятельности военных подразделений. Сказывалось при этом влияние не только прямых контактов офицерского состава арабских армий с местным населением стран вооруженного конфликта, но и влияние их (офицеров-арабов) контактов с представителями военных штабов западных стран (Франция, США, Великобритания, Италия и др.). По мнению политолога Брахим Сайди, интернационализация некоторых арабских армий (Тунис, Египет, Марокко и т. д.) является фактором возникновения внутри военного института демократической культуры, порывающей частично с воинственным милитаризмом предшествующих десятилетий. «Международные институты безопасности, – утверждает Б. Сайди, – способствуют через операции по поддержанию мира росту профессионализма, одной из существенных черт демократического режима в рамках гражданско-военных отношений. Международная кооперация улучшает отношения между гражданскими и военными и гибкость вооруженных сил» [11, с. 591].

Интернационализация арабских армий неотделима, в случае Египта и Туниса, от тесных отношений с Пентагоном, изменение позиции которого по вопросу будущего Ближнего Востока оказала серьезное влияние на развитие протестных движения и на позицию военных.

Феномен «нового профессионализма» (иногда говорят о некой новой «цивилизованности») военных, позволяет взвешенно оценивать «прагматизм» высшего руководства армий стран, вовлеченных в арабские революции, и с некоторой осторожностью относиться к идее «демократической природы» военных в арабских странах.

Литература

1. Ayari M. B., Geisser V. Renaissance arabes. 7 questions clés sur des révolutions en marche P., 2011.
2. Belkaïd A., Lehmici H. Égypte, la toute puissance de l'armée/Slate-Afrique. 12 février. 2011. Режим доступа: <http://www.slateafrique.com/407/Égypte-armee-pouvoir-economie-politique>
3. Droz-Vincent Ph. Armée et pouvoir politique en Egypte: la dimension économique du pouvoir de l'armée // Chartouni-Dubary M. (sous la dir.) Armée et nation en Egypte: pouvoir civil, pouvoir militaire. P., 2001.
4. Cf. Geisser V., Krefa A. L'uniforme ne fait plus le régime Les militaires arabes face aux révolutions // Revue internationale stratégique. 2011. № 83.
5. Cf. Lasswell H. Essays on the Garrison State. New Brunswick, 1997.
6. Cf. Marzouki M., Geisser V. Dictateurs en sursis La revanche des peuples. P., 2011.
7. Joanna J. Le pouvoir des militaires, entre pluralisme et démocratie / communication au congrès de l'Association française de science politique. Montpellier 7 septembre 2006. Режим доступа: <http://www.afsp.msh-paris.fr/activite/206/collinz06/txtlinz/journal1.pdf>
8. Les champs de Mars / Revue de l'Institut de recherche stratégique de l'École militaire. P., 2012. № 23.
9. Linz J.J. Régimes totalitaires et autoritaires. P., 2006.
10. Picard E. Armée et sécurité au cœur de l'autoritarisme // Dabène O., Geisser V., Massardier G. (sous la dir.). Autoritarisme démocratique et démocraties autoritaires au XXI siècle. Convergences Nord/Sud. P., 2008.
11. Saïdy B. Relation civilo-militaires au Maroc: le facteur international revisité // Politique étrangère. № 3. 2007.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru.

Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor, Decan of the Faculty of Political Science and Sociology.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Sociology, Professor at the Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2014 г.

УДК 801.73

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПОВЕРХНОСТЬ: ПОИСК НОВЫХ СОЧЕТАНИЙ

С. М. Захаров

POLITICAL TEXT AND SURFACE: IN SEARCH OF NEW COMBINATIONS

S. M. Zakharov

Политический процесс может быть рассмотрен в контексте политического письма, представляющего собой создание политического текста. Объем и содержание политического письма во многом характеризуют и сам политический режим.

Взаимодействие официальной и неофициальной компоненты в политическом тексте подвержено постоянной динамике, равно как и развитие новых форм политического письма.

The political process can be considered in the context of political writing, which is the creation of a political text. The scope and content of political writing is characterized to a large extent by the political regime itself.

The cooperation between formal and informal components of the political text is subject to a constant dynamics, as well as the development of new forms of political writing.

Ключевые слова: власть, политический текст, пространство, поверхность, протест.

Keywords: power, political text, space, surface, protest.

Политический процесс может представляться не только в формате реальной политики, где между собой взаимодействуют политические акторы. Данное взаимодействие, выражающееся традиционных формах официальной и публичной политики, может представляться и в целом ряде других метафор. Об одной из них речь пойдет в нашей статье.

Политический процесс может еще рассматриваться и в контексте создания политических текстов,

и их прочтением аудиторией. Политический текст создаётся субъектами, представляющими как неофициальную, так и официальную политику. Безусловно, официальный политический текст, создающийся субъектом власти (скажем, проектирующийся региональный или федеральный закон), вряд ли претендует на прочтение в качестве протестного. Нас больше интересует неофициальный политический текст, создающийся вопреки власти. И если автором офи-

циальных текстов выступает сама власть, то авторство неофициальных текстов принадлежит оппозиционным акторам – сопротивлению.

Необходимо понимать, что существует устойчивая связь между политическим режимом и культурой. Чем жёстче политический режим, тем больше он стремится объективировать себя через официальную культуру. Протестная культура вынуждена выживать самостоятельно, посредством поиска соответствующих поверхностей для протестного письма. Наоборот, демократические политические режимы не так уж и сильно ограничивают субъекта в своём творчестве, что нивелирует зазор между официальной и неофициальной культурой.

Отсутствие реальной политической конкуренции приводит к увеличению объектов протестного письма. Необходимо отметить, что протестные тексты нельзя понимать исключительно узко. Это не только хулиганские надписи. Протестный текст – огромный культурный массив, вмещающий в себя неофициальное творчество как таковое.

В частности, советский политический режим обладал монополией на политический текст, представляющемуся в публичном пространстве. При этом «писать политические надписи в то время почти никому не приходило в голову» [7, с. 50].

В условиях более открытых политических систем городское пространство гораздо сильнее насыщается политическим письмом. Активная политическая жизнь создает массу предпосылок для возникновения ситуаций самого письма. Распространение политического письма достаточно ситуативно и определяется социально-политической конъюнктурой территории. Подтверждением этому служат всплеск протестного письма националистического содержания в Москве после событий на Манежной площади и рынке «Садовод».

Следует отметить, что «актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо» [9, с. 111]. При этом в современных трансформационных процессах активно используются технологии ненасильственного сопротивления, в рамках которых Д. Шарп предлагает достаточно активно работать с текстом/символами. Так среди разработанных им методов можно выделить: надписи в воздухе (самолетами) и на земле (вспашка почвы, посадка растений, камни), ношение символов, рисование в знак протеста, установка новых уличных знаков и указателей [10, с. 76 – 77].

Взаимоотношение поверхности и текста не всегда органично. Поверхность, принадлежа определенному культурно-историческому пространству, может отторгнуть неприемлемый текст. Примером тому выступает проект «Город, свободный от свастики» (Липецкая область, г. Елец), в рамках которого предусматривается уничтожение свастики, ссылок на националистические сайты и прочих актов графического вандализма, призывающего к межнациональной и межрасовой вражде, и их замена изображениями патриотической тематики [3].

Существование текста определяется самим пространством, которое заполняется им неравномерно. Каждое сообщение имеет свою аудиторию и вписывается в специфический контекст места. Здесь, нужно признать, что для автора протестного сообщения принципиально само высказывание, сам факт письма.

В самом явлении протестного политического текста есть свои закономерности. Так, протестный текст претендует как на всё пространство, так и на его части. Поэтому, протестный текст может претендовать и на важные для власти пространства, обладающие сакральным, энергетическим потенциалом.

Возрастание объёмов протестного письма ставит под сомнение легитимность власти. Возникают вопросы относительно её способности эффективно управлять территорией и слышать оппозицию.

Практически во всех городах активность протестного письма нарастает от центра к периферии. Это вполне объяснимо, потому как очевидно стремление субъекта протеста осуществить своё творчество при минимуме принуждения. Это накладывает свои ограничения и на формат и размеры текста, которые приобретают зависимость от «времени, степени удаленности от оживленных, контролируемых полицией мест» [7, с. 51]. Учитывая это обстоятельство, протестный текст, наносимый в городском центре отличается лаконичностью, наносится при помощи трафаретов, трансформируется в символы, презентуется в виде стикеров.

Практически все окружающее человека пространство пригодно для письма, при этом поверхности обладают различной степенью правовой защищенности. В этой связи в качестве поверхностей для письма следует рассматривать: небо, ландшафт населенного пункта, землю.

Использование «небесного письма» (skywriting) как одной из разновидностей воздушной рекламы наряду с транспарантами в небе, рекламными дирижаблями и воздушными шарами во многих государствах определяется законодательством в вопросе полетов на низкой высоте, над городскими кварталами, рядом с крупными городами.

Власть, сталкиваясь с проблемой письма на городских поверхностях, стремится ограничить/избавиться от него по бытовым (нарушение правил благоустройства) и политическим мотивам посредством законодательных механизмов. Попытки введения ответственности нанесение надписей и граффити встречаются как в зарубежных, так и российских юридических практиках, о чем свидетельствует внесение законопроекта в Государственную Думу РФ, а также обсуждение в Европейском парламенте вопроса о необходимости принятия специального закона, оговаривающего наказание за нанесение портящих имущество уличных «произведений» [1].

В рамках действующего законодательства в России нанесение графических изображений определяется Кодексом РФ об административных правонарушениях: ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», а также Уголовным кодексом РФ – ст. 214 УК

РФ «Вандализм» [2]. В рамках законодательства субъектов РФ наметилась тенденция, устанавливающая административную ответственность за подобные действия.

На данный момент наиболее незащищенной в юридическом отношении поверхностью является асфальт и другие покрытия, ответственность за размещение текста на которых связана с правом собственности на данный участок. В этом отношении представители власти высказываются о необходимости внесения поправок в федеральный и региональный закон, обосновывающий правоприменение штрафных санкций.

Отсутствие сформировавшейся правовой базы оставляют открытым вопрос о судебной перспективе в российской юридической практике. При этом наметившаяся тенденция ужесточения ответственности за нанесение графических изображений вызывает опасение, «что все уличные граффити с политической окраской будут подпадать не под «хулиганство», как это было раньше, а под статью об экстремизме, чреватую гораздо более серьезными последствиями» [1].

Сам факт письма на поверхности, контролируемой властью, придает политический характер как самому сообщению, так и намерению автора. Однако подобные формы могут быть неприемлемы для некоторых акторов, выражающих желание и потребность, в том числе и протестном письме. Эта проблема может решаться за счет специальных поверхностей, привносимых в уже существующее публичное пространство, на которых любой желающий может оставить свой комментарий.

Публичное пространство в рамках самоидентификации (улица, площадь, название, память места и т. д.) изначально выступает носителем некоего текста. Появляющееся на его поверхностях новое письмо/символы создают предпосылки для дискурса. Это взаимодействие позволяет говорить о наполнении пространства текстом.

Согласно исследованиям и статистическим данным, наиболее активными авторами письма на городские поверхности, выступают лица, не достигшие 25-летнего возраста. В настоящий момент эти практики реализуются представителями нацболов, антифа, бывшими АКМовцами и движением «Оборона» [1].

Следует учитывать, что более сложные, концептуальные идеи требуют высокой интеллектуальной подготовки, что позволяет расширить возрастной и образовательный диапазон акторов, использующих в своих практиках письмо на публичных поверхностях. В качестве примера можно привести акции: «*** в ПЛЕНу в ФСБ» арт-группы «Война», в рамках которой активисты нарисовали гигантский фаллос на Литейном мосту, при разведении которого рисунок поднялся перед Большим домом в Санкт-Петербурге; «Заставь чиновника работать» портала URA.ru, когда на дорогах Екатеринбурга появились карикатуры руководителей города и области (А. Якоба, Е. Порунова и Е. Куйвашева), а ямы и дорожные неровности оказались частью рисунков. Заметим, что представленные акции были отмечены

наградами. Первая – премией «Инновация» в номинации «Произведение визуального искусства» Министерства культуры РФ, вторая – получила четыре награды от жюри международного фестиваля рекламы «Каннские львы».

Протестное творчество некоторых оппозиционных акторов может связываться использованием одного и того же символа, который становится тиражным. Это происходило с гномом («Революция гномов») – символом польской группы, а затем хэппенингового движения «Оранжевая альтернатива», когда его, по словам М. Радзивона, «рисовали не только члены этой групп, а и совсем другие люди» [4]. Гномы, появившиеся на пятнах краски, которой милиционеры закрашивали антикоммунистические надписи, что позволило создателям «Оранжевой альтернативы» вывести шуточную теорию, согласно которой первоначальная надпись на стене символизировала некий тезис, закрашивание надписи – анти-тезис, а гном на пятне краски – синтез [6].

Склонность к письму (тиражированию) может использоваться определенными силами в своих интересах. Это хорошо прослеживается на примере проекта националистической направленности «Большая игра «Сломай систему», в рамках которой, учитывая высокую восприимчивость националистической риторики в молодежной и подростковой среде, дополненную игровыми компонентами, а иногда и денежными выплатами городское пространство покрывается надписями: «осторожно – звери», «тут торгуют звери», «www.russigga.org». Заметим, что подобная активность является заданиями начального уровня, последних – причинение реального вреда.

По замечанию А. Филиппова пространство города несет символическую нагрузку и может быть пространством репрезентации. «Пространство это не есть раз и навсегда заданное узким смыслом место. Это то, что может получить свое значение от какого-то действия в данный момент. И сохранится это значение или это значение будет присваиваться по совершении действия и исчезать вместе с ним. И снова такого рода пространство оказывается одним из величайших эволюционных ресурсов, следовательно, и демонстрация борьбы, доступ к нему и свобода его использования свобода присвоения символического значения именно этому пространству оказывается один из самых заметных проявлений коллективной политической воли [5].

Это позволяет говорить, что действия, проводимые акторами в пространстве или над его символической нагрузкой, способствуют трансформации пространства. В этой связи привносимый в публичное пространство предмет может способствовать текстуальным изменениям. Подобная попытка была реализована словенской группой художников «IRWIN» в ходе акции «Black Square on Red Square», когда на Красной площади было развернуто полотно с Черным квадратом К. Малевича.

В качестве средства презентации текста можно расценивать тело субъекта, которое может быть «формой поверхности протеста, равно как и средством письма» [9, с. 111]. В качестве примера можно привести акции: «ЭТИ-текст» движения Э.Т.И., ко-

гда телами участников на брусчатке было выложено слово «***» [11]; хэппенинг «Гномы» арт-группы «23:59» (г. Елец), когда на склоне парка 40-летия Октября было выложено слово «НАТЕ», имеющее текстуальные параллели с английским словом «hate» – ненависть и стихотворением «Нате» В. Маяковского [8, с. 154 – 155; 9, с. 111 – 112].

Таким образом, протестный политический текст оказывается довольно зависимым от доминирующего типа политического режима. Стратегии оппозиционных политических акторов, выступающих субъектами протестного письма, начинают связываться

поверхности с текущей политической конъюнктурой. В полной мере это будет и определять их выборы относительно тех или иных поверхностей, где будет нанесён протестный текст. Политический процесс, в данном смысле, можно представить как постоянный поиск оптимального сочетания текста и поверхности.

Совершенствование политических технологий, появление новых публичных пространств прямо влияет на появление новых форм политической коммуникации, на их постоянное развитие и совершенствование.

Литература

1. Богатых М. Граффити окажется вне закона? // Pravda.ru. 2011. 22 января. Режим допуска: <http://www.pravda.ru/politics/authority/parliament/22-01-2011/1064319-graffiti-0/> (дата обращения: 18.05.2014).
2. Граффити ответственность // Агентство Новостей Подмосковья. Режим допуска: http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/108/item91097/ (дата обращения: 18.05.2014).
3. Елец очистят от свастики // Весь Елец. 2012. 4 октября. Режим допуска: <http://allelets.ru/elec-ochistyat-ot-svastiki> (4.05.2014).
4. Культура протеста: лозунги / стенограмма I семинара // Уроки истории. 2012. 14 февраля. Режим допуска: <http://urokiistorii.ru/memory/conf/2971> (дата обращения: 22.04.2014).
5. Культура протеста: пространство / стенограмма II семинара // Уроки истории. 2012. 22 марта. Режим допуска: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3123> (дата обращения: 22.04.2014).
6. Оранжевая альтернатива. Режим допуска: ru.wikipedia.org/wiki/Оранжевая_альтернатива (дата обращения: 3.06.2014).
7. Руденко В. Н. Политическое граффити // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 50 – 55.
8. Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис, 2013. 204 с.
9. Скиперских А. В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 108 – 113.
10. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловская; 2-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.
11. Э.Т.И. – текст // Мастерская Анатолия Осмоловского. Режим допуска: http://osmopolis.ru/eti_text_hui/-pages/id_183 (дата обращения: 4.06.2014).

Информация об авторе:

Захаров Сергей Михайлович – ассистент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, zakharov1201@rambler.ru.

Sergey M. Zakharov – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2014 г.

**УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ РФ:
ВЫРАБОТКА ФУНКЦИОНАЛЬНО ЭФФЕКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЭЛИТ**

М. А. Казаков

**MANAGEMENT OF THE INNOVATION DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION:
DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL ELEMENTS OF PROFESSIONAL ELITES INSTRUMENT**

M. A. Kazakov

В статье показано, что в обстановке углубления национальной идентичности и замещения идеи политической модернизации крупными идеологическими и экономическими проектами государства, элиты страны получают характерные импульсы инновационных изменений. Их осуществление с целью прояснения контуров ландшафта завтрашнего дня ускоряет овладение субъектами политики новых форм социального взаимодействия, требует переоценки методов, механизмов, решений, употребляемых ими в различающихся фазах их производства, управления, образующих в инновационном процессе единое комплексное целое.

The paper shows that in an environment of deepening national identity and substituting the idea of political modernization with major ideological and economic projects of the state, elites gain characteristic impulses of innovative changes. Their implementation in order to clarify the contours of the landscape of tomorrow accelerates the subjects of politics' mastering new forms of social interaction, requires a re-evaluation of methods, tools, solutions, used by them at different stages of their production and, management, and forming a single integrated whole in the innovation process.

Ключевые слова: комплексный подход, институционализация, инновационный процесс, инструментарий, политическая элита, социальное партнерство, экспертиза.

Keywords: integrated approach, institutionalization, innovation process, tools, political elite, social partnership, expertise.

Процесс управления инновационным развитием в качестве обязательных включает такие задачи, как прогнозирование и проектирование, планирование и регулирование ресурсов, *решение* которых (как основная задача и базовая способность элит), находит концентрированное выражение в феномене руководства общественной жизнью. На вопрос: «как это делается?» – определенно отвечает профессиональный инструментарий элит, состояние и анализ развития которого составляет предмет статьи.

Благосостояние большинства граждан страны помимо их трудовой деятельности зависит от того, являются ли принимаемые элитой решения компетентными, и главное, выражают ли они их интересы или выгодны лишь руководящей иерархии. В таком ракурсе политические и иные элиты занимают ключевое место в политологическом дискурсе, подтверждающем свое значение новыми комбинациями ресурсов и возможностей управления. Их разбор требует различения средств (ресурсов) и технологий – **инструментария** (процедур, техник) как *сравнительно ограниченного набора выработанных в культуре и существующих вне зависимости от человека, предметных или идеальных (пред)конструкций для взаимодействия с обществом и его преобразования*. Где в исходном – выработка «определенных технологий решения задач» (А. Соловьев) [12, с. 415].

Научный интерес к роли элит и ее инструментам актуален и потому, что действия, предпринимаемые людьми, образующими костяк элитных групп, вполне наблюдаемы, подлежат *анализу и верификации*, т. е. закреплены в соглашениях, законах, правилах, знаниях. Но для того, чтобы эти составляющие стали ресурсом инновационной экономики и политики, они

должны быть представлены не в теоретической форме, а в инструментальном, «методико-технологическом» виде (*прим. автора*: Например, «инструментарием в прикладной социологии называют методические документы, с помощью которых осуществляется сбор первичной информации» [10, с. 21]). Смена «оптики» объясняет востребованность *комплексного подхода*. В отличие от системного в нем, могут объединяться функциональные элементы, занятые различными типами деятельности. Это рождает ряд проблем в *проявлении и воспроизводстве элит* как собственно политического субъекта, умеющего соотносить содержание своей деятельности с востребованной временем позицией, ценностями и уместными инструментами рефлексии и реализации.

Политические элиты и социальные инновации как явления, представленные реальными людьми, играющими определенные роли и выполняющими конкретные функции, имеют высокую, но разную степень *институционализации*. Ее проблемы, которыми реально занимается узкий круг ученых и ведомств, становятся, условно, первыми, на пути формирования нового инструментария элит в условиях глобализации как катализатора модернизационных процессов. В общем виде, институционализация определяет особый тип связей личности, общества и государства, что можно объединить во властных отношениях, каковые мыслятся на основе различных моделей в зависимости от места, которое политика занимает в обществе и по отношению к рядовым гражданам.

В этом смысле роль элиты как института проявляется в выработке и трансляции в общество определенных систем знаний и правил, в рамках которых проведение и управление инновациями осуществляет-

ся в соответствии с национальной культурой и сопряженного с ней институционального порядка. В «особенном» – все гораздо сложнее.

Структурирование политики, в большей степени опирается на внутреннюю организацию деятельности элит, имеющей в качестве пред-конструкции нормы и правила, образы и представления, паттерны и примеры взаимодействия из арсенала социального неравенства. Именно они определяют позицию элит к требуемым обществом изменениям, которые в силу опосредующей их *нецелостности* понимаются и отражаются в их поведении не одинаково, а соответственно имеющейся у субъектов культур(ы). Ее содержание обуславливает появление различий в оценках и практиках преобразований.

Изучение их исторических и современных примеров свидетельствует, что социальные преобразования, происходящие в обществе, зависят прежде всего от деятельности правящей группы, в другом случае – от активности одной из элитарных групп, наконец, в ряде других – от удачной или неудачной попытки представителей контрэлиты занять ключевые позиции в государстве, используя недовольство масс. Трансформация структуры политической элиты, изменение ее ценностных, культурных и идеологических приоритетов, развитие социальной циркуляции, механизмов отбора и участия новых членов задают не только контуры политического пространства, но и определяют характер проявления и функционирования общественных институтов.

Более того, в обстановке углубления (а где-то и кризиса) национальной идентичности, замещения идеи политической модернизации крупными идеологическими и экономическими проектами государства, элиты страны получают характерные импульсы инновационных изменений. Их осуществление с целью прояснения контуров ландшафта завтрашнего дня ускоряет овладение субъектами политики новых форм социального взаимодействия – партнерства, требует переоценки методов, механизмов, решений, употребляемых ими в различающихся фазах их производства, управления, образующих в инновационном процессе (ИП) единое комплексное целое.

Результаты авторских исследований в рамках уже не «нового институционализма» [5] и не модной транзитологии [6] подчеркивают продуктивность *тенденции синтеза* методов политической и социологической науки на базе дифференциации разного рода теорий, включая как никогда актуальных сейчас национальных интересов. Она пытается снять антагонизм субъектов и институтов, конфликтов и управления не по принципу «или-или», а на пути взаимодействия наук, дисциплин и ответственности их акторов за объяснение сложных явлений. Среди них социальное партнерство как таковое, но важнее в конкретике принципов, черт и акций, т. е. как государственно-частное партнерство (ГЧП) есть и объект исследования, и инструмент интеграции субъектов с различными целями в разных сферах общества.

В силу чего в поиске ответов на разрывы в теории и практиках подобных явлений наряду с утилитаристскими совершенствуются и методы, способные «вложить» в *цель деятельности* смысл, групповые ценно-

сти и приоритеты, отразив тем самым большее число человеческих свойств социального взаимодействия. Его динамика не укладывается ныне лишь в эволюцию институтов власти, и становится точкой отсчета для анализа более широкой группы факторов и эффектов, выявляемых как на базе рационально-позитивной, так и критической методологии. В ней важное место отводится институциональному строительству «государства развития» (партнера) и умеренно оптимистичному взгляду на будущее «общества модерна» при условии закрепления указанной ориентации элитой.

Социально-историческая миссия элит состоит в том, что только она, с точки зрения основателей их теории, способна организовать и упорядочить систему общественного взаимодействия. Творческая деятельность элиты выстраивает фундамент социальной интеграции, противопоставляет разрушительному произволу или апатии масс свою волю и рациональность. Уместно напомнить и то, что функциональная роль понятия «элиты» в социальных и политических науках заключается в том, чтобы ввести представление о движущих силах развития тогда, когда другие источники инновационного процесса (естественные и институциональные) оказываются в силу разных обстоятельств неопределенными. На смену иерархическому подходу в исследовании элит (О. Крыштановская) [9] приходит их понимание как социальных групп, «которые связаны с представлением самых актуальных, востребованных хозяйственных и публичных услуг, ... и оказывают преобладающее влияние на развитие России как интегрированной и при этом открытой, современной и конкурентоспособной нации» [1].

Но как только дискурс о них выходит за рамки коллективных ожиданий и переходит в разряд категорий, подлежащих операционализации и эмпирической проверке, встает ряд вопросов, лежащих как плоскости институционализации элит, проявлении их феномена, так и состава, функций, ресурсов, механизмов отбора и принятия решений, а значит, критериев признания обществом их деятельности. В первом их блоке ключевое значение имеют конкретные основы социального порядка [4]. Держится ли он на индивидуальных заслугах и достижениях, признаваемых автономными структурами социального действия, т. е. институтами (среди которых и партнерство как среда). Или, как в «русском» варианте, он задан характером власти в обществе и реализуется посредством государственного регулирования с заложенными в нем преимуществами.

Во втором блоке, с учетом того, что, и глобализация, и модернизация способны влиять на элиты, заставляя их (даже в целях самосохранения) следовать духу современных трендов, на первый план выходит отбор *комплексных решений* как предлагаемых, так и существующих в виде вызовов для политической элиты. Они в свою очередь осложнены тем, что есть острая необходимость в выработке *инновационного решения*. Оно требует сделать выбор при отсутствии очевидных альтернатив и представляет собой результат умственно-психологической и творческой деятельности, который приводит к выбору определенной

альтернативы действий относительно освоения новейших сфер деятельности, реализации неиспользованного потенциала, внедрения и задействования новых, нестандартных методик и техник, что содействуют развитию и повышению эффективности функционирования объектов, которые их употребляют.

Таким образом, ставится вопрос о возможности создания технологии (как схемы деятельности) позволяющей выработать инновационное решение в рамках преобладающего у политических элит институционального подхода при принятии решений. Она сразу требует замера способностей действующих элитных групп как ключевых акторов модернизации. В верхней планке их индексов – готовность выступать в роли модернизационных элит в режиме партнерства. И комплекс обеспечивающих ее умений, компетенций:

а) входить в существующие и строить новые профессиональные общности, субъективироваться в них и вырабатывать собственную позицию;

б) подходить к ней не с точки зрения функций монополиста или лоббиста, а посредством перевода разного рода межуровневых, межведомственных несоответствий в состояние сотрудничества;

в) выявлять опасности слабых мест не столько на практике, сколько в ходе проектной деятельности, моделирования и прогнозирования [14].

В любом варианте как качественные характеристики или как элементы новой технологии это условия успешного профессионального и инновационного развития элит, недостаток которых на практике следует из оценки результатов запуска и работы инновационных проектов, программ, механизмов [11], их ограничений, выделяющих *предваряющие процедуры* к выработке инновационного решения. После сопоставления имеющихся данных [13], приходится фиксировать и факт того, что, несмотря на наличие структуры институтов, возросшего «в разы» – целевого финансирования систем управления ИП разного уровня, числа «элит» общественных (якобы контролирующих) организаций, намеченные цели инновационного процесса в РФ не достигнуты.

В таблице [Цит. по 3, с. 11] сравниваются фактические значения индикаторов инновационного развития со значениями, прописанными в двух государственных программах-стратегиях. Цифры свидетельствуют, что намеченных рубежей достичь не удалось и, что по таким индикаторам, как индекс инновационной активности, удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж в промышленности, доля ВВП на исследования к 2020 г. требует удвоения утроения имеющихся значений.

Таблица

Сравнение фактических значений индикаторов инновационного развития со значениями, прописанными в двух государственных программах-стратегиях

Индикатор инновационного развития	2010 г.	Стратегия до 2015 г. **		Факт	Стратегия до 2020 г. *	
		инерц.	позитив.		2013 г.	2020 г.
		2012 г.				
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции, %	4,8	8,5	16,2	7,8	7,2	25,0
Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в их общем числе, %	9,3	14,4	17,0	10,3	9,6	25,0
Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП, %	1,3	1,70	2,2	1,12	1,5	3,0
Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране, в расчете на 10 тыс. населения)	2,0	1,96	4,7	3,1	2,1	2,8
Удельный вес используемых передовых производственных технологий, включающих объекты интеллектуальной собственности, в общем их числе, %	—	4,9	6,2	3,2	—	—
Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей. %	32,8	28,4	35,4	38,6	33,1	35,0

Источники: Федеральная служба государственной статистики РФ. – www.gks.ru;

*Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ № 2227-р от 08.01.2011 г.;

**Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1).

Предшествующая информация свидетельствует о том, что в стране достаточно механизмов для запуска и контроля инновационных процессов, имеются соответствующие структуры управления, опирающиеся на вполне устоявшиеся системы (стратегия, тактика, техника, финансирование). Решающих сдвигов, вопреки заверениям лидеров, за последние 5 – 7 лет не произошло. Созданный в 2009 г. инновационный центр «Сколково» пока только выходит на проектную мощность, другие институты развития тоже не презентовали возможности революционного прорыва к модернизации экономики. Если говорить о причинах в рамках существующей системы управления, то помимо понимания, что «все кризисные процессы имеют политические корни...» [2], необходимо указать на сложность задачи и поиска скоординированного по всем отраслям решения, а также *отсутствие эффективного инструмента разработки элементов инновационной стратегии и тактических управленческих решений в ее рамках.*

В этом контексте возникает вопрос не столько о критериях, индексах и параметрах действенности принятых стратегий, что не маловажно. Сколько о *недооснащенности* самого инструментария как некоего комплекса инструментов, обеспечивающих проработку исходных положений национальной стратегии инновационного развития, которая, в свою очередь, уже «рекомендует местным властям стимулировать развитие региональной инновационной инфраструктуры, в том числе и венчурных фондов». Поэтому из регионов и идут предложения, направленные на разрешение проблем развития инновационных структур не только местного, но и федерального уровня [15], что само по себе полезно и позволяет рассматривать эту коммуникацию в качестве эффективного *элемента достройки* требуемого инструментария.

С другой стороны, мотивация местных элит к инновациям будет тем выше, чем больше предлагаемые центром нововведения будут отвечать их неотложным нуждам. Пока же принятые стратегии реализуются в виде, ранее – создания, ныне преимущественного финансирования нескольких структур – Агентства стратегических инициатив, названного Сколково, Российская Венчурная компания, ее «дочек» и др., которые должны были стать локомотивами процесса и генерировать инновации. Стратегия развития этих единиц инновационной инфраструктуры РФ, в значительной степени, сопряжена с политическими элитами, чей инновационный потенциал, мягко говоря, не высок, что нивелирует те возможности, которые они представляют как внешние, деполитизированные структуры.

Технологическая неконкурентоспособность основной «массы» российских элит (сильных, по сути, за счет смелых решений национальных лидеров), будет приводить и далее к оторванному от стратегических задач государства инвестированию. Учет их позиций, а не риторики, обнажает очевидные границы для диффузии и развития инноваций, поскольку любой «член команды» ограничен существующими во власти процессами и регламентами. Вот почему, наряду с индивидуальными исследованиями этих аспектов необходимо всячески стимулировать коллектив-

ные (междисциплинарные, межвузовские, межрегиональные, международные) *экспертные проекты*, благодаря которым обеспечивается не только систематизация, но и прогресс знаний. Их производству, трансферу и внедрению со стороны ведущих университетов отводится ныне первостепенная роль в процессах переориентации экономического курса в условиях роста международной напряженности (санкций). Где инновации – путь к выживанию.

Отсутствие четкого инновационного инструмента как набора освоенных и используемых элитой схем, средств и механизмов деятельности, предопределяющих в целом сам способ их отношений с миром, который впоследствии становится источником инновационной политики, адекватного применения гуманитарных технологий [7] и т. д. – одна из основных причин низких темпов инновационного процесса РФ. Менеджмент структур данного типа пользуется, в частности, традиционным инструментарием экспертных оценок, методом Дельфи, данными опросов разных мнений, мониторинга органов статистики, но результат говорит, что этого недостаточно. Все эти методы по-своему ограничены, к примеру, технические и научные эксперты в состоянии разработать новое предложение/решение, но не способны объективно оценить процесс его реализации в параметрах трансформирующейся экономики и политической системы в целом.

Кроме того, даже при наличии нескольких консолидированных экспертных мнений и предложений уже на этапе подготовки решения начинают активно работать отраслевые, ведомственные и региональные интересы, отражающие, как правило, характер основных трендов, но в «свою пользу». Эти же интересы могут «сработать» и при отборе экспертов (для того же метода Дельфи), обеспечивая «нужный результат». Такие факторы не перекрывают эволюцию инновационных сегментов, но значительно снижают работу их механизмов, действующих в рамках определенных структур. По этой причине «личный состав» президентских и министерских комиссий и советов, комитетов в Госдуме и далее по «вертикали», действуя, в общем, на благо, так или иначе (с учетом степени зависимости) ориентируется на интересы органа власти, к которому он «приписан».

В регионах возникновение и действия института научной экспертизы (как центра обеспечения инновационной деятельности с дифференциацией по профилю и уровням) имеет свою предысторию, связанную с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности, каждая из которых, в принципе, может существовать автономно. Это:

- а) академические исследования;
- б) политическое планирование в рамках структур государственной и муниципальной власти.

Именно наложение этих двух различных, но потенциально взаимодополняющих сфер и дает эффект в виде феномена публичной экспертизы, в лице индивидуумов и групп экспертов, организационных структур и профессиональных ассоциаций, участвующих в инновационном процессе. Динамика этого участия, отражая изменения последних лет, сопряжена с огра-

ничением экспертного сообщества в качестве источника выработки инновационных стандартов. Изменить ситуацию в центре и на местах мог бы новый инструмент содействия выработки политических решений в сфере инноваций.

Каким он видится? Кроме указанных аспектов, он, во-первых, должен быть *надведомственным*, иначе неизбежно лоббирование групповых интересов. В связи с этим, выработка инновационных предложений, как для общей стратегии, так и отдельных направлений и даже по конкретным проблемам должна обеспечиваться не только законодательно прописанным участием представителей бизнеса, науки и производства в ГЧП, но и по сетевому принципу. Такое условие необходимо, поскольку вероятность появления принципиально новых идей в штатных комиссиях и комитетах сравнительно мала. Они чаще в состоянии *фильтровать* уже имеющиеся нововведения (причем и на параметры фильтров оказывает влияние борьба отмеченных интересов), чем продвигать отличные от несущественных изменений инновации. В свою очередь, *сетевая экспертная группа* это масштабный ресурс для развития всей структуры науки и технологий в России.

Другим важным элементом нового инструментария должна стать профессиональная *модерация*. Ее работа не должна подчиняться исполнительной власти, в отношении принципов это может быть Общественная Палата, но только в области технологических и других инноваций. Модерация должна контролировать развитие обсуждения, нацеливать его на достижение практического результата, гарантируя при этом паритет участников. Важно понимать, что основным оппонентом инновационного развития является административно-политическая часть элиты. С одной стороны, следуя из термина – административная машина

будет сопротивляться введению/выполнению дополнительных и нерегламентированных усилий инновационного развития, с другой – политически противостоять формированию модернизационной и инновационной элиты. Поэтому, ключевой задачей диалога, консолидированная позиция которого учитывается в решении проблем инновационного развития, является факт того, чтобы процесс обсуждения мог противостоять политическому (аппаратному) весу его участников.

Предположительно, что механизм в виде предварительной дискуссии, где акторы четко отобраны по ролям, участие каждого согласовано с вышестоящей инстанцией, ход дискуссии жестко модерируется согласно установленному плану, все участники имеют конкретный пул информации, а результатом форума всегда является конкретное решение – стал бы серьезным подспорьем инновационному развитию России. И управлению им со стороны элит, участие в котором позитивно меняет их профессиональное пространство.

Такой механизм, будучи площадкой разностороннего и публичного обсуждения, сможет обеспечить селекцию и аккумуляцию идей, выбор оптимально-поступательных вариантов движения, служить дополнительным элементом обратной связи в ходе их реализации. В этом случае и при благоприятствующей пока законодательной базе реально появление ярких отечественных концепций, учитывающих особенности новых форм управления на партнерских методах социального взаимодействия, публичных механизмов, оснащающих элиты государства и гражданского общества компетенциями к инновационному решению, развивающему возможности государственно-частного партнерства и их собственный инновационный потенциал.

Литература

1. Афанасьев М. Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009. 132 с.
2. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 14.09.2009. № 35(672). С. 27 – 33.
3. Водопетов С. В. Развитие инструментария политических элит для национального инновационного развития // Инновации и инвестиции. 2014. № 8.
4. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // ProetContra, 2007. Т. 11. № 3(37). С. 73 – 97.
5. Казаков М. А. Институционализация российских элит – актуальная тема современной истории и политологии // Война. Общество. Человек: сборник статей Международной научно-практической конференции «Война. Общество. Человек», 21 февраля 2014 г. Н. Новгород: НФ УРАО, 2014. С. 109 – 118.
6. Казаков М. А. Постсоветский транзит региональной элиты в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2005. 48 с.
7. Казаков М. А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия субъектности и гуманитарных технологий // Нижегородский журнал международных исследований. Осень-зима 2009. Н. Новгород, 2009. С. 11 – 18.
8. Казаков М. А., Савельева И. В. Институционализация региональных элит в процессе реализации национальных интересов современной России // Вестник Тамбовского университета. (Серия: Гуманитарные науки). Тамбов, 2014. Вып. 2 (130). С. 182 – 187.
9. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
10. Основы прикладной социологии / под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Academia, 1995.
11. Сборник «Индикаторы инновационной деятельности» 2014 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2014> (дата обращения: 29.04.2014).
12. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

13. Статистика инноваций в России // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf (дата обращения: 28.03.2014).
14. Тощенко Ж. Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // Социология власти. 2005. № 5. С. 29 – 30.
15. Трифонов В. А., Бубин М. Н. Венчурные фонды как действенный инструмент поддержки и развития реального сектора экономики (на примере Сибирского федерального округа) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1(57). Т. 1. С. 230 – 236.

Информация об авторе:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования ИМОИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, kazakov_mihail@list.ru.

Mikhail A. Kazakov – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 24.10.2014 г.

УДК [323.22 + 316..3/. 4]

ПОСТМОЛОДЁЖЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ПРОБЛЕМА РЕЛЯТИВНОСТИ

С. Н. Чурун

POST YOUTH AS A SOCIAL AND POLITICAL PHENOMENON: THE PROBLEM OF RELATIVITY

S. N. Chirun

Статья посвящена статусно-возрастным аспектам молодёжной политики, актуализирующимся в ситуации постмодерна. В статье рассматриваются методологические подходы ювенологии, актуальные концепции молодёжи и молодёжной политики, в том числе «концептуального отрицания молодёжи», проводится их сравнительный анализ.

Автор обращает внимание на изменение статуса молодёжи в обществе, связывая динамику изменений с глобальными социально-политическими процессами.

Комбинирование институционального анализа, сетевого подхода и теории «неформальной институционализации» позволило автору выявить как формальные, так и неформальные характеристики новой молодёжной политики.

В статье автор предлагает собственную концепцию постмолодёжи в качестве категории, отвечающей условиям ситуации постмодерна в политике.

The paper is devoted to the status- and age-related aspects of youth policy that become urgent in the postmodern situation. The paper discusses the methodological approaches of the sociology of youth, the current concepts of youth and youth policy, including the “conceptual denial of Youth”, their comparative analysis is provided.

The author draws attention to the change in the status of young people in society, linking the dynamics of changes in the global socio-political processes.

The combination of institutional analysis, network approach and the theory of informal institutionalization has enabled the author to identify both formal and informal characteristics of the new youth policy. The author offers his own concept of «post youth», as a category conforming, the postmodern situation in politics.

Ключевые слова: молодёжь, возраст, постмодерн, политическое участие.

Keywords: youth, age, postmodern, political participation.

Сущность молодежи в ее особенностях, обусловленных как спецификой возраста, так и конкретно-историческим характером общественных отношений. Особый интерес в контексте рассматриваемой проблемы к такой социальной группе как молодежь обуславливается, прежде всего тем, что именно от неё зависит будущее нашего общества. Фактически молодежь оказывается воплощением времени. Такое понимание молодежи можно интерпретировать с позиции реляционной концепции времени, согласно которой время понимается как смена качественных состояний изменяющегося объекта. При этом, связывая

время с молодежью, получается, что будущее государства, политической системы можно спрогнозировать, наблюдая то новое поколение, которое уже актуально существует в настоящем времени в молодежном сообществе.

Таким образом, специфика молодёжи в данном случае состоит в том, что в лице молодежи будущее существует в настоящем (что нетипично для многих объектов), а уж потом настоящее потенциально проецируется в будущее [17, с. 230].

В. А. Луков выделяет три основные модели теоретического осмысления категории «молодежь»: моло-

дежь как носитель психофизических свойств молодости; как субкультурный феномен; как участник ювенизационно – адаптационных процессов [9].

Молодежь имеет двойственную природу, т. е. не может рассматриваться лишь как явление биологического порядка. Конечно, молодость как определенная хронологическая фаза, этап биологического цикла универсальна, но границы молодёжного возраста, связанные с ней статусы и характеристики, зависят от конкретных особенностей политического режима, политической культуры и молодёжной политики.

В нашей стране одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским, который определял её как особое поколение: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [11].

Попытаемся проанализировать корректность данного определения молодёжи, предложенного в индустриальный период «развитого социализма», для молодёжи теперь уже в обществе постмодерна.

Итак, во-первых: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации...». Само по себе это не вызывает сомнения, однако если автор видит в этом особенность молодёжи, отличающую её от других социально-демографических групп, то здесь вопросы, конечно, возникают. Ведь разве другие социально-демографические группы не характеризуются тем же, т. е. прохождением определённой стадии социализации? Ведь особенность социализации в современном (постсовременном) обществе заключается в её перманентности на протяжении всей жизни человека и несводимости лишь к отдельным этапам этой жизни.

Во-вторых, из определения следует, что молодёжь – это те, кто усваивает необходимые им для жизни функции: образовательные, профессиональные, культурные и ещё не готовые, но готовятся к выполнению востребованных обществом социальных ролей. Здесь типичная для индустриального общества (модерна) картина, поскольку в модерне молодёжь не рассматривается в качестве полноправного действующего субъекта, но является ли такой подход приемлемым для постмодерна? Думаю, нет. Те, необходимые когда-то, знания, умения, навыки, компетенции, которыми обладает старшее поколение, утрачивают свою актуальность, причем в условиях постмодерна это происходит очень быстро. Как следствие – образование становится непрерывным [17, с. 91], продолжаясь в течение фактически всей трудовой карьеры, и здесь старшие поколения, вследствие своих психофизических особенностей, обусловленных возрастными характеристиками, проигрывают молодёжи. И. М. Ильинский и В. А. Луков, отмечая универсальные свойства молодёжи, писали, что социальный статус молодежи во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодежь – одновременно объект

и субъект социализации [18, с. 300 – 302]. Однако разве только молодёжь сегодня является одновременно и объектом и субъектом социализации? Разве не можем мы сказать, что объектом и субъектом социализации являются, к примеру, пожилые люди? Еще одно «классическое» определение молодёжи принадлежит И. С. Кону: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [10].

Исследователи продолжают рассматривать молодёжь как объективно сложившуюся социально-демографическую общность, характеризующуюся типичными условиями формирования, однородностью мировосприятия, единством доминирующих социально-психологических качеств, сходными методами решения поставленных историей задач, соответствующих конкретным историческим условиям. Молодёжь эпохи модерна внутренне расчленена по различным признакам (возрастному, социально-классовому, национальному, конфессиональному, политическому, социокультурному и др.), но характеризуется относительной устойчивостью, являясь продуктом естественно-исторического развития, поскольку члены одного поколения связаны между собой временем своего социального бытия. Поэтому И. С. Кон давал определение молодежи как социально-демографической группы, имеющей собственный социальный статус. Но он ограничивал основную специфику молодежи индивидуальными различиями, потребностью и способностью к интимной психологической близости, а также к продуктивной творческой деятельности [10, с. 7]. Таким образом, в определении молодежи (эпохи модерна) выделяются следующие характеристики: хронологическая интерпретация границ молодёжного возраста, особенности социального статуса, ролевые стереотипы поведения, характеристики социально-демографической группы, социально-психологические характеристики, процесс социализации в конкретный исторический период, самоидентификация и самоопределение молодежи как социальной группы. Иначе говоря, в постмодерне ситуация кардинально меняется, и уже не молодёжь, как это было в модерне, а старшие поколения испытывают дискриминацию по критерию хронологического возраста.

Отчасти это связано с тем, что постсовременное общество предъявляет совершенно противоположные по сравнению с советской системой требования к социальным качествам личности: ориентирует на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на собственные силы, инициативу, предприимчивость, ценность времени, на максимальные достижения в труде и личный успех [15, с. 97 – 110].

Хронологические показатели возраста не совершенны, поскольку не учитывают достаточно дифференцированной длительности подготовки различных социальных групп к трудовой деятельности (от 4 лет для некоторых групп рабочих, до 20 лет для ученого). Поэтому период социальной «молодости» у различных групп населения оказывается разным по продол-

жительности. В результате, по данным статистики, официальным документам, в типологиях исследований в одном поколении молодежи (до 30 лет) оказываются учащиеся, получающие специальность студенты, рабочие, служащие, а также и успешные молодые политики и предприниматели, имеющие уже достаточный уровень общественного признания, собственное дело, семью, занимающие высокие административные должности. Приведем несколько примеров. Б. Е. Немцов – в 30 лет избран народным депутатом РСФСР по Горьковскому национально-территориальному округу, а спустя год становится полномочным представителем Президента РФ в Нижегородской области и главой администрации Нижегородской области. Известный предприниматель и политик М. Д. Прохоров в 24 года становится начальником управления Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС), в 27 лет – он уже председатель правления акционерного коммерческого банка «Международная финансовая компания», через год председатель правления ОНЭКСИМ Банка, а к 35 годам он являлся президентом АКБ «РОСБАНК». Ко всему, он ещё и активный блогер [17, с. 34]. Н. Ю. Белых – в 23 года становится вице-президентом Пермской финансово-производственной группы, в 29 лет – вице-губернатором Пермской области, спустя год он избирается председателем партии «Союз правых сил», а в 33 года становится губернатором Кировской области. Д. Н. Патрушев (сын Н. П. Патрушева) в 23 года стал председателем правления Россельхозбанка, С. С. Иванов, сын вице-премьера Сергея Иванова, ещё до своего тридцатилетия успел поработать вице-президентом «Газпромбанка» и заместителем председателя правления Газпромбанка. Сын Валентины Матвеевко, С. Матвеевко, к 30 годам становится вице-президентом банка «Санкт-Петербург» [17, с. 41].

П. Ю. Губарев в 30 лет (род. 10.03.1983 г.) стал начальником мобилизационного управления министерства обороны Донецкой Народной Республики и «Народным» губернатором Донбасса.

Современные исследователи, в частности А. А. Зеленин, определяют молодёжь как «общественно-исторический и социокультурный феномен, представляющий большую биосоциальную возрастную группу, которая обладает определённой мерой субъектности и потенциалом развития, возможность реализации которых зависит как от конкретно-исторических условий общественного развития макроуровня социальной действительности, так и от типа общественного устройства отдельно взятого государства» [6].

Давая характеристику молодежи, нельзя не видеть, что это, как правило, динамичный субъект общественной жизни. Облик молодежи часто обусловлен особенностями как национального, так и международного политического процесса.

Сегодня внимание власти и общества к молодежи объективно обусловлено тем, что молодое поколение – это носитель инновационно-креативного потенциала, особых способностей к творчеству. С понятием «молодежь» в прямой зависимой связи находится понятие «будущее» любого общества. Но, к сожалению (особенно в период серьезных политических транс-

формаций), эта связь признается чаще всего лишь на уровне понятий и представлений, а не реальной практики и политики.

Понимание природы качественных характеристик молодежи непосредственно связано с субъективными противоречиями, которые являются источником ее развития. Молодёжь, будучи частью общества, включена во всё многообразие его связей и отношений. Вместе с тем ей присущи специфические общественные функции – биологически-воспроизводящая, трансляционная, инновационная.

Несколько упрощая проблему, можно утверждать, что молодёжь может внести в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств заложит в неё общество.

С экономической точки зрения специфика молодежи заключается в том, что в обществе модерна значительная её часть (учащиеся, студенты и т. д.) еще не включена в процесс производства и потому исключена из процесса распределения продуктов этого производства, и не обладает полной личной самостоятельностью в принятии решений.

Молодежь не является гомогенной системой, она часть общества и включена во всё многообразие связей процессов и отношений, и выполняет ряд присущих ей общественных функций, выступая одновременно и субъектом и объектом молодёжной политики. С этим связаны её определённые особенности, а осуществляя на практике свои функции, молодежь сталкивается с противоречиями, нередко переходящими в конфликты.

Во-первых, непосредственно с миром политики молодежь сталкивается уже будучи первично социализированной. Поэтому физический, интеллектуальный, эмоциональный потенциал молодежи зачастую приходит в столкновение с политической реальностью.

Во-вторых, социально активная деятельность нередко наталкивается на неприятие молодежи как группы, имеющей свои специфические интересы (противоречия деятельности и норм). При объяснении влияния этих конфликтов на молодую личность уместно использовать концепцию Р. Мертон, связывающую возникновение девиантных и ретристских форм поведения молодежи с невозможностью реализации приоритетных целей.

В-третьих, возникают несоответствия между социальным выбором и индивидуально-личностными предпочтениями (противоречие норм и интересов).

МП с позиций молодёжной субъектности носит двусторонний характер, с одной стороны – социализация, как форма принятия общественных отношений, а с другой стороны – ювентизация, как форма обновления общества, связанная с включенностью в его жизнь молодежи.

В настоящее время усложнение общественно-трудовой деятельности, в которой должен участвовать молодой человек, повлекло за собой удлинение необходимых сроков обучения. Новые генерации молодежи значительно позже, чем их ровесники в прошлом, начинают самостоятельную трудовую жизнь, дольше

учатся. Отсюда удлинение периода ролевого моратория (когда молодой человек «примеряет» различные взрослые роли, но еще не идентифицируется с ними окончательно) и изменение соответствующих социально-психологических стереотипов.

Поэтому некоторые исследователи утверждают, что одной из специфических особенностей молодежи в нашем индивидуализированном обществе являются неустойчивые ролевые и статусные позиции [18, с. 131 – 133].

В условиях постмодерна, где критерии социальной стратификации и классовой идентичности максимально размыты и неустойчивы, сама индивидуальная социальная мобильность начинает приобретать черты виртуальной галлюцинации, когда каждый волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно. Традиционное общество (премодерн) отрицает понятие молодёжи, поскольку в нём возможны лишь две социально-демографические категории – это дети и взрослые, ритуал же инициации чётко определяет границы и сакрализует факт перехода от детского состояния к взрослому, а модерн, признавая понятие «молодёжь», рассматривает его, тем не менее, как некое временное, промежуточное состояние, как «недостаток, который быстро проходит» (И. В. Гёте) или в другом варианте «Молодость – единственный недостаток, который проходит с годами» (Б. Шоу), но в постсовременном обществе молодёжь, как статус, универсализируется и теряет жёсткую привязку к хронологическому возрасту.

В модерне, а тем более в премодерне, ни сама молодёжь, ни молодежные движения, организации не могли быть самостоятельными без покровительства, или в каком-то смысле аналога во взрослых структурах. Поскольку для молодого человека модерна «...основной социальной функцией является подготовка к статусу взрослого члена общества» [18, с. 410]. Соответственно, в «модерне» государство являлось если не основным, то наиболее значимым институтом молодёжной политики.

При переходе от индустриального общества (модерна) к постмодерну МП выходит на международный уровень. Молодёжные движения и организации обретают субъектность в молодёжной политике. Здесь же происходит изменение вектора геронтологической сегрегации, создающее сложности ювенологам. Они утверждают, что молодёжь универсализирована в качестве объекта дискриминации по возрастному признаку [1, с. 75 – 81], и именно эту статусную неполноценность молодёжи призвана компенсировать молодёжная политика. Методологически выделение «ювенологии» в особую науку означает признание универсальности свойств молодежи, их независимости от общественного строя.

Так в «Основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации» [13], принятых Верховным Советом в 1993 г. в качестве приоритетных, разработчики закладывали определённые идеи. Первая в том, что независимо от личных обстоятельств, в том числе от уровня благосостояния семьи, молодой человек испытывает трудности соци-

ального становления. Недостатки его социального статуса надо компенсировать, поэтому объектом молодёжной политики выступают не отдельные группы молодежи, а вся молодёжь. Видимо такой подход и побуждал часть исследователей рассматривать молодёжную политику исключительно в границах политики социальной [7].

Вторая идея в том, что государство формирует условия и гарантии для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений в движение инициатив, причём молодёжь рассматривалась как потенциал будущего состояния общества.

Однако данный подход допустим для модерна, но в контексте реализации функций молодёжной политики в постсовременном обществе неэффективен. Причина этому в том, что в сегодняшних условиях постмодерна молодёжь не является гомогенной социально-дискриминируемой группой по возрастному критерию «молодёжности», а значит и молодёжная политика, в отличие от политики в отношении ветеранов, престарелых, инвалидов и т. д., не может являться политикой компенсации, восполнения того, чего якобы молодёжь лишена в силу её статусной «неполноценности». Некоторые исследователи считают, что более оправдан «широкий» подход, объединяющий под указанной социально-демографической группой всю совокупность молодых индивидуумов с момента рождения и до достижения ими определённого возраста (30 – 35 лет) [12].

Весьма релевантной теории постмодерна является концепция «префигуративной культуры» М. Мид, изложенная ей ещё в 60-е годы XX века. По мнению М. Мид, общество «префигуративной культуры» [22] сталкивается с ситуацией, когда старшие поколения начинают существенно уступать в своей эффективности поколениям младшим, вследствие чего традиционная пирамида геронтократической иерархии оказывается перевернутой, а формирование молодёжной политики сопровождается её же дезонтологизацией. Отсутствие в постсовременной культуре ответа на смыслообразующие вопросы проявляется в положительной динамике молодежных девиаций в формах преступности (новация), наркомании, алкоголизма, суицида (ретритизм). Молодой человек в постмодерне предстаёт уже не как «мостик», а как онтологически завершённая модель, как то, что не трансформируется во взрослого и тем более пожилого человека, а то, что вечно, всегда остается молодым человеком.

И здесь состояние молодости приобретает небывалую раньше ценность. Постепенно эта ценностная установка возраста и состояния фиксируется через культуру, через императивы общества потребления. Здесь и зарождается феномен МП постмодерна, поскольку в постмодерне молодой человек, в своём переходном состоянии не прошедший обязательной в премодерне и, отчасти, модерне инициации, но уже переставший быть ребенком в биологическом смысле, принимается в качестве эталона.

Подходы к решению большинства наставных проблем видятся многим ученым в развитии интеграль-

ной науки о молодёжи – ювенологии. В своей работе «Введение в ювентологию» Ф. Малер выделяет онтологическую проблематику и парадигмальные основы ювентологии (генезис молодости, структуры и динамики, «статуса-роли» [21].

Ювенологические концепции рассматривают молодёжь как группу, обладающую определенной степенью автономности и рядом сходных признаков в различных социально-политических системах. Это, во-первых, степень включенности в общественную жизнь, отличающаяся от старших поколений, во-вторых, перманентное стремление к новациям, к некоему «экстремизму», особенно активно проявляющемуся в периоды бифуркации в эпоху перемен, кризисов.

Интерпретируя ювенологов, можно сказать, что молодёжь – это своеобразный «мостик» от детства к зрелости [17, с. 98]. К этой идее и её трансформации в постмодерне мы ещё вернёмся.

В науке принято рассматривать молодёжный возраст как, по крайней мере, отчасти маргинальное состояние [1]. В модерне маргинальность обусловлена тем, что молодой человек находится в промежуточном состоянии между миром детства, из которого он уже вырос и взрослым миром, в который он переходит, но ещё не перешёл окончательно. Молодой человек оказывается на «ничейной земле», и всё его существо оказывается «разорвано» между этими мирами.

Спецификой же общества постмодерна является то, что в этом состоянии обе реальности находятся в симбиозе, а само состояние перехода здесь принимается за норму, т. е. становится «основным» состоянием. Значимой проблемой ювенологов остаётся и неопределённость базовых для них подходов и категорий, что, по мнению С. Н. Першуткина, может привести к путанице [17, с. 43]. Дело в том, что у ювенологов происходит путаница в определении понятия: одни говорят об ювенологии (И. М. Ильинский, Д. М. Давпетшишина, Е. Г. Слуцкий), другие об ювентологии (В. А. Луков, Ф. Малер, В. В. Павловский) [7; 8; 12; 21].

Между тем процессы, наблюдаемые в молодёжной среде, требуют принципиального переосмысления самой методологии молодёжных исследований. Мы наблюдаем отрыв «молодёжности» от границ хронологического возраста. Становится массовым феномен «пожилых юношей», проявляющийся в коммуникации, политическом участии, потреблении, супружеском поведении. Вещи становятся атрибуцией групповой принадлежности и дистанцирования от «чужих», к которым оказываются причисленными группы старшего поколения, причём стигматизация «чужих» происходит по критериям, отличным от традиционного (хронологического) возраста. Так, согласно П. Бурдьё, сходство социальных позиций индивидов выражается в сходстве их взглядов, сходством габитуса. Габитус (ментальные модели постижения мира), представленный в виде установок и ориентации субъектов, в качестве моделей восприятия и оценки, а также когнитивных структур, возникает в результате интернализации индивидом структур социальной реальности. Габитус отражает ту социаль-

ную позицию, в рамках которой он был сконструирован.

В свою очередь габитус продуцирует поддающиеся классификации и объективно дифференцированные образцы поведения и представления [3, с. 143]. Однако, их восприятие доступно только субъектам, обладающим кодом, этими самыми классификационными моделями, позволяющими понять значимость данного поведения и представлений.

В реальных взаимодействиях общность и различия социальных признаков субъектов выражены символически, социальная дифференциация функционирует как символическая дифференциация, например, иерархия статусных позиций в явной форме существует как иерархия стилей жизни. Это означает, что структура социального пространства латентна, а субъекты осознают свои социальные различия только в символической форме, т. е. индивид делает вывод о статусных различиях по различиям в поведении, манерах, одежде субъектов и т. д.

Традиционное общество ограничивало молодёжь как «недостаточно взрослых», но в условиях префигуративной реальности общество воспринимает взрослых как «немолодёжь». Это становится новой парадигмальной моделью взглядов. Наблюдается процесс юнивелизации всего социального пространства.

В постмодерне молодой человек – это в некотором смысле идеал, к которому нужно стремиться. Если в предшествующую эпоху молодёжь и подростки часто копировали имиджевые черты старших возрастных групп – отращивали усы, бороду и т. д., стремясь трансформировать свой молодёжный недостаточно престижный статус. В постмодерне всё наоборот, пластические операции, стволовые клетки, диеты, молодёжный «тусовочный» стиль – являются инструментами создания желаемого статусного образа, соответствующего молодёжному возрасту. Яркий пример – эстрадные «звёзды», как отечественного, так и мирового масштаба.

Проблематика возраста – это особенная тема постмодерна. Известно, что возраст не сводим к одному лишь его хронологическому выражению.

Многие исследователи пытаются интерпретировать представление о молодости, как готовности к перемене, и старости, как привязанности к устоявшимся формам жизни [17, с. 230].

Однако следует отметить, что возраст является объективным, но далеко не однозначным показателем, характеризующим индивида. Зачастую исследователи, говоря о возрасте, имеют в виду различные понятия. Так, хронологический или абсолютный возраст представляет собой период времени от рождения до рассматриваемого момента. С позиции хронологического подхода О. М. Карпенко и И. А. Ломанов делят молодёжь на четыре группы.

Подростки – 14 – 15 лет. Это, по их мнению, иждивенцы, для которых характерны диспропорции в физиологическом и психологическом развитии.

Юношество – 16 – 19 лет, у них активизируется процесс политической социализации, расширяется

диапазон общественно-политических ролей и связанной с ними ответственности.

Средняя молодежь – 20 – 25 лет – взрослые в физиологическом отношении, они продолжают процесс политической социализации.

Старшая молодежь (молодые взрослые) – 26 – 30 (в отдельных случаях до 35 лет). В этом возрасте завершается процесс формирования политически зрелой личности [8].

Биологический возраст соответствует стадиям развития организма и определяется по таким характерным физическим признакам, как, например, половое созревание. Физиологически молодость, как процесс развития биологической системы, заканчивается в 19 – 20 лет у женщин и в 21 – 22 года у мужчин. Однако в других измерениях завершение молодости не совпадает с биологическим и заканчивается значительно позже.

В повседневности, говоря о возрасте, часто имеют в виду совершенно различные характеристики и проявления: это и состояние человека как биологической системы, и социальное измерение возраста, то есть совокупность его признанных обществом достижений, и психологическое, и другие измерения возраста. Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко признают «стилевой» подход к интерпретации молодёжи, в соответствии с которым молодёжь предстаёт весьма «размытым» явлением – «...молодыми считаются те, кто ведёт молодёжный образ жизни, но еще не входит, или уже вышел из молодёжного возраста. Современные отношения между открытой когда-то молодёжью и тем, что называется «постмодернити» даже нарушили многие категории, включая ассоциации между молодостью и возрастом, молодостью и новаторством» [18, с. 221]. Уже в модерне И. С. Коном отмечается всё возрастающая неопределённость границ молодёжного возраста: «Одни авторы зачисляют сюда (*в молодёжь – курсив автора*) людей от 14 до 25 лет, другие – от 17 до 25» [10]. Кон отмечает, что «... в целом грани перехода к зрелости в современном обществе размыты, неопределены». Теперь предположим, что постмодерн отличается от предшествующих эпох тотальным смещением и смешением возрастных позиций, то есть позиций хронологических, физиологических, психологических, политических и социальных. Возможно поэтому категория «поколение» всё настойчивее замещается в научных исследованиях понятиями «возрастной класс» или «когорты», последняя, согласно Л. Шовэль, «должна пониматься не как общественная организованная группа, а как конкретный общественный период времени: песчинка общественных песочных часов» [18, с. 212]. Постмодерн в этом смысле характеризуется не просто неконгруэнтностью, но подчас и антагонизмом биологических, хронологических, социально-психологических, кратологических возрастных позиций – статусов, что провоцирует перманентную внутриличностную напряжённость. Появляется всё больше «молодых» людей, которым за 40 и даже 60 лет, оказавшихся неспособными смириться с тем, что они уже не молоды. В постмодерне наблюдается и даже становится массо-

вым состояние возрастной неконгруэнтности, т. е. несовпадения в пределах личности, либо групп нескольких возрастных позиций. Такое явление, разумеется, имело место и ранее и в модерне, и даже в премодерне, однако только в постмодерне это явление становится глобальным. Состояние возрастной неконгруэнтности, т. е. когда по одним критериям человек является молодым, а по другим уже не является, мы предлагаем обозначать постмолодёжью, т. е. молодёжью постмодерна. Можно сказать, что в постмодерне молодёжь не просто исчезает, как утверждают авторы концептуального отрицания молодёжи М. Байзерман и Д. Мангусон [16, с. 61], но трансформируется в новую молодёжь (постмолодёжь). Мы имеем в виду статью американских учёных М. Байзермана и Д. Мангусона «Нужна ли нам по-прежнему молодёжь как социальная фаза?». Авторами статьи высказывается идея, что в обществе постмодерна вычленение молодёжи в качестве социально-демографической категории утрачивает актуальность. И они призывают «научиться смотреть поверх возраста на личность и человека». Комментируя данную концепцию, А. И. Ковалёва и В. А. Луков отмечают, что «В идее отрицания молодёжи ...меньше всего следовало бы искать намерение исследователей отойти от жизненных реалий». Напротив, по их мнению, те молодёжные концепции, которые утвердились в современной науке, «...не позволяют достаточно адекватно на теоретическом уровне представлять действительность быстро и радикально меняющуюся» [9].

Итак, в премодерне (традиционное общество) молодёжь не существовала ещё (взаимодействуют дети и взрослые), а в постмодерне – не существует уже в понимании характерном для модерна, а если существует, то совершенно в ином качестве, в качестве новой молодёжи (постмолодёжь), но уже как господствующего «возрастного класса» эпохи постмодерна. Предлагаемое нами понятие «постмолодёжь» связано с двумя категориями, это категория постмодерна, раскрываемая в работах, рассматриваемых нами в диссертации постмодернистов и категории «постполитика», которую используют для обозначения процесса и результата десокрализации традиционных структур в политике [18, с. 401 – 403].

Предлагаем рассмотреть некоторые принципиальные отличия молодёжи модерна от «постмолодёжи» как новой молодёжи, молодёжи – постмодерна.

Молодёжь – чётко определены возрастные границы (верхняя и нижняя) молодёжного (хронологического) возраста.

Постмолодёжь – отсутствует ясность, определённость в определении границ молодёжного возраста. Неопределённость границ возрастает и в процессе глобализации, поскольку в разных государствах существуют разные представления, нормы границ молодёжного (хронологического) возраста, но даже и в рамках одной национальной модели нет полной ясности в вопросе о границах молодёжного возраста, поскольку разные направления и проекты МП предполагают немного разные границы этого возраста.

Молодёжь – характеризуется статусной неполноценностью (готовится стать...).

Постмолодёжь – обладает статусным превосходством (боится утратить...).

Молодёжь – основное занятие, это обучение (ролям, овладение знаниями, умениями, навыками).

Постмолодёжь – пребывает в состоянии перманентной игры. Работа, семья, друзья, личная жизнь, учёба (обучение, переобучение, которое в постмодерне сопровождает человека на протяжении практически всей жизни) – воспринимаются как элементы игры.

Молодёжь – сравнительно гомогенна.

Постмолодёжь – чрезвычайно гетерогенна. Как отмечают Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко «...Сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие...» [4, с. 28].

Молодёжь – присутствует ограниченный ролевой мораторий: время выбора политических убеждений, сферы деятельности, супруга, профессии.

Постмолодёжь – происходит существенное продление сроков ролевого моратория, для многих людей он становится перманентным и продолжается на протяжении всей жизни.

Молодёжь – ограниченная маргинальность как состояние перехода от мира детства к взрослому миру.

Постмолодёжь – высокомаргинальна.

Молодёжь – возрастная конгруэнтность, где каждый возраст (психологический, физиологический, хронологический и др.) – это элемент единой системы и между ними не возникает противоречия.

«Смешон и ветреный старик, Смешон и юноша степенный» А. С. Пушкин.

Постмолодёжь – агрегация возрастных позиций, их неконгруэнтность, конфликт возрастов, когда... и на сноуборде хочется покататься, и проклятый радикулит замучил...

«...26 числа этого месяца мне исполняется 56 лет, а я все еще не стал взрослым...» Шоу Джордж Бернارد.

Отметим, что в постмодерне Б. Шоу не одинок, так 2 февраля 2008 г. 23-й президент Франции Н. Саркози в возрасте 56 лет женился на фотомодели и поп-звезде К. Бруни. Это была его третья женитьба и первый случай, когда глава Французской республики женился, будучи в должности президента.

В связи с этим кажется риторическим вопрос: почему Ленин (скончался в 53 года) в возрасте 50 лет уже был «дедушкой Лениным», а В. В. Путин в 60 лет – по-прежнему молодой, энергичный лидер?

Литература

1. Алешенок С. В. К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы к дискуссии / НИЦ при Ин-те молодежи. М., 1998.
2. Берлускони попутал свой возраст // Moscow-post. Режим доступа: http://www.moscow-post.ru/news/in_world/001290774121995
3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. Весна, 1993. Вып. 2. Социология политики.
4. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек. М.: Социологические исследования 2006. № 6.

Уместно также привести высказывание экс-премьер-министра Италии Сильвио Берлускони «...Я люблю быть среди молодых людей, мне нравится их слушать, нравится окружать себя молодежью» [14]. 74-летний Сильвио обвинялся в пользовании услугами несовершеннолетних путан и злоупотреблении служебным положением при освобождении одной из них из полицейского участка. Впрочем, сам Берлускони оценивает свой биологический возраст лишь в 36 лет [2].

Один из крупнейших отечественных специалистов в сфере молодёжной политики С. В. Алешенок замечает: «Сложившуюся во всех современных обществах «молодежную» фазу жизни, в рамках которой функционирует собственно молодёжь и развивает специфически молодёжный образ жизни, можно рассматривать и как своего рода резервацию. Однако рамки «молодежной» фазы жизни подвижны и зависят от конкретных общественных условий. Для отдельных социальных групп населения эти рамки могут сужаться, вплоть до полного исчезновения подобно тому, как это было на доиндустриальной фазе общественного развития» [1, с. 5].

Отсутствие молодёжи на ранней стадии развития человеческого общества отмечается и И. М. Ильинским [7, с. 121].

Переход от детского состояния к состоянию взрослому (в аспекте обретения социально-политического статуса) в премодерне является одноактным и продолжается в течение акта инициации, сопровождающегося, как правило, испытаниями, болью и заключающим в себе символизм духовного и социального рождения. Молодёжь впервые возникает в модерне, как период многоактной, растянутой инициации. В премодерне инициация была одноактной – отсюда и отсутствие массовой молодёжи в премодерне, исключение могли составлять отдельные элитарные группы: касты или сословия. «Постмолодёжь» же окончательно лишена инициации в отличие от «растянутой» инициации молодёжи модерна. Так же и политическая социализация в постмодерне, в отличие от премодерна, не может считаться завершённой в юности или зрелости, но продолжается на протяжении всей жизни человека.

Итак, молодёжь – это именно концепт общества эпохи модерна (индустриальное общество), в премодерне (традиционное общество) её время ещё не наступило (поэтому там и нет молодёжи – лишь дети и взрослые), а сейчас, в наступающем постмодерне – оно видимо уже заканчивается и молодёжь сменяется постмолодёжью.

5. Голофаст В. Б. Элементы социологической теории молодёжи // Человек и общество: социальные проблемы молодёжи / под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Д. А. Керманова; Ленингр. гос. ун-т. Учен. зап. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
6. Зеленин А. А. Механизмы реализации молодёжной политики Российской Федерации на региональном уровне: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2008.
7. Ильинский И. М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
8. Карпенко О. М., Ломанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. 560 с.
9. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
10. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
11. Лисовский В. Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодёжи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1968.
12. Павловский В. В. Ювенология: становление науки о молодежи. Красноярск, 1997. 136 с.
13. Постановление ВС РФ «Об основных направленных государственной молодёжной политики в Российской Федерации, № 5090-1 от 3 июня 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25.
14. Процесс по делу Сильвио Берлускони стартовал в Милане // Новости от Первого канала на 06.04.2011. Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/tv.news.1tv/201104/06180121.html>
15. Чирун С. Н. Молодежная политика: теория и практика взаимодействия: монография. Кемерово, 2008. 167 с.
16. Чирун С. Н. Проблемы экстремизма в молодёжной политике постсовременности: монография. Кемерово, 2010. 129 с.
17. Чирун С. Н. Политический активизм и субъектность молодёжи: российская молодёжь в процессе формирования институтов гражданского общества. Saarbrücken, Deutschland: DICTUS PUBLISHING, 2013. 277 с.
18. Чирун С. Н. Молодёжная политика в состоянии постмодерна: модели, механизмы, риски: монография. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 522 с.
19. Fouriuiet M. Generattions: volees, dorees, sacrificees? // Sciens Humaines. 2000. № 108. P. 19.
20. London Communique Towards the European Higher Education Area: responding to challenges in a globalised world, 18 May. 2007.
21. Mahler F. Introduzere in Juventologie. Bucurestj, 1983.
22. Mead M. Culture and Commitment. N.Y.: Natural History Press. Doubleday and Co Ins., 1970.

Информация об авторе:

Сергей Николаевич Чирун – кандидат социологических наук, доцент, академик Сибирской академии политических наук, действительный член РАПН, докторант КемГУ, Sergii-tschi@mail.ru.

Sergey N. Chirun – Candidate of Sociology, Associate Professor, member of the Russian Association of Political Scientists, doctoral student at Kemerovo State University.

(Научный консультант: Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru.

Research consultant – Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 14.07.2014 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА
СО СМЫСЛОВЫМИ АСПЕКТАМИ ОТНОШЕНИЯ К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ***О. А. Проконич***INTERRELATION BETWEEN THE TIME PERSPECTIVE OF UNIVERSITY STUDENTS' PERSONALITY
AND THE MEANING ASPECTS OF THEIR ATTITUDE TO EDUCATION***О. А. Prokonich*

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи характеристик временной перспективы личности студентов вуза со смысловыми аспектами отношения к процессу обучения. В качестве смысловых аспектов к процессу обучения были рассмотрены: вовлеченность в научную деятельность на факультете обучения; интерес к дисциплинам профессионального цикла по направлению обучения; представление о своей конкурентоспособности после окончания вуза; удовлетворенность образовательным процессом; обучение в вузе, как путь к интеллектуальной, творческой самореализации и пр. Представлены данные, свидетельствующие об обусловленности рассматриваемых смысловых аспектов отношения к процессу обучения характеристиками временной перспективы личности.

The paper presents the results of empiric research of interrelation between the time perspective of university students' personality and the meaning aspects of their attitude to education. The following meaning aspects were considered: involvement in research activities at the faculty; interest in the disciplines of the major professional cycle; understanding of their competitiveness after graduation; satisfaction with the educational process; university education as a path to intellectual, creative self-realization etc. The data testifying the dependence of the considered meaning aspects of the attitude to education on the features of the personality's time perspective are provided

Ключевые слова: временная перспектива личности, смысловые аспекты отношения к обучению, процесс обучения в вузе, актуальные смысловые состояния.

Keywords: personality's time perspective, meaning aspects of attitude to education, educational process at the university, current meaning state.

Продолжающиеся изменения в Российском образовании, его модернизация, характеризуются переходом к личностно-ориентированной образовательной парадигме, при которой развитие личности выходит на первый план. Подобные изменения обусловлены не только общей тенденцией к гуманизации образования, но и насущной потребностью к формированию таких личностных качеств у обучающихся, которые позволят им эффективно функционировать в быстро меняющихся условиях современной действительности [8; 12]. В данном контексте, для исследователей, приобретает особую актуальность такой психологический конструкт как *временная перспектива личности*, которая, по нашему мнению, не только обуславливает отношение ко многим сферам человеческого бытия, но и является индикатором благополучия внутренней жизни человека и успешности развития его личности.

Термин «временная перспектива» был введен в психологию Л. К. Франком, который указал на взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. По его мнению, временная перспектива культурно детерминирована. В процессе обучения и воспитания человек учится учитывать влияние временной перспективы на свою жизнь, опираясь при этом на принятые ценности того или иного

общества. По его мнению, у человека может быть несколько временных перспектив в различных сферах его жизнедеятельности [13].

Используя терминологию Л. К. Франка, К. Левин говорит о «временной перспективе», включающей в себя психологическое прошлое и психологическое будущее уровня реальности и различных уровней ирреального. По его мнению, психологическое прошлое и психологическое будущее – это синхронные части психологического поля, существующего в данный момент. Ученый считал, что онтогенетическое развитие временной перспективы происходит следующим образом: жизненное пространство новорожденных не включает временного измерения; в дошкольном возрасте происходит разведение различных аспектов психологического времени без дифференциации уровней реального и ирреального; в более зрелом возрасте происходит более глубокая дифференциация ближайших и отдаленных зон прошлого и будущего на всех уровнях реальности [5].

Ж. Нюттен рассматривал психологическое время в трех аспектах: временная перспектива в собственном значении этого слова; временная установка, то есть более или менее позитивная или негативная настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему; временная ориентация,

характеризующая поведение субъекта, рассматриваемая им как преимущественно доминирующая направленность этого поведения на объекты прошлого, настоящего или будущего. По мнению автора, временная перспектива образована объектами или событиями, существующими на репрезентационном (когнитивном) уровне поведенческого функционирования. Объекты когнитивной репрезентации не привязаны к настоящему моменту, в котором осуществляется этот акт репрезентации. Ж. Нюттен выделял такие характеристики временной перспективы как протяженность, глубина, насыщенность, степень структурированности и уровень реалистичности [7].

Ф. Зимбардо и коллеги выделяют два аспекта отношения к прошлому: негативное (оно видится неприятным и вызывающим отвращение); положительное (прошлые опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Также выделяются два аспекта отношения к настоящему: гедонистический – когда ценится наслаждение настоящим моментом, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступков; фаталистический – когда люди верят в судьбу и подчиняются ей, полагая изменения невозможными. В отношении будущего отмечается только один аспект – общая ориентация на будущее, которая характеризуется наличием целей и планов, а также поведением, направленным на их осуществление. Временная перспектива рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой – как относительно стабильный процесс, т. е. как черта личности. Чрезмерная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу и др. [10].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд фокусируют внимание на сбалансированной, гибкой временной перспективе, которая позволяет выбирать подходящую временную ориентацию для каждой конкретной ситуации. Такая временная ориентация является наиболее оптимальной для функционирования человека в обществе. По их мнению, профилем такой временной перспективы является следующий: высокий уровень временной перспективы «Позитивное прошлое»; умеренно высокий уровень временной перспективы «Будущее», умеренно высокий уровень временной перспективы «Гедонистическое настоящее»; низкий уровень временной перспективы «Негативное прошлое»; низкий уровень временной перспективы «Фаталистическое настоящее» [3].

На роль и место временной перспективы в смыслообразующих процессах указывает А. В. Серый. По его мнению, любое переживание осуществляется в настоящий момент времени, для адекватного восприятия чувства времени в момент «здесь и теперь» необходима синхронизация временных локусов смысла, которая и структурирует взаимоотношения между ними. Посредством синхронизации смысловых локусов происходит расширение границ субъективной реальности, т. е. интеграция личности в новые условия жизни. Именно процесс синхронизации времен-

ных локусов субъективной реальности индивида является необходимым условием переживания актуального смыслового состояния, а тип переживания этого состояния – важнейшим механизмом эффективной жизнедеятельности человека [9]. Таким образом, временная перспектива личности и смысловая сфера личности взаимообусловлены, а состояния этих двух сфер качественно характеризуют друг друга.

Временная перспектива образует фундамент, на котором основываются многие процессы, например, достижение, постановка целей, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, переживание вины и др. В ряде исследований было выявлено, что актуальное состояние временной перспективы личности обуславливает такие индивидуальные характеристики личности, как уровень притязаний, настроение, конструктивность, инициативность и др. [2; 6]. Также особенности переживания субъективного «прошлого», «настоящего» и «будущего» способствуют выраженности определенных личностных характеристик, таких как уровень субъективного контроля в различных областях жизнедеятельности, психологические аспекты самоотношения, самоактуализационные характеристики, личностные черты, ценностные аспекты самореализации личности [4]. В связи с вышесказанным, особую значимость приобретает изучение временной перспективы личности в контексте профессионального образования в вузе.

Период обучения в вузе является сензитивным для трансформации временной перспективы личности. Новый опыт и знания, получаемые в вузе, могут входить в противоречие с ранее полученными представлениями о действительности и уже устоявшимися ценностями, что влечет переосмысление субъективного прошлого. Именно в этот период человек получает знания, умения и навыки, которые будут определять его жизнедеятельность в будущем, а настоящее представляет целый спектр возможностей как для реализации своего творческого и интеллектуального потенциала, так и замещения ведущей – учебной деятельности досуговой [12]. При этом отношение студентов к процессу обучения может значительно варьироваться. На наш взгляд, в качестве факторов, обуславливающих отношение к обучению, могут выступать содержательные характеристики временной перспективы личности.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи характеристик временной перспективы личности со смысловыми аспектами отношения к процессу обучения в вузе. В качестве таких аспектов были рассмотрены:

- 1) вовлеченность в научную деятельность на факультете обучения;
- 2) интерес к дисциплинам профессионального цикла по направлению обучения;
- 3) представление о своей конкурентоспособности после окончания вуза;
- 4) пропуск занятий по неуважительной причине;
- 5) удовлетворенность образовательным процессом;

6) обучение в вузе, как путь к интеллектуальной и творческой самореализации;

7) ответственность к подготовке к занятиям.

Испытуемым было предложено оценить по семибальной шкале степень своего согласия-несогласия с утверждениями касаясь вышеперечисленных аспектов.

Для изучения временной перспективы личности были использованы:

– методика Ф. Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZTPI);

– модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [10];

– методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой, К. Р. Червинской [1];

– методика изучения смысловых ориентаций (СЖО), разработанная Д. А. Леонтьевым на базе опросника жизненных целей Дж. Крамбо и Л. Махолика и реконцептуализированная для диагностики актуальных смысловых состояний А. В. Серым [11].

В исследовании приняли участие 264 человека обоего пола в возрасте от 18 до 23 лет. Все испытуемые – студенты 1 – 4 курсов гуманитарных направлений бакалавриата Кемеровского государственного университета. Для выявления взаимосвязей между двумя переменными с учетом возможного влияния третьей переменной (в качестве данной переменной

был принят курс обучения, который, на наш взгляд, мог стать причиной согласованной изменчивости) был использован частный коэффициент корреляции Пирсона.

Полученные показатели отношения к процессу обучения у испытуемых обнаружили статистически значимые взаимосвязи с результатами по методике ZTPI (таблица 1). Так при увеличении показателей по шкалам «Позитивное прошлое» и «Гедонистическое настоящее» отмечаются более высокие оценки удовлетворенности образовательным процессом. Повышение показателя по шкале «Фаталистическое настоящее» соответствует снижению интереса к дисциплинам профессионального цикла по направлению обучения, а также представлению о своей конкурентоспособности после окончания вуза, как о сомнительной перспективе. При анализе значений по шкале «Будущее» был обнаружен ряд прямых корреляций с различными аспектами отношения к процессу обучения. Те испытуемые, которые демонстрируют более высокие показатели по данной шкале, в большей степени вовлечены в научную деятельность, проявляют больший интерес к изучаемым в вузе дисциплинам, позитивно оценивают свою конкурентоспособность после получения образования, в меньшей степени пропускают занятия по неуважительной причине и более ответственно подходят к их подготовке, а также характеризуются удовлетворенностью образовательным процессом.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между шкалами методики ZTPI и рассматриваемыми смысловыми аспектами отношения к процессу обучения в вузе

<i>Шкалы ZTPI</i>	<i>Смысловые аспекты отношения к процессу обучения в вузе</i>						
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Негативное прошлое	0,010	-0,094	-0,101	-0,007	-0,011	0,002	0,066
Позитивное прошлое	-0,028	0,054	0,123	,115	0,146*	0,060	0,037
Гедонистическое настоящее	-0,026	0,047	0,089	0,034	0,141*	0,084	0,024
Фаталистическое настоящее	-0,063	-0,157*	-0,160*	-0,020	-0,047	-0,117	-0,042
Будущее	0,144*	0,133*	0,136*	0,213**	0,160*	0,093	0,271**

Примечания: * – корреляция значима на уровне $p \leq 0.05$,

** – корреляция значима на уровне $p \leq 0.01$.

При рассмотрении взаимосвязей между выделенными аспектами отношения к обучению и шкалами СДВ также был выявлен ряд прямых корреляций (таблица 2). Испытуемые, которые оценивают свое настоящее как активное, плотное, стремительное и имеющее положительную эмоциональную окраску в большей мере интересуются изучаемыми дисциплинами, демонстрируют удовлетворенность образовательным процессом в целом, а также рассматривают обучение в вузе, как путь к интеллектуальной и творческой самореализации. Испытуемые, которые убеж-

дены в своей конкурентоспособности на рынке труда, в большей степени удовлетворены своим настоящим. Такие характеристики настоящего как длительность, объемность, глубина, структурированность и ритмичность сопряжены с позитивными представлениями о своей конкурентоспособности и видении в процессе обучения в вузе возможности для умственной и творческой самореализации. Студенты с более высоким показателем ощущения настоящего также видят в процессе обучения возможности для реализации своих способностей. Что касается параметров временной

перспективы прошлого, то здесь была обнаружена прямая корреляция с представлениями обучающихся о своей конкурентоспособности. Испытуемые с высокими показателями активности будущего склонны видеть себя конкурентоспособными специалистами на рынке труда и судя по всему напряженность, плотность и изменчивость будущего связана у них с профессиональной деятельностью. У студентов с высокими показателями оценки субъективного будущего

по фактору «Величина времени» наблюдается интерес к дисциплинам профессионального цикла, отношение к обучению в вузе как средству для самореализации в интеллектуальной сфере, такие студенты склонны видеть себя в будущем конкурентоспособными специалистами. Подобное представление о своем профессиональном потенциале имеют испытуемые, которые оценивали свое будущее как понятное, ритмичное и неделимое.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между шкалами методики СДВ и рассматриваемыми смысловыми аспектами отношения к процессу обучения в вузе

<i>Шкалы СДВ</i>	<i>Смысловые аспекты отношения к процессу обучения в вузе</i>						
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
<i>Настоящее</i>							
Активность	0,078	0,168*	0,030	0,001	0,166*	0,261**	0,046
Эмоциональная окраска	0,108	0,137*	0,161*	-0,038	0,137*	0,177**	0,008
Величина	0,070	0,047	0,141*	0,007	0,125	0,142*	0,068
Структура	0,072	0,049	0,137*	0,005	0,080	0,139*	0,068
Ощущаемость	-0,002	0,104	0,094	-0,018	0,151*	0,120	0,001
Средняя оценка	0,092	0,138*	0,157*	-0,014	0,177**	0,226**	0,050
<i>Прошлое</i>							
Активность	0,058	0,028	-0,102	-0,044	0,126	0,065	0,054
Эмоциональная окраска	0,049	0,009	0,075	-0,055	0,039	0,049	-0,120
Величина	0,064	-0,029	0,001	-0,100	-0,023	0,050	-0,124
Структура	0,004	-0,108	0,136*	-0,041	-0,065	-0,024	-0,028
Ощущаемость	0,097	0,042	0,114	0,100	0,098	0,060	0,105
Средняя оценка	0,075	-0,019	0,067	-0,045	0,045	0,055	-0,042
<i>Будущее</i>							
Активность	0,047	-0,001	0,138*	-0,006	0,108	0,104	-0,045
Эмоциональная окраска	-0,127	0,023	0,073	-0,006	0,002	0,106	0,000
Величина	-0,048	0,129*	0,153*	0,016	0,014	0,178**	0,037
Структура	-0,096	0,062	0,139*	-0,007	0,051	0,043	0,034
Ощущаемость	-0,010	0,065	0,006	0,046	-0,027	0,078	0,087
Средняя оценка	-0,074	0,084	0,146*	0,014	0,039	0,144*	0,039

Примечания: * – корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$,

** – корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$.

Полученные показатели по шкалам СЖО коррелируют с большей частью рассматриваемых аспектов отношения к обучению (таблица 3). Таким образом, наличие целей в будущем, эмоционально насыщенное и наполненное смыслом настоящее находящее опору в прошлом, которое представляется испытуемым продуктивным и осмысленным, подкрепляется уверенностью в возможности построить свою жизнь в соответствии со своими целями и ощущением контроля своей

жизненной линии. Все это воплощается в активном участии в жизни вуза, включенностью в образовательный процесс, который рассматривается как путь к достижению высокого уровня профессионализма и, следовательно, росту своего потенциала на рынке труда.

**Коэффициенты корреляции между шкалами методики СЖО
и рассматриваемыми смысловыми аспектами отношения к процессу обучения в вузе**

<i>Шкалы СЖО</i>	<i>Смысловые аспекты отношения к процессу обучения в вузе</i>						
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
ОЖ	0,130*	0,303**	0,198**	0,118	0,317**	0,282**	0,141*
Цели	0,105	0,310**	0,185**	0,173**	0,275**	0,269**	0,146*
Процесс	0,152*	0,190**	0,169**	0,036	0,267**	0,221**	0,066
Результат	0,148*	0,270**	0,199**	0,112	0,292**	0,261**	0,095
ЛКЯ	0,102	0,262**	0,207**	0,148*	0,317**	0,301**	0,201**
ЛКЖ	0,092	0,218**	0,189**	0,062	0,234**	0,206**	0,033

Примечания: * – корреляция значима на уровне $p \leq 0.05$,

** – корреляция значима на уровне $p \leq 0.01$.

Таблица 4

**Описательные статистики рассматриваемых смысловых аспектов отношения к обучению
для разных типов актуального смыслового состояния**

<i>Смысловые аспекты отношения к обучению</i>		<i>Типы АСС</i>							
		<i>1 (n = 73)</i>	<i>2 (n = 5)</i>	<i>3 (n = 24)</i>	<i>4 (n = 14)</i>	<i>5 (n = 16)</i>	<i>6 (n = 21)</i>	<i>7 (n = 29)</i>	<i>8 (n = 82)</i>
1	M	2,22	2,40	2,42	2,86	2,69	1,95	2,41	2,82
	SD	1,18	1,14	1,41	1,23	1,30	1,07	1,15	1,52
2*	M	4,48	4,00	4,25	4,79	4,63	5,24	5,03	5,32
	SD	1,36	1,00	1,45	1,42	,81	1,26	1,40	1,20
3	M	4,54	3,60	4,50	4,79	4,50	4,52	4,76	5,14
	SD	1,50	0,89	1,59	1,12	1,21	1,63	1,38	1,29
4*	M	4,62	2,60	5,13	4,36	5,00	6,00	5,10	5,04
	SD	1,98	1,67	1,68	1,45	1,90	1,76	2,02	1,87
5*	M	4,28	4,40	4,88	4,50	4,50	5,38	5,28	5,38
	SD	1,32	1,82	1,54	1,02	1,21	1,47	1,13	1,40
6*	M	4,48	4,20	4,75	5,21	4,94	5,43	5,14	5,39
	SD	1,51	0,84	1,36	0,97	1,12	1,29	1,43	1,26
7*	M	4,39	4,60	4,67	4,43	4,19	5,43	4,90	4,67
	SD	1,48	0,89	1,17	1,09	1,42	1,33	1,37	1,43

Примечания: * – значимые различия показателя у разных типов АСС

С помощью однофакторного дисперсионного анализа было показано, что показатели рассматриваемых аспектов отношения к процессу обучения у разных типов актуального смыслового состояний различаются статистически значимо (таблица 4). Из полученных результатов видно, что шестому, седьмому и восьмому типам актуального смыслового состояния соответствуют наиболее высокие показатели отношения к процессу обучению. Таким образом, для испытуемых

с высоким уровнем осмысленности прошлого, настоящего и будущего характерно отношение к обучению в вузе, как важному этапу своей жизни, который формирует фундамент для будущей профессиональной деятельности и требует всесторонней включенности в этот процесс в настоящем для достижения наилучшего эффекта. Подобные результаты также получены еще у двух групп испытуемых: с высокими показателями осмысленности настоящего и будущего,

низкой осмысленностью прошлого; с высокими показателями осмысленности прошлого и будущего, низкой осмысленностью настоящего. В первом случае, несмотря на низкую осмысленность прошлого, настоящее, судя по всему, дает почву для реализации своих планов на будущее, что выражается в высоких показателях отношения к обучению. Во втором случае у испытуемых есть осмысленные цели в будущем, которые подкрепляются опытом прошлого, однако ситуация в настоящем, вероятно, каким-то образом препятствует реализации намеченного. Высокие показатели отношения к обучению у этой группы испытуемых могут быть связаны с поиском путей преодоления подобного положения, а процесс обучения в вузе как средство для достижения желаемого. Испытуемые с первым, вторым, третьим, четвертым и пятым типами актуального смыслового состояния в среднем характеризуются более низкими показателями отношения к обучению. Каждый из перечисленных типов актуального состояния отличается определенной дезинтеграцией смыслов различных временных зон, что находит свое отражение в отношении к процессу обучения.

В проведенном нами эмпирическом исследовании взаимосвязи характеристик временной перспективы личности со смысловыми аспектами отношения к процессу обучения у студентов вуза было показано, что отношение к обучению в вузе обусловлено параметрами временной перспективы личности студентов. Студенты, чьи параметры временной перспективы в большей степени соответствуют существующим представлениям о сбалансированности, т. е. у которых наблюдаются преобладание позитивных представлений о своем прошлом, способность получать удовольствие от настоящего и устремленность в будущее, подкрепленные высоким уровнем осмысленности всех трех временных локусов, убежденностью в своих силах и ощущением контроля над процессами своей жизни, демонстрируют большую включенность в образовательный процесс вуза с позитивной эмоциональной окраской. Такие студенты меньше пропускают занятия по неуважительной причине, более ответственно подходят к их подготовке, в целом удовлетворены процессом обучения и рассматривают его как средство для самореализации и достижения конкурентоспособности на рынке труда.

Литература

1. Вассерман Л. И., Кузнецов О. Н., Ташлыков В. А., Тейверлаур М., Червинская К. Р., Щелкова О. Ю. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей. СПб.: СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 27 с.
2. Вечканова Е. М., Неяскина Ю. Ю. Особенности временной перспективы личности при различных типах актуального смыслового состояния // Вестник КРАУНЦ. 2011. № 2(18). С. 167 – 178. (Серия: Гуманитарные науки).
3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
4. Иванов М. С., Яницкий М. С. К проблеме оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения // Философия образования. 2004. № 3(11). С. 233 – 241.
5. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
6. Неяскина Ю. Ю., Мазуркевич А. В. Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // Вестник КРАУНЦ. 2014. № 1(23). С. 94 – 105. (Серия: Гуманитарные науки).
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
8. Серый А. В. Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63 – 66.
9. Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. Кемерово: 2004. С. 4 – 13.
10. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85 – 105.
11. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. 102 с.
12. Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1. С. 175 – 186.
13. Frank L. K. Time perspectives // Journ. Of Social Philosophy. 1939. № 4. P. 293 – 312.

Информация об авторе:

Проконич Олег Александрович – ведущий инженер кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, prokonich.oleg@mail.ru.

Oleg A. Prokonich – leading engineer at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 519.254:004.032.26

МЕТОДЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОКСА

В. С. Дороганов, А. Г. Пимонов

METHODS OF STATISTICAL ANALYSIS AND NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES
FOR PREDICTION OF METALLURGICAL COKE QUALITY

V. S. Doroganov, A. G. Pimonov

В статье представлены результаты проведенного авторами статистического анализа зависимости показателей качества металлургического кокса от характеристик шихты. Предложена нейросетевая модель, позволяющая как осуществить прогноз характеристик кокса, так и подобрать состав шихты из имеющихся углей для получения кокса требуемого качества. Описаны особенности программной реализации предложенной нейросетевой модели.

The paper presents the results of the statistical analysis of the influence of coal concentrates mixture characteristics on metallurgical coke quality. The authors provide a neural network model, which allows forecasting coke characteristics. It helps to choose the mixture composition to obtain quality coke. The features of software implementation of the proposed neural network model are described.

Ключевые слова: статистический анализ, нейронные сети, генетические алгоритмы, металлургический кокс, прогнозирование, многопоточные вычисления.

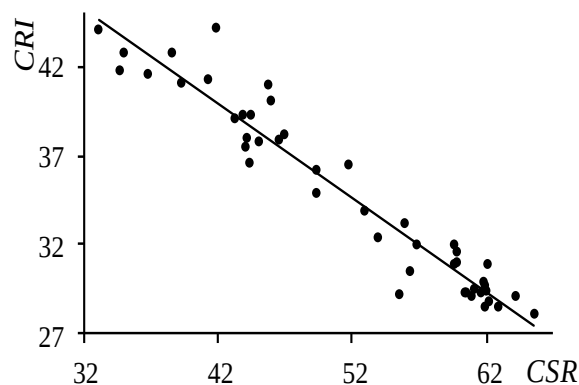
Keywords: statistical analysis, neural networks, genetic algorithms, metallurgical coke, forecasting, multithreaded computing.

Строительство домов, машин, различной техники и механизмов требует огромных затрат твердых металлов – стали и чугуна. Металлы в природе, как правило, встречаются не в чистом, самородном состоянии, а в виде химических соединений. Чтобы добыть чистые металлы из руд, их подвергают соответствующей обработке. Кокс – главное топливо при выплавке чугуна в доменных печах. Он также используется в производстве теплоизоляционных материалов, в цветной металлургии и т. д. Одной из главных задач коксохимической промышленности является контроль и повышение качества получаемого кокса. Качественные характеристики кокса напрямую зависят от характеристик шихты (обогащенное рудное сырье с топливом – углем), из которой он изготавливается, а также от печи, в которой запекается шихта. Шихта имеет восемь основных параметров:

- 1) V_t – объемная доля витринита;
- 2) OK – содержание фюзенизированных компонентов;
- 3) Ad – зольность на сухое состояние;
- 4) V_{daf} – выход летучих веществ на сухое беззольное состояние;
- 5) PK – пористость;
- 6) I_v – объемная доля интернита;
- 7) R_0 – показатель отражения витринита;
- 8) W – влажность гигроскопическая.

Кокс же характеризуется двумя показателями: 1) CRI (Coke Reactivity Index) – индексом реакционной способности и 2) CSR (Coke Strength after Reaction) – индексом прочности кокса после взаимодействия. Несмотря на то, что производство кокса

было изобретено еще в XVII веке, единой формулы расчета его показателей на основе характеристик шихты до сих пор не существует.

Рис. 1. Линейная корреляция CRI и CSR **Статистический анализ**

Для построения такой формулы была предпринята попытка использования классических методов статистического анализа. На коксохимическом предприятии г. Кемерово для этой цели были собраны статистические данные, позволившие выполнить предварительный анализ. Для оценки степени влияния конкретной коксовой батареи на конечный результат к восьми вышеперечисленным числовым параметрам шихты была добавлена девятая качественная характеристика – название или номер батареи. Анализ проводился на выборке объемом в 112 наблюдений, 66 из которых были неполными.

Вопросы взаимозависимости параметров кокса неоднократно обсуждались в современных исследованиях [2 – 4; 15; 17]. Для выявления степени взаимосвязи показателей качества металлургического кокса (*CRI* и *CSR*) был проведён корреляционный анализ. В качестве программного инструментария для анализа был использован пакет Statistica версии 10 [12]. Вычисленный коэффициент корреляции получился достаточно высоким $R = 0,97$. Построенная линия регрессии $CSR = 113,43 - 1,77 CRI$ приведена на рис. 1.

Парная корреляция между характеристиками шихты и показателями качества металлургического кокса (таблица 1) была рассчитана без учета влияния коксовой батареи (ее номера), так как этот показатель представлен не в интервальной шкале, а в шкале наименований (номиналов). Для первых пяти характеристик подтверждается гипотеза о незначительной корреляции. Наличие высокой корреляции с тремя последними характеристиками (I_6 , R_0 , W) хорошо иллюстрируется графически (рис. 2 – 4). Из графиков видно, что связь между характеристиками шихты и индексом реакционной способности кокса *CRI* носит ярко выраженный нелинейный характер. Аналогичные результаты получены и для *CSR* – индекса прочности кокса после взаимодействия.

Таблица 1

Коэффициенты парной корреляции *R* между характеристиками шихты и показателями качества кокса

Шихта \ Кокс	<i>CRI</i>	<i>CSR</i>
V_t	-0,05	0,07
<i>OK</i>	0,07	-0,10
<i>Ad</i>	-0,23	0,27
V_{daf}	0,21	-0,25
<i>ПК</i>	-0,35	0,41
I_6	-0,52	0,53
R_0	-0,52	0,53
<i>W</i>	0,51	-0,56

Степень влияния условий коксования (коксовой батареи) на показатели качества металлургического кокса была оценена с помощью дискриминантного анализа. С этой целью была построена матрица классификаций (таблица 2). Анализ результатов показал, что третья батарея определяется в 88,23 % случаев, пятая – в 37,50 %, а шестая – в 65,21 %.

Таблица 2

Матрица классификаций для определения номера батареи по значениям *CRI* и *CSR*

Эталонная батарея	Верных определений, %	Классифицированная батарея		
		№ 3	№ 5	№ 6
№ 3	88,24	15	1	1
№ 5	37,50	5	6	5
№ 6	69,23	1	3	9
Итого	65,22	21	10	15

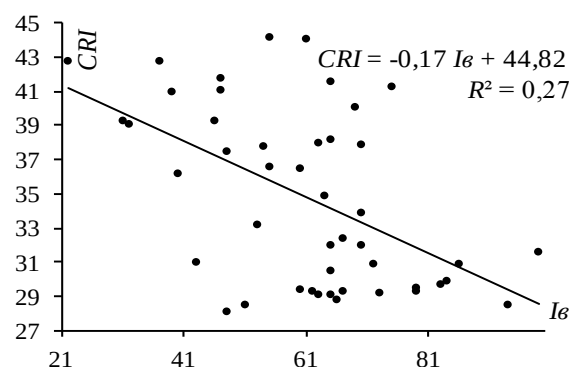

Рис. 2. Линейная корреляция *CRI* и I_6

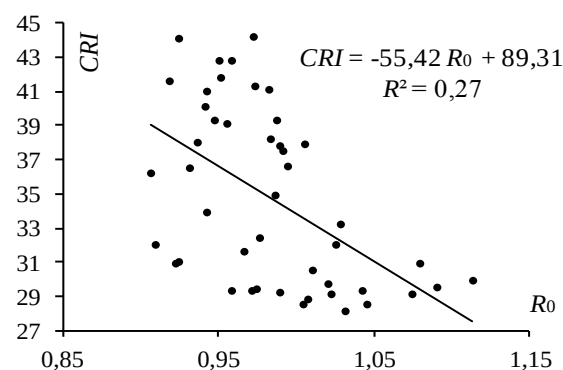

Рис. 3. Линейная корреляция *CRI* и R_0

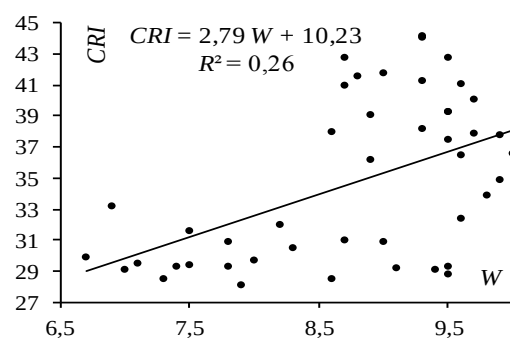

Рис. 4. Линейная корреляция *CRI* и *W*

Каждая из коксовых батарей определяет свой, характерный для нее, диапазон значений *CRI* и *CSR* (рис. 5 – 6). Диаграммы изменения характеристик *CRI* и *CSR* для каждой батареи на рис. 5 – 6 представлены в виде свечей, где точками обозначены медианные значения, прямоугольниками – нижние (25 %) и верхние (75 %) значения квартилей, отрезком – разброс (минимальные и максимальные значения).

При этом монотонность полученных зависимостей (рис. 5 – 6) указывает на возможность успешного использования ранговой корреляции. Вычисленный коэффициент ранговой корреляции Спирмена между номером коксовой батареи и показателем *CRI* получился равным 0,67. Просматривается наличие умеренной связи [1], но количественно установить степень этой связи не представляется возможным, так как один показатель измерен в шкале категорий (номер коксовой батареи), а второй – в интервальной шкале (индекс реакционной способности *CRI*).

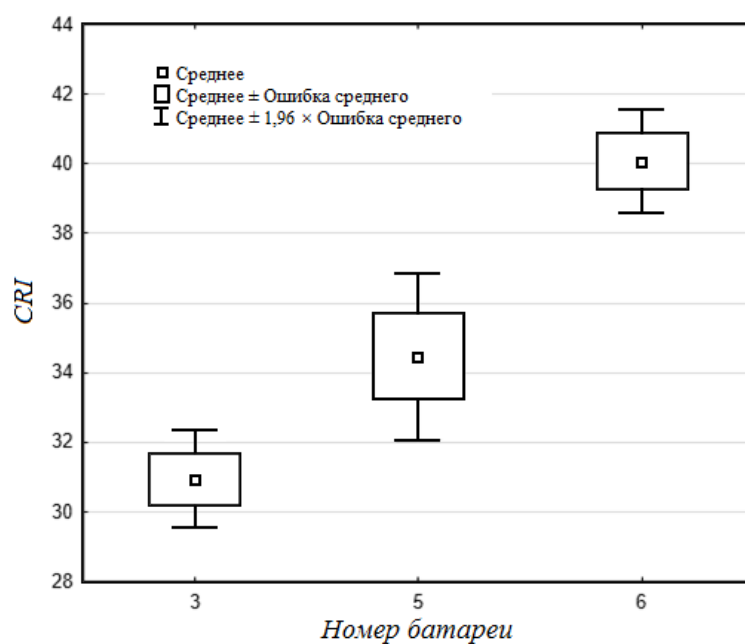

Рис. 5. Зависимость CRI от условий коксования

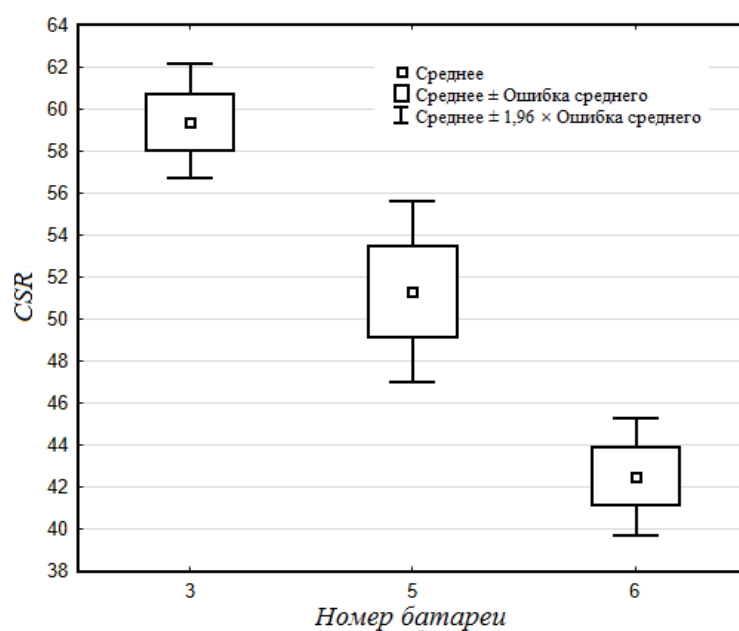

Рис. 6. Зависимость CSR от условий коксования

Для анализа связи между характеристиками шихты (независимые переменные) и индексом реакционной способности кокса (зависимая переменная) было построено уравнение множественной линейной регрессии (таблицы 3 – 4). Уравнение, построенное по результатам регрессионного анализа (таблица 4), объясняет 45,6 % вариации зависимой переменной. Значение коэффициента детерминации $R^2 = 0,456$ достаточно велико ($R = 0,675$, то есть 67,5 % всей изменчивости объясняется параметрами модели, в которой не учтено влияние коксовой батареи). В таблице 3 представлены рассчитанные значения коэффициентов детерминации. Это доля дисперсии зависимой переменной, объясняемая рассматриваемой моделью, то есть

независимыми переменными. Хотя в модели и не учтено влияние коксовых батарей, но из таблицы 3 видно, что большая часть дисперсий индекса реакционной способности и индекса прочности кокса после взаимодействия объяснима перечисленными в ней параметрами шихты. Таким образом, проведенный анализ показал, что прогноз качественных характеристик металлургического кокса на основе параметров запекаемой шихты с помощью классических методов математической статистики представляется весьма затруднительной процедурой.

Таблица 3

Множественная регрессия

	<i>Остаточная дисперсия</i>	<i>Коэффициент детерминации</i>
CRI	0,068	0,932
CSR	0,068	0,932
OK	0,981	0,019
Ad	0,913	0,087
V_{daf}	0,921	0,079
I₆	0,716	0,284
R₀	0,715	0,285
ПК	0,789	0,211
W	0,662	0,338

Нейронная сеть

Искусственные нейронные сети – набор математических и алгоритмических методов для решения широкого круга задач [8 – 11; 13 – 14]. Любая нейронная сеть представляет собой совокупность элементов (искусственных нейронов), связанных между собой синоптическими соединениями (весами). Принцип работы нейронной сети заключается в преобразовании входных сигналов, в результате чего изменяется внутреннее состояние сети и формируются выходные значения.

В основу разработанной программы для прогнозирования показателей качества металлургического кокса положена авторская топология нейронной сети, основанная на сети Ворда. Топология последней характеризуется тем, что внутренние (скрытые слои) нейронов разбиты на блоки с разными активационными функциями. Модификация заключалась в том, что каждый нейрон скрытого слоя был представлен группой, состоящей из пяти простых нейронов с разными передаточными функциями, разными параметрами функций и своими весовыми коэффициентами. Входной слой имеет 11 нейронов, выходной – 2. Число скрытых слоев и количество нейронов в каждом из них устанавливается пользователем.

Значение передаточной функции составного нейрона, определяющей нелинейное преобразование,

вычисляется как сумма значений передаточных функций простых нейронов. В качестве передаточных функций простых нейронов используются следующие: логистическая; тождественная; гиперболическая; экспоненциальная; синусоидальная.

Предложенная нейронная сеть реализована в виде программного продукта, созданного на платформе .NET 4.5, язык программирования – C#. Диаграмма классов программного инструментария представлена на рис. 7.

Поскольку алгоритм обратного распространения ошибки не предполагает изменения параметров передаточных функций, то для обучения сети был использован стохастический метод [16], в котором выполняются случайные изменения величин весов и характеристик передаточных функций составных нейронов [6 – 7]. При этом изменения, ведущие к улучшениям, сохраняются. Сохранение улучшающих изменений реализовано с помощью генетического алгоритма следующим образом. Изначально генерируется массив нейронных сетей. Каждая из полученных сетей дублируется в количестве 10 экземпляров. Все сгенерированные сети («потомки») обучаются стохастическим методом. Работа каждой сети на основе эмпирических данных оценивается по среднеквадратическому отклонению результатов прогнозирования показателей качества металлургического кокса. Из них отбираются лучшие, которые затем и становятся «родителями» для генерации новой выборки.

Для исследования зависимости качества прогноза и времени обучения от топологии сети было проведено пробное обучение в 10000 эпох. При этом анализировались результаты работы двух версий программного продукта (таблица 5), в одной из которых были реализованы последовательные вычисления, в другой – параллельные. На основе анализа этих результатов получено, что значительный прирост производительности из-за распараллеливания вычислений наблюдается при значительном увеличении количества нейронов в отдельном слое и не зависит от количества слоев.

Таблица 4

Параметры уравнения множественной линейной регрессии

	<i>Значения оценок неизвестных коэффициентов регрессии</i>	<i>Стандартные ошибки оценки коэффициентов</i>	<i>Значение статистики Стьюдента для проверки гипотезы о нулевом значении коэффициента</i>	<i>Уровень значимости принятия этой гипотезы</i>
Свобод. член	54,60	117,24	0,47	0,64
V_t	0,30	1,23	0,24	0,81
OK	0,45	1,26	0,35	0,73
Ad	-1,32	1,64	-0,80	0,43
V_{daf}	-0,26	0,90	-0,29	0,78
I₆	-0,08	0,06	-1,39	0,17
R₀	-34,14	21,11	-1,62	0,11
ПК	0,27	0,43	-0,63	0,53
W	1,11	1,02	1,09	0,28

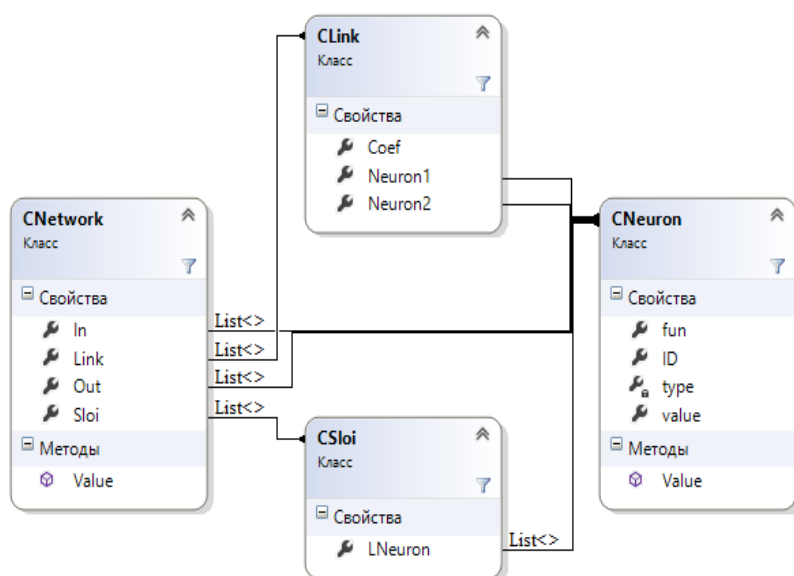

Рис. 7. Диаграмма классов

Таблица 5
Результаты работы сетей разного размера

Количество, шт.		Время обучения, с		Ошибка прогноза, %	
Слоёв	Нейронов	Последовательно	Параллельно	CRI	CSR
1	1	7	10	22	15
2	22	1055	400	11	10
7	7	701	256	12	15
22	2	429	388	20	14

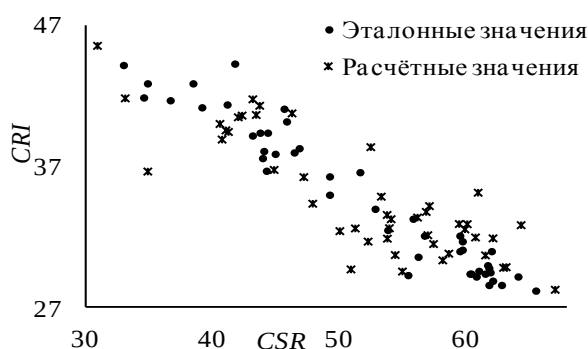

Рис. 8. Результаты прогноза показателей качества металлургического кокса

В результате проведения вычислительных экспериментов было получено, что лучшее соотношение точности прогноза показателей качества кокса и времени обучения нейронной сети достигается при 3 скрытых слоях и 15 нейронах в каждом из них (рис. 8). В результате работы нейронной сети, обученной в течение 24 часов, средняя относительная ошибка прогноза показателей составила 9 % и 7 % для CRI и CSR соответственно.

Обученная нейронная сеть позволяет проводить прогноз показателей качества металлургического кокса на основе вводимых характеристик шихты (рис. 9).

Изменяя характеристики шихты и условия ее запекания (номер коксовой батареи), можно оценить качество изготавливаемого кокса.

Полученная обученная нейронная сеть позволяет осуществить подбор угольной смеси (рис. 10). Угольная смесь может быть подобрана как для достижения требуемых характеристик шихты, так и показателей качества металлургического кокса. Смесь подбирается из состава автоматизированной базы данных имеющихся в наличии углей. В результате работы программа предоставляет процентное соотношение углей в составе возможной смеси. Подбор смеси также реализован с использованием генетического алгоритма. Программа [5] генерирует набор возможных вариантов угольных смесей и оценивает каждую из них, оставляя лучшие. Затем каждый вариант подвергается изменению с целью улучшения качества смеси. Из числа полученных отбираются лучшие, и процесс повторяется до достижения приемлемых расхождений между заданными и получаемыми характеристиками.

Рис. 9. Окно ввода характеристик шихты и вывода результатов прогноза показателей качества кокса

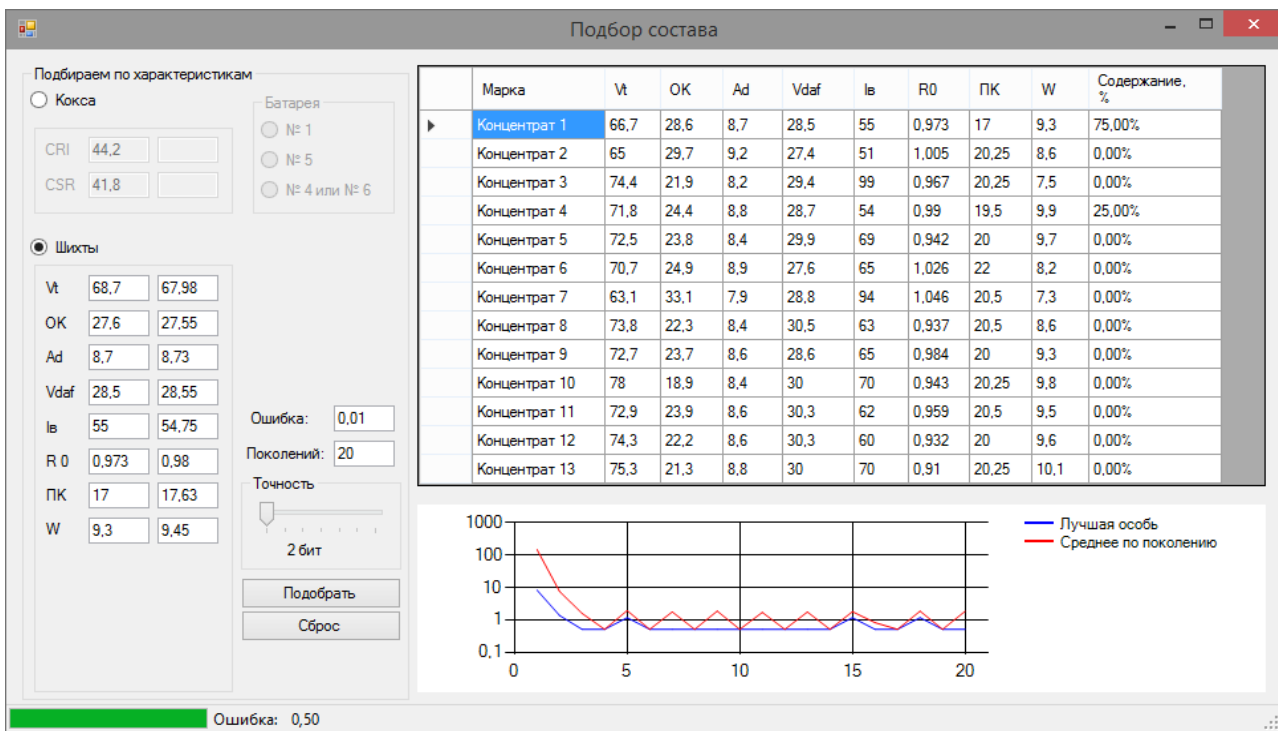

Рис. 10. Форма подбора состава угольной смеси

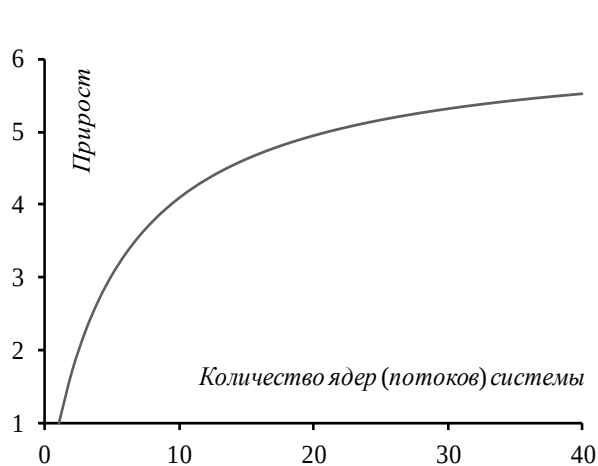

Рис. 11. Зависимость прироста производительности программы от количества ядер

Особенности программной реализации

Нейронные сети являются идеальным объектом для реализации параллельных вычислений из-за обособленности каждого нейрона. Для ускорения обучения сетей в программном продукте были использованы возможности платформы .Net 4.5. Все слои обрабатываются последовательно, начиная с первого. Внутри каждого слоя нейроны обчитываются параллельно. Время одной эпохи уменьшилось в 2,7 раза (таблица 5) – пропорционально количеству потоков процессора (использовался двухядерный процессор Intel Core i5-2410M с технологией Hyper-threading, видеокарта NVidia GeForce GT520M). Согласно закону Амдала ускорение, которое может быть получено на вычислительной системе из p процессоров, по сравнению с однопроцессорным решением не будет превышать величины

$$S_p = \frac{1}{\alpha + \frac{1-\alpha}{p}},$$

где S_p – максимальное теоретическое ускорение, α – объём вычислений, которые могут быть выполнены только последовательно, p – количество процессоров (потоков). В результате подстановки в эту формулу значений $S_p = 2,7$ и $p = 4$ получается $\alpha = 0,16$. То есть теоретический объём вычислений, которые можно осуществить параллельно в рассматриваемой задаче, равняется 84 %.

Для увеличения скорости вычислений планируется реализация программного продукта на более мощном компьютере с применением GPGPU – техники использования графического процессора видеокарты. Значение величины производительности флопс (FLOPS от англ. **F**loating-point **O**perations **P**er **S**econd – количество операций с плавающей точкой в секунду) GPU относительно CPU на планируемом компьютере более чем в 15 раз больше (77,76 гигафлопс против 5 гигафлопс), а количество ядер CUDA составляет 48 штук. Это теоретически должно привести к увеличению скорости обучения нейронной сети в 5,5 (в сравнении с однопроцессорной системой) и двукратному увеличению по отношению к реализованному решению (рис. 11).

Увеличение скорости работы программного продукта откроет новые возможности для повышения качества прогнозирования показателей качества металлургического кокса за счет увеличения размера нейронной сети и подбора более сложной передаточной функции составного нейрона. Для достижения более высокого прироста производительности при многопоточных вычислениях ведется работа над оптимизацией исходного кода программы.

Литература

1. Афанасьев В. В. Теория вероятностей в вопросах и задачах. Режим доступа: <http://cito-web.yspu.-org/link1/metod/theory/node42.html>, свободный.
2. Базегский А. Е., Рябиченко А. Д., Станкевич А. С. Взаимосвязь показателей CSR и CRI кокса с генетическими характеристиками шихты и технологическими параметрами коксования // Материалы научно-практической конференции «Химия и химическая технология на рубеже тысячелетий». Томск: ТПУ, 2000. С. 10 – 12.
3. Буланов Е. А., Зайнутдинов В. Н., Кузнецов В. Я., Зиновьева Л. А., Цекот Ю. Б. Прогноз горячей прочности (CSR) и реакционной способности (CRI) кокса // Кокс и химия. 2005. № 5. С. 23 – 26.
4. Гуляев В. М., Барский В. Д. Реакционная способность, «горячая» и «холодная» прочность доменного кокса // Теория и практика металлургии. 2010. № 1 – 2'. С. 7 – 10.
5. Дороганов В. С. Интеллектуальная информационная система подготовки шихты для производства кокса заданного качества // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы производства кокса и переработки продуктов коксования». Кемерово: КузГТУ. 2014. С. 5 – 7.
6. Дороганов В. С. Использование элементов генетического алгоритма в обучении нейронной сети стохастическим методом // Перспективы развития информационных технологий: труды Всероссийской молодежной научно-практической конференции, г. Кемерово, 29 – 30 мая 2014 г. Кемерово, 2014. С. 214 – 215.
7. Дороганов В. С., Суханова Е. Ю. Прогнозирование характеристик кокса на основе показателей шихты // Труды Всероссийской молодежной школы-семинара «Анализ, геометрия и топология». Барнаул: АлтГУ, 2013. С. 46 – 50.
8. Евсюткин Т. В., Тунгусова А. В. Классификация облачности по спутниковым снимкам вероятностной нейронной сетью // Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск: НГУ, 2013. С. 131.
9. Корниенко И. Л. Обучение нейросетевой информационной системы для определения состава угольного концентрата с использованием базы данных уникальных углей // Информационные системы и технологии в образовании, науке и бизнесе (ИСИТ-2014). Материалы Всероссийской молодежной научно-практической школы, г. Кемерово, 19 – 21 июня 2014 г. С. 127 – 128.
10. Кулманакоева Е. В. Отслеживание движения людей в видеопотоке // Сборник трудов XVIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные техника и технологии». Томск: ТПУ, 2012. С. 335 – 336.
11. Миндияров Н. И., Дороганов В. С. Программа обучения искусственного интеллекта при помощи нейронной сети на примере игры «гонки» // Материалы Всероссийской молодежной конференции «Информационно-телекоммуникационные системы и технологии» (ИТСИТ-2012). Кемерово: КузГТУ, 2012. С. 132 – 133.
12. Официальный сайт «StatSoft». Режим доступа: <http://www.statsoft.ru/products/trial/>, свободный.
13. Пахарев Р. С. Разработка программного обеспечения для задач неразрушающего контроля материалов с неоднородностями // Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск: НГУ, 2013. С. 53.
14. Погорелов Н. Е., Рейзенбук К. Э., Пимонов А. Г. Интеллектуальная информационная система для анализа и прогнозирования биржевых котировок акций // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. № 6. С. 118 – 122.
15. Станкевич А. С., Гилязетдинов Р. Р., Попова Н. К., Кошкаров Д. А. Модель прогноза показателей CSR и CRI кокса на основе химико-петрографических параметров угольных шихт и условий их коксования // Кокс и химия. 2008. № 9. С. 37 – 44.
16. Уоссермен Ф. Нейрокомпьютерная техника: Теория и практика. М.: Мир, 1992. 118 с.
17. Díez M. A., Alvarez R., Barriocanal C. Coal for metallurgical coke production: predictions of coke quality and future requirements for cokemaking // International Journal of Coal Geology. 2002. № 50. P. 389 – 412.

Информация об авторах:

Дороганов Виталий Сергеевич – аспирант кафедры прикладных информационных технологий Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, DoroganovV@mail.ru.

Vitaly S. Doroganov – post-graduate student at the Department of Applied Information Technologies, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo.

(Научный руководитель – А. Г. Пимонов).

Пимонов Александр Григорьевич – доктор технических наук, профессор кафедры прикладных информационных технологий КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева, pag_vt@kuzstu.ru.

Alexander G. Pimonov – Doctor of Technical Science, Professor, Professor at the Department of Applied Information Technologies, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo.

Статья поступила в редколлегию 24.10.2014 г.

ФИЗИКА

УДК 537.311.1:541.182.023.4

ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ НА ФАЗОВЫЙ СОСТАВ НАНОСТРУКТУРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ Fe-Co-Ni

К. А. Датий, А. Н. Попова, Е. Н. Зюзюкина

PHASE STRUCTURE OF Fe-Co-Ni NANOSYSTEMS: TEMPERATURE EFFECT

K. A. Datiy, A. N. Popova, E. N. Zyuzukina

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант мол_а № 14-03-31648 и Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/64, с использованием оборудования КемЦКП КемНЦ СО РАН.

Статья посвящена исследованию процессов, которые возникают при нагревании в вакууме двухфазных порошков системы Fe – Co – Ni. Образцы синтезированы методом жидкофазного восстановления гидразингидратом растворов солей в сильнощелочной среде. При попытке построении диаграммы фазовых состояний изучаемой наноструктурированной системы возникли вопросы, связанные с отклонением полученной диаграммы от литературных данных. Сделано предположение, что существенное расширение двухфазных областей связано с явлением наноразмерности.

The processes occurring in biphasic powders of Fe – Co – Ni at heating in vacuum are studied in the paper. Samples are synthesized by hydrazinehydrate reduction of metal salts in aqua solutions at highly alkaline medium. When drawing phase diagrams of the nanostructured systems some questions related to the deviation of the diagram from literature data were to be solved. It is suggested that a significant expansion of biphasic region is due to the nanodimension.

Ключевые слова: наноструктурированные порошки, твердые растворы, фазовый состав, фазовые переходы, срез диаграммы фазовых состояний.

Keywords: nanopowders, phase structure, solid solutions, phase transformation.

Введение

Повышенный интерес к исследованиям и разработкам в области получения и исследования наноразмерных многокомпонентных систем не снижается [1 – 2; 7 – 8; 10 – 11]. Перспективным объектом исследования, с точки зрения создания из них или на их основе новых конкурентоспособных функциональных материалов, являются нанопорошки подгруппы железа, особого внимания заслуживают трехкомпонентные порошки железо-кобальт-никель (Fe – Co – Ni) [5].

Однако в открытом доступе практически отсутствуют систематические исследования получения многокомпонентных наноразмерных и наноструктурированных систем Fe – Co – Ni химическими методами. Данная работа входит в комплекс исследований по изучению физико-химических свойств наноструктурированных порошков системы Fe – Co – Ni, получаемых совместным восстановлением гидразингидратом в щелочной среде водных растворов солей металлов. В статье детально рассматриваются вопросы формирования твердых растворов и определения границ взаимной растворимости выбранных металлов друг в друге. Данные по фазовому составу многокомпонентных систем крайне важны как при практическом применении, так и при изучении их свойств, включая разнообразные трансформации, происходящие при воздействии различных факторов. В тоже время изучение фазового состава твердых растворов сопряжено с трудностями, особенно в области относительно невысоких температур, связан-

ными с большой длительностью достижения равновесия. Очевидно, поэтому данных о фазовом составе в отношении трехкомпонентных систем практически нет.

Методы исследования

Порошки, изучаемой системы, получали по методике, описанной в [6]. Фазовый состав, структуру и параметры кристаллических решеток наноструктурированных порошков (НСП) металлов определяли методом рентгеновской дифракции на порошковом рентгеновском дифрактометре Bruker D8 ADVANCE A25 (FeK α -излучение, $\lambda = 1,93604\text{\AA}$, Mn фильтр на вторичном пучке) по методу поликристалла). Изменения фазовых состояний наноразмерных систем наблюдались in-situ при помощи высокотемпературной камеры “Anton Paar” НТК 1200 N (стабильность температуры $\pm 0,1^\circ\text{C}$) в интервале температур 30 – 600°C в условиях вакуума. Аналитическое оборудование для исследований представлено Центром коллективного пользования КемНЦ СО РАН.

Результаты и обсуждение

В работе [9] описан срез диаграммы фазовых состояний для наноструктурированной системы Fe-Co-Ni в котором определен ряд особенностей по сравнению с найденным в литературных источниках высокотемпературным срезом [3; 9] (рис. 1): расширение в составах бедных кобальтом области ОЦК-ГЦК двухфазности, существование в области бога-

той кобальтом запрещенного правилом Гиббса для равновесных систем трехфазного состояния, размывание межфазных границ ввиду формирования неравновесных твердых растворов. При обсуждении

причин этих особенностей на ДФС, были сделаны предположения о их связи с наноразмерностью и температурой получения.

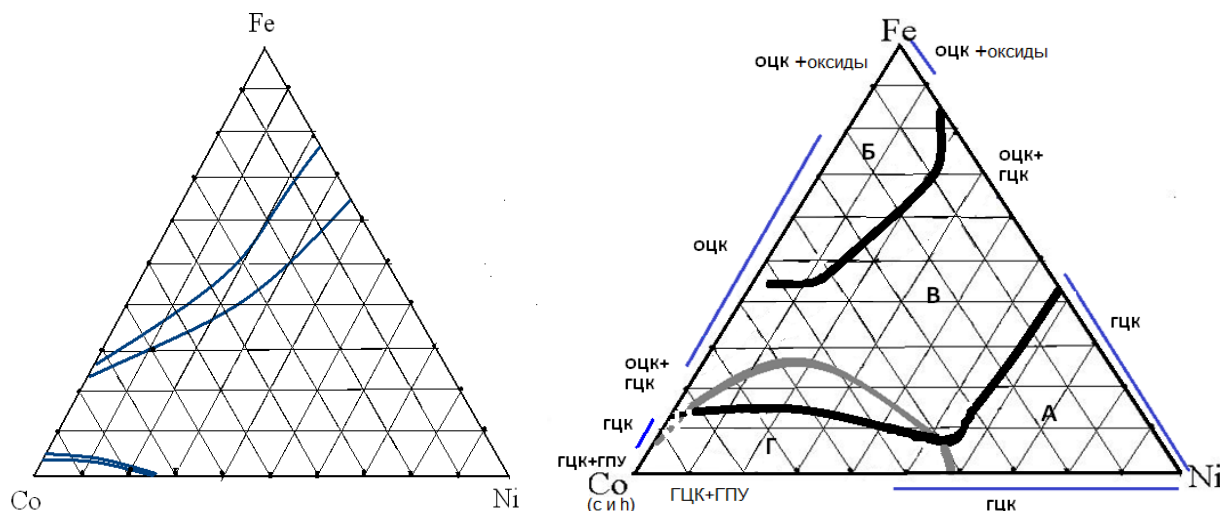

Рис. 1. Диаграмма фазовых состояний системы Fe – Co – Ni (справа), соответствующая условиям получения, в сравнении с изотермическим срезом (около 400 °С) фазовой диаграммы (слева)

Используя возможности высокотемпературной камеры-приставки к дифрактометру Bruker D8 ADVANCE, была проведена серия исследований *in-situ* с нагреванием образцов с разным соотношением ГЦК и ОЦК фаз, типичные из которых были выбраны для сопоставления и описания результатов (состав приведён в таблице): образец № 1 содержит больше ГЦК фазы, образец № 2 – преимущественно ОЦК фазу, а образец № 3 содержит следовые количества ГЦК. Для этого были выбраны образцы с гетерофазным составом с разным соотношением ГЦК и ОЦК фаз: образец 1 содержит больше ГЦК фазы, образец 2 – преимущественно ОЦК фазу, а образец 3 – лишь следовые количества ГЦК (в таблице представлен массовый состав образцов).

Таблица

Состав образцов

№ образца	Состав образцов, масс. %		
	Fe	Co	Ni
1	40	20	40
2	50	20	30
3	45	45	10

Образцы подвергались нагреванию до 200, 400 и 600°C. При 600°C выдерживались в течение часа, затем охлаждались до 30°C, одновременно регистрировалась дифракционная картина.

На полученных дифрактограммах рефлекс плоскости (111) ГЦК фазы находится в диапазоне углов 2θ

55,5 – 56,5°, рефлекс плоскости (110) ОЦК фазы – в диапазоне 57,2 – 57,5°.

На рис. 2 показана сводная картина температурных исследований фазового состава, при рассмотрении которой стоит отметить следующее. Нагревание до 200°C сопровождается несильным, но заметным сужением дифракционных линий, т. е. укрупнением кристаллитов. Для образца № 3 кроме этого наблюдается небольшое смещение линии ОЦК фазы в большие углы.

Нагревание до 400°C во всех случаях приводит к превращению ОЦК фазы в ГЦК: в образце № 1 (с наименьшим содержанием железа) – происходит полное превращение, в образце № 2 – остается незначительное количество ОЦК фазы, в образце № 3 – количества ГЦК и ОЦК фаз сопоставимо, рефлекс 110 ОЦК фазы продолжает сползать в большие углы.

При нагревании порошков наноразмерных систем металлов до 600°C в образце № 2 окончательно исчезает ОЦК фаза, а в образце № 3 происходит более глубокое превращение в ГЦК фазу. На рентгенограммах образцов наблюдается общее смещение рефлексов в большие углы, что свидетельствует об уменьшении параметров решетки в результате удаления из всех фаз железа, имеющего (из трех металлов) самый большой размер атома. Наиболее вероятная причина этого – преимущественное окисление железа. Действительно, помимо описанных трансформаций, на дифрактограммах при нагревании появляются линии сложных оксидных образований (рис. 3).

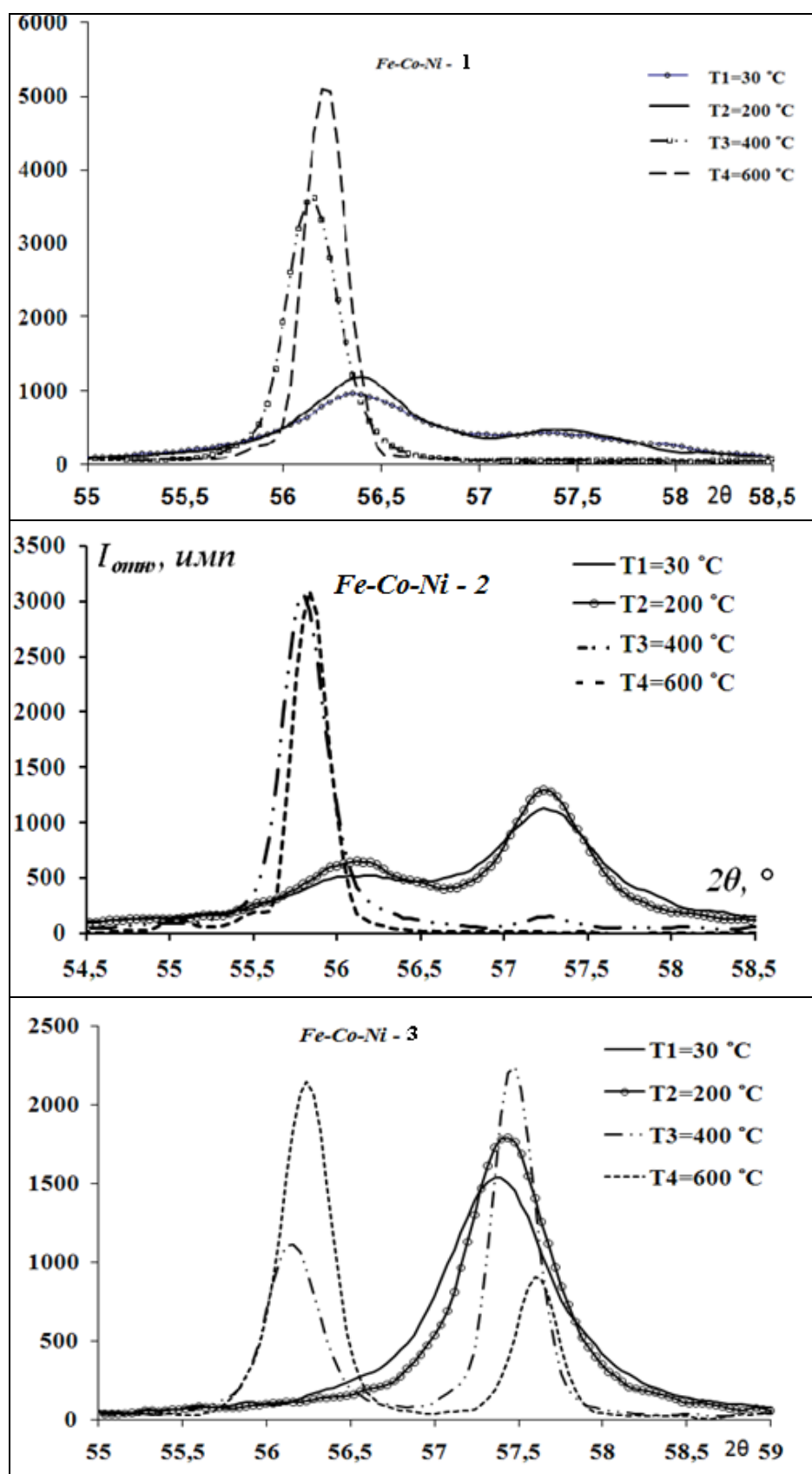

Рис. 2. Дифрактограммы НСП Fe-Co-Ni

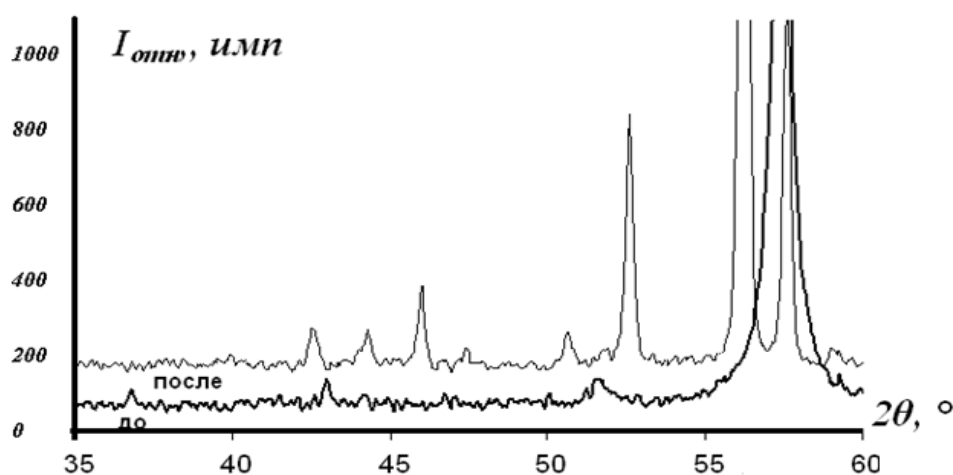

Рис. 3. Дифрактограммы НСП Fe-Co-Ni – 3 (до нагрева и после охлаждения)

Далее представлены результаты по темперированию наноразмерных систем в течение 1 часа (пример на рис. 4) При 400°C существенных изменений не происходит. Можно отметить лишь слабое смещение рефлексов ОЦК и ГЦК фаз образца № 3 в большие углы, согласующееся с более сильным итоговым сдвигом рефлексов при общем термическом воздействии.

При 600°C в образце № 1, гомогенизовавшемся еще при 400°C, никаких изменений в течение часа не происходит. В образцах № 2 (рис. 4) и № 3, содержащих ОЦК фазу, наблюдается сопоставимое смещение рефлекса 111 ГЦК фазы в большие углы. При этом сразу после нагревания до 600°C в образце № 2 ОЦК фаза исчезает окончательно, а в образце № 3 происходит дальнейшее перераспределение между фазами в пользу ГЦК.

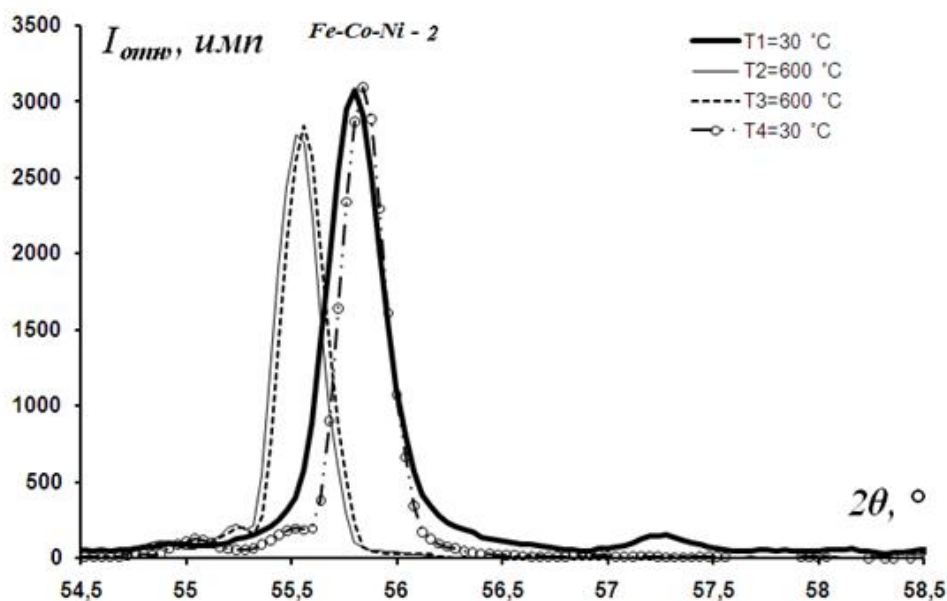

Рис. 4. Дифрактограммы НСП Fe-Co-Ni – 2

Слабые изменения в изотермическом режиме при существенных изменениях в целом (от момента начала нагревания до последующего охлаждения), скорее всего, означают, что основные события (процессы укрупнения кристаллитов и окисления систем) происходят именно во время нагревания.

Наблюдаемые фазовые превращения в основном соответствуют фазовым диаграммам [3; 9]. При нагревании до 400°C, когда происходит существенное укрупнение кристаллитов, фазовый состав, возможно, наиболее близок к равновесному, поскольку нанораз-

мерное состояние должно облегчать обменные процессы, особенно во время структурной перестройки. Однако для достижения фазовых равновесий после укрупнения требуется длительное время. В результате отсутствия достаточной выдержки, охлаждение не сопровождается обратными переходами ГЦК фазы в ОЦК.

Что касается процесса окисления, маловероятно, что оно происходит с участием газообразного кислорода, учитывая, что все эксперименты с нагреванием образцов выполнялись в высокотемпературной при-

ставке при высоком вакууме (давление $10^{-7} - 10^{-9}$ мм рт. ст.). По-видимому, при высокой температуре происходит окисление железа оксидными соединениями кобальта и никеля с одновременным переходом всей оксидной части из рентгеноаморфного состояния в кристаллическое, что и приводит к смещению металлических рефлексов в процессе нагревания и после него в большие углы. Идентификацию оксидных фаз, ввиду сложного состава, провести затруднительно, можно лишь констатировать, что после нагревания происходит изменение набора более слабых и размытых рефлексов на более интенсивные и более четкие (рис. 3). При относительно небольшом количестве

железа оксидные фазы в исходных порошках не фиксируются.

Выводы

В результате работы по исследованию фазового состава при нагревании исследуемых наноструктурированных систем было установлено, что при повышении температуры фазовый состав наноструктурированных систем Fe-Co-Ni становится близким для макроразмерных систем, дополнительно следует отметить, что границы зон взаимной растворимости компонент друг в друге расширяются, что соответствует найденным в литературе фазовым диаграммам.

Литература

1. Алферов Ж. И. Навстречу золотому веку // Поиск: еженедельная газета научного сообщества. 2008. № 4. С. 11 – 13.
2. Алферов Ж. И. О программе Российской академии наук в области нанотехнологий // Вестник РАН. 2008. № 5. С. 427 – 435.
3. Банных О. А., Будберг П. Б., Алисова С. П. Диаграммы состояния двойных и многокомпонентных систем на основе железа / ред.: О. А. Банных, М. Е. Дриц. М.: Металлургия, 1986. 439 с.
4. Датий К. А. Получение и физико-химические свойства наноструктурированных порошков Fe - Co - Ni: автореферат дис. ... канд. хим. наук: 02.00.04. Кемерово: КемГУ, 2013. 24 с.
5. Захаров Ю. А., Попова А. Н., Колмыков Р. П., Пугачев В. М., Додонов В. Г. Синтез и свойства наноразмерных порошков металлов группы железа и их взаимных систем // Перспективные материалы. 2008. № 6. Ч. 1. С. 249 – 254.
6. Захаров Ю. А., Пугачев В. М., Датий К. А., Додонов В. М., Карпушкина Ю. В. Получение и некоторые свойства наноразмерных порошков системы Fe-Co-Ni // Вестник КемГУ, 2013. № 3(55). Т. 3. С. 77 – 80.
7. Мелихов И. В. Золотое сечение нанотехнологической науки // Вестник РАН. 2007. № 11. С. 988.
8. Помогайло А. Д., Розенберг А. С., Уфлянд И. Е. Наночастицы металлов в полимерах. М.: Химия, 2000. 672 с.
9. Режим доступа: <http://www1.asminternational.org/asmenterprise/apd/BrowseAPD.aspx?d=t&p=Co-Fe-Ni>
10. Третьяков Ю. Д., Гудилин Е. А. Уроки зарубежного нанобума // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 1. С. 3 – 17.
11. Фостер, Л. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности: [пер. с англ.]. М.: Техносфера, 2008. 352 с.

Информация об авторах:

Датий Ксения Алексеевна – кандидат химических наук, научный сотрудник лаборатории неорганических наноматериалов ИУХМ СО РАН, zaharov@kemsu.ru.

Kseniya A. Datii – Candidate of Chemistry, Research Associate at the Laboratory of Inorganic Nanomaterials, Institute of Coal Chemistry and Material Sciences of the Siberian Branch of the RAS.

Попова Анна Николаевна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник Кемеровского научного центра СО РАН, h991@yandex.ru.

Anna N. Popova – Candidate of Chemistry, Senior Research Associate, Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS.

Зюзюкина Елена Николаевна – аспирант Кемеровского государственного университета, zaharov@kemsu.ru.

Elena N. Zyuzuukina – post-graduate student at Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Захаров Юрий Александрович – доктор химических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заведующий кафедрой химии твердого тела КемГУ, zaharov@kemsu.ru.

Research advisor: Yury A. Zakharov – Doctor of Chemistry, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.162.373.613

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

М. В. Аулина

THE INTERACTION OF LANGUAGES IN AZERBAIJAN

M. V. Aulina

Исторические контакты и государственные образования, становление рыночных отношений, появление в широкой продаже иностранных товаров, образование совместных предприятий содействуют экспансии и взаимодействию различных языков. В связи с этим нам представилось интересным рассмотреть некоторые русские и английские заимствования в современном разговорном азербайджанском языке, а также влияние азербайджанского языка на русский язык русскоязычных граждан Азербайджана. Поэтому целью данной работы является выявление современных русских и английских заимствований в азербайджанском языке, исследование особенностей их употребления и изучение степени проникновения русского и английского сленга в речь азербайджанцев. И также обратный процесс. Для достижения этой цели выдвигались следующие задачи: изучить литературу о причинах лексического заимствования в языке; систематизировать лексические единицы по лексико-морфологическим группам. Поставленные задачи обусловили использование в работе метода анализа словарных толкований; сопоставительного метода; метода математической обработки данных и метода моделирования. Областью исследования является словарный состав азербайджанского языка. Предметом исследования выступают слова, заимствованные из русского и английского языков. Результатом работы стало отражение языковой ситуации в Азербайджанской Республике, а также словообразовательные процессы, имеющие место в азербайджанском языке. Выводы: происходит активное влияние русского и английского языков на азербайджанский язык и как следствие на культуру народов республики. В свою очередь азербайджанский язык оказывает определенное влияние на русский язык русскоязычного населения республики, что находит свое отражение в лексике контактирующих языков.

Historical contacts, state formations, the setting of market relations, the appearance of foreign goods and formation of the united international enterprises promote expansion and interaction of various languages. In this regard we find it interesting to investigate some Russian and English borrowings in the modern spoken Azerbaijanian language, and the influence of the Azerbaijanian language on the Russian language of the Russian-speaking citizens living in Azerbaijan. So, the purpose of this work is to identify the modern Russian and English borrowings in the Azerbaijanian language, to investigate the features of their usage and to study the extent of penetration of Russian and English slang-words into the speech of Azerbaijanians. To achieve this purpose, the following tasks were put forward: to study the scientific publications about the reasons of lexical borrowings in a language; to systematize the lexical units into lexicomorphological groups. The objectives caused the use of the following methods: the method of dictionary interpretation analysis; the comparative method; the method of mathematical data processing and the modeling method. The area of the research is the vocabulary of the Azerbaijanian language. The object of research is the words borrowed from Russian and English as the result of intercommunication. The result of the work is the reflection of the language situation in the Azerbaijan Republic, and that of word-formation processes that take place in the Azerbaijanian language. Conclusions: there is an active influence of the Russian and English languages on the Azerbaijanian language and as a result on the culture of the people living in Azerbaijan. In its turn the Azerbaijanian language has a certain impact on the Russian of the Russian-speaking population of the republic, which finds its reflection in the lexis of the contacting languages.

Ключевые слова: заимствования, взаимовлияние, межкультурная коммуникация, сленг, разговорный язык, русский, азербайджанский.

Keywords: borrowed words, interaction, intercultural communication, slang, colloquial language, Russian, Azerbaijanian.

Начиная с XIX в. проблема взаимодействия языка и культуры занимает одно из ведущих мест в языкознании. Первые попытки ее решения мы находим в трудах Г. Гумбольдта. Проблема соотношения языка и культуры сложна и многогранна. На сегодняшний день наметилось два подхода к решению этой проблемы. Первый в основном рассматривается российскими исследователями. Суть подхода: взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону; так как язык отражает действительность, а

культура есть часть этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык есть простое отражение культуры. Следовательно, изменение действительности и условий существования той или иной культуры влечет за собой изменения в языке. Взаимодействие разных культур также оказывает влияние на язык. Таким образом, говоря о взаимодействии языков, мы в первую очередь рассматриваем взаимодействие и взаимовлияние культур. Исторические завоевания, миграции народов, различные территориаль-

ные объединения способствуют взаимодействию и взаимовлиянию культур и языков. В данной статье предпринята попытка рассмотреть, какие изменения происходят в языке в результате взаимодействия культур на примере русского, английского и турецкого языков, с одной стороны, и азербайджанского – с другой, а также обратный процесс: как язык (иностранный) влияет на культуру народа. В качестве объекта исследования выступает лексика азербайджанского языка.

Азербайджанский язык относится к огузской подгруппе юго-западной ветви тюркских языков, но имеет черты, свойственные языкам кыпчакского ареала. Словарный состав современного азербайджанского языка прошел длительный путь становления. Лексика азербайджанского языка состоит не только из исконно тюркских слов, но и из слов, заимствованных из других языков. Иноязычные источники пополняли и обогащали азербайджанский язык на протяжении всего процесса его исторического развития. Одни заимствования были сделаны еще в древности, другие – сравнительно недавно. Чаще всего слова заимствуются вместе с реалиями, ими обозначаемыми. Иногда заимствования являются результатом моды. Так или иначе, заимствования – результат коммуникации, взаимодействия языков и культур. Лексика и фонетика азербайджанского языка испытали большое влияние арабского и персидского языков. На сегодняшний день влияние на язык оказывают такие языки, как русский, турецкий, английский.

Однако если влияние арабского и персидского языков можно объяснить завоеванием нынешних земель Азербайджанской Республики (АР) Арабским Халифатом, то влияние русского, турецкого и английского языков имеет ряд отличительных черт. Впервые, арабский язык во времена Арабского Халифата на территории нынешнего Азербайджана получил статус государственного языка. Государственные законы и произведения литературы писались на арабском и персидском языках. В течение десятилетий русский язык также являлся государственным, однако его влияние началось задолго до вхождения АР в состав СССР.

Сегодня русские, проживающие на территории АР, делятся на три группы: первая, довольно большая группа – это молукане, переселение которых началось в XVIII в.; вторая – русские, переехавшие в АР после победы Красной Армии и вхождения АР в СССР в основном с целью развития здесь промышленности; и третья, самая малочисленная – русские, переехавшие в АР по ряду разнообразных причин. Таким образом, население довольно пестрое по своему социальному составу. Естественно, что все люди говорили на русском. Однако русский говор первых русских поселенцев АР, вне зависимости от их социального статуса и места, откуда они прибыли, претерпел ряд изменений в результате влияния азербайджанского языка. В 1950-х гг. впервые был описан так называемый русский островной говор Азербайджана – южнорусский диалект русских переселенцев-старообрядцев, появившихся в Азербайджане в первой трети XIX в., чьи села в прошлом были разбросаны островками по всей территории страны. Русский говор сформировался из разных диалектов русского языка и в иноязычном

окружении приобрел ряд общих черт, позволяющих представить его как одну из групп южновеликорусского наречия. Его часто называют островным потому, что он не образует сплошного, компактного ареала и разбросан островками на территории Азербайджана. От современного литературного русского островной говор Азербайджана отличается высокой концентрацией древнерусской лексики. В 2005 г. был издан словарь, представляющий собой систематизированный диалектный материал этих островков, однако диалект вследствие эмиграции сельского русского населения Азербайджана находится под угрозой скорого исчезновения [1, с. 100].

Русский язык русских и русскоговорящих в АР отличается от литературного и имеет ряд особенных черт. На фонетическом уровне характерно особое ударение начальных гласных, резкий подъем интонации в конце высказывания. Часто слова растягиваются именно в результате ударения на первый гласный в слове [2], причиной чему является фонетика азербайджанского языка, где первый гласный – ведущий в слове. Такое «искажение» наблюдается не только у русскоязычных азербайджанцев, но уже и у самих русских Азербайджана. Также сочетание звуков «д» и «ж» в один звук «дж», не характерный для русского языка. (Здесь стоит отметить еще и тот факт, что русские, проживающие в АР и владеющие азербайджанским языком, способны произносить звуки азербайджанского языка, не характерные для русского языка, что говорит уже о навыках артикуляции). Еще одной характерной чертой является использование частицы «да» после глаголов, например: *посмотри да, не шумите да* и т. д. Данная черта не является грамматической нормой для азербайджанского языка и характерна лишь для его разговорного варианта.

На лексическом уровне это преимущественно ряд бытовых, жаргонных слов как азербайджанского, так и русского языков. Некоторые из этих слов вошли в он-лайн словарь русских диалектизмов «Языки русских городов». К ним относятся такие слова: *демьянка* – бакладжан, *домашник* – тапок, *собирун* – тусовка, *балашка* – ребенок, *пакет* – кулек, *блок* – подъезд, *бурак* – свекла, *шпилька* – бельевая прищепка, *сетка* – авоська, пакет, *майка* – футболка. Также для русских, владеющих азербайджанским языком, характерно вкрапление азербайджанских слов в русскую речь.

Таким образом, русский язык русских в АР подвергся определенному влиянию со стороны азербайджанского и поэтому отличается от русского языка русских, проживающих в Российской Федерации. Произошло это в результате воздействия и влияния азербайджанской культуры на культуру русских, проживавших в окружении азербайджанцев. Отметим, что произошло не только изменение в языке, но и в мировоззрении русских, в их психологии. Русские в АР отличаются от россиян большей консервативностью, нормами морали, своеобразным смешанным менталитетом. Сегодня большая часть русского населения владеет азербайджанским языком. Даже общаясь между собой на русском языке, русские используют в речи азербайджанские слова. Незначительная доля русских в АР причисляет себя к азербайджанскому народу, стремясь к ассимиляции. Около 1 % русских, проживающих в АР, не владеют русским языком вообще.

Однако рассмотрим и обратный процесс. Современный разговорный азербайджанский язык также испытал на себе влияние русского языка. Но если раньше это влияние было связано с переселенцами, а затем с пребыванием АР в составе СССР, где основным языком был русский, то на сегодняшний день источником этого влияния являются российское телевидение, азербайджанцы, возвращающиеся на Родину из РФ, а также русскоязычные азербайджанцы времен СССР. Это влияние затрагивает лишь разговорный азербайджанский язык. На сегодняшний день количество русских, проживающих в АР, составляет около 2 % [4]. Однако это не мешает продвижению русского языка в массы.

Официально вошедшие в словарный состав языка русские слова – это, в первую очередь, слова, связанные с переселенцами-старообрядцами, а также с периодом СССР. В него вошли такие слова, как: *samovar* (самовар), прижившийся настолько хорошо, что большинство считает его национальным предметом быта, *kartof* (картофель), *qaloş* (галоши), *pomidor* (помидор), *pirojki* (пирожки), *maşın* (машина), *palto* (пальто), *kurtka* (куртка), *pinjəu* (пиджак), *duman* (туман), *fənlər* (фонарь), *kərpic* (кирпич), *himn* (гимн), *sirğa* (серьга), *osmınoq* (осьминог), *pulemyot* (пулемет), *çay* (чай), *zavod* (завод), *stakən* (стакан), *vağzal* (вокзал). Следует отметить, что не все слова, пришедшие в азербайджанский язык, являются словами славянского происхождения, так же как и предметы. Но они пришли при посредстве русского языка.

Разговорный азербайджанский язык на сегодняшний день пестрит русскими сленговыми словами. Характерной особенностью таких слов является слегка измененный фонетический состав (иногда полностью сохраняется фонетический состав), замена русских окончаний на азербайджанские, смена места ударения в словах, а также изменение смысла слова при полном сохранении его звучания.

Многие слова образовались в результате искажения фонетического состава слова, например: *afterka* (отвертка), *krant* (кран), *vapşe* (вообще), *kalpasa* (коляска), *fitbol* (футбол), *slivişni* (сливочный), *smetan* (сметана), *toşni* (точно), *ruşka* (ручка шариковая, гелиевая), *qastrul* (кастрюля), *fsyo* (все), *şampanski* (шампанское), *bamador* (помидор), *ramoymu* (по моему мнению), *doxtur* (доктор), *skamyə* (скамья), *normalni* (нормально), *astanofka* (остановка), *telfon* (телефон), *velsaped* (велосипед) и др.

Общезвестно, что с появлением современных технологий в язык входят и новые слова. Азербайджанский язык не является исключением. С появлением мобильной связи в речь вошло слово *контур(ы)* (баланс на телефоне). Значение слова *контур* в русском языке не имеет ничего общего со значением слова в азербайджанском языке. Несмотря на то, что на сегодняшний день в сообщениях о балансе на телефоне слово «контур» не пишется, однако в разговорной речи оно до сих пор живет. Довольно часто мы сталкиваемся с выражениями *vizov tula* (кинь вызов), т. е. «позвони и положи трубку, чтобы у тебя деньги не уходили со счета». В данном случае интересен факт, что в первых телефонах использовались исключительно русский и английский языки, но именно русские слова прижились в речи.

Выражение *cerez-cerez* (через-через) часто употребляется в разговорной речи современного азербайджанца. Значение выражения – «по цепочке, используя знакомства других людей». Выражение довольно распространенное, так как большинство вопросов решается с использованием связей (здесь проглядывает одна из черт местного менталитета, где почти все решают связи).

Слово *padoş* (подошва) часто употребляется в сочетании *padoş sifət* (лицо как подошва), как видим, здесь прижилось идиоматическое выражение. Глагол *şuxaritsa* (шухариться) используется в значении «драться». К девушкам приятной наружности применяется слово *maska* (маска) – значение довольно неопределенное в самом русском языке. Значение слова *şampuncik* (шампунчик) – «щеголь, использующий много парфюмерии». Слово *razborka* (разборка) употребляется в своем прямом значении. *Bomba* (бомба) – «нечто хорошее», *zadniy kidat* (задний кидать) – «отступить», *mozqi delat* (мозги делать) – «действовать на нервы», *papin dom* (папин дом) употребляется в том случае, когда делается что-то непозволительное, *brat* (брат) – обращение к другу и т. д.

Ряд слов образовался путем комбинирования корней и суффиксов обоих языков. Например, слово *yandırqalka* (зажигалка): *yandır* в переводе с азербайджанского «зажигать», а вторая часть слова *qalka* от русского «зажигалка». Или слово *işıqfor* (светофор): *işıq* в переводе «свет», «for» – усеченная форма русского слова «светофор».

Отметим, что эти слова употребляются азербайджанцами, не только не владеющими русским языком, но и проживающими в районах, где отсутствует какое-либо образование на русском языке, в районах, в которых практически нигде не слышна русская речь.

В сленговую речь молодежи вошли русские слова: *разборка*, *понятки*: *поняткалы* *gыз/оглан* (девочка/мальчик с понятиями), *лох*, *бомж*, слово *давай*, часто употребляющееся в телефонном разговоре и разговорной речи, в момент прощания или предложения сделать что-либо. Многие слова появились благодаря переводу современных произведений литературы с русского на азербайджанский как авторские нововведения и хорошо прижились в современном языке.

Перечисленные варианты слов являются результатом межкультурной коммуникации. Иногда это слова, заимствованные в результате технического прогресса, при появлении новых реалий, требующих наименований. Однако возникает вопрос: почему в разговорном азербайджанском стали появляться такие русские слова, как *stol* (стол), *çaynik* (чайник), *camadan* (чемодан), *zapas* (запас), *xalturi* (халтура), *zapravka* (заправка), *poezd* (поезд), *svyaz* (связь) и другие, хотя и предметы, и понятия, обозначаемые этими словами, уже существовали в азербайджанском языке?

Во времена СССР обучающиеся в русском секторе азербайджанцы при изучении русского языка забывали свой родной язык, так как русский считался основным. Происходило это потому, что за пределами республики не было необходимости в азербайджанском языке. Впоследствии, когда союз распался и азербайджанский стал государственным языком, русскоязычные азербайджанцы уже не владели им в полной мере. Началось заимствование слов из русского языка,

хотя слова, обозначающие те или иные предметы или явления, существовали и существуют в азербайджанском языке. Общение русскоговорящих азербайджанцев с азербайджанцами, носителями родного языка, способствовало дальнейшему распространению этих слов. Почему же современные молодые люди, владеющие азербайджанским, продолжают употреблять русские слова вместо азербайджанских? Не только употребляют уже имевшиеся в языке русизмы, но и продолжают заимствовать слова из современного русского языка. На наш взгляд, сегодня это дань моде, так как нет особой необходимости в этих заимствованиях. Всегда негласно считалось, что знание русского языка повышает социальный статус. Это мнение сохранилось и по сей день. Употребление русских слов в азербайджанской речи вошло в моду. Естественно, что те, кто выбирает обучение на русском языке, не руководствуются модой, а преследуют иные цели: возможность учиться и работать в России, доступ к большому объему информации на русском языке.

Рассмотрим влияние на азербайджанский английский языка, который в последние два десятилетия получил очень широкое распространение на территории АР. Популярность английского языка связана с развитием экономических отношений республики с англоговорящими странами, и в первую очередь с США и Великобританией, а также с научно-техническим прогрессом и развитием Интернета. Знание английского языка сегодня дает возможность получить образование или работу в англоязычных странах. Еще одним источником популяризации английского языка стала поп-культура. Увлечение популярной музыкой, песнями (сегодня многие песни исполняются на английском), фильмами привело к тому, что большинство американизмов вошло в азербайджанский язык (возможно, некоторые слова пришли параллельно через русский) и активно употребляется населением. Например: *о'кей, инглиш, ай ди карта, тест, микс, имейл, шоптинг, супермаркет, киллер, дресскод, беби*. Вошли слова, аналогов которых не существовало в азербайджанском языке. Это слова, связанные с интернетом (*он-лайн, виндоус, чат* и др.), косметикой и модой (*мейк-ап, имидж, стиль, лифтинг* и др.), наименованиями техники (*Си Ди плеер, компьютер, ноутбук*

и др.). Однако английские слова, несмотря на большую популярность языка, не заменяют уже существующие азербайджанские слова так, как это происходит с русскими словами. Несмотря на большую популярность английского языка, на наш взгляд, американский образ жизни и мировоззрение не получили большого распространения в АР.

После распада СССР Азербайджан начал усиленно строить братские отношения с Турцией. Если русский и английский языки для местного населения ассоциируются с иностранными языками, то турецкий язык родственен азербайджанскому и в принципе не представляет трудности в его понимании. С момента распада СССР турецкий язык начал постепенно завоевывать свои позиции в Азербайджане. И если раньше было модно знание русского языка, то в настоящее время стало модным знание и общение на турецком. Большую роль в этом сыграло телевидение. Огромное количество сериалов, мультфильмов и других передач транслировалось по азербайджанскому телевидению на турецком языке и не требовало перевода.

На территории республики растет количество турецких школ и лицеев. Огромный поток бизнесменов и рабочих из Турции направляется в Азербайджан на заработки. Немало турецких студентов проходят обучение в вузах Азербайджана, в то время как азербайджанские студенты отправляются на учебу в Турцию. Есть опасение, что турецкий язык ввиду своей схожести может поглотить азербайджанский язык полностью. Практически жители всех районов республики смотрят турецкие каналы. Уже сейчас благодаря телевидению дети дошкольного возраста прекрасно говорят и понимают турецкий язык, а взрослые часто употребляют турецкие слова вместо существующих эквивалентов в родном языке. Порой трудно определить, является ли слово, употребляемое в речи азербайджанца, азербайджанским или турецким по происхождению.

Таким образом, сегодня азербайджанский язык испытывает на себе влияние русского, английского и турецкого языков, однако обратный процесс затрагивает лишь русский язык, придавая особый колорит разговорной речи азербайджанцев и русских в Азербайджанской Республике.

Литература

1. Гейдарова Э. А. Диалектология русского языка Азербайджана. Секция III. Бакинский государственный университет (Азербайджан). История русского языка, диалектология. 2007.
2. Файнберг Е. Новое Русское Слово Евразийская версия. № 39 (33723). Возьми в дорогу русско-русский. Режим доступа: <http://nrs.ru/nrs/articles/2515.html>
3. Собственная картотека русских сленговых слов в азербайджанском языке.
4. Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН), 2009.

Информация об авторе:

Аулина Марина Владимировна – аспирантка Удмуртского государственного университета, преподаватель английского языка средней школы № 4 с английским уклоном им. М. М. Мехтизаде, г. Гянджа, Республика Азербайджан, marin2@bk.ru.

Marina V. Aulina – post-graduate student at Udmurt State University; teacher of English at school № 4, Gandja City, the Republic of Azerbaijan.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2014 г.

ИДИШСКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *DER-*,
ОПИСЫВАЮЩИЕ ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ПРОЦЕССА
О. В. Бадер, К. А. Шишигин

YIDDISH PREFIXED VERBS DESCRIBING THE ACHIEVEMENT
OF A LONG-TERM ACTION OR PROCESS
O. V. Bader, K. A. Shishigin

Статья представляет собой анализ идишских глаголов с префиксом *der-* описывающих достижение цели продолжительного действия или процесса. В статье рассматриваются их семантические, словообразовательные и морфосинтаксические характеристики, а также показывается, что идишские глаголы данного класса, оставаясь немецкими по форме, стали по своим семантическим и морфосинтаксическим характеристикам в основном славянскими.

The authors analyze the Yiddish verbs with the prefix *der-* describing the achievement of long-term process or action. The paper shows their semantic, word-formative and morphosyntactic characteristics and also demonstrates that Yiddish verbs of this class, remaining German in form, became mostly Slavonic in their semantic and morphosyntactic characteristics.

Ключевые слова: идиш, префикс, префиксальный глагол, семантика, морфосинтаксис.

Keywords: Yiddish, prefix, prefix verb, semantics, morphosyntax.

Цель настоящей статьи – проанализировать идишские глаголы с префиксом *der-* (здесь и далее транскрипция по: Yiddish Alphabet [12]), описывающие достижение цели продолжительного действия или процесса. Их особенность состоит в том, что они являются в основном славянскими кальками и имеют тем самым славянскую семантику, а именно, как и, например, русские глаголы с префиксом *до-*, обозначают «достижение результата, завершающего трудное, напряженное действие, требующее усилий» [2, с. 36] (типа *derarbetn* 'доработать' и *derre[y]dn zikh* 'договориться'; ср. рус. *доработать* и *договориться*) [см. также 10, с. 165; 1; 7].

Глаголы анализируемого класса могут быть распределены на следующие тематические группы (подчеркнуты глаголы, встречающиеся в нескольких группах):

а) достижение временного предела: *derarbetn* 'доработать (до какого-л. момента)', *derlebn* 'дожить', *derzitsn* 'досидеть';

б) достижение/получение искомого: *derarbetn zikh* 'доработаться/добиться работой', *derbiven zikh* 'добиться', *derdinen zikh* 'дослужиться', *derre[y]dn zikh* 'договориться', *dershlogn zikh* 'добиться', в том числе:

– с негативным результатом: *derlebn zikh* 'дожить-ся', *dertrakhtn zikh* 'додуматься';

– получение информации: *derfregn zikh* 'выспросить', *dergrunt[eve]n zikh* 'выяснить', *derkundikn zikh* 'справиться', *dertrakhtn zikh* 'додуматься', *dervisn zikh* 'дознаваться'.

(1) *derlebn* 'дожить': *ven mayn mame volt dos derlebt, volt zi nokh a mol geshtorbn* [8]. 'Если бы моя мама до этого дожила, она бы умерла снова'.

(2) *derdinen zikh* 'дослужиться': *er hot zikh derdint tsu an ofiterskn tshin* [11, с. 173]. 'Он дослужился до офицерского чина'.

(3) *derlebn zikh* 'дожиться': *...sheyn azoy! ha? zikh derlebt? vos hot ir gepoyelt mit ayer oyftu?..* [12]. '...Прекрасно? Ага? Дожились? Чего вы добились своими действиями?..'

(4) *dervisn zikh* 'разведать, дознаться': *vun vanen hot zikh dervust mayn bruder elye, az ikh khap fish* – *veys ikh nit* [13, с. 17]. 'Как же мой брат Эля дознался, что я ловлю рыбу, не знаю'.

Данные примеры описывают следующие ситуации:

– пример (1): потенциальную ситуацию дожития одушевленного референта (существительное *mame* 'мать/мама') до определенного времени (указательное местоимение *dos* 'это');

– пример (2): достижение человеком (личное местоимение *er* 'он') офицерского звания (словосочетание *ofitersker tshin*) в результате трудного или продолжительного действия – воинской службы, которая актуализируется производящим глаголом *dinen* 'служить';

– пример (3): одушевленный референт (личное местоимение *ir* 'вы, Вы') переживает негативные для него последствия, что по славянскому образцу концептуализуется как «негативный результат продолжительного жизненного процесса» (ср. рус. *дожиться*);

– пример (4): одушевленный референт (имя собственное *elye* 'Эля') путем определенных усилий добивается получения информации (придаточное дополнительное *az ikh khap fish* 'что я ловлю рыбу').

К данному типу относятся 14 префиксальных глаголов и с точки зрения словообразования:

а) большинство из них, как отмечалось выше, являются славянскими кальками: ср. ид. *dervartn zikh* 'дож(и)даться' и рус. *дож(и)даться*, ид. *derzitsn* 'досидеть' и укр. *досидіти*; ид. *derfregn zikh* 'расспрашивать' и польск. *dopytywać się* 'расспрашивать' / рус. *допытываться*; в славянских языках подобные глаголы часто относятся к интенсивно-результативным, то есть имеющим значение «...интенсивности, напряженности, усиленности действия, приводящего к определенному результату» [6, с. 215; см. также: 4, с. 602], которое было заимствовано и анализируемыми идишскими глаголами;

б) не являются кальками и по этой причине не имеют производящих основ, а существуют только в виде префиксальных:

– прямое русское заимствование *derbiven zikh* 'доб(и)ваться' (ср. рус. *добу(ва)ться*);

– даймеризм, то есть позднее немецкое заимствование [см. 14, с. 657], *derkundikn zikh* 'справляться, спрашивать' (ср. нем. *sich erkundigen*);

в) остальные префиксальные глаголы образованы от глагольных производящих основ.

С морфосинтаксической точки зрения у данных префиксальных глаголов можно констатировать следующее:

а) многими из них было заимствовано славянское предложное управление:

(5) *derarbetn* 'доработать': *derarbetn biz* der pensye [5, с. 135]. 'доработать до пенсии';

(6) *derfregn zikh* 'расспрашивать': [er hot] ...*zikh derfregt vegn* zaayne, yoysef shors yerushe-inyonim [9]. '[Он] ...расспрашивал о своих, Иосифа Шора, наследственных делах';

б) при *derfregn zikh* и *dervisn zikh* могут также использоваться придаточные предложения:

(7) er... hot *zikh derfregt*..., *tsi* s'iz emes, vos er hot nit lang geleyent in a hebreisher tsaytung... [9]. 'Он... расспрашивал..., правда ли то, что он прочитал в одной ивритской газете...';

в) глаголы *derlebn* 'дожить' и *derzitsn* 'досидеть' могут:

– по славянскому образцу требовать предложного дополнения:

(8) *derlebn biz* tifer elter [5, с. 132]. 'дожить до глубокой старости';

– или по немецкому образцу употребляться как транзитивные:

(9) коум *derlebt nakht* (Дпям) [13, з. 35]. 'Кое-как дожил до ночи' (ср. нем. eine wunderschöne *Nacht* (Дпям) *erleben* 'удивительно провести ночь', букв.: «пережить удивительную ночь»);

г) в плане транзитивности/интранзитивности префиксальных глаголов по сравнению с производящими основами:

– большинство (8 глаголов) являются, как и соответствующие славянские, рефлексивированными, образованными от интранзитивных: *derarbetn zikh*, *derdinen zikh*, *derfregn zikh*, *dergrunt[eve]n zikh*, *derlebn zikh*, *derre[y]dn zikh*, *dertrakhtn zikh*, *dervartn zikh*;

– 2 глагола – рефлексивированные по славянскому образцу, образованные от транзитивных: *dershlogn zikh*, *dervisn zikh*;

– 2 глагола – рефлексивированные с нулевой производящей основой: *derbiven zikh* (славянское заимствование), *derkundikn zikh* (даймеризм);

– 2 глагола, образованные от интранзитивных, могут употребляться и как транзитивные (по немецкому образцу), и как интранзитивные (по славянскому образцу): *derlebn*, *derzitsn*;

– 1 глагол – интранзитивный: *derarbetn*.

Что касается изменений семантического характера в результате префиксации, то таковые претерпевают два глагола:

– *dershlogn zikh* 'добиться' теряет семантику производящего глагола *shlogn* 'бить' и приобретает, как и, например, русский *добиться*, значение «достичь чего-либо в результате усиленных действий» [ср.: 3, с. 145];

– *dervisn zikh* 'дознаться': если другие глаголы (кроме *derbiven zikh* *derkundikn zikh*, не имеющих производящих основ, и *dershlogn zikh*) описывают достижение цели путем действий или в результате процессов, обозначаемых производящим глаголом (*dervartn zikh* 'дож(и)даться', то есть «путем ожидания (про)существовать до появления желаемого», *derzitsn* 'досидеть', то есть «сидя дож(и)даться желаемого»), то *dervisn zikh*, образованный от глагола *visn* 'знать', не означает «достигнуть цели через знание», а наоборот, «добыть знания».

В целом анализ материала показал, что идишские глаголы с префиксом *der-*, описывающие достижение цели продолжительного действия или процесса, оставаясь немецкими по форме, стали по своим семантическим и морфосинтаксическим характеристикам в основном славянскими.

Литература

1. Бадер О. В. Когнитивно-семантическая классификация и морфосинтаксические особенности идишских глаголов с префиксом *der-* // Вестник КеМГУ. Вып. 1(57). Т. 2. Кемерово, 2014. С. 118 – 123.
2. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: Семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. 196 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
4. Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.
5. Русско-еврейский (идиш) словарь / под ред. М. А. Шапиро [и др.]. М.: Русский язык, 1989. 720 с.
6. Стрекалова З. Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М.: Наука, 1979. 264 с.
7. Шишигин К. А. Семантические и морфосинтаксические особенности префиксальных глаголов с приставкой *der-* в языке идиш // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 8. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. С. 208 – 210.
8. Bashevis-Zinger Y. Gimpl tam. Режим доступа: <http://mendeley.commons.yale.edu/wp/wp-content/uploads/2010/05/gimpl.pdf>
9. Bergelson D. Yoysef Shor. Режим доступа: <http://mendeley.commons.yale.edu/wp/wp-content/uploads/2010/10/shur.pdf>
10. Estraiikh G. Soviet Yiddish. Language Planning and Linguistic Development. Oxford: Clarendon Press, 1999. 217 p.
11. Harkavi A. Yidish-English-Hebreisher verterbukh. New York: Hebrew Publishing Company, 1928. 583 z.

12. Sholem-Aleykhem. Alemen glaykh (Mayn utopie). Режим доступа: <https://sites.google.com/site/-mendeledervaylik/library>
13. Sholem-Aleykhem. Motl peyse dem khazns. Yerusholaim: Magnes pres, 1997. 366 z.
14. Vaynraykh U. Modern english-yidish, yidish-english verterbukh. Nyu-york: YIVO; Shoken, 1968. 790 z.; XLIII z.
15. Yiddish Alphabet / Alef-Beys. Режим доступа: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275

Информация об авторах:

Бадер Оксана Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачёва, Bader_oksana@rambler.ru.

Oksana V. Bader – senior lecturer at the Department of Foreign Languages, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии КемГУ, schischigin-ka@rambler.ru.

Kyrill A. Shishigin – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of German Philology Department, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.

УДК 81.33:61:808.2

О ДЕФИНИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ (на материале определений студентами терминов из понятийной сферы «инфекционные болезни») *А. Г. Балобанова*

DEFINITIONAL STRATEGY OF MEDICAL TERMS SEMANTIZATION (based on students' definitions of the terms from the conceptual sphere of "infectious diseases") *A. G. Balobanova*

В статье представлено описание дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов, образующих понятийную сферу «Инфекционные болезни». Дефиниции выявлены в результате проведенного лингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей реального функционирования медицинских терминов в сознании рядовых носителей языка, находящихся на начальном уровне профессионализации. Информантам было предложено дать определение следующим терминам из понятийной сферы «Инфекционные болезни»: *ботулизм, бруцеллез, малярия, коклюш, орнитоз*. Исследуемый материал дает основание говорить о том, что обыденное содержание термина отличается от его научного содержания: обыденное содержание термина представлено не в логической форме понятия, а в форме внутреннего (ментального) содержания, которое эксплицируется изнутри вовне в ситуации эксперимента. Анализ толкования значений указанных медицинских терминов позволил выделить следующие значимые для носителей языка компоненты значения: *категория болезни, эпидемиология, этиология, симптоматика, патогенез, возрастная категория, прогноз*.

The paper describes the definitional strategy of the semantization of the medical terms, forming the conceptual sphere of "infectious diseases". Definitions were found in the result of the linguistic experiment aimed at identifying the peculiarities of the real functioning of the medical terms in the consciousness of ordinary native speakers that are at the initial level of professionalization. The respondents were asked to define the following terms from the conceptual sphere of "infectious diseases": *botulism, brucellosis, malaria, pertussis, psittacosis*. The test material gives grounds to say that the ordinary meaning of the term differs from its scientific content: the ordinary content of the term is not submitted in a logical form of a concept, but in the form of internal (mental) content, which is explicated from the inside out in the experimental situation. Interpretation analysis of the medical term meanings allowed identify the following significant components for native speakers: *category of disease, epidemiology, etiology, symptoms, pathogenesis, age category and prognosis*.

Ключевые слова: обыденное метаязыковое сознание, семантизация термина, дефиниционная стратегия, терминология, медицинские термины.

Keywords: ordinary metalinguistic consciousness, semantization of a term, definitional strategy, terminology, medical terms.

В последние десятилетия в лингвистике проводятся многочисленные исследования в области терминологии. Она изучается в самых разных аспектах, при этом исследования носят как теоретический, так и прикладной характер.

Такой повышенный интерес к языкам для специальных целей далеко не случаен. Ему способствует инновационное развитие науки и техники, сопровождающееся массовым появлением новых терминов и ростом профессионального тезауруса. Не является исключением и медицинская терминология. Как из-

вестно, терминосистема любой современной науки, в том числе и медицинская терминология, обладает определенной индивидуальностью, отображающей специфику соответствующей области познания объективной действительности и когнитивных механизмов ее осмысления и представления в языке.

Особый интерес в этом плане представляет изучение особенностей обыденной семантизации медицинских терминов рядовыми носителями языка. В современных лингвистических исследованиях понятие «семантизация» охватывает широкий и разнообразный мир языковых явлений и находится на предельно высоком уровне абстракции. В ряде лингвистических работ наравне с термином «семантизация» употребляются такие термины, как *толкование, истолкование, интерпретация, ассоциация*, понимаемые в самом широком смысле – как семантическое объяснение фактов языка. В данной работе мы рассматриваем семантизацию как форму метаязыковой деятельности носителя языка, направленную на экспликацию мыслительного содержания, репрезентируемого словом в его (носителя) языковом сознании. Мы принимаем точку зрения Л. Г. Ким и Т. Ю. Кузнецовой, согласно которым при толковании лексического значения слова осуществляется акт семантизации, то есть на основе одного, исходного значения слова возникает другое, предлагаемое носителем языка в качестве равнозначного исходному, основному. В результате на фоне основного значения слова, фиксируемого в словаре, возникает множество вариантов толкований данного (исходного) слова. При этом вариативный характер семантизации слова обусловлен, с одной стороны, типом коммуникативной задачи, которую ставит перед собой носитель языка в процедуре толкования лексического значения слова; а с другой – индивидуальным речевым опытом говорящего (по многим основаниям – психологическим, возрастным, профессиональным и т. д.).

Под стратегией семантизации мы понимаем «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [9, с. 120]. Данный процесс интерпретации включает несколько этапов: 1) восприятие внешней (звуковой) оболочки слова; 2) соотнесение звукового образа с обозначаемым им понятием; 3) выводимость значения из глубин сознания на поверхностный уровень посредством речевого оформления знания о значении слова.

Под толкованием значения, мы понимаем «способ отражения психологической структуры значения (представление о значении слова в сознании носителя языка)» [9, с. 119]. При толковании реципиент выбирает наиболее удобный, оптимальный, с его точки зрения, способ действия.

Одним из основных типов стратегии семантизации слова, как утверждают исследователи, является дефиниционный. Выделение этого типа основано на осознании отношений «форма – содержание», «слово – слово» в процедуре толкования слова. Этой языковой стратегии свойственен тип отношений, который предопределен устройством самого языка. Данная модель ориентирована на отражение неких стандар-

тов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих.

С точки зрения Н. Д. Голева, дефиниционная стратегия направлена на установление соответствия содержания языковой единицы отображаемой реальности (*что есть что*).

Целью данного исследования является описание дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов, выявленной в результате лингвистического эксперимента, отражающего особенности реального функционирования медицинских терминов в сознании рядовых носителей языка, находящихся на начальном уровне профессионализации. В качестве испытуемых выступили 50 абитуриентов, поступающих в Новосибирский государственный медицинский университет.

Анализу были подвергнуты термины, относящиеся к денотативной области «Инфекционные болезни». Выбор данной лексики не случаен, так как инфекционные болезни являются самой частой причиной обращения человека за медицинской помощью и частой причиной временной нетрудоспособности, неслучайно, поэтому в Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (десятый пересмотр), инфекционные и паразитарные болезни включены в первый класс.

Информантам было предложено дать определение следующим терминам из этого класса: *ботулизм, бруцеллез, малярия, коклюш, орнитоз*.

Исследователи утверждают, что научное содержание представляется в логической форме понятия, представленного термином. Научное понятие как форма логического мышления является концентрированным отражением внутренних, существенных, определяющих свойств и закономерных связей предметно-материального мира [3, с. 88]. Это особое мыслительное образование, результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса и в совокупности отличительных для них признаков [3, с. 91]. Среди множества других способов познания понятия представляют наибольшую ценность, так как в них предметы обобщаются по существенным признакам. Но с гносеологической точки зрения мысль представляет собой понятие, независимое от того, насколько существенными являются признаки, составляющие основу обобщения предметов, тем более, что для предметов одного и того же класса возможны и менее, и более существенные признаки, существенные для характеристики самих этих предметов или с какой-то точки зрения в связи с тем или иным использованием предметов [3, с. 91].

Главная особенность понятий как отражательной сущности лежит не только в плоскости объекта (полноты набора признаков) и качества (степени сущности) содержания, но и формы внутреннего (ментального) содержания и формы экспликации его изнутри вовне [1, с. 206].

А. А. Ветров, полагает, что дефиниция – это форма репрезентации лексического значения слова, представляющая перечень его признаков -сем, и, следовательно, связанная с понятийным содержанием, в от-

личие от представления, которое существует в сознании в нерасчлененной форме [2, с. 42].

При построении дефиниции информант стремится объяснить значение слова, оперируя, на его взгляд, наиболее характерными для этого слова признаками. В сознании носителей языка представление о том или ином предмете имеет более или менее фиксированную структуру, состоящую из набора определенных смыслов. «Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [7, с. 10]. Если значение и функционирует в речи в форме представлений, то это представление является обобщенным, по терминологии И. М. Сеченова.

В нашем исследовании мы исходим из следующего определения: «Дефиниция – это описание какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки», но «очертить и эксплицитно выразить минимум предметных сведений, подразумеваемый лексическим значением данного слова, не всегда легко» [5, с. 132].

Среди дефиниций широкое распространение получили *классификационные*, определяющие понятие через родо-видовые отличия.

Так, при толковании предложенных терминов были получены определения, структура которых подчиняется логике построения дефиниций, предполагающей наличие двух компонентов (полные дефиниции) с указанием ближайшего рода (класса) и видового отличия.

Например, при определении термина *ботулизм*, информантами указывается род (класс) – *заболевание/болезнь/отравление*. Признаком же определяемого предмета (видовым отличием) является компонент *инфекционное/пищевое*. У *орнитоза* родовым компонентом является *болезнь/заболевание*, а видовым компонентом – *передающаяся от птиц/ связанное с птицам/ передающееся через птиц/ передающееся птицами*.

В процессе анализа дефиниций было выявлено, что определение термина может быть этим исчерпано либо дополнено одним или несколькими видовыми признаками.

Например:

ботулизм – *инфекционное* (1) *заболевание, токсическое* (2); *с поражением нервной системы* (3);

бруцеллез – *инфекционное* (1) *заболевание, обычно передается от животных к человеку* (2) *(мясо)* (3), *молоко* (4));

коклюш – *сильный кашель* (1), *вирусное* (2) *заболевание, детский возраст больше подвержен* (3);

малярия – *заболевание, связанное с проникновением в кровь* (1) *бактерий* (2) *переносчиком малярийным комаром* (3) – 1 (2 %). (Ответы абитуриентов даются без стилистической правки).

Среди неполных дефиниций, состоящих из одного компонента, выделяются дефиниции, в которых есть указание либо только на родовой компонент: *ботулизм* – *отравление, бруцеллез, коклюш, малярия* – *инфекция, орнитоз* – *болезнь*, либо только на видовой: *малярия* – *разрушение эритроцитов*.

Некоторые испытуемые не включают в дефиниции родовой признак, считая его несущественным. В качестве родового признака ими воспринимается видовой, отображающий происходящие деструктивные, регрессивные изменения или причину, которая вызывает болезнь. Например: *бруцеллез* – *вызвано бактерией; коклюш* – *сильный кашель*.

Как показывает анализ, в ответах информантов неполные дефиниции могут состоять не только из одного компонента, но и из нескольких. Например:

ботулизм – *поражает нервную систему* (1), *нарушается координация* (2), *вызвано бактерией* (3), *если не лечить, быстро наступает смерть* (4).

Выделяя общий существенный признак, позволяющий рассматривать предмет как элемент одного определенного класса, подавляющее число информантов указывало на дисциплинарную категорию (*болезнь; заболевание; инфекция*).

Дифференцируя существенные признаки предмета, абитуриенты продемонстрировали их изрядное разнообразие, при этом можно выделить закономерности осознания и дефинирования значения.

Многие информанты, давая определение инфекционным заболеваниям, указали на причину, которая вызывает болезнь. Это объясняется тем, что каждый человек в своей жизни прямо или косвенно сталкивается с этими опасными для жизни заболеваниями и должен иметь представление об источнике инфекции.

К примеру:

ботулизм – *заболевание, вызванное бактериями; вызванное кишечной палочкой;*

бруцеллез – *вирусное заболевание; вирусная болезнь; поражение организма паразитами;*

коклюш – *заболевание, вызванное бактерией; вирусное заболевание;*

малярия – *болезнь, вызванная бактериями; заболевание, вызванное малярийным плазмодием; вирусное заболевание.*

Также информантами была сделана попытка отнести данные заболевания к определенной категории. Этот компонент представлен абитуриентами в различных вариациях (*паразитозное, вирусное, кожное*).

Абитуриенты продемонстрировали свою осведомленность в вопросах эпидемиологии и указали, например, что случаи заболевания *малярией* приходятся на определенную территорию (*в жарких странах*), а *коклюш* – это *детское* заболевание, т. е. распространяется среди определенной группы населения (указана возрастная категория).

Вполне объяснимо, что стабильным оказался компонент симптоматики, так как проявление заболевания, прежде всего, выражается в жалобах пациента (*сопровождается удушающим кашлем/сильным кашлем; сопровождающееся кашлем и сыпью; судороги, субфебрильная температура, лихорадка*).

С учетом характера осмысливаемого содержания терминов вполне закономерными видовыми признаками являются и другие признаки, выявляемые в процессе дефиниционного анализа: *эпидемиология, локализации, патогенез, прогноз, осложнение, группа бактерий*.

Например:

Ботулизм – заболевание, поражающее нервную систему (1), в частности продолговатый мозг (2). Вызывается микроорганизмами (3), содержащимися в пищевых продуктах (4) (локализация + подробнее локализация + этиология + эпидемиология);

анаэробная (1) бактерия чаще всего находится в консервированных продуктах (2) при попадании в организм может довести до летального исхода (3) (группа + эпидемиология + прогноз);

малярия – тяжелое (1) заболевание, вызванное укусом малярийного комара (2) и попаданием в организм паразита (3) – малярийного плазмодия (4), сопровождающееся лихорадкой (5), может закончиться смертью (6) (симптоматика + эпидемиология + патогенез + этиология + подробнее: симптоматика + прогноз);

инфекционное (1) заболевание, переносимое малярийным комаром (2) или же паразитами (3) (малярийные плазмодии (4)), попадает через кровь (5) (категория болезни + эпидемиология + подробнее: эпидемиология + этиология + подробнее эпидемиология)

Статистические данные о частотности репрезентации признаков позволяют выстроить определенную их иерархию, которую можно квалифицировать как представление степени существенности признака.

Так, например:

ботулизм – 33 реакции (66 %) из 50 (100 %):

1/ этиология; 2/ категория болезни; 3/ локализация; 4/ симптоматика; 5/ эпидемиология; 6/ прогноз; 7/ патогенез; 8/ группа (аэробные /анаэробные).

Бруцеллез – 31 реакция (62 %) из 50 (100 %):

1/ категория болезни; 2/ этиология; 3/ локализация; 4/ эпидемиология; 5/ осложнение; 6/ прогноз.

Коклюш – 43 реакции (86 %) из 50 (100 %):

1/ симптоматика; 2/ локализация; 3/ категория болезни; 4/ возрастная категория; 5/ этиология; 6/ патогенез; 7/ эпидемиология.

Малярия – 45 реакций (90 %) из 50 (100 %):

1/ эпидемиология; 2/ этиология; 3/ категория болезни; 4/ симптоматика; 5/ патогенез; 6/ прогноз; 7/ локализация.

Орнитоз – 27 реакций (54 %) из 50 (100 %):

1/ эпидемиология; 2/ локализация; 3/ категория болезни; 4/ симптоматика; 5/ патогенез.

Важно отметить тот факт, что на данном этапе профессионального становления у абитуриентов нет еще достаточного количества знаний в области медицины. Из дисциплин, имеющих непосредственное отношение к медицине и ее профессиональному языку, они изучали только естественно-научные дисциплины общеобразовательной школы. С таким запасом знаний испытуемых можно квалифицировать как рядовых носителей языка, находящихся на начальном уровне профессионализации. Поэтому в процессе обработки экспериментальных данных нами был введен дополнительный признак определения – *неопределенный компонент*, который используется носителями языка в тех случаях, когда им было трудно дать ответ.

Приведем примеры:

бруцеллез – какое-то (1) заболевание, вызванное вирусом (2),

(неопределенность компонента + этиология);

коклюш – что-то связанное с горлом (неопределенность компонента);

орнитоз – связано с нарушением (1) (птицы (2)); (неопределенность компонента + эпидемиология);

увеличение чего-то (1), *повышение уровня чего-то* (2); (неопределенность компонента + неопределенность компонента).

Уровень подготовки абитуриентов соответствует начальному этапу их профессионализации, поэтому вполне естественно, что нехватка знаний привела некоторых испытуемых к ошибочному толкованию терминов. Например: *ботулизм* – психологическое заболевание; *орнитоз* – кишечник; *бруцеллез* – заболевание селезенки; *заболевание печени* (1), *ведущее за собой разложение печени* (2), *без правильного лечения, ведущее к летальному исходу* (3); *коклюш* – кожное заболевание. Однако выявление ошибок при толковании терминов не являлось целью нашего исследования, поэтому мы привели эти примеры только в качестве иллюстративного материала.

Исследуемый материал дает основание говорить о существовании закономерностей осознания и дефинирования термина, обусловленных характером осмысливаемого значения. Анализ толкования значений медицинских терминов позволил выделить следующие значимые для носителей языка компоненты значения: *категория болезни, эпидемиология, этиология, симптоматика, патогенез, возрастная категория, прогноз и т. д.* В целом же выбор дефиниционной стратегии предполагает наличие общей, достаточно известной рядовым носителям языка, находящимся на начальном уровне профессионализации, информации о денотате, благодаря чему становится возможным определение денотата как элемента общего класса и выделение дифференциальных признаков в структуре дефиниции. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в педагогических целях. Наблюдения за ответами информантов позволяют изучить процедуры осознания семантики научной лексики и оптимизировать процесс обучения медицинской терминологии в медицинских образовательных учреждениях.

Литература

1. Балобанова А. Г. Реальная семантика медицинских терминов (на материале толкований практикующих врачей) // Медицина и образование в Сибири: сетевое научное издание. 2014. № 3. Режим доступа: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1363
2. Ветров А. А. Расчлененность формы как основное свойство понятия // Вопросы философии. 1958. № 1.
3. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М.: Изд-во Московского университета, 1989. 88 с.
4. Голев Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции; Общий очерк концепции в «Словаре обыденных толкований русских слов» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2010. С. 219 – 263, 205 – 219.

5. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и его обозначения. М., Наука, 1972. 184 с.
6. Ким Л. Г., Кузнецова Т. Ю. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2010. 350 с.
7. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 207 с.
8. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000а.
9. Ростова А. Н. Стратегия толкования значения слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000б.
10. Шиканова Т. А. Медицинская терминология: реальное и нормативное значение (теоретико-экспериментальное изучение) // Социально-гуманитарное знание в России и за рубежом: материалы второй заочной Международной научно-практической конференции (25 – 28 февраля 2013 г.): в 4 ч. Ч. 3. Пермь, 2013. 246 с.

Информация об авторах:

Балобанова Анжелика Германовна – соискатель кафедры русского языка КемГУ, старший преподаватель кафедры лингвистики НГМУ, balolika@mail.ru

Anzhelika G. Balobanova – post-graduate student, Senior Lecturer at the Department of Linguistics, Novosibirsk State Medical University.

(Научный руководитель: Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ.

Research advisor: Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 26.09.2014 г.

УДК 82-1

ФЕНОМЕН ТРИКСТЕРА И ОБРЯДОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПОЭМАХ В. МАЯКОВСКОГО

М. А. Галиева

**THE PHENOMENON OF THE TRICKSTER AND RITUAL REALITY
IN VLADIMIR MAYAKOVSKY'S POEMS**

М. А. Galieva

В статье рассматривается раннее творчество Маяковского в контексте фольклорной традиции. Объектом исследования выступает поэма «Флейта-позвоночник» и «Облако в штанах». Предметом исследования являются принципы фольклоризма в поэмах Маяковского. Применен историко-типологический метод. Компаративный анализ позволяет по-новому посмотреть на поэтику Маяковского. Также в статье рассматривается проблема антропокосмизма в творчестве поэтов Серебряного века. Поднимается вопрос о соотношении поэзии авангарда с мифом и фольклором.

Миф и фольклор представлены в неразрывной связи. Учитываются внутренние формы проявления фольклорной традиции в литературе. В центре внимания оказывается обрядовый погребальный комплекс, связанный с мотивом «ожившего покойника», мотивом отрубленный головы и женским архетипом в имплицитном виде. Учитывается мировой культурный и литературный контекст.

Полученные результаты можно применить и в курсе по русскому фольклору, и в курсе по русской литературе начала XX века.

The paper discusses the early work of V. Mayakovsky in the context of the folk tradition. The field of research is the poems "The Backbone Flute" and "A Cloud in Trousers". The object of research is the principles of folklorism in Mayakovsky's poems. The historical-typological method was applied. Comparative analysis provides a new look at Mayakovsky's poetics. The paper also addresses the problem of anthropocosmism in the poetry of the Silver Age. The author raises the question of the relationship between avant-garde poetry with myth and folklore. Myth and folklore are presented in close connection. The internal manifestations of folk tradition in literature are taken into account. The paper focuses on a ceremonial burial ritual associated with the motif of "the resurrected dead man", the motif of the cut head and the female archetype in the implied form. The global cultural and literary context is taken into account. The results can be used in teaching Russian folklore and Russian literature of the early 20th century.

Ключевые слова: авангард; миф; фольклор; космическое вознесение; Маяковский.

Keywords: avant-garde; myth; folklore; cosmic ascension; Mayakovsky.

О широком распространении неомифологизма, творении «своего мифа» в культуре начала XX века говорить не приходится. Однако, начиная статью о Маяковском и о связях его творчества с фольклором и

мифом, необходимо совершить небольшой экскурс в *авангардистскую среду* и её «окрестности», в которой идеи воскрешения разных мифов и архаического мышления были особенно актуальны. Первое, что обращает

на себя внимание в контексте нашей проблемы – это деятельность футуристов-заумников, а именно, язык, ими созданный. Конечно, особенно выделяются призывы основателя «заумного языка» А. Крученых «оставить разум в стороне и писать на языке еще не застывшем, не закреплённом ярлыком понятия – на заумном! Пусть будет нелепо, непонятно, чудовищно» [13] («О безумии в искусстве», 1919). Но здесь стоит обратить внимание на то, что русские футуристы хоть и активно обращались к непонятному языку, творили его, однако не стремились объяснять «истoki» такого своего выбора. В связи с этим показательно сопоставление с грузинским вариантом футуризма, испытывавшем на себе влияние идей ОПОЯЗа. Дело в том, что грузинские футуристы-заумники теоретически осмысливали свои опыты, связывая напрямую свою поэзию с фольклором, видя истоки поэтики зауми в фольклорной поэтике. Так, Л. Асатиани в своей статье «Проблемы поэзии: Поэзия и заумь» прослеживает генетическую связь зауми в языке с грузинским фольклором: «Вслед за Шкловским, указывающим на заумь в заговорах и заклинаниях, Асатиани приводит образцы зауми, содержащиеся в древнегрузинских заговорах от укуса змеи, болезни глаз» [17, с. 154]. Таким образом, теоретическая статья поэта показывает сложную связь новой авангардистской поэтики с уже сложившимися и существовавшими веками формулами. Думается, что и русский футуризм вырос со своим заумным языком, языком числа, звезд на русской фольклорной почве, не смотря на то, что новые поэты постоянно публично отказывались от традиции и какой-либо преемственности («Пощечина общественному вкусу»). Еще В. Шкловский в 1919 г. устанавливал связи «заумного языка» и ритуальных формул, отмечая, что «заклинания всего мира часто пишутся на таких языках <...>» [28, с. 21].

Поэтика загадки строится, по замечаниям специалистов, на зауми, темном языке, заключающем в себе космическое знание, получить которое можно только путем разгадывания – тайн Вселенной. Эстетика авангарда связана напрямую с поэтикой зауми, которая привлекательна была тем, что «основной акцент делается не на словесной форме ради ее самой, а на телесно-духовной форме самого творящего субъекта в момент вдохновения, которая являет собой постоянно меняющуюся форму самого бытия – прообраз новой Вселенной» [26, с. 72]. Таким образом, происходит приобщение к *небытовому*. К последнему в своем творчестве, поэмах и манифестах, призывал В. Маяковский.

По замечаниям специалистов, авангард не только переосмыслил представления о мире, но и был обращен к прошлому, сакральным переломным его моментам. Стоит здесь отметить и проблему внутренней формы культуры, о которой Г. Кнабе писал: «Внутренние формы культуры – это образные представления, обнаруживаемые в основе самых разных проявлений духовой и материальной жизни данной эпохи и составляющие глубинное единство ее культуры» [12, с. 146]. Таким образом, перед нами стоит следующая задача – выявить модель *нового человека*, человека будущего, модель «нового бытия» в поэзии Маяковского и формы её взаимодействия с подлинным мифом и фольклорной традицией. Однако, в связи с этим, стоит обратить

особо внимание на то, что взаимодействие культуры авангарда с разными проявлениями форм мифа, фольклора сложнее, чем представляется на первый взгляд. Это не только известные сюжетные картины о «красных», «синих», «желтых» конях Петрова-Водкина, Ф. Марка (отметим, что в это время *анималистический сюжет* получил всемирное распространение – Х. Сабогаль создает картину «Лошади на побережье», сюита П. Элюара «Животные и их люди, люди и их животные»), не только проникновение новокрестьянских поэтов в тайны природы, это прежде всего новое видение космоса и искусства, не с мещанских позиций, а с позиций сопричастности человека *бытийному миру*. В свете этого речь пойдет, конечно же, не о внешних проявлениях фольклорной традиции в творчестве Маяковского, хотя ученые указывают зачастую именно на такое проникновение устной традиции в его поэтику. Вопрос о фольклоризме Маяковского начал разрабатываться уже в 30 – 40-е гг. XX века в статьях А. Дымшиц [9, с. 125 – 131], И. Дукор [8, с. 122 – 143], свое продолжение тема получила в диссертации И. С. Правдиной [20], но в этих работах связь творчества Маяковского с фольклором ограничена примерами «вторичного фольклоризма», а генетическое родство, типологии почти отсутствуют. По этим причинам проблема фольклорной традиции и дожанровых формул в поэтике Маяковского кажется особенно актуальной и требует непосредственного обращения к текстам поэм.

Так, в поэме В. В. Маяковского «Флейта-позвоночник» главный герой живет не просто в мире музыки, но и сам воспринимает музыку (сфер):

Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт [15, с. 199].

Он воспринимает музыку сфер, являясь певцом любви, певцом печали – пусть и сделано это «жестко и грубо», но решено глубоко оригинально, по-своему [19, с. 122]. Поэму «Флейта-позвоночник» невозможно понять без анализа ее мифопоэтики, без рассмотрения ее философских вопросов, кроме того – она вписана в мировой литературный и культурный контекст (здесь возникает и фигура Гофмана, и гетевская Гретхен). Так, относительно поэмы «Человек» Петросов писал о параллели Гофман – Маяковский, о сходстве мотивов и сюжетов в «Крошке Цахес» и «Человеке». Исходя из этого, уместным будет провести такую же параллель и при анализе поэмы «Флейта-позвоночник», где Маяковский показал высокую трагическую любовь в ее *истинном космическом модусе* (обратим внимание на то, что первоначально поэма носила другое название – «Стихи ей» [15, с. 442], связанное с личными любовными переживаниями поэта). По мнению С. Г. Семеновой, Маяковский в своем творчестве, особенно в своих поэмах, «бросает вызов этому миру, его ценностям, установлениям, укладам и тому вышнему, небесному Самодержцу, который, по его мнению, скрепляет всю установившуюся земную пирамиду» [23, с. 418]. Но, несмотря на все бунтарские, богоборческие построения в поэзии Маяковского, о которых пишут многие исследователи, в его творчестве зачастую побеждает «любящее сердце человека»: «<...> на чувстве основывается новая религия («сердце все»), из чувства идет и импульс к преобразующему творчеству» [23, с. 419]. Значит, можно говорить о *космическом эросе*, который

преобразует хаос (стоит также обратить внимание на то, что Маяковский был «околдован» Блоком, его «Прекрасной Дамой» [27, с. 356], а здесь же – и служение этой Даме, иначе говоря, Небесной Деве, Софии). Герой Маяковского преодолевает этот хаос за счет приобщения к знаниям и Земли, и Неба, в этом случае и важна для рассмотрения образа антропология (в космическом пространстве). У Гофмана такую любовь мы найдем в его сказке «Золотой горшок». Итак, обратимся к двум текстам – к гофмановскому и поэме «Флейта-позвоночник» Маяковского.

Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?! [15, с. 199].

Выдумалась ты – ключевые слова для понимания пролога поэмы. Возлюбленная поэта находится не в реальной действительности, а в бытийной, она, можно сказать, существует в качестве женского архетипа, она выдумалась *небесному Гофману*, то есть Она существовала до «сознания» лирического героя. Такое мы найдем и в поэзии Блока, и в поэзии Есенина. У Есенина в «Персидских мотивах»:

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала. [11, с. 256].
Вспомним у Пушкина в «Евгении Онегине»:
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил. [21, с. 61].

Здесь важно замечание М. О. Гершензона о «сонном творчестве души» Татьяны [5, с. 275] и замечание Г. Д. Гачева о том, что самая высокая любовь в нашей литературе представлена героями Пушкина и Достоевского (идеи о *космическом эресе*). Кроме того, лирическая героиня может быть вообще «не выражена», то есть являться фигурой умолчания – та, о которой не говорят:

Свет такой таинственный,
Словно для Единственной –
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет. [11, с. 224].

Возлюбленная находится за гранью земного пространства, но лик ее проявляется в поэзии Березовой Руси:

За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь. [11, с. 225].

Так, Г. Гунн в своей монографии «Очарованная Русь» отмечает: «Название «Стихи о Прекрасной Даме» – чужеродное, романское, но Блоку чужда мироискусническая ретроспектива, он не поселяет ту, которой поклоняется, ни в Версаль, ни в сады Италии, ни в средневековые замки, стилизация есть только в названии, – Та, Которой имени нет, является ему среди русских полей и лугов, среди таинственной и прекрасной природы, расстилающейся за порогом шахматовского дома» [7, с. 66]. Подобную ситуацию наблюдаем и в лирике Есенина. Для лирического героя Есенина Любовь – космический абсолют, который может выражаться в любой женщине:

Едет, едет милая,
Только не любимая. [11, с. 224].

Однако откуда берется эта «незримая» константа в нашей поэтической традиции? Поиск «незримого», неведомого в те годы, в начале XX века, осуществляли не только поэты. Этот поиск прослеживается и в трудах Е. Н. Трубецкого, который обращался к явлению сказки в философско-фольклорном ключе. В своей

лекции «"Иное царство" и его искатели в русской народной сказке» мыслитель изобразил всю суть русского космо-психо-логоса – русский человек влечется «запредельным», то есть *иным царством*. Таким образом, Трубецкой установил связь между сказкой и мифом, между «иным царством», невыраженным пространством, и солнечной землей [25, с. 20]. Думается, что и в поэзии Пушкина, Есенина, Блока эта «незримость» *генетически восходит* к мифу, но, вероятно, через фольклор. Этот ряд можно дополнить и трагической любовью героя Маяковского, который страдает от Возлюбленной:

Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только –
слышишь! –
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой! [15, с. 202].

Но страдания эти он принимает, так как они посланы ему свыше, это «надмирные» страдания, как у Ансельма, героя сказки Гофмана:

Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй. [15, с. 202].

Строчка «*Млечный Путь перекинув виселицей*» проясняет нам *обрядовую ситуацию* в поэме Маяковского. Обращаясь к фольклорной традиции, к разбойничьим песням, мы находим в них мотив «виселица-свадьба». Известный этнограф и фольклорист П. Г. Богатырев показал, что в этих песнях представлен образ смерти-свадьбы [2, с. 170], герой этой песни приобщается к сакральным знаниям, обретает любовь лишь после смерти, поэтому любовь в космическом представлении это всегда первоначально смерть. Сам поэт готов идти на смерть ради Возлюбленной:

Привяжи меня к кометам,
как к хвостам лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья. [15, с. 201].

Г. Д. Гачев, анализируя «Левый марш» Маяковского, пишет о том, что в поэзии Маяковского, напитанной народной и многотысячелетней традицией, присутствует мотив смерти, причем «смерть представляется как космическое бессмертие, блаженство» [4, с. 168]. Герой находится в звездном пространстве. Более того, Маяковский очень точно представил женский архетип в тексте – «кометы, как хвосты лошадиные». Откуда могло возникнуть такое сравнение? Обращаясь к фольклору, найдем в нем образ лошади, конницы, союзы кобылиц, воплощающие *женское царство*; в трудах этнографов описываются культовые предметы и вышивка с изображением именно лошади [22]. Кроме того, в начале XX века об этом говорил в своих лекциях по античной литературе И. Ф. Анненский, размышляя над «корнями», происхождением трагедии, связывая ее с *культовыми братствами*: «Подобно трагам братчики или сестры могли называться пастухами, *коными*, медведицами и т. п.» [1, с. 104]. Также вспомним то, что у футуристов в 1913 г. возникает слово о «великой Гилее» (стихотворение Хлебникова «Семеро»), связанное с древней Гилей, архаизированным образом, уподобляющим «семерых футуристов неким семи оборотням, превращающимся в могучих коней» [10, с. 229].

Обрядовый погребальный комплекс в поэме Маяковского, как показал анализ, связан с мотивом отрубленной головы, с имплицитно выраженным женским архетипом. Однако этот ряд можно еще дополнить фигурой *трикстера*, который зачастую представлен у Маяковского неким шутком. Герой поэмы «Облако в штанах» хочет «кроить» мир кастетом:

Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе! [15, с. 187].

Заметим, что мир представляется в виде головы, значит, и в этом случае можно говорить о мотиве отрубленной головы в *трансформированной форме*. Кроме того, герой, ломающий мир, не просто бунтарь, а «площадной», шут:

смотрите, как развлекаюсь
я –
площадной
сутенер и карточный шулер!

.....
Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса [15, с. 187].

Скоморохи «водили козу», медведицу и прочих животных – они были узнаваемы уже по этому одному признаку [3, с. 154], а герой поэмы «Облако в штанах» «на цепочке Наполеона поведет, как мопса», при этом «невероятно себя нарядив». Антиповедение героя связано с выходом в антимир, в котором происходит смена ценностей. Прочтение И. Б. Ничипоровым поэмы «Облако в штанах» в свете религиозных интуиций, «богоборчески направленного демиургического акта» [18] позволяет обратить внимание на взаимопроницаемость мира небесного и «телесного», однако в этом случае представляется возможным обратиться не только к богоборческой тематике в религиозном аспекте, но и к фольклорной скоморошечьей традиции. Скоморохи выворачивали «красоту поднебесную», осмеивали ее, «но это была лишь форма ее бытования с «обратным» знаком, подчеркивающая ее истинное значение и действительное величие» [14, с. 98]. Для «мира навыворот» характерен целый комплекс явлений, «сопровождающихся всевозможными «переворачиваниями», производимыми «наоборот» в отношении привычного, естественного порядка вещей, т. е. строящихся в ключе антиповедения» [29, с. 42]. В трагедии «Владимир Маяковский» *травестийное начало* связано со сменой пола, значит можно говорить об *идее перехода в другой образ*, характерной для скоморошин. Скоморохи носили маски, могли представляться разными животными: «Этимология названия «скоморох» соответствует древнейшей традиции ряжения, ношения масок и костюмов звериных и чудовищных, издревле принятых как в Европе, так и на Руси на время народных праздников» [29, с. 43]. Конечно, всем этим игрищам, площадным зрелищам можно приписать только комический характер, однако скоморохи изначально, как показывает в своей монографии «Скоморохи и фольклор» З. И. Власова, связаны с обрядовым комплексом. Стоит напомнить, что скоморохи связаны также с фарсовыми

похоронными причитаниями, а значит, с намеренным «умерщвлением» плоти, которое может быть отнесено, как к третьему лицу, так, думается, и к самому скомороху – происходит как бы отречение от самого себя. В последней части поэмы «Человек» поэт говорит об отпевании самого себя:

Небо какое теперь?
Звезде какой?
Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!» [15, с. 272].

В данном контексте важно еще раз обратить внимание на то, что герой говорит о себе, как о «слепом»:

Глаза слепые,
голос нем. [15, с. 257].

Важность подобной характеристики состоит в том, что в фольклорной погребальной традиции покойника характеризуют как незрячее существо: «<...> в момент смерти с его зрением происходят явные изменения, наступает, если можно так сказать, смена «виденья», он теряет способность видеть как живые» [16, с. 16]. Кроме того, в непосредственной связи с процессом отделения души от тела, путешествия в другом мире находится архетип окна, так как именно через окно, по народным общеславянским представлениям, осуществляется выход души умершего из тела: «<...> душа только что умершего, выйдя из тела, может стоять у окна (з.-полес.) или сразу через окно покидает дом (с.-рус., кашуб.)» [16, с. 15]. В части поэмы под заголовком «Маяковский векам» герой оказывается пролетающим мимо окон:

Глаза пролетают оконные соты,
и тяжело,
и чуждо,
и мёрзко в июле им.
Витрины и окна тушит
город. [15, с. 267].

Почему вдруг «мерзко в июле им»? Учитывая ритуальный контекст поэмы, можем предположить, что речь идет о *путешествии по стране мертвых*, главным признаком которой является состояние холода. Итак, на погребальный комплекс, переход героя на «тот свет» указывает и окно, и метафизическое состояние холода, и наконец, состояние бреда, лихорадки, жара, которое настигает героя:

Под хохотливое
«Ага!»
бреду по бреду жара. [15, с. 251].

Фольклористы отмечают: «Смерть как переход в «иной» мир могла начинаться с поиска пути: агония нередко воспринимается как блуждание и про агонизирующего говорят, что он «блудит» (Полесье) <...>» [16, с. 15]. Более того, Маяковский подчеркивает бестелесное состояние героя в части «Вознесение Маяковского»:

Мутная догадка по глупому пробрела.
В окнах зеваки.
Дыбятся волосы.
И вдруг я.
плавно оплываю прилавок.
Потолок отверзается сам.

Визги.

Шум.

«Над домом висит!»

Над домом вишу. [15, с. 258].

Герой «над домом висит», проделав путь от прилавка («оплываю прилавок»), обращая внимание при этом на окно («в окнах зеваки») до потолка, который «отверзается сам» – с большой долей уверенности можно говорить о намеренном «умерщвлении плоти», о погребальной обрядности. Однако здесь наблюдается, на первый взгляд, некоторая антиномия – герой утверждает свое бессмертие:

Протягивает.

Череп.

«Яд».

Скрестилась кость на кость.

Кому даешь?

Бессмертен я,

твой небывалый гость. [15, с. 257].

В этом выражено фарсовое умерщвление, которое творит над собой герой, прося яд, а потом указывает на свое бессмертие. Маяковский уловил тонкую и архаическую связь между явлением скоморошества и волочебничества, *прихода духов-предков*. Теоретически сложная проблема соотношения скоморошества, волочебничества с погребальным комплексом в области фольклористики, разрешена поэтом в поэме «Человек» благодаря обращению к скрещиванию двух традиций и пониманию смерти как *космического рождения*. Наконец, важна последняя часть поэмы, в которой утверждается идея любви в высшем космическом проявлении:

И только

боль моя

острей –

стою,

огнем обвит,

на несгорающем костре

немыслимой любви.

[15, с. 272].

Но для того чтобы постичь эту любовь, герой должен умереть. Учтивывая наличие *имплицитно выраженного* погребального комплекса в поэме, обратимся к славянским представлениям о *смертной свече*, связанным с переходом в мир иной. Зажжение свечи в последний час воспринималось как некая помощь умершему, который благодаря свечению мог видеть в «ином» мире [24, с. 189]. Герой Маяковского, находясь на «несгорающем костре немыслимой любви» как бы сопровождается в этот путь:

Погибнет все.

Сойдет на нет.

И тот,

кто жизнью движет,

последний луч

над тьмой планет

из солнц последних выжжет [15, с. 272].

При такой постановке вопроса, таким священным огнем, смертной свечой, освещающей путь героя, является «последний луч» солнца. Н. И. Толстой отмечает тесную связь между культом покойника и небесными светилами: «Чрезвычайно интересная связь культа покойников с небесными светилами, с солнцем и месяцем, через мотив света-огня дополняется в той же зоне связью с культом змей, с так называемым "змеиным

днем"» [24, с. 92]. Думается, что сопоставление погребальной свечи с солнцем в таком случае уместно. Возникает картина вселенского масштаба, в которой и сам герой огромен («огромное, необъяснимое чудо»), и его любовь также велика, но для выхода из *лиминальности* необходима смерть или, по крайней мере, ритуальное драматическое разыгрывание этой смерти:

Тысячью церквей

подо мной

затянул

и тянет мир:

«Со святыми упокой!» [15, с. 272].

Этнографы и фольклористы (Н. И. Толстой, А. В. Никитина) давно обратили внимание на смертную свечу, которая также нужна в качестве источника света, помогающего обрести свое место умершему в мире «ином»: «<...> представление о возможностях живых облегчить умирающему переход в мир иной и его адаптацию там при помощи *смертной свечи*, а также позаботиться об обеспечении его соответствующим статусным положением: «со святыми упокой, Господи...», т. е. в месте райском, светлом <...>» [16, с. 15]. Таким образом, скоморох в поэтике Маяковского – это и *трикстер*, но обладающий функцией демиурга.

Как показал анализ поэм «Флейта-позвоночник», «Человек», «Облако в штанах» и трагедии «Владимир Маяковский», поэтика Маяковского связана с обрядовым погребальным комплексом, жанром причитаний, в котором особым образом выделяется мотив «ожившего покойника», также с мотивом отрубленной головы, характерным для разбойничьих песен и, наконец, женским архетипом. Выделение этнопоэтических констант, связанных со слепотой и немотой покойника также указывает на погребальную обрядность. Более того, все эти представления сопряжены с явлением скоморошества, которое носит в поэтике раннего Маяковского не только характер трикстера, но и созидающий, организующий космическую, ритуальную действительность. Скоморох связан, как с похоронной фарсовой обрядностью, так и с годовым священным циклом, представлениями о *животном-тотеме*, которые нашли свое выражение в трансформированном виде в поэмах Маяковского.

Для авангарда важно стремление к архаике, «перенять время», атемпоральность, что напоминает «синтез вчерашнего и сегодняшнего дня», характерный для новокрестьянской поэзии. Любовь в поэзии Маяковского, возможно, и не носит открыто *софийный* характер, но воплощает собой стихийную силу, *космический эрос*, как знак *довневременности*. «Обращение к мифу, архаике выступало альтернативой отвергаемой «культуре», вырабатывалось особое мифопоэтическое мышление художника, народ воспринимался как носитель человеческой или надчеловеческой истины [6, с. 161]. Кризис позитивизма побудил поэтов пересмотреть взгляды на искусство, которое начало восприниматься как космических законов творчества (в этой связи Ю. Н. Гирин обращает внимание на слова Дж. Северини: «Мы хотим вложить Вселенную в произведение искусства» [6, с. 163]). Необходимость нового взгляда на саму бытовую и бытийную действительность породила Человека будущего Маяковского, осуществляющего поиск «иного царства», запредельного предела.

Литература

1. Анненский И. Ф. Внутренний момент драмы // История античной драмы: курс лекций. СПб.: Гиперион, 2003.
2. Богатырев П. Г. К вопросу изучения словацких разбойничьих песен. Мотив «Виселица-свадьба» // Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006.
3. Власова З. И. Скоморохи и обряд // Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетейя, 2001.
4. Гачев Г. Д. Лирика в связи с начальной философией // Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Изд-во Моск. ун-та; Флинта, 2008.
5. Гершензон М. О. Сны Пушкина // Мудрость Пушкина. Томск: Водолей, 1997.
6. Гирин Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
7. Гунн Г. Очарованная Русь. М.: Искусство 1990.
8. Дукор И. Маяковский – крестьянам // Литературный критик. 1940. № 5 – 6.
9. Дымшиц А. Маяковский и фольклор // Литературный современник. 1940. № 3.
10. Дядичев В. Н. Маяковский и Хлебников в 1917-м: параллели и перпендикуляры // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
11. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997.
12. Кнабе Г. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. 2007. № 2.
13. Крученых А. О безумии в искусстве // Новый день. 1919. № 5. 26 мая.
14. Кузьмичев И. К. Лада. М.: Молод. гвардия, 1990.
15. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. // АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955 – 1961. Т. 1. [Далее тексты Маяковского цитируются по названному изданию с указанием страницы]. (Здесь и далее в примерах – разрядка наша).
16. Никитина А. В. Свечи в обрядах смерти // Свеча в обрядах перехода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
17. Никольская Т. Л. Рецепция идей ОПОЯЗа в Грузии // Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.
18. Ничипоров И. Б. Эволюция «человекобожеской» концепции в поэмах В. Маяковского. Режим доступа: <http://portal-slovo.ru/philology/47791.php>
19. Петросов К. Г. Земля и небо в поэме Маяковского «Человек» // Вопросы литературы. 1987. № 8.
20. Правдина И. С. Маяковский и русское народно-поэтическое творчество: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1953.
21. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977 – 1979. Т. 5.
22. Рыбаков Б. А. Земледельческие культы праславян // Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
23. Семенова С. Г. «Надо рваться в завтра, вперед...» (утопия будущего в поэзии Маяковского) // Метафизика русской литературы. М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. Т. 1.
24. Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
25. Трубецкой Е. Н. Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва., 1922.
26. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002.
27. Чуковский К. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 2.
28. Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. Петроград: 18-ая Государственная Типография. Лештуков, 13., 1919.
29. Юрков С. Е. «Смеховая» сторона антимира: скоморошество // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003.

Информация об авторе:

Галиева Марианна Андреевна – аспирант кафедры Истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, marianna.galieva@yandex.ru.

Marianna A. Galieva – post-graduate student at the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, M. V. Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Ничипоров Илья Борисович – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета.

Research advisor: Ilya B. Nichiporov – Doctor of Philology, Professor at the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, M. V. Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 08.09.2014 г.

**АДЪЕКТИВНЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
С ЭЛЕМЕНТАМИ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “HORSE”
(на материале художественных произведений XVIII – XX веков)**

Е. А. Градалева

**ADJECTIVAL AND VERBAL WORD-COMBINATIONS CONTAINING THE COMPONENTS
OF THE SEMANTIC FIELD “HORSE”**

E. A. Gradaleva

Статья посвящена изучению актуализации элементов ассоциативно-семантического поля “horse” в английской художественной литературе XVIII – XX веков. Рассматриваются адъективные и глагольные свободные словосочетания, в состав которых входят средства обозначения лошади. Представлена классификация данных единиц по тематике и определена их оценочность. Анализ употребления адъективных словосочетаний в текстах позволил выделить, какие качества лошади являются наиболее ценными для британцев, в каком состоянии чаще всего пребывает лошадь, для каких целей используется, какие породы преобладают в Великобритании. В группе словосочетаний, отражающих окрас, отмечены не только единицы, которые обозначают цвета, но и специфические единицы, употребляемые только по отношению к лошади, а также словосочетания, созданные на основе метафоры. Выявлено, что глагольные словосочетания, в состав которых входят средства обозначения лошади, отражают либо отношение человека к лошади, либо действия, которые он совершает с этим животным. Большое количество средств обозначения лошади, синонимических рядов адъективных и глагольных словосочетаний, разнообразие контекстов их употребления указывает на значимое место лошади в жизни британцев.

The paper focuses on the usage of the words denoting a horse in the English fiction of 18th – 20th centuries. Adjectival and verbal word-combinations which contain the components of the semantic field “horse” are described in the paper. The author unites these word-combinations into different thematic groups. The analysis of the usage of adjectival word-combinations in fiction makes it possible to determine the qualities and functions of a horse that are of primary importance for the British, various kinds of horse states, the most frequent horse breeds in Great Britain. The word-combinations of horse coloration comprise not only colour names, but also specific words used to describe only horses and word-combinations that are formed on a metaphoric basis. The author points out that the verbal word-combinations containing the components of the semantic field “horse” show both the attitude of a person to a horse and the actions done with this animal. A large number of words denoting a horse, synonyms among adjectival and verbal word-combinations, varieties of contexts in which they are used prove that a horse has always been significant in the life of the British.

Ключевые слова: адъективные словосочетания, глагольные словосочетания, ассоциативно-семантическое поле, тематическая группа, оценочность, синонимический ряд.

Keywords: adjectival word-combinations, verbal word-combinations, semantic field, thematic group, synonymic relations.

В английской художественной литературе средства обозначения лошади и другие элементы ассоциативно-семантического поля “horse” используются как в прямом, так и в переносном значении. В прямом значении они функционируют в составе адъективных и глагольных свободных словосочетаний непосредственно при создании образа лошади.

Основное внимание уделим анализу реализации средств обозначения лошади, поскольку именно данная лексика находится в ядерной части ассоциативно-семантического поля “horse” и на его ближней периферии. Как отмечено в нашей статье «Языковые средства обозначения лошади в английской литературе XIX века» [1], в английском языке существует 32 единицы, обозначающие лошадь: horse, bronco, charger, cob, colt, courser, dobbin, equine, filly, foal, gee-gee, gelding, hack, hinny, hunter, jade, mare, mount, mule, mustang, nag, palfrey, piebald, pony, punch, racer, roadster, roan, skewbald, stallion, steed, stud. В художественном тексте наиболее часто встречаются единицы *horse* и *pony*. Доминирование лексической единицы *horse* объясняется тем, что данная единица служит

центром исследуемого ассоциативно-семантического поля. Лексическая единица *pony* является основным средством обозначения лошади в британских детских книгах Pony Books, которые мы рассматриваем в статье «Pony Books как феномен современной британской лингвокультуры» [2].

Адъективные словосочетания можно разделить на несколько тематических групп: качества лошади (strong horse, mighty horse, well-bred horse), её состояние (lame horse, weary horse, ill-groomed horse), внешность (fine-looking horse, beautiful horse, bony horse), окрас (red horse, silver-grey mare), функция лошади (police horse, plough horse), порода (Shetland pony, Arab steed).

Нейтральные адъективные словосочетания преобладают (410 ед.), положительных единиц больше (326 ед.), чем отрицательных (231 ед.). Количественное распределение адъективных словосочетаний, в которых встречаются средства обозначения лошади, представлено в таблице 1.

В произведениях английских авторов упоминаются различные виды лошадей в зависимости от функ-

ции, которую выполняет лошадь: *race horse*, *cab horse*, *cart horse*, *carriage horse*, *war horse*, *post horse*, *pack horse*, *trap horse*, *tram horse*, *cavalry horse*, *army horse*, *troop horse*, *plough horse*, *riding horse*, *job horse*, *coach horse*, *mourning horse*. В основе данных видовых характеристик лежит лексическая единица *horse*. Использование других средств обозначения лошади для отражения функции животного нехарактерно для английского языка. В редких случаях наблюдается употребление словосочетаний *racing mare*, *post-office pony*, *pack mule*, *battle steed*.

Таблица 1

Оценочность адъективных словосочетаний

Характеристики	Оценочность		
	+	-	нейтральные единицы
Качества	269	125	38
Состояние	18	93	54
Внешность	39	13	55
Окрас	-	-	204
Функция	-	-	52
Порода	-	-	7
Итого	326	231	410

В художественных текстах нашего материала встречается 11 пород лошадей: *Highland pony*, *Scottish pony*, *Shetland pony*, *Dartmoor pony*, *Exmoor pony*, *Arab steed*, *Balkh stallion*, *little Egyptian horses*, *Bobtail horses*, *Sufolk punch*, *Thoroughbred horse*.

Чаще всего адъективные сочетания используются для описания качеств лошади и составляют 34 % всех случаев употребления адъективных словосочетаний с компонентами ассоциативно-семантического поля "horse". В 62 % случаев – это положительные характеристики, так как лошадь всегда была полезна в жизни человека. Наиболее частотными являются сочетания *good horse*, *fine horse*, *great horse*, *wise horse*, *estimable horse*, *good-tempered horse*, *noble horse*, *fleet horse*, *blood horse*, *friendly horse*. Заметим, что с лексическими единицами *steed* и *palfrey*, свойственными возвышенному стилю, употребляются только положи-

тельные определения: например, *gallant steed*, *vigorous steed*, *generous steed* (используется, чтобы показать чистоту кровей жеребца), *strong and steady palfrey*, *superb palfrey*, *best palfrey*.

Образ сильного и выносливого коня в произведениях В. Скотта строится на основе лексической единицы *charger*, обозначающей боевого коня. К ней, как правило, добавляются различные определения, служащие средством усиления её значения: например, *superb charger*, *mighty charger*, *thundering charger*, *powerful charger*, *mettled charger*. Приведём пример употребления словосочетания с единицей *charger* в контексте произведения Вальтера Скотта: *Monmouth, mounted on a superb white charger, might be discovered on the top of the right bank of the river, urging, entreating, and animating the exertions of his soldiers* [12]. Как видим, значимость индивида подчёркивается статностью и мощью его коня.

В художественной литературе присутствуют и отрицательные характеристики лошади (29 % случаев употребления). Так, нередко встречаются указания на непокорность, своенравность лошади: *struggling horses*, *a pulling horse*, *the wildest horse*, *crazy horse*, *mad horse*, *impatient horse*, *nervous horses*.

Немало определений, выражающих отрицательную оценку, входит в состав словосочетаний с компонентом *mule*: *an obstinate mule*, *a stupid mule*. Хотя в словаре синонимов лексическая единица *mule* включена в состав средств обозначения лошади [11, с. 194], по сути, она не обозначает лошадь, так как мул (*mule*) – это помесь осла и кобылы. Большую часть качеств это животное позаимствовало у осла, и это нашло отражение в художественных произведениях в словосочетаниях с прилагательными, обозначающими упрямство и глупость (*obstinate*, *stupid*, etc.).

Среди словосочетаний, отражающих качества лошади, было выделено большое количество синонимов и антонимов. В каждом из синонимических рядов определены единицы, наиболее часто используемые в британской художественной литературе. Примеры синонимических рядов словосочетаний с компонентами исследуемого поля представлены в таблице 2.

Таблица 2

Синонимические ряды словосочетаний, выражающих качества лошади

Синонимические ряды	Наиболее частотное словосочетание ряда
<i>impatient horse</i> = <i>unruly horse</i> = <i>unmanageable horse</i> = <i>struggling horse</i> = <i>unaccommodating horse</i> = <i>self-willed horse</i> = <i>ill-tempered horse</i> = <i>restive stallion</i> = <i>mad horse</i> = <i>wild horse</i> = <i>frantic horse</i> = <i>furious horse</i>	<i>impatient horse</i>
<i>great horse</i> = <i>fine horse</i> = <i>excellent horse</i> = <i>splendid horse</i> = <i>very remarkable horse</i> = <i>superb charger</i> = <i>sumpter horse</i> = <i>magnificent horse</i> = <i>peerless horse</i>	<i>great horse</i>
<i>well-managed horse</i> = <i>well-bred horse</i> = <i>meek-spirited horse</i> = <i>quiet horse</i> = <i>best-educated horse</i>	<i>well-managed horse</i>
<i>fleet horse</i> = <i>speedy horse</i> = <i>swift horse</i> = <i>fast horse</i>	<i>fleet horse</i>
<i>strong horse</i> = <i>powerful horse</i> = <i>sturdy horse</i>	<i>strong horse</i>
<i>bad horse</i> = <i>wretched horse</i>	<i>bad horse</i>
<i>steady horse</i> = <i>sure-footed horse</i>	<i>steady horse</i>
<i>infirm horse</i> = <i>perishable horse</i>	<i>infirm horse</i>

Каждый из представленных синонимических рядов имеет ряд антонимов. Так, например, синонимы *steady horse* и *sure-footed horse* являются антонимами единиц *infirm horse* и *perishable horse*. Синонимический ряд *great horse = fine horse = excellent horse = splendid horse = very remarkable horse = superb charger = sumpter horse = magnificent horse = peerless horse* имеет антонимические отношения с рядом прилагательных *bad horse = wretched horse*. Подобным образом антонимическими отношениями обладают ряды *well-managed horse = well-bred horse = meek-spirited horse = quiet horse = best-educated horse* и *impatient horse = unruly horse = unmanageable horse = struggling horse = unaccommodating horse = self-willed horse = ill-tempered horse = restive stallion = mad horse = wild horse = frantic horse = furious horse*. К синонимическому ряду *fleet horse = speedy horse = swift horse = fast horse* в художественной литературе обнаружен антоним *slow horse*.

В группе словосочетаний, показывающих состояние лошади, доминирующими являются единицы с

отрицательной окраской (56 % случаев употребления). Это говорит о том, что, хотя люди очень ценят это животное, они не жалеют его и слишком много эксплуатируют. Примерами этого могут послужить такие словосочетания, как *tired horse, sick horse, frightened horse, a hot and distressed horse, ruined horse, damaged horse*.

В данной тематической группе было выявлено 6 синонимических рядов. Они представлены в таблице 3.

Два последних синонимических ряда, представленных в таблице, являются между собой противоположными по значению: *motionless, drowsy horse ≠ dancing, maddened horse*. К широкому ряду синонимов из 10 составляющих (*ruined horse = overworked = weary = tired = ragged = emaciated = haggard = gaunt = worn = distressed*) в художественном тексте обнаружен только один антоним – *fresh horse*. Это объясняется тем, что в художественной литературе в целом преобладают отрицательно окрашенные единицы, выражающие состояние лошади.

Таблица 3

Синонимические ряды словосочетаний, выражающих состояние лошади

<i>Синонимические ряды</i>	<i>Наиболее частотное словосочетание ряда</i>
<i>ruined horse = overworked horse = weary horse = tired horse = ragged horse = emaciated horse = haggard horse = gaunt horse = worn horse = distressed horse</i>	<i>ruined horse</i>
<i>lame horse = sick horse = wounded horse = crippled horse</i>	<i>lame horse</i>
<i>startled horse = frightened horse = trembling horse</i>	<i>startled horse</i>
<i>happy horse = gay horse = jolly horse</i>	<i>happy horse</i>
<i>motionless horse = drowsy horse</i>	<i>motionless horse</i>
<i>dancing horse = maddened horse</i>	<i>dancing horse</i>

Лошадь в английской культуре является символом изящества и красоты, поэтому описание внешности этого животного чаще имеет положительную оценку (36 % случаев), чем отрицательную (13 % случаев): *the most graceful horse, beautiful black horse, deep-chested and strong stallion, a horse with well-placed shoulders, straight hocks and a small head* [5, с. 38].

Негативных характеристик внешности лошади мало: *narrow little black horse with devilish little goat's ears, pricked, and very close together at the tips* [6, с. 134]; *a little obstinate-looking rough-coated pony* [4, с. 197]; *a pony not much bigger than a large rat* [13].

Группа словосочетаний, описывающих внешность лошади, включает 6 синонимических рядов. Они представлены в таблице 4.

Таблица 4

Синонимические ряды словосочетаний, описывающих внешность лошади

<i>Синонимические ряды</i>	<i>Наиболее частотное словосочетание ряда</i>
<i>big horse = large horse = massive horse = huge horse = gigantic horse</i>	<i>big horse</i>
<i>beautiful horse = fine-looking horse = pretty pony = handsome horse = elegant horse</i>	<i>beautiful horse</i>
<i>little horse = small horse = tiny horse = diminutive horse</i>	<i>little horse</i>
<i>bony horse = lean horse = scraggy horse = shabby horse</i>	<i>bony horse</i>
<i>stout horse = fat horse = chubby horse</i>	<i>stout horse</i>
<i>lank horse = sleek horse</i>	<i>lank horse</i>

Ряд словосочетаний *big horse = large horse = massive horse = huge horse = gigantic horse* имеет антонимические отношения с рядом *little horse = small horse = tiny horse = diminutive horse*. Единицы *stout horse = fat horse = chubby horse* противоположны по значению единицам *bony horse = lean horse = scraggy horse =*

shabby horse. Словосочетаниям *lank horse* и *sleek horse* противопоставлено словосочетание *shaggy horse*.

При изображении лошади часто упоминается её окрас. В произведениях преобладают серые лошади (*dappled grey horse, grey pony, silver-grey mare, silver-shod mule*), белые (*white horse, milk-white horse, pale*

horse, snowy steed, cream-coloured charger) и вороные (black horse, coal-black horse). Менее частотны гнедые (brown horse, brown blood mare, chestnut horse, dark brown horse, a brown horse with not a speck of white) и рыжие (red horse, bronze horse, chestnut horse, sorrel horse, bright bay mare, a horse with a red-brown coat). Также встречаются лошади комбинированной окраски: a black horse mixed with sulphur; a black horse with a white star and a white hoof; a horse of a bright dun colour; roan horse; a chestnut gelding with a white streak down his forehead.

В словосочетаниях с лексической единицей *horse* доминантой является цветовая характеристика *white*, тогда как с другими средствами обозначения лошади более распространено употребление прилагательного *grey*. Кроме того, для лексической единицы *mare* характерны такие определения, как *bay*, *black*, *red*; для единицы *pony* – *sorrel*, *piebald*; а лексические единицы *steed* и *palfrey* используются со словами *black*, *snowy*, *chestnut*, *dappled*.

Глагольные словосочетания, в основе которых лежат средства обозначения лошади, отражают отношение человека к этому животному и действия, которые он с ним совершает. Преобладающими являются нейтральные словосочетания (76 %). Словосочетаний с отрицательной оценкой больше (14 %), чем с положительной (10 %). На протяжении многих веков лошадь была лучшим помощником человека. Он слишком много требовал от неё и часто не соизмерял её физические возможности. Именно это, возможно, объясняет преобладание глагольных словосочетаний с отрицательной окраской: например, *to flog a horse to death*, *to spoil a horse*, *to ruin a horse*, *to fight with a horse*, *to beat a horse*, *to lash a horse*, *he struck at the horse madly with his stick*. Словосочетания с положительной оценкой отражают тёплые отношения между человеком и лошастью: *to trust the horses*, *to get on well with horses*, *to understand horses*, *to save the horse*, *to bewitch the horse*.

Среди глагольных словосочетаний, выражающих взаимодействие человека и лошади, выявлено много синонимов:

– **to ride a horse** (в каждом из синонимических рядов жирным шрифтом выделено наиболее часто употребляемое словосочетание в художественной литературе) = *to trot by on a horse* = *to lead a horse* = *to manage a horse* = *to rein up a horse* = *to drive a horse* = *to guide a horse* = *to govern a horse* = *to direct a horse*,

– **to dismount from the horse** = *to lean down from the horse* = *to spring down from the horse* = *to get off the horse* = *to get down from the horse* = *to stoop down from the horse* = *to alight from the horse* = *to spring off the horse* = *to bound from the horse* = *to slip from the horse* = *to throw yourself from your horse* = *to tumble from the horse* = *to drop from the horse* = *to fling from the horse* = *to descend from the horse* = *to jump from the horse* = *to sprawl from the horse* = *to skip from the horse* = *to slide from the horse*,

– **to mount the horse** = *to get on the horse* = *to saddle the horse* = *to jump on the horse* = *to throw yourself on/upon your horse*,

– **to put spurs to the horse** = *to set spurs to the horse* = *to give spurs to the horse* = *to clap spurs to the horse* = *to whip up the horse* = *to strike the horse* = *to put your horse in motion* = *to cuff the horse*,

– **to train a horse** = *to exercise a horse* = *to work with a horse*,

– **to fasten the horse** = *to speed the horse* = *to lash the horse into full speed* = *to put the horse upon full speed*,

– **to slow the horse** = *to halt the horse*,

– **to harness a horse** = *to buckle a horse*,

– **to unharness a horse** = *to unbridle a horse*.

Синонимический ряд с доминантой *to mount the horse* противоположен по значению ряду глагольных словосочетаний с доминантой *to dismount from the horse*. Глагольные словосочетания *to fasten the horse* = *to speed the horse* = *to lash the horse into full speed* = *to put the horse upon full speed* являются антонимами сочетаний *to slow the horse* = *to halt the horse*. Ряды *to harness a horse* = *to buckle a horse* и *to unharness a horse* = *to unbridle a horse* также противоположны друг другу.

Итак, частотность употребления адъективных словосочетаний в текстах показывает, какие качества лошади являются наиболее ценными для британцев (*fine horse*, *strong horse*, *mighty horse*), в каком состоянии чаще всего пребывает лошадь (*lame horse*, *wearry horse*, *ill-groomed horse*), для каких целей используется (*police horse*, *plough horse*), какие породы преобладают в Великобритании (*Highland pony*, *Shetland pony*, *Arab steed*). Окрас лошади может быть выражен единицами, обозначающими цвета (*white horse*, *black horse*, *grey pony*), специфическими единицами, употребляемыми только по отношению к лошади (*bay horse*, *roan horse*, *chestnut horse*), а также прилагательными, созданными на основе метафоры (*milk-white horse*, *snowy steed*, *coal-black horse*). Глагольные словосочетания, в состав которых входят средства обозначения лошади, отражают отношение человека к лошади (*to trust the horses*, *to get on well with horses*, *to understand horses*) и действия, которые он совершает с этим животным (*to lead a horse*, *to speed a horse*, *to dismount from the horse*).

При анализе адъективных и глагольных словосочетаний было выделено большое количество синонимических рядов. Некоторые из них включают более 10 синонимов, а самой многочисленной является группа, в которую входят словосочетания со значением «спуститься с лошади» (доминанта: *to dismount from the horse*) – 19 единиц. Действительно, образ лошади занимает значимое место в жизни британцев, поскольку, как известно, наиболее важные понятия для определённой культурной среды часто используются в языке и имеют много синонимов.

Литература

1. Иванова Е. А. Языковые средства обозначения лошади в английской литературе XIX века // Вестник ВГУ. (Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация). 2012. № 2. С. 112 – 115.

2. Градалева Е. А. Pony Books как феномен современной британской лингвокультуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2013. № 2. С. 173 – 175.

3. Cambridge International Dictionary of English. Bath: Cambridge University Press, 1996. 1774 p.

4. Dickens Charles. The Old Curiosity Shop. Ware: Wordsworth Classics, 1995. 471 p.

5. Galsworthy John. The Country House. Gloucester: Sutton, 1987. XIV. 298 p.

6. Galsworthy John. The Dark Flower. London: W. Heinemann, 1968. 182 p.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impression. Harlow: Longman, 2000. 1344 p.

8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Ltd., 2006. 1692 p.

9. The New Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 1999. 2152 p.

10. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press 2005. 1796 p.

11. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 572 p.

12. Scott Sir Walter. Old Mortality // The literature network / Jalic Inc. Electronic data. – [S. l.], cop. 2000 – 2010. Mode of access: http://www.online-literature.com/walter_scott/old-mortality/32/

13. Thackeray William Makepeace. Vanity Fair // Project Gutenberg. Electronic data. [Salt Lake City], 2010. Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm>

14. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N. Y.: Gramercy Books, 2001. 1854 p.

Информация об авторе:

Градалева Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Самарского государственного архитектурно-строительного университета, katerina-888@bk.ru.

Ekaterina A. Gradaleva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Samara State University of Architecture and Civil Engineering.

Статья поступила в редколлегию 02.09.2014 г.

УДК 81'373.2

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ КОПИАЛЬНОГО НЕЙМИНГА ТОВАРОВ

Я. А. Дударева

THE MAIN WAYS OF COPYNAMING PRODUCTS

Ya. A. Dudareva

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Лингвистическая экспертиза товарных знаков с использованием когнитивных методик» № 13-04-00350.

В статье на материале решений арбитражных судов Российской Федерации за период 2005 г. – 2012 г. представлена классификация основных способов образования коммерческих наименований, имеющих, по мнению истцов, сходство до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками. Для обозначения коммерческих наименований (товарных знаков, фирменных наименований, доменных имен), имеющих между собой признаки ассоциативного сходства, предлагается термин копионимы.

The paper bases on the material of the Russian Federation arbitration courts decisions of 2005 – 2012 to provide a classification of the main ways of naming products which, according to the plaintiffs, are confusingly similar to registered trade marks. The term “copyonym” is proposed to define commercial names (trademarks, trade names, domain names) that are interconnected with signs of associative similarity.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза товарных знаков, лингвомаркетология, копиальный нейминг, копионимия, копионим.

Keywords: linguistic expertise of trade marks, lingvomarketology, copynaming, copyonymy, copyonym.

Товарные знаки и фирменные наименования, рассматриваемые ранее как периферийные элементы ономастического пространства, в последние годы перемещаются в его центр и все чаще становятся объектом внимания лингвистов. В настоящее время в лингвистических научных исследованиях используется широкий ряд терминов для обозначения коммерческих наименований, основными из которых являются: «товарный знак» (О. В. Глухова, Т. В. Евсюкова,

И. В. Крюкова, Т. А. Соболева, А. В. Суперанская и др.), «прагмонимы» (З. П. Комолова, О. С. Фоменко, О. Е. Яковлева и др.), т. е. «словесные товарные знаки, которые обозначают серийные, фирменные товары, изделия, сорта растений, марки машин и т. п.» [4, с. 16], «коммерческая номинация», представляющая собой «языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели» [7]. Поскольку такие термины, как «товарные знаки» и «фирменные

наименования» являются юридическими и используются по отношению к разным объектам, то именно термин «коммерческая номинация» и синонимичные ему «коммерческое наименование», «коммерческое имя» позволяют вписать рассматриваемую ономастическую группу в лингвистический контекст, в котором факт юридической регистрации коммерческого наименования в том или ином качестве не существен.

Изучение эффективности коммерческих наименований позволило исследователям сформулировать лингвомаркетологическую концепцию языка: «есть все основания (социальные, научные) говорить о новой сфере функционирования языка, в которой он, помимо традиционно реализуемых функций: номинативной, коммуникативной, суггестивной и др., – выполняет, выступая как товар, маркетинговую функцию (ее сопровождают и такие функции, как рекламная и юридическая)» [2, с. 86].

В сфере пересечения языка, маркетинга и права сформировался новый вид судебной лингвистической экспертизы – нейминговая экспертиза, которая становится все более востребованной в судопроизводстве (Т. П. Соколова, 2011). Количество судебных дел, возникающих в связи с защитой прав на объекты интеллектуальной собственности, увеличивается с каждым годом. Статистика судебных решений, принятых арбитражными судами России за период 2005 – 2012 гг. по делам о защите исключительных прав на товарные знаки выглядит следующим образом: 2005 г. – 5 решений, 2006 г. – 15 решений, 2007 г. – 70 решений, 2008 г. – 150 решений, 2009 г. – 203 решений, 2010 г. – 411 решений, 2011 г. – 781 решений, 2012 г. – 1286 решений (диаграмма 1).

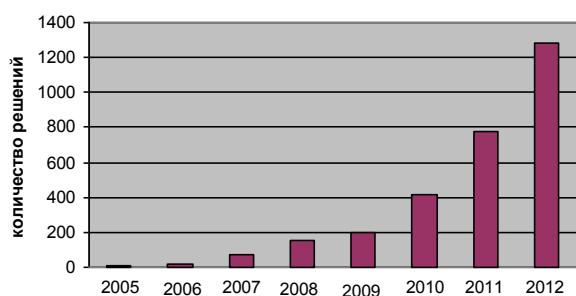

Диаграмма 1. Статистика решений арбитражных судов России по делам о защите исключительных прав на товарные знаки

Поводом для обращения в суд по рассматриваемой категории дел служит появление коммерческих обозначений, представляющих собой или включающих в свой состав вербальные и невербальные элементы, сходные, по мнению истцов, до степени смешения с зарегистрированными в установленном порядке товарными знаками. Рост числа подобных судебных дел, сопровождающийся, в том числе и увеличением количества проводимым по ним лингвистическим экспертизам, определяет актуальность настоящей статьи, в которой рассматриваются не просто существующие способы образования коммерческих

наименований, а именно такие способы, использование которых приводит к спорным, конфликтным судебным ситуациям по защите исключительных прав на товарные знаки.

Многочисленные лингвомаркетологические исследования, выполненные на основе массовых экспериментов, убедительно доказывают, что наиболее запоминаемыми коммерческими наименованиями являются те, фонетическая, графическая и семантическая мотивированность которых очевидна носителям языка. Целевая установка, направленная на достижение когнитивной гармонии между автором (владельцем) товарного знака и его читателями (т. е. потребителями товара) проявляется в формулировке заданий для разработчиков коммерческих наименований. Установка заказчика на кооперативное поведение с будущими покупателями видна в перечисляемых им ключевых ассоциациях, которые должны возникать у потребителей этого товара.

Совпадение ассоциативных полей продавца и покупателя относительно одного и того же функционирующего товарного знака лежит в основе их коммуникативного понимания и определяет коммерческий эффект, получаемый от продажи товара. Таким образом, если коммерческое обозначение вызывает у носителей языка ассоциации с известным товарным знаком, например, шоколад «Алина» – «Аленка»; крем «Бархатная нежность» – «Бархатные ручки», но такое сходство отрицается владельцами подобных коммерческих обозначений, то тогда можно говорить о коммуникативной неудаче выбранного наименования, о том, что между владельцем такого обозначения и потребителями сложилась ситуация «не-так-понимания» знака [1].

В то же время коммуникативная неудача, возникающая при функционировании вторичного товарного знака сопровождается коммерческой эффективностью его использования. В этом проявляется особенность маркетинговой функции номинаций, сходных до степени смешения с существующими товарными знаками и фирменными наименованиями.

Коммерческие наименования, которые имеют ассоциативное сходство (с позиции суда и/или истца и/или рядовых потребителей) с уже имеющимися в лингвомаркетологическом пространстве коммерческими номинациями, мы предлагаем называть **копионимами** (лат. *copiare* – подражать, копировать; греч. *ὄνομα* – имя).

Термин «копионим» является лингвистическим, а не юридическим, в связи с чем он может использоваться в лингвистических исследованиях по отношению к спорным коммерческим обозначениям без относительно того, установлено ли судом сходство до степени смешения между ними. Возникновение самой спорной ситуации в виде юридического конфликта, в котором имеется сторона, считающая, что в лингвомаркетологическом пространстве имеется или (в ситуации оспаривания регистрации коммерческого знака) может появиться обозначение, сходное до степени смешения с уже зарегистрированным товарным знаком, представляет собой проявление замеченного сходства между ними.

Понятие «сходство до степени смешения» является лингвоюридическим и согласно «Методическим рекомендациям по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» (далее – «Методические рекомендации»), утвержденным Роспатентом, понимается как наличие ассоциативного сходства между коммерческими обозначениями: «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» [6, электронный ресурс].

Поскольку товарный знак во многих случаях используется как фирменное наименование (или включается в его состав) и, как указано в постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 16.01.2001 по делу о доменном имени www.kodak.ru, «доменные имена фактически трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака» [8], то термин *копионим* используется не только по отношению к словесным, графическим и комбинированным обозначениям, сходным до степени смешения с товарными знаками, но и по отношению ко вторичным фирменным наименованиям, доменным именам и иным копиальным коммерческим наименованиям.

У каждого коммерческого наименования потенциально существуют копионимы. Реализация потенциальных словообразовательных возможностей коммерческого наименования в форме появления вторичных обозначений зависит от степени агнонии первичного знака. У более известных товарных знаков и фирменных наименований более вероятно появление копионима или даже целого гнезда копионимов, например: Adidas => Abibas, Abidas.

Процесс создания копионимов – это процесс копиального нейминга. Копиальные коммерческие обозначения могут представлять собой заимствованные знаки, омонимичные, синонимичные лексемы, паронимы и словообразовательные дериваты.

Заимствование как способ образования копионимов является лингвоюридическим процессом, т. к. использование коммерческого обозначения без согласия его владельца запрещается российским законодательством. В арбитражной практике в связи с этим часто возникают спорные ситуации с «прагматонимами-глобализмами» [11], например, такими, как PUMA, ARIEL, Олимп и производные от него слова, а также с коммерческими наименованиями, не получившими столь большую международную известность, например, ЗАО «Рентгенпром» и ООО «Мос-рентгенпром», ООО «Торговый дом «Октябрьский» и ЗАО «Рынок «Октябрьский». Заимствование товарного знака может сопровождаться языковыми приемами, например, парцелляцией: «Монетка» и «М. Онетка».

Вопрос о заимствовании товарного знака является одним из проблемных в судопроизводстве. Помимо юридической составляющей, связанной с договорными отношениями между лицами, имеется и лингвистический аспект вопроса о сходстве наименований. Так, являются ли сходными до степени смешения словесный товарный знак, представляющий собой самостоятельное слово и словосочетание, включающее этот словесный элемент, зарегистрированный как

товарный знак? Например, журнал «Вояж» и журнал «Вояж и отдых», газета «Вояж с Трансаэро»? Обнаруживается ли в подобных случаях заимствование товарного знака или в номинациях-словосочетаниях один и тот же словесный элемент используется как слово русского языка? Ответы на перечисленные вопросы основываются на комплексном рассмотрении коммерческих обозначений, в том числе их графического представления.

По приведенному в качестве примера случаю суд указал, что «названия журнала «Вояж и отдых» и газеты «Вояж с Трансаэро» изображены графически в стиле, абсолютно не похожем на графическое изображение слова «вояж» в товарном знаке. В связи с этим судьи пришли к выводу, что сам факт использования слова «вояж» как части словосочетания в названии газеты и журнала не может быть признан использованием товарного знака ЗАО «Издательский дом «Центр Плюс», поскольку слово «вояж» в этом случае «несет смысловую нагрузку как часть русского языка» (постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.03.98 № КА-А40/503-98)» [5].

Заимствование части товарного знака, его графических элементов может приводить к омонимии коммерческих наименований. В отличие от лексической омонимии, ономастическая омонимия возникает в том числе и на основе агнонии первичного товарного знака. О включенности коммерческих наименований в омонимическое пространство можно говорить в связи с ассоциативно-интерпретационной деятельностью носителей русского языка при восприятии коммерческих обозначений: «совпадение интерпретационных знаков при различии интерпретируемых знаков» [3, с. 379] лежит в основе сходства коммерческих обозначений до степени смешения. К примеру, ассоциативные реакции на стимул «Taid» – «Тогда мы идем к Вам!», «Чистота – чисто Тайд!» [3, с. 382] позволяют говорить о неразличении, омонимизации коммерческих обозначений «Tide» и «Taid» в сознании потребителей.

Поскольку сходство коммерческих обозначений до степени смешения является ассоциативным, проявляющимся как в сходстве формы, так и в сходстве содержания знаков, то с лингвистической точки зрения можно говорить о явлении **копионимии** – ассоциативном сходстве коммерческих обозначений, проявляющемся через их фонетическое, графическое и семантическое сходство. Относительно каждого из видов сходства в лингвистике имеются свои терминологические обозначения: семантическое сходство описывается в терминах «синонимия», «проксонимия»; графо-фонетическое сходство при наличии семантических различий связывается с явлением омонимии. Паронимия предполагает сходство при наличии дифференциации формы и содержания словесных знаков. В отличие от названных лексико-семантических явлений, копионимия предполагает наличие однонаправленных ассоциативных связей, обнаруживаемых экспериментально в ходе исследований по восприятию рядовыми потребителями / рядовыми носителями языка спорных коммерческих обозначений. В ассоциативных экспериментах вторичность коммерче-

ского обозначения проявляется в фиксации необратимой ассоциативной связи от спорного наименования к первичному товарному знаку, например: шоколад «Алина» => шоколад «Аленка», крем «Бархатная нежность» => крем «Бархатные ручки» и т. п.

Коммерческие обозначения, которые можно лингвистически квалифицировать как паронимы («Лукойл» и «Люксоил»), омонимы («DECORAMA» и «DEKORAMA»), синонимы («Чудный вечер» и «Чудесный вечер»), антонимы («Мой малыш» – «Ваш малыш»), а также такие коммерческие знаки, которые имеют сходство до степени смешения с позиции рядовых потребителей, но при этом не обладают полным совпадением фонетической и графической оболочки и могут не иметь между собой семантического сходства («ADIDAS» и «ABIBAS», «ABIDAS»), не поддающиеся с традиционной точки зрения однозначному отнесению к той или иной лексико-семантической категории (поскольку сходство до степени смешения между ними возникает именно в сознании потребителей, а в реальности между такими знаками всегда имеются различия в фонетическом, графическом и семантическом планах), рассматриваются как разные виды копионимов.

На основе анализа судебных решений арбитражный суд Российской Федерации можно выделить следующие основные способы образования копионимов:

– Добавление букв/буквы в начале/середине/конце слова:

ЭКСИ – РЭКСИ

ШЕФ-ПОВАР – ШЕФЪ-ПОВАР

ГЕК – ГЕКА (изменение грамматической категории рода)

HOLOD – HOLODok (диминутивизация в сочетании с капитализацией)

– Замена букв/буквы для передачи звука:

ПЕНОПЛЭКС – ПЕНОПЛЕКС (твердый/мягкий согласный перед [э])

DECORAMA – DEKORAMA (вариативность звукобуквенной передачи согласных звуков)

ЛАГУНА, LAGUNA – ЛОГУНА (вариативность звукобуквенной передачи гласных и согласных звуков)

– Выпадение буквы с сохранением призвука:

ЛУКОЙЛ – ЛК-ОЙЛ [л'к-ОЙЛ]

– Латинизация/кириллизация коммерческого знака:

ГАЛАН – GALAN

MediaПилот – Медиапилот

– Изменение комбинаторики компонентов коммерческого наименования, представляющего собой сложное слово:

Агромастер – Мастерагро

– Расшифровка сокращений и аббревиатур:

St. Helena – SANTA HELENA

– Нумерализация:

POSTAL – POSTAL 2

– Добавление буквы в сочетании с нумерализацией и использованием дефиса:

КЛОП – КЛОПс-1, КЛОПс-2

– Использование тире/дефисов в сочетании с капитализацией:

CENTURY 21 – 21-century

– Парцелляция:

КБЕ – К.Б.Е.

– Замена буквы графическим символом:

ЛУКОЙЛ, где О – в форме капельки – ЛУКОЙЛ

– Замена одного графического символа другим графическим символом:

36♥6 – 36, 6

– Появление/удаление апострофа в сочетании с капитализацией:

А`стор – АСТОР

В словосочетаниях:

– Тождество ключевых слов и графико-фонетическое сходство согласуемых с ними слов:

МАЛЕНЬКАЯ ФЕЯ – МИЛЕНЬКАЯ ФЕЯ

КЛЕНОВАЯ ГОРА – КЛИНОВАЯ ГОРА

– Изменение комбинаторики элементов:

ШЕЛК И БАРХАТ – БАРХАТ И ШЕЛК

ВЕЛИКАЯ РУСЬ – РУСЬ ВЕЛИКАЯ.

– Субстантивация:

ЗНАТНЫЕ ПРОДУКТЫ – ЗНАТНЫЕ

Наименования, сходные до степени смешения с товарными знаками, возникают в том числе на основе их семантической близости. Так, явление синонимии лежит в основе сходства обозначений «Чудный вечер» и «Чудесный вечер» (номинации шоколадных конфет). Коммерческие наименования «Лукойл» и «Люксоил» в судебном процессе рассматривались патентоведами как паронимы в силу имеющегося и сходства, и различия в семантике номинативных единиц.

В судебной практике отмечаются случаи, в которых при фонетическом и графическом сходстве обозначений имеет место их семантическая дифференциация. Такой спор возник относительно наименований туалетной бумаги «Снежок» и «Снежок Люкс». Ответчик, доказывая отсутствие сходства до степени смешения между приведенными обозначениями, высказал мнение о том, что «слово «Снежок» в комбинированном обозначении истца означает имя белого медведя, а в обозначении ответчика означает белый цвет бумаги и высокое качество товара» [10]. Арбитражный апелляционный суд поддержал мнение ответчика, посчитав, что «в контексте обозначения, применяемого истцом, слово снежок может вызывать ассоциации с именем медведя» [9].

Представленные в настоящей статье способы образования копионимов дополняют наиболее распространенные способы звукового, графического и семантического сходства, изложенные в «Методических рекомендациях», утвержденных Роспатентом, но и в совокупности с ними они не могут рассматриваться как исчерпывающий список примеров, в соответствии с которым можно относительно любой пары коммерческих обозначений решить вопрос о наличии/отсутствии между ними сходства до степени смешения.

Так, сложными вопросами в определении сходства обозначений до степени смешения являются следующие случаи:

– словесный товарный знак, представляющий собой самостоятельное слово и словосочетание, включающее словесный элемент, зарегистрированный как товарный знак:

ИМПЕРИЯ – ИМПЕРИЯ ТАУЭР

ДОБРАЯ – ДОБРАЯ МАРКА

ДАМСКАЯ – ОЗЕРСКАЯ ДАМСКАЯ

– обозначения, имеющие сходные периферийные элементы:

MR. RICCO на перепелином яйце – МАХЕЕВЪ с перепелиным яйцом;

– иноязычное (переводное) и русскоязычное (переводное) обозначения:

Carte Noire – ЧЕРНАЯ КАРТА;

– обозначения на иностранных языках:

FERRO – FERROLI – FER.

Сопоставление коммерческих наименований представляет собой сложный комплексный процесс. Каждый случай копионимии требует конкретно-индивидуального исследовательского подхода для квалификации коммерческих наименований по параметрам их тождества-различия.

Литература

1. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (дата обращения: 12.10.2013).
2. Голев Н. Д., Яковлева О. Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышевой. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010.
3. Дударева Я. А. Ассоциативно-интерпретационная деятельность рядовых носителей русского языка при определении тождества, сходства и различия товарных знаков // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2010.
4. Исакова А. А. Прагмонимы современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012.
5. Контонистова Е. Судебные споры по товарным знакам // Финансовый директор. № 7-8, 2003. Режим доступа: http://www.createbrand.ru/biblio/law/spory_v_sude.html (дата обращения: 12.10.2013).
6. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31.12.09 № 197. Электронный ресурс. http://www.rupto.ru/norm_doc/sod/metod_rek/metod_rec_tojd.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
7. Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/teoreticheskie-problemy-issledovaniya-effektivnosti-kommercheskoy-nominatsii> (дата обращения: 12.10.2013).
8. Постановление Президиума ВАС РФ по. 1192/00 от 16.01.2001 дело по иску о запрещении использовать товарный знак в доменном имени страницы во всемирной компьютерной сети «Интернет» и о публикации судебного решения в целях восстановления деловой репутации потерпевшего направлено на новое рассмотрение в связи с неполным исследованием арбитражным судом обстоятельств дела. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/jude/12767> (дата обращения: 12.10.2013).
9. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-4492/2008-ГК от 24.07.2008 по делу № А60-1056/2008. Карточка арбитражного суда РФ. Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d04281f9-e7b5-42d7-a9df-0befc6a4280a/A60-1056-2007_20080724_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
10. Решение арбитражного суда Свердловской области от 30.04.2008 по делу № А60-1056/2007-С 7 // Карточка арбитражного суда РФ. Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/78126181-2d25-430f-886b-0a7da9d0c9d4/A60-1056-2007_20080430_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
11. Фоменко О. С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Информация об авторе:

Дударева Яна Александровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка КемГУ, dudareva-yana@yandex.ru.

Yana A. Dudareva – Candidate of Philology, Assistant Lecturer at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 23.09.2014 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕФИНИЦИОННОЙ СИНОНИМИИ В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИХ БЛОГОВ

Е. К. Ковалева

SOME PECULIARITIES OF DEFINITIONAL SYNONYMY IN INFORMATION TECHNOLOGY BLOGS DISCOURSE

E. K. Kovaleva

Работа написана в рамках разработки темы «Некоторые особенности дефиниционной синонимии в дискурсе информационно-технических блогов». Материалом исследования послужили 1500 синонимов подязыка информационно-технических блогов. Изучение специфики функционирования дефиниционных синонимов в информационно-техническом дискурсе позволяет выявить скрытые механизмы интерпретации и репрезентации знаний и рассмотреть особенности виртуального дискурса.

Одна из важнейших функций языка – коммуникативная, обеспечивающая общение во всех сферах человеческой деятельности. Успешная коммуникация в сфере информационно-технического дискурса осуществляется на базе особого подязыка, значительное место в котором занимают термины и дефиниции, репрезентующие соответствующие концепты. Различные типы дефиниционных синонимов, отличающиеся структурой, акцентируют внимание с точки зрения семантики на разных аспектах терминируемого понятия, позволяя автору наиболее точно охарактеризовать дефинируемый термин.

The paper is written to contribute to the topic «Some peculiarities of definitional synonymy in Information Technology blogs discourse». 1500 synonyms of Information Technology blogs discourse were studied. It provides better understanding of cognitive mechanisms, shows the way knowledge interpretation and representation takes place, highlights some virtual discourse peculiarities and contributes to the further development of nomination theory.

One of the most important language functions is communicative, which promotes communication in all spheres of human activity. Successful communication in Information Technology discourse is carried out on the basis of a special sublanguage, in which terms and definitional synonyms occupy a significant place. As a result, definitional synonymy takes place. It allows revealing deeper essence of the phenomenon. Different definitional synonym types have different structure and draw attention to different aspects of the term, characterize the meaning of the term accurately.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, информационно-технические блоги, дефиниционные синонимы, термины, концепт.

Keywords: virtual discourse, Information Technology blogs, definitional synonyms, terms, concept.

Одна из важнейших функций языка – коммуникативная, обеспечивающая общение во всех сферах человеческой деятельности. Субъекты виртуального дискурса информационно-технических блогов являются профессионалами или высоко информированными любителями в своей области знания. Успешная коммуникация в сфере информационно-технического дискурса осуществляется на базе особого подязыка, значительное место в котором занимают термины, репрезентующие соответствующие концепты.

В научно-техническом дискурсе огромное количество синонимов описывают одни и те же понятия, предметы и явления действительности. Долгое время проблемам синонимии в терминологии не уделялось должного внимания, а отношение к ней в научно-техническом дискурсе, изобилующем узкоспециальной лексикой, было неоднозначным. Это объясняется тем, что изначально одним из требований к термину было соответствие его формы и содержания в одной терминосистеме. Синонимия внутри одной области знания считалась явлением вредным и свидетельствующем о неупорядоченности терминологии. О необходимости запрета синонимов в терминологиях писали многие исследователи. По мнению Д. С. Лотте, «синонимия терминов вредна и её надо устранять, т. е. к каждому понятию надо прикреплять лишь один термин» [6, с. 15]. Но в то же время категорическое

запрещение синонимов фактически не выдерживается, вступает в противоречие с практикой употребления этих терминов в других видах литературы, где синонимы неизбежны.

Появление синонимов может быть вызвано спецификой становления и развития определенной отрасли знания, изменениями, затрагивающими его концептуальную сферу. При детальном изучении становится понятно, что наличие синонимов характерно как для старых устоявшихся, так и для недавно возникших, развивающихся областей знания.

Любой научно-технический дискурс представляет собой незамкнутую развивающуюся систему, в которой постоянно происходит появление узкоспециальной лексики, и поэтому явление синонимии внутри дискурса неизбежно. Так, И. И. Ворона отмечает, что «несмотря на требование не использовать синонимы в одной терминосистеме, синонимия терминов присуща любой терминологии. Термины-синонимы необходимы для научного определения понятия, точного выражения мысли, избегания повторов того же слова или словосочетания» [5, с. 53].

В. Е. Бригинева считает, что употребление синонимов в узкоспециальной области знания оправдано, поскольку при рассмотрении термина в качестве когнитивно-дискурсивной единицы языка, можно рас-

смаивать вариативность термина не как нарушение нормы, а как свидетельство развития терминологии [4].

Следовательно, синонимия оправдана и необходима в тех случаях, когда она служит для всестороннего раскрытия понятия и не вызывает языковой избыточности.

По степени синонимичности, т. е. по тождеству и способности замещать друг друга в контексте, нейтрализовать в тексте противопоставляемые семантические признаки семантические синонимы часто делят на дублиеты или абсолютные и относительные синонимы. У синонимов может совпадать весь объём значений, тогда их относят к дублиетам. Могут совпадать только отдельные значения, семы, тогда их относят к группе относительных синонимов.

Синонимы могут быть выражены не только отдельными словами, словосочетаниями, аббревиатурами и сокращениями. В роли синонимов могут выступать слово и его дефиниция, то есть, слово и предложение, слово и текст.

Под дефиницией понимается «...словесное выражение тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечисление существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие» [8, с. 162].

Дефиниционная синонимия возникает при одновременном использовании дефиниций и эквивалентных им терминов в дискурсе информационно-технических блогов. Дефиниционная синонимия представляет собой явление, характерное для узкоспециальных дискурсов, и позволяет глубже раскрыть суть того или иного явления действительности. С другой стороны, дефиниционная синонимия является способом познания действительности, когда человек пытается понять значение словесного стимула. Дефиниция является важнейшим элементом научного знания, закрепляющим систему знаний человека об окружающем мире на одном из этапов его освоения, очерчивает границы научного понятия.

Отношение дефиниционной синонимии возникает между синонимом, представленным словом либо словосочетанием, и его дефиницией и заключается в совпадении значения слова, выраженного термином, и значением его дефиниции. В дефиниции должны быть выражены существенные признаки терминируемого класса предметов. Эти же признаки задаются и семантикой узкоспециальной лексической единицы [1].

Дефиниция включает существенные признаки понятия, важные для его идентификации и дифференциации. При этом дефиниция не исчерпывает понятия, которое в равной степени может быть выражено и термином. Термин вербализует понятие и конституируется с помощью дефиниции.

Дефиниция стремится установить тождество дефинируемого объекта с другими, включить его в группу подобных объектов и дифференцировать один объект от других смежных или сходных объектов [2, с. 212].

Важнейшим требованием к научной дефиниции является тождество определяемого и определяющего, устанавливающее однореферентность языковых выражений, их семантическую эквивалентность, состав-

ляющее предпосылку для их взаимозаменения [3, с. 171] и являющееся базой для синонимических отношений.

Дефиниция включает общие / универсальные / родовые признаки. Выбор признаков, по которым дефинируемый объект относится к определенному виду, зависит от коммуникативных стратегий автора и обусловленного ими контекста. Сюда могут входить как существенные признаки, так и случайные признаки, обусловленные ситуацией [2].

Так, в предложении «Botnets are networks of compromised computers, controlled remotely by criminals who use them to secretly spread malware, steal personal information, and commit fraud» [10] – «Ботнеты являются сетями зараженных компьютеров, управляемых дистанционно преступниками, которые используют их для распространения без ведома пользователя вредоносного ПО, для кражи личной информации и совершения мошенничества» (в статье дан перевод автора) дефиниционный синоним «networks of compromised computers, controlled remotely by criminals who use them to secretly spread malware, steal personal information, and commit fraud», отражает родовой признак «network» и существенные признаки объекта, такие как «compromised», «remotely controlled», «by criminals», «spread malware», «steal», «commit fraud» [9].

В предложениях «Most phones will run only software that their operating system trusts. Jailbreaking or unlocking a phone enables it to run untrusted software, which is much more likely to carry a harmful virus» [10] – «В большинстве телефонов устанавливается только программное обеспечение, имеющее цифровую подпись разработчика. Взлом защиты с целью установить стороннее приложение или разблокировка телефона позволяет использовать ненадежное программное обеспечение, которое с высокой степенью вероятности будет содержать вирус», напротив, на первый план выходят признаки, важные в данном контексте. В значении лексической единицы «jailbreaking» существенными характеристиками являются «unlocking a phone» и «run untrusted software» [9]. Такие характеристики как «carry a harmful virus» к универсальным характеристикам объекта не относятся, но представляются важными в контексте, поскольку в данной записи блога речь идет о негативных последствиях установки нелегальных программ.

Описание признаков объекта, содержащееся в дефиниции, должно быть полным и достаточным.

С точки зрения структуры дефиниция представляет собой словосочетание, часто осложненное обособленными обстоятельствами либо причастным оборотом. Отличить словосочетание от дефиниционного синонима помогает анализ его семантико-грамматической структуры – в структуре дефиниционного синонима содержатся слова, перечисляющие все существенные признаки терминируемого понятия, а сама дефиниция многословна и сложно организована.

По способу образования Ю. А. Падар выделяет несколько основных типов дефиниций [7], различающихся структурой и позволяющих привлечь внимание к разным аспектам терминируемого понятия и наиболее точно охарактеризовать дефинируемый термин. Использование различных типов дефиниционных сино-

нимов в виртуальном дискурсе информационно-технических блогов призвано решить ряд задач. Согласно данной классификации исследуемые дефиниционные термины были сгруппированы следующим образом.

1. Остенсивные (указательные) дефиниции. Не встречаются в виртуальном дискурсе информационно-технических блогов, поскольку они характерны в большей степени для устной разновидности дискурса.

2. Классификационные дефиниции, включающие родовой признак и видовую характеристику дефинируемого объекта. Классификационных дефиниционных синонимов выявлено 36 % от общего количества (1500 единиц).

3. Трансформационные дефиниции, представляющие собой преобразование значения неизвестного слова в другое, известное и понятное. Трансформационная дефиниция может включать в себя синонимы, антонимы с негативными префиксами и так далее. Трансформационные дефиниционные синонимы составляют 14 % от общего количества.

4. Интерпретационные дефиниции, представляющие собой описание либо объяснение. Интерпретационных дефиниционных синонимов выявлено 17 % от общего количества.

5. Экземплификативные дефиниции, основанные на придании образной наглядности предметам или высказываниям о каких-то закономерностях путем указания на конкретные, отдельные случаи их проявления. Экземплификативных дефиниционных синонимов выделено 11 % от общего количества.

6. Инструментальные дефиниции, акцентирующие внимание на действиях при описании объекта. Инструментальные дефиниционные синонимы – 5 % от общего количества.

7. Косвенные дефиниции, не дающие прямую трактовку слова, а позволяющие вывести его значение из отношений этого слова с другими словами в определенном контексте. Косвенные дефиниционные синонимы – 11 % от общего количества.

8. Квазидефиниции, дающие лишь некоторое общее представление о значении дефинируемого термина. Квазидефиниционные синонимы – 6 % от общего количества.

В виртуальном дискурсе информационно-технических блогов большая часть синонимов – классификационные дефиниционные синонимы. Классификационный дефиниционный синоним в предложении «Gmail is email that you signed up for, but you don't want anymore» [10] – «Греймейл – это электронные письма, на получение которые вы подписались, но которые не хотите больше получать» описывает лексическую единицу «gmail» через более крупный класс объектов «email» и уточняет её существенные дифференциальные признаки «you don't want anymore». При использовании классификационных дефиниционных синонимов на первый план выходит родовая принадлежность термина в совокупности с его дифференциальными признаками внутри класса. В компонентном составе термина и дефиниционного синонима, относящихся друг к другу как общее и частное, реализуется один из основных принципов познания: определение частного через общее и общего через то частное, которое оно охватывает. Классификационная

дефиниционная синонимия преимущественно используется для описания объекта или явления с помощью его включения в более крупный класс объектов или явлений, понятных и хорошо знакомых читателям блога и позволяет составить лишь общее представление.

Трансформационная дефиниционная синонимия характеризует один объект, сопоставляя его с другим. В предложении «Vulnerabilities are weaknesses in software that enable an attacker to compromise the integrity, availability, or confidentiality of the software or the data that it processes» [10]. – «Уязвимости представляют собой недостатки программного обеспечения, которые позволяют злоумышленнику поставить под угрозу целостность, доступность или конфиденциальность программного обеспечения или используемых им данных.» значение термина «vulnerability» раскрывается при сравнении с синонимичной лексической единицей «weakness», значение которой подразумевает «a quality or feature that prevents someone or something from being effective or useful» [9]. Развернутое определение «that enable an attacker to compromise the integrity, availability, or confidentiality of the software or the data that it processes» не дифференцирует, а уточняет последствия, к которым может привести наличие уязвимостей в установленном пользователем программном обеспечении. Трансформационная синонимия позволяет читателям понять один тип объекта через его сравнение с другим, составить представление о его характеристиках по аналогии. Использование трансформационной дефиниционной синонимии целесообразно, когда целью изложения становится информирование читателя об определенных свойствах, наблюдаемых у нескольких объектов.

Интерпретационные дефиниции могут представлять собой описание либо объяснение, как в предложениях «Ransomware is an email, website or pop-up window that displays warnings about possible illegal activities and demands payment before you can access your files and programs again» [10] – «Программы-вымогатели выглядят как электронное письмо, веб-сайт или всплывающее окно, содержащее предупреждения о возможных незаконных действиях и требующее оплаты, прежде чем вы снова сможете получить доступ к файлам и программам». Интерпретационный дефиниционный синоним «an email, website or pop-up window that displays warnings about possible illegal activities and demands payment before you can access your files and programs again» формирует представление о значении лексической единицы «ransomware» с помощью описания возможных форм реализации объекта и его действий. Интерпретационная дефиниционная синонимия помогает читателю понять суть явления, продвигаясь в процессе познания от частного к общему, где общее может быть соотнесено с любым из охватываемых им частных.

Экземплификативный дефиниционный синоним «a kind of social engineering ... similar to messages that claim that your computer has a virus, that you've won a lottery, or that you can earn money for little or no effort on your part» в предложениях «Catfishing is a kind of social engineering. It's similar to messages that claim that your computer has a virus, that you've won a lottery, or

that you can earn money for little or no effort on your part.» [10] – «Фишинг является разновидностью социальной инженерии. Вы получаете сообщения, о том, что ваш компьютер заражен вирусом, что вы выиграли в лотерею, или что вы можете заработать деньги практически без усилий с вашей стороны» демонстрирует наглядный пример подобного сетевого мошенничества. Наглядный пример помогает понять значение термина, выделив его основные признаки «social engineering», «similar to message», «claim that your computer has a virus», «claim that you've won a lottery», «claim that you can earn money for little or no effort» из экземпликативной дефиниции. Экземпликативная дефиниционная синонимия позволяет с помощью наглядных примеров объяснить читателю блог новый для него термин. Процесс познания движется от частного к общему, выделяя в приведенных автором примерах наиболее типичные характеристики и синтезируя с их помощью новое для читателя родовое понятие, вербализованное термином.

Инструментальные дефиниционные синонимы при описании объекта акцентируют внимание на действиях. Например, в предложениях «The cybercriminals who publish and distribute malware devote significant effort to convincing or tricking Internet users into clicking links that lead to malware, or that download malicious attachments or applications.» [10] – «Злоумышленники, выкладывают в открытый доступ и распространяют вредоносные программы, прикладывая значительные усилия для того, чтобы обманом убедить пользователей Интернета перейти по ссылкам, ведущим к вредоносным программам, или скачать вредоносные вложения и приложения» значение термина-синонима «cybercriminal» раскрывается с помощью перечисления характерных для данного объекта действий «to publish», «to distribute malware», «to convince», «to trick Internet users». В сознании реципиента складывается модель поведения киберпреступника. Инструментальная дефиниционная синонимия акцентирует внимание на типичном поведении объекта в определенной ситуации и помогает создать соответствующий сценарий.

Косвенные дефиниционные синонимы не дают прямую трактовку слова, а представляют собой контекст, из которого можно вывести значение термина, например, «Fraudsters try to convince you that you've won a large sum of money through a contest, lottery, inheritance, or other fraudulent giveaway. These criminals promise to deliver the "winnings," but only after you pay a processing fee or the taxes either through a bank transfer or a credit card. Typically, once you pay these "fees," you never hear from them again. The crooks may also sell to other criminals the account data they gathered» [10] – «Мошенники пытаются убедить вас, что вы выиграли крупную сумму денег в конкурсе, лотереи, получили наследство, и т. д. Преступники обещают перевести "выигрыш", но только после того, как вы заплатите комиссию или налог с помощью банковского перевода или кредитной карты. Как правило, как только вы оплатите эти «сборы», вы никогда больше не услышите о них. Мошенники также могут продать данные вашей учетной записи другим преступникам». Косвенный дефиниционный синоним включает в себя ряд

синонимичных лексических единиц «criminal», «crooks», значение которых включает признак «someone who commits the crime of fraud», значение термина «fraud» в свою очередь может трактоваться как «the crime of obtaining money from someone by tricking them» [9]. Косвенная дефиниция достаточно полно описывают термин «fraudster» поскольку содержат как видовые синонимичные лексические единицы, так и приводит пример наиболее типичной для описываемого объекта модели поведения, позволяя создать сценарий действий объекта.

Квазидефиниции дают лишь некоторое представление о значении дефинируемого термина. В предложении «ActiveX controls are small programs, sometimes also called "add-ons," used on the Internet» [10] – «Элементы управления ActiveX представляют собой небольшие программы, иногда называемые также "дополнениями", и используются в Интернете» дефиниция «small programs, sometimes also called "add-ons," used on the Internet» [9] содержит недостаточную информацию об объекте, поскольку помимо элементов управления существует большое количество других дополнений, предназначенных для работы в Интернете. Квазидефиниционная синонимия не предполагает абсолютного тождества определяемого и определяющего, а акцентирует внимание на наиболее общих свойствах объекта, не упоминая существенные дифференциальные признаки. Использование квазидефиниционных синонимов оправдано в случаях, когда реципиенту для продолжения коммуникации достаточно наиболее общих сведений об объекте.

Все типы дефиниционной синонимии, за исключением квазисинонимии, в виртуальном дискурсе информационно-технических блогов предполагают отношения полного тождества между синонимами. В зависимости от целей изложения информации дефиниционные синонимы могут включать как универсальные признаки термина, так и признаки важные в определенном контексте.

Разные типы дефиниционных синонимов отличаются структурой, акцентируют внимание с точки зрения семантики на разных аспектах терминируемого понятия, позволяя автору наиболее точно охарактеризовать дефинируемый термин. Использование различных типов дефиниционных синонимов в виртуальном дискурсе информационно-технических блогов призвано решить ряд задач:

- 1) соотнести объект с определенным классом и выявить его место ряду подобных ему объектов;
- 2) дать характеристику объекту путем сопоставления его с другими подобными объектами;
- 3) описать возможные формы реализации объекта, связанные с ним действия, помочь реципиенту составить сценарий поведения / использования объекта;
- 4) составить представление об объекте и его характеристиках с помощью образного описания;
- 5) описать объект через связанную с ним модель действий;
- 6) сформировать общее представление о значении термина.

Дефиниционная синонимия характерна для узкоспециальных дискурсов и терминосистем и является важнейшим элементом научного знания, закрепляю-

щим систему знаний человека об окружающем мире на одном из этапов его освоения, очерчивает границы научного понятия.

В современном мире огромное внимание уделяется процессам получения, переработки, передачи и хранения информации и, как следствие, растет интерес к проблеме номинативного варьирования в дискурсе, к вопросам возникновения и развития синонимии. Рассмотрение дефиниционной синонимии через призму дискурса открывает новые аспекты ее изучения. Виртуальный дискурс информационно-техниче-

ских блогов служит прежде всего для передачи когнитивной информации, а различные языковые средства позволяют выразить эту информацию в разной форме.

Изучение специфики функционирования терминов и их дефиниционных синонимов в информационно-техническом дискурсе позволяет проследить, какие признаки и характеристики терминируемого понятия становятся существенными и вносит определённый вклад в дальнейшее развитие теории номинации.

Литература

1. Головин Н. Г., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
2. Безрукова Е. И. Дефиниционные отношения в предложении и тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2004. 180 с.
3. Берка К. Функции глагола «быть» с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. М.: Высшая школа, 1961.
4. Бригинева В. Е. Синонимия в терминологии альпинизма (на материале английского языка) // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7(14). С. 7 – 9. Режим доступа: <http://research-journal.org/featured/languages/sinonimiya-v-terminologii-alpinizma-na-materiale-anglijskogo-yazyka/> (дата обращения: 15.07.2014).
5. Ворона И. И. К вопросу терминологической синонимии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 2. С. 50 – 54. Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/11.html (дата обращения: 15.07.2014).
6. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Издательство академии наук СССР, 1961. 158 с.
7. Падар Ю. А. Аксиологичность в системе дискурсивных категорий. Режим доступа: http://philology.knu.ua/files/library/movni_i_konceptualni/46-3/22.pdf (дата обращения: 15.07.2014).
8. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука. 1989. 246 с.
9. Merriam Webster Dictionary: электрон. словарь. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.07.2014).
10. MSDN Blogs. Режим доступа: <http://blogs.msdn.com> (дата обращения: 15.07.2014).

Информация об авторе:

Ковалева Елена Константиновна – соискатель кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии КемГУ, kovaleva.ek@mail.ru.

Elena K. Kovaleva – post-graduate student at the Department of Theory and Practice of Translation and Interpretation, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Биякова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, lanavl@yandex.ru).

Scientific advisor: Svetlana V. Biyakova – Candidate of Philology, associate professor, Theory and Practice of Translation and Interpretation Department, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 08.08.2014 г.

**ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА В ИССЛЕДОВАНИИ КОМПЛЕКСНОГО ПРОЦЕССА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
А. КРИСТИ «УБИЙСТВО РОДЖЕРА ЭКРОЙДА»**

Ю. А. Куцевич

**LINGUISTICS OF TEXT AS A MEANS OF STUDYING THE COMPLEX VOLITIONAL
ACTION PROCESS IN A. CHRISTIE'S NOVEL «THE MURDER OF ROGER ACKROYD»**

Y. A. Kutsevich

Статья посвящена анализу особенностей текста, благодаря которым он может выступать в качестве средства исследования лексических единиц факторного типа, под которыми понимаются единицы со значением одного из семи этапов волевого действия: желания, намерения, решения, планирования, подготовки, попытки, реализации. Данные этапы формируют абстрактную, «идеальную», модель такого типа действия. Неидеальность его реальных моделей требует обращения к надежным средствам их исследования. Как показал анализ, богатым источником практических примеров интенционального процесса является художественный текст. Кроме того, в нем наиболее четко раскрываются следующие классовые признаки лексических единиц факторного типа: факторность, секвенциальность, семантическая несамодостаточность, кумулятивность, интенциональность. Исследование проводится на примере модели волевого действия в романе А. Кристи «Убийство Роджера Экройда», содержащей четыре из семи этапов.

The paper analyzes the features of text, due to which it can be referred to as a means of studying factor type intentional lexical units that denote one of the seven stages of a volitional action: desire, intention, decision, plan, preparation, attempt, realization. These stages form an abstract, “perfect”, model of this type of action. Imperfection of real models calls for efficient means of their studying. This research shows that a literary text is rich in concrete cases of a volitional action. Besides, the following typical features of the units in question are most vivid in this type of text: factor dependence, sequence of stages, semantic deficiency, cumulativeness, intentionality. The research is based on a volitional action model in A. Christie's novel «The murder of Roger Ackroyd», which includes four of the seven stages.

Ключевые слова: волевое действие, интенция, интенциональные лексические единицы факторного типа, семантический этап, текст, А. Кристи.

Keywords: volitional action, intention, factor type intentional lexical units, semantic stage, text, A. Christie.

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей текста, релевантных для использования его в качестве средства исследования лексико-семантической группы (ЛСГ) интенциональных единиц факторного типа. Под последними понимаются единицы со значением одного из выделяемых нами семи последовательно расположенных этапов волевого действия (ВД):

- желания (например, to want);
- намерения (intentional);
- решения подтипов «положительное» (determination), «отрицательное» (to refuse) и «сомнение» (to hesitate);
- планирования (to plan);
- подготовки (preparation); попытки (an attempt);
- реализации подтипов «успешный исход» (successfully), «неудача» (failure) и «отложенное завершение» (to delay).

К классовым признакам данных единиц относятся:

1) факторность, «или свойство определять реализацию следующего этапа в частности и всего волевого процесса в целом» [9, с. 46];

2) секвенциальность как их способность выражать «последовательные <...> этапы развития единого объективного процесса» [13, с. 146];

3) семантическая несамодостаточность, определяемая значением фактора действия, но не действия как такового, и определяющая необходимость использования факторной единицы в составе факторной конструкции, где в качестве семантического компле-

мента функционирует, например, инфинитив (например, I resolve to do something);

4) кумулятивность – способность единиц каждого этапа аккумулировать семантику предыдущих, предполагая их успешное завершение;

5) интенциональность, или значение волитивного состояния субъекта ВД, сознательно преодолевающего препятствия на пути к цели.

Материалом исследования послужил роман А. Кристи «Убийство Роджера Экройда», а также ряд теоретических работ, посвященных проблемам текста [2 – 4; 15].

Ключевое значение для данного исследования имеют следующие предпосылки.

– Текст «являет собой исходную “площадку” всякого семантического анализа, основанного на переходе от одного уровня к другому» [14, с. 98].

– При «нормальном» ходе ВД, включающего последовательно расположенные в указанном порядке этапы, интенциональный процесс не зависит от каких-либо непредвиденных обстоятельств. Однако, как правило, он не может быть изолирован от внешних воздействий, вследствие чего возникают отступления от «нормального» хода реализации интенции субъекта. С учетом данной специфики ВД наиболее удачным источником эмпирического материала, позволяющего подробно исследовать все разнообразие факторов его осуществления в реальности, «представляются не отдельные предложения, традиционно используемые в

лингвистических исследованиях, а связные тексты – в частности, художественные произведения» [8, с. 158].

– Именно в художественных текстах человек исторически фиксирует компоненты и факты действительности [3], частью которой является ВД. Одним из наиболее подходящих для исследования данного типа действия художественных жанров, на наш взгляд, является жанр детектива, мастером которого заслуженно считается А. Кристи.

Помимо трех вышеперечисленных базовых предпосылок мы выделили и ряд следующих, более специфических характеристик текста.

1) Обусловленность ВД факторами, препятствующими или способствующими его осуществлению, а также взаимосвязанность этапов можно проследить только в рамках лингвистики текста на фоне *контекста целостной ситуации*, которым «в той или иной мере полноты <...> обладает лишь письменный (или устный) текст в целом» [1, с. 636]. Так, к факторам, *препятствующим* главному герою романа, доктору Шеппарду, совершить убийство Роджера Экройда и скрыть свою причастность к нему, мы относим следующие из них.

– Известие о том, что соседом доктора Шеппарда является талантливый сыщик Эркюль Пуаро, способный раскрыть самое запутанное преступление:

«But Hercule Poirot does not end with a *failure*. <...> I mean to know. And I shall know <...>» [15, p. 118] (1).

В примере (1) Пуаро уверен в успехе расследования. Интенциональные факторные значения выражены в примере существительным этапом реализации ВД *failure* (подтип «неуспешная реализация») и глаголом намерения *to mean*. В соответствии со словарной дефиницией глагол *shall* также выражает интенцию субъекта [16].

– Внимательность дворецкого, заметившего перестановку мебели в кабинете убитого, которую сделал убийца для совершения преступления:

«I did what little had to be done. I was *careful* not to disturb the position of the body, and not to handle the dagger <...> I never dreamed that Parker would have noticed that chair. Logically, he ought to have been so agog over the body as to be blind to everything else» [15, p. 50 – 51, 213] (2).

В примере (2), согласно своему плану снова оказавшись на месте преступления, Шеппард пытается скрыть его следы – забирает диктофон и ставит кресло в обычное положение. При этом, повествуя о событиях в Кингз-Эббот в дневнике, он акцентирует внимание читателя на других, законных, действиях – попытке не передвигать тело и предметы в комнате. Попытка выражена конструкцией *to be careful to do sth.*, имеющей значение усилия, предпринимаемого с целью избежать негативных последствий [17].

К факторам, *способствующим* замыслу Шеппарда, мы относим следующие из них.

– Подозрения на всех обитателей имения «Папоротники», включая Ральфа Пейтона, совершившего побег вскоре после известия об убийстве его отчима, Роджера Экройда:

«That night I put the facts plainly before him. The thought of having possibly to give evidence which might

incriminate his wife made him *resolve* at all costs to <...> do a bunk» [15, p. 201] (3).

В примере (3) показано, что Ральф Пейтон бежал по совету доктора Шеппарда, преследующего цель бросить на него тень подозрений. Решение о побеге выражено глаголом *to resolve*, степень решительности субъекта – выражением *at all costs*.

«I took an instant *decision*. <...> “I’ve been *trying* to decide whether to make a clean breast of things or not. I’d already practically *decided* to tell you everything, but I was going to wait for a favourable opportunity <...> You don’t think that Parker himself might be the man we’re after?” I suggested» [15, p. 60] (4).

В примере (4) доктор Шеппард принимает решение рассказать инспектору полиции о разговоре с Роджером Экройдом, вновь пытаясь отвести подозрения от себя и обратить их против дворецкого, подслушавшего этот разговор. Спонтанность решения, выраженная прилагательным *instant*, а также намеренная витиеватость выражения мысли (*I’ve been trying, whether to make <...> or not, practically decided, was going to wait*) характеризует доктора Шеппарда как изворотливого преступника.

– Доверие Роджера Экройда как ключевой фактор, позволивший убийце беспрепятственно прийти к нему, а также долгое время оставаться вне подозрений:

«“Sheppard, nobody knows what I’ve gone through <...> I’ve got to *make up my mind* soon.” <...> Ackroyd remained silent for a minute or two. He seemed curiously *averse* to begin. <...> “I see,” I said slowly. “You want to hunt him down? It will mean a lot of publicity, you know.” “Yes, I’ve thought of that. I’ve *zigzagged* to and fro in my mind”» [15, p. 42, 45] (5).

В примере (5) доктор Шеппард узнает от Экройда о том, что перед смертью миссис Феррар, возлюбленная последнего, рассказала ему о шантаже, которому она подверглась после совершения ею преступления, отравления мистера Феррар. Не зная имени шантажиста, которым является доктор Шеппард, Экройд делится с ним сомнениями о возможности найти преступника. Шеппард, в свою очередь, пытается убедить его не совершать решительных действий. В данном примере выражены этапы желания (посредством глагола *to want*), положительного решения (*to make up one’s mind*) и его отрицательного подтипа (*averse*). Особый интерес представляет обусловленное ближайшим к глаголу *to zigzag* контекстом «to and fro in my mind» значение «сомнение». Так, словарная дефиниция («have or move in a zigzag course» [17]) данного глагола не содержит сему «интенция».

2) Условием связности текста является *повтор* как лексических единиц, так и выводов и суждений, выраженных или имплицитных в предшествующем контексте [5, с. 194]. В случае ВД условию повторяемости удовлетворяет его конечная цель, на которую направлены все этапы, а также связывающая их интенциональность. Данное произведение содержит в себе такую особенность: все действия доктора Шеппарда подчинены одной цели – обеспечить свою безопасность – и выражают его намерение совершить ради нее еще одно преступление:

«“My dear Poirot”, I said in a voice that sounded strange and forced to my own ears. “What on earth had I to gain by murdering Ackroyd?” “Safety”» [15, p. 210] (6).

3) «В составе связного текста каждое предложение несет в себе новую информацию <...>. Таким образом, динамическое развертывание текста отображает кумулятивный процесс наращивания информации» [11, с. 63]. Следовательно, идеи «тематической прогрессии, согласно которым темы скрепляют текст, а ремы передают новую информацию» [10, с. 12], сближают процессы развертывания повествования и ВД, где темой являются интенциональность и цель, а ремой – каждый новый этап факторной последовательности.

4) Семантические слагаемые текста образуют структуру не только с линейными, но и с иерархическими связями [4, с. 449], и текст «существует как иерархическое единство, разбивающееся на все более дробные составные части» [2, с. 64]. Так, каждый этап ВД выступает в качестве условия осуществления следующего и одновременно желание, намерение, решение и планирование формируют нереализованный, ментальный, макроуровень ВД. Попытка и реализация выражают активное действие и объединяются на реализованном, целевом, макроуровне. Подготовка представляет собой нементальную стадию, связывающую ментальный и реализованный макроуровни ВД.

5) «Языковая форма текста выполняет роль его внешней “эпидермальной оболочки”, которая интегрирует все элементы внутреннего содержания произведения» [11, с. 251], что функционально уподобляет ее факторной конструкции.

6) По определению М. И. Откупщиковой, текст представляет собой «почти жестко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений, связанных друг с другом семантически, что выражено различными языковыми способами» [цит. по: 3, с. 27]. Эта особенность текста трактуется как «текстогенный фактор» Г. Г. Сильницким [12, с. 90]. По К. Гаузенблаз, текст – это «объединение языковых средств, используемых в речи, которое обеспечивается их следованием друг за другом и их отношением к суммарному смыслу» [6, с. 63 – 64]. В случае ВД таким смыслом, как представляется, можно считать единую цель всех волевых этапов. Кроме того, с точки зрения идеи нарративности, «то есть трактовки текста как рассказа о некоторой последовательности происходящих событий» [10, с. 36], связный текст также обнаруживает сходство с ВД. Так, К. Бремон рассматривает нарративную последовательность как триаду «начало – действие – результат» [10, с. 38]. В связи с этим рассмотрим модель ВД в исследуемом произведении.

Так, желание избежать обвинения в шантаже возникает в сознании доктора Шеппарда в тот момент, когда он становится свидетелем разговора миссис Феррар и Ральфа Пейтона. Данный факт наводит его на мысль о том, что о его злодеянии стало известно. Желание предотвратить опасность рождает пока еще неясное представление о способе сделать это:

«I think I can safely say that it was at this moment that a foreboding of the future first swept over me. Nothing tangible as yet – but a vague premonition of the way things were setting. That earnest tête-à-tête between

Ralph Paton and Mrs. Ferrars the day before struck me disagreeably. <...> I thought she was confiding in him...» [15, p. 24, 212] (7).

Из примера (7) видно, что тайный разговор пасынка Роджера Экройда и жертвы Шеппарда стал катализатором желания последнего избежать наказания. Данный этап имплицитно выражен посредством контекста рассматриваемой в примере микроситуации.

Особенностью исследуемого романа является отсутствие этапа *намерения*, под которым понимается формулирование возможных линий поведения, но без установки на их реализацию. Полагаем, что данный факт может быть объяснен стремительностью происходящих в романе событий. Так, например, разговор Ральфа и миссис Феррар состоялся накануне убийства.

Этап *решения* в рассматриваемом произведении отличается особой сложностью и проходит три обусловленных различными факторами стадии развития. На первой стадии данное решение как выбор пути разрешения сложившейся ситуации, в которой доктора Шеппарда могут изболтать в шантаже, возникает с известием о смерти миссис Феррар:

«I suppose I must have meant to murder him all along. As soon as I heard of Mrs. Ferrars's death, I felt convinced that she would have told him everything before she died» [15, p. 212] (8).

В примере (8) Шеппард принимает решение убить Роджера Экройда. В данном случае глагол намерения *to mean* также принимает контекстуально обусловленное значение «решить», представленное в переводе романа И. Гуровой и Т. Озерской [7]:

«Наверное, я сразу решил убить его. Лишь только я услышал о смерти миссис Феррар, как тут же почувствовал уверенность, что она ему все рассказала перед смертью» [7, с. 688] (9).

Решение об убийстве проходит вторую стадию своего развития в момент, когда доктор Шеппард встречает Роджера Экройда в состоянии крайней взволнованности:

«When I met him and he seemed so agitated, I thought that perhaps he knew the truth, but that he couldn't bring himself to believe it, and was going to give me the chance of refuting it» [15, p. 212] (10).

В примере (10) это наблюдение вновь рождает в докторе Шеппарде уверенность в том, что Экройд знает о его преступлении, но хочет получить доказательства невиновности доктора, для чего и приглашает его в свой дом. Предполагаемое намерение Роджера Экройда выражено конструкцией *to be going to do sth.*, включающей в свою семантическую структуру сему «намеренность действия» [16].

Самым весомым фактором, способствующим стабилизации уже принятого решения, становится письмо миссис Феррар, которое приносит дворецкий и в первых строках которого речь идет о человеке, шантажировавшем его автора:

«“No,” I cried impulsively, “read it now.” <...> “At least, read the name of the man,” I said. Now Ackroyd is essentially pig-headed. The more you urge him to do a thing, the more determined he is not to do it» [15, p. 46, 47] (11).

В примере (11) решение Экройда не дочитывать письмо до конца, выраженное конструкцией *to be de-*

terminated to do sth., является результатом усилий доктора Шеппарда.

Этап *планирования*, как и этап намерения, не представлен в исследуемом романе, что, вероятно, также обусловлено сжатыми временными рамками происходящих в нем событий.

В отличие от планирования этап *подготовки*, начавшийся за два дня до убийства и продолжившийся в день его совершения, описан в романе достаточно подробно:

«I *proposed* to make my way to the Three Boars» [15, p. 35] (12).

«So I went home and took my *precautions*. <...> The dictaphone he had given me two days ago to adjust. <...> I did what I *wanted* to, and took it up with me in my bag that evening» [15, p. 213] (13).

Подготовительные действия преступника, настройка диктофона и поход в гостиницу к Ральфу Пейтону с целью добыть его сапоги (их следы будут найдены на подоконнике кабинета жертвы), выражены в примерах (12) и (13) существительным *precautions* (a measure taken beforehand to ward off a possible evil, or to ensure a good result [17]) и глаголом намерения *to propose*.

Кроме того, доктор Шеппард договаривается о телефонном звонке, который позволит ему первым прибыть на место преступления и закончить его, спрятав диктофон и переставив мебель так, как она стояла до убийства. Выбор орудия убийства завершает подготовку.

Наиболее глубоко мотив поступка и природу Шеппарда проанализировал Пуаро:

«Let us take a man <...> with no *idea of murder* in his heart. <...> He *wants* money <...> The *desire* for money grows. <...> And so there came your proverb, the death of the goose that laid the golden eggs. But that is not the end. Exposure faced the man <...> and he is *prepared to take* any means that come to his hand, for exposure means ruin to him» [15, p. 156, 157] (14).

Так, желание доктора Шеппарда получать от миссис Феррар все больше денег, выраженное в примере (14) глаголом *to want* и существительным *desire*, приводит к ее самоубийству. Не имея ранее намерения совершать убийство, теперь он готов воспользоваться любым средством спасения своей жизни, что имплицитно силу его желания избежать разоблачения. Этап намерения выражен в примере существительным *idea*, этап подготовки конструкцией *to be prepared to do sth.*

Еще одной особенностью исследуемого произведения является отсутствие в цепочке этапов ВД убийства Роджера Экройда, *попытки*, или этапа реализации ВД без уверенности в успехе. Как следует из вышесказанного, доктор Шеппард тщательно подготовил и уверенно совершил преступление, чем, очевидно, может быть объяснена данная характеристика романа.

Однако на завершающем этапе расследования убийства преступник все еще пытается найти способ избежать разоблачения, намекая Пуаро об опасности также быть убитым:

«<...> you might force him out into the open – not necessarily by confession. He might *try* to silence you as he formerly silenced Mr. Ackroyd <...>» [15, p. 204] (15).

Но Пуаро не пугают угрозы Шеппарда:

«It would be most unwise on your part *to attempt* to silence me as you silenced M. Ackroyd. That kind of business does not *succeed* against Hercule Poirot» [15, p. 211] (16).

В примере (16) Пуаро, разоблачивший доктора Шеппарда, предупреждает его, что, какие бы действия он не пытался предпринять, ему не удастся заставить Пуаро замолчать. Значение попытки выражено в примерах (15) и (16) глаголами *to try* и *to attempt*, этап реализации (подтип «успешная реализация») – глаголом *to succeed*.

Как отмечено выше, в исследуемом романе конечной целью субъекта является возможность избежать последствий совершенного им ранее преступления, что возможно, по его решению, посредством убийства Роджера Экройда. Однако в замысел убийцы также входит и обеспечение себе надежного алиби после совершения преступления. Особенностью реализации является тот факт, что она включает два этапа: убийство и сокрытие его следов (например, сокрытие диктофона, использованного в преступлении):

«Those prints were made by someone *deliberately trying* to throw suspicion on Ralph Paton» [15, p. 208] (17).

Так, в примере (17) наречие *deliberately* и глагол *to try* выражают попытку Шеппарда убедить полицию в виновности Ральфа Пейтена.

«Dr. Sheppard <...> was *successful* in hiding Captain Paton from the police» [15, p. 202] (18).

В примере (18) прилагательное *successful* выражает успешную реализацию замысла Шеппарда, согласно которому побег Ральфа будет воспринят как признание им своей вины.

7) Имея «абсолютно антропоцентрический характер» [3, с. 53], художественный текст «соотносится уже непосредственно с социальной практикой» [4, с. 446]. З. Й. Шмидт также указывает на структурную эквивалентность языковых и неязыковых действий, первые из которых включают «порождение текста в соответствии с грамматикой/синтаксисом», вторые – «формирование ситуаций в соответствии с социальной грамматикой» [14, с. 101]. В данном случае такой тип ВД, как убийство, очевидно противоречит социальной грамматике, что доказано наказанием преступника:

«I was at Poirot's elbow the whole time. <...> I *tried* my best to read his mind. <...> I *failed* in this latter task» [15, p. 125] (19).

Итак, наше исследование на примере романа А. Кристи «Убийство Роджера Экройда» показало, что в природе текста и семантических комплексных интенциональных лексических единиц факторного типа существует сходство системного характера. Вследствие этого лингвистика художественного текста может выступать в роли надежного метода анализа соответствующих языковых единиц.

Литература

1. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 672 с.
2. Адмони П. Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1985. № 1.
3. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
4. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII.
5. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII.
6. Гаузенблэз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII.
7. Кристи А. Загадка Эндхауза. Восточный экспресс. Десять негрятят. Убийство Роджера Экройда: романы. М.: Правда, 1991. 704 с.
8. Куцевич Ю. А. Семантические признаки факторных глаголов планирования интенционального действия в современном английском языке // Филология, искусствоведение и культурология: тенденции развития. Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012.
9. Куцевич Ю. А. Семантический этап намерения в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: СибАК, 2013. № 9 (28).
10. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII.
11. Сильницкий Г. Г. Филологические опыты. Смоленск: Универсум, 2010. 256 с.
12. Сильницкий Г. Г. «Лингвистика предложения» и «лингвистика текста» // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск: СмолГУ, 2011. № 3(15).
13. Сильницкий Г. Г. «Секвенциальные» лексические значения // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск: СмолГУ, 2012. № 2(18).
14. Шмидт З. Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII.
15. Christie A. The mystery of King's Abbot. М.: Высшая школа, 1980. 230 с.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2010. 952 p.
17. Oxford English Dictionary on CD-ROM (v. 4.0). Oxford: Oxford University Press, 2009.

Информация об авторе:

Куцевич Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета, julia_1807@list.ru.

Yulia A. Kutsevich – Candidate of Philology, Assistant Professor at the English Language and Translation Department, Smolensk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2014 г.

УДК 811.111

О БИНАРНОМ ПРИНЦИПЕ НЕЙМИНГА ЗВУКОСФЕРЫ В АНГЛИЙСКОЙ ФОНОНИМИКЕ

В. Д. Максимов

ON BINARY PRINCIPLE OF NAMING OF SOUND MATTER IN ENGLISH PHONONYMY

V. D. Maximov

В статье рассматривается когнитивный механизм функционирования в речемыслительной деятельности языковой личности бинарного принципа языковой репрезентации звуковой материи. В концептуальном аспекте весь звуковой континуум можно разделить на «звуковой образ мира» и «акустическую картину мира». Такая дуальность концептуализации звукового универсума позволяет говорящему формировать высказывания о звуковых событиях в двух субфреймах – ФОНАЦИИ и АУДИЦИИ. Это диктует говорящему двоякий выбор соответствующих языковых средств.

Автор предлагает поделить в концептуальном плане весь звуковой континуум на две ментальные сущности: «звуковой образ мира» и «акустическую картину мира». При этом знания носителей языка о звуках представляют собой фрейм «ЗВУКОВОЙ УНИВЕРСУМ», состоящий из двух субфреймов: «ФОНАЦИИ» и «АУДИЦИИ». Звуковой образ мира есть в сущности сумма фонации (производства) всех звуков на планете. В то время как субфрейм «аудитория» (слуховое восприятие) образует акустическую картину мира, т. е. то, что люди планеты слышат или хотят услышать. Оба указанных субфрейма представлены в английском языке соответствующими

щими лексическими и синтаксическими средствами, что создаёт в концептосфере носителей английского языка «акустическую картину мира».

The paper attempts to describe the cognitive mechanism of naming sounds in the English language. The term 'naming' includes the processes of conceptualization, nomination and categorization of sounds. Besides, the author has introduced some new terms: phononym, acoustives, phononymy.

The whole bulk of sounds is suggested to be regarded as two mental entities: the *world sound image* and the *world acoustic picture*. English native speakers acquire, keep and express their knowledge about the frame 'SOUND UNIVERSE' which is split into two sub-frames: 'PHONATION' (sound production) and 'AUDITION' (aural perception). The *world sound image* is surmised as the sum of phonation of all the sounds on our planet. Whereas the *world acoustic picture* is made up by the sub-frame 'audition' of sounds which the English native speakers hear or can hear on the daily basis.

Ключевые слова: именование, звукофера, фононим, акустив, фононимика.

Keywords: naming, sound matter, phononym, acoustive, phononymy.

Naming things is always implicitly categorizing and therefore collecting them.

J. Fowles

1. Чем звуковой образ мира отличается от акустической картины мира?

Настоящая статья посвящена исследованию когнитивных оснований бинарной природы нейминга. Под неймингом будем понимать процессы концептуализации, номинации и категоризации понятий языковыми средствами. В нашем исследовании речь идёт о нейминге звуковых концептов посредством лексических и синтаксических звукообозначений (фононимов, в нашей терминологии). Обладая высокой аксиологической значимостью, гетерогенностью и многопризнаковостью, фиксируя и отражая в своём содержании социальную и культурную информацию, звуковые концепты формируют звуковой образ мира (ЗОМ) и акустическую картину мира (АКМ), которые являются неотъемлемой частью как концептуальной, так и языковой картин мира. Ниже будет показано, каким образом и на каких когнитивных основаниях звуковые концепты получают в языке *двойственную* репрезентацию (нейминг). Вслед за Е. С. Кубряковой [6], мы определяем концепт как оперативную содержательную единицу сознания, которая выполняет функцию хранения и передачи знаний об окружающем мире и языке. Как показал анализ языкового материала, бинарность языковых единиц, отражающих звукоферу, наиболее частотно и рельефно проявляется на уровне синтаксиса.

Действительно, говорящий имеет возможность представить фоно-акустическую ситуацию (далее ФАС) либо как фрагмент *объективной* звуковой феноменологии, либо в качестве объекта *субъективного* аудиального восприятия.

Мы полагаем, что дихотомия языковой фиксации (нейминга) звуковой материи каузирована дуальной сущностью самого фрейма ЗВУКОВОЙ УНИВЕРСУМ, который состоит из двух субфреймов – ФОНАЦИЯ (звукообразование) и АУДИЦИЯ (звуковосприятие). Этот дуализм, в свою очередь, порождён двойственной природой воздействия звука на языковую личность. С одной стороны, он является потенциальным или *генерированным признаком* голоса (человека, животного, птицы), равно как и физических звуков, образуемых быстро движущимся предметом (актором) при встрече с преградой (реактором). Для этой

цели у звука как феномена имеется и специальный термин – *фонон*. А с другой стороны, звук *воспринимается* как экзистенциальная (хотя и невидимая, неосознаваемая, без запаха, вкуса и веса) физическая сущность, воздействующая на наш орган слуха. В этой ипостаси психологи называют его *акусмой*, а лингвисты – *перцептом*.

Анализ научных публикаций по теме показывает, что отдельные вопросы звукообозначения и отдельные части речи (в основном глаголы звука) много раз оказывались в фокусе внимания современных лингвистов. О связи звука и смысла писали, например, Р. О. Якобсон, С. В. Воронин, Е. В. Падучева, А. П. Журавлёв, В. В. Левицкий, С. А. Карпухина, Н. А. Акулинина, Л. З. Лапкина, Б. В. Журковский, А. Н. Туринский, Я. А. Мартиросова, О. Ю. Ромашина, А. Е. Беликова, Т. В. Крючкова, Е. А. Васильева и др. Однако общая стратегия по выявлению *когнитивных основ номинации элементов звукового универсума* по инвентаризации и систематизации разноуровневых вербальных средств их репрезентации, а также по интерпретации феномена концептуализации и семиозиса *производства и восприятия* звуковых эффектов пока еще не разработана, что препятствует созданию объективной и целостной концепции отображения языком звуковой полифонии мира. Это указывает на *актуальность* выбранной нами темы исследования.

Обращение к изучению такого интересного языкового феномена как альтернативная синтаксическая репрезентация фрагментов звукомира в семантическом поле парадигматики предложений-высказываний с *разной* глагольной диатезой в нексусе также свидетельствует в пользу актуальности выбранной нами темы для изучения. В пользу актуальности указанной тематики говорит также и то обстоятельство, что наше исследование обращено к главному вопросу многих когнитивных наук – взаимодействию *языка и сознания*. Рецепция и ментальная обработка звуковых сигналов реципиентом – это способ познания им окружающей звуковой действительности, что позволяет квалифицировать слуховую перцепцию как мыслительный процесс. Таким образом, дискурсивное сообщение как языковое свидетельство кодирования звуковых явлений человеком становится *единственным* способом получения *объективных* данных о работе человеческого мышления в условиях ФАС.

2. Фоная и аудиция как когнитивные векторы языкового кодирования звуковой действительности

Языковедам известны два альтернативных способа описания звукового мира: с точки зрения фонации (образования или генерации) физических звуков, и с точки зрения их аудиции (слухового восприятия). В концептуальном плане не будет ошибкой назвать весь звуковой континуум (универсум звуков, звукоферу) *звуковым образом мира*, равно как и *аудиальной картиной мира*. Но *homo loquens*, ословливая (вербализуя, оязыковывая) звуковую материю, давая ей «языковую привязку» (по Е. С. Кубряковой), должен выбирать свою собственную метаязыковую стратегию речетворчества: говорить либо о производстве (фонации, образовании, генерации, испускании) звуковых сигналов:

(1) *My answering machine had answered so many calls that it had run out of recording tape* (R. Sisson);
либо о их восприятии:

(2) *Most of Sunday I listened to voices on my answering machine* (R. Sisson).

Таким образом, мы можем постулировать существование в речевой деятельности коммуникантов **двух** стратегий вербализации и текстопорождения в свете **фононимии**. В фонических предложениях-высказываниях манифестируется фрейм «ЗВУКОВОЙ УНИВЕРСУМ» в двух схемах представления наших знаний о звуковых событиях – в субфрейме фонации или звукопроизводства, и в субфрейме аудиции, или звуковосприятия. Что же входит в компетенцию фононимии? Мы предлагаем этот термин для обозначения той области лингвистической семантики, которая описывает и категоризирует как звуковой образ мира (ЗОМ), так и аудиальную картину мира (АКМ). Под фононимией будем понимать тот раздел лексикологии, где изучается языковой механизм номинации звукового универсума. Фононимика изучает также семантику тематического класса лексики с константным значением звучания: в нашем случае, это ЛСГ звуковых номинаций, т. е. *лексические фононимы и акустивы (аудитивы)*, а также раздел синтаксиса, в котором рассматриваются структурно-семантические типы соответствующих предложений. Эти типы мы предлагаем называть:

а) **фоническими** предложениями или *синтаксическими фононимами*;

б) **перцептивными** предложениями или *синтаксическими акустивами*.

В *фонических* предложениях объективируется субфрейм ЗВУКОПРОИЗВОДСТВО, а в *перцептивных* предложениях профилируется субфрейм ЗВУКОВОСПРИЯТИЕ. Эвристическую значимость выделения указанных типов трудно переоценить, так как указанные субфреймы, как представляется, определяют организацию и архитектуру предложений-высказываний о звуковой материи не только в английском, но и в других европейских языках. В частности, в русском языке мена диатезы высказывания – обычное дело, когда глагол действия или речи в фоническом предложении (3) уступает место глаголу аудиального восприятия в перцептивном предложении (4):

(3) *С улицы доносился шум.*

(4) *Мы слышали шум на улице.*

Содержание фрейма ЗВУКОВОЙ УНИВЕРСУМ материализуется в *акустивах* (названиях слуховых образов, получаемых носителями языка в процессе аудирования) и в *фононимах*, т. е. именах звука, звукообозначениях. При кажущейся простоте звуковая материя вербализуется (оязыковывается) достаточно диверсифицированно в силу её полифоничности, многоаспектности и полифункциональности. В онтологии звукоферры действительно много фазовых переходов и перепадов объективного плана: звуки рождаются, распространяются в пространстве, длятся во времени, модулируют по высоте и громкости и затухают, уходя в тишину. У элементов звукового универсума немало функциональных задач и ипостасей: они являются нашему слуху то как носители устной речи, то как гармония музыки или звуковых эффектов, то как белый шум и какофония, то как сигнал опасности или триумфа (*набат, гудок, туш, фанфары* и т. п.).

Рассмотрим два следующих высказывания:

(5) *Louis laughed wildly* (J. Coe).

(6) *A second later they heard the shots* (J. Grisham).

Пропозиция предложения (5) является реализацией субфрейма ЗВУКОПРОИЗВОДСТВО, а предложение (6) своим содержанием профилирует когнитивный сценарий ЗВУКОВОСПРИЯТИЕ. Маркерами разных субфреймов выступают в данном случае предикаты – фононим *to laugh* и акустив *to hear*. На примере этих предложений видно, что английский язык концептуализирует и отражает звукомир двояким способом, формируя в концептосфере носителей языка две модели звукового универсума: ЗОМ и АКМ.

3. Как вербализуется звуковой образ мира?

Процесс вербального кодирования звукоферры в языке происходит альтернативно в двух модусах – в **объективном** и/или **субъективном** ракурсе. Эти два модуса, равно как и выбор одного из них, находятся в метаязыковой компетенции говорящего. Если говорящий имеет интенцию отразить в своём речевом произведении некоторое звуковое событие, то для этой цели он располагает альтернативным выбором языковой реализации звукового концепта в одном из указанных модусов. Как указывалось выше, концептосфера говорящего содержит для этого два субфрейма знаний о звуковом универсуме: субфрейм ЗВУКОПРОИЗВОДСТВО и субфрейм ЗВУКОВОСПРИЯТИЕ.

При актуализации субфрейма ЗВУКОПРОИЗВОДСТВО нейминг звуковых событий происходит с точки зрения их образования (генерации) и он направлен на **объективно** существующий звуковой объект *groan, laughter, crash, crack, crackle, hissing* и т. п. За каждым таким наименованием стоит определённый звуковой концепт, а совокупность таких концептов образует в языковом сознании носителей языка Звуковой образ мира (ЗОМ). Приведём два примера синтаксических фононимов:

(1) *Tabitha let out a bright, musical laugh.* (J. Coe).

(2) *He joined in her laughter uncertainly* (J. Coe).

С точки зрения звуковосприятия связь звукового события с означающим может приобретать в акте но-

минации опосредованный характер, где опосредующим звеном выступает перцептивный (аудиальный) аспект (фактор), осознаваемый как когнитивное основание номинации. Ср. следующие синтаксические акустивы:

(3) *She caught the distant murmur of voices talking in clipped, authoritative German* (J. Coe).

(4) *Londoners deafen themselves with music from personal stereos* (J. Coe).

Как видно из приведённых примеров, содержание высказываний, основанных на аудиальных концептах (слуховых впечатлениях), имеет субъективный оттенок. Некоторое множество таких концептов, как представляется, формирует в концептосфере языковой личности Аудиальную картину мира (АКМ). Вербальными маркерами аудитивных типов фонических высказываний служат предикаты-акустивы *to hear*, *to listen*, *to catch*, *to deafen* и другие. К классу лексических акустивов относятся слова кардинальных частей речи и некоторые фразеологизмы с семантикой аудиальной перцепции *to become audible*, *to reach smb's ears* и другие.

Носители языка по-разному концептуализируют процесс генерации и восприятия физических звуков, используя эту антиномию в качестве основного принципа при их номинации и категоризации. При этом мы отдаём себе отчёт в том, что при любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты звуковой реальности акцентируются, актуализируются, другие затухают, уходят в фон: происходит с х е м а т и з а ц и я реальной звуковой действительности. Рефлексия над **фоногенезом** (производством звуков) и звуковосприятием предоставляет рядовым носителям языка когнитивные основания для обозначения и категоризации звуковой материи, а лексикографам критерий для классификации звукообозначений на **фононимы** и **акустивы** лексического и синтаксического типов.

Как указывалось выше, при языковом кодировании звукоосферы наблюдается ономастологический парадокс: в речевых актах коммуниканты считают звук то **фононом**, т. е. «квантом поля звуковых колебаний» [5, с. 326], то **акусмой**, т. е. звуковым объектом аудиальной перцепции. Такая двойственная сущность феноменологии звука проявляется в языковом сознании носителей языка в тех случаях, когда они хотят профилировать или **фонационный** аспект звуковой материи (со стороны продуцента/каузатора/источника), или **акустическую** сторону звукового референта (с точки зрения реципиента/перцептора/эксперимента). Термин «акусма» образован от *греч.* *akouma*, что означает «услышанное». По свидетельству [1], в психологической фонетике акусма – это представление звука как воспринятого на слух. Акустический аспект номинации звуков мы назвали акустическим вектором языковой репрезентации (**А-вектором**), а фонационный ракурс именования звуков обозначили термином фонационный вектор языковой репрезентации (**Ф-вектор**). Представляется, что именно эти векторы лежат в основе смысловой соотнесённости между членами следующих лексических пар, где А-вектор и Ф-вектор поставлены в ситуационное или смысловое соответствие: *oral* – *aural*;

speaker – *hearer*; *talker* – *listener*; *lecture hall* – *auditorium*; *rendition* – *audition*; ср. рус. *говорящий* – *слушающий*; *лектор* – *слушатели*; *лекционный зал* – *аудитория*; *фоника* – *акустика*; *у всех на устах* (*притча во языцех*) – *у всех на слуху* и т. п.

Следует отметить, что лингвистический феномен А- и Ф-векторов проявляет себя не столько в лексической системе языка, сколько в архитектонике синтаксических моделей. В частности, на смысловой корреляции этих векторов основана следующая перцептивная диатеза, при которой глаголы движения/перемещения в пространстве при фонационном субъекте заменяются глаголами восприятия: Например: *С улицы доносился шум* – *Он услышал шум на улице* [3, с. 24]. В этом ракурсе все английские фонические предложения-высказывания можно разделить на три группы.

А. Ф-векторные («фонические») предложения, где речь идёт о производстве звуков. Например (имена каузаторов звука подчёркнуты):

(5) *The crowd applauded* (Brown).

(6) *The train roared* by (Bombeck).

(7) *There was a yell of rage from Michael* (Barrie).

Б. А-векторные («перцептивные») предложения, где позицию подлежащего занимает не продуцент, а эксперимент звука (реципиент). Например:

(8) *She heard the cat's surprised yowl* (Bang).

(9) *They soon heard strange noises in the depths of the forest* (Baum).

(10) *I heard the creak in the footboards above and realized Cary was in his attic workshop* (Andrews).

В. Смешанные предложения, в которых присутствуют как экспоненты фонации, так и акустики, например:

(11) *I clung hungrily to every word about the church that came from the guide's lips* (Bombeck).

(12) *"Hear! Hear!" cried Jo, clashing the lid of the warming pan like a cymbal* (Alcott).

(13) *The birds were creating a disturbance heard for nearly a block* (Cussler).

Далее мы покажем, как носители языка, в частности лексикографы, используют антиномию субфреймов «ЗВУКОПРОИЗВОДСТВО» vs. «ЗВУКОВОСПРИЯТИЕ» в процессе категоризации элементов ЗОМ и АКМ в словарных таксономиях и дефинициях.

4. Категоризация звуковой действительности в лексикографических таксономиях

Категоризация предполагает мысленное соотношение объекта или события с конкретной категорией объектов или событий на основе определённых представлений об их сущностных свойствах [2, с. 3]. При категоризации звуков или звуковых событий их сущностные свойства становятся категориальными признаками. Термин «событие» мы используем в широком смысле для обозначения онтологии звуков, т. е. для обозначения звуковых референтов конкретных ФАС, когда профилируются попеременно то **фонационный** (артикуляторный), то **аудиальный** (акустический, перцептивный) фактор номинации.

Сначала проследим, как сущностные признаки звуковых референтов становятся категориальными в процессе классификации звуковых явлений в *фонаци-*

онном ключе. А. А. Шушков, составитель Толково-понятийного словаря русского языка [7], взяв за критерий физическую фактуру протокаузаторов звука, подразделяет русские фонемы-субстантивы на 6 классов (в эту систематику не вписались только вокальные, музыкальные термины, технофонемы и зоофонемы). Металлические, костяные и т. п. предметы, ударяясь друг о друга, издают короткие, отдельные звуки: *стук, щёлк, лязг, цокот, клацанье*. (Представлены оба члена прото-каузативного бинома – актор и реактор, т. е. имена двух символических предмета, порождающих звук при соударении).

1. Лёгкие предметы, например бумага, листва и т. п., когда трутся друг о друга, издают невысокий негромкий звук: *шорох, шелест, шуршание*. (Здесь также эксплицированы оба бинома, кроме того, приводится их экзemplификация: *бумага, листва*).

2. Небольшие металлические или стеклянные предметы, ударяясь друг о друга, издают высокий звук: *звон, звонок, бренчание, бряцание, дребезжание, звяканье, бряканье, треньканье*. (В этом примере отмечен невеликий размер протокаузаторов: *небольшие*).

3. Два твёрдых предмета, когда трутся друг о друга, издают резкий звук: *скрип, скрежет*. Хрупкие предметы издают резкие звуки, когда их ломают или деформируют: *треск, хруст, хрумканье*. (Представлен только *реактор*).

4. Текущая жидкость (*дождь, водопад и т. п.*) издаёт «мокрые» звуки: *журчание, бульканье, дробь, хлюпанье и т. п.* (Представлен только *актор* звукового действия с экзemplификацией: *дождь, водопад*).

Таким образом, автор-составитель использует фактурные признаки протокаузаторов: металлические, костяные, стеклянные предметы; твёрдые, лёгкие, небольшие, хрупкие и жидкие предметы (в отдельных случаях даже называются сами эти предметы: *бумага, листва, дождь, водопад*). Это помогает ему осуществить процесс фактурной категоризации звуков на классы: короткие, отдельные, высокие, невысокие, негромкие, резкие и «мокрые».

Автор словаря Longman [11, с. 1267 – 1271], опираясь на физическую природу протокаузаторов, делит корпус английских субстантивных фонем на 7 групп (в реестр не вписались номинации производственных шумов):

1. Звуки ударов при падении предметов на твёрдую поверхность: *bang, thud, crack, crash, clatter, bump, thump*. (Предмет – *актор*, поверхность – *реактор*).

2. Звуки двух трущихся друг о друга предметов: *scrape, creak, squeak, screech*. (Указаны оба члена звукового бинома).

3. Звуки ударов двух предметов друг о друга: *knocking, rap/rapping, patter, rattle, tap*. (То же, но без обозначения кинесики предметов).

4. Звуки ударов стеклянных или металлических предметов друг о друга: *clink, clank, clang, jingle, ring, tinkle*. (То же, но с указанием на материал протокаузаторов звука).

1. Звуки, производимые воздушной струей: *hiss, swish, fizz*. (Указан только *актор* звукового действия: *воздушная струя*).

2. Звуки колокола или клаксона: *ring, toll, chime, hoot, honk*. (Назван недискретный бином как холистичный каузатор звука).

3. Звуки жидкостей: *splash, squelch, gurgle, plop, bubble*. (Здесь указан только *актор* звукового действия).

Однако фонационный вектор когнитивности способен при категоризации звуковых событий уступать когнитивную сцену акустическому вектору (подробнее о когнитивной сцене см. [4, с. 19 – 31]). В частности, автор словаря Рожэ [13] положил в основу классификации звуков перцептивный фактор, который учитывает то звуковое впечатление, которое они оказывают на реципиента (по другой терминологии: слушающего субъекта / второго коммуниканта / адресата речи). В тезаурусе выделяются следующие рубрики:

А. Общие свойства звуков (Sound in general);

Б. Конкретные звуки (Specific sounds);

В. Музыкальные звуки (Musical sounds);

Г. Восприятие звуков (Perception of sounds).

Конкретные звуки делятся автором на следующие разряды:

1) резкие и громкие (sudden and violent): *snap, knock, click, clash, slam, etc*;

2) повторяющиеся и длинные (repeated and protracted): *roll, rumble, rumbling, hum, humming, etc*;

3) звонкие (resonance): *ring, ringing, jingle, chink, tinkle, etc*;

4) шипящие (hissing): *hiss, buzz, whiz, rustle, wheeze, etc*;

5) неприятные (harsh): *stridor, jar, grating, creak, clank, etc*;

6) человеческие (human): *voice, cry, vociferation, outcry, shout, etc*;

7) животные (animal): *bellow, bark, yelp, howl, bay, etc*.

По нашему мнению, в 6-м и 7-м разряде нарушен классификационный принцип онтологической категоризации звуковой субстанции: акустический эффект от объектов-перцептов заменён на наименование типа источника звука – «звуки человека» и «звуки живой природы». В первых пяти классах общим категориальным признаком является характеристика звуковой субстанции как объекта перцепции. Семантика признаков акустических объектов возведена в ранг категориального значения.

Подобная картина наблюдается и в сфере словарного описания фонем. С той лишь разницей, что актуализация фонационного и акустического когнитивных векторов приобретает смешанный характер даже в пределах отдельно взятого определения. Например:

‘bump’ [9] – *a dull sound of two heavy objects hitting each other*;

‘bump’ [11] – *the dull, fairly quiet sound produced when something such as part of your body hits something or falls against a surface*;

‘bump’ [12] – *the sound of a sudden forceful blow, like something heavy hitting a hard surface*;

‘bump’ [8] – *blow or knock; dull sound made by a blow (as when two things come together with force)*.

Во всех 4 примерах представлены оба когнитивных вектора: *two heavy objects; something + something/surface; something heavy + hard surface; two*

things репрезентируют **протокаузаторов звука**. За вычетом номинаций кинесики (перемещения) протокаузаторов при продуцировании звука *hitting, produced, hits, falls, forceful, blow, knock, come together, made* мы получаем номинацию тех признаков концепта SOUND, которые маркируют отношение языковой личности к звуку как объекту **перцепции** (*dull, fairly quiet, sudden*).

Таким образом, анализ эмпирического материала художественных произведений, а также классификаций и дефиниций из лексикографических источников свидетельствует о том, что в основе нейминга (концептуализации, номинации и категоризации) звуков лежит **фонационный** вектор языковой репрезентации (Ф-вектор), профилирующий акт продуцирования

(производства) звуков. Что же касается **акустического** вектора (А-вектора), актуализирующего акт аудиальной перцепции, то он играет в процессе категоризации звуков вспомогательную роль. И хотя весь процесс вербализации физических звуков в современном английском языке происходит как бы в двух параллельных плоскостях – в плоскости десигнации то **фоники (фонации)**, то **акустики**, однако в речевой деятельности эти языковые потенциалы загружены неодинаково, так как язык описывает звуковые события чаще всего и по преимуществу с точки зрения производства звуков, а не их восприятия. Иначе говоря, при языковом кодировании физических звуков господствует Ф-вектор, т. е. фонационный вектор языковой репрезентации.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
3. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.
4. Колесов И. Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка // ВКЛ. 2008. № 2. С. 19 – 32.
5. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
7. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. 988 с.
8. Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1963. 1528 p.
9. Collins Cobuild. English Dictionary for Advanced Learners. М., Астрель, 2006.
10. Longman. Словарь современного английского языка: в 2-х т. М., Рус. яз., 1992.
11. Longman Language Activator. London, 1996. – 1587 p.
12. Longman Dictionary of English and Culture. London, 1992. 1528 p.
13. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. London: Penguin Books Ltd, 2000.

Список источников примеров

1. Alcott L. M. Little Women. Bridlington: Peter Haddoc Ltd., 2005. 352 p.
2. Andrews V. Music in the Night. L.: Simon and Schuster UK Ltd, 1999. 315 p.
3. Bangs N. An Original Sin. N.Y.: Dorchester Publishing Co. Inc., 1999. 394 p.
4. Barrie J. M. Peter Pan. М.: Raduga Publishers, 1986. 231 p.
5. Bombeck E. When You Look Like Your Passport Photo, It's Time To Go Home. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1991. 275 p.
6. Brown D. The Da Vinci Code. L.: Bantam Press, 2004. 605 p.
7. Coe J. What a Carve Up! L.: Penguin Books, 1994. 501 p.
8. Cussler C. Sahara. N.Y.: Pocket Books, 2005. 568 p.
9. Grisham J. The Rainmaker. L.: Arrow Books, 1996. 568 p.
10. Sisson R. A. The Bretts. L.: Penguin Books, 1987. 426.

Информация об авторе:

Максимов Виктор Дмитриевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета, victor.dmitrievich@gmail.com.

Victor D. Maximov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Linguistics and Foreign Languages, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2014 г.

ОБРАЗ ХУНХУЗА В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е. В. Меряшкина

HONGHUZI IN THE PROSE BY FOREIGN FAR EAST WRITERS

E. V. Meryashkina

В статье рассматривается специфика репрезентации образа хунхузов в творчестве писателей Н. А. Байкова, Б. М. Юльского, И. П. Штейнберга и П. В. Шкуркина. Анализируя творческое наследие писателей, мы опираемся, в первую очередь, на произведения, известные широкому кругу читателей.

В анализируемых произведениях создан неоднозначный и многогранный образ героя с мифологическим типом восприятия действительности. П. В. Шкуркин и И. П. Штейнберг привносят в образ хунхузов рыцарские качества, главными из которых оказываются справедливость, честность, доверие к людям и романтизм.

Анализ прозаического наследия писателей дальневосточного зарубежья позволяет говорить о функционировании в нем ряда устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику (мотив похищения и освобождения пленника или пленницы, сопровождаемый привходящими вариантами мотива удачного и неудачного освобождения), которые так или иначе составляют короткую фабулу произведения. Также в статье описание мотивов рассматриваются в контексте восточных философий и символов восточной культуры в целом.

The paper considers the characterization of honghuzi in work of such writers as N. A. Baikov, B. M. Yulskiy, I. P. Shteinberg and P. V. Shkurkin. Analyzing their artistic legacy, we rely primarily on the works which are known to a wider audience.

The chosen works allow to create an ambiguous and multifaceted image of gangsters with mythological type of perception of reality. P. V. Shkurkin and I. P. Shteinberg bring some knightly qualities into the image of honghuzi, highlighting the major ones: fairness, honesty, trust and romanticism.

Analysis of the foreign Far East prose writers' heritage allows speaking about several robust motives that have oriental specifics. For example, the motive of abduction and release of the captive, accompanied by attendant invariance of successful and unsuccessful release motives, which anyhow compose the short plot of an opus. Also the motives described in the paper are interwoven with Eastern philosophies and symbols of culture in general.

Ключевые слова: хунхузы, бандиты, ориентальный мотив, мифология, Дальний Восток, художественное пространство.

Keywords: honghuzi, gangsters, oriental motif, mythology, Far East, artistic space.

В настоящее время назрела необходимость более детального изучения прозы дальневосточного зарубежья на мотивно-тематическом уровне. Особую значимость в этом смысле для нас имеют произведения Вс. Н. Иванова, Н. А. Байкова, А. П. Хейдока, П. В. Шкуркина, М. В. Щербакова, Ф. Ф. Даниленко и Б. М. Юльского.

Предметом данной статьи является функционирование темы хунхузничества в творчестве писателей Н. А. Байкова, Б. М. Юльского, П. В. Шкуркина и И. П. Штейнберга.

В произведениях писателей дальневосточного зарубежья доминирует образ тайги и ее мифологического пространства – фанзушек и кумирен, и ее мифических обитателей – горных духов. На фоне этого в прозе особым пластом выделяется тема хунхузничества, служащая этническим и историко-культурным фоном произведений. Большинство героев, как и Б. Юльский, работая в лесной полиции, борются с вооруженными бандами. О напряженности обстановки на Дальнем Востоке и Маньчжурии писал еще Арсений Несмелов: «Здесь на свист хунхуза – за версту свистом отзывается хунхуз» [4].

Известно, что хунхузничество – это особый вид бандитизма, свойственный дальневосточному региону. «Хунхузы или хун-хуцзы (т. е. краснобородые) — под этим собирательным названием, употребительным в Маньчжурии, Северном Китае и Корее, а также в Амурском крае и Приморской области, известны китайские бродяги и скитальцы, бежавшие от китай-

ского правосудия или произвола китайских властей и добывающие себе средства к существованию путем грабежей и разбоев» [7]. В большинстве случаев их деятельность усиливалась в период сезона охоты, сбора мака, женшенья и золотоискательства.

Стоит заметить, что хунхузы являются такими же частыми героями в литературе писателей дальневосточного зарубежья, как и китайцы или русские эмигранты. Н. А. Байков приоткрывает завесу лесного быта в «маньчжурской быль-романе из жизни замурцев» «Черный капитан». Главный герой Алатаев Вадим Николаевич во время службы борется с шайками хунхузов, ведущими себя агрессивно: они стреляют, убивают, грабят поселки, богатых казаков и купцов, но за достойную плату охраняют села от других шаек.

Например, в главе «Дикая птичка» описывается шайка под предводительством Хромого Барса, наводившая ужас на все окрестные долины. У хунхузов вместе с награбленными серебряными слитками Черный капитан находит шестнадцатилетнюю пленницу – китайку Ин-Тао. В связи с этим мы можем говорить об ориентальном мотиве похищения и освобождения пленника/пленницы, сопровождаемом привходящими вариантами мотива удачного и неудачного освобождения.

Первое похищение для девушки закончилось ее удачным освобождением, а спаситель стал самым дорогим и любимым человеком всей ее жизни. Однако вторая попытка похищения станет для нее трагиче-

ской. В данном случае этот валентный мотив составляет так или иначе короткую фабулу произведения, а с точки зрения реализации мотива мы можем говорить о «реальном мотиве», трактуемом как «китайка любит русского офицера».

Интересны религиозно-философские воззрения казаков по отношению к китайцам, в частности, хунхузам. По мнению православных сотенных, у них нет души – ее заменяет пар: «А вот давеча в сотне баяли ребята, что у китайцев и совсем души-то нет, а только один пар» [1, с. 299]. Мы можем предположить, что пар (синонимичен туману) применяется в практиках медитации и символизирует гармонию в душе. В то же время китайцы и хунхузы занимались активным опекурением, и было бы очевидным отождествить дым от курений с душой китайца. Н. А. Байков проводит невольное сравнение двух национальностей с большим преимуществом русских. Для автора русский человек, живущий по канонам веры, долга и чести, никогда не поймет жителей страны Поднебесья. Для казаков хунхузы – инородная культура, считающаяся невежественной и непросветленной, потому и способная на грабежи и убийства.

Зачастую Н. А. Байков в своих произведениях сводит людей разных религиозных убеждений, сталкивая их в споре. «Маньчжурская тайга, полная опасностей, не только ежедневно подтверждает многовековые сюжеты таёжной мифологии, но и порождает новые религиозные опыты, в которых сталкиваются разные вероучительные системы и категории святости» [2].

В романе проходит тема любви русских людей к родине. Каждый казак из сотни Алатаева, заброшенный судьбой на окраину государства, мечтал оказаться дома, где их ждали жена и дети: «Здесь хорошо, что и говорить, и служба не тяжелая, а домой тянет. Надоела уже эта китайщина, то ли дело наша Расеяматушка, ни одна страна с ней не сравнится» [1, с. 301].

Мотив похищения и неудачного освобождения появляется и в рассказе Б. Юльского «Яблоня отцветает». Хунхузы похищают солдата Кудрявцева и инженера Огаси-сан. Одному удается освободиться из плена и бежать, в то время как второго убивают выстрелом в голову. Писатель показывает свое отвращение к разбойникам и их поступку через сравнения и метафоры, присутствующие в описании бандитов: «Череп хунхуза противно хрустнул, как лопнувшая яичная скорлупа, и китаец повалился, вскинув руки» [9, с. 177].

В рассказе русский и китаец не противопоставляются автором, то есть они находятся на одном культурном и духовном уровне. Кудрявцев, служащий охранником лесной полиции и участвующий в гражданской войне, характеризуется как человек высоких моральных устоев. Для него нахождение на службе является не только долгом перед государством, но и нравственным подвигом: «Знаете, есть пословица: нет цветка краше вишни; нет человека лучше воина» [8, с. 173].

Огаси-сан – инженер, помогающий строить новую линию узкоколейки, говорящий «по-русски правильно». Очевидно, что герой – японец, но для людей, не-

давно оказавшихся на Востоке, это китайцы. Японец читал в оригинале А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. Он с большим уважением и вежливостью относится к русским: «Здравствуйте, Кудрявцев-сан! Очень хорошо, что сегодня вы... Пожалуйста, зайдите. Я очень скоро буду готов...» [8, с. 171]. Известно, что сан – нейтрально-вежливый суффикс, соответствующий обращению по имени-отчеству в русском языке.

Образ жены китайца является частью душевной атмосферы их дома, а в целом это придает рассказу некоторую теплоту. Соединяющим началом между супругами-китайцами является яблоня, растущая у дома. В Китае яблоня – национальный символ мира, а яблоневый цвет – поэтическая эмблема красоты. В мифологии многих народов яблоко выступает как символ вечной молодости, долголетия и бессмертия [9]. Примечательно, что в рассказе «Яблоня отцветает» дерево-символ выполняют функцию пространственно-временных координат, соединяя небо и землю (жизни и смерть). В данном случае опадающая яблоня символизирует переход героя в иной мир, выступает предвестником смерти и окончания жизненного пути китайца.

Кудрявцев и Огаси-сан попадают в плен к хунхузам, и второй оказывается тяжело ранен. Тем не менее, мужчина уговаривает Кудрявцева бежать за помощью, хотя и понимает, что при любом раскладе тот, кто останется, будет утром убит. Моральный долг и нравственные устои русского солдата не позволяют бросить раненого и идти одному, но все же после долгих уговоров он соглашается. В данном случае автор показывает благородство и духовную наполненность обоих героев. Действующие лица рассказа являются семантическим компонентом мотива, что, несомненно, углубляет понимание последнего. В противопоставление героям хунхузы ведут себя свирепо и больше похожи на животных и варваров, чем на людей.

Агрессивность хунхузов показана и в другом рассказе Б. Юльского «Вторая смерть Шазы». Шайка бандитов под предводительством Шазы – главного героя – захватывает деревню. Автор дает подробную описательную характеристику разбойника: «Предводитель шайки – высокий, с худым узким лицом и колючим взглядом раскосых глаз – стоял, прислонившись к арбе, и поигрывал деревянной колодкой маузера» [8, с. 73]. За его голову была объявлена награда. Стоит отметить, что в его внешности присутствует несколько демоническое описание: «Глаза Шазы сузились и по-кошачьему замерцали», «зловещий гость», «гипнотизируя пристальным взглядом», «взглянул, как рысь смотрит на намеченную верную добычу», «остановившись стеклянные глаза».

Во второй части рассказа после своей смерти Шазу перевоплощается в тигра, на лбу у которого иероглиф «Ван»: «Он говорит, что тигр – это сам Шазу. У них такое поверие. Будто бы раньше съел он тигровое сердце, чтобы ничего не бояться. А теперь дух Шазы вселился в тигра. И он отплачивает за то, что его убили» [8, с. 82]. Тигр способен мстить, даже после того, как в его сердце попадает пуля. В этом казаки и видят уникальность перевоплощения человека в самого зверя.

Культ тигра, глубоко укорененный в психологии китайцев, обусловил появление образа тигра и его

широкую функциональность в тексте писателей дальневосточного зарубежья: «Обаяние и мистический ужас, внушаемый тигром народам Восточной Азии, имеют древнейшее происхождение, относящееся к самому началу истории человечества, когда царил на земле зверь» [1, с. 95].

В описании обстановки и поведении зверя угадывается несколько демоническое начало. Первое его появление мы видим на поляне с камнем, похожим на могильный монумент, освещаемым лунным светом; повизгивающий поросенок, чувствующий опасность, и кровь, едва смытая росой: «Лунным светом залита полянка, большое поваленное дерево и огромный, тяжелый, точно могильный монумент – серый камень. Это как раз то место, где Шаза в образе тигра появился перед двумя своими прежними сподвижниками. Кровь на траве уже смыта росой. Но камень в резких изломах ночных теней таит молчаливую настороженность и угрозу» [8, с. 84]. Кажется, атмосфера происходящего и есть уже предвестие чьей-то смерти. Станичники в чертах убитого зверя находят антропоморфные черты: узкое, с полужакрытыми глазами лицо, тонкие злые губы, напоминающие «нечто, прежде бывшее человеком».

Демонический образ хунхузов является сквозным в творчестве Б. Юльского, в частности, мы обнаруживаем его в рассказе «След лисицы». В большей степени его черты заявлены в образе девушки из банды разбойников. В основе рассказа лежит китайское поверье о женщине, умершей не своей смертью. Об этом говорит эпиграф, взятый автором из восточного фольклора: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мертвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить свое существование в образе оборотня-лисицы» [8, с. 110].

Известно, что в китайской мифологической системе образ лисицы связан с мотивом оборотничества. Так, например, кицунэ – демоническая лисица-оборотень (в японском фольклоре) и хули-дзин в китайском фольклоре, а также корио – разновидность кицунэ и рейхо – «преследующая лиса», лисы-оборотни кумихо, Гуй и Цзин. Обычно она принимает облик обольстительной красавицы и сводит людей с ума [3]. В рассказе, на наш взгляд, используется образ хули-дзин или демонический кумихо и, соответственно, имеет отрицательную семантику.

Девушка очаровывает Самарина («женщина с изумительной грацией», «воплощение фантастического сна», «такой красоты он не встречал нигде и никогда»), а потом губит: «Ее глаза пристально остановились на ее лице, а рот искривился насмешливой и злой улыбкой. Теперь она казалась олицетворением торжествующей мести» [8, с. 116].

Образ героини дополняется разрушительной семантикой огня, которую воплощает красный хвост лисицы. Особое внимание стоит уделить символике красного цвета. Традиционно, в китайской мифологической системе он несет любовь, но в то же время символизирует вражду, войну, месть. В данном слу-

чае уместно было бы рассматривать семантику красного во втором значении, тем более, что яркой чертой внешности разбойницы являлись глаза, которые «горели злым существом» [8, с. 78].

Стоит отметить, что в большинстве случаев в рассказах писателей-эмигрантов хунхузы несут гибельное начало. Так, разбойники уничтожают деревни, станицы, оставляя от них лишь выжженное поле. С демонической легкостью они уносят жизни людей, оказавшихся случайно в их лапах.

Девушка из банды хунхузов изображается автором неоднозначно: с одной стороны, это необыкновенно красивая, с утонченной грацией героиня, которая одурманивает Самарина ханшином, а с другой стороны, злобное воплощение мести. На наш взгляд, это связано с поверьями о девушках-оборотнях, отсюда и двойственная природа женского образа. Причем злая сущность – главная ипостась героини.

Абсолютно противоположный образ разбойников мы видим в рассказе И. П. Штейнберга «В плену у хунхузов». На границе Маньчжурии и Владивостока погонщика скота с целью выкупа похищают хунхузы, представившиеся китайскими солдатами. Когда героя приводят к старшине, то в нем он узнает своего бывшего пастуха Ваську. За прежние хорошие отношения («я знаю, ты хороший был ко всем китайцам», «ты мне братка») героя возвращают назад: «Радости моей не было конца. Я целовал его, обещал все, что он накажет исполнить» [6, с. 224]. Таким образом, в рассказе снова возникает мотив похищения, сопровождаемый вариантом удачного освобождения.

Из рассказа старшины выясняется, как герой стал хунхузом. Причисление себя к разбойникам вызвано, в первую очередь, возможностью хорошего заработка. Однако, в отличие от остальных банд, эта не занимается грабежами и разбоями: «Напрасно вы все так думаете о хунхузах. Это грабят и убивают мелкие партии бандитов, которых мы часто сами ловим и расправляемся с ними, а на нас слава. Мы организованы, никого не грабим, не убиваем, а наоборот, еще помогаем бедным деревням» [6, с. 225].

Следует отметить, что герой собирается бросить хунхузничество и поступить на государственную службу в китайское правительство. Такое изображение разбойников несколько необычно для эмигрантской литературы, так как разрушается привычный и традиционный образ бандитов. В конце рассказа мы узнаем, что Василий действительно стал комендантом станции Имяньпо, а позднее дослужился до генерала.

Примечательно, что в тексте нет намеков на агрессию и разрушение. Приветливые хунхузы достаточно хорошо и по-человечески обращаются с пленником, и в их образах нет демонического начала. В целом все этнографические рассказы писателя пропитаны атмосферой некоего добра и света.

Мотив похищения мы находим и у П. В. Шкуркина в этнографических рассказах о хунхузах. В рассказе «Отплата» шайка бандитов под предводительством Ли да-га-да похищает сына самого богатого в поселке казака Бухрастова. В обмен на жизнь мальчика они требуют денежный выкуп, но, не сдержав слово, в конечном итоге убивают ребенка: «Страшное зрелище ожидало их. Перед фанзой к стволу дерева

был привязан труп Мити, зверски убитого...» [5, с. 490]. Интересно восприятие данного события старшиной хунхузских общин Чжан Лао-эр (т. е. «рябым Чжаном»), имя которого внушало уважение и страх: он выгнал Ли да-га-да за недостойное хунхуза поведение: «Ли да-га-да! Ты недостойн звания «независимого храбреца» (так себя называют хунхузы). Убейся со своими людьми вон из этих гор и навсегда!» [5, с. 490]. Данная ситуация наводит на мысль, что есть кодекс, чтимый хунхузами, который должен неукоснительно выполняться, в частности, принцип держать свое слово. В данном случае мотив похищения заканчивается фабульным вариантом неудачного освобождения.

Стоит отметить, что П. В. Шкуркин вносит огромный вклад в понимание исконного образа хунхузов. Он создает совершенно разносторонний и несколько новый образ бандитов. Во вступлении к этнографическим рассказам он описывает историю появления разбойников и показывает, в чем на самом деле состояло их предназначение. Писатель изображает «данное социальное явление» с иной стороны, чем мы привыкли видеть. По его мнению, все-таки главными их чертами являются не мстительность и жестокость, а доброта и мудрое отношение к людям: «Здесь он (читатель) увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т. д., но он увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит – подлости и предательства» [5, с. 483].

Интересно, что все рассказы «списаны с действительности с фотографической точностью», но лишь с некоторым изменением имен, поэтому имеют право называться достоверными и этнографическими. «Он создал многогранный образ хунхузов, где нашлось место и скрупулезной этнографии, и вдохновенной мифологии» [2].

В рассказе «Как я сделался хунхузом» вслед за И. П. Штейнбергом П. В. Шкуркин рассказывает историю командира китайского полка, который в прошлом был хунхузом: «История его представляет один из типичных примеров того, как китайцы делаются хунхузами, как живут и промышляют хунхузские шайки» [5, с. 504].

Интересно, что разбойники живут мифологическими поверьями и образами, опираясь на формы архаического осмысления действительности, коллективные представления об определенных ритуалах. Так, например, между хунхузами («независимыми храбрецами») есть поверье, что если беспричинно лишить жизни кого-либо, то ты и сам умрешь. Уже оступившись однажды, герои свято соблюдают свое обещание и даже в плен никого не захватывают. Можно предположить, что с позиции буддизма – это закон кармы, идущий рука об руку с законом космического возмездия, который вытекает из предшествующих причин и последующих действий.

Еще одним важным обрядовым ритуалом является поклонение богу войны Гуань-ди. Это единственное «народное божество», которое все хунхузы признают и всегда чтят, зажигая ему курительные свечки в своих кумирнях.

Стоит отметить тот факт, что китайское правительство довольно часто приглашает такие шайки на государственную службу, чтобы легализовать промысел: «Они смотрят на нас не как на нарушителей закона, а как на удалцов, дорожащих своей свободой и не желающих подчиняться властям» [5, с. 511].

В рассказе «В гостях у хунхузов» П. В. Шкуркин впервые делает акцент на внешней характеристике предводителя шайки бандитов. Ранее никогда у писателей дальневосточного зарубежья не делался упор на доброту разбойников, тем более на душевные качества и невероятную красоту глаз: «Но когда он поднял голову и я увидел его глаза – я понял, что вижу перед собой не совсем обычный тип. Глаза его были замечательные: они пронизывали собеседника. Временами они загорались, как у юноши, и выдавали чрезвычайную горячность характера...» [5, с. 512].

Стоит отметить, что П. В. Шкуркин в своих рассказах дает много интересных фактов из быта хунхузов. Так, например, земляной лагерь («ди инь-цзы») считается базой зимовья хунхузов в глухой тайге. Заранее туда свозился запас топлива, провианта, оружия, поэтому это место считалось тайным опорным пунктом бандитов. Оно было подобно тюрьме, особенно в снежные периоды, когда база была оторвана от какой-либо связи с внешним миром.

Интересны также отношения между некоторыми главарями шаяк, считавшими друг друга «братками» (братьями). Обычно между разными бандами существуют отношения конкуренции, но есть и редкие исключения. Так, например, в рассказе «Как я сделался хунхузом» показан случай, когда бывший атаман шайки дарит другому атаману двухэтажный дом: «Возьми! Быть может нам еще придется искать крышу для отдыха... Мы – братья: ты всегда найдешь пристанище у меня; а я – я хочу быть уверенным, что найду угол у тебя» [5, с. 510].

Однако невыполнение данного обещания у хунхузов, как правило, считается тягчайшим преступлением и карается смертью. Так, есть незыблемое правило, за которое разбойников безоговорочно вешают – если кто-нибудь укажет кому-либо дорогу в их становище. Единственное спасение – взять предавшего к себе в рабы, как и происходит в рассказе «Как я сделался хунхузом».

В своих рассказах автор подробно расписывает структуру соподчинения шаяк «независимых храбрецов», а также знакомит читателя с их особым языком, который является настоящим кладом для нас. П. В. Шкуркин сравнивает хунхузничество с рыцарским орденом и считает, что они «являются совершеннейшим братством, преисполненным в своих действиях идеалами полной любви, милосердия и истинного рыцарства» [5, с. 523].

В целом же рассказы писателя приносят некое новое более многогранное видение хунхузов и их обществ. П. В. Шкуркин показал, что наше привычное представление о разбойниках расходится с реальными поведением тех, кто называет себя хунхузами. В рассказах отсутствует атмосфера агрессии и разрушительных стихий, но актуализируются идеи справедливости, жалости и доброты. Этнографические рассказы

полны фактов и случаев, которые заставляют нас по-другому взглянуть на «независимых храбрецов».

Однако автор немного противоречит себе: в предисловии к сборнику заявлена этнографическая точность и правдивость текстов, но П. В. Шкуркин все же уходит от этого в рассказе «Маньчжурский князь». В нем он вкладывает особый сакральный и несколько сказочный смысл в понимание хунхузничества. Например, герой рождается и воспитывается в необычайно красивой природной зоне с фантастическими ландшафтами. В экспозиции рассказа много поэтических, колоритных и таинственных описаний, представляющих волшебство таежной «неведомой, чудной, сказочной, но и страшной страны Маньчжурии» [5, с. 528]: озеро, в котором живет князь-дракон, в громе и молнии взлетающий на небо; тигр с иероглифом «вань» на лбу; в лесах растет и таинственная и волшебная трава орхой-да и жень-шэнь; много золота и жемчужины, размером с палец. Все это охраняют духи и оборотни. Мифологическое мышление древних людей, характеризующееся образностью чувственно-воображаемого постижения действительности, становится определенным способом миропонимания в первобытной культуре. Специфика мировосприятия определяла не только мышление, но и поведение таежных людей – охотников, рыболовов, приискателей, женьшеньщиков и хунхузов. «Таёжная мифология» как составная часть «фронтирной мифологии» вобрала в себя и даосский, и буддийский, и христианский, и шаманистский компоненты» [2].

В рассказе П. В. Шкуркин несколько превозносит героя Хань Дэнь-дзюя. Автор как будто придумывает мифическую историю о разбойнике княжеского происхождения. Например, несколько утопически и идиллически описывает П. В. Шкуркин жизнь в общине с приходом героя на пост старейшины: «Все эти меры, да и многие другие, более мелкие, послужили к тому, что благосостояние приисковой общины, а также и число обитателей ее, увеличилось во много раз. Власть Хань Бэнь-вэя признавалась бесспорно от самой корейской границы и чуть не до Гуань-гайя» [5, с. 533]. Хунхуз становится неким властителем тайги и ее обитателей.

Писатель параллельно проводит три сюжетные линии – таежную жизнь, жизнь хунхузской общины и историю японской войны. Наиболее подробно П. В. Шкуркин описывает первые две линии. Автор несколько мифологизирует историческую тему, перекладывая на «маньчжурского князька» – Хань Бэнь-вэя – роль героического разбойника и героя-воина и утверждая, что войну выиграл именно он.

В рассказе подробно излагается жизнь предводителя шайки хунхузов от момента рождения до японской войны. Такое же пристальное внимание уделяет писатель «реформам» внутри общины после его прихода к власти.

Безусловно, большой вклад в формирование образа хунхузов внесли И. П. Штейнберг и П. В. Шкуркин. Их заслуга в том, что они смогли разрушить привычный стереотип и показать иной образ разбойников – людей, полных справедливости, добра и романтизма. Это сформировало у авторов особый взгляд на людей, китайцев и разбойников, а также нашло воплощение в специфике истолкования образа хунхуза.

Анализ творческого наследия писателей дальневосточного зарубежья позволяет говорить о функционировании в произведениях ряда устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику. Так, мотив похищения и освобождения пленника или пленницы, сопровождаемые вариантами удачного и неудачного освобождения, которые так или иначе составляют короткую фабулу произведения. Эти мотивы рассматриваются в контексте философий и принципами даосизма, буддизма и шаманизма, а также в контексте символики восточной культуры в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ хунхузов органично вписывается в художественное пространство прозы дальневосточного зарубежья и является доминирующим в текстах писателей, пытающихся познать чужую культуру. Несомненно, выбранная тема привносит особый ориентальный и экзотический колорит в тексты. Проведенный нами анализ текстов свидетельствует о том, что в произведениях представлен неоднозначный, многогранный образ бандитов с формами архаического осмысления действительности.

Литература

1. Байков Н. А. Великий Ван // Великий Ван: Повесть; Черный капитан. Роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. 528 с.
2. Забияко А. А., Дябкин И. А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 9. С. 170 – 182. Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2011/111/obraz_razbojnika_v_kontekste-frontirnoj_mifologii_dalnevostochnoj_emigracii
3. Кицунэ – японские лисицы-оборотни. Режим доступа: <http://www.fanbio.ru/mif/1096-2011-03-15-03-52-54.html>
4. Литературное наследие: онлайн-библиотека. Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/3911?p=27>
5. Шкуркин П. В. Несколько слов. Хунхузы. Этнографические рассказы // Литература русских эмигрантов в Китае / сост. Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 3: Соната над Хинганом.
6. Штейнберг И. П. В плену у хунхузов // Литература русских эмигрантов в Китае / сост. Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 7: Волга, текущая в сердце.
7. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/111290/Хунхузы
8. Юльский Б. М. Зеленый Легион: повесть и рассказы / сост. и ком. А. Колесова; сост. и вступит. ст. А. Лобычева (Серия: Восточная ветвь). Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 560 с.
9. Яблоня. Режим доступа: <http://myfology.info/planta/yablonya.html>

Информация об авторе:

Меряшкина Екатерина Владимировна – аспирант кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре), rina_evm@mail.ru.

Ekaterina V. Meryashkina – post-graduate student at the Department of Russian language and Literature, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur.

(Научный руководитель: Бузюев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, buz07@list.ru.

Research advisor: Oleg A. Buzuyev – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur).

Статья поступила в редколлегию 14.09.2014 г.

УДК 811.111

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА ПИРСОНА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ПРИЗНАКОВ АНГЛИЙСКИХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

И. Л. Петроченкова

THE USE OF PEARSON CORRELATION ANALYSIS FOR THE ANALYSIS OF HETEROGENEOUS CHARACTERISTICS OF ENGLISH INSTRUMENTAL NOUNS

I. L. Petrochenkova

Статья посвящена определению релевантных корреляций трех семантических подклассов инструментальных имен существительных – энергетического (EIN), информационного (IIN) и онтологического (OIN) с семантическими, морфематическими, словообразовательными и хронологическими признаками. На основе полученных данных демонстрируется ярко выраженная противопоставленность трех изучаемых семантических подклассов по отношению друг к другу, прослеживается история развития английской инструментальной лексики. Для выявления диагностических признаков подклассов инструментальных существительных в исследовании используется метод корреляционного анализа Пирсона в рамках компьютерной математической программы STATISTICA 6.0.

The paper is devoted to the determination of relevant correlations of three semantic subclasses of instrumental nouns – energetic, informational and ontological with their semantic, morphemic, word-formative and chronological characteristics. The obtained data show the distinct opposition between the three studied semantic subclasses, reveal the evolution of English instrumental nouns. To find out the diagnostic characteristics of instrumental nouns the author uses Pearson correlation analysis within the framework of the computer programme STATISTICA 6.0.

Ключевые слова: инструментальные существительные, энергетический, информационный, онтологический семантические подклассы, разноуровневые диагностические признаки, корреляционный анализ Пирсона, положительные, отрицательные корреляции.

Keywords: instrumental nouns, energetic, informational, ontological semantic subclasses, heterogeneous diagnostic characteristics, Pearson correlation analysis, positive, negative correlations.

Целью данного исследования является определение количественных характеристик отношений между тремя семантическими подклассами инструментальных имен существительных (энергетическим, информационным и онтологическим) и их разноуровневыми признаками (семантическими, словообразовательными, морфематическими, фонетическими и хронологическими) с помощью метода корреляционного анализа по критерию Пирсона.

Метод *корреляционного анализа Пирсона* [16, с. 84 – 91] является одним из наиболее эффективных способов определения системно-значимых отношений между языковыми признаками различных уровней и позволяет определить степень вероятности наличия/отсутствия одного признака при условии наличия/отсутствия другого, т. е. степень и характер (положительный или отрицательный) их взаимосвязи, независимо от их частотности [18; 19]. Как указывает Г. Г. Сильницкий, «коэффициенты корреляции по

критерию Пирсона имеют ряд методологических преимуществ: наличие готовой формулы ошибки выборочности, различение позитивных и негативных связей, комонотонность с мерами связи; сравнительно с другими тетрахорическими мерами этот коэффициент в наибольшей степени отображает среднестатистические отношения между сопоставляемыми признаками» [13, с. 25]. Следовательно, корреляционный анализ представляет собой одну из наиболее надежных статистических процедур для интерпретации соответствующих количественных данных.

Отличительной особенностью количественных методов является то, что сбор данных происходит еще до начала процедуры самого исследования. В исследуемом явлении выделяются параметры, подлежащие измерению, которые называются переменными. Все полученные в ходе сбора данных количественные показатели оформляются в виде матрицы, которая затем исследуется с помощью одного или нескольких

статистических методов. По результатам статистических исследований проводится интерпретационный анализ полученных данных. Поскольку любое исследование направлено на изучение содержания объекта и его внутренней структуры, то понятно в этой связи образное определение, данное Золтаном Держеи [17]. Автор называет квантитативные методы «смыслом в цифрах», подразумевая, что качественные характеристики объекта имеют цифровое выражение не только в единичном ряду, но и во взаимосвязи.

На наш взгляд, основным преимуществом метода корреляционного анализа является его точность и однозначность результатов. Этот метод систематичен и легко контролируем, поскольку математический аппарат уже содержится в статистической программе. Кроме того, процесс подсчета достаточно экономичен по сравнению с подготовкой матрицы, он выполняется на компьютере с помощью пакета STATISTICA 6.0.

Описываемое исследование межуровневых соотношений признаков английских инструментальных существительных проводится в рамках коллективной темы школы квантитативной лингвистики под многолетним руководством профессора, доктора филологических наук Г. Г. Сильницкого [22], С. Л. Захаренкова [3], Е. В. Малец [6], А. В. Степанов [15] и др. Первоначально в квантитативном отношении был исследован английский глагол (С. Н. Андреев [1], О. Ю. Головинская [2], В. П. Луговской [5], Г. Г. Сильницкий [11]). Аналогичным способом статистические методы были использованы в разноуровневом описании английского прилагательного и существительного (Л. А. Кузьмин [4], Н. В. Солодовникова [14]).

Эмпирической основой проведенного корреляционного анализа послужил корпус английских наименований инструментов [7, с. 340] (700 лексических единиц), взятых из словарных статей англоязычных словарей: The Concise Oxford Dictionary of Current English [23], Roget's Thesaurus of English Words and Phrases [20], Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [21].

Каждому существительному было приписано наличие или отсутствие 161 «критериального» признака семантического, морфематического, словообразовательного и хронологического уровней, через соотношения с которыми определяется системный статус «базисных» признаков трех семантических подклассов (энергетического – EIN, информационного – IIN и онтологического – OIN) [8] и всего семантического

класса инструментальных существительных. Обработка и анализ данных осуществлялся при помощи программы «STATISTICA 6.0». При обработке искомой выборки мы ориентировались на опыт применения корреляционной статистики на языковом материале, зафиксированный в коллективной монографии представителей вышеупомянутой школы квантитативной лингвистики [13, с. 21 – 34]. Задаваясь уровнем статистической значимости $p = 0,05$ при указанном выше объеме выборки, мы считали значимыми коэффициенты корреляции Пирсона, для которых $r_{xy} \geq |0.06|$. При значениях, близких к 0, связь считается слабой, либо отсутствует вовсе. Таким образом, были вычислены коэффициенты корреляции вышеупомянутых семантических подклассов инструментальных существительных с соответствующими разноуровневыми признаками.

Наиболее релевантными в рамках настоящего исследования являются следующие критериальные признаки:

Фонетические признаки: односложность/много-сложность существительного.

Морфематические признаки: морфемная членность/нечленность; наличие/отсутствие аффикса, префикса, суффикса в составе существительного.

Словообразовательные признаки: производность/непроизводность существительного.

Семантические признаки: подтипы энергетических, информационных и онтологических значений [12, с. 219 – 224].

Хронологические признаки: принадлежность к староанглийскому, среднеанглийскому или новоанглийскому периоду [10].

При рассмотрении нижеприведённых примеров следует, однако, иметь в виду, что коэффициент корреляции представляет вероятностную, но не линейную меру связи двух признаков; поэтому положительный коэффициент не означает, что данные два признака совместно представлены во всех без исключения рассматриваемых случаях, равно как отрицательный коэффициент не означает их абсолютной несовместимости.

Результаты проведенного корреляционного анализа приводятся в нижеприведенной таблице (статистически релевантные положительные корреляции выделены жирным шрифтом, значимые отрицательные корреляции – курсивом, нерелевантные коэффициенты обозначены прочерком) (таблица 1).

Таблица 1

Сопоставительный анализ корреляций разноуровневых признаков семантических подклассов инструментальных существительных

	<i>EIN</i>	<i>IIN</i>	<i>OIN</i>
Подтипы энергетических значений			
Движение	.54	-.45	-.13
Форма	.34	-.28	-.08
Физические состояния	.20	-.18	-
Физиологические состояния	.16	-.15	-
Подтипы информационных значений			
Сенсорные	-.49	.58	-

Речь	-.16	.19	-
Семиотические	-.54	.64	-
Подтипы онтологических значений			
Наличие	-.11	-	.46
Количественные	-.09	-	.36
Невозможность	-	-	.21
Общее действие	-.19	-.09	.78
Формальные признаки			
Непроизводные нечленимые	.24	-.33	-
Непроизводные членимые	-.31	.37	-
Производные нечленимые	.11	-.11	-
Производные членимые	-	.09	-
От глагола	.15	-.13	-
От существительного	-.09	.09	-
Аффиксальные	.10	-.08	-
Префиксальные	-	-	-
Суффиксальные	.08	-	-
Свободный суффикс	.08	-	-
Связанный суффикс	.09	.47	-
Связанный префикс	-	-	.21
Свободная основа	-	-	-
Связанная основа	-.37	.45	-
-er/-or	.16	-.12	-
-ance, -ence, -ency	-	-	.16
-ion	-	-	.21
-ment	-	-	.29
Словосложение	-.17	.22	-
Фонетические признаки			
Односложность	.15	-.22	-
Многосложность	-.15	.22	-
Хронологические признаки			
Староанглийский период	.09	-.15	-
Среднеанглийский период	.14	-.20	-
Новоанглийский период	-.18	.26	-.08
16 век	.13	-.13	-
17 век	-	-	-
18 век	.09	-.08	-
19 век	-.11	.15	-.07
20 век	-.19	.27	-

Из приведённой таблицы видно, что большинство соотносимых признаков выявили статистически значимые корреляции.

В семантическом плане следует отметить, что все три семантических подкласса инструментальных существительных диагностируются положительными и отрицательными корреляциями. Так, подкласс EIN положительно сопряжен со всеми подтипами энергетических значений, кроме подтипа «местонахождение». У подкласса EIN наблюдается высокая степень корреляции с подтипом «движение» (.54): accelerator (педаль газа), bat (бита) и др., «изменение формы» (.34): auger (сверло), axe (топор) и т. д., «изменение физического состояния» (.20): boiler (кипятильник), condenser (холодильник) и т. д. и «физиологические процессы» (.16): aspirator (аспиратор), catheter (катетер) и др.

Подкласс IIN положительно коррелирует со следующими подтипами информационных значений:

«семиотические» (.64): barometer (барометр), seismograph (сейсмограф) и др., «сенсорные» (.58): binoculars (бинокль), camera (камера) и др., «речь» (.19): loudspeaker (громкоговоритель), microphone (микрофон) и др. – и остается нейтральным к информационным подтипам значений: «эмоциональные», «волитивные», «когнитивные», «коммуникативные».

Подкласс OIN позитивно связан со следующими подтипами онтологических значений: «общее действие» (.78): apparatus (аппарат), instrument (инструмент) и др., «наличие» (.46): mouse-trap (мышеловка), music stand (пюпитр для нот) и др., «количественные» (.36): copier (копировальный аппарат), duplicator (множительный аппарат) и др., «невозможность» (.21): brake (тормоз), manacle (наручники) и др.

На основании полученных корреляций можно сделать вывод о том, что в семантическом плане подклассы EIN, IIN и OIN положительно сопряжены с примерно одинаковым количеством семантических

подтипов энергетических, информационных и онтологических значений соответственно.

В то же время мы можем говорить о ярко выраженной противопоставленности семантических подклассов EIN и IIN по отношению друг к другу в деривационно-морфематическом, фонетическом и словообразовательном планах [9, с. 36 – 38].

В *деривационно-морфематическом плане* подкласс EIN выявляет относительно сильные положительные корреляции с подтипами «непроизводные нечленимые» (.24): fork (вилка), knife (нож) и др. и «производные нечленимые» (.11): guillotine (гильотина), zimmer (ходунки) и др. Следует особо отметить, что при всей частотности конверсивного словообразования в английском языке в подгруппе инструментальных существительных случаи конверсивного образования существительных от глагола на нашем материале не представлены. Подкласс EIN формирует одну релевантную отрицательную корреляцию с подтипом «непроизводные членимые» (-.31), оставаясь нейтральным к подтипу «производные членимые».

Подкласс IIN положительно коррелирует с подтипами «непроизводные членимые» (.37): gastroscope (гастроскоп), semaphore (семафор) и др. и «производные членимые» (.09): amplifier (усилитель), calculator (калькулятор) и др., отрицательно коррелируя с подтипами «непроизводные нечленимые» (-.33) и «производные нечленимые» (-.11).

В *фонетическом плане* подкласс EIN характеризуется односложностью (.15): bat (ракетка), spade (лопата), spoon (ложка), whip (кнут, хлыст).

Напротив, в фонетическом плане подкласс IIN характеризуются многосложностью (.22): photocoagulator (светокоагулятор), radio-telephone (радиотелефон), spectrohelioscope (спектрогелиоскоп) и др.

В *словообразовательном плане* EIN положительно соотносены с «аффиксацией» (.10), в частности, с «суффиксацией» (.08), в то время как IIN отрицательно коррелируют с аффиксальным способом словообразования в целом (-.08), но позитивно связаны со

«словосложением» (.22) (Ср.: EIN – (-.17)). Ярко выражена положительная корреляция EIN с суффиксом -er (.16) (Ср.: IIN – (-.12)), в то время как OIN характеризуются статистически релевантными корреляциями с суффиксами -ment (.29), -ion (.21) и -ance, -ence, -ency (.16).

Таким образом, подкласс EIN характеризуется простотой формальной структуры:

- фонетической (односложность: .15);
- морфематической (морфемная нечленность: .24).

Однако, для EIN характерно нестандартное сочетание морфемной нечленности и отглагольной аффиксальной производности (.10), а также тяготение к аффиксации (.08), в частности, к суффиксу -er / -or (.16).

IIN, в противоположность EIN, характеризуются сложной формальной структурой:

- фонетической (многосложность: .22);
- морфематической (морфемная членность: .37), но в словообразовательном плане – аффиксальной непроизводностью (-.08) и тяготением к словосложению (.22).

Кроме того, для IIN характерна производность не от глагольной, а от субстантивной производящей основы (.09) и сильная положительная корреляция со связанными суффиксами (.47) и связанными основами (.45).

Подкласс OIN одинаково нейтрален относительно фонетических и морфематических признаков. Однако в словообразовательном плане OIN представляют собой единственный класс, положительно соотносённый со связанными префиксами (.21) и суффиксами -ance, -ence, -ency (.16), -ion (.21), -ment (.29).

На основании вышеприведённых данных могут быть выделены следующие релевантные корреляционные признаки, определяющие системные отношения трех рассматриваемых семантических подклассов инструментальных существительных (таблица 2).

Таблица 2

Релевантные корреляционные признаки семантических подклассов EIN, IIN, OIN

Семантические подклассы \ Формальные признаки	Формальная простота	Производность	Отглагольная деривация	Отсубстантивная деривация
EIN	+	-	+	-
IIN	-	+	-	+
OIN	0	0	0	0

Примечания: + – положительно релевантный признак, - – отрицательно релевантный признак, 0 – нерелевантный признак.

«Диагностическим» для каждого семантического подкласса инструментальных существительных будет считаться такой релевантный признак, по которому данный подкласс противопоставлен двум остальным.

Диагностические признаки EIN: формальная простота (односложность, нечленность), непроизводность, отглагольная деривация.

Диагностические признаки IIN: формальная сложность (многосложность, членность), производность, отсубстантивная деривация.

Из вышесказанного следует, что наибольшей диагностической силой обладают семантические подклассы EIN и IIN.

В *хронологическом плане* [9, с. 39 – 40] контрастность двух основных семантических подклассов по отношению друг к другу также ярко выражена, хотя

хронологические признаки более диагностически значимы для энергетических существительных и менее значимы – для информационных. Например, подкласс E1N отмечает наивысшими положительными коэффициентами *среднеанглийский* (.14): bodkin (шило), colander (дуршлаг), scissors (ножницы), spoon (ложка) и др. – и *староанглийский периоды* (.09): hammer (молоток), mattock (киркомотыга), rake (грабли) и др., отрицательно коррелируя с *новоанглийским периодом* (-.18) в целом, но положительно отмечая шестнадцатый (.13) и восемнадцатый (.09) века новоанглийского периода, в то время как подкласс I1N позитивно свя-

зан с *новоанглийским периодом* (.26), а именно с девятнадцатым столетием (.15) и особенно с двадцатым веком (.27): computer (компьютер), laparoscope (лапароскоп), scanner (сканер) и др., формируя отрицательные корреляции со староанглийским (-.15) и среднеанглийским периодами (-.20). Онтологические существительные определяются здесь только слабыми негативными зависимостями.

Итак, исходя из вышеприведенных данных, можно выделить следующие релевантные хронологические признаки семантических подклассов инструментальных существительных (таблица 3).

Таблица 3

Релевантные хронологические признаки E1N, I1N, O1N

Хронологические признаки Семантические подклассы	Староанглийский период	Среднеанглийский период	Новоанглийский период	XVI век	XVII век	XVIII век	XIX век	XX век
E1N	+	+	-	+	0	+	-	-
I1N	-	-	+	-	0	-	+	+
O1N	0	0	-	0	0	0	-	0

Диагностические хронологические признаки E1N: староанглийский, среднеанглийский периоды и XVI, XVIII века новоанглийского периода.

Диагностические хронологические признаки I1N: XIX – XX века новоанглийского периода.

Таким образом, корреляционный анализ, проведенный для сопоставления трех семантических подклассов инструментальных существительных с их разноуровневыми признаками позволил установить наличие статистически значимых зависимостей меж-

ду ними. Полученные корреляции позволили прояснить особую роль энергетических и информационных инструментальных существительных, которые отчетливо противопоставлены друг другу в семантическом, деривационно-морфематическом, словообразовательном и хронологическом планах и сильно диагностируются разноуровневыми и разноаспектными признаками. Онтологические существительные характеризуются минимальным количеством релевантных корреляций.

Литература

1. Андреев С. Н. Соотношение семантических, морфематических и синтаксических признаков глаголов речи современного английского языка // Проблемы соотношения словообразования с другими уровнями в германских языках. 1985. С. 22 – 47.
2. Головинская О. Ю. Семантические характеристики производных аффиксальных глаголов в современном английском языке // Проблемы соотношения словообразования с другими уровнями в германских языках. 1985. С. 102 – 111.
3. Захаренкова С. Л. Семантическая структура существительных с эмоциональным значением в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1(21). С. 142 – 152.
4. Кузьмин Л. А. Квантитативные критерии разграничения качественных и относительных прилагательных в современном английском языке // Актуальные проблемы романистики и германистики. Ч. II. Германистика. 1998. С. 3 – 11.
5. Луговской В. П. Словообразовательные характеристики простых глаголов английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Минск, 1986. 22 с.
6. Малец Е. В. Семантическая система информационных значений имен речи // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 3(23). С. 137 – 145.
7. Петроченкова И. Л. Применение методов многомерного анализа в исследовании инструментальных существительных английского языка // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2.
8. Петроченкова И. Л. Семантическая классификация английских «инструментальных» существительных // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 11. С. 137 – 141.
9. Петроченкова И. Л. Системный анализ разноуровневых признаков инструментальных существительных английского языка. Смоленск, 2012. 120 с.
10. Петроченкова И. Л. Хронологические характеристики инструментальных существительных в английском языке // Девятое Поливановское чтения. 2009. Ч. I. С. 49 – 53.
11. Сильницкий Г. Г. К проблеме соотношения семантических и формальных признаков английских глаголов // Семантика английского глагола в соотношении с признаками других уровней. 1988. С. 8 – 22.

12. Сильницкий Г. Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск, 2006. Т. 2. 362 с.
13. Сильницкий Г. Г., Андреев С. Н., Кузьмин Л. А., Кусков М. И. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке. Минск, 1990. 182 с.
14. Солодовникова Н. В. Формальное и семантическое взаимодействие прилагательного с деадъективными знаменательными частями речи в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Смоленск, 2007. 145 с.
15. Степанов А. В. Межуровневые корреляции характеристик «конъектных» существительных с пространственным значением в современном английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1(21). С. 152 – 162.
16. Тулдава Ю. А. Проблемы квантитативных исследований текста и языка // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. 1988.
17. Dornyei Z. Research Methods in Applied Linguistics. OUP, 2007. 230 p.
18. Pearson K. On the General Theory of Skew Correlation and Non-Linear Regression. L., Dulau and Co., 1905. – 68 p.
19. Pearson K. The Grammar of Science. 2 ed. L., Walter Scott, 1900. 655 p.
20. Roget P. M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Penguin Books, 2004. 824 p.
21. Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. 5th ed. Oxford, 2002. 3750 p.
22. Silnitsky G. G. Correlation of Phonetic and Morphological Systems of Indo-European Languages // Journal of Quantitative Linguistics. 2003. Vol. 10. № 2. С. 129 – 141.
23. The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by Judy Pearsall. 10th ed. Oxford, 1999. 1666 p.

Информация об авторе:

Петроченкова Инна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского филиала Московского государственного университета путей сообщения, petrocinna@yandex.ru.

Inna L. Petrochenkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State University of Railway Engineering (Smolensk Branch).

Статья поступила в редколлегию 01.10.2014 г.

УДК 82-2

А. П. ЧЕХОВ И Г. ГАУПТМАН: ДВЕ ВЕРСИИ КОМЕДИЙНОСТИ

Н. Е. Разумова, А. Ю. Карпова

A. P. CHEKHOV AND G. HAUPTMANN: TWO VERSIONS OF COMEDINESS

N. E. Razumova, A. Yu. Karpova

А. П. Чехов и Г. Гауптман среди авторов «новой драмы» выделялись устойчивым обращением к жанру комедии. В статье проанализированы комедийные концепции Чехова и Гауптмана, выявлены точки их соприкосновения и различия. Сопоставление основ и принципов комедийности двух драматургов способствует осмыслению такого выдающегося феномена, как комедиография Чехова.

A. P. Chekhov and G. Hauptmann used the genre of comedy among the authors of the «Modern drama». The paper analyzes Chekhov's and Hauptmann's concepts of comedy and identifies the common and different points. Hauptmann's comediness assist the understanding of such a remarkable phenomenon as Chekhov's comediology.

Ключевые слова: Чехов, Гауптман, театр, драматургия, «новая драма», комедийность, комедия.

Keywords: Chekhov, Hauptmann, theatre, dramaturgy, «Modern drama», comediness, comedy.

Европейская «новая драма», которая отразила углубляющийся кризис традиционной гуманистической парадигмы, была сосредоточена на новом осмыслении трагизма («Удел новой драмы – драмы и трагедии» [11, с. 81]) и почти не обращалась к жанру комедии. Устойчивый интерес к этому жанру проявляли только Г. Гауптман и А. П. Чехов. Комедии обоих были не поняты современниками именно в своем заявленном жанровом определении (так, комедии Гауптмана воспринимались как маргинальный факт в его творческой биографии, своего рода чудачество знаменитого автора, и находили некоторое оправдание лишь в ключевых общих свойствах «новой драмы», без учета жан-

ровой специфики), но при этом судьба их сложилась совершенно по-разному: гауптмановские оказались практически забыты, чеховские же вошли в золотой фонд мировой драматургии, оставаясь, однако, до сих пор не понятыми прежде всего как комедии. Всё это порождает вопрос о комедийности как специфическом качестве, определяющем, прежде всего для самого автора, жанровую сущность пьесы.

Исследователями неоднократно указывались параллели между Чеховым и Гауптманом, обусловленные общим для обоих писателей культурным пространством и прямыми творческими контактами. В их пьесах немало общего на уровне проблематики, сюже-

та, персонажей, но речь может идти не столько о влиянии и тем более подражании, сколько о типологической общности. Исключение составляет комедия Гауптмана «Девы из Бишофсберга» (1907), полемически ориентированная на драму Чехова «Три сестры». Сопоставление комедиографии Гауптмана и Чехова позволяет увидеть принципиальное различие их концепций.

Из множества своих пьес Гауптман лишь несколько причисляет к комедиям: «Kollege Crampton» (1892); «Der Biberpelz» (1893); «Schluck und Jau» (1900); «Die Jungfern von Bischofsberg» (1907), «Griselda» (1909, 1942), «Hexenritt» (1929), «Ulrich von Lichtenstein» (1939) – и трагикомедиям: «Der rote Hahn» (1901), «Die Ratten» (1911), «Peter Brauer» (1921).

Чехов обозначил как комедии четыре пьесы: «Иванов» (1887), «Леший» (1889), «Чайка» (1895) и «Вишневый сад» (1903). Их жанровая специфика, вызывавшая споры в момент появления, и поныне остается в чеховедении одним из наиболее дискуссионных вопросов, что обусловлено прежде всего своеобразием чеховского понимания комедии: в этих комедиях не только мало собственно комического, но возможна даже финальная смерть героя, традиционно являвшаяся прерогативой трагедии. Не очевидна, соответственно, и грань между пьесами, которые Чехов называл комедиями или же по-другому. Чеховеды склонны искать общие основания его драматургических текстов и универсальное жанровое определение, чаще всего прибегая к понятию «трагикомедия» [3, с. 56, 57; 6, с. 270 – 277].

У Гауптмана на этот счет гораздо больше ясности. В его драматургии, при бесспорном единстве ее принципов, комедиография составляет особую категорию. Трагикомедии, представленные с особой жанровой маркировкой, отличаются от комедий прежде всего способом разрешения конфликта: смертью главного персонажа. Сохраняя верность своей драматургической концепции, связанной с ощущением эпохального кризиса гуманизма, Гауптман здесь реализует ее иначе, снимая трагический пафос откровенно маловероятным благополучным разрешением ситуации, отказом от героя, на судьбе которого исключительно сосредоточено авторское сочувствие, обращением к переделке известных сюжетов, возрождением классических жанровых моделей.

Так, в «Коллеге Крамптоне» судьба спивающегося художника избегает закономерного катастрофического завершения; как противовес губительным тенденциям предлагается обращение к культурному наследию разных эпох, синтез культурных ценностей. Эта идея была позднее развита в комедии «Девы из Бишофсберга», где Гауптман к тому же отказывается от фокусировки на фигуре центрального персонажа путем его «мультипликации». В комедии «Бобровая шуба» вообще никто из персонажей не наделен преимущественным авторским сочувствием и интересом; представлена одна только «среда», не просвеченная тем драматическим, точнее даже трагическим, конфликтом, который в гауптмановской «новой драме» всегда предельно обострен. В комедии «Шлук и Яу» Гауптман использует как прообраз для своих двух заглавных героев фигуру Слая, которая играет по сути

вспомогательную роль в «Укрощении строптивой» Шекспира; шекспировский сюжет оказывается иронически вывернут наизнанку, отменяя представленное там торжество разумной человеческой воли и показывая человеческое существо весьма далеким от гуманистического идеала. Комедия «Гризельда» представляет собой интерпретацию одного из «вечных сюжетов» литературы в откровенно условном ключе, что ставит под сомнение победоносную силу утверждаемых там добродетелей – самоотверженности, верности и т. д.

Однако это сомнение носит у Гауптмана не отрицающий, а скорее ностальгический характер. Пытаясь вовлечь комедию в общий процесс драматургического обновления, но без утраты ее жанровой специфики, Гауптман делал ставку на обращение к истокам жанра, возрождение его традиционных элементов и форм в противовес изменению как самого мира, так и мировосприятия и самосознания человека. Он пытался таким путем вернуть современную, дисгармоничную и кризисную, действительность к утраченной гармонии. Используя комедийные приемы, характерные для разных культурных эпох, Гауптман тем самым ищет эстетическую альтернативу современному кризисному состоянию человека, но не изменяет антропоцентрическому мировидению. В его драматургии в целом сохраняется тенденция к фокусировке на центральном герое и, шире, привычное вычленение человеческой судьбы из жизни мира.

Чеховское драматургическое новаторство гораздо более кардинально, и его ядро составляет именно понятие комедиюности. С первого же опыта в жанре комедии Чехов сосредоточивается не на том, что так или иначе отступает от гуманистической системы ценностей, а на самой системе как таковой, ставя под сомнение ее ядро – привилегированный статус человека. Уже в «Иванове» начинается размытие центральной позиции личности. Объясняя Суворину суть своей пьесы, Чехов дает герою определения, всё более и более укрупняющие смысловой объем образа: «русский интеллигентный человек», «университетский человек», «русский человек», «человек» [9, с. 109 – 115]. Крах Иванова лишь в малой степени может быть объяснен конкретными причинами – нравственно-психологическими, идеологическими, социально-историческими – и по сути аналогичен ситуации, показанной в юмористическом рассказе «О бренности» (1886), где герой, предвкушая отведать аппетитных масленичных блинов, внезапно умирает от апоплексического удара.

Трансформация комедии «Иванов» в драму объясняется, очевидно, углублявшимся у Чехова к концу 1880-х гг. мировоззренческим кризисом, абсолютизирующим трагическую абсурдность человеческого существования; такое состояние духа препятствовало комедийной трактовке жизненного поражения «человека». Следующий, гораздо более решительный и принципиальный шаг в обновлении драмы был сделан Чеховым уже после поездки на Сахалин, существенно изменившей его позицию: преодолев трагизм, но не отказавшись от коренного несогласия с безальтернативно господствующей гуманистической парадигмой, он представил публике свою «Чайку». Это произошло после знаменательно долгой паузы, заполненной внут-

ренной работой по приведению структурно-поэтических принципов драмы в соответствие с поистине революционным взглядом на человека. Осознать степень его новизны современникам (да и не только им) мешало органическое неприятие Чеховым всяческой демонстративности, авторитарности и профетизма.

«Чайка» стала первым по-настоящему новаторским произведением Чехова-драматурга; примечательно, что принципиальный курс этого осознанного новаторства был связан с жанром комедии. Из всех существующих концепций комического Чехов парадоксальным образом наиболее близка та, что выражена известной фразой К. Маркса, закрепившейся в весьма приблизительном переводе: «Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Чехов освещает в комедийном ключе то, что считалось драматическим или даже трагическим, когда в центре внимания и всей системы ценностей привычно находился человек и его отдельная судьба. Комедийному освещению подвергается то, что свидетельствует о неспособности персонажей к новому представлению о мире и о себе, к освобождению как от утешительных иллюзий, так и от трагического сознания.

В «Чайке» это осуществляется прежде всего за счет двух взаимосвязанных тенденций: децентрации системы персонажей и необыкновенной актуализации художественного пространства через образ озера, выступающий «от имени» всего мира. Все персонажи по-разному с ним соотносятся. Эта множественность оказывается принципиальной для пьесы и сутью ее новаторства, в первую очередь жанрового, поскольку именно она является основой ее комедийности: мир трактуется каждым персонажем по-своему, тогда как он в образе озера представлен и в силу непривычности этого образа для сценического пространства, акцентирован в пьесе как объективная данность.

Вследствие открывающей действие попытки Треплева трансформировать озеро в соответствии со своей творческой волей оно прочно ассоциируется с общей для персонажей тягой к литературно-театральному перевоплощению своей жизни, без которого она их не удовлетворяет. Пьеса содержит целый спектр вариантов такого бегства от жизни, вплоть до реально осуществленного Треплевым. Благодаря множественным переключкам между персонажами, каждый из которых по отдельности был бы драматичен, их судьбы по-комедийному «девальвируются». Отчетливо выражено комическое разрешение трагедийной судьбы претендента на центральную роль – Треплева: комедия заканчивается смертью, которая парадоксально определяется в финале как «ничего». Тем самым индивиду решительно отказано в центральной позиции, которая обосновывалась только тем, что он, согласно утвердившейся культурной традиции, ощущал себя таким центром. Треплев, наиболее последовательно и полно продемонстрировавший неспособность индивида к плодотворному взаимодействию с миром, своими эстетическими манифестами вовлекает в поле комедийного осмысления не только современную театральную рутину, но и безудержные новаторские тенденции, и, что особенно важно, саму концепцию «весь мир – театр», основанную на традиционном

антропоцентризме, который возвышает человека над миром.

Персонажи комедии со всей очевидностью тягостятся той ответственностью, которая вместе с этим утвердившимся в культуре привилегированным положением возлагается на индивида, и парадоксально прибегают за помощью к той же культуре, которая является для них привычной опорой. С этим связана такая особенность «Чайки», как перенасыщенность всевозможными цитатами, благодаря которым культурный фон пьесы чрезвычайно широк. Повышенная «цитатность» служит одним из ее специфических комедийных маркеров. Даже Нина в ее последнем, по всей очевидности крайне драматичном появлении, открывая душу перед Треплевым, не может обойтись без цитат. Сутью комедийной природы «Чайки» оказывается неспособность персонажей преодолеть инерцию антропоцентрической модели, точнее, подмеченная Чеховым парадоксальность ситуации, когда человек, привычно ощущая себя центром мироздания, в то же время явно не справляется с этой ролью, предполагающей его ответственность и идентичность, и пытается от нее уклониться. «Претензии», предъявляемые автором персонажам пьесы, отличаются необыкновенной фундаментальностью. Если не побояться «громких слов», столь ненавистных Чехову, можно говорить о философском характере комедийности, присущей «Чайке». Определение пьесы как комедии содержало своего рода вызов, приглашение взглянуть без традиционного пиетета на такие гуманистические святыни, как страдание и даже смерть человека, не предвзято оценить обоснованность той роли, которую он себе присвоил по отношению к миру.

В «Вишневом саду» жанровая маркировка «комедия» тоже служила сигналом концептуальной новизны. Пьеса, создававшаяся Чеховым как своего рода завещание, содержит итог его раздумий о самых принципиальных вопросах бытия. Здесь сохраняется несомненное сходство с «Чайкой», заключающееся в том, что автор оценивает как недостаточную и ограниченную позицию своих персонажей по отношению к миру; но важно и качественное различие в содержании того, что видит сам автор. В послесахалинский период, когда создавалась «Чайка», Чехов, отрицая номинально привилегированное положение человека в мире, утверждал ценность реального, активного действия, благотворного как для человека, так и для мира. Теперь диспозиция кардинально изменилась. Чехов воплотил в своей последней пьесе сложившееся у него к тому времени уникальное мировидение и основанную на нем новую драматургическую концепцию: антропоцентрическая перспектива, традиционно определявшая драматическое напряжение между человеком и окружающим его миром, преобразуется в качественно новую онтологию, в которой индивид и объективный мир не противопоставляются и даже не дифференцируются в качестве субъекта и объекта. Мир органично вбирает в себя человека вместе с плодами его культурной деятельности и сглаживает следы, преобразуя смерть в жизнь. Несмотря на перенасыщенность пьесы мотивами смерти, среди которых главенствует продажа вишневого сада, равносильная концу целого жизненного уклада, само построение

сюжета (в котором продажа не становится финальной катастрофой и последний акт посвящен началу нового существования) моделирует неостановимую континуальность жизни природно-культурного целого. Этим жизнеутверждающим пафосом пьеса сближается с жанровыми истоками комедии; но воплощенная в ней концепция опирается на весь накопленный человеческим исторический опыт и не может быть художественно реализована путем возрождения какой бы то ни было из известных культурных моделей, а предполагает глубокое переосмысление всей парадигмы.

Одним из проявлений свободы Чехова по отношению к жанровой традиции может служить способ введения культурных аллюзий, своеобразие которого рельефно проступает в сопоставлении с Гауптманом. В комедии «Чайка» используются цитаты из трагедии «Гамлет», тогда как Гауптман в комедии «Шлук и Яу» ориентируется именно на комедию Шекспира («Украшение строптивой»), а о шиллеровской трагедии «Мессинская невеста» (и вообще о трагедии) речь заходит в трагикомедии «Крысы».

Сопоставление с Гауптманом оттеняет степень чеховского драматургического новаторства, сконцентрированного в феномене комедийности. Магистральной основой зрелого творчества Чехова явилось формирование новой онтологии, определяющее, среди прочего, эволюцию его комедиографии. Изменение ракурса при взгляде на человеческую судьбу особенно четко артикулировано в тех пьесах, которые Чехов обозначил как комедии, но, как отмечает Н. А. Муратова, «принцип комедийного построения конфликта проявляет себя не только в текстах, жанрово обозначенных как комедии, но является универсальным для драматургической структуры А. П. Чехова» [4, с. 13].

Это единство косвенно подтверждается эпизодом открытого творческого спора – одностороннего, поскольку он имел место уже после смерти Чехова, когда Гауптман под впечатлением от чеховских «Трех сестер» написал комедию «Девы из Бишофсберга» [1, с. 134].

Снабженная определением «драма», пьеса Чехова несла в себе, однако, тот же элемент жанрового инакомыслия (он не замедлил проявиться при ознакомлении с пьесой труппы МХТ, о чем К. С. Станиславский вспоминал: «Обмениваясь впечатлениями по поводу только что прочитанной пьесы, одни называли ее драмой, другие – трагедией, не замечая, что эти названия приводили Чехова в недоумение... Оказывается, что драматург был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении ее приняли как драму и плакали, слушая ее. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонятна и провалилась» [8, с. 234 – 235]; В. И. Немирович-Данченко вспоминал, что Чехов «боролся со смущением и несколько раз повторял: я же водевилем писал. <...> В конце концов мы так и не поняли, почему он называет пьесу водевилем, когда "Три сестры" и в рукописи назывались драмой» [5, с. 169]). Многие исследователи отмечали переплетение в пьесе трагических и комических черт [6, с. 172; 7, с. 17 – 63].

В «Трех сестрах» уже ощутимо новое мировосприятие Чехова, которое станет глубинной основой его комедиографической концепции в «Вишневом саде». Смерть включается в общий ход жизни в каче-

стве ее составляющей, теряя трагизм финальности, что буквально выражено Тузенбахом: «Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе» [10, с. 181], а его смерть сопровождается коллективным монологом сестер с настойчивым лейтмотивом «жить».

Всю пьесу пронизывает характерное для эпохи «рубежа веков» обостренное ощущение потока времени, который захватывает и несет человека. Кулыгин, сам того не ведая, в профанной форме излагает основную проблему пьесы, онтологическую суть ее конфликта. Ссылаясь на древних римлян, у которых «жизнь <...> текла по известным формам», и на директора своей гимназии, твердящего, что «главное во всякой жизни – это ее форма», он заключает: «Что теряет свою форму, то кончается – и в нашей обыденной жизни то же самое» [10, с. 246]. Утрата «формы» означает погружение в общий недифференцированный поток времени, безразличный к отдельным существованиям. В духе мрачного юмора этот онтологический механизм потери формы буквально продемонстрирован в судьбе Тузенбаха, который снял военную форму – и погиб.

Конфликт пьесы имеет трагическую природу, поскольку персонажам противостоит надчеловеческая сила – время; но они пытаются сопротивляться его губительному движению без подвига и исключительности, предполагаемых трагедией, вполне обыкновенными силами и средствами (работать, любить, создавать семью, «философствовать»). Они отдаются этой деятельности, доступной их компетенции, и болезненно переживают неизменные провалы, что обуславливает определение пьесы как «драма». Но наряду с этим в ней присутствует некий высший комизм, порожаемый несоответствием сугубо человеческого измерения этих попыток тому, от чего они призваны оградить. Попытки заведомо обречены, провалы неизбежны, но персонажи упорно не признают этого, даже в финале утверждая необходимость продолжения.

Философский комизм пьесы связан, таким образом, с тем, что человеческая жизнь осознается как «запрограммированная на поражение» самим мироустройством, как изначально безнадежная борьба против несоизмеримых с человеческими возможностями сил самого бытия, так что самообман оказывается ее необходимой принадлежностью и даже условием. Для сестер такой иллюзорной опорой долгое время служит надежда вернуться в Москву. Но даже после ее окончательной утраты они в финальном «тройном монологе», знаменательно соседствующем со смертью Тузенбаха, продолжают упорно выискивать в будущем какую-то позитивную перспективу. Действие пьесы развивается между двумя смертями – отца и Тузенбаха, – но заглавные героини, вопреки очевидности, озабочены только жизнью. Тем самым наглядно демонстрируется фундаментальная абсурдность жизни, а образ трех сестер косвенно реализует семантику «Веры, Надежды, Любви» и обнажает иллюзорность этих традиционных духовных опор, наполняющих жизнь смыслом и значением.

Этот мрачный комизм полностью соответствует ситуации, в которой Чехов создавал пьесу: атеист и

врач, он оказался лицом к лицу с неизбежной скорой смертью, лишенный возможности скрывать далее от других и от себя самого серьезность своей болезни. Сюжет пьесы основывается на концепции жизни как фундаментального абсурда, которому противостоит лишь парадоксальная способность и потребность человека искать и даже находить в нем смысл. При этом «идейным оппонентом» сестер выступает Чебутыкин со своим скептическим рефреном «Всё равно»; его позиция своеобразного резонера абсолютно лишена пафоса истинности, что соответствует принципиальному отказу Чехова от использования своих произведений в качестве рупора идей; однако именно чебутыкинский рефрен в финале пьесы составляет контрапункт к монологу сестер.

Спор во втором действии между Вершининым и Тузенбахом о возможности счастья формулирует два основных представления о смысле жизни, выдвигаемых человеческой мыслью в противовес абсурду. Этот спор проецируется на все развитие действия и находит отголоски у других персонажей, которые то и дело говорят о счастье, обозначающем для них смысл жизни. Гибель Тузенбаха становится фактическим аналогом его поражения в споре, в финальном «монологе» сестер по-вершинински смысл выносится в отдаленную перспективу, недоступную индивиду; но в отличие от лозунговых интонаций Вершинина у сестер слишком сильны ноты неуверенности, которые делают их ободряющие речи похожими на заклинание, заговаривание боли и страха, а «случайная» перекличка с Чебутыкиным вносит в финал подрывной элемент комизма:

Чебутыкин. Все равно! Все равно!

Ольга. Если бы знать, если бы знать! [10].

Да и сам Вершинин в последнем действии дистанцируется от собственного «философствования», выдавая его истинную функцию – своего рода паллиативного средства:

Вершинин. Что же еще вам сказать на прощание? О чем пофилософствовать?... (Смеется.) [10, с. 184].

Такое разрешение конфликта кардинально расходится с трагической концепцией человека, характерной для драматургии Гауптмана, где четко выделенный герой, концентрирующий в себе сложность и боль человеческого бытия, неизменно оказывается в гибельном тупике («Одинокие», «Потонувший колокол», «Михаэль Крамер»). Очевидно, это послужило Гауптману импульсом к написанию комедии «Девы из Бишофсберга» (1907), появившейся менее чем через год после его знакомства с чеховской пьесой. Используя ее узнаваемые элементы, Гауптман устраняет неприемлемую для него жанровую неопределенность и предлагает свой взгляд на то, чем должна быть комедия в современном мире.

Пьеса Гауптмана, провалившаяся на родине, была поставлена Малым театром в 1908 г., но тоже шла очень недолго. Параллели с чеховской драмой «Три сестры» были практически очевидны для современников, о чем свидетельствует уже трансформация названия: «Сестры из Бишофсберга». У Гауптмана показаны четыре сестры, ровно год назад осиротевшие после смерти отца; жених одной из них, учитель-педант Наст, напоминает Кулыгина. Однако наличие

явных переключек подчеркивает существенные различия.

Так, с образом отца в пьесе Гауптмана связана культурологическая тема: Бертольд Рушевей описывается как фигура, несущая на себе отпечаток эпохи Возрождения, поклонником которой он был. Сочетание в нем успешного дельца и духовно развитой личности делает его образцом ренессансной энергии и гармоничной разносторонности, воплощением гуманистического идеала Нового времени. Усадьба Бишофсберг соединяет в себе элементы различных культурных эпох, порядок описания отражает их историческую последовательность (Античность – Средневековье – Ренессанс): виноградники и сады, сводчатый потолок, портреты епископов, шкаф в стиле Ренессанса. Всё это образует культурный синтез, в котором Ренессанс занимает ключевое положение как, с одной стороны, эпоха возрождения античного мировидения, характеризующегося живым, гармоничным, полнокровным контактом между человеком и миром, с другой – как исходный рубеж утвердившейся на несколько столетий антропоцентрической системы ценностей, которая на рубеже XIX – XX вв. вступила в полосу кризиса. Гауптман, как и Чехов, почувствовал и выразил этот кризис, но предложил спасительную альтернативу в горизонтах самой системы.

Важная роль при этом отводится самому жанру комедии, который очищается и восстанавливается в своих истоках. Так, основой фабулы является расстройство помолвки Агаты и Насти в связи с появлением Грюнвальда. Эта сюжетная линия во многом похожа на отношения Маши, Кулыгина, Вершинина. Но у Гауптмана пьеса заканчивается помолвкой влюбленных. Этот счастливый конец соответствует специфике жанра комедии и, более того, напоминает о ее происхождении из обряда, где большую роль играл «священный брак». В эпизоде с ящиком, где вместо ожидаемой тщеславным Настом археологической сенсации оказывается подsunутая туда для розыгрыша колбаса и вино, реализуется традиционный для комедии сюжет «обманывания» ограниченного персонажа и ярко проявляется концептуальная установка Гауптмана на возрождение античной комедии как выражения стихийной витальности. Эпизод, являясь косвенной аллюзией и на Колбасника из «Всадников» Аристофана, и на «Кубышку» Плавта, имеет также прямую ассоциацию с традиционным пиршеством как рудиментом архаических ритуальных корней комедии и подчеркивает изначально органичное для нее посрамление старого молодым, отжившего – плодотворным. Такой сюжет «одурачивания» отжившего поколения молодыми был характерен также для классических комедий Мольера и Бомарше, которые в свою очередь обращались к античным комедиям. Гауптман постарался сделать эти культурные ассоциации максимально выпуклыми.

Особую семантическую нагрузку несет у Гауптмана фигура четвертой сестры, заведомо отличающая его пьесу от чеховской. Людовика – модификация проходящего через всё его творчество прекрасного образа «женщины-грезы», выступающего, по словам А. М. Евлахова, «как воплощение светлого начала жизни, радости бытия и свободы духа» [2, с. 139]; это

символическое содержание образа в полной мере раскрывается в финальной сцене хора при луне. К Людовике перешла по наследству от отца скрипка, на которой когда-то играли в соборе, так что ее музыка выступала как посредник между человеком и Богом. Теперь она становится частью дионисийского праздника, выполняя связующую роль в итоговом синтезе христианской и античной традиции.

Идея культурного синтеза звучит в споре между Настом и Грюнвальдом о том, какой должна быть система образования. В противовес косным взглядам своего оппонента Грюнвальд видит ее задачу в формировании свободно мыслящей и действующей личности, а важнейшим условием такого «здорового воспитания» считает возрождение идеалов античности, чтобы современная жизнь была пронизана счастьем и радостью: в гимназиях должно светить «солнце Гомера».

Это гармоническое мироощущение в финале пьесы выражено через праздничное веселье, пение, пляску и трапезу – традиционные элементы древнего ритуала, с которым генетически связан жанр комедии. Вырвавшись из рамок современного быта, персонажи раскрывают свою свободную человеческую сущность. К празднику примыкают даже советник и епископ; в результате финальный хор под луной в винограднике демонстрирует синтез языческих и христианских ценностей как полное и гармоничное проявление гуманистического потенциала.

Очевидно, здесь заключена суть возражения Гауптмана Чехову, принципиальное различие их комедийно-драматических концепций. Связь «Дев из Бишофсберга» и «Трех сестер» заключается не только в очевидных переключках на уровне сюжета, системы персонажей и т. д., но прежде всего в споре о возможностях и перспективах человека в мире. Гауптман создает своего рода культурную реконструкцию исконного понимания жанра, чтобы тем самым напомнить кризисной современности утраченное гармоничное мировосприятие; он определяет свое произведение как «комедию», отстаивая антропоцентризм, принципиально отвергаемый Чеховым. Чехов не возрождает классические модели, а вырабатывает новую, далеко выходящую за пределы «новой драмы», но в совсем ином направлении, чем набирающий силу авангард с его самоцельным экспериментаторством. Драматургическое новаторство Чехова, наиболее ярко выразившееся в его специфической комедийности, отражает последовательный отказ от традиционной антропоцентрической перспективы в пользу представления о естественном историческом движении не сфокусированного на человеке природно-культурного единства. Эта в истинном смысле слова экологическая концепция определяет уникальность драматургии Чехова не только для его эпохи, но и для наших дней, сохраняя за ней статус притягательной, но всё еще недостижимой вершины.

Литература

1. Дик Г. Чехов в немецкой литературе и критике // Литературное наследство. М.: Наука, 1997. Чехов и мировая литература. (Кн. 1).
2. Евлахов А. М. Г. Гауптман. Путь его творческих исканий. Ростов-на-Дону, 1917. 151 с.
3. Ишук-Фадеева Н. И. Новаторство драматургии А. П. Чехова. Тверь: Изд-во Тверского университета, 1991. 84 с.
4. Муратова Н. А. Разрешение конфликта в драмах и комедиях Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 19 с.
5. Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М.: Художественная литература, 1938. 368 с.
6. Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили Чехова. М.: Искусство, 1982. 285 с.
7. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М., 2000. 238 с.
8. Станиславский К. С. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Искусство, 1954.
9. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1974 – 1983.
10. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1974 – 1983. С. 187 – 188.
11. Шах-Азизова Т. К. Чехов и западноевропейская драма его времени. М., 1968. 180 с.

Информация об авторах:

Разумова Нина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Томского государственного педагогического университета, razum@list.ru.

Nina E. Razumova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Literature, Tomsk State Pedagogical University.

Карпова Антонина Юрьевна – соискатель кафедры романо-германской филологии филологического факультета Томского государственного университета, antonina@mail.tomsknet.ru.

Antonina Yu. Karpova – post-graduate student at the Department of Romance and Germanic Philology, Tomsk State Pedagogical University.

(Научный руководитель – Н. Е. Разумова).

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ
(на примере глаголов языка идиш)
К. А. Шиишгин

MULTILEVEL ANALYSIS OF PREFIXED VERBS SEMANTICS
(exemplified by Yiddish Verbs)
K. A. Shishigin

Цель статьи – показать возможность многоуровневого анализа глагольной семантики на примере префиксальных глаголов идиша, которые исследуются в плане корреляции трех уровней, представляющих собой сложную структуру элементов, связанных горизонтальными и/или иерархическими отношениями. На объективно-денотативном уровне рассматривается ситуация, которая соотносится с лексико-языковым уровнем глагола, обуславливающим симметричные, в том числе изоморфно симметричные, или асимметричные концепты ситуации. Префиксальный глагол несет в себе более объемную информацию, чем заложено в его лексическом значении, что на когнитивно-семантическом уровне проявляется в обуславливаемой им ситуатеме, которая включает в себя несколько микроситуаций разного ранга: ядерные, периферийные и закадровые. Микроситуации находятся в отношениях иерархии, при этом только лексикализованная ядерная микроситуация соотносится со значением глагола напрямую, а периферийные и закадровые дополняют ситуатему, обнаруживая полиситуативность семантики префиксального глагола, которая определяется как неаддитивностью значений производящей основы и префикса, так и элементами, связанными с ним семантически, синтаксически и пресуппозиционально.

The paper shows the possibility of a multilevel analysis of verb semantics exemplified by Yiddish prefixed verbs studied in a three-level correlation being a complex structure of horizontally and/or hierarchically bound elements. The situation at the objective denotative level correlates with the lexical semantic level of the verb determining symmetrical, (including isomorphic symmetrical), or asymmetrical concepts of the situation. The prefixed verb expresses more information than its lexical meaning includes, and it becomes apparent in the situateme at the cognitive semantic level determined by the verb; the situateme consists of some microsituations of different ranks: kernel, peripheral, and marginal. The microsituations are hierarchical; only the lexicalized kernel microsituation correlates with the verb meaning directly, the peripheral and marginal microsituations supplement the situateme showing the polysituativity of the prefixed verb semantics through the non-additivity of meanings of the generating stem and prefix and through the semantically, syntactically or presuppositionally bound elements.

Ключевые слова: семантика, полиситуативность, префиксальный глагол, идиш, ситуация, концепт ситуации, ситуатема.

Keywords: semantics, polysituativity, prefixed verb, Yiddish, situation, concept of situation, situateme.

Цель настоящей статьи – показать возможность многоуровневого анализа глагольной семантики на примере префиксальных глаголов языка идиш. Префиксальные глаголы анализируются в плане корреляции трех уровней: объективно-денотативного, когнитивно-макросемантического и когнитивно-микросемантического. При этом учитывая, что идишская глагольно-префиксальная система в результате особенности своего генезиса объединила в себе немецкие и славянские черты, во внимание принимается также диахрония, а именно происхождение префикса и, прежде всего, его семантики. Противоречия в том, что в синхронном исследовании учитывается диахрония, нет, поскольку «...синхрония органически связана с диахронией. Синхронная система языка пронизана генетико-деривационными связями, которые определяют не только взаимоотношения между элементами системы, но и способ их употребления в процессах речевой деятельности» [2, с. 290].

1. Уровни анализа префиксальных глаголов

Уровни анализа префиксальных глаголов в настоящей статье представляются как сложная структура элементов, связанных горизонтальными и/или ие-

рархическими отношениями, что иллюстрирует схема 1.

В данной схеме:

- а) двухконечные стрелки означают «соотносятся»;
- б) жирные стрелки с круглым началом – «префиксальный глагол обуславливает»;
- в) стрелка с ромбовидным началом – «префиксальный глагол имеет»;
- г) обычная стрелка – «иерархия уровней»;
- д) пунктирные стрелки – «элементы».

Тем самым корреляция уровней анализа видится следующим образом.

1. На объективно-денотативном уровне мы рассматриваем **ситуацию** – предикативный денотат, представляющий собой отрезок объективной, или экстралингвистической реальности, который обозначается префиксальным глаголом или о котором сообщается в конкретном глагольном высказывании.

2. Ситуация, в свою очередь, соотносится с лексико-языковым уровнем **префиксального глагола**, то есть глагола с неотделяемым или отделяемым префиксом, и является референтом префиксального глагола и/или высказывания с ним.

3. Префиксальный глагол обуславливает концепт ситуации, то есть определенным образом – за счет производящей основы и префикса – концептуализует данную ситуацию; тем самым **концепт ситуации** яв-

ляет собой обобщенно-абстрагированный, наивно-языковой способ репрезентации ситуации посредством префиксального глагола.

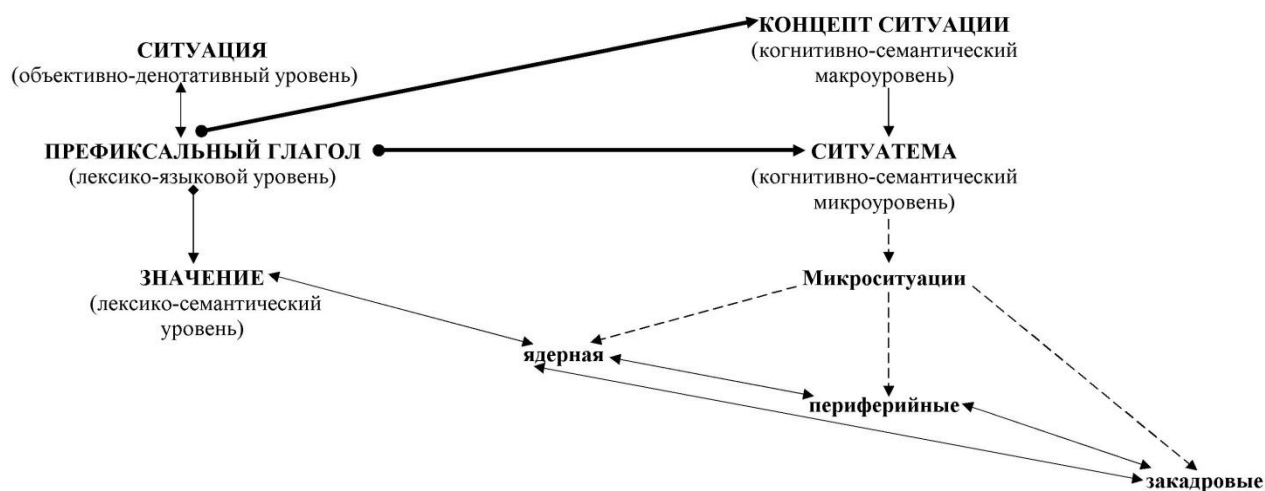

Схема 1. Уровни анализа префиксальных глаголов

При этом мы различаем:

а) **симметричные концепты ситуаций**, где внутренняя форма префиксального глагола логична, то есть легко поддается логичному толкованию; и здесь можно условно говорить о «зеркальном отражении» ситуации концептом ситуации;

б) **асимметричные концепты ситуаций**, где внутренняя форма префиксального глагола нелогична и его интерпретация возможна только с определенной, иногда значительной долей глубинной абстракции.

В качестве особого подвида симметричных концептов могут быть выделены **изоморфно симметричные концепты ситуаций**, под которыми мы понимаем концептуализацию ситуаций, имеющих место с предметами, которые в реальном мире не могут совершать или испытывать действия, процессы и состояния, называемые соответствующим глаголом; это в том числе и метафорические концептуализации, которые отражают не всегда объективные «...представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [11, с. 52], а также уподобляют «...абстрактные понятия предметам чувственно-го мира...» [1, с. 221].

4. Префиксальный глагол, будучи далее лексико-языковой единицей, обладает **значением**, которое является лишь одним из элементов семантического уровня, а именно элементом лексико-семантическим.

5. Префиксальный глагол несет в себе более объемную информацию, чем заложено в его лексическом значении, что на когнитивно-семантическом уровне проявляется в обуславливаемой им **ситуатеме**, под которой понимается единица плана содержания префиксального глагола и/или глагольного высказывания, «...отражающая динамическую полиситуатив-

ную денотативную структуру открытого, нелимитированного типа...» [4, с. 30].

6. Ситуация, префиксальный глагол и значение (левая часть схемы 1), с одной стороны, и префиксальный глагол по отношению к концепту ситуации и ситуатеме (правая часть схемы 1) не находятся в иерархических отношениях (изображены таким образом исключительно с целью упрощения схематизации), но лежат в разных горизонтальных плоскостях; однако концепт ситуации рассматривается нами как **когнитивно-семантический макроуровень**, стоящий выше **когнитивно-семантического микроуровня** ситуатемы, так как концепт ситуации представляет собой обобщенно-абстрагированный смысл префиксальных глаголов («смысл» – в терминах Г. Фреге [8] и ниже), а ситуатема более подробно описывает связанные с данным глаголом – в том числе имплицитные, пресуппозиционные – компоненты его семантики.

7. Ситуатема, в свою очередь, также является собой иерархическую структуру: она включает в себя несколько **микроситуаций**, под которыми понимаются подситуации, связанные друг с другом хронологическими и/или каузальными отношениями, проявляющиеся наряду с основной – эксплицитно лексикализованной префиксальным глаголом – ситуацией и выявляемые с помощью семантического, (морфо) синтаксического и пресуппозиционного анализа.

8. Микроситуации (МС) имеют разный **ранг** [6, с. 58 – 59, 97]:

а) **ядро** (МСЯ) – основная МС, выраженная глагольной лексемой в целом (в схеме ситуатемы изображается жирным прописным шрифтом в жирном прямоугольнике);

б) **периферия** (МСП) – МС, выраженные: а) производящей основой префиксального глагола, б) префиксом либо в) факультативными языковыми едини-

цами высказывания, синтаксически или семантически связанными с префиксальным глаголом (в схеме ситуатемы изображается в квадратных скобках);

в) **за кадром** (МСЗ) – МС, которая синтаксически невыразима при данном глаголе, то есть находится за пределами периферии, имплицитна и обусловлена только пресуппозиционально, но реконструируется при глубинном анализе (в схеме ситуатемы изображается в круглых скобках).

9. Соотносясь друг с другом, МС находятся в отношениях **иерархии**; при этом только ядерная МС, которая является ситуацией основной и лексикализованной, соотносится со значением префиксального глагола напрямую, периферийные же и закадровые МС дополняют ситуатему, обнаруживая разветвленность, полиситуативность семантики префиксального глагола, которая определяется как неаддитивностью значений производящей основы и префикса, так и языковыми и внеязыковыми элементами, связанными с ним семантически, синтаксически и пресуппозиционально.

Представляется целесообразным выделять несколько, условно говоря, «реализаций» ситуации, концепта ситуации и ситуатемы.

При **номинативной реализации** глагол рассматривается как лексическая, номинативная языковая единица, употребленная вне контекста; и здесь мы говорим о **типовой ситуации** и **типовом концепте ситуации** (в рамках когнитивно-семантических групп и классов глаголов), а также о **типовой ситуатеме** глагола-репрезентанта (только в рамках класса).

Под **глаголом-репрезентантом** при этом понимается префиксальный глагол, когнитивно-семантические характеристики которого в наиболее обобщенном или конвенциональном виде отражают характеристики других глаголов того же когнитивно-семантического класса, причем остальные префиксальные глаголы отличаются от репрезентанта лишь какими-то частными (как правило, обстоятельственными) семами. Так, глагол-репрезентант *dergeyn* 'дойти' в его конкретно-пространственном употреблении означает «двигаясь, переступая ногами, достигнуть цели» с обстоятельственной дифференциальной семой <переступать ногами> (своего рода наиболее конвенциональный способ передвижения), а другие глаголы со значением «двигаясь, достигнуть цели» отличаются от него только обстоятельственными дифференциальными семами: *derloyfn* 'добежать' (дополнительная сема <быстро>), *derforn* 'доехать' (дифференциальная сема <при помощи механических средств передвижения>) и т. д.

В свою очередь под **контекстной реализацией** следует понимать проявление и функционирование глагола в конкретном высказывании; и здесь мы говорим о собственно **ситуации** и собственно **концепте ситуации** (в рамках когнитивно-семантического класса префиксальных глаголов) и **контекстной ситуатеме** (применительно к конкретному префиксальному глаголу в конкретном высказывании).

Методологическими основами проведенного когнитивно-семантического исследования префиксальных глаголов языка идиш послужили:

а) с одной стороны, представление о двух уровнях семантики языкового знака в отношении к его денотату в том смысле, в котором это было изложено в работе «Смысл и денотат» Г. Фреге [16];

б) с другой стороны, теория полиситуативности Н. Б. Лебедевой [4].

При этом терминологическое соответствие в связи с вышеизложенным получается следующее:

– фрегевский *Bedeutung* (нем. 'значение'), или денотат – это в нашей терминологии, во-первых, ситуация как предикативный денотат, и во-вторых, любой другой денотат, или «вещь, данная нам в ощущениях» [16, с. 29] (цитата в переводе Е. Э. Разлоговой [9]), как референт языковой единицы, посредством которой он актуализируется в высказывании;

– *Sinn* (нем. 'смысл'), или смысл Г. Фреге – это концепт ситуации, который можно также назвать «концептом денотата» [8], то есть «...то, в чем состоит способ обозначения» [16, с. 26] данного денотата данным знаком;

– то, что Г. Фреге именует *Vorstellung* (нем. 'представление'), или представлением, соотносится, в нашем понимании, с ситуатемой, которую, следуя дальнейшим посылкам Г. Фреге, можно обозначить как «...внутренний образ, возникший... на основе... впечатлений об этой вещи (*то есть денотате*. – К. Ш.), а также в результате... деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью» [16, с. 29] (цитата в переводе Е. Э. Разлоговой [9]);

– Н. Б. Лебедева рассматривает ситуатему как «...особую структуру, состоящую из комплекса *ситуаций* (*курсив наш*. – К. Ш.), имеющих статус как конвенциональных, так и имплицативных элементов плана содержания глагольной единицы» [4, с. 43]; мы же предлагаем называть данные ситуации в составе ситуатемы микроситуациями.

Новизна исследования, таким образом, заключается в применении данных идей к префиксальным глаголам языка идиш, что делается впервые, и во включении идишистики, которая до сих пор достаточно замкнута в себе, в парадигму современных лингвистических исследований.

Проиллюстрируем вышеизложенное на примере идишских глаголов с префиксом *on-*.

2. Глаголы с префиксом *on-*

Одна из выделяемых нами групп идишских глаголов с префиксом *on-* – это глаголы, концептуализующие ситуацию как «контакт денотатов». Такая концептуализация обусловлена происхождением префикса из средневерхненемецкого предлога-наречия *an[e]*, где он имел значение 'рядом' [15, с. 34; 17, с. 5].

2.1. Номинативная реализация

Префиксальные глаголы данной группы описывают типовую ситуацию физического или абстрактного контакта денотатов. «Контакт» при этом понимается не как непосредственное соприкосновение, но в одном из смыслов латинского глагола *contingo* 'быть смежным; иметь отношение', то есть как «нахождение денотатов рядом, или вблизи друг друга», в том числе в абстрактном смысле.

Типовой концепт ситуации, который моделирует-ся за счет взаимодействия производящей основы с префиксом *оп-*, симметричен или изоморфно симметричен ситуации и может быть представлен в виде следующей схемы:

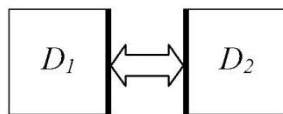

Схема 2. Симметричный типовой концепт ситуации «Контакт денотатов»

где: а) прямоугольники и D – денотат; б) двусторонняя стрелка и жирные стороны прямоугольников – зона контакта денотатов.

Одним из классов данной группы являются префиксальные глаголы с *оп-*, описывающие приближение субъекта к наблюдателю. К этому классу глаголы относятся на основании следующих признаков:

а) ситуация: субъект движется, приближаясь к наблюдателю, при этом приближение может быть как физически конкретным, в том числе самостоятельным или квазисамостоятельным, так и абстрактным;

б) концепт ситуации отличается от типового концепта однонаправленностью контакта от субъекта к

наблюдателю и может быть представлен следующей схемой:

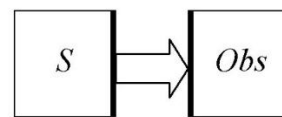

Схема 3. Симметричный типовой концепт ситуации «Однонаправленный контакт от субъекта к наблюдателю»

где: а) S – субъект; б) Obs – наблюдатель; в) стрелка – путь приближения субъекта к наблюдателю (см. также пояснения к схеме 2).

Необходимо также отметить, что ситуация данными глаголами концептуализуется всегда симметрично, в том числе изоморфно симметрично, поэтому асимметричные концептуализации, описанные в ряде других наших статей (см., например: [5; 12; 13; 14]), здесь не рассматриваются;

в) типовая ситуатема: префикс *оп-* для описания ситуаций приближения субъекта к наблюдателю комбинируется с глаголами движения, и в качестве репрезентанта здесь выступает глагол *onkumen* 'прибывать/приходить/приезжать'; типовая ситуатема может быть представлена в следующем виде:

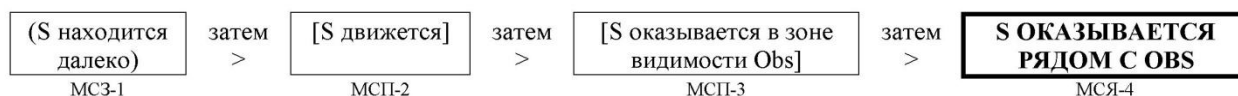

Схема 4. Типовая ситуатема репрезентанта *onkumen* 'прибывать'

В данной схеме: а) прямоугольники обозначают МС; б) > и цифровые индексы – хронологию МС (см. также пояснения к схеме 3).

Типовая ситуатема глагола-репрезентанта *onkumen* представляет собой ретроспективный комплекс четырех МС, где:

– ядерной МС (которая называется самой главной лексемой);

– предшествуют две периферийные МС, называемые производящим глаголом *kumen* 'приходить, приезжать', то есть «двигаться» и «оказываться в зоне видимости наблюдателя», а также

– закадровая МС, выводимая на уровне микросемантического анализа и также на основе пресуппозиционных сведений о мире (что приближение совершается из некоего далека).

Здесь следует подчеркнуть свойство субъективной нелимитированности ситуатемы, особенно типовой. Так, в рассмотренной ситуатеме между МСЗ-1 и МСП-2 возможно усмотреть, например:

– целевой компонент: МСЗ «субъект решил приблизиться к наблюдателю»,

– синхронную с целевой каузальную МСЗ «чтобы сделать нечто» и

– обусловленную ими хронологически последующую МСЗ: например, «субъект сел в поезд».

Потенциально неограниченная, но уже сверхдальняя – субъективная и при этом потенциальная – ретроспекция/проспекция пресуппозиционально обусловленных МСЗ – это так называемые «возможные миры», когда «прошлое и будущее может иметь вероятностный характер» и «каждый возможный вариант развития событий существует в «своем» мире...», то есть «...«веер» вариантов образует «панораму возможных миров» [4, с. 22; 10].

Ретроспективные возможные миры, связанные с ситуациями, которые обозначаются префиксальными глаголами данного класса, как показывает анализ, всегда характеризуются более или менее продолжительным ожиданием.

2.2. Контекстные реализации

К когнитивно-семантическому классу глаголов, обозначающих приближение субъекта к наблюдателю, относятся, наряду с *onkumen*, также *onform* 'приехать', *onloyn* 'прибежать', *onrukn zikh* 'приблизиться', например:

(1) *onform* 'приехать': *es hot nisht gedoyert keyn minut, iz ongeform a tramvay (S/Obj) un hot zikh opgeshtelt* [19, с. 162]. 'Не прошло и минуты, как подъехал трамвай и остановился'.

(2) *onrukn zikh* 'приблизиться': di nakht (S/Imm) *rukt zikh on neenter un neenter...* 18, с. 62]. 'Ночь приближается все ближе и ближе...'.
 В вышеприведенных примерах префикс *on-* выступает при производящих глаголах движения: *for* 'ехать' – «двигаться при помощи специальных средств передвижения» (квазисамостоятельное приближение трамвая), и *rukn zikh* 'двигаться' «перемещаться в сто-

рону кого-либо или чего-либо» (абстрактно-пространственное приближение ночи), причем оба префиксальных глагола концептуализуют ситуации изоморфно-симметрично как «самостоятельное приближение». В приведенных предложениях наблюдатель выражен лишь имплицитно.

Контекстные ситуатемы глаголов *onfor* и *onrukn zikh* можно представить следующими схемами.

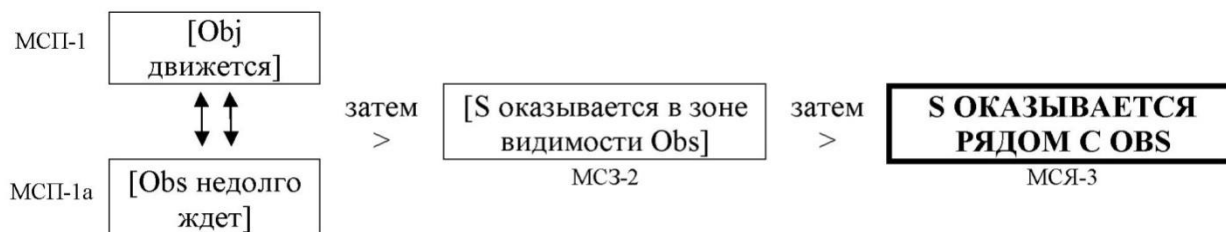

Схема 5. Контекстная ситуатема глагола *onfor* 'приехать'

Схема 6. Контекстная интроспективная ситуатема глагола *onrukn zikh* 'приблизиться'

В данных схемах: а) *Obj* – предмет; б) *Imm* – имминент (см. также пояснения к схемам 3 и 4).

Если сравнить типовую ситуатему (схема 4) с двумя последними, то очевидны следующие различия:

а) контекстная ситуатема префиксального глагола *onfor*, с одной стороны, также является ретроспективной с четырьмя МС, однако, с другой стороны, в контекстной ситуатеме:

– исчезает возможный мир МСЗ «субъект находится далеко», поскольку он снимается первым простым предложением (в составе сложноподчиненного) *es hot nisht gedoyert keyn minut* 'не прошло и минуты', которое сообщает, что в данной ситуации предмет находился недалеко, будучи при этом в движении, которое называется производящим глаголом *for* 'ехать';

– появляется дополнительная МСП-1а «наблюдатель недолго ждет», которая вычленяется также за счет первого простого предложения и являющаяся синхронной с МСП-1; тем самым это еще раз подтверждает то, что «в высказывании устанавливаются отношения между словами (и другими языковыми единицами. – К. Ш.)... представляющими отдельные вещи и явления, но обнаруживающими их истинную природу только на уровне высказывания, в структуре которого реализуются условия для выражения объективных закономерностей взаимосвязей реальных вещей и явлений» [3, с. 8];

б) контекстная ситуатема префиксального глагола *onrukn zikh*:

– конституируется тремя МС: в ней, в отличие от ситуатемы типовой, происходит перераспределение ранга микроситуаций: МС «субъект оказывается в

зоне видимости» становится ядерной; это связано с субстанциально временной компонентой ситуации, так как наступление имминента «ночь» (референт существительного *nakht*) состоится в ближайшем будущем;

– при этом синхронность с временем наблюдения неотвратима, что превращает возможный мир МСП-3 «имминент становится синхронен с наблюдателем» в мир обязательный;

– подобные контекстные ситуатемы будут с любым существительным-имминентом (типа *yontev* 'праздник' или *toyt* 'смерть') при глаголах *onrukn zikh* или *onkumen* при обозначении ими предстоящего события, и с точки зрения таксисных отношений их следует считать интроспективными, так ядерная МС направлена сама на себя, на «сокращение временного расстояния между имминентом и наблюдателем». Кроме того, интроспекция и понижение ранга МС «наступление события» до периферийной будет наблюдаться и с вышеприведенными префиксальными глаголами в их конкретно- и абстрактно-пространственном употреблении, если событие описывается высказыванием как предстоящее.

МС «имминент синхронен с наблюдателем» станет, однако, ядерной, а ситуатема проспективной, если ситуация в целом будет представлена как свершившийся факт, для чего требуется не грамматическое настоящее (как в примере (2)) или будущее время, а прошедшее, например:

(3) *s'hot zikh ongerukt die nakht* [7, с. 263]. 'Надвинулась ночь' [7, с. 263].

Схема 7. Контекстная проспективная ситуатема глагола *onrukn zikh* 'приблизиться'

Корреляция ситуации, концепта ситуации и ситуатемы глаголов когнитивно-семантического класса «Приближение субъекта к наблюдателю» представим в табличном виде.

Таблица

Корреляция ситуации, концепта ситуации и ситуатемы

Пример	Ситуация	Концепт ситуации	Ситуатема
Репрезентант	(Квази) самостоятельное/абстрактное приближение субъекта к наблюдателю	(Изоморфно) симметричный: контакт денотатов	Ретроспективная с 4МС: (Квази) самостоятельное/абстрактное приближение субъекта издали и появление рядом с наблюдателем
(1)		(Изоморфно) симметричный: односторонний контакт от субъекта к наблюдателю	Ретроспективная с 4МС: квазисамостоятельное приближение предмета издали и его появление рядом с наблюдателем
(2)			Интроспективная с 3 МС: временное приближение имминента к наблюдателю
(3)			Проспективная с 3 МС: временное приближение имминента к наблюдателю

Концепт ситуации на когнитивно-семантическом макроуровне и ситуатема на когнитивно-семантическом микроуровне являются глубинными уточнителями значения описывающего объективно-денотативную ситуацию префиксального глагола, которое напрямую соотносится лишь с ядерной МС:

а) ситуация и ситуатема характеризуются общим компонентом «приближение», но различием приближения самостоятельного (одушевленных субъектов), квазисамостоятельного (неодушевленных субъектов) и абстрактного, в том числе абстрактно-пространственного или временного (абстрактных субъектов);

б) на когнитивно-семантическом макроуровне ситуация приближения симметрично и изоморфно-симметрично концептуализуется:

– глаголом-репрезентантом как «контакт денотатов»;

– в контекстах как «односторонний контакт от субъекта к наблюдателю»;

в) на уровне ситуатемы:

– глагола-репрезентанта и глаголов, называющих самостоятельное или квазисамостоятельное приближение, проявляется дополнительный компонент «издали»;

– типовая ситуатема и контекстные ситуатемы глаголов, называющих самостоятельное или квазисамостоятельное приближение, являются ретроспективными с четырьмя МС, а контекстные ситуатемы глаголов, называющих временное, то есть абстрактно-пространственное приближение, интроспективными или проспективными с тремя МС.

Ключевые заключения, которые мы делаем или в очередной раз подтверждаем, состоят в следующем:

а) ситуация как предикативный денотат отражается языком, в том числе идишем, симметрично, изоморфно симметрично или асимметрично;

б) концепт ситуации как обобщенно-абстрагированный способ наивно-языковой репрезентации ситуации может находиться с ситуацией в отношении симметрии или асимметрии. При этом необходимо иметь в виду, что концепты ситуаций, во-первых, неочевидны и определяются методом исследовательской интуиции исходя из диахронических данных, применительно к идишу: из исконного значения префикса в средневерхненемецком языке-основе и в адстратных славянских языках. Во-вторых, концепты относительно, их не следует абсолютизировать и делать на этом основании выводы, что именно так (а не иначе) носители языка и видят мир, особенно когда речь идет об асимметричной концептуализации ситуации, поскольку, с одной стороны, «включение» той или иной лексической единицы из одного из диалектов в литературный язык – дело нередко довольно случайное. С другой же стороны, глагольная префиксация – явление системное, и проанализированный материал подтверждает эту системность и тем самым возможность выделения когнитивно-семантического макроуровня симметричного/ассимметричного концепта ситуации;

в) ситуатема как единица плана содержания, отражающая динамическую полиситуативную денотативную структуру нелимитируемого типа, и (в отличие от абстрагированного концепта ситуации) как

единица конкретная позволяет исследовать и показать, что при взаимодействии производящей основы глагола с префиксом имеет место так называемая неаддитивность значений компонентов и – всегда – воз-

никновение смысла, который включает в себя несколько микроситуаций, связанных между собой различными таксисными отношениями.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Гос. изд. иностр. литературы, 1961. 394 с.
2. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 299 с.
3. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 159 с.
4. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд. Томского ун-та, 1999. 262 с.
5. Мельник Е. А., Шишигин К. А. Семантико-когнитивные характеристики глаголов с префиксом *unter-* в языке идиш // Гуманитарный вектор. Чита, 2011. № 4(28). С. 102 – 106.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Русско-еврейский (идиш) словарь / под ред. М. А. Шапиро и др. М.: Русский язык, 1989. 720 с.
8. Успенский В. А. К публикации статьи Г. Фреге «Смысл и денотат». Режим доступа: http://lpcs.math.msu.-su/~uspensky/journals/sio/35/35_15FREGE.pdf (дата обращения: 17.10.2014).
9. Фреге Г. Смысл и денотат. Режим доступа: http://lpcs.math.msu.-su/~uspensky/journals/sio/35/35_15FREGE.pdf (дата обращения: 17.10.2014).
10. Хинтика Я. В защиту невозможных возможных миров // Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 228 – 242.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001. 238 с. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 17.10.2014).
12. Шишигин К. А. Глаголы с префиксом *avek-* в языке идиш: когнитивно-семантическая классификация // Вестник КемГУ. 2013. Вып. 2(54). Т. 2. С. 195 – 199.
13. Шишигин К. А. Ситуация и концептуализация ситуации высказыванием (на примере префиксальных глаголов языка идиш) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10(28). С. 204 – 207.
14. Шишигин К. А. Генезис глагольно-префиксальной системы языка идиш: экстралингвистические факторы и интралингвистические тенденции // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2014. № 3(29). С. 74 – 91.
15. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2001. 960 p.
16. Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. NF 100.
17. Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Stuttgart: Hirzel, 1992. 516 p.
18. Sholem-Aleykhem. Ale verk fun Sholem-Aleykhem. Band 8. Nyu York: Morgn Frayhayt, 1937. 231 p.
19. Sholem-Aleykhem. Motl Peyse dem khazns. Yerusholaim: Magnes pres, 1997. 366 p.

Информация об авторе:

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии КемГУ, schischigin-ka@rambler.ru.

Kyryll A. Shishigin – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of German Philology Department, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ю. В. Бельская

AXIOLOGICAL GROUNDS OF CONCEPTUALIZING THE MODEL OF THE HUMAN IN ECONOMIC THEORY

Yu. V. Belskaya

В статье представлено обоснование актуальности изучения аксиологических оснований концептуализации моделей человека в экономической теории. Раскрыто содержание этических норм в экономической теории. Произведена реконструкция модели экономического человека на основании выделения этических норм на примере трудов М. Вебера.

The paper presents the rationale for the relevance of studying axiological grounds of conceptualizing the model of the human in economic theory. It reveals the content of ethical norms in economic theory. The reconstruction of the model of the economic person based on the identification of ethical norms in M. Weber's works is carried out.

Ключевые слова: модели человека в экономической теории, этические нормы, ценности, нормативная и позитивная наука.

Keywords: models of the human in economic theory, ethical norms, values, normative and positive science.

На протяжении всей истории своего развития экономическая наука пыталась найти свое место в системе научного знания. С одной стороны, экономическая наука воспроизводила образцы научности натуралистической исследовательской программы, тем самым приближаясь к естественнонаучным дисциплинам. С другой стороны, изучение экономических явлений в контексте их социальной природы и культурно-исторического развития определяло место экономической науки в ряду социально-гуманитарных дисциплин. Использование образцов научности естественнонаучных дисциплин для решения экономических задач осуществляется в рамках позитивного подхода в экономике, а изучение экономических явлений с учетом их социально-культурной обусловленности – в рамках нормативного подхода. Нормативный подход в экономике допускает включение нормативных элементов в описание и объяснение экономических явлений в рамках теорий. Нормативные элементы теории – это утверждения, которые не подвергаются анализу и не требуют доказательств. В экономической теории чаще всего такими нормативными элементами выступают этические нормы, а также ценности как предельные основания актов сознания и поведения людей.

Следует отметить, что соотношение практик использования нормативного и позитивного подходов в рамках экономической теории – тема, которая продолжает сохранять свою актуальность и в настоящее время. Проблемы хозяйства и нравственности, нормативного и позитивного подходов возникли, по существу, вместе со становлением экономической науки как самостоятельной научной дисциплины, приобретающей в отдельные периоды ее истории особую актуальность и значимость.

Одним из ключевых теоретических концептов экономической теории является представление о человеке и его поведении в сфере экономических отношений. Анализ столь сложной системы, какой является человек, невозможен без некоторых абстракций, упрощающих предпосылок, т. е. без построения некой концепции человека и модели его поведения. Считается, что модель человека в экономической теории – это некий набор предпосылок, предположений в отношении поведения субъекта в сфере экономики. Модель человека – это инструмент анализа, аналитическая схема, сложившаяся на исследовательских конвенциях, а не комплекс наблюдаемых поведенческих характеристик реального человека. Как и любая модель, модель человека в экономической теории есть представитель класса моделируемых объектов. Однако, это не просто представитель, он отличается наиболее последовательной и выразительной презентацией специфических характеристик своего класса.

По мнению российского исследователя истории экономической мысли В. Автономова, модель человека в экономической науке играет большую роль, чем другие модели: она отражает научную парадигму, образ мышления и теоретические рамки, в которых формулируются законы, обобщения и прогнозы [1]. Во-первых, принимаемая исследователем модель человеческого поведения заранее задает границы, в которых предсказания модели будут верны, т. е. в случае, если будут приняты другие предпосылки о поведении, эти предсказания, скорее всего, окажутся ошибочными. Во-вторых, модель человека отражает представление исследователя о функционировании общества и целях экономической политики. В-третьих, модель человека всегда отражает идеологический и мировоззренческий контекст своего времени, господ-

ствующих социально-философских теорий [5, с. 9 – 10].

Модель поведения человека является значимым компонентом любого исследования, которое так или иначе связано с описанием и объяснением поведения человека. Особенность статуса модели человека в экономической теории как в случае нормативного, так и в случае позитивного исследования состоит в том, что она, как правило, не подвергается проверке. Таким образом, в модели человека в экономической теории имплицитно присутствуют нормативные элементы, задающие аксиологические основания такого конструирования. Характер и содержательное наполнение этих нормативных элементов может быть различным в зависимости от исторического периода, социально-культурного контекста и позиции автора.

Именно специфический предмет экономической науки в ее связи экономических фактов с деятельным субъектом сближает экономическую проблематику с этической, о чем неоднократно писалось в рамках теорий экономической этики [9; 10; 14]. Любое рациональное волевое действие имеет этическое содержание, поскольку непосредственно связано с оценивающим сознанием. Оно направлено на реализацию целей, которые всегда для субъекта имеют ценностное значение. Таким образом, действуя, человек реализует свои представления о должном и не должном.

Рассуждения И. Г. Чаплиной о природе оценочных суждений позволили ей выделить ряд норм, которые встречаются в экономических теориях [15, с. 40]. Одним из видов норм являются этические нормы. Этот вид норм непосредственно относится к области этики. Представляется, что если поведение человека в его модели задается как целенаправленное, т. е. является сознательным стремлением человека к определенной цели, и выбор цели в той или иной степени свободен, возникает широкое поле для этической оценки осуществленного выбора. В модели человека можно оценивать как достоинство (ценность) выбранных целей, так и достоинство (соответствие) средств в их достижении к целям. Даже если теоретик в области экономической теории старается избежать осознанных этических оценок в отношении тех целей, которые преследуют моделируемые им экономические агенты, это не решает проблему полностью. Сам предмет исследования в силу его связи с интересами людей оказывается неизбежно пропитанным ценностными понятиями. Любой экономический факт, любая выявленная экономическая закономерность изначально являются частью жизненного культурного пространства теоретика-исследователя, а потому они изначально несут в себе культурное, ценностное значение. Можно выделить несколько «путей», по которым этические ценности проникают в экономический анализ. Во-первых, сам теоретик, исследуя предмет, столь непосредственно связанный с ценностями, вряд ли в состоянии полностью абстрагироваться от своих этических воззрений. Этические воззрения предстают как априорные формы познания социальной действительности, подобно категориям времени и пространства в познании материального мира [12]. Во-вторых, этика формирует теоретические ограничения, в рамках которых действует ученый. В первую очередь это

проявляется в выборе проблематики исследования, в выборе того, что заслуживает разработки. Наконец, даже если сам автор старается избежать этических выводов относительно того или иного экономического явления, его исследование неизбежно попадает в ценностное пространство общественного мнения.

Этические нормы также связаны с понятием ценности. «Ценность», подобно «истине», «разуму», «человеку», «культуре», по-видимому, никогда не будет определена исчерпывающим образом. Однако понимание этого обстоятельства не должно препятствовать созданию рабочих понятий, отвечающих необходимости решения современных проблем. Под ценностью можно понимать предельное нормативное основание актов сознания и поведения людей [13, с. 113]. Базой для аксиологии признается проблема возможности существования ценностей в структуре бытия в целом и их связи с предметной реальностью. Человек соизмеряет свое поведение с нормой, идеалом, целью, выступающими в качестве образца, эталона. Понятие «добро» и «зло», «прекрасное» и «безобразное», «благо» и «не благо» могут быть названы ценностями. В свою очередь, связанные с ними взгляды, убеждения людей – ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, принято называть ценностными [7, с. 12]. Другими словами, ценность – это ключевая форма отражения бытия, она же – ключевая форма всей человеческой деятельности. «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [8, с. 7]. Именно ценности порождают деятельность, лежат в основе ее разворачивания, соотносят итог с началом и определяют ее оценку [7, с. 77]. Таким образом, ценности представляют собой интеграл культуры, общества и человека. Благодаря ценностям можно познать целостный характер конкретного исторического типа культуры, общества, хозяйства и человека.

Подробнее об этом писал М. Вебер, указывая на то, что все явления общественной жизни относятся к области культуры, их значимость определяется теми культурными ценностями, которые приняты в обществе. Существо философско-гносеологических воззрений автора связано с признанием им неокантианского разделения «наук о природе» и «наук о культуре». Оно основывается у Вебера на том, что познаваемость социальной действительности обусловлена, в отличие от природной реальности, тем, что она сводится к человеческому поведению, которое, в свою очередь, основано на сознательных мотивах, доступных пониманию других людей. Сущность научной методологии, получившей название «понимающей социологии», заключается в том, что исследователь, исходя из конкретного знания отдельных процессов, институтов, событий приходит к более глубокому духовному пониманию их культурной обусловленности и значимости [2, с. 59]. В связи с этим М. Вебер сосредотачивает внимание на исследовании ценностной (религиозной) детерминации исторического развития, поскольку именно оно дает объяснение «по-

нятных» мотивов поведения. Как подчеркивает Ю. Н. Давыдов, исторический процесс постигается Вебером под углом зрения социального действия индивида и его решающих мотивов. Глубинной же основой мотивации является мировоззрение и вопрос о смысле жизни, решение, которого определяется религиозной верой [6, с. 150 – 151]. Религия у Вебера выступает как единая органическая система ценностей и смыслов, мотивирующая и оправдывающая поведение людей. Таким образом, рассматриваемые Вебером религиозные картины мира – индо-буддийская, конфуцианская, иудео-христианская – представляют собой «три способа отношения к «миру», заключающиеся в себе соответствующую установку, предопределяющую направленность (жизне)деятельности людей, вектор их социального действия... В каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий «образ» и «стиль жизни» людей» [6, с. 762]. Понятие религиозного спасения является основной категорией веберовской социологии религии и служит отправной точкой анализа влияния религии на хозяйственную этику [7, С. 37].

Таким образом, именно в представлении о спасении выявляются принятые в данном религиозно-культурном комплексе общие представления о нормах и правилах отношений индивида к внешнему миру, об основных направлениях и пределах его активности, о содержании и ценностной иерархии жизненных ожиданий. В этом своем аспекте религиозное спасение представляет собой самобытное направление рационализации жизненного поведения индивида. В зависимости от конкретного направления такой рационализации и находится, по Веберу, способность религиозной системы порождать хозяйственную этику, присущую тому или иному обществу. В своей знаменитой «Протестантской этике» при решении вопроса о генезисе западной цивилизации Вебер устанавливает соотношение между сферами социального бытия, концентрируя внимание на обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью». Иллюстрацией этой обусловленности должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма [3, с. 38]. На Западе сложилась уникальная система духовного производства, которую Вебер назвал «духом капитализма», включающим не только рациональную производственную этику, но и рациональный строй жизненного поведения в целом в качестве ее главной предпосылки, органичную духовно-нравственную ориентацию на служение Богу в миру, которая была задана этикой аскетического протестантизма. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) Вебер обосновал противоположность капитализма и всех некапиталистических, или, как он их называл, традиционных институтов и ценностных ориентаций. Он писал: «Первым противником, с которым пришлось столкнуться «духу» капитализма и который являл собой определенный

стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в «этическом» обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом» [3, с. 68]. Под традиционализмом немецкий социолог понимает такой тип мышления, при котором человек «по своей природе не склонен зарабатывать деньги» [4, с. 81], все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Подобные установки прямо противоположны иному типу мышления, для которого характерны рассмотрение «приобретательства» как способа удовлетворения материальных потребностей, отказ от радостей жизни и мирских благ, это есть «систематическое и рациональное стремление к прибыли в рамках своей профессии» [2, с. 85]. Модель человека в сфере экономических отношений у Вебера складывается из таких качеств, как упорство, умеренность и преданность своему делу. Перед нами предприниматель «нового стиля», целью жизни которого является труд, это своеобразный идеальный тип, для которого характерен отказ от показной роскоши, расточительства, он скромнен и сдержан, ему свойственна своеобразная «аскетическая направленность». Таким образом, для капитализма столь же неприемлемы недисциплинированные, несознательные рабочие, как и откровенно беззастенчивые в своей склонности к наживе дельцы [11, с. 79].

Такое представление свидетельствует о том, что веберовскому предпринимателю деньги нужны не только и не столько для себя, они не являются предметом мечтаний экономического человека, им движет не стремление к личной выгоде как таковой. Выполнение профессионального долга как угодное Богу поведение – вот что является основной причиной деятельности протестантского предпринимателя, его поступки нацелены на преобразование окружающего его «социального космоса» [4, с. 146].

Концептуальная реконструкция модели человека в сфере экономических отношений в учении М. Вебера демонстрирует высокую значимость этической и нравственной наполненности поведения человека. М. Вебер в своей теории дает не только оценку целей достигаемых в процессе экономического поведения человека, а также и средств их достижения. Этические нормы, определяющие поведение человека в сфере экономических отношений, задаются этикой протестантизма как основной нормативной теорией, регулирующей все сферы социальной жизни человека.

В связи с этим представляется актуальным выделение аксиологических оснований концептуализации моделей человека в трудах отдельных ученых на разных этапах развития экономической теории. Сопоставление и сравнительный анализ выделенных аксиологических оснований конструирования моделей человека в сфере экономических отношений позволит дать оценку динамики их трансформации и сделать прогноз их дальнейшего изменения.

Литература

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 152 с.
2. Вебер М. Исследования по методологии науки. Ч. 2. М., 1980.

3. Вебер М. Методология истории (Протестантская этика). Вып. 1, 2. М., 1985
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Галочкин И. В. Модель человека в современной экономической теории. М.: Линкор, 2009. 284 с.
6. Давыдов Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // Вебер М. Избранные произведения; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
7. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
8. Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с.
9. Жид Ш., Рист. Ш. История экономических учений: пер. с фр.; предисл. Я. И. Кузьминова. М.: Экономика, 1995. 544 с.
10. Козловски П. Принципы этической экономии. СПб.: Экономическая школа, 1999. 344 с. (Этическая экономия: Исследования по этике, культуре и философии хозяйства; вып. 7).
11. Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997. 208 с.
12. Мизес Л. Фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 878 с.
13. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. 292 с.
14. Сен А. Об этике и экономике / пер. с англ. М.: Наука, 1996. 160 с.
15. Чаплина И. Г., Болдарев И. А., Чусов А. В., Флоров И. Э., Кошовец О. Б., Орехов А. М., Ананьин О. И. Виды экономических норм и ценностная нагруженность экономического знания // Философские проблемы экономической науки. М.: Институт экономики РАН, 2009. 210 с.

Информация об авторе:

Бельская Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, belskaya.73@mail.ru.

Yuliya V. Belskaya – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Social and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2014 г.

УДК 1:316.33

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Э. М. Думнова

MENTAL SPACE TRANSFORMATION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY'S YOUTH

E. M. Dumnova

В статье представлен социально-философский анализ проблемы формирования и развития ментального пространства современной российской молодежи. Выявляются основные факторы-детерминанты трансформации ментального пространства молодежи и их диалектика, обусловленные ими тенденции изменения качественных и количественных характеристик ментального пространства. Рассматривается структура ментального пространства с позиции функционирования и взаимодействия его основных компонентов: менталитета, ментальностей и идентичностей. Проводится анализ процесса формирования новых типов идентичностей с позиций выявления их причин и последствий. Устанавливается взаимосвязь между спецификой ментальных структур молодежи и формированием тех или иных типов ее идентичностей, в частности, национальной, социальной, транснациональной, социопространственной. Автор рассматривает механизмы формирования разных типов идентичностей, их взаимосвязи и взаимозависимость. Раскрываются причины формирования новых типов идентичности и их значимости с точки зрения влияния на ментальное пространство молодежи.

В целом статья содержит выводы относительно специфики механизмов трансформации ментального пространства молодежи в условиях транзитивного и стабильного общества.

The paper presents a socio-philosophical analysis of the problem of formation and development of the contemporary Russian youth's mental space. The main factors, determining the youth's mental space transformation, their dialectics, tendencies of qualitative and quantitative mental space changes are revealed. Mental space structure is examined in terms of functioning and interaction of its main components: mentality, mindsets and identities. The analysis of new identity types formation is being done, revealing causes and consequences. Interrelation between peculiarities of the youth's mental structures and identity types (e.g. national, social, transnational and socio-spatial ones) formation is es-

established. The author investigates the mechanisms of various types of identity formation, their interrelation and interdependence. Causes of new identity types formation and their importance with respect to influencing the youth mental space are revealed.

The paper as a whole contains conclusions concerning the specificity of the youth's mental space formation in the circumstances of transitional and stable societies.

Ключевые слова: ментальное пространство, ментальность молодежи, национальная идентичность, социальная идентичность, транснациональная идентичность, ментальные структуры.

Keywords: mental space, youth mindset, national identity, social identity, transnational identity, mental structures.

В условиях транзитивности и неустойчивости социальной системы актуализируется проблема трансформации ментального пространства в целом и, в частности, ментального пространства молодежи. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, молодежь является перспективной социально-демографической общностью, которая, приобретая стабильный социальный статус, вливается в общество в новом качестве, привнося при этом свои ментальные характеристики. Во-вторых, молодежь в силу лабильности ее сознания испытывает наибольшее воздействие со стороны социальной среды, под влиянием которой происходит постепенное формирование устойчивых образцов группового и индивидуального сознания. В-третьих, удельный вес молодежной общности в структуре современного российского общества велик, вместе с тем дифференциация данной общности и мозаичность ее ментального пространства порождает высокую вероятность негативных социальных последствий как результата взаимодействия разных субъектов молодежной общности на фоне невысокого уровня толерантности. В силу этого исследование ментального пространства молодежи обретает не только теоретическую, а также практическую значимость, поскольку предполагает выявление основных характеристик ментальных структур молодежи, факторов их формирования и трансформации и предотвращения развития негативных тенденций в ее ментальном пространстве.

Проблема формирования ментального пространства молодежи получила глубокую научную разработку в XX – XXI вв. в России и на Западе. В России это, в частности, труды С. Ф. Анисимова, В. С. Боровика, А. Э. Воскобойникова, А. А. Гусейнова, Ю. Д. Железнова, В. Н. Жукова, А. Г. Здравомыслова, И. М. Ильинского, Н. С. Кожеуровой и др.

Изучение данной проблематики получило широкое отражение в работах современных западных исследователей, в их числе: К. Казмерска, Я. Кучинский, А. Пиотровский, К. Ванек, Д. М. Розенталь, А. Тарговский, Ч. Фуллер, У. Гастон, Т. О'Коннор, Дж. Д. Джейкобс, П. Нордхоф, Дж. Карри, К. Стерельный, С. Челси, А. Сергит. Вместе с тем требуют дальнейшего исследования отдельные аспекты проблемы. Цель данной статьи состоит в выявлении факторов динамики ментального пространства современной молодежи и результатов их воздействия.

Термин «ментальное пространство» был введен Фоканье в 90-е гг. XX в. Оно в контексте данной работы представляет собой область функционирования различных ментальных структур (менталитет, индивидуальные и групповые ментальности), а также его результатов, выраженных в формировании разных

типов идентичности. Ментальное пространство молодежи представлено ментальностями ее различных групп и слоев и подвержено трансформации адекватной социально-экономическим, политическим и социокультурным изменениям на конкретном этапе развития общества. Каждому поколению молодежи, сформированному в определенную эпоху, присуще свое специфическое, уникальное своей неповторимостью ментальное пространство, являющееся индикатором социального развития и претерпевающее соответствующие изменения.

Особого исследовательского внимания заслуживает процесс развития ментального пространства молодежи в кризисные периоды, в условиях неравновесности и транзитивности. Постнеклассическая методология предполагает исследование нелинейных процессов и их закономерностей. В частности, с позиции социальной синергетики представляется возможным обоснование динамики ментальных характеристик современной молодежи следующим образом. Ментальное пространство представляет собой одну из областей функционирования социума и в целом зависит от вектора и механизмов его развития. Также оно может сохранять относительную константность содержания структурных компонентов при условии стабильного развития социальной системы. В случае же вхождения общества в зону стагнации и последующего кризиса ментальные структуры также попадают в зону бифуркации и последующие их флуктуации зависят от наиболее сильного фактора влияния, доминирующего в целом их комплексе. Так, ментальное пространство может пребывать в ситуации неравновесности какой-то период, что, несомненно, дестабилизирует его структуры и их связи. Наличие доминантного экзогенного или эндогенного фактора может в короткий период качественно изменить отдельные ментальные структуры и ментальное пространство в целом.

Социально-философский анализ обозначенной проблемы предполагает использование базовой категории «ментальное пространство» и производных категорий «менталитет», «ментальность», «идентичность». Такое категориальное соотношение объясняется тем, что в рамках единого ментального пространства функционируют менталитет и ментальности, отражающие психосоциальные характеристики разных социальных субъектов. Несмотря на имеющиеся различия, эти два типа ментальных структур имеют общие сходства, одним из которых является результат формирования и функционирования каждой из них, представляющий собой соответствующие типы идентичности.

Ментальное пространство молодежи в современном российском обществе трансформируется под

влиянием широкого круга факторов, объективно обусловленных спецификой социального развития. В связи с этим в контексте исследования необходимо обратить внимание на наиболее значимые из них, определяющие основные векторы его развития.

Во-первых, происходит усложнение структуры общества, приводящее к возникновению новых структурных компонентов. Экономические преобразования конца XX – начале XXI вв. обусловили усиление социальной дифференциации и поляризацию населения по критерию уровня дохода. Последствия этого процесса затронули, в частности, молодежь как социально-демографическую общность. В ее структуре произошли существенные изменения, выраженные в утрате относительной социальной гомогенности молодежи, а также появлению новых групп в составе молодежной общности. Каждая из них отличается своими психосоциальными характеристиками, определяющими содержание групповой ментальности. Вследствие этого ментальное пространство молодежи приобретает новые качественные особенности: полиментальность и поляризованность.

Во-вторых, в процессе демократизации российского общества возникает возможность выбора, во многом связанная с формированием нового набора потребностей и ценностей молодого поколения. При сохранении структуры компонентов ментального пространства наблюдается трансформация их содержания. Таким образом, формируются новые ментальности разных групп молодежи. Они отличаются иным содержанием их структурных компонентов. Следует отметить, что ментальность весьма динамична в силу особенностей ее структуры. Большинство компонентов ментальности представлены на ее внешнем (психосоциальном) уровне, более восприимчивом к внешним воздействиям, в отличие от глубинного (психогенетического) уровня [1].

В-третьих, включенность в процесс глобализации обусловила межкультурную циркуляцию социального опыта и внедрение инокультурных социальных практик в жизнь россиян. Глобализация расширила информационное пространство и сформировала новый тип мышления молодого поколения. Вместе с тем молодое поколение отличается высоким уровнем мобильности. Преодоление пространственных границ и знакомство с другими культурами формирует специфическое мировосприятие и мировоззрение. Сознание современного молодого человека претерпевает становление в условиях неограниченного информационного пространства, включающего как реальную, так и виртуальную составляющие.

В-четвертых, природная среда выступает значимым фактором формирования ментального пространства. Вмешательство человека в природу, ее преобразование привело к трансформации условий быденной жизни человека. В информационном обществе, характеризующемся высокими темпами урбанизации, происходит ослабление связей в системе «человек-природа». Проживание большинства молодежи в урбанизированном пространстве ограничивает их возможность восприятия живой природы и взаимодействия с ней, что приводит к утрате понимания ее ценности в целом и составляющих природы, в частности.

«Созерцательность» как одна из важнейших характеристик русской души, отмеченная И. А. Ильиным, ослабевает [2]. Созданная человеком искусственная среда является сегодня основным источником удовлетворения его потребностей. Как отмечает Г. Маркузе, «...физическая трансформация мира влечет за собой психическую трансформацию его символов, образов и идей» [3, с. 197]. Трансформированная окружающая среда формирует новый предельно рационализированный тип сознания, детерминирующий адекватную ему деятельность, что в комплексе входит в ментальные структуры современного молодого человека. Мы разделяем точку зрения Э. Фромма о том, что «...человек «выпал» из природы и все же еще находится в ней...». Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы единения с природой, окружающими людьми и самим собой выступает источником всех психических сил, которые побуждают человека к деятельности, а также источником всех его страстей, аффектов и страхов» [4, с. 93].

Выделенные факторы трансформации ментальности молодежи и формирования новой ментальности поколения носят весьма противоречивый характер, проецирующийся на содержание новой ментальности.

Ментальные конструкторы в результате их функционирования приводят к формированию идентичностей, которые сообразно первым также претерпевают трансформацию, которая обуславливает в свою очередь возникновение новых их видов.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть иерархию идентичностей, существующих в современном обществе. Термин «идентичность» происходит от позднелатинского (IV в) слова *identitas* – тождество, которое производно от местоимения *idem*, *eadem* – тот же самый, т. е. по-русски *identitas* означает «то же самое», «тождество». Впервые в научный оборот термин «идентичность» ввел Э. Эриксон [8; 9].

Уточняя смысловую нагрузку понятия «идентичность», отметим, что идентичность – это самоидентификация индивида или группы (самосознание), приобретаемое и изменяемое только в группах [5, с. 50]. Идентичности формируются в процессе жизни индивида на базе имеющихся у него ментальных структур. По мнению С. Хантингтона, идентичности представляют собой конструкторы, выстраивающиеся в определенную иерархию. Некоторые виды идентичностей не соподчиняются, а представляют собой альтернативы, соотношение которых изменяется под влиянием факторов внешней среды. Среди многочисленных видов идентичности следует выделить наиболее значимые в контексте современности. К ним относятся национальная и социальная идентичности. Выделяют ряд источников формирования идентичности: аскриптивные, культурные, территориальные, политические, экономические, социальные [5]. Существует две основные концепции формирования национальной идентичности: этническо-расовая, в основе которой лежит аскриптивный источник, и культурная, опирающаяся на культурный источник. Они выступают как альтернативные друг другу, что, на наш взгляд, подлежит сомнению. Менталитет имеет два неразрывно связанных структурных уровня: психогенети-

ческий и психосоциальный, в связи с чем выбор одного из них в качестве источника формирования национальной идентичности и нивелирование значимости другого не представляется возможным. Вследствие этого возможно позиционирование аскриптивного и культурного источников национальной идентичности как комплементарных.

В транзитивном обществе в зависимости от специфики социальных изменений происходит ослабление одних и усиление других источников идентификации, что детерминирует доминирование того или иного типа идентичности. В условиях кризиса, «социальной травмы» [6; 7] национальный менталитет претерпевает трансформацию, сопряженную с размытанием его специфических черт. На этом фоне затрудняется процесс «категоризации», т. е. условное подразделение окружающих на группы «своих» и «чужих», что ведет к затруднению идентификации и в конечном результате к кризису национальной идентичности. В подобных условиях оказалось российское общество в конце XX в. Вместе с тем срабатывает компенсаторный механизм, сохраняющий удовлетворение в потребности идентификации посредством усиления значимости индивидуальной и групповой ментальности, выступающей фундаментом формирования социальной идентичности. Так, индивид, утрачивая национальную идентичность вследствие разного рода деструктивных политических событий, укрепляет свою социальную идентичность посредством наибольшей интегрированности в ту или иную социальную группу.

Формируясь на базе ментальных структур индивида в процессе идентификации, идентичность является основой конструирования социальной реальности и, в свою очередь, причиной трансформации индивидуальной ментальности. В данном контексте исследования ментального пространства молодежи важным представляется возникновение новых видов идентичности, являющихся продуктом глобализованного общества. Как справедливо отмечает С. Хантингтон, «...модернизация..., глобализация привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить ее рамки. ...Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым, религиозным» [5, с. 37]. Данный тезис актуален сегодня и для российского общества, переживающего аналогичные процессы.

Возможность перемещения по всему земному шару исключила локализованность идентичности как неотъемлемое ранее ее свойство для большинства россиян. Жизнь «на две страны» – это веяние современности. Особенно значимой возможностью выбора страны для постоянного проживания или временной профессиональной деятельности представляется для молодежи, что открывает ей новые жизненные перспективы. Выбор новых жизненных стратегий приводит к формированию бинациональной или мультинациональной идентичностей, которые являются промежуточными ступенями в формировании транснациональной идентичности. Следует отметить, что потенциальные носители транснациональной идентичности – это наиболее образованные, высокоинтел-

лектуальные представители российской молодежи, востребованные на рынке труда развитых стран. Так, транснациональная идентичность формируется как альтернатива национальной и является одним из факторов кризиса последней.

В результате новых социальных процессов происходит обновление ментального пространства молодежи. А именно наблюдается усложнение его структуры посредством появления новых компонентов и их противостояния с традиционными. Это приводит к формированию новых механизмов взаимодействия структурных составляющих ментального пространства и его трансформации. Ментальное пространство современной молодежи отличается мозаичностью, выраженной в появлении новых ментальностей, с одной стороны, и расширением набора идентичностей – с другой. Нетрадиционные типы идентичностей, все более характерные для современного мира, формируются посредством выкристаллизации качественно новых характеристик ментальных структур их носителей. Особенно ярким примером этого выступает транснациональная идентичность. Ее субъектом являются определенные диаспоры, не прерывающие связи с родиной и являющиеся носителем того национального менталитета, и при этом проживающие в другой стране в условиях чужой культуры и другого национального менталитета. Вместе с тем необходимость социализации предопределяет процесс интериоризации ряда норм, ценностей, правил, что перманентно трансформирует ментальность индивида, привнося в нее специфический симбиоз содержания социокультурных установок и других ее компонентов. Так происходит формирование синтезированной ментальности, лежащей в основе транснациональной идентичности.

Вместе с тем многие молодые люди рассматривают возможность обучаться или заниматься профессиональной деятельностью за границей с точки зрения приобретения опыта с последующим возвращением на родину. Реализация подобных жизненных стратегий предполагает перенос субъекта транснациональной идентичности и объективацию его синтезированной ментальности в российское социокультурное пространство. В процессе социальных взаимодействий его ментальность объективируется на уровне социальных практик, через которые передаются другие ценности, социокультурные установки, фреймы, стереотипы другим социальным субъектам российской молодежной общности. Таким образом, транснациональная идентичность и ментальность, сформированная в другом социокультурном пространстве, выступают в качестве эндогенного фактора трансформации ментального пространства российской молодежи. Альтернативы национальной идентичности усиливают свои позиции особенно в условиях деидеологизации, ослабления роли религии в обществе и в целом в периоды социальной аномии или транзитивности. Большую значимость тогда приобретает социальная идентичность. Теория социальной идентичности была разработана американскими психологами Х. Тэджфэлом (H. Tajfel) и Дж. Тернером (J. Turner) в 1970-е гг. [10]. Ментальность как основа социальной идентичности сохраняется как вид ментальной струк-

туры независимо от социально-политических преобразований, в отличие от менталитета. При сохранении потребности в самоидентификации в условиях кризиса национальной идентичности и ментального дефицита в периоды кризиса акцент смещается на доминирование социальной идентичности. Она формируется на уровне интегрированности индивида в социальную группу. Социальная идентичность важна для отдельного индивида. Особенностью ее формирования является возможность самосознания индивида только через осознание восприятия его членами группы. В кризисные периоды растет значимость семейной группы и прочих групповых форм межличностного общения.

Рассмотренные выше механизмы трансформации и функционирования ментального пространства применимы к транзитивному обществу. В условиях стабильно развивающегося социума действует иной механизм формирования ментального пространства в целом и ментального пространства молодежи, в частности. В условиях стабильной социосистемы ментальное пространство обладает равновесностью, что выражается в специфике развития его составляющих. Ментальность конкретного субъекта формируется на фоне национального менталитета, задающего основной вектор ее становлению. Параллельно наблюдается равнозначное функционирование обоих видов мен-

тальных структур: менталитета и ментальности. В результате формируются два типа идентичности: национальная и социальная, соответственно. Их дифференциация относительно субъекта идентичности носит скорее теоретический характер. В совокупности наличие двух данных идентичностей приводит к формированию новой сущности, синтезированной идентичности, которую мы обозначаем термином *социопространственная идентичность*. Она совмещает признаки национальной и социальной идентичностей и исключает момент их иерархичности. *Социопространственная идентичность* – это отождествление субъектом себя с определенной нацией, социальной группой, территорией и природно-географическими условиями их развития как с неразрывным целым [1, с. 8].

Таким образом, ментальное пространство современного молодого поколения сложно структурировано и развивается под влиянием комплекса факторов. Итогом функционирования менталитета и ментальностей выступают разные виды идентичностей, соотношение значимости которых зависит от степени константности их основ, т. е. конкретных ментальных структур. Ментальное пространство молодежи представляет собой индикатор результатов развития общества на конкретном историческом этапе.

Литература

1. Думнова Э. М. Менталитет и ментальность в структуре социопространственной идентичности // Идеи и идеалы. 2014. № 2(20). Т. 2.
2. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга-XXI век, 2007. 464с. (Духовное наследие).
3. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 331 с. (Серия: Философия. Психология).
4. Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635с.
6. Штомпка П. Социальные изменения как травма (ст. 1) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6 – 16.
7. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (ст. 2) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3 – 12.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
10. Tajfel H., Turner J. C The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7 – 24.

Информация об авторе:

Думнова Эльнара Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, dumnova79@yandex.ru.

Elnara M. Dumnova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Novosibirsk State Academy of Architecture and Art.

Статья поступила в редколлегию 22.09.2014 г.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОПРОСА О БЫТИИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

А. И. Иваненко

THE RENOVATION OF THE QUESTION OF BEING IN LENINGRAD ONTOLOGICAL SCHOOL

A. I. Ivanenko

Статья посвящена теме Ленинградской онтологической школы и актуальности её наработок для современной онтологии. В числе представителей этой школы рассмотрены В. П. Тугаринов (как основатель), а также П. М. Колычев и В. Н. Сагатовский (как последователи). Выделено проблемное поле Ленинградской онтологической школы: соотношение всеобщего и абстрактного, субстанции и субстрата, а также предмета и отношения. Прослежены параллели между «ренессансом онтологии» в нашей стране и возобновлением вопроса о бытии в западной философии. Отличительной особенностью Ленинградской онтологической школы является «онтологическая триада»: вещь – свойство – отношение. Обращение к наследию Ленинградской онтологической школы создает прочный фундамент для развития онтологии в нашей стране.

This paper is devoted to Leningrad ontological school (LOS). It investigates the actuality of this school for contemporary ontology. LOS is associated with such names as V. P. Tugarinov, P. M. Kolychev and V. N. Sagatovsky. The main questions studied by of LOS were: universal & abstract, substance & substrate, subject & relation. The paper focuses on the relations between renovation of the question of being in Western philosophy and “the Renaissance of ontology” in Russia. LOS maintained the so called “ontological triangle”: thing – quality – relation. It might stimulate philosophical studies in Russia.

Ключевые слов: Ленинградская онтологическая школа, бытие, онтология, онтологическая триада, метафизика, всеобщий предмет, советская философия, абстрактное, предмет, субстанция, субстрат, отношение.

Keywords: Leningrad’s ontological school, being, ontology, ontological triangle, metaphysics, Soviet philosophy, universal subject, abstract, subject, substance, substrate, relation.

Судьба онтологии в XX веке была поистине драматичной. Центральный для этой области знания вопрос о бытии, по его собственному признанию, возобновил Мартин Хайдеггер в работе «Бытие и время» [7, с. 2]. Однако общесторическая ситуация краха и дезинтеграции Германии во Второй мировой войне привели к очередной антиметафизической реакции, связанной с ростом популярности аналитической философии. Известна фраза Альфреда Айера о том, что «метафизики говорят бессмыслицы» [1, с. 71]. Обозначившийся онтологический переворот был погребен «поворотом лингвистическим» (термин Р. Рорти). Однако в недрах аналитической традиции Питер Струсон пытается реабилитировать метафизику, встав в оппозицию к крайностям номинализма [8, р. 231].

Независимо от аналитической традиции и параллельно ей происходила своеобразная «реабилитация метафизики» в советской философии. Разумеется, само слово «метафизика» при этом не использовалось, но процесс во многом был аналогичным. В целом господство в советской философии идей диалектического материализма тормозило развитие онтологии, поскольку диалектика являлась антонимом метафизики и означала по преимуществу метод познания.

Тем не менее в СССР стал возможным своеобразный «ренессанс онтологии» [2, с. 191], решающую роль в котором сыграла «ленинградская онтологическая школа». У её истоков стоял декан философского факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова Василий Петрович Тугаринов (с 1951 по 1958).

Возрождение онтологии начинается с критики антиметафизического «позитивистского уклона» в со-

ветском марксизме, представителей которого Тугаринов называл «конкретизаторами» [6, с. 85]. Почвой для онтологии, по его мнению, является логика, которой для своего нормального функционирования жизненно необходимы предельно общие понятия. Следует также отметить, что сам термин «метафизика» у Тугаринова, как и в целом в философии советского периода, продолжает сохранять негативный смысл.

Первым предельно общим понятием становится закон. Как это так – удивляется он – «законы физики, химии и т. д.» есть, а «закон вообще» [6, с. 85] нет? Это удивление напоминает недоумение Сократа: «Я искал одну добродетель, а нашел целый рой добродетелей».

Пафос этого удивления напрочь утрачен в современном философском контексте, так как абстракция атрибут существования вообще не приписывается, поскольку они отвлечены, абстрагированы от реальных предметов. Тем не менее своя логика у Тугаринова есть. Изучение в отсутствии предмета невозможно. Если «закон» не существует, то изучение законов бессмысленно. Здесь нет софистической уловки, так как существование или факт наличия может иметь несколько онтологических уровней. Из факта существования логического (гносеологического) предмета факт существования онтологического объекта не следует, хотя определенная объективность в логическом предмете все же должна присутствовать.

Для решения этого затруднения Тугаринов обращается к спинозистской метафизической терминологии. Нельзя сказать, что этот ход был беспрецедентным, так как первым к онтологии Спинозы в рамках русского марксизма обращается Г. В. Плеханов. Тем не менее определенный эвристичный потенциал в

этом обращении все же присутствовал. Закон существует не как субстанция или атрибут, но как отношение. Хотя само отношение немислимо без субстанции (онтологического предмета) и атрибутов (свойств).

Выделив онтологическую триаду «предмет – свойство – отношение», Тугаринов обращается к фактору партийности. Идентифицируя себя как материалиста, Тугаринов провозглашает примат субстанции (предмета) над прочими категориями онтологической триады. «Материализм, – полагает он, – необходимо связан с первенством вещей и свойств сравнительно с отношениями» [6, с. 76]. Однако дело здесь не только в партийности, но и в некоторой самоочевидности мышления, поскольку сам по себе идеализм примата субстанции не отвергает. При данном рассуждении, как и у самого Спинозы, оппозиция «материализм – идеализм» теряет свою остроту.

В дальнейшем онтологическая триада превращается в соподчиненную систему из трех групп категорий: субстанциальных (субстратных), атрибутивных и релятивных [6, с. 82 – 83]. Категория бытия относится к первой группе, но определяется через природу как её «внешнее определение». Внутренним определением природы соответственно оказывается материя. Именно здесь Тугаринов делает второй шаг к онтологии, называя привычное для советской философии словарное, ленинское определение материи «гносеологическим» [6, с. 92 – 93].

Материя для Тугаринова оказывается вполне конкретной, так как абстрактными, по его мнению, могут быть только свойства и отношения, но никак не предметы [6, с. 87]. В основе этого рассуждения лежит разграничение всеобщего и абстрактного, которое было актуальным в советской философии в ходе дискуссий о природе (объективности) идеального.

Сократ – человек, поскольку его воспринимали как индивида, имеющего пространственно-временные ограничения. Поэтому Сократ конкретен. Но как быть с человечеством? Что оно: абстракция или «всеобщий предмет»? Данные вопросы вполне укладываются в канву средневекового спора об универсалиях. И мы знаем, что сторонники реальности общих понятий уступили своим противникам, которые заложили основу научного понимания мира.

Допустим человечество представляет собой абстракцию, но на каком основании? Абстрактна ли Древняя Греция, рабовладельческий строй или афинский полис? Сам Сократ – не представлял ли он собой некоторый организм, состоящий из взаимосогласованных клеток и органов? Но ведь подобный организм представляет собой как минимум афинский полис и любая аналогичная социальная организация. Тогда критерием конкретности должна служить именно системность, целостность, т. е. способность выступать как единое целое.

Философский контекст Тугаринова и Ленинградской онтологической школы не позволяли им сделать выбор в пользу номинализма, современной формой которого следует признать аналитическую философию. Если классы выступают в роли субъектов исторического процесса, то они всеобщие по отношению к конкретному человеку, но отнюдь не абстрактны. Согласно марксистской концепции исторического мате-

риализма классы вступают между собой в динамическое взаимодействие в рамках целостности социально-экономической формации. Хотя прежний марксизм в его советском виде уже не является убедительной концепцией, тем не менее востребованными остаются некоторые его идеи – например, концепция Иммануила Валлерстайна, согласно которой, где вся современная буржуазная цивилизация – фактически все человечество – оказываются в рамках единой мир-системной целостности. Таким образом, современное человечество отнюдь не абстрактно.

После краха СССР идеи Ленинградской онтологической школы вызвали споры даже среди философского сообщества Санкт-Петербурга. И здесь дело было не только в приверженности устаревшим идеалам. Ф. Ф. Ваккерев в статье «Идеи и концепции ленинградской онтологической школы» (1997) замечает: «Было бы неверным отождествлять понятия субстанции и субстрата. Такое отождествление происходит, когда субстанция определяется как всеобщая основа явлений, т. е. субстрат. Но, во-первых, не существует универсального субстрата как носителя атрибутов...» [2, с. 197].

Конечно, постулирование или критика существования «универсальной субстанции» или «всеобщему предмету» сродни спорам о существовании Бога, однако ранее мы продемонстрировали, что факт системности природы и общества, равно как и факт их взаимодействия может служить аргументом в пользу наличия целостности более высокого порядка. В онтологии эта целостность вполне укладывается в определение бытия, которое Тугаринов вслед за многими советскими философами отождествлял с материей.

Отношения субстанции и субстрата сложнее. Тугаринов действительно полагал, что эти слова взаимозаменяемые, хотя чаще он все же использовал категорию субстанции. Ваккерев настаивает на том, что понятие субстанции шире субстрата. Данное несогласие можно объяснить изменившимся контекстом. В советские годы господствовал материализм, который по сути редуцировал материю к её физической форме. В результате все многообразие свойств приписывалось по сути вещественному субстрату.

Критика Ваккерова исходит из противопоставления онтологии сущего и онтологии бытия, в различии которых нельзя не заметить влияния фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. С этой позиции возможны ментальные субстанции, предельно противопоставленные вещественному субстрату. Позиция Тугаринова нефеноменологична, хотя из этого, разумеется, не следует её ложность. Впрочем, стоит отметить, что в современной западной философии сформировалась устойчивая тенденция к преодолению субстанциальной онтологии, с которой нельзя не считаться.

В этой связи и под этим углом следует рассмотреть дальнейшую эволюцию Ленинградской (а теперь уже и петербургской) онтологической школы. Поскольку Тугаринов был деканом философского факультета Ленинградского государственного университета, то его идеи оказывали формирование на многих ленинградских, а затем уже и петербургских философам. Многие из них стали плодотворными авторами,

но в контексте заявленной эволюции ленинградской онтологической школы хотелось бы остановиться на двух из них: на Петре Михайловиче Колычеве и Валерии Николаевиче Сагатовском. Первый написал труд под названием «Релятивная онтология» (Санкт-Петербург, 2006), а второй – «Философские категории» (Санкт-Петербург, 2011), где активно разрабатывал понятие «коррелятивной онтологии».

Поставив под сомнение понятие универсального субстрата, последователи Тугаринова не могли не обратить свое внимание на две оставшиеся категории онтологической триады – на свойство и отношение. Скажем, можно сомневаться в существовании Бога как субстанции, но сложно ставить под сомнение существование божественного как приписываемого свойства. Равным образом дело обстоит и с обществом. Выражение «социальная субстанция» выглядит поэтической метафорой, тогда как «социальные отношения» вполне операциональное понятие.

Таким образом, Ленинградская онтологическая школа необходимо должна была подойти к вопросу: «свойство или отношение?». Собственно, работы Колычева и Сагатовского не оставляют сомнения, что выбор был сделан в пользу категории отношения (реляции). Однако поскольку ленинградская онтологическая школа не существовала изолированно в рамках советской философии, то этот вопрос был поднят в споре о природе информации, а также о бытии идеального.

Соответственно, информация, понятая как «мера порядка» (в контексте «теории информации»), является выражением категории отношения. Дальнейшая информатизация и компьютеризация общества в определенной мере предопределила (кор)релятивную онтологию П. М. Колычева и В. Г. Сагатовского.

Впрочем, в советской философии вопрос о природе информации был предметом ожесточенных споров. Информация интерпретировалась не только как порядок, но и как свойство материи. Отсюда два подхода: атрибутивный и функциональный [3, с. 130]. Если сторонники первого подхода, отождествляя информацию с идеальным, настаивали, что она является свойством (атрибутом) всей материи, то их оппоненты утверждали, что информация является «свойством самоорганизующихся систем, которое возникает на уровне жизни» [3, с. 130].

Помимо информатизации общества и распространения системного подхода, преодоление спинозистских категорий субстанции и акциденции было вызвано логикой самого советского марксизма. По сути, марксизм – это не столько онтология, гносеология или этика, сколько социальная философия, в центре внимания которой лежит понятие общества. Популярная цитата Маркса о том, что «бытие определяет сознание», относилась, прежде всего, к общественному бытию, а общественное бытие по определению есть бытие отношений.

Если при разговоре о материи еще можно предположить, что субстанцией или носителями свойств являются некоторые субэлементарные частицы, то при размышлении на тему общества данный ход не действует. Допустим, что общество состоит из сознательных индивидов, а само сознание является «свойством

мозга», тем не менее мы вряд ли согласимся с тезисом о том, что носителем социальных свойств является мозг.

Сам по себе мозг отнюдь не социален. Врожденных идей не существует, а вся т. н. «социальная субстанция» (этико-правовые нормы, духовные традиции и пр.) зиждется на межчеловеческом взаимодействии. Разумеется, общество немислимо без своих носителей – людей. Однако человек не может быть определен как материальный носитель, обладающий свойством социального. Наоборот, в советской марксистской философии сам человек определялся посредством общества – как «совокупность общественных отношений».

Сами общественные отношения в «Кратком философском словаре» 1955 года характеризовались как «отношения между людьми», что приводило к определенной тавтологии, но в целом советский марксизм представлял собой форму социального детерминизма. Иными словами, общество первичнее человека, а человек сам по себе является продуктом и эпифеноменом определенного общества.

Онтологическая триада Тугаринова испытывает определенную инверсию. «Всеобщий предмет» не может мыслиться иначе, чем некоторая целостность, внутри которой действуют определенные отношения. Сагатовский в своей работе «Философские категории» (2011) приводит точку зрения А. И. Умова (1963), согласно которой вещь представляет собой «систему свойств» [5, с. 26]. При том, что система обыкновенно определяется как отношение элементов. Категории свойства и отношения снимаются в категории функции. Впрочем, категория функции не занимала важного места в терминологическом аппарате Ленинградской онтологической школы. Сагатовский даже не посвятил ей отдельной статьи в своем «Философском словаре». Функция занимает подчиненное положение по отношению к некоторому субстрату. Например, в одном из тезисов материализма сознание рассматривается как «функция головного мозга» [3, с. 35].

В этой связи уместна критика Тугаринова Вьяккеревым относительно различения субстанции и субстрата. Всеобщего или универсального субстрата быть не может, ибо это именно элемент системы, её структурное подразделение. И разумеется, в этом случае субстрат не является носителем свойств. Здесь можно привести аргумент из «Неприрученной мысли» Клода Леви-Строса, согласно которому «современная химия сводит разнообразие вкусов и запахов к пяти различным сочетаемым элементам: углероду, водороду, кислороду, сере и азоту» [4, с. 122].

Отсюда субстанция, понятая как совокупность свойств, есть именно структура и она действительно не может быть редуцированной к материальному субстрату.

Литература

1. Айер А. Язык, истина и логика // Логос. 2006. № 1(52).
2. Вьяккерев Ф. Ф. Идеи и концепции ленинградской онтологической школы // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб. Издательство СПбУ. 1997. Вып. 9.
3. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
4. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
5. Сагатовский В. Н. Философские категории: авторский словарь. 2011. Режим доступа: <http://www-terme.ru/dictionary/1071/word/vesch-svoistvo-otnoshenie> (дата обращения: 2.10.2014).
6. Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма // Избранные философские труды. Л.: ЛГУ, 1988. 344 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
8. Strawson P. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 1964. 255 p.

Информация об авторе:

Иваненко Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров (СПбГТУРП), 8(812)465-42-92, iwanenkoalexey@hotmail.com.

Alexey I. Ivanenko – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at St.-Petersburg State Technological University of Plant Polymers.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2014 г.

УДК130.1 159.9

ЗАВИСТЬ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ НЕСОВЕРШЕНСТВА МИРА

Н. Н. Исаченко

ENVY AS ONE OF THE FACTORS OF THE WORLD' IMPERFECTION

N. N. Isachenko

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования зависти. В процессе исследования выявлено несколько концепций, исследующих природу и генезис зависти, определены механизмы её возникновения. Сделан вывод о том, что зависть как атрибут человечества является морально-этическим концептом, формирующимся у человека на основе эгоизма и тщеславия. Наличием зависти в мире мы объясняем несовершенство человеческого общества. Внесены предложения по решению этой проблемы.

The paper considers the problem of the formation of envy. The study identified several concepts, exploring the nature and genesis of envy, and defined the mechanisms of its emergence. The author concludes that envy as an attribute of mankind is a moral and ethical concept, emerging in humans based on selfishness and vanity. The presence of envy in the world explains the imperfection of human society. Some proposal for solving this problem are suggested.

Ключевые слова: зависть, порок, страсть, деформации личности, комплекс неполноценности, морально-этический концепт.

Keywords: envy, vice, passion, personality deformation, inferiority complex, moral and ethical concept.

Исследователи проблем современного мира одним из факторов несовершенства общества называют человеческие пороки, среди которых на первом месте – зависть. Зависть как активная эмоция, оказывающая мощное, разрушительное воздействие на индивида, неоднократно играла роковую роль в истории человечества, она является причиной переворотов в человеческом мировоззрении, она – источник ненависти, преступлений, войн. Мысль И. Ильина, озвученная в прошлом веке, о том, что в истории зависть становится движущим фактором, «...руководящей лжеидеей мирового кризиса. А в наши дни зависть становится основным побуждением народов или как бы тем отравленным воздухом, которым дышит современная масса» [2, с. 15], становится особенно актуальной в XXI веке.

С древних времен человечество волновала проблема формирования зависти. Большинство философов, психологов, социологов считают зависть человеческим пороком. Так, Аристотель и Платон утверждали, что зависть всегда порочна, она является огорчением индивида по поводу благ, имеющихся у друзей. Такую же позицию занимал Р. Декарт, рассматривающий зависть как «природную извращенность», вызывающую досаду у людей при виде блага других, также он соотносит понятие «зависть» со страстью [1, с. 509]. И. Кант также характеризовал зависть как порок, как нарушение долга перед самим собой и перед другими. А. Шопенгауэр относил зависть к тем порокам, которые имеют основание для формирования человеконенавистничества.

Ф. Ницше, осуществляя критику морали человеческого общества и характеризуя его духовное со-

стояние, вводит понятие «рессентимент» (бессильная ненависть, чувство вражды, мести, которое испытывает человек, стоящий ниже на социальной и духовной лестнице, по отношению к знатному или состоявшемуся). Одним из источников рессентимента философ тоже называет зависть, которая, по его убеждению, полностью переворачивает существующую систему ценностей [7].

Следует признать, что человечество в той или иной степени подвержено зависти. Зависть присуща почти каждому человеку, независимо от его пола, характера, темперамента, ей подвержены все люди, независимо от сословия, статуса, привилегий и возраста. Это обусловлено тем, что человек обладает определенными амбициями (страсть к победе, к власти), у него формируется чувство досады при виде блага другого, а затем появляется стремление обладать этим, желание присвоить достижения другого [4].

Исследователи Н. Я. Грот, С. Пролеев уверены в противоположном: от зависти мир получает стимул своего развития, а чувство зависти – это чувство уважения. Но мы солидарны с исследователями, которые называют зависть негативным чувством, возникающим по отношению к популярности, к успехам, к преимущественному положению другого лица, оно возникает у человека на основе эгоизма, честолюбия и тщеславия.

На данном этапе в философии, социологии, психологии выделяют несколько концепций, исследующих природу и генезис зависти: 1) психолого-антропологическая; 2) религиозно-этическая; 3) социально-политическая.

Представители первой концепции Э. Фромм, К. Хорни, З. Фрейд, М. Кляйн, Ю. Орлов убеждены в том, что психологическая основа зависти лежит в несформированном у индивида нравственном чувстве гуманности по отношению к другому, в отсутствии «сорадования» его успехам. Э. Фромм, К. Хорни рассматривают зависть с позиции изучения межличностных отношений. К. К. Платонов уверен, что зависть появляется как результат морального эгоцентризма ребенка, носящего соревновательный характер в процессе игр, как неудовлетворенность в признании его значимости. Д. Медина, В. Л. Леви трактуют зависть как генетическую программу, которая передалась человеку от предков и закрепилась в процессе эволюции [6].

Наряду с пониманием зависти как неприязненно-го чувства, враждебного отношения к кому-либо, зависть в психологии рассматривается как феномен, проявляющийся на трех уровнях: 1) на уровне различных эмоциональных переживаний (досады, раздражения, злости из-за своего низкого статуса); 2) на уровне сознания (осознание в сравнении с другими своего более низкого положения); 3) на уровне поведения (процесс разрушения, устранение предмета зависти).

Куттер П. утверждает, что действие зависти может быть направлено как вовнутрь, так и вовне. В том случае, когда причиняется вред окружающим, она может принимать форму направленной вовне ненависти. Завистник втайне пытается навредить тому, кому он завидует. Зависть – следствие чувства собствен-

ной неполноценности. Причиной для зависти могут служить наличие имущества, красота, здоровье, образованность. Когда же зависть оборачивается самобичеванием, ее действие направлено вовнутрь, и завистник в этом случае не способен ценить даже себя [5, с. 72]. Зависть приводит к деформации личности, человек становится скрытным, тревожным, у него появляется комплекс неполноценности, что доводит организм до крайности как в физическом, так и в психоэмоциональном смысле.

В процессе исследования механизма возникновения зависти психологи пришли к выводу: широко распространена зависть к братьям, сестрам, младшие завидуют превосходству старших, а те завидуют младшим. Существует зависть, которую испытывают дети по отношению к родителям, а родители – к детям. Родители завидуют молодости, здоровью, безопасности, свободе. Дети завидуют тем преимуществам, которые предоставляет родителям их возраст – общественное положение, знания. Психологи установили, что больше всего подвержены зависти молодые люди от 16 до 30 лет. А с возрастом зависть ослабевает, начиная с 60 лет, её уровень снижается.

В целом сложилось представление о зависти как о социально-психологической черте личности, проявляющейся в недовольстве, недоброжелательстве по отношению к людям, которые достигли благополучия и успеха. Возможность устранить зависть в детском возрасте способствует повышению социального статуса ребенка, формирует наличие положительных переживаний в процессе совместных игр и общения [4, с. 56].

С точки зрения представителей религиозно-этической концепции Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других, зависть содержит в себе стремление человека осуществить свою волю наперекор воле Бога. В богословских проповедях Василий Великий утверждал, что более пагубной страсти, чем зависть, не зарождается в душах человеческих, и что наибольший вред она наносит тому, кто имеет ее. Как ржавчина – железо, зависть разъедает душу. Григорий Богослов называет зависть причиной самых страшных человеческих трагедий: «Зависть обгарила землю кровью пророков. Зависть из Иуды сделала предателя... Она произвела Пилата – Христоубийцу» [9]. Святитель Иоанн Златоуст считает зависть болезнью. «Эта болезнь коснулась и церкви, всё извратила, и, вооружаемые завистью, мы восстаем друг против друга». В зависти он видел губительную силу для общества, так как зависть не созидает, она способна только к разрушению [9].

В целом Отцы церкви считают зависть одной из спутниц зла, рассматривают её как антипод добродетели. Так же как и философы, они называют зависть пороком, разрушительно влияющим на всякую добродетель. Носителем зависти называют дьявола, который в свою очередь порождает грехи. Основной причиной зависти в христианстве считается гордость, гордый человек не может терпеть того факта, чтобы кто-нибудь был ему равен или выше него. Зависть рождается, когда начинается благополучие другого, и с прекращением благополучия – может прекратиться.

Для представителей этической теории, Аристотеля, Б. Спинозы, И. Канта, характерно стремление дать моральную оценку зависти, считая ее пороком, препятствующим в продвижении к добродетели.

Сторонники социально-политической концепции (Ф. Ницше, О. Шпенглер, И. Ильин, П. Куттер, А. Гусейнов), исследуя феномен зависти, определяют её социальное происхождение. И. Ильин, Ф. Ницше одним из главных факторов формирования зависти называли социальное расслоение. По убеждению И. Ильина, источником обостренной зависти является абсолютная зависимость неимущего человека от имущего. «Рано или поздно от этого должна была вспыхнуть массовая зависть. Из зависти родится доктрина безбожия и безнравственности» [2, с. 23].

Такую же позицию озвучивает П. Куттер, по его убеждению, для нейтрализации отрицательных переживаний завидующий прибегает либо к саморазрушительным фантазиям, либо к проявлению равнодушия, цинизма. Зависть может переродиться в самобичевание, которое при остром приступе зависти нередко толкает человека на совершение аморальных поступков [5].

Ф. Ницше, О. Шпенглер, Г. Шёк, А. Гусейнов именно в зависти находят объяснение действий людей, направленных на экспроприацию частной собственности. Из нее, по их убеждению, формируется стремление к свержению существующего несправедливого строя. Зависть руководителей одной страны к богатству и благополучию другой страны приводит к захватническим войнам. В качестве примера можно привести революцию 1917 года, первую и вторую мировые войны.

Г. Шёк, рассматривая зависть как мотив социального поведения человека, называл её «базовой антропологической категорией». По его мнению, зависть «универсальна... и, для того чтобы определить ее наличие, зачастую требуется «демаскировка», призванная разоблачить искусно замаскированную зависть. Он убежден, что сама зависть, как негативная эмоция, является неустрашимыми элементами человеческих отношений [8, с. 201].

По мнению И. Ильина, люди, одержимые завистью, дают миру большое количество предателей, преступников, отступников. Он пишет, что источником порождения предателей, разбойников, палачей, садистов, «врагов благочестия, истребителей праведности, откровенных лжецов, закулисных властолюбцев» является зависть [2, с. 42].

Проведенные исследования проблемы формирования зависти, приводят к однозначному выводу о том, что зависть присутствовала всегда в истории человечества и, скорее всего, будет присутствовать как атрибут человечества. Социум устроен таким образом, что с рождения формирует в человеке умение сравнивать людей, отмечая достоинства одного и недостатки другого в семье, школе, в искусстве, в спорте. Сравнение осуществляется человеком регулярно на подсознательном уровне. Осознание человеком того, что он находится на низкой ступени социального положения, что он хуже других, является предпосылкой зависти. С нашей точки зрения одним из факторов зависти является желание человека первенства

и власти, социальная несправедливость. Чувство зависти уродует личность, возбуждает негативные желания, чтобы другой потерпел неудачу, несчастье. Пребывание в состоянии постоянного чувства зависти приводит к деформации личности: человек становится скрытным, тревожным, у него появляются чувства неполноценности, недовольства, злости, переходящие в ненависть.

Несовершенство человеческого общества, состояние полного духовного разложения мы объясняем наличием в нем зависти. Так, теория классовой борьбы свой источник видит в зависти, марксистско-ленинское учение, фашизм, расизм формировались на зависти. Ведущим мотивом поведения, направляющим на воинские подвиги таких политиков и военачальников, как Нерон, Калигула, Гитлер, Сталин, также была зависть. Зависть нельзя связывать ни с определённой эпохой, ни с национальными особенностями. Люди всегда завидовали успеху, счастью, богатству других и вряд ли смогут избавиться от этой общечеловеческой негативной эмоции. Мы находим присутствие зависти на всех ступенях социального положения и на всех уровнях духовного развития человека. Все исследователи отмечают, что зависть – очень сильное чувство, подвигающее человека на самые разнообразные действия. Она может быть стимулом движения вперед, а может всецело управлять человеком, диктуя ему определенные действия, толкаящие его на совершение преступления [3].

Можно ли избавиться от тяжелого и гнетущего чувства зависти?

Ориентируясь на христианскую педагогику, мы сформируем несколько правил, которые если не избавят полностью от зависти, то хотя бы помогут человеку стать немного добрее.

1. Чтобы искоренить зависть, надо разобраться в причинах ее появления. Чаще это связано с травмой психики в раннем детстве, которая постепенно сформировалась в порок. Ослабив порок, мы ослабим и зависть.

2. Следует приучать детей с рождения довольствоваться тем, что им дают.

3. Нельзя потворствовать доносам и ябедничеству, так как дети идут на это обычно из чувства зависти и недоброжелательства.

4. Не следует родителям вызывать зависть у своих детей неодинаковым отношением к ним, предпочитая одного другому.

5. Не отзывайтесь недоброжелательно (с завистью) о своих соседях, сослуживцах, родственниках, это формирует негативные эмоции у детей.

6. Формируйте в сознании, в сердцах детей противоположную пороку зависти добродетель – любовь к ближнему [9].

Психологи рекомендуют избегать сравнения себя с другими, уважать других людей, не акцентировать свое внимание на неприятных моментах и неудачах. П. Куттер в качестве способа борьбы с завистью предлагает формировать чувства собственного достоинства и уверенности в своих силах. А. Шопенгауэр учит смотреть на зависть, как на врага своего счастья, и душиť её, как злого демона.

Анализ концепций, подходов, исследующих проблему зависти, подтвердил нашу позицию: зависть – это морально-этический концепт, характеризующий один из худших человеческих пороков, формирую-

щихся у человека на основе эгоизма и тщеславия, на основе которого развиваются и формируются худшие проявления человеческого поведения, которым можно и нужно бороться с целью совершенствования мира.

Литература

1. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1 / пер. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
2. Ильин И. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
3. Исаченко Н. Н. Ресентимент в системе образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4(56). Т. 1. С. 187 – 191.
4. Исаченко Н. Ресентимент в структуре общественного сознания: монография. Тюмень: Тюм ГНГУ, 2013. 152 с.
5. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / Перев. С. Панков. СПб: Б.С.К, 2004. 120 с.
6. Леви В. Л. Искусство быть другим. М.: Знание. 1980. 208 с.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали: полемическое сочинение / пер. К. А. Свасьян // Ницше Ф. Соч. в 2 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1990. 491 с.
8. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. М.: Мысль, ИРИСЭН, 2010. 524 с.
9. Православная электронная библиотека. Иринеи, епископ Екатеринбургский и Ирбитский. Поучение о зависти в детях. Режим доступа: <http://nationalism.org/raskol.net>

Информация об авторе:

Исаченко Надежда Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного нефтегазового университета, 8-912-397-84-12, isnadezhda@pochta.ru.

Nadezhda N. Isachenko – Candidate of Philosophy Sciences, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Tyumen State Oil and Gas University.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2014 г.

УДК 101.8

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВА

В. И. Киселев

JOINT ACTIVITIES AS THE FOUNDATION OF SOCIETY

V. I. Kiselyov

В статье показана значимость производства в становлении и развитии как общества в целом, так и человека в частности. Эффективность производства в определенной мере обусловлена развитием производственных отношений, которые, в свою очередь, опосредованы уровнем оптимизации реализуемых в процессе производства интересов субъектов производственного процесса; поскольку человек генетически связан обществом и, в то же время обладает свободой воли.

The paper shows the value of production in the formation and development of the society in general, and human rights in particular. Efficiency of production, to a certain extent, is due to the development of industrial relations which, in turn, is mediated by the level of optimization of producers' interests in the productive process; as people are genetically linked society and, at the same time, have the freedom of the will.

Ключевые слова: производство, социальная система, стабильность, нравственность, воля, потребность, интерес, экономическая эффективность.

Keywords: production, social system, stability, morality, will, needs, interest, economic efficiency.

Человеком рождается каждый из нас – по образу, по сущности же каждый является тем, что он делает, в деятельности, а вернее в совместной деятельности с другими, проявляется социальная сущность человека, и в ней же – совместной деятельности – появляется возможность его развития, совершенствование: перехода «от животности к человечности». Стало быть совместная деятельность как один из важнейших атрибутов общества связанна с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающих-

ся в силу определенной специфики совместной деятельности отношений в человеческом обществе. Иными словами, сущность человека определяется совокупностью исторически определенных общественных отношений, с одной стороны, и, с другой, тем деятельным статусом, что он занимает в обществе.

Большое значение для научного понимания общества и роль человека в нём имели работы одного из основоположников научной социологии **О. Конта**, полагавшего, что строение общества определяется

формами мышления человека (**теологической, метафизической и позитивной**). Само общество он рассматривал как систему элементов, которыми выступают семья, классы и государство, а основу образует разделение труда между людьми и их взаимоотношение между собой.

Близкое к этому определение общества мы находим в западноевропейской социологии XX в. Так, у **Макса Вебера** общество – продукт взаимодействия людей как результат их социальных действий в интересах всех и каждого. **Т. Парсонс** определял общество как систему отношений между людьми, связующим началом которой являются нормы и ценности. С точки зрения **К. Маркса**, общество – это исторически развивающаяся **совокупность отношений между людьми**, складывающихся в процессе их совместной деятельности. Совместная деятельность включает в себя совместную цель участвующих лиц и управление как необходимую функцию соединения индивидуальных деятельностей, повышает групповую производительность и способствует социальной фацилитации, т. е. облегчению индивидуальных достижений в условиях совместной деятельности.

Следует сразу подчеркнуть, что автор никоим образом не претендует на оригинальность в вопросах понимания общества и роли человека, но и не заимствует выше обозначенные концептуальные подходы. Наше намерение состоит в том, чтобы организовать эти идеи в иную, но не абстрактную схему, которая обобщает до более высокого уровня абстракции, а использовать их как основу принципиально иного уровня – уровня социальной физики, где производство играет наиважнейшую роль.

Совместная деятельность с позиции позитивно-диалектической концепции есть социальная основа, начальное общественное звено – социальная субстанция, которая порождает самые различные процессы экономического, политического, идеологического и т. д. порядков, отражающие сущность господствующих в обществе не только материальных, но и духовных отношений [2]. Чтобы определить принципы общественной организации, необходимо остановиться на истории становления и развития общества и человека, которая, как в зеркале, отражая совместную деятельность, поможет выявить сущность организационной напряженности, то есть силу, сплывающую людей и принуждающую их к постоянному движению – развитию [1].

Общезвестно, что проблема становления человека и проблема становления общества – две стороны одной и той же проблемы. Дать конкретное решение сложнейшей проблемы возникновения человеческого общества – это значит раскрыть закономерности и движущие силы процесса становления человека и общества. Сущность этого необыкновенного сложного и многостороннего процесса состоит в переходе от одной формы движения материи – биологической – к качественно иной, более высокой – социальной или общественной. Становление общественного бытия и общественного сознания, по утверждению К. Маркса, есть процесс формирования человека и, прежде всего, как сознательной производительной силы. Процесс становления человеческого общества есть процесс

становления производства, процесс формирования производительных сил, становление производственных и иных общественных отношений.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что человеческий труд качественно отличается от «животного труда». Акт человеческого труда есть акт производства. Процесс животного труда, как и вся внешняя деятельность животного, является деятельностью рефлекторной. Если акт человеческого труда есть акт производства, то акт животного труда есть акт присвоения готовых, доставляемых природой продуктов. Если человеческий труд – это сознательное, целенаправленное преобразование природы, то животный – рефлекторное по своему механизму приспособление к среде. Животный труд по самой своей природе предполагает не изготовленные, а готовые средства труда, то есть здесь – отношение «прямого потребления», а такое потребление никогда не выводит процесс из природно-биологического круга. Каждый новый акт потребления только повторяет качественно один и тот же процесс. При повторении этого процесса ничего нового не возникает, ничего нового не образуется. Таким образом, если труд вообще начинается с использования готовых, данных природой средств труда, то человеческий труд начинается с сознательного (пусть в самой зачаточной степени) изготовления орудий [6].

В результате возникновения деятельности по изготовлению орудий и раздвоения единой трудовой деятельности на производственную и присваивающую успех приспособления к внешней среде все в большей степени зависел от уровня развития производственной деятельности и, в последствие, от производительности конкретного труда.

Большая приспособленность к производственной деятельности и больший производственный опыт некоторых членов социума в условиях слаженной, то есть согласованной деятельности, позволял развивать и наиболее высокую *работоспособность*, что в свою очередь, надо полагать, давало преимущества в приспособлении к среде всем членам данного социума по сравнению с членами другого социума. Однако, как показывает история, «производительность» быстро перенималась этими «другими» членами общества.

Таким образом, производственная деятельность с самого момента своего возникновения по своему существу была деятельностью не индивидуальной, а совместной (коллективной), направленной на удовлетворение основных потребностей всех членов социума, вместе взятых, и только тем самым к удовлетворению индивидуальных потребностей каждого из его членов, взятых в отдельности.

Будучи по своей природе не индивидуальной, а совместной, производственная деятельность с момента своего возникновения не могла совершенствоваться под действием индивидуального естественного отбора. Естественный отбор совершенствовал приспособительную деятельность. С переходом от использования готовых орудий труда к их изготовлению положение в корне меняется, так как человеческая эволюция базируется на принципе *фиксации и передачи накопленных знаний* от поколения к поколению [5].

Таким образом, если приспособительная деятельность может развиваться и совершенствоваться только под определяющим действием естественного отбора, то развитие и совершенствование производственной деятельности, скорее всего, никакой формой отбора не определяется. Производство имеет источник развития – энергию (общую энергию или социальное напряжение для развития) – в себе и поэтому способно к самодвижению, саморазвитию.

Однако материальное производство по своей природе предполагает и требует существования активного отражения мира, такого отражения мира, которое способно определить и направить процесс преобразования мира. Таким идеальным отражением мира является, конечно же, человеческое сознание, человеческое мышление. Такими целенаправленными, сознательными, являются акты человеческого труда, которые и формируют общую – двуединую и в то же время генетически связанную сферу, а именно материальную и духовную сферы жизнедеятельности. Деятельность и сознание, таким образом, находятся в неразрывном единстве [3].

Стало быть, формирование специфически человеческого отношения к природе необходимо предполагало и требовало формирования специфически человеческих отношений между производящими существами. Оно предполагало и требовало формирования общественных, прежде всего, производственных отношений, которые, вслед за совершенствованием орудий производства и повышением работоспособности (что только и позволяло удовлетворять всё возрастающие потребности), должны были постоянно совершенствоваться.

Характер отношений между производящими существами, который требовал и предполагал производство, определялся уровнем его развития производительных сил. Прежде всего, производство, каким оно было на протяжении всего периода своего формирования и на первых этапах периода своего развития, требовало для своего существования и совершенствования наличия сравнительно крупного объединения, каким не могла быть ни животная, ни человеческая семья. Производство предполагало и требовало, скорее всего, такого объединения, в котором поведение каждого из его членов определялось бы не стремлением удовлетворить свои биологические инстинкты (и местом в системе доминирования), а выражающими потребности производства, и тем самым потребности производственного объединения – нормам и правилам, одинаково обязательным для всех *без исключения* членов объединения, в котором все члены, не зависимо от физической силы и других индивидуальных качеств, обладали бы одинаковыми правами и обязанностями. Другими словами, производство требовало как *сплоченных* – в материальном плане, так и *согласованных* в духовном плане отношений между производящими существами.

Таким образом, в неразрывном единстве со становящимися производственными отношениями формировались и отношения идеологические. Процесс формирования общественного бытия был основой процесса формирования теснейшим образом связанного с ним общественного сознания. Общественное бытие и

общественное сознание формировались в неразрывном единстве [4].

Поэтому представляется наиболее вероятным, что первоначальной и на ранних этапах развития самой важной формой общественного сознания, без возникновения которой было невозможно существование подлинно согласованной и сплоченной деятельности, была воля общества – общественная воля.

Естественно предположить, что общество имело свою собственную волю, не сводимую к сумме волевых актов составляющих его членов. Оно имело её потому, что у общества были и свои потребности, не сводимые к потребностям его членов. Общество, таким образом, не просто совокупность отдельных членов живущих «сами по себе», а единый социальный организм, то есть множество индивидов, связанных совместной деятельностью. И в поле определённых социумов (конкретных общностей людей) действовали свои законы, законы-нормы человеческого общения или – *нравственные законы*.

Социум, или иначе – конкретная общность людей, если лишается нравственных законов, то есть общей воли, то неминуемо переходит от человеческого состояния в животное. Общество как система и, как всякая система, стремится к пределу. Общеизвестно, что все неуправляемые системы стремятся к хаосу как к своему пределу. Однако «предел» стремления человеческого общества, постоянно озабоченного научно-техническим прогрессом, далеко не хаос, а нечто иное, а именно, эффективно управляемый социум: то есть совершенное производство при совершенных производственных отношениях.

Таким образом, производство может существовать и развиваться при условии удовлетворения его потребностей, являющихся социальными, совместными потребностями. Важнейшей формой выражения производственных совместных потребностей является общественная воля. Поэтому удовлетворение требований общественной воли есть необходимое условие существования и отдельных членов общества, объединенных совместной деятельностью. Ни одно объединение не может существовать и развиваться без подчинения всех его членов требованиям общественной воли, т. е. нравственности. Общественная воля и нравственность, таким образом, синонимические понятия, но далеко не идентичные. Единичная воля в своём проявлении имеет как количественную, так и качественную характеристику; нравственность же (как общественная воля) может характеризоваться только онтологически, то есть *наличием*: либо она (нравственность) есть, либо её нет.

Общество, таким образом, направляет поведение своих членов, их действия и поступки, определенным образом их оценивая. Важнейшими категориями морали являются понятия «добро» и «зло». Как «зло» общество оценивает поступки, идущие в разрез с его потребностями и интересами, наносящие ему ущерб. Как «добро» общество оценивает действия, направленные на удовлетворение его потребностей, отвечающие интересам общества. Поступки первого рода осуждаются обществом, поступки второго – одобряются им.

Оценивая поступки своих членов как «добрые» и «злые», общество предъявляет ко всем своим членам требования совершать такие действия, которые могут получить одобрение и не совершать таких, которые встречают осуждение. В процессе жизни общества вырабатываются определенные нормы и правила, регулирующие поведение членов общества и их взаимоотношения, правила, соблюдение которых общество требует от каждого своего члена. Эти нормы и правила закрепляются в традициях и обычаях. Общественная воля, мораль являются, таким образом, регулятором поведения всех членов общества.

Общественная воля есть выражение производственных по своему характеру потребностей общества. Удовлетворение этих потребностей является необходимым условием существования и развития производства, существования и развития общества и тем самым *существования и развития каждого из его членов*.

Таким образом, в отличие от животного, поведение которого определяется его инстинктами, его биологической природой, поведение человека определяется природой того социального организма (социума), в состав которого он входит, природой существующих в этом социальном организме общественных, прежде всего производственных, или, как мы отметили выше, нравственно-волевых отношений. Здесь воля конкретного человека – конкретна и явна. Воля социальной группы более-менее «размыта», то есть в определенной степени абстрактна. Воля общества, или общественная воля, еще более абстрактна и в некоторых случаях может быть определена исключительно в результате специального (исторического, социологического и иного) изучения. И наоборот, переход от общественной воли к воли конкретного человека, как восхождение от абстрактного к конкретному, становится всё более очевидной, если рассматривать её в деятельности.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, позволим себе в форме импликации констатировать, что: если есть совме-

стная деятельность, то обязательно присутствует напряжение – сила, производящая эту деятельность; если есть сила, то как отражение данной силы или её характеристикой является определенная напряженность совместной деятельности или – *социальная напряженность*. Социальную напряженность мы определяем как нравственно-волевою характеристику совместной деятельности индивидов в поле определенного социума. Социальное напряжение, в свою очередь, определяется как разность отношений индивидов к условиям совместной деятельности.

Человеческая совместная деятельность, как мы отметили выше, в корне отличается от животной, наличием в той или иной степени, осознанности деятельности. Осознанность деятельности – наиважнейший критерий в рациональном выборе возможности удовлетворения фундаментальной (исключительно человеческой) потребности «признания», т. е. одобрение деятельности индивида другими, или значимость, ценность индивида в миссии человеческого рода.

Если фундаментальные потребности «питание» и «размножение» присущи и растительному миру, то потребность в признании – исключительно человеческая потребность. Несомненно, и общество имеет отношение к удовлетворению указанной потребности «признания»; совместная деятельность осуществляется в обществе, она (совместная деятельность) и есть общество. Совместная деятельность вне системы общества, как и общество без совместной деятельности, не могут быть мыслимы в принципе.

Сущность общества, таким образом, заключается во взаимной совместной или социальной деятельности индивидов – организации их усилий – конвергенции их энергий; сущность же человека может быть определена как совокупность социальных отношений. Человек и общество диалектически взаимосвязаны; они не могут рассматриваться изолированно друг от друга: нет общества без человека, но и человек существует только в обществе или, говоря словами Гёте: «Человек немислим без людей».

Литература

1. Климова С. М., Майданский А. Д. Глобальное будущее 2045: обзор научной конференции в Белгороде // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 172 – 175.
2. Лебедев С. Основные эпистемологические концепции естествознания // Вестник Московского университета. (Серия 7: Философия). 2014. № 2. С. 58 – 75.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
5. Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 318 с.
6. Тайлор Э. Первобытная культура / пер. с англ. В. К. Никольского. М., 1989. 573 с.

Информация об авторе:

Киселев Виктор Ильич – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга НФИ КемГУ, ilichsteel@mail.ru.

Viktor I. Kiselyov – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Management and Marketing, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 23.09.2014 г.

НАРОДНАЯ ПРАВДА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

В. Е. Лякин

PEOPLE'S VERITY IN RUSSIA IN AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES

V. E. Lyakin

В статье отмечается особая роль категории правды в русской культуре, отличительной особенностью которой признают недостаточность правосознания. Поскольку в результате отрицания права появился феномен «народной правды», автор анализирует её характеристики и сопоставляет с религиозной правдой. Производится краткое исследование стремления русского народа к общественному добру и его негативные, антиправовые результаты в виде террора и утраты в России зачатков демократии.

The paper states the specific role of the verity category in the Russian culture and its distinctive feature, which is lack of legal awareness. The “people’s verity” phenomenon appeared as a result of denial of right, therefore the author analyses its characteristics and compares it to the religious verity. The paper contains a brief research of the Russian people’s urge for the social benefit and its negative, anti-right results which were terror and losing of the democracy grounds in Russia.

Ключевые слова: правда, истина, русская религиозная философия, русская культура, нравственность, моральность, народ, право, правосознание, справедливость.

Keywords: verity, truth, Russian religious philosophy, Russian culture, ethics, morals, people, right, legal awareness, justice.

В последнее время в российской философской среде возрос интерес к проблеме правды, что сопровождается ростом количества научных работ на эту тему.

Актуальность проблемы правды обосновывается её исследователями несколькими факторами, прежде всего недостаточностью критического или какого-либо иного анализа этой категории в современных философско-антропологических исследованиях [5, с. 4], а также распространением так называемого правдоискательства, которое в русской культуре служит предельным основанием человеческого поведения.

Также возрастание интереса к правде объясняется вступлением человечества в эпоху постмодерна, которая сопровождается, с одной стороны, политической, культурной и ценностной плюральностью [5, с. 117 – 147; 10, с. 3], потерей человеком смысловых ориентиров и собственной идентичности, а с другой – кризисом рационализма, когда рациональные ценности оказываются чем-то внешним по отношению к человеку.

Этимологические и лингвистические характеристики термина «правда» дают некоторое понятие о многочисленности трактовок его значения, встречающихся в существующих работах, в числе которых: прагматическая [10, с. 44], эссенциалистская [15, с. 144], социальная [16, с. 189], антропологическая [5, с. 24], онтологическая (эпистемологическая) [9, с. 58 – 59], экзистенциальная [14, с. 83].

При этом отмечается несомненное значение рассматриваемого понятия именно для русской культуры. Так, Н. А. Земскова замечает, что наличие в русском языке двух слов-концептов «Истина» и «Правда» для выражения очень близких по значению понятий является отличительной особенностью русской культуры, для установления чего достаточно обратить внимание на частоту их употребления в пословицах, поговорках, фразеологизмах [8, с. 103 – 104]. В связи с этим исследование понятия правды актуально и в культурологическом аспекте в свете возрастающего интереса к российской истории.

Рассматривая вопрос с точки зрения русской религиозной философии, самоопределившейся в последней трети XIX века, можно обратиться к мнению С. Л. Франка о понятиях «правда» и «истина».

По его мнению, данные понятия не могли не стать центральной темой русской философии. Предмет последней он определял через истину, указывая, что добро в русской философии представляет собой не должное или норму, а истину как живую онтологическую сущность мира, которую человек должен постигнуть и которой он должен покориться [19, с. 86].

С другой стороны, отмечал С. Л. Франк, у русских имеется ещё другое понятие, ставшее главной темой их раздумий и духовных поисков. Это «правда», которая, с одной стороны, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а с другой – нравственную правоту, основания жизни, посредством которых бытие становится внутренне единым, освящается и спасается. Русский мыслитель всегда ищет правду, он желает не только понять мир и жизнь, но и постигнуть главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спасти [19, с. 85].

При всём изложенном, отмечая высокую роль в русской философии правды как нравственной правоты, норматива поведения, многие исследователи отмечают критическую недостаточность правового сознания, правового начала в русской историко-культурной традиции. Государству, не знающему права, русская интеллигенция рубежа XIX – XX веков противопоставляла т. н. светлую и чистую «народную правду».

Таким образом, говоря и о правде, и о «народной правде», мы явно или неявно имеем в виду смыслодающее начало человеческого бытия, специфическое именно для русской культуры. Однако такое упрощённое понимание всех словосочетаний со словом «правда» опасно, поскольку является поверхностным, не позволяет учитывать различия в нравственных основа-

ниях и внешних проявлениях правды и «народной правды».

Названное определяет цель настоящей работы – установить характеристики и систему ценностей «народной правды» как социально-культурного феномена России рубежа XIX – XX веков и её соотношение с религиозной правдой как нравственным и моральным явлением.

Предмет настоящей работы задан мыслями, изложенными в статье В. К. Кантора о «народной правде» [11].

Тема соотношения христианства и политики (иначе: нравственного и юридического закона) является не новой для русской философии. В качестве примера остроты этого вопроса можно вспомнить полемику В. С. Соловьёва и Б. Н. Чичерина. Первый утверждал, что право есть требование реализации минимума нравственности, который должен иметься в каждой душе, то есть реализации определённого минимального добра, «тогда как интерес собственно нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческого» [16, с. 413].

Б. Н. Чичерин, в свою очередь, видел в этом призыве к нравственности возврат к антиправовому пафосу русской мысли. Он был убеждён в невозможности вести людей к нравственному идеалу путём внешнего принуждения. Нравственность по принуждению – это искажения нравственности как таковой, по сути безнравственность [11, с. 241].

На протяжении всей истории русской религиозно-философской литературы утверждалось, что русский народ пошёл путём «внутренней», нравственной правды, по пути мира, согласному с учением Христа. Как отмечал Е. В. Барabanов, принудительной «внешней» правде разума, логики, эпистемологии русская философия противопоставила изначальную «внутреннюю» правду, сохранённую в недрах православной церковности, народной жизни, крестьянском общинном социализме. Таким образом, русская философия не анализирует данного, а строит идеал, нечто ожидаемое, силой которого пытается преобразовать данное [2, с. 112, 114].

С. Л. Франк, в свою очередь, отмечал, что русская интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции (блага народа, удовлетворение нужд большинства) [20, с. 156 – 165].

Здесь и возникает вопрос, где находятся пределы, до которых во имя чьих-либо интересов (пусть даже народных) допустимо оправдывать мысли и поступки. Н. А. Бердяев отмечал, что русская интеллигенция, страстно желая органического слияния истины и добра, понимала справедливость только как пользу и благо народа. Интеллигенцию интересует не вопрос об истинности или ложности теории, а лишь то, благоприятна или нет эта теория, послужит ли она благу и интересам народа. Такие стремления парализовали и практически уничтожили интерес к истине, что можно выразить формулой: да сгинет истина, если от гибели её народу будет лучше жить, если люди будут счастливы [4, с. 28 – 30].

Правовед и философ Б. А. Кистяковский отмечает, что в нашей богатой литературе прошлых веков нет ни одного трактата или этюда о праве, который имел бы общественное, а не узко научное значение: «Можно сказать, что в идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли» [12, с. 110]. Эти негативные оценки являются выражением типичного для большинства отечественных правоведов мнения о том, что, во-первых, наша правовая система является недостаточно развитой по сравнению с правовыми системами западных государств, во-вторых, магистральный путь её развития – заимствование зарубежного (западного) права.

Можно привести множество объяснений низкого уровня правосознания русского народа, но в настоящей работе нас интересуют не его причины, а его следствия. Одним из них является восприятие любой государственной власти как сакрально нечистой силы, невосприимчивости любой правовой структуры. А. Л. Доброхотов указывает: «Вплоть до сегодняшнего дня власть для русского человека – это "они", это кто-то распоряжающийся его жизнью и свободой <...> В народном сознании эта ситуация отразилась в восприятии власти как сакрально нечистой силы, несущей на себе печать проклятия. Власть или принимали как злое средство для хороших целей, или отвергали как источник греха. Греховность власти – одна из фундаментальных, хотя и не всегда явных интуиций русской культуры» [6, с. 114 – 115].

Как пишет В. К. Кантор, тема правового сознания, правового начала в русский историко-культурной традиции и отношении к праву народа, соотношения права с т. н. «народной правдой» обострилась после революций начала XX столетия, прозвучав в работах П. Н. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Н. Н. Алексеева, С. А. Муромцева, Ф. А. Степуна [11, с. 246 – 247]. Как уже указывалось, об отсутствии правового сознания в народе неоднократно писали и «Вехи». Уже упомянутый Б. А. Кистяковский так осуждал одобрительное отношение к этому феномену со стороны славянофилов: «Герцен предполагает, что в этом коренном недостатке русской общественной жизни заключается известное преимущество. Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку людей сороковых годов и, главным образом, славянофильской группе их. В слабости внешних правовых форм и даже в полном отсутствии внешнего правопорядка в русской общественной жизни они усматривали положительную, а не отрицательную сторону <...> Поэтому отношения между народом и государем в России, особенно допетровской, основывались на взаимном доверии и на обоюдном искреннем желании пользы» [12, с. 114].

Кистяковский всё же уточняет: «Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом нашего застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа» [12, с. 113]. Данную проблему В. К. Кантор считает одной из сущностных для русской действительности [11, с. 248].

Так, до упомянутой дискуссии начала XX века из всех областей мировоззрения интерес к проблеме права фактически имелся только в художественной сфере. Правовые проблемы, девиантное поведение волновали деятелей русской культуры, прежде всего, литераторов (романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», Л. Н. Толстого: «Воскресение», «Крейцера соната»). Но и этот интерес имеет специфический для России оттенок. Так, Толстой просто отверг систему гражданско-правового устройства, заявив, что оно против человека. А у Достоевского в «Братьях Карамазовых» праву противостоит «народная правда», когда Митю, формально невиновного в убийстве, осудили якобы по Божьей правде за его намерения.

Именно Достоевский, пожалуй, больше всех писал о русской «правде народной» и утвердил этот миф русской культуры в сознании русской интеллигенции и европейском сознании. При этом он принимал и существование правды образованного общества, указывая, что это общество должно «преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народной» [7, с. 45]. Преклонение не должно быть раболепным: тут же Достоевский настаивает на сохранении и самости образованного общества: «Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остаётся при нас и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибам врознь» [7, с. 45].

Но основную массу русского народа Достоевский в своём романе «Бесы» нарисовал погруженной в языческую стихию, живущей вне христианства, представив русский народ-богоносец в образе бесноватого. В. К. Кантор считает, что Достоевский, до конца веривший и любивший свою страну, тем не менее сделал точнейшее пророчество, оказавшееся реальностью спустя всего несколько десятилетий (с 1917 года).

Общепризнанно, что нерелексивная идея о народной правде возникает задолго до Достоевского – ещё на заре утверждения в России монархии. Философ и правовед Н. Н. Алексеев говорил: «Монархия-то Божье дело, да порядки в ней, скорее, дело нечистого». И у русского человека возникает глубочайшее стремление – исправить эти порядки. С величайшим подъёмом ищет он «правды» и хочет государство своё построить как «государство правды» [1, с. 83].

При этом «исправление порядков» и «строительство государства правды» Н. Н. Алексеев понимал достаточно односторонне, ставя в пример эпоху Ивана Грозного и учреждённую им опричнину. При этом В. К. Кантор справедливо отмечает, что ни Ивана Грозного, ни верхушку опричнины нельзя причислить к народу, крестьянам, хлебопашцам [11, с. 252]. По сути произошло размытие понятий: такие размышления в некоем роде оправдали знаменем «народной правды», «благам народа» дальнейшую политику ортодоксальных представителей русского общества.

Так, с конца 60-х годов XIX в. возникает революционный террор, апеллировавший к народу и проводившийся вроде бы во имя народа. Зародившаяся было у правительства идея представительных учреждений, которые были призваны смягчить и нивелировать ре-

волюционные настроения, остановилась в развитии после убийства Александра II.

Истоком этого террора считают народнический анархизм М. А. Бакунина. Философ-юрист П. И. Новгородцев писал, что определяющим началом мирозерцания русской интеллигенции было «не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и творчество народных масс. Надо только расшатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем всё само собою устроится... На почве таких воззрений нельзя было, конечно, организовать ни народовластия, ни управления» [13, с. 566].

Изложенное ещё раз подтверждает высказанный ранее тезис о низком уровне правосознания русского народа. В результате распространения анархических идей дворянство не прошло конституционной школы, тезисы о законности, правопорядке, подчинении существующим нормам права, гарантий собственности, личной неприкосновенности и иных базисных свобод, разработанных Монтескье ещё в середине XVIII века, канули в лету. Предсказанные Достоевским последствия проявились незамедлительно – менее чем через 50 лет, когда в результате революций 1917 года к власти пришли наиболее бескомпромиссные и решительные противники всяких юридических общественных форм. Именно эти революции в самой страшной форме продемонстрировали всю неправовую суть народной правды.

В России понятия права и религиозной правды не срослись не только в народном сознании, но и в иных мыслительных сферах. Так, Ф. Степун отмечал антиправовую направленность даже и религиозной русской мысли: «Через всю историю русской религиозной мысли проходит, если и не красной линией, то всё же красным пунктиром проходит домысел, что право – могила правды, что лучше быть бьющим себя в перси грешником, чем просто порядочным существом...». «Что право может быть не могилой правды, а её прославлением... – это для философской стихии русского духа никогда не было по-настоящему убедительно» [17, с. 328].

Всё это можно было принять, если бы народная правда действительно была тождественна христианской правде. Как пишет Степун, «всякий добрый европеец, не верующий в Бога, далеко ещё не безбожный человек, в нём в той или иной степени, в том или ином ущербе всегда или почти всегда жива вера: вера в нравственность, в право, в культуру, в науку, во все ризы отрицаемого им Божества. Народная же Россия всем этим верованиям всегда была чужда. Никогда не верила она ни в науку, ни в право, а всегда только в Бога, в нагого, не облачённого Бога» [17, с. 322].

А когда в ходе революции произошло крушение народной веры, неоформленность народного сознания не дала ему удержаться во внешних формах. Вера в нагого, абстрактного, не окружённого мировоззренческими ценностями Бога, сразу, почти без перехода, перешла в голое циничное безбожие. Этим срывом народной души и объясняют напряжённость и жестокость русской революции. По выражению Н. В. Устрялова, «думали перерасти правовое государство, а на деле не доросли до него» [18, с. 170].

Н. А. Бердяев утверждал, что хотя правда и истина всегда бывают в меньшинстве, правду и истину должно поставить выше воли народа, подчинить эту волю им. Отсюда следует его жёсткая критика революционной борьбы за справедливость. Поскольку в божественной справедливости есть истина и любовь, а в человеческой – неправда и ненависть, то в самом восстании против основ социального строя во имя справедливости содержится религиозная ложь. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить справедливость [3, с. 167 – 168].

Таким образом, народная правда и её не оформившаяся вера в пустого Бога ещё раз проявила свою антиправовую сущность, погубив только ещё утверждавшееся в России правовое сознание.

При этом В. К. Кантор отмечает, что Степун не ограничивается критикой существующего положения, напротив, во всех своих работах ищет путей, которые позволили бы не просто возродить интерес к православию в России, но сделать его основой демократических изменений: даже «оставляя в стороне историю демократии, нельзя не видеть, что её основной принцип – *принцип защиты свободы мнения как формы коллективного искания освобождающей мысли* – должен быть близок духу христианской политики» [17, с. 451] (курсив Степуна). И далее: пути личного религиозного творчества «неизбежно приводят к многообразию христианских мирозерцаний, а тем самым и к многообразию решений тех или иных социально-политических

вопросов» [17, с. 451], что и является общим выражением сути демократии.

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет сформулировать следующие выводы. В качестве отличительной особенности русской ментальности и культуры отмечен интерес к правде. Акцентировано внимание на мнении С. Л. Франка о том, что понятия «истина» и «правда» не могли не стать центральной темой русской философии. При этом наряду с общим концептом «правды» как нравственной правоты наблюдается феномен и «народной правды» как иного смыслозадающего для русской культуры начала человеческого бытия. Отмечен крайне низкий для русской историко-культурной традиции уровень правосознания, интерес к проблеме права не воплощён ни в одном научном трактате и фактически наблюдался только в художественной сфере. Желание исправить порядки в государстве привело к противопоставлению государства светлой и чистой «народной правде». Проблема истинности и ложности заменилась проблемой общественного добра, уравнительной справедливости. Однако стремление к народному благу привело к революционному террору и утрате всех начал конституционной мысли, тезисов о правах и свободах. «Народная правда» не основывалась даже на христианской правде, поскольку привела к голому безбожию, а в итоге ещё раз проявила свою антиправовую и аморальную сущность, уничтожив зачатки правового сознания в России.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991.
4. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // «Вехи», «Интеллигенция в России»: сб. статей 1909 – 1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды: монография. Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. 206 с.
6. Доброхотов А. Л. Белый царь, или Метафизика власти в русской мысли // Доброхотов А. Л. Избранное. М.: Территория будущего, 2008.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1971 – 1987. Т. 22.
8. Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2006. 200 с.
9. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. № 2.
10. Иванова В. В. Правда в бытии человека: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 185 с.
11. Кантор В. К. Фёдор Степун: «Народная правда» против правового сознания как явления христианской политики // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2010.
12. Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // «Вехи», «Интеллигенция в России»: сб. статей 1909 – 1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.
13. Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 639 с.
14. Огурцов А. П. Экзистенциальность правды и объективность истины: конфликтность установки творческой личности // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. М.: Наука, 1990.
15. Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливость в русской культуре // Полит. исслед. 2001. № 2.
16. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
17. Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк VIII. Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция // Степун Ф. А. Сочинения. Составление, вступ. статья, примечания и библиография В. К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1000 с.

18. Устрялов Н. В. «Товарищ» и «гражданин» // Устрялов Н. В. Очерки философии эпохи. М.: Вузовская книга, 2006. 268 с.
19. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5.
20. Франк С. Л. Этика нигилизма // «Вехи», «Интеллигенция в России»: сб. статей 1909 – 1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.

Информация об авторе:

Лякин Василий Евгеньевич – соискатель кафедры философии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, barrister_office@mail.ru.

Vasily E. Lyakin – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University of Culture and Arts.

(Научный руководитель: Жукова Ольга Ивановна – д. филос. н., профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета, oizh@list.ru.

Olga I. Zhukova – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 03.09.2014 г.

УДК 165.19

ПРЕДПОСЫЛОЧНОЕ ЗНАНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Н. В. Николина

PREMISED KNOWLEDGE BEYOND SCIENTIFIC COGNITION

N. V. Nikolina

В статье рассматриваются уровни и формы предпосылочного знания. Статья раскрывает алгоритм выявления социокультурных предпосылок познания в различных видах познания. Автор анализирует и определяет место и роль форм социокультурных предпосылок в теории познания.

The paper considers the levels and forms of premised knowledge. The paper reveals the algorithm of detecting sociocultural prerequisites of knowledge in different kinds of cognition. The author analyzes and determines the place and the role of socio-cultural forms of the prerequisites in the theory of cognition.

Ключевые слова: предпосылочное знание, социокультурные предпосылки познания, формы знания.

Keywords: premise knowledge, socio-cultural background of cognition, forms of knowledge.

Познание как форма социально-культурной деятельности существует в обществе и развивается вместе с ним, и на каждом этапе развития процесс познания осуществляется во взаимосвязанных формах. В теории познания существуют различные классификации видов знания. Среди них принято разделять научное и вненаучное знание, чувственное и рациональное знание, но есть и другие классификации. Например, Т. Г. Лешкевич пишет: «Каждой форме общественного сознания: науке, философии, мифологии, политике, религии и т. д. соответствуют специфические формы знания. Обычно выделяются следующие формы познания: обыденная, игровая, мифологическая, художественно-образная, философская, религиозная, личностная, научная, – каждая из которых имеет свою специфику» [3, с. 73].

Разделение знаний в современной философии науки на научные и вненаучные определило и специфику разделения предпосылок научного познания и социокультурных предпосылок познания. Социокультурные предпосылки познания обнаруживаются во вненаучном знании. Субъект познания включен в социально-культурную среду общества, поэтому знание, которым оперирует субъект, имеет не только научную направленность. Влияние социокультурных процессов, происходящих в обществе, на становление научного знания, особенно в области общественных и гуманитарных наук, в современных условиях невозможно игно-

рировать. Выделение социокультурных предпосылок обусловлено необходимостью поиска условий, которые могли бы объяснить процесс формирования социально-культурных представлений.

В системе предпосылочного знания Л. А. Микешина предлагает разделять концептуальный и доконцептуальный уровни предпосылочного знания.

1. «Концептуальный может быть зафиксирован средствами как естественного, так и специальнонаучного языка. Формы такого рода предпосылок могут быть соотнесены «по степени рациональности». С одной стороны, это стихийно-мировоззренческие предпосылки, в том числе философские, и предпосылки здравого смысла (обыденного сознания), с другой – профессионально разработанные философско-мировоззренческие теоретические концепции, которые усваиваются ученым сознательно или неосознанно вместе с «текстами» самой науки и служат для ее обоснования и развития» [4, с. 319].

2. «Разграничение доконцептуальных и чувственных предпосылок знания носит относительный характер, поскольку и те и другие могут, во-первых, существовать в невербальной форме, во-вторых, быть неосознанными. Их главное различие, по-видимому, в другом: в неконцептуальном характере самих предпосылок» [4, с. 319].

Различия концептуального и доконцептуального уровней предпосылочного знания отражаются и в фор-

мах: «Если концептуальный уровень – это вербализованные, понятийные, логически организованные когнитивные формы предпосылочного знания, то доконцептуальный уровень составляют положения здравого смысла, переживаемые образы воображения, идеалы, этические нормы и т. п., преобразующие и оценивающие действительность» [4, с. 319]. Различные виды познания можно отнести как к концептуальным формам, так и к доконцептуальным формам предпосылочного знания. К концептуальным можно отнести научное, философское, обыденное знания, к доконцептуальным – чувственное, религиозное, обыденное, философское. Такое разделение на уровни предпосылочного знания не показывает особенность предпосылочного знания. Выделение концептуального и доконцептуального уровня ничего не разъясняет в определении предпосылочного знания. К концептуальному уровню можно отнести не только научные предпосылки познания, но также и абсолютные, и социокультурные предпосылки познания. К доконцептуальному уровню можно отнести абсолютные и социокультурные предпосылки познания. Отличие только в том, что в доконцептуальный уровень предпосылочного знания не могут быть включены научные предпосылки. Это доказывает только то, что научное знание всегда характеризуется как концептуальное знание. Тогда, в доконцептуальный уровень включаются не все социокультурные и абсолютные предпосылки познания, а только те, которые носят неконцептуальный характер. На самом деле грань между концептуальным и доконцептуальным уровнем в формах социокультурных предпосылок познания «прозрачна» и едва уловима.

Само предпосылочное знание Л. А. Микешина определяет как особое свойство научного познания, она пишет: «В качестве предпосылок научного познания сегодня рассматриваются философские принципы, идеалы и нормы, общенаучные методологические регулятивы, а также научная картина мира, стиль мышления и концепты здравого смысла. Представляется, что именно такого рода предпосылки и, соответственно, формы знания и познавательной деятельности следует включить в содержание термина «предпосылочное знание» [4, С. 318 – 319]. В. А. Ельчанинов предлагает свое определение термина «предпосылочное знание»: «Поскольку оно [предпосылочное знание] во многих случаях характеризуется как форма неосознанного знания, близкая к порогу так называемого сознательного мышления, то его можно обозначить фрейдовским термином «предсознательное», находящемся в «сторе» между «бессознательным» и «сознательным» [2, с. 174]. Однако, эти определения демонстрируют только один из аспектов предпосылочности познания. В самом общем смысле предпосылочное знание можно определить как условие возникновения знания. Предпосылочное знание невозможно рассматривать только как условие научных знаний или пытаться объяснить природу предпосылочного знания через «предсознательное». Необходимо учитывать и другие условия, тогда предпосылочное знание приобретет статус особого свойства познания. Это дает еще больше оснований для анализа предпосылочного знания за пределами научного познания.

Рассматривая формы познания в отдельности, определяя место предпосылочного знания в них, можно

увидеть общие черты, которые дадут представление о социокультурных предпосылках познания, которые будут отличаться от абсолютных и научных предпосылок познания.

Чувственное познание предполагает основой всякого знания – чувства, ощущения, восприятие. Мы начинаем познавать мир с самого рождения посредством наших органов чувств, буквально выражаясь, не зная названия и предназначения предмета, мы уже знаем, что он твердый или мягкий, сладкий или соленый, контакт с предметом дает знание о его свойствах. Чувственное познание первично по отношению к мышлению, то есть оно выступает предпосылкой рационального познания. Однако знание не остается только на уровне чувств. Обнаружив незнакомый предмет, субъект использует органы чувств, но все же для того, чтобы описать свойства предмета, недостаточно только органов чувств, это можно сделать только на более высоком уровне познания. Чувственное познание стоит на низшей ступени познания, оно неспособно определять все знание человека. Оно выступает как начальный этап познания, как бы готовит сознание человека к последующему знакомству с миром, поэтому чувственное познание – это важный компонент познания. Чувственное познание дает первоначальное знание об объекте, которое в познавательном процессе оформляется в понятие. Чувственное и рациональное познание находятся во взаимодействии в процессе познания. Чувственное познание – только одна из ступеней познания и не правильно было бы делать вывод о чувственном познании как об основе последующего познания в целом. Можно согласиться только с тем, что чувственное познание может быть в роли отправной точки для практического знания.

Чувственное познание строится от ощущения к восприятию и представлению, то есть в итоге должна сформироваться некая схема объекта, которая возникает каждый раз, когда мы думаем или говорим о нем. «Ощущение стоит у истоков отражения и фиксирования объективной системы отношений, в которые реально вступает и реально включен человек» [8, с. 456]. Следовательно, предпосылкой такой схемы является ощущение, которое возникает между субъектом и объектом. Б. Рассел пишет: «Ощущение, непосредственное ожидание, непосредственное воспоминание и воспоминание в собственном смысле слова – все дают познание, которое в какой-то степени и с необходимыми ограничениями не зависит от постороннего свидетельства» [6, с. 69]. Сами ощущения представляют какое-то знание, но это еще не чувственное знание, так как оно окончательно формируется в представлении, это как бы «предчувственное» знание.

Такие рассуждения выводят на место предпосылочного знания в чувственном познании. Формой предпосылочного знания выступает в чувственном познании ощущение. Чувственное познание дает знание об отдельных объектах и их свойствах, а рациональное знание обобщает эти знания, выявляет причину явлений.

Обыденное знание, как и чувственное знание, сопутствует человеку на протяжении жизни. К обыденному знанию относят: приметы, поговорки, традиции, личный опыт, здравый смысл. Обыденное знание – это знание, передаваемое из поколения в поколение, это культурное наследие народа. Как писал Б. Я. Пук-

шанский: «в обыденных знаниях находят отражение все области реальности: природа, общество, человеческая жизнь во всех ее разнообразных объективных и субъективных проявлениях» [5, с. 26]. Обыденное знание имеет несистематический характер, оно не нуждается в доказательствах, как научное знание, поэтому и развивается стихийно. Основой обыденного знания является опыт повседневной жизни, который отражался в пословицах, поговорках, приметах. Человек каждый день делится своим опытом с другими людьми, а также у него есть выбор: следовать советам или нет. Обыденное знание окружает нас с самого рождения, мы получаем его от родителей, учителей, незнакомых людей, поэтому в основном обыденное знание носит бесписьменный характер, то есть передается из уст в уста. Обыденное знание – знание, которое принадлежит всему народу определенной культуры, у него нет автора. Часто, пытаясь объяснить, что такое обыденное знание, прибегают к сравнению с научным знанием, выделяя несколько критериев:

- важным критерием научного знания является достоверность, проверяемость. Обыденное знание принимается на веру;

- особенностью научного знания является письменный характер, учитывается вклад определенного ученого в развитие науки. Обыденное знание – результат многовекового опыта всего народа;

- наука использует специальную терминологию. Обыденное знание не нуждается в специальных терминах и в большинстве случаев использует просторечье.

Особое место в обыденном знании отдается здравому смыслу, который отражает взгляды человека на окружающую действительность. Здравый смысл рассматривается как культурный компонент жизни. Здравый смысл интуитивно подводит человека к правильному решению, логически выводя его из личного опыта. В отличие от примет и традиций, здравый смысл у каждого свой, и складывается только на основе опыта каждого человека, которым он может делиться с другими людьми.

Таким образом, опыт каждого человека, то есть личный опыт, являясь основой обыденного знания, формирует у человека здравый смысл, а также дает идеи для создания поговорок, традиций и примет. Личный опыт – это уже знание человека о мире, но его одного не достаточно, чтобы охарактеризовать обыденное знание полностью, так как личный опыт переосмысливается и вкладывается в более обобщенные формы, например, в традиции. Исходя из этого, формой социокультурных предпосылок познания в обыденном познании выступает личный опыт.

Как и чувственное знание, знание религиозное, конечно, не является основным видом знания человека, а представляет только еще один компонент в познании. Знание, которое даруется нам Богом, божественное откровение, или божественные знаки и символы, не являются на начальном этапе знанием религиозным, человек должен понять это послание, принять и поверить. Исходя из этого, можно сказать, что основой познания является Бог, основой всяких идей выступает божественное откровение, божественное слово, оно направляет человека, показывает путь, по которому ему надо идти, чтобы достигнуть определенного знания. Другими словами, Бог направляет в нас идею, мы ее

принимаем, распознаем, развиваем и в конечном итоге получаем новое знание.

В отношении религиозного познания, а в частности в выделении Божественного Откровения как формы предпосылочного знания, существуют некоторые противоречия, на которых мы остановимся более подробно. Суть противоречия заключается в том, что если рассматривать Божественное Откровение в рамках, скажем, средневековой философии, то целесообразно было бы говорить о Божественном Откровении как об абсолютной предпосылке познания, как о попытке найти универсальный ответ на вопрос: как возможно познание? С этой точки зрения, Бог – это абсолютное начало всего сущего, всех мыслей, поступков людей. Подтверждение этому мы находим в средневековой философии и в русской религиозной философии, среди идей таких представителей, как Августин Блаженный, Ансельм Кентерберийский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и другие.

Идеи Августина теоцентричны: в центре его философии – Бог как источник и конец всех размышлений. Августин представлял Бога как нематериальный Абсолют, как сверхприродное начало. Августин истолковывал Бога как личность бесконечную, бестелесную, обладающую абсолютным всемогуществом и сотворившую все сущее. Познание для Августина есть поиск истины. Неизменная, вечная истина есть источник познания, и она же есть Бог. Таким образом, Бог, по Августину, действительно, является основой всякого знания, не только вненаучного, или религиозного знания, но и научного знания тоже. Если Бог выступает основой любого знания, то можно причислять его к формам абсолютных предпосылок познания.

Другим примером, могут выступать идеи Н. А. Бердяева. Н. А. Бердяев пишет: «В основе позитивизма лежит неверие в смысл жизни, в Разум мира. Люди, потерявшие религиозное ощущение, пытаются заменить погибший объективный, абсолютный смысл бытия «смыслом» субъективным, условным» [1, с. 47]. Также он отмечал, что «ценность нерелигиозного исследования религии очень относительна и условна... Нерелигиозный субъект делает мертвым и пустым религиозный объект своего исследования» [1, с. 7]. Он пытался показать, что только глубоко верующий человек может познать Бога. Только ему открываются все религиозное знание целиком. Он также считал, что только религию, только веру «можно считать откровением объективных реальностей» [1, с. 20].

С другой стороны, религия относится к социокультурным формам жизнедеятельности человека, наряду с повседневностью, образованием, воспитанием, наукой, философией и другими. Здесь учитывается тот факт, что религиозное знание распространяется не только среди людей, непосредственно занимающихся вопросами религии, или среди глубоко верующих людей, несмотря на идеи Н. А. Бердяева, но и не имеющих к религии отношения людей. С этой точки зрения религиозное знание и все его атрибуты, такие как понятие «Бог», «Божественное Откровение», «божественное слово» и «предопределение», «вечная истина» и другие, как знание, накопленное и передаваемое культурой, относятся уже не к абсолютным предпосылкам познания, а к социокультурным формам предпосылочного знания. П. А. Сорокин предполагает, что в идеа-

циональной культуре «доминирующая система истины непременно будет «откровением» (религиозной или магической системой истины), которое сверхъестественным или даже сверхлогическим образом «ниспослано», «даровано», «внушено» личным или абстрактным потусторонним проводником» [7, с. 286]. Другими словами, Божественное Откровение как элемент религиозного знания, относящегося к сфере социокультурной жизни общества, является формой социокультурных предпосылок познания. Таким образом, для того чтобы правильно интерпретировать такую форму предпосылочного знания, как Божественное Откровение, необходимо уточнять, в каком аспекте оно употребляется: в идеях средневековых философов или в религии, как сфере общественной жизни.

Философское знание вбирает в себя очень большой объем знания, и выделить важные части этого знания, которые имеют для нас наибольший интерес – сложная задача. Философское знание не стоит на низших ступенях познания, как чувственное знание или обыденное знание, напротив, оно занимает верхнюю ступень человеческого познания.

Философское знание дает целостное представление о мире, человеке, обществе. Философское знание динамично, оно постоянно меняется, развивается, с приходом новой эпохи появляются новые направления мысли. Философское знание вырабатывает методы, которые используют как в повседневной, так и в научной жизни. Рефлексия как основной метод философии также помогает в обыденной жизни, способность к рефлексии, к самоанализу, способствует решению человеческих проблем. Философское знание показывает человеку способы мышления, построения логических схем, с помощью которых можно достичь истинного знания. Кроме того, философия учит нас искать противоречия, критически относиться к предметам и знаниям, что заставляет мысль двигаться в различных направлениях и не дает ей стоять на месте. Основой философского знания является знание, которое включает в себя знание истории философии, знание философов всех эпох, знание о мире в целом, о человеке, об обществе. Философское знание должно быть доступно человеку, хотя многие ученые считают, что философское знание, как и религиозное или научное знание, не может быть

доступно обычному человеку, а только избранным людям. Конечно, далеко не все знают историю философии или идеи различных философов, но активно пользуются методами философии, даже не подозревая этого. Человек на протяжении всей жизни конструирует свое представление о мире, об обществе, о ценностях, об отношении, с каждым этапом своего существования он переосмысливает окружающую его действительность, постепенно формируя религиозное, обыденное, чувственное знание, которые и объединяются в философское знание.

Философское знание имеет свою основу в знании, но знание в чистом виде не может считаться философским, оно должно быть отрефлексировано, оно должно заключать в себе проблему, затрагивающую все стороны человеческого бытия. Основой философского знания являются абстрактные понятия. Абстрактные понятия – это знание, содержащее максимальную степень обобщения. Развитие философского знания происходит тогда, когда конкретизируются, обобщаются, расширяются философские абстрактные понятия.

По аналогичной схеме можно разобрать и другие виды познания, такие как художественное, мифологическое, в которых также обнаруживаются предпосылки познания. Здесь представлен алгоритм вычленения предпосылки познания, которые выступают основой познания субъекта. Предпосылка познания существует огромное множество не только в научном познании, но и во вненаучном познании. Формы социокультурных предпосылок познания определяют становление сознания субъекта, в которое включено знание общественных и культурных стереотипов.

Таким образом, учитывая обозначенные формы социокультурных предпосылок познания, представление о том, что такое предпосылочное знание расширяется и выходит за рамки научного познания. В термин «предпосылочное знание» могут быть включены как научные, так и социокультурные предпосылки познания. Исходя из этого, предпосылочное знание – такие условия возникновения знания, которые предшествуют состоявшейся теоретической установке. Из определения понятно, что условиями могут выступать любые – научные и вненаучные конструкты, которые могли бы определить становление теории, мысли или идеи.

Литература

1. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.
2. Ельчанинов В. А. Основные проблемы интернализма: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.
3. Лешкевич Т. Г. Концепции современного естествознания. Социогуманитарная интерпретация специфики современной науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. 333 с.
4. Микешина Л. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Прогресс-традиция, 2005. 464 с.
5. Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 153 с.
6. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Киев: Ника-Центр, 1997. 556 с.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
8. Фролов И. Т. Введение в философию: учебное пособие для вузов / авт. колл.: Фролов И. Т. и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003. 623 с.

Информация об авторе:

Николина Надежда Валерьевна – преподаватель кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, nadya_omsk89@mail.ru.

Nadezhda V. Nikolina – Lecturer at the Department of Pedagogy, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2014 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТРУКТУРНОГО ПОДХОДА В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

М. Н. Щербинин, А. И. Павловский, И. Н. Пупышева

METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF STRUCTURAL APPROACH IN HUMANITARIAN COGNITION

M. N. Shcherbinin, A. I. Pavlovskiy, I. N. Pupyshcheva

В статье рассматриваются истоки и становление структурного подхода в гуманитарном познании. Он понимается как результат «коперниканского переворота» И. Канта, получивший свое развитие в процессе прояснения специфики гуманитарного познания, совершенного в теориях неокантианства, прагматизма, структурализма, гештальт-психологии, аналитической философии и др. Обосновывается, что структура как внутренняя форма выступает в качестве основания целостности вещи, а потому структурный подход противопоставляется элементаризму. Утверждается ключевая роль в развитии структурного подхода структурализма, сформировавшего развернутую структурную методологию. Показывается то место, которое занимают лингвистические исследования в изучении символических форм культуры, которые хотя и не сводятся к языковым, но в достаточной мере обусловлены ими. В свою очередь, устанавливается и значение структурализма для лингвистики, которой он позволил обрести научный статус. Описывается развитие структурализма и устанавливается ограниченность его методологических возможностей, которая привела к преодолению его гегемонии в гуманитарном познании, что вовсе не означает ограниченности структурного подхода как такового.

The paper discusses the origins and formation of the structural approach to humanitarians cognition. It is understood as a result of the "Copernican revolution" of I. Kant that developed in the process of clarifying the specifics of humanitarians cognition committed in theories of neokantianism, pragmatism, structuralism, Gestalt-psychology, analytic philosophy and others. It is proved that the structure of the inner form serves as the base of the integrity of things, thus structural approach is opposed to elementarism. The key role of the structural approach in the development of structuralism is proved, where the structural approach generated a detailed structural methodology. The authors show the place of linguistic researches in the study of symbolic forms of culture which, although not confined to language, are still rather often caused by them. In turn, the author determines the meaning of structuralism for linguistics, which owes its scientific status to structuralism. The authors describe the development of structuralism and its limited set of methodological possibilities, which led to the overcoming of its hegemony in humanitarians cognition, which does not mean that the structural approach is limited as such.

Ключевые слова: мыслеречие, речевая деятельность, речемышление, символическая реальность, символические формы, структуралистская модель, языковая структура.

Keywords: linguistic structure, model of structuralism, speech activity, speech thought, symbolic forms, symbolic reality, thinking speech.

На каком-то этапе развития интеллектуального обобщения именно структура, обозначающая поначалу внутреннюю форму объекта, начинает представляться эквивалентом его целостности и сущности [4, с. 175]. Исследуя инвариантное отношение в множественной динамике различных систем, т. е. их структуру, структурализм по-своему «сшивал» два края познания и бытия – обобщение и разобобщение, системность и элементаризм. Ф. де Соссюр в языке находил особую способность к обозначению и выражению через наличие в языке взаимосвязей одних знаковых элементов с другими, т. е. во вхождении этих знаковых элементов в систему отношений [11, с. 801]. К тому же, как полагают белорусские авторы, так выражается «резкая оппозиция» позитивистскому *атомизму*, пытающемуся вычленивать «атомы языка» – «конкретные языковые сущности», элементарные единицы значения – из которых он-де складывается» [11, с. 801].

При этом структурализм сущность и «тайну целостности» ищет в структурах (как элементарных, фундаментальных формах, законах, отношениях и т. п.) [4, с. 175]. В гуманитарном познании, по мнению лингвистов, получается: «Если обозначить *схему отношений между элементами целого как структуру*, а

методы исследования, направленные на её обнаружение, как структурные, то можно считать, что перенесение центра тяжести с элементов на их соотношение и знаменует новый, или структурный, подход к объекту» [9, с. 25].

На наш взгляд, структурализм «подбирается» к обнаружению общего и обобщения в довольно интимной или даже эзотерической сфере межкультурного общения в целом. Рассматривая позицию К. Леви-Стросса в этнологии, А. Ф. Зотов отмечает, что структурализм считает культурную «вселенную» *в общем случае* принципиально плюралистичной, когда «составляющие её системы если не независимы..., то уж во всяком случае суверенны, автономны» [5, с. 623]. Однако из этого вовсе не делается вывод о принципиальной разобщённости или даже, наоборот, о некотором сходстве разнообразных этносов, что, собственно говоря, выглядит банальностью. А. Ф. Зотов подчёркивает более глубокую суть, полагая, что «в этнологии сравнение имеет иную цель, нежели выявление сходства – обобщение; и только поэтому этнолог способен получить нетривиальные результаты, отличные от выводов социолога»

теоретика о существовании общих законов функционирования и развития любого общества» [5, с. 624].

Однако в структурализме надо в этом случае отметить его способность к экспликации внеразумных оснований рациональности. Например, установлено, что «различные понятийные конструкты – «линейные структуры» К. Леви-Стросса, «эпистемы» М. Фуко, «символический порядок» Ж. Лакана – претендуют на формализацию и прояснение взглядов на природу и проявление бессознательного» [11, с. 807]. И тогда понятно, что сфера структурируемого общения и общения в гуманитарном познании расширяется. Обращаясь к концепции антрополога М. Мосса о символическом характере социальных структур, белорусские философы напоминают нам о том, что вообще с 1950-х годов «символическое» становится «существительным», а не «прилагательным» [11, с. 818].

Чтобы как-то более убедительно для читателя закончить мысль о переносе акцента с буквального на фигуративное, дополним сказанное выше последней ссылкой на используемую работу. Там в частности подчеркивается та лакановская мысль, что именно операции «сгущения» и «смещения», определяющие грамматику «языка» сновидений, в плане естественного языка функционируют в качестве фигур метафоры и метонимии» [11, с. 820]. И тогда душу гуманитария и особенно филологов наверняка согреет тот лакановский вывод, что сама «сила, структурирующая бессознательное, обнаруживается в естественном (поэтическом, сюрреалистическом) языке» [11, с. 820]. В каком-то плане здесь мы можем сослаться и на социокультурную совместимость, соединенность фигуры с обликом, с внешним видом, с габитусом. Во всяком случае, основатель как раз фигуративной теории, социолог Н. Элиас, опирался опять-таки на термин «габитус». Перетекающий из естествознания и медицины в социологию термин «габитус» наполняется новым собственно социальным содержанием, характеризуя уже не внешне телесные признаки, а внешне **социальные**, интериоризируемые в поведенческую и смысловую глубину многочисленных индивидуальных практик. Кстати, именно габитус в социологическом смысле словом пространстве и выступает у П. Бурдьё структурирующей системой или даже структурирующей структурой и структурируемой структурой одновременно, так или иначе восстанавливающей в правах диалектику внутреннего и внешнего миров, опровергаемую в той или иной мере в постструктурализме. Попеременная интериоризация и экстериоризация опыта человеческого общения и осмысливаемого обобщения здесь означает, на наш взгляд, по меньшей мере структурное удвоение или даже возведение в степень. А ведь как раз возведение в степень (сцена на сцене, кадр в кадре и т. п.), по нашему мнению, означает в искусстве и эстетической антропологии буквальный и одновременно фигуральный в своей очевидности «прорыв» самопознания к истине и сущности.

При этом структурализм не исчерпывает собой всего структурного подхода. Структурные исследования вошли в арсенал гуманитарного познания во второй половине XIX века благодаря не только структурализму, но и неокантианству, прагматизму, гештальт-психологии и т. д. Данное обстоятельство стало

прямым следствием осознания принципиальной специфичности гуманитарного познания, для которого элементаризм обладает гораздо меньшим познавательным потенциалом, чем для естественнонаучного. Гуманитарное познание было понято как познание целостностей, специфика которых определяется их внутренней формой, задаваемой связями между составляющими эти целостности элементами, ибо как утверждал Э. Кассирер: «Единство формы, будучи единством связей, лежит в основе единства предмета» [7, с. 88].

Этот подход стал результатом «коперниканского переворота» в философии, осуществленного И. Кантом, в ходе которого было введено понятие об априорных формах, структурирующих представление человека о реальности, причем само это представление понималось в качестве самодовлеющей реальности, единственно доступной нашему познанию [6, с. 48 – 49]. Это означало принципиальный переход к символическому пониманию реальности, которое подразумевает существование некоторой универсальной системы символов, в рамках которой каждый из них приобретает собственное значение (внутри замкнутого символического универсума).

Следующий шаг на этом пути был связан с признанием принципиальной неуниверсальности этих символических систем, открытием их культурной обусловленности, обнаружением в их составе того, что перерастает кантовскую универсальность априорного и задает различие представлений о мире носителей разных культур, отчего картины мира различаются в соответствии с национальным менталитетом.

Вот стремление к раскрытию этой специфичности и привело к возникновению структурного подхода в гуманитарных исследованиях, причем как в исследованиях лингвистических (от В. фон Гумбольдта до Ф. де Соссюра), так и в исследованиях общекультурных (Э. Кассирер). Одновременно с этим символический характер восприятия был разработан Ч. Пирсом, создателем семиотики (универсальной теории знаковых систем), и гештальт-психологами (М. Вертгеймером, К. Коффкой, В. Келером), сформулировавшими принцип «фигуры и фона». Такое сочетание культурологических исследований с гносеологическими означало, с одной стороны, подтверждение культурологических теорий фактами гносеологии, а с другой стороны – в перспективе необходимость признания культурной обусловленности самого познания.

Структурализм имеет особое значение среди всех течений современной научной и философской мысли, потому что именно в его рамках структурный подход был разработан как универсальная методология всего гуманитарного познания. И тут в общем и целом можно признать, что структурализм вполне состоялся в качестве методологического основания для многих гуманитарных исследований. Он и показывает на примерах лингвистики, структурной антропологии и т. д. и подсказывает направление и цели исследования, расширяя наше представление о возможностях и пределах как самой гуманитарной науки, так собственно и научной рациональности.

Серьезная научная дискуссия развернулась по поводу определения характера всех этих символических

форм. Одна из позиций подразумевала, что вся символическая реальность человеческого бытия может быть описана языком, то есть именно язык выступает в качестве базисной символической системы, которая определяет все прочие символические системы, существующие в обществе. Данную позицию, в частности, разделяли Л. Витгенштейн («Границы моего языка означают границы моего мира» [2, с. 56]) и, по-видимому, Ф. де Соссюр. Она нашла свое яркое выражение в знаменитой гипотезе Сепира-Уорфа об обусловленности мышления языком. Э. Кассирер, напротив, признавал многообразие сосуществующих автономных символических форм и критиковал отождествление мышления с языком: «Такое отождествление не замечает не только наличия форм понятийного мышления, высвобождающихся из-под власти языка и строящих самостоятельное царство «теоретического» значения, но так же и то, что выполняемая языком духовная функция не ограничивается кругом собственно «логических» проблем, сферой понятий, суждений и умозаключений... Языковая форма пронизывает уже «интуитивное» миропонимание и миропознание; она принимает ничуть не меньшее участие в организации созерцания и восприятия, чем в построении царства понятий» [8, с. 101]. Вторая позиция кажется нам более перспективной, символическую реальность невозможно свести исключительно к языку.

Но вместе с тем именно язык играет центральную роль в формировании этой реальности, что, в частности, утверждал А.-Ж. Греймас: «Мы видим, что естественные языки занимают привилегированное положение в силу того, что они служат отправной точкой для преобразований и конечным пунктом для переводов» [3, с. 17], отмечая при этом, что «...естественным языкам присуще относительно простое и частично уже проанализированное означаемое... Ценность этих методик... в контексте гуманитарных наук сравнима с ценностью алгебраической формализации для наук о природе» [3, с. 85 – 86].

Иными словами, несмотря на то, что символическая реальность несводима к языку, именно язык задает ту первичную символическую реальность (реальность языка), к которой обращаются все остальные символические формы для обретения значений входящих в них символов. А это подразумевает, что именно лингвистические методы являются главными для понимания структуралистской методологии.

Структурный метод для лингвистики оказался судьбоносным. Он смог стать основой для научной методологии языкознания (что укрепило и оправдало претензии лингвистики на статус точной науки). Кроме того, последующее распространение структурной методологии на гуманитарное познание вывело лингвистику на уровень «науки наук» и основы гуманитарного знания в целом.

Структурная лингвистика представляет принципиально новый взгляд на язык – как на автономную, внеисторичную (синхроническое языкознание) и безличную системную организацию. Структуры, предложенные Ф. де Соссюром в качестве предмета языкознания, связывают между собой лишь языковые факты (в языковую систему). Таким образом, предметно язык обособляется от всех экстралингвистиче-

ских факторов. Развивая тезис об автономии языковой системы, Э. Бенвист высказывает положение о том, что «язык может быть описан без мышления, а мышление без языка – нет» [цит. по: 1]. Язык, таким образом, представляется определяющим фактором для мышления. Можно даже говорить об утверждении «обратной» зависимости: человек как субъект мысли и речи представляется определяемым системой языковых отношений. Одним из вариантов развития идеи можно считать этнолингвистическую концепцию Э. Сепира и Б. Уорфа, связывающую поведение человека с языковым определением ситуации.

Автономия языковой системы подкрепляется обособлением языка от речевой деятельности и общей автономией лингвистики. И если ранее она подавалась в качестве составляющей (философии, антропологии, психологии), то уже в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра подчёркивается неоднократно ошибочность попыток связать языкознание с любой из форм гуманитарного познания [12]. Более того, лингвистика противопоставляет себя гуманитарным дисциплинам – как точная наука неточным, а порой даже как научное знание ненаучному.

Поиски структур привели Ф. де Соссюра к «замене» в лингвистическом объяснении прямого соответствия слов и вещей спонтанным, что уже не первый раз в истории человечества поставило истинность понимания речевого сообщения под вопрос. Развитие идей Ф. де Соссюра учениками (в частности, Э. Бенвистом) представило язык «структурой, несущей значение», а мышление – оперированием знаками языка. И вместо воздействия (как и в предшествующем доминирующем психологическом направлении лингвистики) мы имеем дело с взаимодействием: с одной стороны, мысль определяет и наполняет смыслом речевое высказывание, а с другой, по словам уже другого структуралиста – А. Мартине, – «...язык сам членит действительность..., и каждому языку соответствует уже своя особая организация опыта» [цит. по: 1]. Тезис можно интерпретировать как утверждение некоторой «безличности» языковой системы. Оставляя авторскую индивидуальность «за бортом» смыслообразования, структурализм представляет автора агентом структуры; не столько субъектом, сколько носителем языка. В постструктурализме мысль получит развитие в тезисе о «смерти автора», в утверждении смыслообразующих возможностей дискурса.

Языковая структура исследуется и как историческая (диахронический аспект) и как антиисторичная (синхронический аспект) форма обобщения. Приоритет синхронического метода перед диахроническим подчёркивается многими (так, А. А. Реформатский высказывается в поддержку этой точки зрения, отмечая преемственность идеи от Ф. Соссюра), поскольку это «подлинная и единственная реальность для говорящей массы» [10]. Синхроническое языкознание свидетельствует лишь о настоящих связях и отношениях, о фиксированных состояниях системы. Предметное обособление языка от речевой деятельности, от социума позволяет представить его как замкнутое системное целое, свободное от истории. Безусловно, синхронический и диахронический аспекты дополняют друг друга, но постановка акцента на синхронии,

на описательном подходе и придаёт языковой системе строгий и точный характер, позволяет вывести закономерности отношений между элементами, обнаружить собственно «структуры», сложившиеся в определённый момент времени.

Постепенно структурный рационализм и в лингвистике сдаёт свои позиции. И с осознанием кризиса языкознание вновь оказалось в поиске рационализирующей основы. Текст, гипертекст, концепт, дискурс, речевой акт, пришедшие на смену структуре, безусловно, обобщают гуманитарный опыт, но лингвистика

с опорой на них уже не играет такой централизующей роли в культуре.

Иными словами, можно утверждать, что сам ход развития структурализма привел к формированию дополнительных альтернатив, которые показали ограниченность данной методологии и ее гносеологических возможностей. Но при этом само развитие структурализма способствовало развитию структурного подхода как такового, который занимает сейчас одно из центральных мест в методологии гуманитарного познания.

Литература

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 2005. 368 с. Режим доступа: <http://coollib.com/b/235312/read> (дата обращения: 25.10.2014).
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
4. Диалектическая логика. М.: Издательство Московского университета, 1986. 296 с.
5. Зотов А. Ф. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2001. 784 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I: Язык. М.: Академический проект, 2011. 271 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания. М.: Академический проект, 2011. 398 с.
9. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. 565 с.
10. Реформатский А. А. Принципы синхронного описания языка // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 20 – 40. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87a.htm> (дата обращения: 26.10.2014).
11. Современная западная философия: учебное пособие. Минск: Книжный дом, 2009. 1024 с.
12. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 432 с. Режим доступа: <http://login.ru/books/kurs-obsheiy-lingvistiki-sossyur-f-de-professii> (дата обращения: 25.10.2014).

Информация об авторах:

Щербинин Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Mikhail N. Shcherbinin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Павловский Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета, tiranosawr@yandex.ru.

Alexey I. Pavlovskiy – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant professor at the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Пупышева Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета, I-rinushka@yandex.ru.

Irina N. Pupysheva – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 29.10.2014 г.

ХИМИЯ

УДК 54-4:66.095.26-922.33:615.468.6:615.273:577.11

**ХИМИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ХИРУРГИЧЕСКОГО ШОВНОГО МАТЕРИАЛА
С ЦЕЛЬЮ ПРОФИЛАКТИКИ АРТЕРИАЛЬНЫХ ТРОМБОЗОВ***Т. Н. Акентьева, С. В. Лузгарев, Т. В. Глушкова, Ю. А. Кудрявцева***CHEMICAL MODIFICATION OF SURGICAL SUTURE MATERIAL TO PREVENT
ARTERIAL THROMBOSIS***T. N. Akentyeva, S. V. Luzgarev, T. V. Glushkova, Yu. A. Kudryavtseva*

На отдаленные результаты хирургического вмешательства, и в частности, реконструктивные операции на сердце и сосудах, значительное влияние оказывает шовный материал. Несмотря на большой выбор шовного материала, на рынке отсутствуют нити с направленным антитромботическим действием. С целью повышения тромборезистентных свойств шовного материала наиболее перспективным способом является нанесение биodeградируемого покрытия на основе биополимера класса полиоксиканоатов и нефракционированного гепарина методом химической прививки. Антитромботическое покрытие полипропиленовой нити обеспечено за счет создания химически активного промежуточного слоя. Исследование прививки гепарина к субстрату методами инфракрасной спектроскопии диффузного отражения и сканирующей электронной микроскопии показало его равномерное расположение и прочное удержание на поверхности нити.

Suture material has significant influence on remote results of surgical intervention, and in particular, in reconstructive operations on heart and vessels. Despite the great choice of suture material in the market, there are no threads with directed antithrombotic effect. With the purpose of increasing thromboresistant properties of suture material, the most promising method is the application of biodegradable coating based on polyhydroxyalkanoate biopolymer and non-fractionated heparin by the method of chemical grafting. Antithrombotic coating of polypropylene thread is achieved through the creation of reactive intermediate layer. The study of grafting of heparin onto substrate by the methods of diffuse reflectance infrared spectroscopy and scanning electron microscopy showed uniform location and strong holding of heparin on the surface of the thread.

Ключевые слова: шовный материал, тромбоз, антитромботическое покрытие, химическая прививка, полимер, гепарин.

Keywords: suture material, thrombosis, antithrombotic coating, chemical grafting, polymer, heparin.

С каждым годом в России увеличивается число реконструктивных операций на различных сосудистых бассейнах, и в частности, отмечается значительный рост артериальных реконструкций на нижних конечностях [7]. Наиболее частым осложнением данных операций является тромбоз сосудистого протеза – до 45 % [1]. К шовным материалам в сосудистой хирургии предъявляются особые требования. Одним из наиболее важных требований является отсутствие проникновения нити в просвет сосуда и ее соприкосновения с протекающей кровью, однако избежать этого практически невозможно. При этом нарушение целостности участка эндотелия артерии пациента в области шва и наличие нити, выступающей в просвет сосуда, превращают зону анастомоза в очаг тромбообразования, что является серьезной проблемой в сосудистой хирургии [2 – 4]. В настоящее время рынок шовных материалов представлен различными модификациями, например, нитями с антибактериальным или противовоспалительным эффектом [6]. При этом шовный материал с тромборезистентными свойствами в арсенале сосудистых хирургов отсутствует.

Цель исследования: оценить возможность модифицирования поверхности полипропиленовой нити гепарином при помощи химической прививки с це-

лью повышения тромборезистентных свойств шовного материала.

Экспериментальная часть

Материал и методы исследования: в настоящей работе использовали нить из полипропилена толщиной 3/0. Для нанесения покрытия на поверхность нити применяли сополимер полигидроксипропионат/оксидированный полигидроксипропионат (ПГБВ) с молекулярной массой 280 кДа, синтезированный в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г. К. Скрыбина РАН (г. Пущино, Московская область) и раствор (0,5 %) нефракционированного гепарина («Белмедпрепараты», Беларусь). Для прочной прививки гепарина к полимеру использовался дополнительный подслой полиметакрилоилхлорида, химически привитый к полимерной нити и имеющий в своем составе активные группы, которые могут реагировать и образовывать с гепарином прочные ковалентные связи. Для его создания использовался метакрилоилхлорид (хлорангидрид метакриловой кислоты) квалификации «ч» (ТУ 6-09-14-2270-89, очищен перегонкой при пониженном давлении). В качестве инициатора прививки в модифицирующий раствор ПГБВ была введена очищенная перекись бензоила (ПБ) (ГОСТ 14888-78), или динитрил азо-бис-изомасляной кислоты (ДАК) (ТУ-6-09-

3840-74), в количестве 2 % от веса ПГБВ. Прививка метакрилоилхлорида к ПГБВ проводилась из газовой фазы при нагревании. Прививка гепарина на модифицированную поверхность осуществлялась из его раствора в бикарбонатном буфере при пониженной температуре. После его прививки нити промывались дистиллированной и сушились в вакууме над P_2O_5 при комнатной температуре в течение 2 суток.

Исследование прививки гепарина к субстрату проводили методом спектроскопии диффузного рассеяния при помощи ИК Фурье-спектрометра «Bruker Vertex 80v» (Германия). Для увеличения площади исследуемой поверхности образцов модифицированная нить плотно навивалась на двухслойную пластинку из толстой алюминиевой фольги с размерами 0,5 x 2,0 см так, чтобы образовался полностью закрытый нитью участок с размерами 0,5 x 0,5 см.

Качество нанесенного покрытия оценивали при помощи сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) на микроскопе Hitachi-S3400N (Япония).

Обсуждение результатов

Уже более 30 лет в литературе описаны технологии радиационно-химической прививки гепарина к

поверхности различных полимеров с целью повышения их гемосовместимости [5]. Для этого полимерный субстрат модифицировался с помощью привитой сополимеризации с метакрилоилхлоридом, который в последующем реагировал с гепарином с образованием прочных ковалентных сложноэфирных связей. Однако используемый для этого радиационный метод с помощью γ -излучения является технически сложным, небезопасным и малоприменимым для крупного производства. Наиболее перспективным методом является химическое иницирование привитой сополимеризации метакрилоилхлорида.

Прививка активного подслоя, имеющего в своем составе активные хлорангидридные группы, проводилась путем радикальной прививки в присутствии инициаторов (ПБ или ДАК). При нагревании данные соединения разлагаются на активные частицы – радикалы (рис. 1 а и б), которые реагируют с полимерной матрицей (ПГБВ), дегидрируя ее с образованием макрорадикалов (рис. 2).

В дальнейшем макрорадикалы реагируют с метакрилоилхлоридом с образованием привитого сополимера (рис. 2).

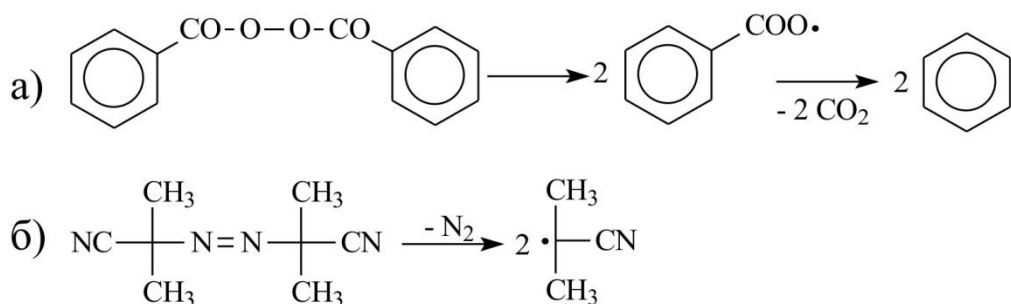

Рис. 1. Образование радикалов при нагревании: а) перекиси бензоила (ПБ), б) динитрила азо-бис-изомасляной кислоты (ДАК)

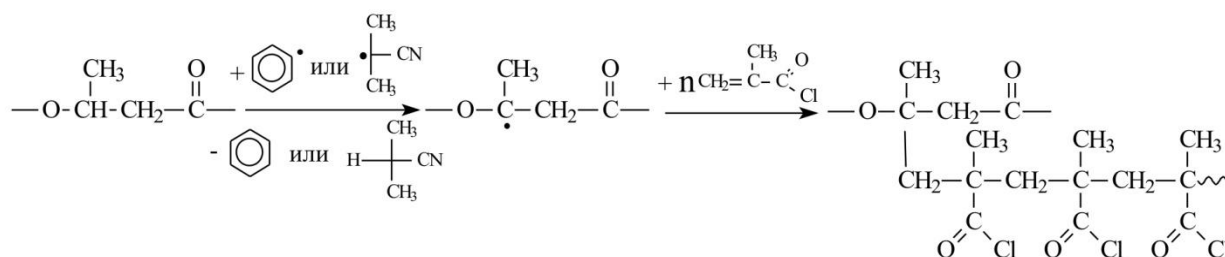

Рис. 2. Образование привитого сополимера ПГБВ-метакрилоилхлорид

Полимерный субстрат, модифицированный с помощью привитой сополимеризации с метакрилоилхлоридом, в последующем реагировал с гепарином с образованием прочных ковалентных сложноэфирных связей (рис. 3).

Исследование прививки гепарина к субстрату проводили при помощи метода инфракрасной спектроскопии диффузного рассеяния, который широко используется для изучения поверхности различных объектов [8; 9]. Данный метод позволяет получить достоверную информацию об изменениях состава поверхности образца без негативного на него воздействия.

Как видно из приведенного спектра (рис. 4), отчетливо наблюдается ряд отличий между шовным

материалом, модифицированным с гепарином, и исходной полипропиленовой нитью, покрытой ПГБВ, а именно:

а) увеличение поглощения в области 3400 – 3000 см^{-1} , что связано с появлением большого числа гидроксильных групп привитого гепарина;

б) в дополнение к общему пику при 1740 – 1720 см^{-1} (характерный пик карбоксильной эфирной группы ПГБВ) появляются новые пики при 1696 см^{-1} – поглощение кислотных карбоксильных групп – COOH гепарина и полиметакриловой кислоты, связанных водородной связью, и пик при 1637 см^{-1} – поглощение карбоксилатной группы – COO^- гепарина и полиметакриловой кислоты.

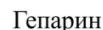

Рис. 3. Прививка гепарина на поверхность модифицированной полипропиленовой нити

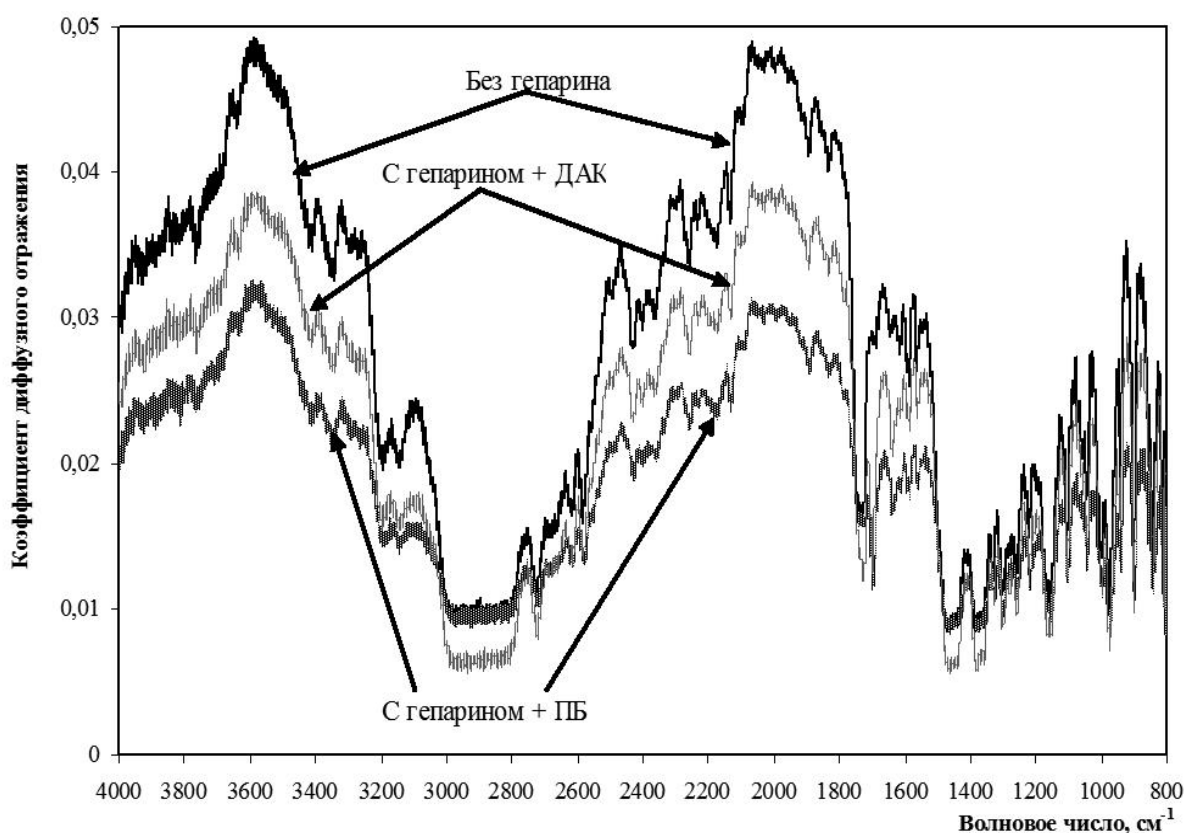

Рис. 4. Спектры диффузного отражения образцов модифицированного шовного материала в инфракрасном диапазоне

Данные отличия подтверждают прививку гепарина к поверхности полимера. При этом оба инициатора – динитрил азобисизомасляной кислоты и перекись бензоила – примерно равноценны по своим свойствам в реакции прививочной сополимеризации.

Изучение влияния модификации на структуру поверхности полипропиленовой нити было проведено методом сканирующей электронной микроскопии. Поверхность немодифицированной полипропилено-

вой нити имеет отчетливую продольную ребристость, обусловленной ее вытяжкой при формировании (рис. 5а). Нанесение на нить тонкого и равномерного слоя ПГБВ толщиной не более 4 мкм делает ее поверхность гладкой (рис. 5б). После химической модификации и нанесения гепарина поверхность нити приобрела равномерную губчатую структуру (рис. 5в), вследствие образования нового полимерного слоя с прочно привитым гепарином.

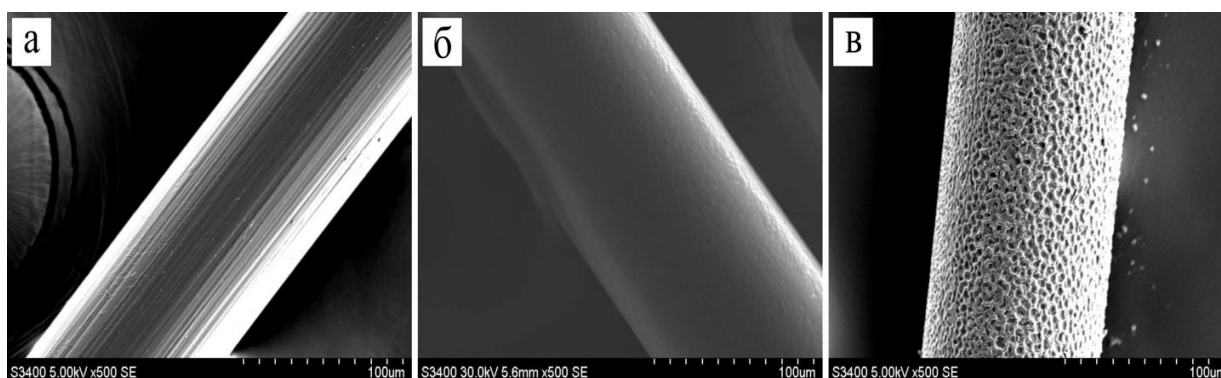

Рис. 5. Сканирующая электронная микроскопия поверхности шовного материала:
а – немодифицированная нить; б – нить + ПГБВ;
в – нить + ПГБВ + модифицирующий слой + гепарин. Увеличение – 500 раз

Заключение

Таким образом, полученные результаты демонстрируют перспективность выбранного направления. На поверхности полипропиленовой нити возможно создание био- и гемосовместимого покрытия на основе

биodeградируемого полимера и гепарина. Технология химической прививки позволяет прочно и эффективно закрепить антикоагулянт на поверхности модифицированной нити, что будет способствовать повышению тромборезистентности шовного материала.

Литература

1. Барбараш Л. С., Иванов С. В., Журавлева И. Ю., Ануфриев А. И., Казачек Я. В., Кудрявцева Ю. А. 12-летний опыт использования биопротезов для замещения инфраингвинальных артерий // *Ангиология и сосудистая хирургия*. 2006. Т. 12. № 3. С. 91 – 97.
2. Белоярцев Д. Ф., Тимина И. Е. Ближайшие результаты реконструкций внутренней сонной артерии рассасывающимся шовным материалом // *Ангиология и сосудистая хирургия*. 2003. Т. 9. № 4. С. 79 – 88.
3. ГОСТ Р ИСО 10993-4-2009. Изделия медицинские. Оценка биологического действия медицинских изделий. Ч. 4. Исследование изделий, взаимодействующих с кровью. Введ. 2010-09-01. М.: Стандартинформ, 2010. 27 с.
4. Курьянов П. С. Гиперплазия интимы в зоне сосудистого анастомоза // *Ангиология и сосудистая хирургия*. 2008. Т. 14. № 4. С. 146 – 150.
5. Маклакова И. А., Валуев Л. И., Чупов В. В., Платэ Н. А., Беломестная З. М., Севастьянов В. И., Валуева Т. А., Мосолов В. В. А. с. 1114039 СССР. Способ получения гемосовместимых полимеров. № 3610125/05; заявл. 29.06.83; опубл. 10.01.98 // *Изобретения*. 1998. № 1(II). С. 458.
6. Плечев В. В., Евсюков А. А., Козленко Р. П., Абдрашитов Х. З., Мурысева Е. Н., Альмухаметов М. А. Опыт применения шовного материала «Абактолат» с пролонгированным антибактериальным действием в кардиохирургии // *Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия*. 2003. Т. 5. Приложение 1. С. 30 – 31.
7. Покровский А. В., Гонтаренко В. Н. Состояние сосудистой хирургии в России в 2012 году // *Российское общество ангиологов и сосудистых хирургов*. М., 2013. Режим доступа: <http://angiolsurgery.org/society/report/-2012/index.pdf> (дата обращения: 10.10.2014).
8. Adapa P., Karunakaran C., Tabil L., Schoenau G. Potential Applications of Infrared and Raman Spectromicroscopy for Agricultural Biomass // *Agricultural Engineering International: the CIGR Ejournal [Official website]*. 2009. Vol. XI. P. 1081. Режим доступа: <http://www.cigrjournal.org/index.php/Ejournal/article/viewFile/1081/1151> (accessed: 10.10.2014).
9. Workman J., Jr. *The Handbook of Organic Compounds, Three-Volume Set, 1st Edition. NIR, IR, R, and UV-Vis Spectra Featuring Polymers and Surfactants*. Academic Press: Boston, 2000. 1493 p.

Информация об авторах:

Акентьева Татьяна Николаевна – младший научный сотрудник лаборатории новых биоматериалов НИИ КПССЗ СО РАМН, t.akentyeva@mail.ru.

Tatyana N. Akentyeva – Junior Research Associate at the Laboratory of New Biomaterials, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Disease.

Лузгарев Сергей Валентинович – кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии КемГУ, polymer@kemsu.ru.

Sergey V. Luzgarev – Candidate of Chemistry, Assistant Professor at the Department of Organic Chemistry, Kemerovo State University.

Глушкова Татьяна Владимировна – кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории новых биоматериалов НИИ КПССЗ СО РАМН, bio.tvg@mail.ru.

Tatyana V. Glushkova – Candidate of Biology, Research Associate at the Laboratory of New Biomaterials, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Disease.

Кудрявцева Юлия Александровна – доктор биологических наук, заведующая лабораторией новых биоматериалов НИИ КПССЗ СО РАМН, kudrua@cardio.kem.ru.

Yuliya A. Kudryavtseva – Doctor of Biology, Head of the Laboratory of New Biomaterials, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Disease.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2014 г.

УДК 58.01/07:582.6/9

**СОСТАВ ФЕНОЛЬНЫХ СОЕДИНЕНИЙ СЫРЬЕВОЙ ЧАСТИ
LEONURUS QUINQUELOBATUS GILIB. ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
Ю. В. Загурская, В. Г. Васильев, А. Л. Богатырев, И. И. Баяндина**

**PHENOLIC COMPOUNDS COMPOSITION OF LEONURUS QUINQUELOBATUS GILIB.
HERB FROM DIFFERENT REGIONS OF WESTERN SIBERIA
Yu. V. Zagurskaya, V. G. Vasiliev, A. L. Bogatyrev, I. I. Bayandina**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №10-04-98011-р_сибирь_а).

Для выяснения влияния антропогенного загрязнения на качество сырья пустырника проведено изучение состава основных фенольных соединений (флавоноидов, фенолкарбоновых кислот и их производных) и их соотношения в траве *Leonurus quinquelobatus* Gilib. из Кемеровской области, регионов с менее развитой химической и угледобывающей промышленностью (Новосибирская и Омская область) и экологически чистых территорий (Горный Алтай) в 2011 году. Разработана методика предварительной отчистки и анализа методом ВЭЖХ-МС этанольных экстрактов (70 %) из травы *L. quinquelobatus*. Пропускали через патрон, заполненный обращено-фазовым сорбентом (Диапак С16), наилучшее извлечение флавоноидов и фенолкарбоновых кислот обеспечивает метанол. Для разделения использовали элюент: 2 % муравьиная кислота-метанол в режиме ступенчатого элюирования – сочетание изократического и градиентного режимов. В образцах обнаружено 9 основных компонентов фенольной природы, из них 5 компонентов являются флавоноидами или их производными: хлорогеновая кислота, эфир кофейной и яблочной кислот, тетрозодипентозид кофеилхинной кислоты, тетрозопентозид кофеилхинной кислоты, рутин, гексозокумароиллютеолин, изомеры квинквелозида, метиловый эфир апигенина. По составу соединений растения из различных регионов Западной Сибири не различались. Высокое содержание рутина и хлорогеновой кислоты в лекарственных препаратах *L. quinquelobatus* не свидетельствует о хорошем качестве анализируемого сырья, так как количество этих веществ может возрастать при повреждении растений болезнями и вредителями. Сравнение качества образцов *L. quinquelobatus* предпочтительнее осуществлять по производным апигенина (в том числе квинквелозида).

The main phenol compounds composition (flavonoids, phenolcarboxylic acids and its derivatives) and their ratio in *Leonurus quinquelobatus* Gilib. herb from Kemerovo region, regions with less developed chemical and coal-mining industries (Novosibirsk and Omsk regions) and environmentally friendly areas (Altai Republic) were studied in 2011 for developing the influence of anthropogenic pollution on the quality of raw motherwort. The primary purification method and analysis by HPLC-MS of the *L. quinquelobatus* herb alcoholic extracts (70 %) was developed. Passed through a patron filled with phase reversed sorbent (Diapak C16), methanol furnished the best extract of flavonoids and hydroxycinnamic acids. An eluent was used for separation: 2 % formic acid-methanol in the stepwise elution mode (isocratic and gradient modes combination). The 9 main phenolic compounds were found in the samples, 5 of them are flavonoids and their derivatives (chlorogenic acid, ether caffeic and malic acid, tetrosopentozide chlorogenic acid, tetrosodipentozide chlorogenic acid, rutin, hexosokumaroilluteolin, quinquelozide isomers, methyl apigenin ether). A compound composition of the plants from different regions of Western Siberia was not different. The high content of rutin and chlorogenic acids in *L. quinquelobatus* medications did not demonstrate the high quality of the analysed raw material because the amount of these compounds can increase if the plants are damaged by diseases and blasts. Comparison of the quality of the *L. quinquelobatus* samples should better be carried out by apigenin derivatives (including quinquelozide).

Ключевые слова: *Leonurus quinquelobatus* Gilib., пустырник пятилопастной, ВЭЖХ-МС, флавоноиды, фенолкарбоновые кислоты, фенольные соединения.

Keywords: *Leonurus quinquelobatus* Gilib., motherwort, HPLS-MS, flavonoids, phenolcarboxylic acids, phenolic compounds.

Известно, что в состав биологически активных веществ *Leonurus quinquelobatus* Gilib. (пустырника пятилопастного) и *L. cardiaca* L. (пустырника сердечного) входят флавоноиды (рутин, квинквелозид), дубильные вещества, сапонины. Антиаритмическое и кардиотоническое действие этих видов пустырника обусловлено наличием фенольных соединений, в частности флавоноиды обладают кардиотоническим и седативным действием (в 2 – 3 раза сильнее, чем у настойки валерианы) и включены в Российскую Фармакопею XI издания [3; 12; 15]. Траву пустырника применяют в качестве лекарственного средства при вегето-сосудистой дистонии, гипертонической болезни (ранние стадии), повышенной возбудимости. Как наружное средство настойку пустырника используют с целью заживления ожогов, отморожений и ран [1; 6].

Сведений о составе и содержании фенольных соединений для видов рода *Leonurus* L. в литературе мало. В растениях видов рода *Leonurus* были обнаружены 8-гидроксифлавоны 7-аллозилглюкозид и р-кумароилглюкозид [17 – 18]. В траве *L. cardiaca* показано наличие в растениях этого вида кверцетина, рутина, гиперозида, эпикатехина, процианидина B2 [11; 14]. В Китае методами колонной хроматографии из растений *L. heterophyllus* Sweet. выделены кверцетин-3-О-[3-4-гидрокси-3,5-диметоксибензил-альфа-L-рамнопиранозил]-бета-D-галактопиранозид, кверцетин-3-О-рабинозид, рутин, изокверцитрин, гиперозид, кверцетин, апигенин, генкванин; установлено, что флавоноиды этого растения обладают антиоксидантной, антибактериальной, противораковой активностью [8; 10]. В растениях *L. glaucescens* Bunge обнаружены фенилпропаноиды: леонуризин А и В, β -(3,4-дигидроксифенил)-этил-О- α -1-арабинопиранозил-(1 $\rightarrow$ 2)- α -1-рамнопиранозил-(1 $\rightarrow$ 3)-4-О-ферулоил- β -D-глюкопиранозид, β -(3-гидрокси, 4-метоксифенил)-этил-О- α -1-арабинопиранозил-(1 $\rightarrow$ 2)- α -1-рамнопиранозил-(1 $\rightarrow$ 3)-4-О-ферулоил- β -D-глюкопиранозид, лавандулилозид и вербаскозид [9]. Из травы *L. japonicus* выделен генкванин 4'-глюкозид [4]. В образцах *L. persicus* Boiss. выявлены фенолы: леукосцептозид А, эвгенил- β -рутинозид, кемпферол-3-О-глюкозид, доказана антибактериальная активность этих соединений [16]. В растениях *L. cardiaca* найдены гидроксикоричные кислоты: феруловая и кофейная [7; 13; 19]. Существуют методики определения содержания флавоноидов: спектрофотометрическая в траве *L. cardiaca* и фотокolorиметрическая в траве *L. glaucescens* в пересчете на рутин [5]. Т. Т. Зиеп и Е. В. Жоховой на основании спектроскопических данных разработана методика количественного определения флавоноидов в траве *L. japonicus* Houtt. и *L. quinquelobatus* методом дифференциальной спектрофотометрии в пересчете на рутин ($\lambda = 410$ нм) и цинарозид ($\lambda = 400$ нм) соответственно [3 – 4].

Таким образом, на данный момент фенольные соединения вида *Leonurus quinquelobatus* изучены недостаточно, методики определения состава фенольных веществ ВЭЖХ-МС в растениях этого вида нет.

Цель работы: выяснить влияние промышленного загрязнения на состав и соотношение фенольных соединений (флавоноидов и гидроксикоричных кислот и их производных) в растениях *Leonurus quinquelobatus*.

Для этого поставлены следующие задачи:

1) подобрать методику анализа фенольных соединений в водно-этанольных экстрактах из травы *L. quinquelobatus* методом ВЭЖХ-МС;

2) выяснить состав фенольных соединений в растениях *L. quinquelobatus*, выращенных в регионах Западной Сибири с различной степенью техногенного загрязнения;

3) сравнить состав и соотношение основных компонентов фенольной природы в образцах из Кемеровской области, по сравнению с образцами из регионов с менее развитой химической и угледобывающей промышленностью (Новосибирская и Омская область) и экологически чистых территорий (Горный Алтай).

Экспериментальная часть. ВЭЖХ-МС анализ проводили на жидкостном хроматографе Agilent 1200 SL (с диодно-матричным детектором) и гибридном квадруполь-времетра-масс-спектрометре Bruker micrOTOFQ в декабре 2011 года.

Изучали траву (лекарственное сырье) *Leonurus quinquelobatus*, растения получены рассадным способом из генетически однородных семян в 4 регионах Западной Сибири на территории:

1) Кузбасского ботанического сада ИЭЧ СО РАН (г. Кемерово);

2) сада Мичуринцев НГАУ (г. Новосибирск);

3) Горно-Алтайского ботанического сада (пос. Камлак);

4) Агро-биостанции ОмГПУ (г. Омск).

Сырье для анализа заготавливали в 2011 году по достижении растениями фенологического состояния, соответствующего требованиям Государственной фармакопеи (1990): в начале цветения нижних цветочных мутовок (Новосибирск – 23 июня, Кемерово – 30 июня, Камлак – 6 июля). Растения из Омска оказались поражены мучнистой росой и использованы для сравнения состава фенольных веществ с образцами здоровых растений (дата сбора 10 июля). Для приготовления средних образцов брали аликвотную массу (1 %) измельченного образца каждого растения. Полученную пробу тщательно перемешивали, отбирали около 1 г (точная навеска), трижды экстрагировали на водяной бане 70 %-ным раствором этанола (исчерпывающая экстракция), фильтровали для удаления взвеси.

Важный этап пробоподготовки при высокоэффективной жидкостной хроматографии – отделение от экстрактов хлорофиллов, которые могут удерживаться обращено-фазовым сорбентом хроматографической колонки, что приводит к различным проблемам с хроматографической системой (повышение давления, изменение времен удерживания различных веществ из-за уменьшения эффективной площади сорбента и др.). Использовали метод твердофазной экстракции. Аликвоту полученного экстракта (700 мкл) пропускали через патрон, заполненный обращено-фазовым сорбентом (Диapak C16). При пропускании через патрон хлорофиллы почти необратимо связываются с фазой. Затем патрон промывали элюентом (700 мкл) для извлечения флавоноидов и фенолкарбоновых кислот. В качестве элюента можно использовать ацетонитрил и этиловый спирт, но в нашем случае наиболее эффективным оказался метанол.

Полученные растворы анализировали методом ВЭЖХ-МС с обращено-фазовым режимом элюирования – колонка Zorbax SB-C18 (2,1 x 150 мм, 3,5 мкм). Колонка находилась в термостате при температуре 25⁰С. Оптимальная скорость потока растворителя для совместного использования хроматографа и масс-спектрометра для анализа растительных экстрактов – 0,2 мл/мин. Хроматограммы регистрировались на двух диапазонах длин волн: 340 ± 50 нм – основной диапазон поглощения интересующих нас соединений (флавоноидов и фенолкарбоновых кислот) и 650 ± 50 нм, в котором поглощают различные хлорофиллы, этот диапазон использовался для контроля количества хлорофиллов после очистки экстрактов твердофазной экстракцией. Оптимальный вводимый объем пробы раствора составил 5 мкл.

Для разделения использовали элюент: 2 % муравьиная кислота-метанол в режиме ступенчатого элюирования – сочетание изократического и градиентного режимов.

Экспериментально установили, что оптимальное разделение для экстрактов *L. quinquelobatus* достигается при следующем элюировании: первые пять минут 10 % метанола в изократическом режиме, затем в течение 30 минут объемное содержание метилового спирта менялось от 10 до 100 %, а потом снова изократическое элюирование чистым метанолом в течение 10 минут, чтобы удалить хлорофиллы с фазы хроматографической колонки.

В качестве способа получения ионов в МСД использовалась ионизация электрораспылением (ESI, электроспрей). Рабочие параметры ионизации: давление газа-распылителя – 2 бара; скорость подачи газа-осушителя – 8 л/мин; температура осушителя – 240⁰С; напряжение на конце капилляра – ±4 кВ. Диапазон регистрации m/z: 100 – 1200; точность опреде-

ления массы ±0,01 Да. МСМС-спектры получали, фрагментируя флавоноиды с m/z меньше 400 Да (т. е. агликоны флавоноидов) и фенолкарбоновые кислоты при энергии столкновений 20 эВ, а флавоноиды с m/z больше 400 Да (т. е. гликозиды флавоноидов) – при 40 эВ.

Были записаны хроматограммы и масс-спектры экстрактов и раствора, содержащего смесь стандартов хлорогеновой кислоты, рутина, кверцитрина, кверцетина, апигенина и лютеолина. При помощи полученных масс-спектров были определены молекулярные массы основных фенольных соединений в экстрактах. Масс-детектирование велось в режиме как положительных, так и отрицательных ионов.

Вышеописанным методом изучен состав фенольных соединений *L. quinquelobatus* из четырех модельных регионов.

Результаты и их обсуждение. После сравнения полученных данных для всех экстрактов и смеси стандартов в составе экстрактов удалось идентифицировать только два вещества – хлорогеновую кислоту и рутин, остальные пики хроматограммы экстракта пришлось идентифицировать по полученным УФ- и масс-спектрам. Всего обнаружено 9 основных компонентов – 4 производных гидроксикоричных кислот и 5 веществ, относящихся к классу флавоноидов: кофеилхинная (хлорогеновая) кислота ($t_R = 16.9$ мин), эфир кофейной и яблочной кислот ($t_R = 20.8$ мин), тетрозид кофейной кислоты ($t_R = 22.5$ мин), тетрозид кофейной кислоты ($t_R = 22.8$ мин), 3-О-рутинозид кверцетина (рутин) ($t_R = 24.2$ мин), гексокумароиллютеолин ($t_R = 25.7$ мин), изомеры гексокумароиллютеолина (квинквелозиды) (пики с $t_R = 28.6$ и 29.7 мин), метиловый эфир апигенина ($t_R = 33.3$ мин) (рис. 1).

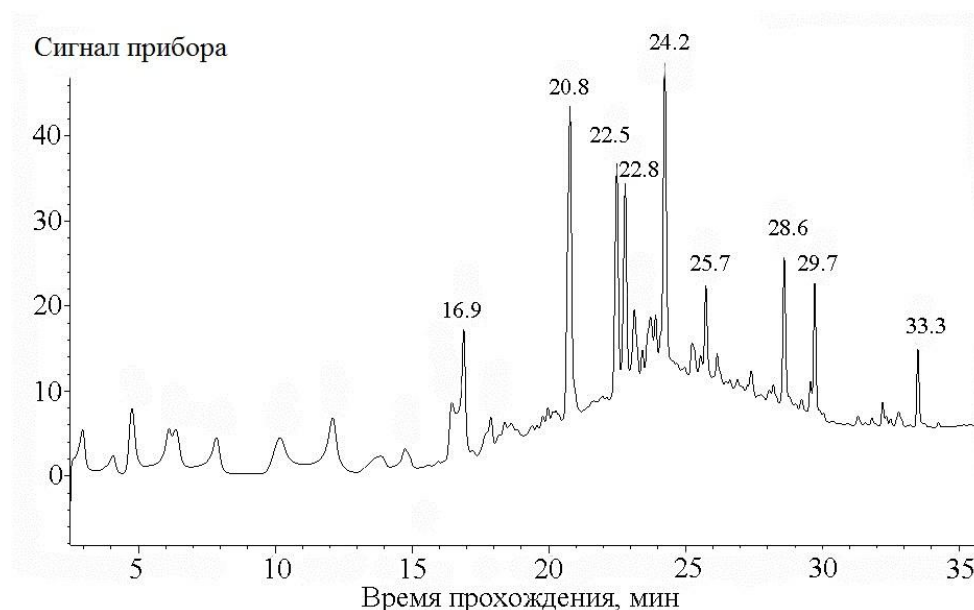

Рис. 1. Схема ВЭЖХ-хроматограммы водно-этанольного экстракта из травы *L. quinquelobatus* (время прохождения основных фенольных соединений)

Образцы из различных регионов и поврежденные мучнистой росой по составу флавоноидов и гидроксикоричных кислот не различались, но показали различия в соотношении компонентов. Минимальное количество рутина и производных хлорогеновой кислоты обнаружено в образцах сырья из Новосибирска, где растения обладают наибольшими размерами [2]. Известно, что фенольные соединения, в частности хлорогеновая кислота, являются одним из эффективных антиоксидантов и участвуют в регуляции ростовых процессов растения. Суммарное содержание компонентов фенольной природы также минимально в образцах из Новосибирска, кемеровские и алтайские растения различались по данному показателю несущественно (таблица 1).

Среди здоровых растений наиболее заметные отличия в относительном содержании всех флавоноидных компонентов (особенно квинквелозида и рутина) демонстрирует образец с Алтая. В растениях из Новосибирской и Кемеровской областей содержание рутина уступает алтайским образцам почти в 2 раза. Прямых зависимостей между экологическими факторами и суммарным содержанием фенольных веществ в пустырнике выявлено не было, что может быть связано с высокой адаптивной способностью растений пустырника к широкому спектру условий: вид обычно характеризуется R-стратегией и способен очень быстро захватывать свободные ресурсы.

Таблица 1

Соотношение основных фенольных компонентов в сырьевой части *L. quinquelobatus* из различных регионов Западной Сибири (в пересчете на минимальную площадь пика)

Соединение / Образец	Камлак (ГА)	Новосибирск	Кемерово	Омск*
Рутин	2,6	1,0	1,6	6,3
Гексозокумароиллютеолин	1,5	1,0	1,4	3,6
Гексозокумароилапигенин (изомеры квинквелозида)	4,2	2,9	3,0	1,0
Метилловый эфир апигенина	2,4	2,5	2,1	1,0
Хлорогеновая кислота и её производные	1,6	1,0	1,6	3,4
Эфир кофейной и яблочной кислот	1,5	1,7	1,6	1,0
Сумма	1,6	1,0	1,5	3,1

Примечания: * – растения поражены мучнистой росой.

В образцах, поврежденных мучнистой росой, обнаружено большее (в 2 и более раз) количество рутина, гексозокумароиллютеолина и производных хлорогеновой кислоты по сравнению с максимальным содержанием в здоровых растениях, а количество изомеров квинквелозида и производного апигенина в этих растениях было достоверно меньше. Содержание производных апигенина в поврежденных растениях было существенно ниже, по сравнению со здоровыми.

Таким образом, с помощью разработанной нами методики анализа водно-этанольных экстрактов из травы *Leonurus quinquelobatus* в образцах, выращен-

ных в 4 регионах Западной Сибири, идентифицировано 9 фенольных соединений. По составу соединений растения из различных регионов не различались. Высокое содержание рутина и хлорогеновой кислоты в лекарственных препаратах *L. quinquelobatus* не всегда свидетельствует о хорошем качестве анализируемого сырья, так как количество этих веществ может возрастать при повреждении растений болезнями и вредителями. Сравнение качества образцов *L. quinquelobatus* предпочтительнее осуществлять по производным апигенина (в том числе по квинквелозиду).

Литература

1. Государственная фармакопея СССР: 11-е издание. М.: Медицина, 1990. 400 с.
2. Загурская Ю. В., Баяндина И. И., Сиромля Т. И., Сысо А. И., Дымина Е. В., Вронская О. О., Казанцева Л. М. Качество сырья лекарственных растений при выращивании в антропогенно нарушенных регионах Западной Сибири на примере *Hypericum perforatum* L. и *Leonurus quinquelobatus* Gilib. // Химия растит. сырья, 2013. № 4. С. 141 – 150.
3. Зиэп Т. Т. Н. Фармакогностическое изучение травы *Leonurus japonicus* Houtt.: автореф. дис. ... канд. биол. наук. СПб.: Санкт-Петербургская гос. хим.-фарм. акад., 2008. 16 с.
4. Зиэп Т. Т. Н., Жохова Е. В. Разработка методики количественного определения суммарного содержания флавоноидов в траве пустырника спектрофотометрическим методом // Химия растит. сырья. 2007. № 4. С. 73 – 77.
5. Попов Д. М., Пашинская Е. В., Коваленко Л. И. Контроль качества сырья препаратов пустырника спектрофотометрическим методом // Фармация. 1992. № 4. С. 27 – 31.
6. Пронченко Г. Е. Лекарственные растительные средства: справочник / под ред. А. П. Арзамасцева, И. А. Самылиной. М: ГЭОТАР МЕД, 2002. 288 с.
7. Bernatoniene R., Bernatoniene J., Ramanauskiene K. The analysis of tincture for improvement of blood circulation // Medicina (Kaunas). 2004. V. 40. I. 8. P. 758 – 761.
8. Cong Y., Guo J., Wang T., Li M., Li K., Wang J., Li Q. Chemical constituents and antitumor activity on leukemia K562 cell of *Leonurus heterophyllus* // Zhongguo Zhong Yao ZaZhi. 2009. V. 34. I. 14. P. 1816 – 1818.

9. Cong Y., Wang J. H., Li X. A new flavonoside from *Leonurus heterophyllus* // J. Asian Nat. Prod. Res., 2005. V. 3. I. 7. P. 273 – 277.
10. Çalış I., Ersöz T., Taşdemir D., Rüedi P. Two phenylpropanoid glycosides from *Leonurus glaucescens* // Phytochemistry, 1992. V. 31. I. 1. P. 357 – 359.
11. Dusková J., Dusek J. *Leonurus cardiaca* in vitro // Ceska Slov Farm. 2004. V. 53. I. 1. P. 39 – 41.
12. Hayashi Y. Studies on the ingredients of *Leonurus sibiricus* L. // Yakugakuzasshi. 1962. V. 82. I. 7. P. 1020 – 1023.
13. Luo Y., Luo S., Zhou B. Chromatographic identification of a compound similar to ferulic acid in the decoction of Herb Leonuri // Zhong Yao Cai. 2002. V. 25. I. 10. P. 713 – 714.
14. Masteiková R., Muselík J., Bernatoniene J., Majiene D., Savickas A., Malinauskas F., Bernatoniene R., Pecura R., Chalupová Z., Dvoráková K. Antioxidant activity of tinctures prepared from hawthorn fruits and motherwort herb // Ceska Slov Farm., 2008. V. 57. I.1. P. 35 – 38.
15. Ritter M., Melichar K., Strahler S., Kuchta K., Schulte J., Sartiani L., Cerbai E., Mugelli A., Mohr F. W., Rauwald H. W., Dhein S. Cardiac and Electrophysiological Effects of Primary and Refined Extracts from *Leonurus cardiaca* L. (Ph.Eur.) // Planta Med. 2010. V. 76. I.6. P. 572 – 582.
16. Tasdemir D., Scapozza L., Zerbe O., Linden A., Calis I., Sticher O. Iridoid glycosides of *Leonurus persicus* // J Nat Prod. 1999. V. 62. I. 6. P. 811 – 816.
17. Tomás-Barberán F. A., Gil M. I., Ferreres F., Tomás-Lorente F. Flavonoid p-coumaroylglucosides and 8-hydroxyflavone allosylglucosides in some labiatae // Phytochemistry. 1992. V. 31. I. 9. P. 3097 – 3102.
18. Tomás-Barberán F. A., Krestovskaya T., Gil M. I. Flavonoid p-coumaroylglucosides in some *Leonurus*, *Chaiturus* and *Panzerina* species (Lamiaceae) // Biochemical Systematics and Ecology. 1993. V. 21. I. 4. P. 531 – 532.
19. Tschesche R., Diederich A., Jha H. C. Caffeic acid 4-rutinoside from *Leonurus cardiaca* // Phytochemistry, 19, 12, 2783 (1980).

Информация об авторах:

Загурская Юлия Васильевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭЧ СО РАН), svjil@mail.ru.

Yulia V. Zagurskaya – Candidate of Biology, Research Associate at the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Васильев Владимир Геннадьевич – кандидат химических наук, научный сотрудник, Новосибирского института органической химии Сибирского отделения Российской академии наук им. Н. Н. Ворожцова (НИОХ СО РАН), vgvasil@nioch.nsc.ru.

Vladimir G. Vasiliev – Candidate of Chemistry; Research Associate at N. N. Vorozhtsov Institute of Organic Chemistry of the Siberian Branch of the RAS.

Богатырев Алексей Леонидович – студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, lexa.analitik@gmail.com.

Aleksey L. Bogatyrev – student at National Research Novosibirsk State University.

(Научный руководитель – **В. Г. Васильев**)

Баяндина Ирина Ивановна – кандидат биологических наук, доцент Новосибирского государственного аграрного университета, bayandina@ngs.ru.

Irina I. Bayandina – Candidate of Biology, Assistant Professor at Novosibirsk State Agrarian University.

Статья поступила в редколлегию 30.10.2014 г.

ЭКОНОМИКА

УДК 08.00.657

ДЕОФФШОРИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

С. А. Басова

DEOFFSHORESATION OF RUSSIAN ECONOMY

S. A. Basova

В статье рассмотрены теоретические аспекты процесса оффшоризации экономики: раскрыто понятие «оффшор» относительно микро- и макроуровня. Раскрыто содержание положительного экономического эффекта от использования оффшорного режима для компаний и стран-оффшорных зон. Проведена оценка негативных экономических последствий оффшоризации для мировой и российской экономики. В заключении статьи изложены основные направления процесса деоффшоризации в России: административное направление; совершенствование законодательства РФ; улучшение инвестиционного климата России.

The paper deals with the theoretical aspects of the process offshorisation of economy and reveals the concept of "offshore" with respect to micro-and macro-levels. The content of the positive economic effect of using the offshore regime for companies and countries which are included in offshore zones is revealed. The estimation of the negative economic consequences of offshorisation for the global and Russian economies is provided. The main directions of the deoffshorisation process in Russia are outlined in the conclusion, they are: administrative direction; improving the legislation of the Russian Federation; improving the investment climate of Russia.

Ключевые слова: оффшор, оффшорная компания, оффшорная зона, оффшорный режим, экономический эффект, деоффшоризация экономики.

Keywords: off-shore, off-shore company, off-shore area, off-shore regime, economic effect, deoffshoresation of economy.

Считается, что первые операции с использованием оффшоров проводились еще в Древней Греции, когда для уклонения от двухпроцентного экспортного и импортного налога купцы намеренно обьезжали территорию Афин, а после и вовсе стали использовать близлежащие острова для беспощинного и необлагаемого налогами ввоза контрабандных товаров.

В современном значении термин «оффшор» впервые появился в США в конце 50-х годов XX века. Оффшоры (англ. offshore – вне берега) – это центры, в которых кредитные и иные учреждения (национальные и иностранные) осуществляют операции с нерезидентами (иностранными физическими и юридическими лицами) в иностранной для данной страны валюте. При этом для зарегистрированных в таких центрах учреждений (компаний) создается особый льготный налоговый режим, вплоть до полного освобождения от налогов [1].

Однако, следует разграничить понятие «оффшор» относительно макро- и микроуровня. На макроуровне оффшор – это оффшорная зона-страна (т. е. оффшорная юрисдикция представлена всей территорией конкретного государства), предоставляющая для нерезидентов особый *оффшорный режим*, основными элементами которого являются: наличие упрощенной процедуры регистрации компаний, высокая степень конфиденциальности, минимальные требования со стороны властей к отчетности и величине уставного капитала, полное отсутствие или чисто символический налог, вместо которого взимается фиксированный сбор, возможность регистрации компании на

анонимных учредителей, имена которых не содержатся ни в каких государственных реестрах и др.

На микроуровне оффшор – это оффшорная компания, точнее – это особый организационно-юридический статус предприятия, который обеспечивает ему, в первую очередь, максимальное снижение налоговых потерь (в большинстве случаев – до нуля). Такой статус обычно связан с требованием проведения деловых операций за пределами юрисдикции, где данная оффшорная компания официально зарегистрирована. Такая компания активно использует оффшорный режим, предложенный оффшорной зоной [2].

Положительный экономический эффект от использования оффшорного режима для стран-оффшоров заключается:

- 1) в пополнении государственного бюджета;
- 2) в привлечении иностранного капитала.

Положительные результаты для оффшорных компаний также очевидны:

- 1) сокращение налоговых платежей, и, как следствие, уменьшение издержек и повышение получаемой прибыли;
- 2) из-за сокращения издержек компания получает конкурентные преимущества, выражающиеся в возможности снижения цен на товары и услуги и увеличения за счет этого объема продаж;
- 3) определенную степень анонимности для владельцев оффшорных компаний;
- 4) упрощенная процедура подготовки и представления финансовой отчетности;

5) англосаксонская правовая система и правовая защищенность в целом и т. д.

Российские компании стали использовать оффшорные схемы с 1991 года, когда в Москве открылся офис швейцарской фирмы RiggsWalmetGroup, оказывающей услуги по открытию и сопровождению компаний в безналоговые юрисдикции. На данный момент операции с использованием оффшорных зон используют такие компании, как ОАО «Газпром», ОАО «РусГидро», ОК «Русал», ОАО «КамАЗ», инвестиционная компания «Интеррос» (в числе активов – ГМК «Норильский никель») и другие [10].

На основании данных «СПАРК-Интерфакс», около 25 % компаний с оборотом, превышающим 30 млрд рублей, имеют материнский холдинг в иностранных юрисдикциях. Из 50 крупнейших российских компаний рейтинга «Эксперт-400» 46 % (23 компании) зарегистрированы за рубежом (как правило, на Кипре, в Нидерландах или на Британских виргинских островах), при этом за оффшорами числится от 40 до 90 % акций данных компаний, либо там находится центр принятия решений и аккумуляции прибыли.

Средний бизнес более сдержан: не более 40 % акций компаний с выручкой от 1 до 30 млрд рублей хранится в оффшорах, материнскую структуру или центр консолидации прибыли при этом имеет лишь каждая десятая компания. В мелком же бизнесе лишь 5 – 15 % компаний принадлежит оффшорам.

Через оффшоры проводится примерно 80 % сделок по продаже на фондовом рынке российских активов [6].

В России сложилась уникальная ситуация: основа экономики (предприятия ТЭКа, порты, аэропорты, связь, электроэнергетика и т. д.) контролируется из оффшорных зон, более того, средства уходят из этих отраслей за рубеж в оффшоры. Таким образом, в России создана оффшорная экономика.

География оффшорных зон обширна, но у российских компаний наибольшей популярностью пользуются Нидерланды, Кипр, Великобритания, Люксембург, Виргинские острова [4].

Несмотря на выгоды использования оффшорных схем для предприятий, оффшоризация мировой экономики несет большое количество негативных последствий для стран, из которых уходит *оффшорный капитал* [2]:

- 1) сокращение государственного бюджета, в первую очередь за счет снижения налоговых поступлений;
- 2) структурные деформации в экономике, связанные с давлением экспортоориентированных отраслей на импортозамещающие;
- 3) снижение инновационного потенциала;
- 4) сокращение внутренних инвестиций;
- 5) зависимость от иностранных займов;
- 6) износ и устаревание основных фондов и т. д.

Если оценить одни только экономические последствия влияния оффшоризации на мировую экономику, то по данным международной исследовательской организации TaxJusticeNetwork минимальный объем средств на оффшорных счетах в 2012 году составил 21 триллион долларов США, а максимальный – 32 триллиона долларов США (рис. 1) [12].

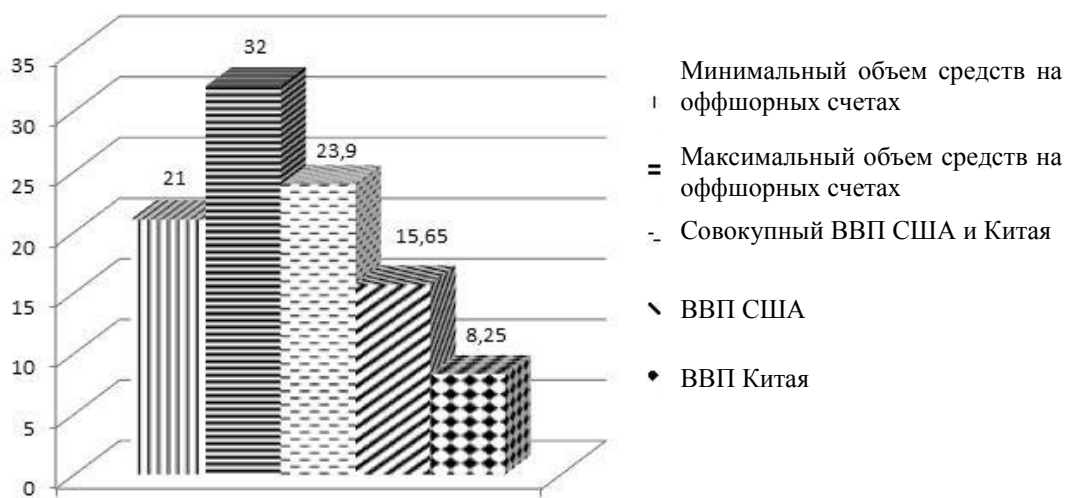

Рис. 1. Объем средств на оффшорных счетах, трлн долл. США (2012 г.)

Если сопоставить этот объем с ВВП разных стран, то получится, что даже совокупный объем двух самых развитых экономик мира – США и Китая – уступает средней величине средств в оффшорных зонах.

Российская часть этих средств по подсчетам экспертов английского издания The Guardian за период с 1990-х по 2010 гг. составила 798 млрд долларов США. Этот показатель является вторым по величине среди развивающихся экономик мира [13].

Главная проблема оффшоризации мировой экономики – проблема оттока капиталов в оффшорные зоны, которая стоит перед многими странами мира. Так, например, 5 января 2008 года сенатор США Барак Обама, выступая в Манчестере (штат Нью-Гемпшир), пообещал разобраться с оффшорами, заявив: «На Каймановых островах есть здание, в котором располагаются 12 тыс. американских корпораций. Это или самое просторное здание в мире, или самое большое мошенничество в мире» [3]. Аналогичные

слова звучали от премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, канцлера ФРГ Ангелы Меркель и президента Франции Франсуа Олланда.

Проблема оттока капитала в оффшорные зоны в последнее время также является одной из наиболее острых и обсуждаемых в России. По словам Президента РФ В. В. Путина в 2012 году через оффшоры про-

шли российские товары общей стоимостью 111 миллиардов долларов, то есть пятая часть всего экспорта России. Уходят в оффшоры и российские инвестиции, 25 из 50 млрд долларов инвестиций в другие страны пришлось именно на оффшоры [7].

Отток капитала из России за период с 1994 по 2013 годы представлен на рисунке 2 [8].

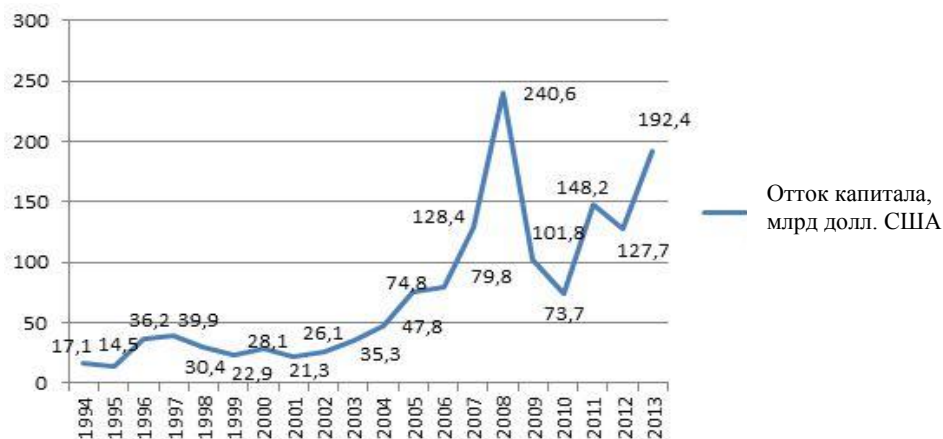

Рис. 2. Отток капитала из России за период 1994 – 2013 гг. (млрд долл. США)

По предположению экспертов 60 % от общей суммы оттока капитала – это сомнительные операции [5]. Если принять это соотношение за долю средств, уходящих в оффшоры, тогда график будет иметь вид, представленный на рисунке 3.

Выделив из этих значений примерную сумму налога на прибыль (по ставке 20 %), уходящую в оффшоры от налогообложения, можно оценить ущерб для бюджета России (таблица 1).

Таким образом, уклонение российских предприятий с помощью оффшорных схем от налога на прибыль сокращает доходы федерального бюджета и приводит к существенному увеличению бюджетного дефицита. При этом если добавить к недополученной величине налога на прибыль другие налоги, экспортные пошлины, то ущерб для бюджета страны заметно увеличится.

Из-за негативных последствий оффшорного бизнеса с оффшорными зонами ведется борьба во всем мире. Наиболее агрессивную борьбу за деоффшоризацию ведут США, Великобритания, Германия, Франция. Основным способом борьбы был избран обмен налоговой информацией.

Правительство Российской Федерации также достаточно давно начало проводить антиоффшорную политику. В 2003 году были составлены списки государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим и(или) не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций, был введен дополнительный контроль за финансовыми сделками с фирмами-представителями данных территорий. Однако введенные меры контроля не принесли желаемого экономического результата, бегство капитала в оффшоры продолжалось и, более того, увеличивалось.

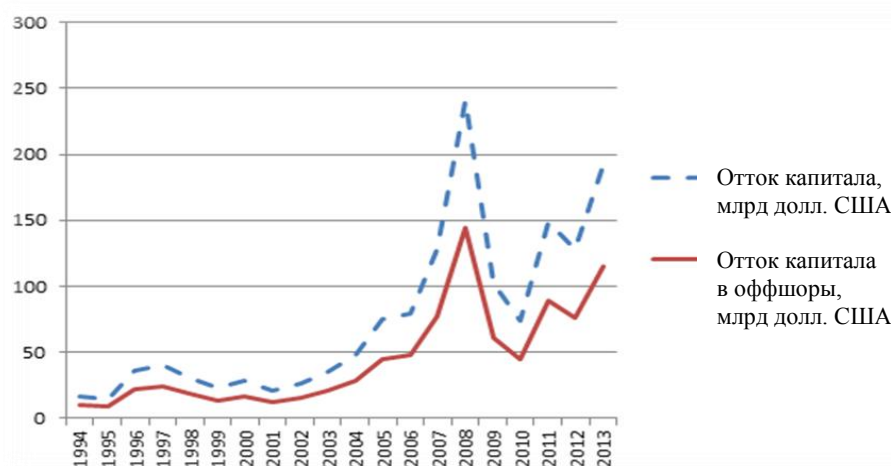

Рис. 3. Примерный отток капитала из России в оффшоры (1994 – 2013 гг.)

Предполагаемая величина недополученного в бюджет РФ налога на прибыль

Год	Величина недополученного налога на прибыль (тыс. руб.)	Дефицит/профицит бюджета (тыс. руб.)
2006	16279200	+1739407792,9
2007	26193600	+912534090,3
2008	49082400	+1943808693,8
2009	20767200	- 3131396557,3
2010	15034800	- 2381468332,1
2011	30232800	0
2012	26050800	- 42705902,1
2013	39249600	- 480910194,7

Наиболее активная антиоффшорная борьба началась в 2012 году после выступления Президента РФ В. В. Путина с посланием к Федеральному Собранию. В своем выступлении Президент РФ обратил внимание на 3 направления деоффшоризации российской экономики. Первое – административное. «Нужно добиваться подписания соответствующих соглашений с оффшорными зонами и раскрывать налоговую информацию, раскрывать информацию о конечных бенефициарах. Это вполне цивилизованно, и ничего здесь страшного нет», – заявил он [11].

Вторым направлением Президент РФ назвал совершенствование законодательства: повышение стабильности, эффективности защиты интересов собственника. Национальное законодательство часто недостаточно развито, чтобы определенные сделки заключались в его рамках, а иногда и вовсе не гарантирует полную защиту той или иной стороны.

Третьим направлением было названо увеличение инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

После выступления Путина и прозвучавшей в нем угрозе отлучить предприятия, использующие оффшорные схемы от денег государства (государственных заказов), многие отечественные крупные компании заявили о переходе под российскую юрисдикцию.

Контролируемая государством «Русгидро» планирует переоформить кипрские оффшоры под российскую юрисдикцию к концу 2014 года, частная компания Олега Дерипаски «Русал» разработала по-

этапный план по возвращению бизнеса с Кипра на родину, но конкретной даты не назвала. Акционеры КамАЗа тоже совсем скоро начнут перевод ценных бумаг под российскую юрисдикцию [10].

Из конкретных мер, реализованных совсем недавно, можно отметить подготовку Минфином законопроекта о налогообложении иностранных «дочек» российских компаний (так называемый закон о контролируемых иностранных лицах (CFC)). Он может ограничить порог владения российскими физическими и юридическими лицами в оффшорных компаниях 10 процентами. Платить налоги в России должны как российские компании с доходов иностранных «дочек», так и физические лица с доходов своих оффшорных структур, считает Минфин. Достаточно прямо или косвенно владеть более чем 10 % компании, которая расположена в стране, подпадающей под закон о CFC. Если эта компания не возвращает доходы в Россию в виде дивидендов, налог должен уплачиваться с части ее нераспределенной прибыли, приходящейся на российского резидента [9].

Таким образом, за последние годы проблема оттока капитала в оффшоры стала для России наиболее острой. Ее решение является одним из приоритетов российской экономики, озвученным Президентом В. В. Путиным. Меры, предпринимаемые органами власти в последнее время, сподвигли крупный бизнес начать возвращение под российскую юрисдикцию, а разрабатываемые Минфином законопроекты должны усилить эту тенденцию.

Литература

1. Академик. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/16868>
2. Басова С. А., Осокина Н. В. Оффшоризация как закономерность глобализации и ее воздействие на экономику России: монография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 224 с.
3. Высказывания Владимира Путина и других лидеров государств об оффшорных зонах. Режим доступа: <http://itar-tass.com/info/829079>
4. Государственная служба статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d4/23-22.htm
5. Матовников М. Отток капитала из России // Банковское обозрение: сетевой журнал. 2013. Режим доступа: <http://bosfera.ru/bo/2013/02/ottok-kapitala-iz-rossii>
6. Обухова Е., Огородников Е. Пора возвращаться с островов // Эксперт онлайн: сетевой журнал. 2014. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/04/pora-vozvrashchatsya-s-ostrovov/>
7. Путин объявил начало новой кампании против оффшоров, призвав бизнес «понять свою меру ответственности». Режим доступа: http://www.newsru.com/finance/20mar2014/offshore_putin.html
8. Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=-credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710

9. Шохина Е. Прочь из оффшоров // Эксперт онлайн: сетевой журнал. 2014. Режим доступа: <http://expert.ru/2014/03/18/proch-iz-ofshorov/>
10. Шохина Е. Угроза отлучить бизнес от денег государства сработала // Эксперт онлайн: сетевой журнал. 2013. Режим доступа: <http://expert.ru/2013/12/19/ugroza-otluchit-biznes-ot-deneg-gosudarstva-srabotala/>
11. Якорева А. Оффшоры вернутся в Россию // Эксперт онлайн: сетевой журнал. 2012. Режим доступа: <http://Expert.Ru/2012/12/21/Ofshoryi-Vernutsya-V-Rossiyu/>
12. James S. Henry. The price of offshore revisited / Tax Justice Network. 2012. Режим доступа: http://www.taxjustice.net/cms/upload/pdf/Price_of_Offshore_Revisited_120722.pdf
13. Stewart Heather. Wealth doesn't trickle down – it just floods offshore, research reveals // The Guardian: сетевой журнал. 2012. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/business/2012/jul/21/offshore-wealth-global-economy-tax-havens>

Информация об авторе:

Басова Светлана Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Кемеровского института (филиал) РЭУ им. Г. Плеханова, svetakem_5@mail.ru.

Svetlana A. Basova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Finance and Banking, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 23.10.2014 г.

УДК 631/635

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ЗЕРНОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬХОЗТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

И. Г. Генералов, А. Н. Игошин, Н. В. Оболенский

STATE SUPPORT OF GRAIN PRODUCTION AS THE MAIN FACTOR OF INCREASING COMPETITIVENESS OF AGRICULTURAL PRODUCERS

I. G. Generalov, A. N. Igoshin, N. V. Obolenskiy

В свете происходящих событий на мировой арене актуальным является вопрос о развитии отечественного аграрного сектора и наращивании объемов производства сельскохозяйственной продукции. Поддержка сельхозтоваропроизводителей со стороны государства является определяющим фактором повышения их конкурентоспособности, что и обуславливает актуальность работы. Целью данной работы является выявление влияния государственной поддержки сельскохозяйственных организаций на конкурентоспособность зернопроизводства. В статье показано влияние государственной поддержки зернопроизводства на конкурентоспособность сельхозтоваропроизводителей, занимающихся выращиванием зерновых культур. Проведён анализ действующей областной целевой программы «Развитие агропромышленного комплекса Нижегородской области на 2013 – 2020 годы», а также выявлены основные структурные изменения в финансировании АПК в Нижегородской области. Рассмотрены основные программы государственной поддержки АПК как в отдельных регионах РФ, так и за рубежом. В результате исследования была выявлена недостаточность субсидирования АПК Нижегородской области со стороны федерального бюджета.

In the view of the current events on the world scene, the question of developing the domestic agrarian sector and escalating the volumes of agricultural production is actual. State support of agricultural producers is a principal factor for increasing their competitiveness, which explains the urgency of the research. The objective of the given work is revealing influence of state support of the agricultural organizations on competitiveness in grain production. The paper reveals the influence of state support of grain production on competitiveness of agricultural producers engaged in grain crops cultivation. The current regional target program «Development of agriculture in Nizhny Novgorod region for 2013 – 2020» is analyzed, the core structural changes in financing the agrarian and industrial complex in the region are revealed. The basic programmes of state support of agrarian and industrial complex both in certain regions of the Russian Federation and abroad are considered. The research revealed the insufficiency of subsidizing of the agrarian and industrial complex of Nizhny Novgorod region from the federal budget.

Ключевые слова: АПК, государственная поддержка, зернопроизводство, конкурентоспособность, субсидирование, финансирование.

Keywords: agricultural complex, state support, grain production, competitiveness, subsidizing, financing

В условиях открытой экономики высокая конкурентоспособность производимой отечественной продукции позволяет поставлять ее на мировые рынки в

таком объеме, который обеспечивает поступление иностранной валюты в размерах, достаточных для оплаты растущего импорта. Большая широта ассортимента

тимента экспортируемой продукции – одно из условий экономической независимости. Дело в том, что большую опасность для страны представляет ситуация, когда на два-три вида товара приходится более половины экспорта. Из мирового опыта известно, что такая структура при серьезном ухудшении конъюнктуры мирового рынка ставит страну на грань катастрофы. Достаточно указать на огромную зависимость экономики России от колебаний цен на нефть. Конкурентоспособность производства должна содействовать не только экспорту, но и успешному соперничеству с иностранными поставщиками на внутреннем рынке. Вытеснение с рынка отечественного товаропроизводителя оборачивается потерей рабочих мест в России. Например, каждые непроданные 10 тыс. т птичьего мяса (по данным известного предпринимателя С. Ф. Лисовского) означают ликвидацию тысячи рабочих мест в стране [3, с. 19].

Каждая дополнительная единица ввезенного из-за рубежа товара сокращает рабочие места в селах и способствует росту безработицы в этой местности, а также отечественные сельхозтоваропроизводители недополучают весомую часть прибыли. Эта проблема проявляется также и в недополучении государством части налогов, а также попаданием на рынок зачастую дешевых низкокачественных продуктов питания. В связи с этим важным фактором повышения конкурентоспособности отечественных аграриев выступает их государственная поддержка.

В то же время базисом развития всех отраслей как в сельском хозяйстве, так и в промышленности является зернопроизводство. Продовольственное зерно в основном перерабатывается в муку, которая в свою очередь используется для создания хлебобулочных и макаронных изделий. Ценность зерна заключается в том, что оно обеспечивает 40 % калорийности потребляемой человеком пищи и 50 % потребности белка. Немаловажную роль играет и фуражное зерно, которое является основой рациона животных и птиц. В связи с этим поддержка зерновой подотрасли является наиболее приоритетной.

Во всем мире поддержка сельского хозяйства в целом и производства зерна в частности является неотъемлемой частью государственной аграрной политики. Например, поддержка производства зерна в Китае является одной из приоритетных задач государственной аграрной политики, о чём свидетельствует как название статьи затрат государственных ассигнований («На поддержку сельского хозяйства и производства зерна»), так и сумма ежегодных дотаций данного сектора экономики, которая по разным источникам варьируется от 25 до 40 тыс. руб. на 1 га.

Для Украины как главного конкурента России на Европейском рынке дотирование зернового сектора также находится в приоритете. Инструментами поддержки зернопроизводства являлись Государственная целевая программа «Зерно Украины 2005 – 2010», утверждённая приказом Министерства аграрной политики Украины № 271 от 28 июля 2004 года, указ Президента № 890/2007 от 18 сентября 2007 г. «О некоторых мероприятиях относительно развития рынка зерна». На сегодняшний день существует про-

ект концепции развития зернового сектора до 2015 года.

США является страной, которая одна из первых заговорила о необходимости поддержки аграриев как на уровне теоретических исследований, так и на государственном уровне. Уже в 30-х годах XX века американское сельское хозяйство получало крупные субсидии. Так, Кэмпбэлл Р. Макконнелл и Стенли Л. Брю приводят ряд положений, оправдывающих субсидирование сельскохозяйственного производства со стороны государства.

1. «Фермеры принадлежат к относительно более бедным слоям населения и поэтому могут повышать цены и получать более высокие доходы за счет государственной помощи»;

2. «Фермеры постоянно подвергаются воздействию природных катаклизмов – наводнений, засух, вредителей, – которым не подвергаются другие отрасли и от которых нельзя застраховаться»;

3. «Продавая свою продукцию, фермеры сталкиваются с совершенно конкурентными рынками, а покупать им приходится у отраслей, обладающих заметной рыночной властью. Большая часть фирм, у которых фермеры покупают удобрения, сельскохозяйственную технику и бензин, имеют некоторую возможность контролировать свои цены» [4, с. 731].

«Фермерская программа» тогда включала:

1) сельскохозяйственные цены, доходы и выпуск продукции;

2) сохранение воды и почвы;

3) исследования в области сельского хозяйства;

4) кредиты фермерам;

5) страхование урожая;

6) субсидирование продажи сельскохозяйственной продукции на мировых рынках и другие факторы [4, с. 730].

Следует отметить, что важность зерна как одного из главных продуктов питания рассмотрено на уровне Федерального закона от 14 мая 1993 г. № 4973-1 «О зерне», где подчеркивается, что зерно является национальным достоянием Российской Федерации, одним из основных факторов устойчивости ее экономики [1].

Поддержка государством зернового сектора России после распада Советского Союза, изначально регламентировалась Федеральным законом от 14 мая 1993 г. № 4973-1 «О зерне», однако 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ ст. 2 настоящего Закона признана утратившей силу в части, касающейся государственной поддержки производства и переработки зерна. Новым этапом поддержки зерновой подотрасли стал утверждённый 18 июня 1996 г. Указ Президента РФ № 933 «О Федеральной целевой программе стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996 – 2000 годы».

С начала 2000-х годов поддержка осуществлялась как на Федеральном уровне («Федеральная целевая программа обеспечения устойчивого производства и развития рынка зерна в Российской Федерации на 2002 – 2005 гг. и на период до 2010 г.»), так и в некоторых регионах, например в Московской области (Областная целевая программа «Зерно» на 2002 – 2007 годы), Воронежской области («Повыше-

ние эффективности производства и реализации зерна в Воронежской области на 2004 – 2010 годы», Курганской области («Производство зерна с применением ресурсосберегающих технологий в Курганской области на 2005 – 2010 годы»).

Вместе с тем в Нижегородской области отсутствует прямая поддержка зернового сектора, несмотря

на то, что она является крупным сельскохозяйственным регионом Нечерноземья, который находится в зоне рискованного земледелия. Это проявляется в высокой зависимости урожая от погодных условий и, как следствие, неустойчивых валовых сборах зерна.

Таблица 1

Динамика сокращения показателей производства зерна в Нижегородской области

<i>Показатель</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Темп роста, %</i>
Посевная площадь зерновых и зернобобовых, тыс. га	553,5	544,8	515	555,8	474,6	85,7
Производства зерна (в весе после доработки), тыс. т	1214,6	1319,3	499,9	1179,1	822,5	67,7
Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га	21,9	24,2	9,7	21,2	17,3	79,0

Последние пять лет показывают, что показатели производства зерна в Нижегородской области значительно сократились (таблица 1). Производство зерна (в весе после доработки) в 2012 году составило 822,5 тыс. т, что составляет лишь 67,7 % от уровня 2008 года. На сокращение данного показателя оказало влияние как сокращение посевов зерновых и зернобобовых культур, так и снижение их урожайности. За рассматриваемый период посевная площадь зерновых и зернобобовых культур сократилась на 14,3 % и в отчетном году составила 474,6 тыс. га. Урожайность данных культур сократилась на 4,6 ц/га и в 2012 году составила 17,3 ц/га.

Снижение площадей, занятых под зерновые культуры, происходит на фоне сокращения машинно-тракторного парка. Устаревшие образцы сельскохозяйственной техники становятся все более не способными к обработке больших посевных площадей. Немаловажным в эффективной работе предприятий является обновление машинно-тракторного парка, замена устаревших единиц сельскохозяйственной техники

новыми, более производительными и экономными образцами. Качественное улучшение техники способствует снижению нагрузки на каждую машину, ускорению проведения работ и тем самым увеличению производства продукции, улучшению ее качества, снижению затрат на единицу продукции (таблица 2).

За последние пять лет в Нижегородской области количество тракторов сократилось более чем на четверть и в 2012 году составило 5334 шт. Еще более высокие темпы сокращения наблюдаются в динамике зерноуборочных комбайнов, число которых составляет лишь 69,7 % от уровня 2008 года. Результатом данной тенденции является увеличение на 17 % нагрузки пашни на 1 трактор и сокращением на 15 % количества зерноуборочных комбайнов в расчете на 1000 га посевов зерновых и зернобобовых культур.

Важным фактором, способствующим увеличению урожайности зерновых и зернобобовых культур является внесение минеральных и органических удобрений под посев (таблица 3).

Таблица 2

Современное состояние машинно-тракторного парка в сельскохозяйственных организациях в зернопроизводстве Нижегородской области

<i>Показатель</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Темп роста, %</i>
Тракторы, шт.	7236	6412	5981	5765	5334	73,7
Зерноуборочные комбайны, шт.	1987	1791	1677	1628	1385	69,7
Нагрузка пашни на 1 трактор, га	223	234	247	247	261	117,0
Приходится зерноуборочных комбайнов на 1000 га посевов зерновых и зернобобовых культур, шт.	4	3,6	3,8	3,4	3,4	85,0

Таблица 3

Динамика сокращения внесения минеральных и органических удобрений под посевы зерновых и зернобобовых культур в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области

<i>Показатель</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Темп роста, %</i>
Внесено минеральных удобрений на 1 га зерновых культур, кг	74	63	57	45	40	54,1
Внесено органических удобрений на 1 га зерновых культур, т	3	3,1	2,9	2,4	2,8	93,3

За период 2008 – 2012 гг. внесение как минеральных, так и органических удобрений на 1 га зерновых культур заметно сократилось. Наиболее сильно сократилось внесение минеральных удобрений – в 2012 году данный показатель составил 40 кг, что ниже уровня 2008 г. на 55,9 %. Менее негативной тенденцией можно считать сокращение внесения органических удобрений – лишь на 6,7 % от уровня 2008 года.

Негативные тенденции, наблюдаемые в динамике машинно-тракторного парка и использовании удобре-

ний, говорят о необходимости использования государственной поддержки в первую очередь по данным направлениям, так как от них в наибольшей степени зависит производственный результат в зернопроизводстве.

Результатом сокращения производства зерна в Нижегородской области является ухудшение финансовых результатов зернопроизводства, характеризующихся прибылью и рентабельностью (таблица 4).

Таблица 4

Динамика финансовых результатов производства зерна в Нижегородской области

<i>Показатели</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Темп роста, %</i>
Реализовано продукции, тыс. т	601,6	763,5	477,1	600,8	513,6	85,4
Полная себестоимость, млн руб.	2523,3	2835,7	2310,9	3287,5	2765,6	109,6
Выручка от реализации, млн руб.	3050,2	2844,1	2154,5	2986,9	3147,1	103,2
Прибыль, млн руб.	526,9	8,4	-156,4	-300,6	381,5	72,4
Средняя цена реализации, руб./тонн	5070	3725	4516	4972	6127	120,8
Средняя себестоимость, руб./тонн	4194	3714	4843	5472	5385	128,4
Уровень рентабельности производства, %	20,9	0,3	-6,8	-9,1	13,8	66,0
Уровень рентабельности продаж, %	17,3	0,3	-7,3	-10,1	12,1	70,2

Последние пять лет характеризуются значительным сокращением в Нижегородской области уровня рентабельности как производства (на 34 % от уровня 2008 года), так и продаж (на 29,8 % от уровня 2008 года). Эта тенденция обусловлена в первую очередь сокращением на 27,6 % прибыли от реализации зерна, а также более высокими темпами роста полной себестоимости по сравнению с выручкой от реализации зерна. В свою очередь на рост выручки оказывает только увеличение цены реализации зерна на 20,8 %, которая в 2012 году составила 6127 руб/т. Наблюдаемое сокращение объемов реализации зерна (на 88 тысяч тонн по сравнению с 2008 годом) приводит к недополучению части выручки (рис. 1).

В результате выравнивания уровней рентабельности производства и продаж линейному тренду получаются следующие уравнения:

1. $y = -2,36x + 10,9$, которое показывает, что ежегодно уровень рентабельности производства сокра-

щался в среднем на 2,36 процентных пункта. Средняя ошибка данного предположения составляет

$$D = R^2 \cdot 100 \% = 8,15 \%$$

2. $y = -2,066x + 8,673$, которое показывает, что ежегодно уровень рентабельности продаж сокращался в среднем на 2,066 процентных пункта. Средняя ошибка данного предположения составляет

$$D = R^2 \cdot 100 \% = 8,67 \%$$

Наибольшую государственную поддержку в Нижегородской области получают сельхозоваропроизводители с наибольшей прибылью, что способствуют укреплению их позиции на рынке и производству более конкурентоспособной продукции. Это подтверждается с помощью корреляционно-регрессионного анализа. Для его проведения нами были взяты данные по муниципальным образованиям Нижегородской области. Результативным показателем (Y) взяты субсидии из бюджетов всех уровней, фактором (X) – прибыль (+), убыток (–) до налогообложения.

Уровень рентабельности (+), убыточности (-), %

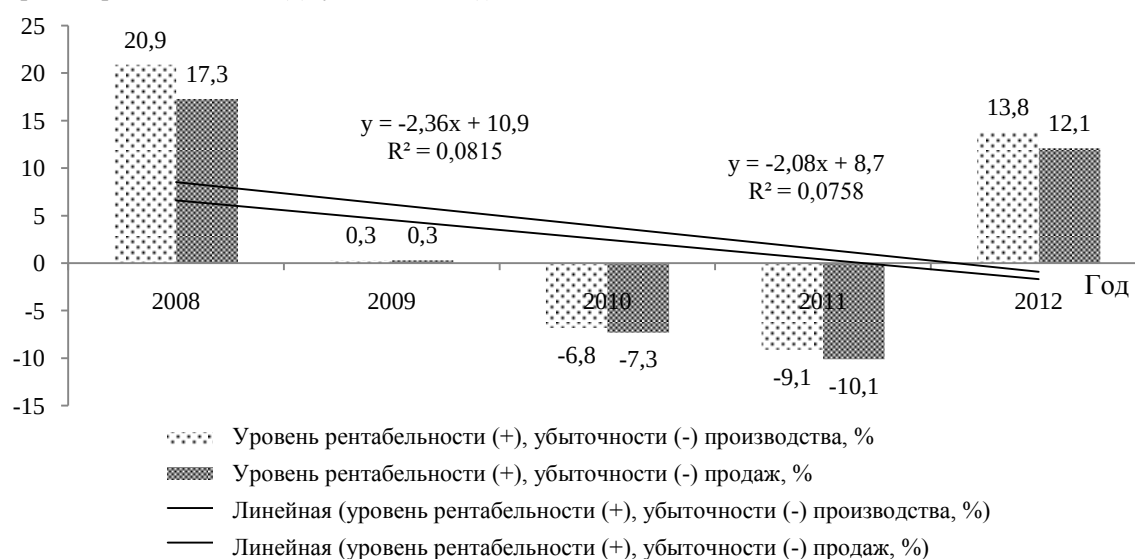

Рис. 1. Динамика изменения уровня рентабельности производства и продаж в Нижегородской области

В результате было получено уравнение корреляционной связи $y = 1,538x + 23261$, которое говорит о том, что при отсутствии прибыли сельхозтоваропроизводители получают субсидии из бюджетов всех уровней в размере 23261 тыс. руб. При увеличении прибыли на 1 тыс. руб. объем субсидий из бюджетов всех уровней для сельхозтоваропроизводителей увеличится в среднем на 1,538 тыс. руб.

Коэффициент корреляции в размере 0,739 говорит о том, что связь между объемом субсидий из бюджетов

всех уровней и прибылью (+), убытком (-) до налогообложения прямая и высокая. Коэффициент детерминации показывает, что объем получаемых субсидий из бюджетов всех уровней на 54,6 % определяется полученной прибылью (+), убытком (-) от реализации сельскохозяйственной продукции.

Финансирование агропромышленного комплекса и в частности сельского хозяйства в Нижегородской области осуществляется как из федерального, так и из регионального бюджетов (таблица 5).

Таблица 5

Финансирование АПК Нижегородской области
(с учетом капитальных вложений)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Темп роста, %
Общее финансирование, млн руб.	3816,6	3549,7	4851	5623,5	5627,2	147,4
Областной бюджет, млн руб.	2203,9	2135,9	3524,5	3935	3713,6	168,5
Федеральный бюджет, млн руб.	1612,7	1413,8	1326,5	1688,5	1913,6	118,7
Доля областного бюджета, %	57,7	60,2	72,7	70,0	66,0	114,3
Доля федерального бюджета, %	42,3	39,8	27,3	30,0	34,0	80,5

За последние пять лет общее финансирование АПК в Нижегородской области увеличилось на 47,4 % и составило в 2012 году 5627,2 млн руб. Следует отметить, что темпы роста финансирования АПК из областного бюджета значительно превышают федеральные. В структуре финансирования агропромышленного комплекса Нижегородской области 66 % составляет доля областного бюджета, а 34 % – доля федерального бюджета.

В Нижегородской области с января 2013 года действует областная целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса Нижегородской области на 2013 – 2020 годы». Второй целью данной Программы является создание условий для повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной про-

дукции на основе инновационного развития АПК Нижегородской области.

Ресурсное обеспечение для решения задач программы складывается из следующих источников: областной бюджет, федеральный бюджет, местный бюджет, прочие источники.

Общая сумма финансирования программы составит за восемь лет 241,8 млрд руб., в том числе для повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе инновационного развития АПК Нижегородской области – более 134 млрд руб. или 55,4 %.

Основную долю в финансировании областной целевой программы занимают прочие источники (рис. 2).

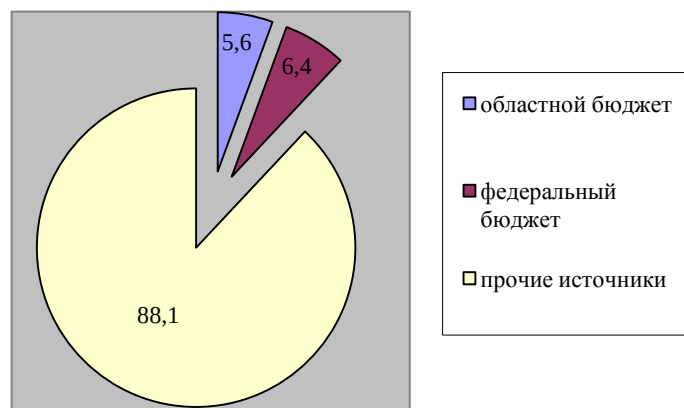

Рис. 2. Структура финансирования создания условий для повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе инновационного развития АПК Нижегородской области, %

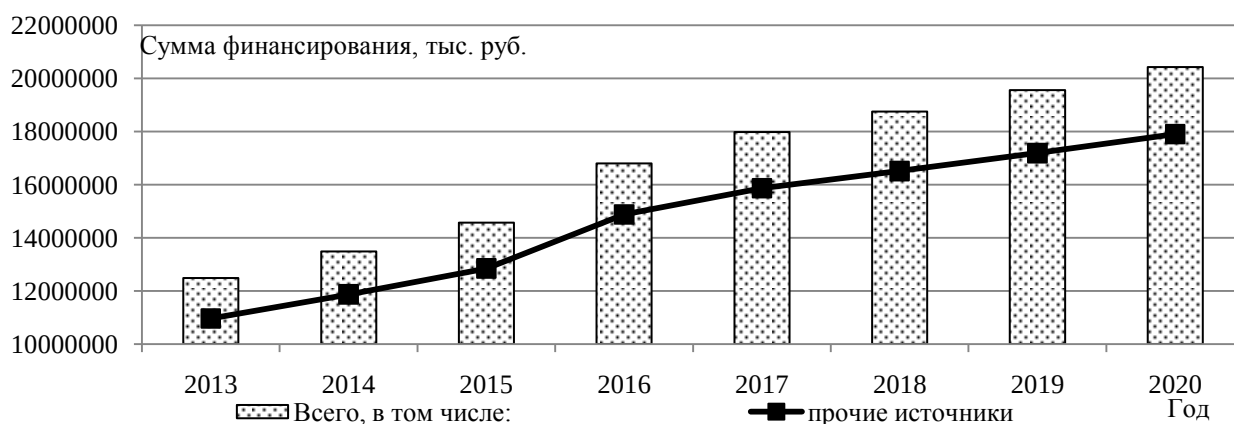

Рис. 3. Динамика финансирования создания условий для повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе инновационного развития АПК Нижегородской области

В программе прописано, что к ним относятся собственные средства сельскохозяйственных организаций и организаций пищевой и перерабатывающей промышленности, направляемые на основную производственную деятельность в рамках софинансирования, а также кредитные ресурсы с субсидированием части процентной ставки (ставки рефинансирования Центрального Банка Российской Федерации) из федерального и областного бюджетов [2, с. 10].

За восемь лет реализации программы финансирование создания условий для повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе инновационного развития АПК Нижегородской области планируется ежегодно увеличивать, причем рост суммы финансирования будет осуществляться в большей степени за счет прочих источников (рис. 3).

Основными задачами по достижению данной цели программы являются: укрепление финансово-экономического состояния сельскохозяйственных товаропроизводителей – 89,3 %, стимулирование инновационной деятельности и инновационного развития АПК – 0,27 %, поддержка развития производственной инфраструктуры, технического и технологического потенциала АПК – 10,38 %, научно-методическое обеспечение эффективного развития АПК – 0,05 %.

В структуре финансирования данных задач наиболее приоритетными являются соответственно:

- возмещение части затрат на уплату процентов за пользование кредитными ресурсами, направляемыми на пополнение оборотных средств – 66,9 %;
- поощрение муниципальных районов, городских округов, организаций агропромышленного комплекса, государственных бюджетных образовательных учреждений среднего профессионального образования, имеющих производственную базу, их руководителей, работников, в т. ч. специалистов, и субъектов малого сельскохозяйственного бизнеса, достигших наилучших показателей деятельности по итогам конкурса – 54,5 %;
- содействие обновлению парка тракторов, техники для кормозаготовки и приготовления кормов. Возмещение части затрат на приобретение техники – 48,8 %;
- информационное обеспечение субъектов АПК и муниципальных образований области – 93,1 %.

Основными же направлениями повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций Нижегородской области, по данным Программы, являются: возмещение части затрат на уплату процентов за пользование кредитными ресурсами, направляемыми на пополнение оборотных средств; возмещение

части затрат на уплату процентов за пользование инвестиционными кредитными ресурсами, направляемыми на инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, снижение рисков в сельском хозяйстве; возмещение части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, сельскохозяйственных животных, содействие обновлению парка зерновых и кормоуборочных комбайнов отечественного производства; возмещение части затрат на приобретение зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов отечественного производства, содействие обновлению парка тракторов, техники для кормозаготовки и приготовления кормов; возмещение части затрат на приобретение техники.

На наш взгляд, данные меры не являются достаточными для обеспечения повышения конкурентоспо-

собности нижегородских сельхозтоваропроизводителей. Повышение эффективности использования государственной поддержки является залогом повышения конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей. В складывающихся условиях следует уделять высокое внимание совершенствованию распределения выделяемых средств из бюджетов всех уровней, направляя денежные потоки в первую очередь в те отрасли, которые формируют основу дальнейшего развития АПК региона, а также совершенствованию контроля за использованием предоставляемых денежных средств. Федеральный бюджет должен увеличивать поддержку сельхозтоваропроизводителей тех регионов, которые своими силами пытаются помочь аграриям, не сокращая собственную долю в финансировании АПК.

Литература

1. Федеральный закон от 14.05.1993 г. № 4973-1 «О зерне» (в ред. Федеральных законов от 02.12.1994 № 53-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 02.02.2006 № 19-ФЗ, от 16.03.2006 № 41-ФЗ, с изменениями, внесенными Указом Президента РФ от 21.12.1993 № 2232).
2. Областная целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса Нижегородской области на 2013 – 2020 годы». Режим доступа: <http://www.government-nnov.ru/?id=118281&&download=1> (дата обращения: 02.07.2013).
3. Лифиц И. М., Конкурентоспособность товаров и услуг ОАО 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009. 460 с.
4. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: Пер. с 14-го англ. изд. М. ИНФРА-М, 2003. XXXVI. 972 с.

Информация об авторах:

Генералов Иван Георгиевич – аспирант, преподаватель кафедры экономики и статистики Нижегородского государственного инженерно-экономического института, ivageneralov@yandex.ru.

Ivan G. Generalov – post-graduate student, Lecturer at the Department Economics and Statistics, Nizhniy Novgorod State Institute of Engineering and Economics.

(Научный руководитель: Сулов Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино, nccmail4@mail.ru.

Scientific advisor: Sergey A. Suslov – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics and Statistics, Nizhniy Novgorod State Institute of Engineering and Economics).

Игошин Андрей Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики, Нижегородского государственного инженерно-экономического института, igoshin.nn@yandex.ru.

Andrey N. Igoshin – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department Economics and Statistics, Nizhniy Novgorod State Institute of Engineering and Economics.

Оболенский Николай Васильевич – заместитель декана инженерного факультета по научной работе, доктор технических наук, профессор Нижегородского инженерно-экономического института, obolenskinv@mail.ru.

Nikolay V. Obolensky – Vice-Dean for Research at the Engineering Faculty, Doctor of Technical Sciences, Professor at Nizhniy Novgorod State Institute of Engineering and Economics.

Статья поступила в редколлегию 30.10.2014 г.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

И. А. Дымова

PRACTICAL ASPECTS OF FUNCTIONING OF REGISTRATION-ANALYTICAL SYSTEM OF BUSINESSES

I. A. Dymova

Практика осуществления финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов формирует особые требования к процессу функционирования учетно-аналитической системы. Это, прежде всего, мобильность, достоверность, конфиденциальность. В настоящей работе проанализированы проблемы функционирования учетно-аналитической системы, возникающие в практической деятельности экономических субъектов, определены порядок и внутренняя закономерность функционирования учетно-аналитической системы, характеризующие направления ее деятельности. Сделан вывод о том, что информация выступает как основой функционирования учетно-аналитической системы, так и продуктом ее деятельности. При этом между информацией входящей в систему и исходящей из нее имеется качественное различие, которое тем больше, чем целесообразнее и оптимальнее выбранный вариант функционирования учетно-аналитической системы.

Practice of realization of financial and economic activity of businesses forms special requirements to the process of functioning of registration-analytical system.

First of all it is mobility, reliability, confidentiality. In the present paper the problems of functioning of the registration-analytical system arising in practical activities of businesses are examined, the order and internal law of functioning of the registration-analytical system characterizing the directions of its activity are determined. The author concludes that the information is the basis of registration-analytical system functioning and a product of its activity. Qualitative distinction is available between the information entering into system and outgoing from system. This difference is increased by functioning of registration-analytical system.

Ключевые слова: учетно-аналитическая система, заинтересованные пользователи, функции, информация.

Keywords: registration-analytical system, interested users, functions, information.

Качественное управление требует полной, достоверной и своевременно полученной информации. Слово «информация» происходит от латинского *informatio*, буквально означающее осведомление. Актуальность проблем функционирования учетно-аналитической системы заключается в том, что она находится на стыке информационных потоков разных подразделений экономических субъектов, и практически только она может формировать информацию о реальном положении дел экономического субъекта, эффективности его бизнеса. Колоссальное значение и решающая роль учетно-аналитической системы в управлении экономическими субъектами подтверждена практической деятельностью предпринимателей различного уровня.

Функции, выполняемые учетно-аналитической системой, должны обеспечивать достоверность и реальность отражения всех фактов хозяйственной жизни, исходя не только из их правовой формы, но и из их экономического содержания. При этом важен анализ информационных потоков, цель которого заключается в выявлении мест дублирования, избытка или недостатка информации, причин ее сбоя и несвоевременности получения.

Практика осуществления финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов формирует особые требования к процессу функционирования учетно-аналитической системы. Это, прежде всего, оперативность, системность, конфиденциальность.

При этом возникают две проблемы – нейтральность представляемых сведений различным группам

пользователей и сомнительность отчетных данных вследствие методологического разнообразия бухгалтерского учета.

Интересы различных групп пользователей существенно различаются. Разнообразие потребностей внешних и внутренних пользователей определяется их участием в финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, требованиями компенсации и предметом анализа.

Внутренние пользователи учетно-аналитической информации – это руководители, учредители, участники и собственники имущества, персонал экономического субъекта; внешние: инвесторы, кредиторы, государственные органы и государственные внебюджетные фонды, контрагенты. Таким образом, одна часть пользователей имеет доступ и непосредственно участвует в сборе и обработке учетно-аналитической информации. Это, в первую очередь, руководители и персонал экономического субъекта. Другая часть пользователей ограничена информацией, представленной в бухгалтерской (финансовой), управленческой, статистической и налоговой отчетности.

Информированность заинтересованных лиц и лиц, принимающих деловые решения, является важнейшим фактором повышения экономической жизнеспособности бизнеса, его эффективности и защиты от воздействия внешних и внутренних угроз. В результате у экономических субъектов, с одной стороны, возникает потребность в наличии своевременной и полной информации для принятия управленческих решений и оценки их результатов. С другой стороны, они должны

представить соответствующую информацию и тем, кто инвестировал (или собирается инвестировать) в него свои средства. Наряду с этим, продолжает сохраняться необходимость отчета перед государством о правильности налоговых отчислений. Таким образом, бухгалтерский учет перестал быть счетоводческой и статистической функцией и превратился в инструмент сбора, обработки и передачи учетно-аналитической информации о деятельности экономических субъектов для того, чтобы заинтересованные стороны могли принять обоснованные решения о том, как лучше инвестировать имеющиеся в их распоряжении средства.

При формировании отчетных данных должна обеспечиваться нейтральность информации, содержащейся в них, то есть исключено одностороннее удовлетворение интересов одних групп пользователей перед другими. Однако в практической деятельности наблюдается ситуация, когда в целях удовлетворения интересов одних групп пользователей отчетные показатели искажаются. В настоящее время с использованием современных программных продуктов на основе одних и тех же первичных учетных документов принято формировать несколько видов отчетов с применением различных методологических приемов бухгалтерского учета. В этом случае определенная группа пользователей получает специально для него сформированную отчетно-аналитическую информацию, которая может кардинально отличаться от той, которая представляется другим заинтересованным лицам и одновременно все они не соответствуют реальному положению дел. Например, руководство акционерного общества знает о том, что наблюдается тенденция к увеличению прибыли, а собственник (инвестор) пребывает в уверенности об убыточности своего бизнеса и не рассчитывает на получение дивидендов от суммы вложенного капитала.

Все пользователи бухгалтерской (финансовой) отчетности должны помнить, что даже если при ее составлении все было сделано абсолютно правильно в соответствии требованиями законодательства и нормативными документами, то все равно относится к представленным сведениям, следует с предельной осторожностью. Это обусловлено спецификой методов, применяемых при обработке учетных данных, которые, в свою очередь, влияют на выводы, полученные по результатам проведенного анализа. Я. В. Соколов утверждал, что «заинтересованный пользователь бухгалтерской отчетности может только тогда составить объективное мнение о финансовом положении организации, когда понимает, «что может» и «что не может» рассказать о нем (этом положении) бухгалтерский учет. При этом выбор определенной методологической концепции лишь изменяет положение границы между «возможным» и «невозможным» для учета, объективно не будучи способен охватить возможностями бухгалтерии все многообразие экономической жизни общества» [2].

При этом обязательным условием функционирования учетно-аналитической системы является ее способность обеспечивать конфиденциальность сведений, разглашение которых может привести к материальным и финансовым потерям экономического субъекта.

Учетно-аналитическая система является многофункциональной, что не означает равнозначности всех выполняемых ею функций. Одни из них являются основными, главными, а другие – второстепенными, вспомогательными. Исполняя функции первичного наблюдения, стоимостного измерения, текущей группировки, итогового обобщения и комплексного анализа фактов хозяйственной жизни, учетно-аналитическая система выполняет свои главные задачи – формирование полной и достоверной информации; проведение контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности; выявление внутренних резервов и обеспечение финансовой устойчивости экономических субъектов.

К сожалению, практическая деятельность показывает, что учетно-аналитическая система может выполнять несвойственные ей функции – сокрытие и помощь в осуществление мошеннических и незаконных действий. Например, недобросовестные (теневые, криминальные, преступные) представители бизнеса используют противоправные схемы снижения размера уплачиваемых налогов, введение в заблуждение пользователей отчетных данных с целью незаконного присвоения их финансовых и материальных активов, фальсификация отчетных показателей для проведения рейдерских захватов и устранения с рынка конкурентов.

Функции учетно-аналитической системы проявляют себя в различных аспектах и могут быть как внешние, так и внутренние.

Внешние показывают, какую роль выполняет учетно-аналитическая система в отношении практического осуществления финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов. Они фокусируют в себе результат интегрированного взаимодействия всех частей целого. При этом через внешние функции проявляются свойства, качества учетно-аналитической системы во взаимодействии с другими системами. Так, осуществляя функции создания документированной информации об объектах учета (факты хозяйственной жизни, активы, обязательства, доходы, расходы) и составления на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности, учетно-аналитическая система проникает в управленческую, финансовую, производственно-технологическую системы, а также в системы безопасности и программного обеспечения.

К внешним функциям учетно-аналитической системы относятся способы: группировки и оценки фактов хозяйственной жизни; погашения стоимости активов; организации документооборота; применения счетов бухгалтерского учета; обработки информации в учетных регистрах и формах отчетности; осуществления аналитических процедуры. Стратегический, управленческий, бухгалтерский, налоговый учет и отчетность, отвечающие требованиям строгой системности и взятые в комплексе, обеспечивают потребности аналитического исследования финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов.

Внутренние функции учетно-аналитической системы указывают на роль, которую она выполняет в отношении самой себя. Эти функции нацелены на поддержание учетно-аналитической системы в определенном состоянии, обеспечении заданного режима

ее работы, защиты от несанкционированного внешнего воздействия. К внутренним функциям учетно-аналитической системы относятся следующие контрольные действия: инспектирование, наблюдение, запрос, подтверждение, пересчет и инвентаризация.

Каждый компонент учетно-аналитической системы обладает собственными функциями, которые направлены на ее сохранение, развитие и совершенствование.

Контроль наблюдаемых последствий деятельности структурного элемента способствует выживанию

и сохранению учетно-аналитической системы, а для того чтобы учет был более эффективным, он должен концентрировать информацию по составу и времени, а не распылять ее под лозунгами аналитичности и оперативности. Первое увеличивает неопределенность и превращает систематизированный учет в хаос, второе ведет к необоснованным решениям, приводящим к излишним затратам [1].

Порядок и внутренняя закономерность функционирования учетно-аналитической системы характеризует направления ее деятельности (рис. 1).

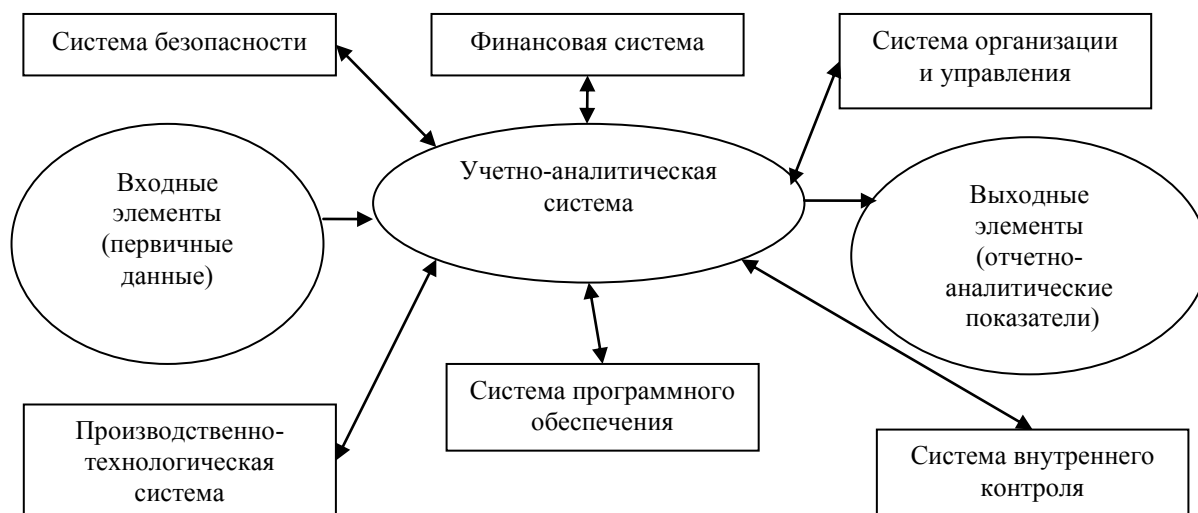

Рис. 1. Направления деятельности учетно-аналитической системы

Как и любая другая, учетно-аналитическая система имеет два противоположных полюса. Один из них – это входные элементы, другой – выходные элементы. Данные о фактах хозяйственной жизни, изменениях активов и обязательств, зафиксированные в первичных учетных документах, поступают в учетно-аналитическую систему извне через полюс входных элементов. Далее происходит реконструкция полученной информации, которая видоизменяется посредством воздействия на нее механизма функционирования учетно-аналитической системы. В данном процессе многое зависит от внутренних возможностей самой учетно-аналитической системы, а также от ее взаимодействия с другими системами, которые могут ослаблять или усиливать происходящую реконструкцию.

Например, поступление товаров на склад экономических субъектов, занимающихся торговой деятельностью, сопровождается принятием от поставщиков счетов-фактур и накладных. Далее, применяя автоматизированные средства обработки первичной учетной информации, происходит группировка полученных сведений в учетных регистрах по счетам 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 41 «Товары», 42 «Торговая наценка», а также в книге покупок и карточках складского учета. Затем, используя информацию из учетных регистров, проводится обобщение данных в различных формах бухгалтерской (финансовой) отчетности, которые в дальнейшем

являются источниками информации для проведения аналитических процедур.

При этом если экономический субъект использует неэффективные программные продукты, труд неквалифицированных специалистов, то внутренние возможности учетно-аналитической системы находятся на низком уровне, что влечет за собой сбои и ошибки при обработке входящих сведений.

Выходные элементы – это полюс, выпускающий продукт деятельности учетно-аналитической системы, которым является информация, служащая основой принятия заинтересованными пользователями тактических и стратегических решений.

Следовательно, информация выступает как основой функционирования учетно-аналитической системы, так и продуктом ее деятельности. Однако не надо забывать, что между информацией входящей в систему и исходящей из нее имеется качественное различие, которое тем больше, чем целесообразнее и оптимальнее выбранный вариант функционирования учетно-аналитической системы.

Эффективность функционирования учетно-аналитической системы экономических субъектов зависит не только от ее практических возможностей, но и от организации контрольных процедур, которые группируются по следующим категориям:

а) проверка выполнения (обзорные проверки и анализ фактических показателей в сравнении со сметными и прогнозными показателями, а также в сравне-

нии с показателями за предыдущие периоды; соотношение между собой различных данных (управленческих и финансовых);

б) обработка информации (выполняются для проверки точности, полноты и санкционирования операций и делятся в области контроля над учетно-аналитической системой на общие и прикладные средства контроля);

в) проверка наличия и состояния объектов (направлены на обеспечение сохранности активов, включая: меры предосторожности, ограничивающие доступ к активам или бухгалтерским записям; санкционирование допуска к компьютерным программам и файлам с данными; проведение периодических инвентаризаций);

г) разделение обязанностей (примерами разделения обязанностей является разделение обязанностей по подготовке отчетов, их просмотру, согласованию и утверждению, а также по утверждению и проверке документов).

При этом очень важен мониторинг контрольных процедур, включающий регулярную оценку организации и применения средств контроля, а также осуществление необходимых корректирующих мероприятий в отношении средств контроля вследствие изменения условий деятельности экономических субъектов. Мониторинг осуществляется с целью обеспечения непрерывной эффективной работы учетно-аналитической системы. В ходе мониторинга контрольных процедур, применяемых в учетно-аналитической системе, необходимо убедиться в том, что автоматизированная информационная система обеспечивает сохранность данных, их архивирование, про-

стоту доступа, кодирование и декодирование информации, ограничение несанкционированного доступа к ней. Актуальность данных обеспечивается не только периодичностью и условиями ее обновления, но и квалификацией персонала в области компьютерной обработки данных, в частности: имеют ли специалисты соответствующее высшее или среднее специальное образование, или просто прошли курс обучения в области информационных технологий.

Таким образом, функционирование учетно-аналитической системы осуществляется через выполнение ею определенных функций, которые играют непосредственную роль в финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов. Это целенаправленная деятельность учетно-аналитической системы, выражающая относительную устойчивость ее реакции на изменение внутреннего состояния финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов и внешних коммерческих и информационных связей. Целенаправленный информационный процесс предполагает, что реконструкция учетных данных не затрагивает непосредственно сами факты хозяйственной жизни, а только воспроизводит их информационными средствами в зависимости от целей, стоящих перед экономическими субъектами.

Следует подчеркнуть то, что в силу информационной природы учетно-аналитической системы все процессы, равно как и иные системные элементы, должны быть гармонично интегрированы в корпоративное информационное пространство экономических субъектов, которое является системой более высокого уровня.

Литература

1. Быков В. А., Бычкова С. М., Пятов М. Л., Семенова М. В., Соколов Я. В. Бухгалтерский учет для руководителей. М.: Проспект, 2000. 288 с.
2. Соколов Я. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни. М.: Магистр, 2010. 274 с.

Информация об авторе:

Дымова Ирина Альбертовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, i-dymova@mail.ru.

Irina A. Dymova – Candidate of Economics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Accounting, Analysis and Audit, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 30.10.2014 г.

СОМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНДИВИДА

Н. К. Дятлова

SOMATIC MARKERS AND THEIR IMPLICATIONS FOR INDIVIDUALS

N. K. Dyatlova

В статье излагается концепция соматических маркеров, которые определяют выбор и предпочтение в условиях отношений обмена. Рассматривается проблема учета эвристического опыта каждого индивида. Приведены исследования механизмов принятия решений в различных социальных контекстах. Анализ выбора и последующего предпочтения в зависимости от соматических маркеров, идущих от состояния индивидуального опыта, определяет парадигму социального поведения в широком смысле.

The paper describes the concept of somatic markers that determine individual choice and preference within exchange relations. The problem of accounting the heuristic experience of a single individual is taken in consideration. The author gives an overview of current studies in decision-making within various social contexts. The conducted analysis shows the existence of a direct relation between the social behaviour paradigm development and the subjective experience of reality perception which is defined by the action of somatic markers.

Ключевые слова: соматические маркеры, нейроэкономика, эмоциональный выбор, опыт индивидуальный.

Keywords: somatic markers, neuroeconomics, emotional choice, individual experience.

Соматические маркеры – это механизм поведения человека, на который при принятии решений могут влиять эмоциональные процессы. Эта гипотеза была сформулирована Антонио Дамасио [6].

Дамасио назвал свою теорию гипотезой соматического маркера, которая интерпретируется с точки зрения «сомы». Сомы (от греч. soma – тело) – совокупность клеток многоклеточного организма (исключая половые) [1 – 4]. Непреложной частью поведенческой парадигмы является то, что одни индивиды реагируют более эмоционально, чем другие. Также является очевидным, что отдельные агенты действуют более рационально. Изначально такие характеристики были даны Рене Декартом (в том числе и структурирование социума по критерию доминирования лево- и правополушарной доминанты в поведении). Однако в 1994 г. появилась новая точка зрения. Согласно этой парадигме, *эмоции инициируют принятие решений, а также определяют результат рационального процесса принятия решений*. Эта гипотеза была выдвинута профессором неврологии Антонио Дамасио в книге «Ошибка Декарта».

Дамасио предположил, что, принимая решения, люди используют только один критерий: «Как я буду себя чувствовать, если сделаю это?». Конечно, никто в действительности не знает, как он будет чувствовать себя в будущем, так как это зависит от того, что еще не случилось (и может никогда не случиться), поэтому мы полагаемся на похожий опыт прошлого, который позволит нам догадаться, что мы будем чувствовать. Следуя выводам Дамасио, употребляемое нами выражение «*Вы позволяете эмоциям затуманить ваши рациональные решения*» является абсолютно адекватным.

Возможно, мы выбираем (этот пример приводит Дамасио) между тем, купить ли нам «Порше» или послать деньги своему ребенку, который обучается в университете. Сначала может казаться, что только один из этих вариантов – эмоциональный выбор (никому в действительности не нужен такой дорогой ав-

томобиль, как «Порше», – это выбор на основе приятных чувств), а другой вариант – реальный практический результат (да, это в полной гармонии с морально поощряемым выбором полезности для кого-то другого). Однако *любой вариант выбора* вызовет определенные эмоции. Приятные ощущения от езды на быстро и роскошном автомобиле и комплементарное чувство вины за то, что был «обделён» ребенок, удовольствие от его благодарности: как все это уравнивать? Сознательно это почти невозможно, но даже если в решении присутствует элемент сознания, некоторую роль также играют подсознательные силы, и лимбическая система индивида решает свои собственные задачи (т. е. посылает свои собственные сигналы), хотя человеческое сознание не может полностью этого понимать.

Как Дамасио предположил, тот факт, что все это в некотором смысле поддается количественному определению (в терминах лимбической реакции), означает, что эмоции, с которыми имеет дело анализируемая лимбическая система, очень примитивны. Чувство вины и острые ощущения от быстрой езды на автомобиле нельзя измерить по той же самой оси, что и сознание индивида. Однако лимбическая система реагирует на воспоминания о том, что человек чувствовал примерно в таких же ситуациях, и посылает сообщение положительной или отрицательной модальности: плохо выбирать автомобиль, так как после этого вы будете себя отвратительно чувствовать; намного лучше оплатить расходы на учебу в университете, в результате вы получите удовольствие. Или, если ваши прошлые переживания и установка подсказывают вам принять другое решение, не стоит отказывать себе в покупке автомобиля ради ребенка, ваше чувство обиды на него испортит вам настроение; будет намного лучше купить автомобиль, и ваше удовольствие от обладания этим символом положения в обществе перевесит некоторое чувство вины – именно такое решение предложил в своей концепции Дамасио.

Как и в случае с реакцией страха, можно утверждать, что эти чувства коренятся в инстинкте выживания, простом стремлении к удовольствию (которое связано со стремлением к жизни и процветанием) и избегании неприятных чувств (связанных со страхом и болью). Так происходит всегда, даже если напрямую сегодняшнее действие не связано с чувственным удовольствием и болью.

Ключевые элементы появляются в нашем сознании мгновенно, схематически и фактически одновременно, слишком быстро для того, чтобы были ясно определены детали. А теперь представим, что прежде чем индивид применит какой-либо анализ затрат и результатов к этим предположениям и прежде чем он подумает над решением проблемы, происходит весьма важное: плохие последствия данного варианта реакции приходят на ум практически мгновенно, испытываются неприятные внутренние чувства. Поскольку эти чувства связаны с телом, Дамасио назвал это явление специальным термином «соматическое состояние» («сома» по-гречески означает «тело»); и поскольку оно «маркирует» образ, называет его маркером. Дамасио подчеркивает, что использует понятие «соматическое» в самом общем смысле и, говоря о соматических маркерах, он относит к ним только внутренние ощущения. Какую функцию выполняет соматический маркер? Он привлекает внимание к возможному отрицательному результату данного действия и служит автоматическим сигналом опасности, который говорит: остерегайся опасности в будущем, если выбираешь вариант действий, которые ведут к этому результату. Этот сигнал может заставить немедленно отвергнуть негативный образ действия и таким образом выбрать другой вариант. Автоматический сигнал без дополнительных хлопот защищает индивида от будущих неудач и позволяет ему сделать выбор из меньшего количества альтернатив. При этом остается возможность для использования анализа затрат и результатов и надлежащей дедуктивной способности, но лишь после того, как автоматический этап существенно уменьшит число вариантов. Соматические маркеры могут быть недостаточны для нормального принятия решения, так как последующий процесс рассуждения и окончательный выбор все же будут иметь место во многих, хотя и не во всех, случаях. Соматические маркеры, вероятно, повышают точность и эффективность процесса принятия решений, а их отсутствие – снижает.

Что касается исследования Дамасио, обосновавшего новый подход, то, наверное, следует ответить на вопрос: в чем ошибался Декарт? Именно Рене Декарт впервые заявил о наличии левого и правого полушарий мозга, что лежит в основе устаревшего разделения на эмоциональное и рациональное. Повторим вслед за Антонио Дамасио: *эмоциональное рационально*.

Гипотеза Дамасио не касается этапа рассуждения, который следует за действием на основе соматического маркера. Отсюда следует, что *соматические маркеры – это особый случай чувств, порождаемых вторичными эмоциями. Эти эмоции и чувства были связаны путем научения с предсказанными будущими результатами определенных сценариев*. Когда отрицательный соматический маркер "сочетается" с конкретным будущим результатом, эта комбинация дей-

ствует как сигнальный звонок. Напротив, когда с будущим результатом сочетается положительный соматический маркер, эта комбинация становится сигналом для побуждения.

Во всех приведенных выводах устойчиво просматривается эмоциональный посыл как основа для принятия решений. Собственно, во многом именно этими выводами оперирует нейроэкономика, разбирая в соответствующих терминах поведение индивида [5; 7; 9; 12]. Нейроэкономика – междисциплинарное направление в науке на пересечении предметов экономической теории, нейробиологии и психологии. Нейроэкономика ставит своей целью создание новой модели принятия решений. Основные задачи направления: *объяснение выбора при принятии решений, распределение риска и вознаграждения*. Методология нейроэкономики включает лабораторные наблюдения за экономическим поведением испытуемых людей с одновременным исследованием деятельности их головного мозга.

Проведенные исследования выявили устойчивые закономерности. Наши чувства и эмоции не просто важны для интуитивной способности принимать верные решения, но могут быть неотъемлемой частью процесса принятия решения. Более того, это есть внутренний ресурс, позволяющий руководителю выработать стратегию для победы над конкурентами, предполагающий способность «видеть» (на уровне интуиции, подсознательно) то, что другие не замечают или принимают за случайное стечение обстоятельств [8; 10; 12].

Не менее важен такой внутренний ресурс для принятия индивидуальных решений и выделения предпочтений для каждого человека, осуществляющего свой потребительский выбор и несущего определенный риск в соответствии с предпочитаемым решением. В этом же контексте экономисты могут отнести к числу предпочитаемых благ чувственные составляющие жизнедеятельности. Это в конечном счете увеличивает количество производимых благ, что служит дальнейшему удовлетворению потребностей всех членов общества. В немалой степени отмеченное вызвало к жизни появление такой прикладной дисциплины, как нейромаркетинг. Нейромаркетинг – прикладная дисциплина в рамках нейроэкономики. Нейромаркетинг изучает сенсорно-моторную, когнитивную и эмоциональную реакции на стимулы маркетинга.

Как работает механизм выбора? В головном мозге есть зоны, которые активизируются, когда вы попадаете в потенциально опасную ситуацию. Опасность может быть и не смертельной – например, всего лишь опасность переоплатить. Естественно, наличие такого маркера может быть использовано в разных ситуациях. В одном случае выступить ограничителем, а во втором – стимулятором. Умение управлять данными процессами – специфика экономики. Или точнее – нейроэкономики.

Что нового привносит нейронаука? Например, то, что все выборы делаются путем сравнения ценности решения. Классический пример найдем у Дэниела Канемана (Нобелевская премия 2002 года, лекция «Maps of bounded rationality: a perspective on intuitive judgment and choice») [5]. Допустим, существует зада-

ча – прекратить распространение смертельной болезни. Представим себя на месте врача, пытающегося остановить распространение смертельного заболевания с помощью одной из вакцин. Первая вакцина спасет 200 из 600 жителей деревни, то есть вы можете быть уверены: если вы ее примените, 200 человек из 600 будет спасено. Вторая вакцина не прошла клинические испытания, но врач слышал и по отчетам видно, что можно спасти с 33 %-й вероятностью *всех жителей деревни*, однако существует 67 % вероятности того, что существует *вариант не спасти никого*. Еще есть третья вакцина – она однозначно *убьет 67 % населения деревни*. И четвертая – у нее 33 % шансов не убить никого и 67 % шансов убить *всех*. Объективно вакцины 1 и 3, 2 и 4 дают *одинаковые возможности*. Но то, употребляются ли слова «спасет» или «убьет», влияет на выбор врача. Это иррационально, потому что факты одни и те же. Дело тут только в словах.

Важную роль в принятии решений играет и социальная среда. Используем пример из работы Василия Ключарева 2009 года [9]. Людей просили оценить привлекательность нескольких лиц, а потом им показывали, что другие испытуемые думали об этих лицах. Положим, человек говорит: «Это лицо тянет на 6 по 10-балльной шкале». А группа сказала, что это

8 из 10, то есть, на их взгляд, это очень привлекательное лицо. Узнав об этом, человек меняет свою оценку с 6 на 7. Это очень хороший пример социальной конформности: после того, как вы узнаете, что группа думает о чем бы то ни было, вы меняете свою точку зрения.

Ценность чего бы то ни было во многом зависит от ситуации. Швейцарский математик Бернулли в середине XVIII века сделал вывод о том, что ценность не абсолютна. Например, ценность \$10 будет зависеть от того, что у индивида есть изначально. Если у него нет ни гроша, а он неожиданно получает \$10, для него это будет очень ценно. Но если у человека в кошельке есть, скажем, \$90, и ему дают \$10, то эта сумма не произведет никакого впечатления. Все это позволило Бернулли вывести авторскую концепцию ожидаемой полезности, которая зависит от индивидуального опыта, предпочтения и положения. Эти рассуждения впоследствии были успешно развиты и применены в теории потребительского выбора/поведения.

Встает также вопрос о проявлении самих маркеров и что именно можно считать сигналами эмоций. В последнее время появилось достаточное количество исследований, рассматривающих когнитивные основы принятия экономического решения.

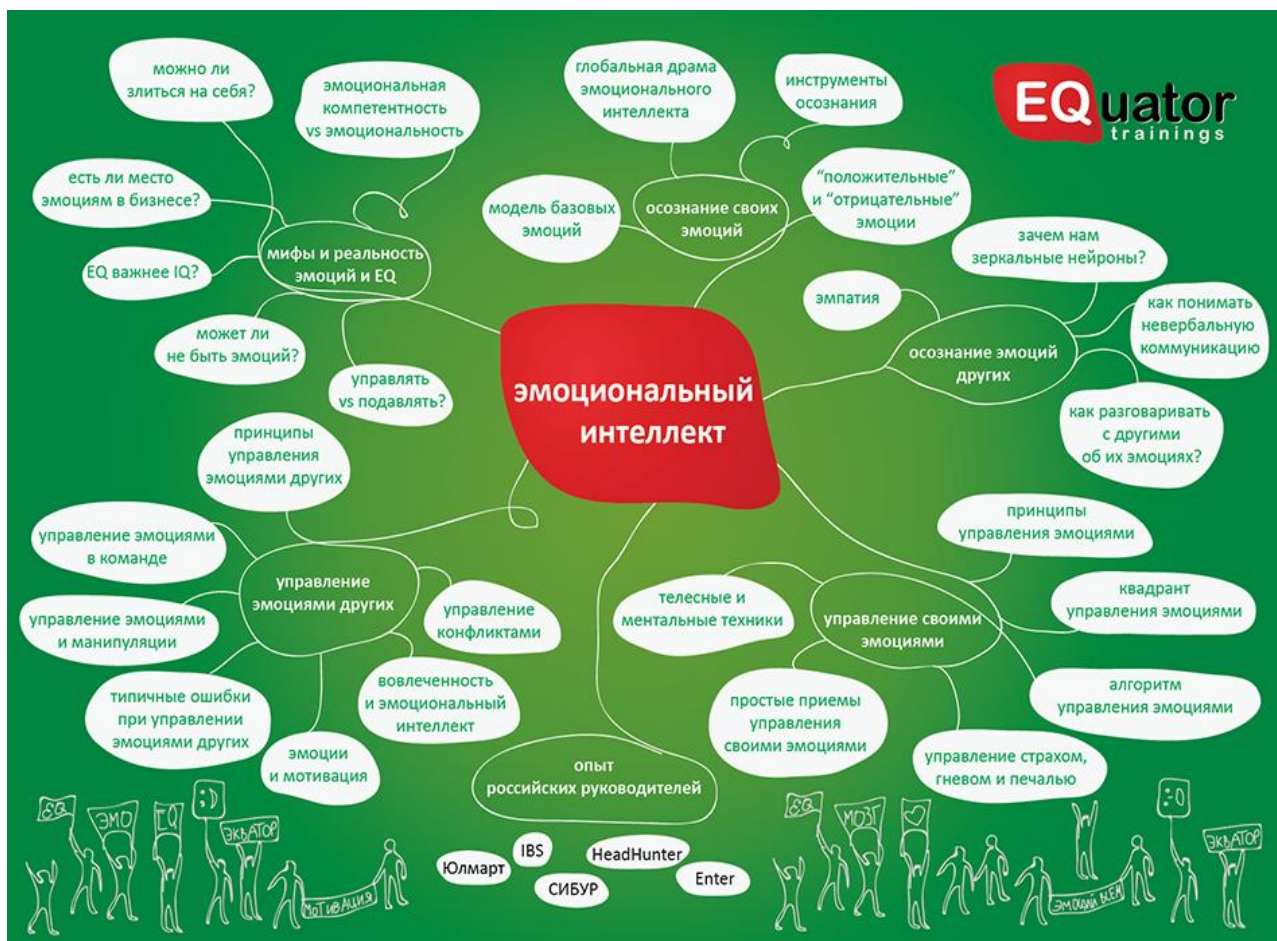

Рис. 1. Эмоциональный интеллект

Примечание: источник [11].

В частности, на приведенном выше рисунке 1 из монографии авторов, которые описывают эмоциональный интеллект, представлена своего рода дорожная карта принятия экономического решения на основе персонального эмоционального интеллекта. Само название предопределяет необходимость учета субъективной индивидуальной оценки события, товара, услуги, отношений и прочего. Иллюстрация в виде дорожной карты показывает многообразие связей в социуме. Поведение большинства, назовем это (вслед за выводами Василия Ключарева) нормативным поведением, оказывает значительное влияние на индивидуальное поведение. Именно окружающие в значительной степени определяют процент недобросовестных налогоплательщиков, уровень преступности, заботу об экологии, частоту семейных измен и многие другие черты поведения отдельного представителя социума. В реальной повседневной практике мы не выделяем, как правило, размер влияния принятых социальных норм, правил и институтов. Нейроэкономисты приходят к выводу, что в каждом индивиде представлена тенденция к имитации поведения других людей.

Естественно, в различных отраслях знаний по-разному структурируются и детализируются эмоции. Поскольку экономисты чаще всего приводят примеры, связанные с потребительским выбором товаров первой необходимости, то, возможно, всё сводится только к практическому нейромаркетингу? Думается, что есть основания говорить о долгосрочном формировании составляющих эмоционального интеллекта. Посмотрим на примере художественных форм.

Чуть более 150-ти лет назад недалеко от Осло родился Эдвард Мунк – норвежский живописец, чье охваченное отчуждением и ужасом творчество мало кого может оставить равнодушным. Картины Мунка вызывают эмоции даже у людей, которые мало что знают о биографии художника и обстоятельствах, из-за которых его полотна почти всегда окрашены в мрачные цвета. Но помимо неизменных мотивов одиночества и смерти в его картинах чувствуется и желание жить. Вспомним его эмоционально насыщенные картины, в которых художник отразил все свои страхи и переживания.

"Больная девочка" (1885 – 1886) – ранняя картина Мунка, одна из первых. На картине изображена рыжеволосая девушка болезненного вида, лежащая в кровати, а за руку ее, склонившись, держит женщина в черном платье. В комнате царит полутьма, а единственное светлое пятно – лицо умирающей девушки. В основу полотна легли воспоминания художника, связанные с любимой старшей сестрой Софи. Когда будущему живописцу было 14 лет, его 15-летняя сестра умерла от туберкулеза, причем случилось это через 9 лет после того, как от этой же болезни скончалась мать семейства Лаура Мунк. Тяжелое детство, омраченное смертью двух близких людей, чрезмерной набожностью и строгостью отца-священника давало о себе знать на протяжении всей жизни Мунка и повлияло на его мировосприятие и творчество. В дальнейшем Мунк еще не раз возвращался к той трагической ночи – в течение сорока лет он написал шесть картин, изображающих его умирающую сестру Софи.

Рис. 2. Э. Мунк. Больная девочка

В творчестве многих художников трудно выделить единственную самую значимую и известную картину, однако в случае с Мунком не возникает сомнений – его **"Крик" (1893)** знают даже люди, не питающие слабости к искусству. Как и многие другие полотна, Мунк воссоздавал "Крик" в течение нескольких лет, написав первую версию картины в 1893 году, а последнюю – в 1910-м. Кроме того, в эти годы художник работал над похожими по настроению картинами, например, над "Тревогой" (1894), изображающей людей на том же мосту над Осло-фьордом, и "Вечером на улице Карла Иоанна" (1892). По мнению некоторых искусствоведов, таким образом художник пытался избавиться от "Крика" и смог сделать это лишь после курса лечения в клинике.

Рис. 3. Э. Мунк. Крик

Картина Мунка, которая сегодня известна под названием **"Мадонна" (1894)**, изначально называлась **"Любящая женщина"**. По замыслу Мунка, полотно должно было отражать главные циклы жизни женщины: зачатие ребенка, произведение потомства и смерть. Считается, что первой стадией обусловлена поза Мадонны, вторую Мунк отразил в литографии, сделанной в 1895 году – в левом нижнем углу изображена фигурка в позе эмбриона. О том, что художник ассоциировал картину со смертью, говорят его собственные комментарии к ней и тот факт, что любовь в представлении Мунка всегда была неразрывно связана со смертью. Кроме того, соглашаясь с Шопенгауэром, Мунк полагал, что функция женщины выполнена после рождения ребенка.

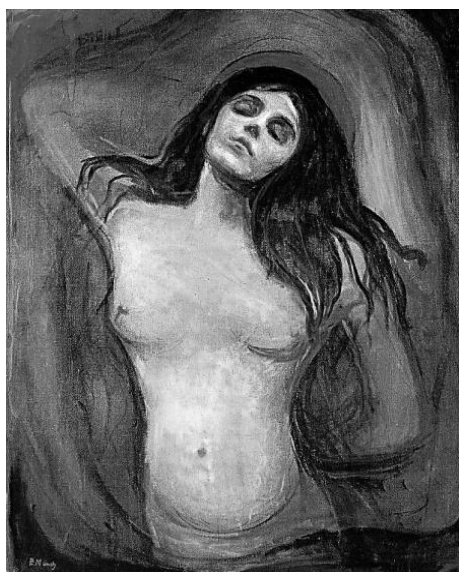

Рис. 4. Э. Мунк. Мадонна

В **"Расставании" (1896)** главный герой – покинутый мужчина, которому воспоминания не позволяют порвать с прошлым. Мунк показывает это с помощью длинных волос девушки, которые развиваются и ка-

саются головы мужчины. Образ девушки – нежный и будто не до конца прописанный – символизирует светлое прошлое, а фигура мужчины, чей силуэт и черты лица изображены более тщательно, принадлежит к мрачному настоящему. Мунк воспринимал жизнь как постоянное и последовательное расставание со всем, что дорого человеку, по пути к окончательному расставанию с самой жизнью. Силуэт девушки на полотне частично сливается с пейзажем – так главному герою будет легче пережить потерю, она станет лишь частью всего, с чем он неизбежно расстанется в течение жизни.

Анализ выбора и последующего предпочтения в зависимости от соматических маркеров, идущих от состояния индивидуального опыта, как видим, определяет парадигму социального поведения в самом широком смысле. Мы можем управлять этим процессом, но можем также и эмоционально недоумевать по поводу выбора. Хорошо, если речь идет о виде мороженого. А если речь идет о финансовых рисках? О поведении на рынке недвижимости? О выборе управленческой стратегии? Иррациональное – рационально.

Рис. 5. Э. Мунк. Расставание

Литература

1. Damasio Antonio R. Author – Descartes' Error: 10th Anniversary Edition (2005), Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain (2003), The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness (1999). Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:MIla6mPTEUcJ:pt.bookosz1.org/g/Antonio%2520R.%2520Damasio+%&cd=67&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=firefox-a>
2. Damasio Antonio R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. Режим доступа: <http://metablog.borntothink.com/wp-content/uploads/2011/07/1994-Damasio-Descartes-Error.pdf>
3. Damasio Antonio R. Self comes to mind: constructing the conscious brain. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. Режим доступа: http://ahandfulofleaves.files.wordpress.com/2013/07/self-comes-to-mind_damasio.pdf
4. Dennett Daniel C. Review of Antonio R. Damasio. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain, 1994. (in the Times Literary Supplement, August 25, 1995, p. 3 – 4). Режим доступа: <http://ase.tufts.edu/cogstud/dennett/papers/damasio.htm>
5. Kahneman D. Maps of bounded rationality: a perspective on intuitive judgment and choice. Prize Lecture, December 8, 2002. Режим доступа: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf
6. Библиографическая справка: http://www.goodreads.com/author/show/60033.Antonio_R_Damasio Antonio R. Damasio - Expert on cognition and behavior, with special focus on emotion, decision-making and consciousness. Author, Descartes' Error: 10th Anniversary Edition (2005), Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain (2003), The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness (1999)

7. Вайн С. (управляющий директор «Альфа-Банка», зам. руководителя инвестиционно-банковского блока) Человек нерациональный: влияние эвристик на принятие решений. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/-2011/12/02/vlijanie_jevristik_prinjatie_reshenijj.html (дата обращения: 23.08.2014).
8. Дамасио А. (Antonio Damasio), Борегард М., М. (Mario Beauregard), Бехтерева, Танкреди Н. П., (Laurence Tancredi) Л., Сланевская Н. М., Крель А. А. Философия сознания, нейронаука и общество. Санкт-Петербургский Центр междисциплинарной нейронауки. Режим доступа: <http://www.neuroscierus.org/NeuroSociety-Ru.html> (дата обращения: 23.08.2014).
9. Ключарев В. Мозг оппозиционера: мнение нейробиолога. – Он-лайн журнал. Режим доступа: <http://slon.ru/calendar/event/788670/> (дата обращения: 23.08.2014).
10. Сланевская Н. М. "Мозг, мышление и общество" (2012). Режим доступа: Ч. 1. <http://www.neuroscierus.org/BrainMindSociety1.pdf>. Ч. 2. <http://www.neuroscierus.org/BrainMindSociety2.pdf>
11. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект. Российская практика. (Серия: Psychologies). М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер. 2014. Отрывок он-лайн <http://hungryshark.ru/articles/sergey-shabanov-alena-aleshina-emotsionalnyi-intellekt-rossijskaya-pratika-otryivok>
12. Этсиони Э. (Amitai Etsioni) – профессор Фонда Форда в Гарвардской школе бизнеса, президент АСА, университет Дж. Вашингтона). Когда нужно доверять внутреннему голосу. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2007/07/23/doverjat_vnutrennemu_golosu.html (дата обращения: 23.08.2014).

Информация об авторе:

Дятлова Наталья Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права экономического факультета КемГУ, dyatlovank@mail.ru.

Natalya K. Dyatlova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Economic Theory, Taxation, Business and Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 368.8

СТРАХОВАНИЕ БАНКОВСКИХ РИСКОВ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ БАНКОВ

О. Н. Козлова, И. В. Калачева

INSURANCE OF BANK RISKS IN THE SYSTEM OF BANKS' PROPERTY INTERESTS PROTECTION

O. N. Kozlova, I. V. Kalacheva

В статье рассмотрены вопросы минимизации рисков банков с помощью страхования. Уточнено понятие банковского риска и в соответствии с ним предложена классификация банковских рисков, в основе которой лежат банковские операции. Предложено свое понятие страхования банковских рисков и проведен анализ предложений ведущих страховых организаций страхования банковских рисков. Сделан вывод, что практически отсутствует полное страхование банковских рисков, выявлены причины, тормозящие его развитие.

The paper considers the issues of minimization of bank risks by means of insurance. The concept of bank risk is specified and a relevant classification of bank risks based on bank operations is offered. The concept of insurance of bank risks is introduced and the analysis of leading insurance companies' offers on bank risks insurance is carried out. The conclusion is drawn that there is no full insurance of bank risks, and the reasons slowing down its development are established.

Ключевые слова: страхование, банковские риски, банкострахование.

Keywords: insurance, bank risks, bank insurance.

Банковская деятельность относится к категории экономической деятельности, где постоянно присутствует риск во взаимоотношениях между субъектами. Принятие рисков является основой банковского дела. Деятельность кредитных организаций связана с разного рода рисками. Банки достигают успеха только тогда, когда принимаемые ими риски разумны, контролируемы и находятся в пределах их финансовых возможностей и компетенции. Выполняя на рынке функцию финансового посредничества, банки обеспечивают передачу денежных средств от хозяйствующих субъектов, у которых имеется их временный избыток, тем субъектам, которые испытывают в них

потребность. В результате риски банков тесно связаны с рисками товаропроизводителей.

Банковские риски являются в большей степени социально ответственными процессами. В условиях, когда банки рискуют не только собственными, но, главным образом, привлеченными ресурсами, последствия становятся более острыми. В случае неудачи теряет не только банк, но и его клиенты – физические и юридические лица, разместившие в нем свои денежные средства. Банковские кризисы оказываются при этом более болезненными, чем кризисы производства, так как влекут за собой многочисленные финансовые потери участников, связанных друг с дру-

гом цепочкой денежно-кредитных обязательств. Управление банковскими рисками с целью минимизации их последствий является весьма актуальной задачей.

Несмотря на то, что банковские риски – это очень важный аспект в банковской деятельности, до сих пор продолжают дискуссии о сущности данного понятия. Часто к банковским рискам относят возможность потерь в результате гибели банковского имущества или нанесения вреда здоровью сотрудникам банка в результате огневых рисков, рисков стихийных бедствий и других событий, которые не связаны с банковскими операциями. Нормативные документы трактуют банковский риск как «возможность (вероятность) понесения кредитной организацией потерь и(или) ухудшения ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними факторами (сложность организационной структуры, уровень квалификации служащих, организационные изменения, текучесть кадров и т. д.) и(или) внешними факторами (изменение экономических условий деятельности кредитной организации, применяемые технологии и т. д.)» [4].

Данная формулировка наиболее точно отражает ключевые характеристики риска, такие как вероятность, потери, источники риска, но в ней не отражена вероятность незапланированного увеличения расходов при осуществлении определенных банковских операций. По нашему мнению, банковский риск – это характеристика деятельности банка, показывающая неопределенность в отношении будущих денежных потоков, вероятность потерь или увеличения расходов (недополучения доходов) по сравнению с прогнозируемыми при выполнении банковских операций, представленная в стоимостном выражении.

Указанное определение выделяет такие важные составляющие банковского риска, как расходы, убытки и потери, связанные с банковскими операциями. Такой подход позволяет разграничить потери банка (дополнительные расходы), связанные с гибелью имущества в результате стихийных бедствий, противоправных действий третьих лиц и других событий, которые не связаны с банковскими операциями.

Исходя из приведенного выше определения, предложена классификация банковских рисков, обусловленных банковскими операциями (таблица 1).

Таблица 1

Предлагаемая классификация банковских рисков

<i>Критерии классификации</i>	<i>Виды банковских рисков</i>
Характер банковского продукта, услуг и операций	Кредитный риск Риск по депозитным операциям Расчетный риск Валютный риск Инвестиционный риск Риск лизинговых операций Риск факторинговых операций Риски по забалансовым операциям и пр.
Степень обеспечения устойчивого развития банка	Риск несбалансированной ликвидности Процентный риск Риск потери доходности Риск потери конкурентоспособности Риск потери финансовой устойчивости Риск отзыва лицензии Риск потери деловой репутации и пр.
Соответствие внутренних процедур проведения банковских операций характеру и масштабам деятельности банка и требованиям законодательства	Операционные риски Риск персонала Риск процесса Риск технологий Риски среды Риски физического вмешательства и пр.

На наш взгляд, такая классификация позволяет идентифицировать основные виды банковских рисков с целью определения для них соответствующих способов управления (минимизации). Одним из эффективных способов управления рисками является страхование, которое, однако, ограничивает перечень рисков, определяемых в качестве страховых. Страхование выделяет критерии признания события в качестве страхового риска. Такими критериями являются: возможный, случайный, вероятностный характер события, правомерность, финансовая измеримость последствий, однородный характер событий. Очевидно, что с позиций перечисленных критериев все названные банков-

ские риски могут быть страховыми, и страхование может использоваться для управления банковскими рисками.

В отечественной литературе нет однозначного понятия страхования банковских рисков. Зачастую к нему относят страхование имущества банка и страхование возможной потери дохода в результате неблагоприятных событий. В зарубежной практике под страхованием банковских рисков стандартно понимается страхование самого банка как финансового института, так называемое страхование BBB – Bankers Blanket Bond (комплексное страхование банковских рисков). В российской практике используется термин комплекс-

ное страхование банков (такая трактовка связана с неточностью перевода и может привести к некой путанице). Перечень рисков, покрываемых по полису BBB, выглядит следующим образом:

- хищения, совершенные сотрудниками банка в одиночку или в сговоре с другими лицами, – Employee Dishonesty;
- утрата ценностей, находящихся на хранении в помещениях банка и его корреспондентов, – Premises;
- утрата ценностей во время перевозки – Transit;
- подделка ценных бумаг – Forged Securities;
- подделка платежных документов (получение мошеннических платежных поручений клиента) – Forged Cheques;
- получение фальшивой валюты – Counterfeit Currency;
- утрата (повреждение) помещений и внутреннего оборудования банка в результате кражи, ограбления и вандализма – Offices and Contents.

Несложно заметить, что все перечисленные риски (за исключением последнего) представляют собой разновидности операционного риска. Полис BBB, несмотря на его название, покрывает лишь часть банковских рисков, связанных с мошенничеством собственных сотрудников банка, а также с экономическими преступлениями, совершаемыми против банка третьими лицами. В результате «не охваченными» страхованием остаются многочисленные риски по отдельным операциям банка, а также риски, проявление которых влияет на обеспечение устойчивого развития банка.

Полис BBB – это базовый продукт комплексного страхования финансовых институтов, предоставляющий защиту банка от хищений и мошенничества, а также страхующий профессиональную ответственность сотрудников банка. Для банков за границей владение таким полисом считается престижным, кроме того, в ряде случаев – обязательным. Для российского банковского сектора использование такого полиса скорее исключение. Данный продукт достаточно редко встречается на страховом рынке (эксперты говорят не более чем о 5 % охвата российских банков, отмечая также, что даже не у всех лидеров рынка есть подобный полис).

Приобрести полис BBB можно только после проведения предварительного анализа защищенности финансового института от страхуемых рисков и оценки существующих механизмов управления рисками. Для того чтобы определить стоимость полиса, банк-страхователь должен предоставить страховщику сведения по внутренним бизнес-процессам и денежному обороту. Как правило, российские банки предпочитают не разглашать подобную информацию, что приводит к отсутствию спроса на данный продукт.

За рубежом полисом BBB охвачены порядка 70 – 90 % банков. Такая популярность этого вида страхования связана еще и с тем, что в этом виде страхования используется франшиза, покрывающая достаточно большую часть мелких страховых случаев, и которая ощутимо сокращает стоимость страховки. В российской практике банкиры готовы рассматривать только два варианта заключения договора: либо застрахован (без применения франшизы), либо не застрахован.

Также низкая финансовая грамотность населения в России приводит к тому, что банки не спешат приобре-

тать подобные страховые полисы, показывая своим клиентам, что их средства и так застрахованы в Агентстве по страхованию вкладов (АСВ), т. к. это является обязательным условием при работе банка с вкладами физических лиц. К примеру, в США наличие полиса BBB – обязательное условие для банка, привлекающего депозиты частных вкладчиков (требование Федеральной корпорации по страхованию депозитов).

В последние годы происходит существенная интеграция банковского и страхового капиталов, возникает новое понятие – «банкострахование» («bancassurance»), которое обозначает в самом общем понимании интеграцию банковских и страховых услуг и передачу страховой компанией части функций по продаже страховых продуктов посреднику – банку. Банкострахование представлено страхованием физических, юридических лиц и рисков банков. Прежде всего, банки заинтересованы в снижении кредитного риска предлагая заемщикам (а зачастую навязывая в принудительном порядке) страхование жизни и здоровья заемщиков при потребительском кредитовании. Однако в последнее время наблюдается новая тенденция – рост некредитного страхования, распространяемого через банки. За 2013 год объем рынка банкострахования составил 193 млрд рублей. Драйверами роста стали страхование жизни и здоровья заемщиков при потребительском кредитовании (прирост на 45 % за 2013 год) и некредитное страхование (прирост на 257 %). Страхование заемщиков потребкредитов в 2013 году стало крупнейшим в банкостраховании. Автострахование и страхование юридических лиц через банки сократилось соответственно на 33 % и 8 %. Страхование собственных рисков банков сократилось на 18 %. Доля страхования, не связанного с кредитованием, в общей структуре банкострахования увеличилась с 4 % за 2012 год до 14 % за 2013 год. Объем этого вида страхования составил 26,8 млрд рублей за 2013 год. Наибольшую долю в розничном банкостраховании, не связанном с кредитованием, занимают инвестиционное страхование жизни (34 %), смешанное страхование жизни (32 %) и страхование имущества физических лиц (13 %) [5]. Рост некредитного страхования обеспечили страховщики, входящие в одну группу с банками. Концентрация страховых компаний в новом сегменте банкострахования была высокой. По данным рейтингового агентства «Эксперт РА» в 2013 году 80 % этого рынка приходилось на 6 страховых компаний, 5 из которых аффилированы с банками. Однако банкострахование лишь частично покрывает банковские риски, в основном кредитный риск как риск невозврата кредита заемщиком.

В раскрытии понятия «страхование банковских рисков», по нашему мнению, нужно исходить из сущности самого страхования. Можно предложить такую формулировку: страхование банковских рисков – это отношения по защите интересов банка при наступлении определенных страховых случаев в его деятельности за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий. В качестве страховых случаев выступают возможные вероятностные события, которые ведут к потерям в стоимостном выражении или увеличению его расходов (недополучение доходов) по сравнению с прогнозируемыми при выполнении банковских операций.

Тенденции развития банковского и страхового секторов экономики свидетельствуют о заинтересованности банков в продвижении страховых продуктов через свои каналы (банкострахование), однако банк по-прежнему остается потенциальным потребителем страховых услуг для защиты своего бизнеса. Рассмотрим предложения страховых организаций по страхованию банковских рисков. Результаты приведены на основе анализа сайтов ведущих страховщиков. Список компаний выбран в соответствии с рейтингом «Эксперт РА», так как только они предлагают полис ВВВ в России и ряд дополнительных продуктов по страхованию банковских рисков.

Кроме известного полиса ВВВ и комплексного ипотечного страхования ведущие страховщики предлагают страхования, которые в соответствии с классификацией банковских рисков, приведенных в таблице 1, покрывают следующие риски.

1. Риск, связанный с выпуском банковских карт

Страховая группа «АльфаСтрахование», ООО Страхование общество «Купеческое», Группа «Альянс», Страховая группа «Чулпан» предлагают страхование эмитентов пластиковых карт. Это страхование имущественных интересов, связанных с возникновением убытков при эмиссии банковских расчетных карт или при нарушениях заемщиком-держателем кредитной карты своих обязательств.

2. Кредитный риск

Страховая группа «АльфаСтрахование» предлагает страхование кредитных рисков при финансировании торговой деятельности. Страховая защита инвестора или заемщика от финансовых потерь при неблагоприятной рыночной ситуации и низкой ликвидности товара, обремененного залогом.

ООО Страхование общество «Купеческое» предлагает страхование риска невозврата кредита, предусматривающего страхование ответственности заемщика за невозврат кредита. ООО Страхование общество «Купеческое», ООО СК «Советская» предлагают страхование экспортно-импортных кредитов (операций), которое является особой разновидностью страхования кредитов, предоставляющей страховую защиту от рисков, которые несут участники внешнеэкономической деятельности.

3. Риск лизинговых операций

ООО СК «ВТБ Страхование», ООО Страхование общество «Купеческое», ЗАО СК «Инвестиции и финансы», ООО Информационно-страховая компания «Иск Евро-Полис» предлагают страхование лизинговых операций. Объектом страхования являются не противоречащие законодательству РФ имущественные интересы, связанные с убытками от предпринимательской деятельности лизингодателя, возникшими из-за нарушения лизингополучателем своих обязательств по уплате лизинговых платежей. Договор страхования заключается в отношении договоров лизинга, по которым могут быть переданы лизингополучателю любые потребляемые вещи, используемые для предпринимательской деятельности (кроме земельных участков и других природных объектов), в том числе строительно-дорожные машины, промышленное оборудование, автотранспортные средства.

4. Операционный риск (риск персонала)

Страховая группа «АльфаСтрахование», Группа «Альянс», ООО СК «Гелиос» предлагают страхование ответственности директоров финансовых институтов. Страхование ответственности финансового института (Professional Indemnity) покрывает убытки, возникающие вследствие обязанности финансового института возместить третьим лицам (клиентам, контрагентам и т. д.) ущерб, причиненный им небрежными действиями, ошибками или упущениями по небрежности сотрудников финансового института, в т. ч. руководящего состава.

5. Операционный риск (риск процесса, риск технологий, риск потери доходности, риск физического вмешательства)

ОАО «СГ «МСК», ООО СК «Согласие», ОАО СК «Астро-Волга», ООО СК «Советская», ООО «Страховые инвестиции» предлагают страхование предпринимательских и финансовых рисков.

ООО СК «Гелиос» проводит страхование банкоматов, терминалов и наличных денежных средств. Данный вид страхования позволяет банкам минимизировать расходы, связанные с эксплуатацией банкоматов и терминалов, поскольку ущерб, нанесенный банкоматам, терминалам, а также хранящимся в них денежным средствам в результате страхового случая, возмещает страховщик.

6. Инвестиционный риск

ООО Страхование общество «Купеческое» предлагает страхование инвестиций, предназначенное для защиты имущественных интересов субъектов инвестиционной деятельности от рисков обесценивания, утраты, уничтожения капиталовложений.

Полис ВВВ предоставляют 10 страховых компаний: Группа «ИНГО», ООО СК «ВТБ Страхование», Страховая группа «АльфаСтрахование», Группа «Альянс», ООО СК «Согласие», ООО Информационно-страховая компания «ИСК Евро-Полис», ООО «СМП-Страхование», ООО СК «Гелиос», ОАО СГ «Спасские ворота», ООО «Страховые инвестиции». Помимо классического полиса ВВВ к нему существует два дополнительных продукта – это страхование от компьютерных и электронных преступлений и страхование профессиональной ответственности финансового института. Такие дополнительные продукты предоставляют всего 3 компании из 10, предоставляющих полис ВВВ, это: группа «ИНГО», Страховая группа «АльфаСтрахование», ООО СК «Гелиос».

Проанализировав предложения ведущих страховщиков, можно сделать вывод, что на российском страховом рынке представлены страховые продукты, которые направлены на снижение банковских рисков. Но они предоставляют страховую защиту от малой части рисков банка, приведенных в таблице 1. Большая часть рисков, перечисленных в таблице 1, регулируется различными нормативными требованиями ЦБ РФ. Например, для минимизации валютного риска до кредитных организаций доводится обязательное требование соблюдения лимита открытой валютной позиции [1], для ограничения рисков ликвидности доводятся нормативы мгновенной, текущей и долгосрочной ликвидности [2].

На сегодняшний день банк практически не защищен от операционного риска. Осознав последствия

проявления такого риска, Базельский комитет по банковскому надзору рекомендует при расчете достаточности собственного капитала коммерческого банка учитывать наряду с другими рисками величину операционного риска. (Базель II – документ Базельского комитета по банковскому надзору «Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы», содержащий методические рекомендации в области банковского регулирования. Главной целью соглашения «Базель II» является повышение качества управления рисками в банковском деле, что, в свою очередь, должно укрепить стабильность финансовой системы в целом. Уже принят Базель III). Таким образом, основной защитой от последствий операционного риска является повышенное требование к сумме капитала банка. Но так как точно рассчитать величину операционного риска невозможно, то и требование к увеличению суммы капитала является приблизительным. Частично операционный риск покрывается полисом ВВВ (в части страхования ответственности персонала), но остальные риски этой группы остаются непокрытыми. Можно с уверенностью сказать, что на современном этапе развития страхового рынка ни одна страховая компания не предлагает страховые продукты, которые покрывали бы полностью риски банка, связанные с его профессиональной деятельностью.

Отметим также, что предложения страховых компаний не в полной мере востребованы банками. Даже такой популярный за рубежом полис ВВВ не получил распространения среди банков. Такая ситуация, по нашему мнению, объясняется следующими причинами:

- нежелание банков раскрывать информацию, которая необходима при оценке страхового риска;
- высокая цена страхования;
- развитие банкострахования, которое позволяет банкам заработать на продаже страховых продуктов и переложить расходы по страхованию своих рисков на иных лиц. Ярким примером является страхование жизни заемщика, которое сопровождает кредитный договор и позволяет банкам переложить бремя платежей на заемщиков;

Литература

1. Инструкция Банка России № 124-И от 15 июля 2005 г. «Об установлении размеров (лимитов) открытых валютных позиций, методике их расчета и особенностях осуществления надзора за их соблюдением кредитными организациями» (с изменениями и дополнениями).
2. Инструкция Банка России № 139-И от 3 декабря 2012 г. «Об обязательных нормативах банков».
3. Козлова О. Н., Калачева И. В. Теоретические аспекты страхования банковских рисков: материалы за 10-а Международна научна практична конференция «Найновите научни достижения». Т. 1. Икономики. София: «БялГРАД-БГ» ООД, 2014. С. 15 – 19.
4. Письмо ЦБ РФ № 70 от 23 июня 2004 г. «О типичных банковских рисках».
5. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Режим доступа: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 3.11.2014).

Информация об авторах:

Козлова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита КемГУ, kozlova_o_n@mail.ru.

Olga N. Kozlova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Finance and Credit, Kemerovo State University.

Калачева Ирина Владимировна – ассистент кафедры финансов и кредита КемГУ, irinakalacheva@mail.ru.

Irina V. Kalacheva – Assistant Lecturer at the Department of Finance and Credit, Kemerovo State University.

– сложность банковских операций, трудности в определении базовых страховых понятий, таких как «страховая стоимость», «страховой ущерб», «страховой риск» и других;

– терминологическая путаница при определении базовых понятий «финансовые риски», «предпринимательские риски», «страхование банковских рисков», «банковское страхование», противоречивость различных нормативных актов, что затрудняет возможности страховых организаций по конструированию страховых продуктов, предназначенных для страхования профессиональных рисков банков.

На сегодняшний день нет четкого разграничения понятий «страхование банковских рисков» и «страхование банков», чаще всего данные определения приводятся в качестве синонимов. На наш взгляд, стоит ввести в обращение такое понятие, как «комплексное банковское страхование» [3], которое будет сочетать в себе разные виды страхования. Этот вид страхования должен покрывать следующие риски:

- риск гибели имущества банка (имущественное страхование);
- риск физической гибели или утраты здоровья сотрудников банка при выполнении своих профессиональных обязанностей (личное страхование);
- риск нанесения вреда третьим лицам при выполнении профессиональных обязанностей сотрудниками банка (страхование гражданской ответственности);
- предпринимательский риск, к которому относится большинство банковских рисков (страхование предпринимательского риска).

Такой вид страхования за счет своей сложности будет покрывать все возможные убытки и действительно может считаться комплексным. Выделение такого комплексного страхования позволит рассматривать и увязывать все риски в целостную систему и обеспечить полную защиту банка как субъекта от воздействия внешних и внутренних неблагоприятных событий.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

С. А. Кононова

FORMING A SYSTEM OF BALANCED INDICES AS A FACTOR OF COMPANY'S STRATEGIC DEVELOPMENT

S. A. Kononova

Статья посвящена формированию сбалансированной системы показателей с целью обеспечения эффективного и результативного процесса реализации стратегии развития предприятия. Автором исследованы вопросы стратегического управления в российских компаниях при помощи сбалансированной системы показателей, выявлены проблемы, а также преимущества использования их в управлении в современных условиях. Сделан вывод, что применение сбалансированной системы показателей является инструментом позволяющим эффективно реализовывать стратегические цели предприятий.

The paper focuses on the formation of a balanced scorecard to ensure efficient and effective implementation of the strategy of development of an enterprise. The author investigated the issues of strategic management in Russian companies using the balanced scorecard and identified the problems of their use in management in modern conditions. The paper concludes that the use of a balanced system of indicators is a tool allowing to effectively implement the strategic goals of enterprises.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей, стратегия роста, ключевые показатели деятельности.

Keywords: balanced scorecard, growth strategy, key performance indicators.

В современной мировой практике менеджмента наибольшее распространение получила концепция сбалансированной системы показателей (BSC) [3, с. 65], которая отличается широким диапазоном её применения для решения разнообразных управленческих задач. В частности, она может успешно использоваться при реализации стратегии роста компании, выполняя при этом две важные функции:

1) трансляция целевых значений ключевых показателей деятельности (KPI) со стратегического на тактический и оперативный уровни управления;

2) контроль эффективности реализации стратегии и степени достижения установленных целей. Это требует специальной настройки данного инструмента. Этим обусловлена актуальность данной работы.

Целью работы является формирование системы сбалансированных показателей, анализ сущности и использования их для стратегического развития предприятия.

Реализация в компании системы стратегического управления предусматривает создание, в дополнение к системе стратегического управления производством, систем управления ресурсами предприятия, в том числе персонала и систем риск-менеджмента, управленческого учета и др. и в конечном итоге соответствующей организационной структуры компании, ориентированной на реализацию стратегии компании, целей и миссии компании. Организация, использующая концепцию стратегического менеджмента, способна моментально реагировать на изменения во внешней среде, что повышает конкурентоспособность организации, а также принимать более обдуманные решения, позволяющие в будущем достичь желаемых целей [2, с. 8].

Основное требование, предъявляемое к любой системе планирования, – наличие четкой взаимосвязи

между оперативным и стратегическим планированием. В настоящее время данный аспект является одной из самых сложных проблем. Главная причина заключается в отсутствии действенной системы коммуникации стратегии сотрудникам компании и непроработанном процессе связи стратегии и оперативного планирования. Попытки российских менеджеров разработать и внедрить массовые технологии управления предприятием – бюджетное управление и контроль, управление по целям – часто заканчиваются безрезультатно.

Причина кроется в том, что данные технологии не связаны со сквозной системой планирования деятельности компании. Этот разрыв призвана устранить сбалансированная система показателей. Идея использования сбалансированной системы показателей для улучшения системы планирования была сформулирована Д. Нортон и Р. Капланом: «Менеджеры должны использовать свою сбалансированную систему показателей для осуществления интегрированного процесса разработки стратегии и бюджетирования» [3, с. 45].

В крупных компаниях, как правило, хорошо развита система стратегического планирования, в связи с чем интеграция сбалансированной системы показателей ведет к уточнению и фокусировке в формулировании стратегии, а также к реализации стратегии с более активным и интенсивным привлечением нижестоящих иерархических уровней. Для поддержки выбора стратегии и оценки стратегических альтернатив существуют различные инструменты – SWOT-анализ, карты рисков, техника портфельного анализа, метод сценариев и др. Проанализировав существующую ситуацию и оценив финансовые цели и значимые факторы, можно определить наличие «стратегического разрыва», а также мероприятий, необходимых для

устранения такого «стратегического разрыва». Это задача включает в себя определение значимости того или иного мероприятия в достижение цели, сложность реализации данного мероприятия и необходимый объем ресурсов.

Интерпретация результатов стратегического планирования с помощью сбалансированной системы показателей приводит к достижению большей прозрачности стратегии на всех уровнях организационной иерархии.

Сбалансированная система показателей (ССП) – одна из самых свежих технологий в управлении бизнесом. ССП была разработана Norlan Norton Institute в начале 90-х гг. Журнал Harvard Business Review называет концепцию сбалансированной системы оценочных показателей «одним из самых значительных вкладов в практику управления за последние 75 лет» [3, с. 72].

ССП как отражение стратегии компании образует надежный исходный пункт для эффективного оперативного планирования. Финансовые и нефинансовые показатели из сбалансированной системы показателей непосредственно поступают в систему оперативного планирования или бюджетирования. Кроме того, в системе оперативного планирования используются также разработанные в ходе стратегического планирования мероприятия и проекты.

ССП применяется на всех этапах управленческого цикла – начиная от целеполагания и планирования и заканчивая анализом, контролем, что позволяет использовать ее для оценки результативности реализации стратегий. Изначально ССП разрабатывалась для применения коммерческими организациями, но имея определенный потенциал гибкости и трансформации, позволяет использовать ее в управлении, не ориентированном на финансовый результат как конечную цель. В частности, для некоммерческих организаций разработана и применяется оригинальная форма стратегической карты, где две нижележащие перспективы – внутренние процессы, обучение и рост – идентичны таковым в классическом варианте ССП, а клиентская перспектива помещена на один уровень с фидуциарной, характеризующей то, как объект управления выглядит в глазах налогоплательщиков и спонсоров. Органы государственного управления ряда стран также располагают определенным опытом использования ССП.

ССП отражает целостный подход к управлению сложной системой, состоящий в том, что выстраивается четкая логика взаимосвязи стратегических целей и показателей, становятся ясными факторы и условия достижения итоговых результатов. Важнейшим свойством ССП, с точки зрения автора, является не просто наличие целей и показателей по разным аспектам деятельности, а причинно-следственные связи между ними, которые показывают, что и в какой последовательности следует делать (а также то, чем заниматься не следует, поскольку это не вносит вклада в достижение стратегических целей). Это позволяет расставить все действия по своим местам, определить их важность и приоритетность. При проектировании стратегической карты и подборе показателей становится очевидным, какие стратегические цели как бы

«повисают в воздухе», не будучи подкрепленными целями нижележащих перспектив, а также то, какие нижележащие цели не вносят вклада в достижение конечных результатов.

Концепция сбалансированной системы показателей рассматривает стратегию компании в виде целей, сгруппированных по четырем равнозначным составляющим (аспектам):

1) финансовая составляющая определяет, каких финансовых результатов должна достичь компания, чтобы выглядеть успешной с точки зрения акционеров и инвесторов;

2) клиентская составляющая определяет, какое уникальное предложение потребительской ценности должна сделать компания своим клиентам, чтобы завоевать их лояльность и посредством этого достичь финансовых целей;

3) составляющая внутренних бизнес-процессов определяет, какие внутренние процессы необходимо довести до совершенства, чтобы обеспечить достижение клиентских и финансовых целей компании;

4) составляющая обучения и развития определяет, какие возможности для обучения и развития персонала должна использовать компания, чтобы достичь целей, связанных с предыдущими аспектами.

Благодаря этому появляется возможность управлять не только финансовыми показателями, но и нематериальными активами, осуществлять управление не изолированно по каждой цели или аспекту, а на основе цепочек причинно-следственных связей между ними. Для каждой цели финансовой составляющей формулируется определенная цель (или несколько целей) в клиентской составляющей, обеспечивающая достижение первой. В свою очередь, каждая цель клиентской составляющей поддерживается соответствующими целями составляющей внутренних бизнес-процессов, а эти цели обеспечены целями составляющей обучения и развития. Такой подход к формализации стратегии существенно повышает шансы ее реализовать.

К формированию целей организации ССП предъявляет определенные требования. Цели должны формулироваться предельно конкретно и измеряться показателем, отражающим основное содержание цели. Стратегическая цель, неизмеримая или сформулированная неконкретно, недостижима. Цели должны быть напряженными (значимыми, не должны быть легко достижимыми), чтобы служить повышению эффективности работы компании, но при этом они должны быть достижимыми, иначе интерес к ним со стороны персонала ослабевает, а мотивация блокируется. Следует выделять только главные, наиболее значимые для реализации стратегии цели, не распылять ресурсы и усилия на достижение второстепенных и малозначимых результатов. В то же время цели должны быть сформированы по каждому аспекту деятельности компании в количестве, достаточном для реализации стратегии. Все цели должны представлять собой единую систему, основанную на причинно-следственных связях, быть сбалансированными. Действия и решения, необходимые для достижения одной цели, не должны мешать достижению других.

Для каждой цели следуют определить ответственного и срок ее достижения. Указанные принципы формирования целей также ориентированы на создание необходимых условий для реализации стратегии.

Построение системы стратегического менеджмента на основе ССП предполагает реализацию пяти принципов стратегически ориентированной компании.

1. Перевод стратегии на операционный уровень. Сбалансированная система показателей предлагает формализованную модель стратегии, которая делает корпоративное видение будущего достоянием всех сотрудников и способствует формированию единомыслия.

2. Стратегическое соответствие планов и целей подразделений целям компании. Любая компания состоит из многих подразделений, каждое из которых имеет свой план развития. Если планы разрабатываются только с позиций подразделения, то сложно сделать их согласованными и непротиворечивыми. Сбалансированная система показателей позволяет обеспечить необходимую взаимосвязь стратегических планов подразделений и ориентировать их на достижение стратегических целей компании.

3. Стратегия как повседневная работа каждого сотрудника. Все сотрудники компании обязаны понимать стратегию и работать таким образом, чтобы вносить максимальный вклад в ее реализацию. Стратегические цели компании поэтапно каскадируются на более низкие уровни управления: в департаменты, управления, службы, отделы компании, отдельным сотрудникам – выстраиваются цепочки взаимосвязанных целей от уровня компании до уровня работника. Цели каждого уровня управления и каждого сотрудника ориентированы на достижение целей компании. Достигая своих индивидуальных целей, персонал реализует стратегию компании.

4. Стратегия как непрерывный процесс. Сбалансированная система показателей предполагает внедрение практики регулярных стратегических совещаний менеджеров для обсуждения стратегии и хода ее реализации. Как только система обратной информационной связи начинает действовать, у компании появляется возможность управлять стратегией, т. е. получать информацию не только о ее реализации, но и о ее жизнеспособности и эффективности. Стратегию можно корректировать по мере необходимости, а не в конце года, как это было принято прежде. Сбалансированная система показателей позволяет связать между собой стратегию и процесс составления бюджета и тем самым обеспечить необходимое финансирование стратегических инициатив в плановом порядке, а не по остаточному принципу.

5. Активизация изменений как результат активного руководства топ-менеджеров. Применение сбалансированной системы показателей – это проект для изменений. Успешная реализация стратегии требует кардинальных изменений всех составляющих компании, слаженной работы всей команды для координации этих изменений, постоянного внимания и сосредоточения усилий на воплощении инициатив и достижения поставленных стратегических целей. По этой причине залогом успеха являются активное участие в проекте

руководителей высшего звена управления, их приверженность проекту, готовность вкладывать в проект значительные усилия и время. Преимущество сбалансированной системы показателей состоит в комплексном и системном подходе к управлению реализацией стратегии, к интеграции стратегического планирования и операционной деятельности компании. Это подтверждает масштаб внедрения ССП во многих странах мира.

Внедрение ССП имеет несколько преимуществ:

- ССП предлагает мощную концепцию для построения и транслирования стратегии. Бизнес-модель визуализируется на стратегической карте, которая помогает руководителям принять во внимание причинно-следственные связи в целеполагании. Комплекс ССП подразумевает четкую постановку целей в виде целевых значений показателей, что улучшает стратегическое планирование;

- тот факт, что стратегия со всеми ее взаимосвязанными целями изображается на одном листе бумаги, позволяет компаниям легко транслировать стратегию внутри и вне компании. Компактное визуальное отображение способствует лучшему пониманию стратегии и помогает вовлечь сотрудников и внешних заинтересованных лиц в работу со стратегией;

- подход ССП подразумевает разработку ключевых показателей эффективности именно для стратегических целей компании. Такая направленность демонстрирует, что компании измеряют то, что действительно имеет значение. Исследования демонстрируют, что компании, применяющие ССП, владеют управленческой информацией более высокого качества и получают преимущества от использования этой информации для направления процессов управления и принятия решений;

- компании, использующие подход ССП, создают более показательные отчеты о деятельности, нежели компании, не использующие этот структурированный подход. Система отчетности по ССП незаменима при повышении требований к прозрачности компании;

- корректно внедренная ССП способствует согласованию со стратегическими ориентирами таких процессов, как бюджетирование, управление рисками и аналитика. Эти меры позволяют создать действительно стратегически ориентированную компанию.

- корректно внедренная ССП также помогает согласовать организационные процессы, такие как бюджетирование, управление рисками, аналитика по стратегическим приоритетам. Это позволяет создать действительно стратегически ориентированную компанию.

Методология внедрения сбалансированной системы показателей содержит следующие этапы [5, с. 87]:

1. Обозначение корпоративной цели.
2. Выделение перспектив («финансы», «клиенты», «внутренние бизнес-процессы», «потенциал») сбалансированной системы показателей.
3. Определение стратегии, ее разбивка на задачи.
4. Разработка дерева целей.
5. Создание организационных условий для разработки ССП:

- определение (структурных) функциональных подразделений, для которых будет разрабатываться ССП;

- определение концептуальных правил и принципов определения ССП;

- введение системы контроллинга для корректировки.

6. Разработка ССП:

- конкретизируются стратегические цели;
- определяются требования к сбалансированной системе показателей;

- соединяются стратегические цели причинно-следственными цепочками;

- строится стратегическая карта, которая отражает взаимосвязи и зависимости между отдельными целями, а также объясняет взаимные эффекты, возникающие при достижении целей.

7. Каскадирование.

8. Внедрение ССП в систему планирования и контроля предприятием.

9. Обеспечение последовательного использования ССП системой планирования и контроля.

Анализ специальной литературы по вопросу построения ССП позволил обобщить и дополнить перечень наиболее значимых критериев отбора КРІ – индикаторов роста [3; 4]. Среди них следует отметить:

- репрезентативность для отображения основных «контрольных точек» выполнения стратегии;

- стимулирование менеджмента и работников к достижению стратегических целей;

- возможности сотрудников влиять на детерминанты показателя;

- измеримость индикатора;

- ограниченное количество целей и показателей;

- информирование персонала и понимание сотрудниками целей, выраженных в КРІ;

- рентабельность [1, с. 254].

Следует заметить, что со временем стратегия должна пересматриваться, ее нужно адаптировать к постоянно меняющейся среде организации, а значит, вместе с ней будет изменяться и сбалансированная система показателей.

Как показывает опыт, использование новых технологий управления может быть очень полезным для успешного развития предприятий различных отраслей, поскольку рыночная конъюнктура постоянно меняется и предсказать заранее эти изменения и то, как они могут повлиять на деятельность, очень трудно, но возможно. Так, по мнению автора, с помощью ССП осуществляется адаптация предприятия к внешней среде без значительных потерь. При этом потенциальная эффективность ССП и экономическая целесообразность ее внедрения зависят от специфики предприятия, масштабов деятельности и текущей ситуации на рынке. А именно в деятельности небольших предприятий сбалансированную систему показателей использовать не всегда целесообразно [4, с. 73]. Ведь на малых предприятиях, которые занимаются одним – двумя видами деятельности, с несколькими подразделениями и достаточно простым учетом, построение ССП возможно, но чаще экономически неоправданно и неэффективно. В таком случае нередко оказывается более результа-

тивным внедрение обычного управленческого учета, так как он прост и его постановка не требует такого большого объема финансовых средств, времени и высококвалифицированного персонала, как внедрение ССП. А вот в рамках крупного предприятия, а еще лучше холдинга, ССП дает возможность постоянно оценивать вклад того или иного звена в достижение стратегических целей.

Применение этой системы поможет компании улучшить финансовый результат с помощью сбалансирования всех показателей, которые определяют правильный выбор стратегии бизнеса в будущем и сделают данное предприятие более конкурентоспособным на рынке реализации продукции, а также помогут минимизировать или даже избежать различных рисков.

При разработке ССП основной целью для компании должно стать укрепление позиций на рынке. Для этого в качестве первого шага необходимо направить усилия на увеличение объема продаж продукции, снижение уровня затрат и повышение качества производимой продукции, а также привлечь в деятельность весь персонал.

Таким образом, ССП является совершенно новым инструментом управления предприятием, который позволит эффективно управлять рисками, приобрести устойчивость, конкурентоспособность и другие положительные характеристики, а также переводить ее стратегии в набор взаимосвязанных, сбалансированных показателей, оценивающих критические факторы не только текущего, но и будущего развития организации. Дальнейшие исследования данной проблемы нужно направить на адаптацию ССП в практическую деятельность предприятий.

Внедрение ССП на российских предприятиях достаточно проблематично в силу специфических особенностей российской экономики, которые имеют значительное влияние на успешную реализацию данного инструментария. Использовать рассматриваемый нами инструмент реализации стратегических целевых показателей не позволяет полностью отсутствие в большинстве компаний постоянного управления, достоверной и полной информации, необходимой для принятия управленческих решений по всем направлениям деятельности, несовершенство бизнес-процессов и ряд других проблем. Следует отметить, что сама методика ССП включает в себя внутренние факторы, ограничивающие применение методики. Чтобы их преодолеть, нужно объединить методику ССП с другими методиками управления; это позволит повысить эффективность внедрения сбалансированной системы показателей в России и позволит достигнуть дополнительного экономического эффекта [2, с. 4].

Проблемы, возникающие у российских компаний, которые решили внедрить методологию реализации стратегии, состоят в основном в автоматизации сбора результатов показателей функционирования сбалансированной системы. Большинство организаций считает, что есть готовый набор стандартных показателей для этой системы, которая позволит им достичь желаемых результатов, но специалисты говорят, что сбалансированная система показателей требует креативность, стратегическое мышление и конкретные решения индивидуально для каждой компании.

Литература

1. Белоусов И. Н., Королев В. А. Стратегическое управление в сбалансированной системе показателей в российских компаниях // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2(41).
2. Крылов С. И. Анализ в сбалансированной системе показателей: теоретический аспект // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 29.
3. Нортон Д., Каплан Р. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2012.
4. Палкина Е. С. Концепция системно-интегрированного управления реализацией стратегии роста транспортной компании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 3.
5. Палкина Е. С. Принципиальная модель реализации стратегии в системе текущего бюджетирования транспортной компании // Сибирская финансовая школа. 2012. № 2.
6. Теплова Т. В., Григорьева Т. И. Ситуационный финансовый анализ: схемы, задачи, кейсы: учебное пособие для студентов вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.
7. Сбалансированная система показателей. Режим доступа: <http://www.knigauchebnik.com> (дата обращения: 25.10.2014).

Информация об авторе:

Кононова Светлана Анатольевна – ассистент кафедры финансов и кредита КемГУ, kononovasa@rambler.ru.

Svetlana A. Kononova – Assistant Lecturer at the Department of Finance and Credit, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

УДК 338.46:640.4

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Е. О. Похомчикова

THE DEFINITION AND STRUCTURE OF HOSPITALITY INDUSTRY

E. O. Pokhomchikova

Анализ современной научной литературы свидетельствует об отсутствии единого подхода к понятию «индустрия гостеприимства». В статье проанализировано смысловое содержание термина «индустрия». Выделены критерии отнесения предприятий (видов деятельности) к индустрии: размер; взаимосвязь (родственность) предприятий (видов деятельности); количество занятых работников; вклад в национальный доход; темпы роста. Проведена оценка соответствия совокупности предприятий мировой и отечественной сферы гостеприимства выделенным критериям; сделаны соответствующие выводы. Изучены определения понятий «гостеприимство» и «индустрия гостеприимства», предложенные зарубежными и российскими авторами. Выявлена проблема разграничения и определения взаимоотношений индустрии гостеприимства и туристской индустрии. Рассмотрена и проанализирована структура индустрии гостеприимства. В качестве заключения сделан вывод о том, что индустрию гостеприимства следует рассматривать в широком и узком смысле; приведены соответствующие определения.

There is no consistent approach to defining «hospitality industry» in modern scientific publications. In the paper the meaning content of term «industry» is analyzed. The criteria of an industry were determined, namely: size, interrelation of activities, employment numbers, contribution to national income, growth rate. The assessment of Russian and world hospitality activity according to these criteria was performed, and conclusions were made. Foreign and Russian authors' definitions of the concepts «hospitality» and «hospitality industry» are investigated. The problem of «hospitality industry» and «tourism industry» differentiation and correlation is detected. The structure of hospitality industry is considered. The author concluded that hospitality industry should be considered in the loose and narrow meanings; the definitions are presented.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, индустрия, гостеприимство, сфера услуг, туристская индустрия.

Keywords: hospitality industry, hospitality, industry, service sector, tourism industry.

В современной научной и публицистической литературе довольно часто встречается словосочетание «индустрия гостеприимства», однако его толкование вызывает определенные трудности. Для того чтобы их преодолеть, необходимо, думается, пояснить значение каждого термина. «Гостеприимство» (от англ. – hospitality) – «универсальная традиция повседневно-

бытовой культуры, предписывающая обязанность радушия и заботы о госте» [28]. Слово «гостеприимство» (hospitality) происходит от старофранцузского «хоспис» (hospice), то есть «места, в котором путники могут получить кров и еду» [25, с. 12].

В переводе с латинского индустрия (industria) – деятельность. Во многих словарях понятие «индуст-

рия» (англ. industry) означает промышленность, «промышленность» в свою очередь определяется как «крупнейшая отрасль экономики, совокупность родственных предприятий, характеризующихся единством экономического назначения производимой продукции, однородностью потребляемого сырья, общностью технологических процессов и технической базы, особым профессиональным составом кадров и специфическими условиями труда» [20, с. 538].

Отождествление индустрии с промышленностью имеет логическое обоснование. Долгое время во всем мире промышленный сектор считался центральным звеном экономики, сервисный же рассматривался как второстепенный; доказательством этого является деление экономики в зависимости от видов деятельности на реальный (промышленность), непроектируемый (сфера услуг) и финансовый сектора. По мнению многих специалистов, употребление термина «непроектируемый сектор» является не совсем корректным, ведь создается впечатление, что в нем ничего не производится, тогда как в настоящее время сфера услуг является ведущим сектором экономики развитых стран, привлекает значительные трудовые ресурсы, стремительно развивается.

Таким образом, термином «индустрия», имеющим первоначальное значение промышленности, начали обозначать крупные совокупности родственных предприятий (видов деятельности). В частности, Дж. Уокер отмечает, что гостеприимство как «одно из фундаментальных понятий цивилизации уже давно превратилось в индустрию» [24, с. 17].

Несмотря на довольно частое употребление термина «индустрия», в научной и методической литературе не сформированы критерии, по которым возможно судить об обоснованности отнесения тех или иных видов деятельности к индустрии.

По нашему мнению, такими критериями являются: размер; взаимосвязь (родственность) видов деятельности; количество работников; вклад в национальный доход; темпы роста.

Проанализируем соответствие отечественной и зарубежной сферы гостеприимства выделенным критериям.

Размер. Многие исследователи сходятся во мнении, что сфера гостеприимства охватывает огромное количество предприятий различных видов деятельности, основными из которых являются: гостиничный, ресторанный, туристский бизнес, а также деятельность, связанная с организацией досуга и развлечений, транспортное обслуживание.

По разным оценкам в мире насчитывается более 400 тысяч гостиниц (в России – 9316, или приблизительно 3 % от общего числа гостиниц в мире; годовой оборот российских гостиниц и ресторанов в 2011 году составил 523,9 млрд руб., увеличившись по сравнению с 2010 г. на 20,6 %. [26]).

Несмотря на пережитый глобальный экономический кризис, в 2012 г. число международных туристских прибытий, по данным Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО), превзошло миллиардный рубеж. В 2013 г. их число увеличилось на 5 % и достигло отметки 1087 млн человек. По прогнозам ЮНВТО, в 2014 г. темпы роста туристских прибытий со-

ставят от 4 до 4,5 %. Большая часть международных прибытий приходится на страны Европы (563 млн за 2013 г.) [5]. Что касается российских реалий на это счет, то они таковы: количество российских граждан, выезжающих за рубеж почти в два раза превышает число иностранцев, въезжающих на территорию РФ (47,147 млн чел. против 28,177 млн чел. по данным 2012 г.) [19].

Взаимосвязь (родственность) видов деятельности. Подавляющее большинство предприятий индустрии гостеприимства являются сервисными. Кроме того, они тесно взаимосвязаны друг с другом: так, спрос на туристские услуги влечет за собой спрос на услуги размещения, питания, транспортные услуги и т. д. Клиентоориентированный характер деятельности является основной концепцией успеха предприятий сферы гостеприимства. Исходя из данных рейтинга конкурентоспособности сектора туризма и путешествий 2013 г. (Прим. автора: рейтинг конкурентоспособности сектора туризма и путешествий составляется каждые два года и охватывает 140 стран. При его подготовке используется комбинация данных из общедоступных источников и информации от международных организаций и экспертов в области путешествий и туризма. Содержащийся в докладе межстрановой анализ факторов конкурентоспособности секторов туризма и путешествий дает информацию для сравнений, полезную при принятии решений бизнесом и ценную для правительства, стремящегося совершенствовать условия для сектора путешествий и туризма), наиболее клиентоориентированными являются следующие страны: Япония (1 место в рейтинге), государство Катар (2), Швейцария (3), Тайвань (4), Австрия (5), Новая Зеландия (6), Объединенные Арабские Эмираты (7), Швеция (8), Дания (9), Гонконг (10) [17]. Россия по критерию «уровень ориентации на потребности клиентов» занимает 113 позицию среди 140 представленных стран [17].

Количество работников. Сфера гостеприимства является одной из ведущих создателей рабочих мест. По некоторым оценкам, в одном только секторе туризма создается более 140 миллионов рабочих мест в мире (учитывая состав индустрии гостеприимства, этот показатель становится еще больше). По данным ЮНВТО, каждый 11-й работник на сегодняшний день занят в индустрии гостеприимства [5]. Помимо прямого эффекта занятости, можно говорить о наличии так называемого косвенного эффекта. Косвенная занятость является следствием того, что в процесс оказания услуг потребителю задействован целый комплекс предприятий, осуществляющих рекламную, финансово-кредитную и иные виды деятельности. Различные ученые по-разному оценивают косвенную занятость в сфере гостеприимства. Например, М. В. Ефремова ссылается на цифру 0,3 – 0,7 рабочих места [8, с. 8].

Оценка и прогнозирование состояния российского рынка трудовых ресурсов в сфере гостеприимства сдерживается дефицитом соответствующей достоверной базы статистической информации. Все же можно привести некоторые приблизительные данные. По данным Госкомстата, в 2011 году численность занятых в таких отраслях, как торговля, гостиницы и рес-

тораны, составляла 18 % от всех занятых в стране; для сравнения в промышленности – 20,2 % [26]; стоит также отметить, что индустрия гостеприимства охватывает не только гостиницы, рестораны, но и другие виды деловой активности, которые не нашли своего отражения в приведенных статистических данных.

Вклад в национальный доход. На долю мирового туризма приходится 3,6 % ВВП (с учетом влияния туризма на смежные с ним отрасли – 10,6 %); 5 % всех налогов; 7 % мировых инвестиций. В мире сфера туризма как статья экспорта находится на пятом месте после нефти, продукции пищевой, химической и автомобильной отраслей промышленности [5]. Учитывая тот факт, что сфера гостеприимства – понятие более обширное, чем туризм, приведенные цифры становятся еще больше.

В некоторых странах доходы от сферы туризма являются определяющей статьей ВВП: Бермудские острова – 34,7 %, Сейшельские острова – 27,4 %, Антигуа – 58,5 %, Багамы – 52,1 % [27].

На рисунке 1 показаны доли доходов от туризма в ВВП разных стран.

Особое значение в создании национального дохода сфера гостеприимства приобретает с учетом мульт-

пликативного эффекта: так, доход, полученный от туристской деятельности, направляется в дальнейшем на потребительские расходы, в результате осуществления которых появляются новые доходы, получаемые предприятиями других сфер деятельности.

Темпы роста. По прогнозам, составленным ЮН-ВТО, международные прибытия к 2020 году достигнут отметки в 1,6 млрд человек. В течение следующего десятилетия общий вклад отрасли в ВВП будет возрастать на 4,2 % в год и достигнет 9,2 триллионов долларов США к 2021 году [5]. На долю России приходится менее 1,5 % мирового туристского потока, к 2020 году доля нашей страны в выездном туризме составит 2 %, а во въездном около 3 %. По мнению экспертов, Россия использует свой туристский потенциал только на 20 %. Вероятно, этим можно объяснить более низкий вклад туризма в экономику страны по сравнению с развитыми странами мира [5].

Проанализировав представленные данные, можно заключить, что мировая сфера гостеприимства характеризуется высокими показателями деятельности, а также имеет положительные тенденции развития; таким образом, может быть определена как индустрия.

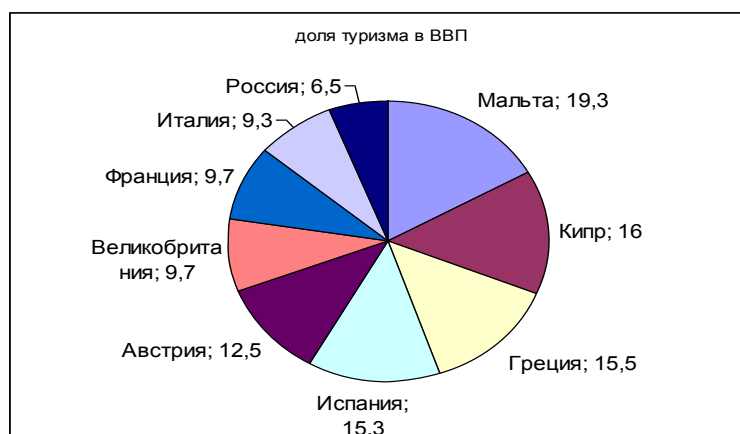

Рис. 1. Доля доходов от туризма в ВВП

Отечественная сфера гостеприимства во многом уступает зарубежной. Российская Федерация у многих ассоциируется, скорее, с мировым экспортером сырьевых ресурсов, чем со страной-лидером в развитии туризма и гостеприимства. Причиной столь неудовлетворительного положения дел, сложившихся в сфере гостеприимства в нашей стране, является сохранившийся со времен СССР примат материального производства; сфера же услуг не рассматривается в качестве стратегически важного объекта экономики.

В течение длительного периода времени, вплоть до конца XX в., в российской практике не использовалось понятие «индустрия гостеприимства»; постепенно по мере перехода страны к рыночному укладу и, как следствие, появлению множества независимых фирм, конкурирующих между собой за долю на рынке, особое внимание стало уделяться изучению потребностей и методов более качественного удовлетворения их потребностей. Если раньше существовали отдельные сервисные предприятия (гостиницы, рестораны,

кафе, транспортные компании и т. д.), производящие услуги для удовлетворения базовых потребностей – предоставление ночлега, организация питания, транспортировка, то с возрастанием потребностей клиентов возникла необходимость создания особого межотраслевого комплекса сферы услуг, охватывающего множество различных предприятий, специализирующихся на обслуживании потребителей, – индустрии гостеприимства.

Таким образом, в России понятие «индустрия гостеприимства» является в большей степени образным, чем отражающим действительность.

По вопросам исследования индустрии гостеприимства Россия также значительно отстает от зарубежных стран. Работы на русском языке представлены в основном переводными изданиями. Теоретической базой исследований отечественных ученых в области индустрии гостеприимства являются труды зарубежных авторов.

Для того чтобы проследить, как менялось содержание понятий «гостеприимство» и «индустрия гостеприимства», была составлена таблица 1 с определениями, приведенными разными авторами. Для удоб-

ства проведения анализа определения расположены в хронологическом порядке, а также разделены на две группы: зарубежные и отечественные авторы.

Таблица 1

Определения понятий «гостеприимство» и «индустрия гостеприимства»

<i>Автор</i>	<i>Определение</i>
<i>Зарубежные авторы</i>	
Уэбстер Н.	Гостеприимство – обслуживание, опирающееся на принципы гостеприимства, характеризующиеся щедростью и дружелюбием по отношению к гостям [29].
Браймер Р.	«Гостеприимство – это секрет любого заботливого обслуживания. Забота, проявленная по отношению к гостю, способность чувствовать потребности клиента, - неуловимые, но столь очевидные черты в поведении служащего. Индустрия гостеприимства является собирательным понятием для многочисленных и разнообразных форм предпринимательства, которые специализируются на рынке услуг, связанных с приемом и обслуживанием гостей» [1, с. 27].
Уокер Дж. Р.	«Гостеприимство - одно из фундаментальных понятий человеческой цивилизации – уже давно превратилось в индустрию, в которой заняты многие миллионы профессионалов. Индустрия гостеприимства объединяет туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, отдых и развлечения, организацию конференций и совещаний» [24, с. 12].
Ваген Л.	«Индустрия гостеприимства – это сектор индустрии туризма, отвечающий за размещение туристов, а также отрасли, деятельность которых направлена на продажу алкогольных напитков, предоставление жилья, пищи и увеселительных мероприятий» [3, с. 32].
<i>Отечественные авторы</i>	
С. С. Скобкин	«Индустрия гостеприимства выступает как самостоятельная, сложная и относительно обособленная социально-экономическая система, привлекающая значительные материальные, финансовые и трудовые ресурсы» [21, с. 1].
И. В. Зорин, В. А. Квартальнов	«Индустрия гостеприимства – сфера предпринимательства, состоящая из видов обслуживания, которые опираются на принципы гостеприимства, характеризующиеся щедростью и дружелюбием по отношению к гостям» [9, с. 21].
М. М. Романова	«Индустрия гостеприимства как особая сферы предпринимательской деятельности, отличается интегрированным характером экономических отношений взаимодействия и взаимной зависимостью субъектов производственных и непроизводственных отраслей, предоставляющих универсальный продукт (набор услуг, разнообразные виды работ, разнопрофильные товары)» [18, с. 11].
Е. В. Лунева	«Индустрия гостеприимства представляет собой подсистему экономических отношений, связанных с куплей – продажей специфического продукта – услуги, предоставляемой гостиничными предприятиями туристам и иным категориям пользователей на комплексной основе с целью максимального удовлетворения их потребностей в гостеприимстве» [12, с. 32].
Д. И. Елканова, Д. А. Осипов, В. В. Романов, Е. В. Сорокина	«Гостеприимство – это одно из понятий цивилизации, которое благодаря прогрессу и времени превратилось в мощную индустрию, в которой работают миллионы профессионалов, создавая все лучшее для потребителей услуг (туристов). Индустрия гостеприимства включает в себя различные сферы деятельности людей – туризм, отдых, развлечения, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, экскурсионную деятельность, организацию выставок и проведение различных научных конференций. Таким образом, индустрия гостеприимства – это комплексная сфера деятельности работников, удовлетворяющих любые запросы и желания туристов» [7, с. 18 – 19].
Е. Б. Доброжанская	«Индустрия гостеприимства – межотраслевой комплекс, специализирующейся на обслуживании приезжающих в данную местность людей и включающей совокупность средств размещения, общественного питания, объектов познавательного, развлекательного, делового, оздоровительного и спортивного назначения, а также предприятия по изготовлению туристского снаряжения и сувениров» [6, с. 6].
Е. И. Макринова, Т. Ю. Иваницкая	«Под индустрией гостеприимства понимается предпринимательская деятельность на рынке услуг, связанная с обслуживанием гостей. Последними могут быть туристы, командировочные работники, представители бизнеса, отдыхающие, клиенты, решающие личные и семейные интересы. Индустрия гостеприимства включает в себя также организацию общественного питания, физкультурно-спортивных и других развлечений, парки отдыха и т. п.» [13, с. 68].

Исследование индустрии гостеприимства за рубежом началось значительно раньше, чем в России. Зарубежные авторы делают акцент на гостеприимстве как заботе, проявленной по отношению к клиентам. Термин «гостеприимство» положительно позиционирует данный сектор экономики, раскрывая природу этой деятельности, ассоциирующуюся у потребителей с дружелюбием, щедростью, вниманием по отношению к гостям. Британский специалист Р. А. Браймер в своем определении помимо выделения специфики индустрии гостеприимства, выражающейся в клиентоориентированном характере взаимодействия продавца и потребителя, производит некоторые попытки к выделению структуры индустрии гостеприимства (1995 г.). Напротив, эксперт по изучению индустрии гостеприимства в США, Дж. Р. Уокер, четко выделяет ее основные составляющие: туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, отдых и развлечения, организацию конференций и совещаний (1999 г.) [24, с. 12]. Кроме того, в своей работе «Введение в гостеприимство» автор четко указывает на мощь сферы гостеприимства и на ее трансформацию в индустрию [24, с. 17].

Значительный вклад в развитие знаний об индустрии гостеприимства внес С. С. Скобкин. Его многочисленные публикации посвящены вопросам: сходства и различия индустрии гостеприимства и туристской индустрии; выявлению состава индустрии гостеприимства; изучению конкурентных слабостей, сдерживающих ее развитие и т. д. Данный автор, пожалуй, является одним из первых отечественных ученых, начавших исследование сферы гостеприимства как отдельной индустрии, охватывающей многочисленные предприятия и сферы деятельности, в том числе и туризм.

Е. В. Лунева определяет индустрию гостеприимства как часть туризма, а также отождествляет ее с гостиничным бизнесом, что, на наш взгляд, является не совсем корректным. В определении, предложенном М. М. Романовой, основной акцент сделан на интегрированном характере экономических отношений взаимодействия и взаимной зависимости субъектов производственных и непроизводственных отраслей, входящих в индустрию гостеприимства. Данная характеристика является, несомненно, важной, но, на наш взгляд, не первостепенной; в определении, думается, должна быть отражена основная специфика рассматриваемого явления. Клиентоориентированный характер деятельности – одна из важнейших характеристик индустрии гостеприимства, как и всей сферы услуг. Достоинством определения, предложенного Е. Б. Доброжанской, является рассмотрение индустрии гостеприимства в качестве «межотраслевого комплекса услуг». В дальнейшем автор ссылается на то, что клиентами индустрии гостеприимства выступают «приезжающие в данную местность люди», что, по нашему мнению, является не совсем верным, ведь потребителями услуг индустрии гостеприимства могут быть не только приезжие, но и местные жители. Такой же нюанс можно обнаружить в трактовке, предложенной коллективом авторов под руководством Д. И. Елкановой, в котором после указания на потребителей услуг индустрии гостеприимства при-

водится уточнение: туристов. В целом данное определение является наиболее емким по содержанию, так как в нем есть указание на широкий состав предприятий, входящих в индустрию гостеприимства; отражена «сервисная» специфика индустрии гостеприимства (клиентоориентированность, т. е. «деятельность, направленная на удовлетворение любых запросов клиентов»); предложен состав индустрии гостеприимства.

На наш взгляд, в отечественной теории пока не сложилось однозначного понимания сущности индустрии гостеприимства. Некоторые авторы не вводят разграничений между понятиями «индустрия гостеприимства», «индустрия туризма», «индустрия досуга», «гостиничная индустрия», употребляя их в качестве синонимов. Зачастую в названиях литературных источников встречается словосочетание «индустрия гостеприимства», тогда как в самих работах речь идет о гостиничном или туристском бизнесе. В исследовании Е. В. Луневой «Формирование российского рынка услуг индустрии гостеприимства» в качестве таковых выступают гостиничные услуги, вместе с тем не имеется указаний на то, что гостиничные предприятия являются всего лишь частью огромной и многообразной индустрии гостеприимства. О. В. Лесникова в работе «Управление инновациями в индустрии гостеприимства» в качестве объекта исследования выделяет предприятия индустрии гостеприимства, в самой же работе раскрывает проблематику функционирования гостиничных предприятий, при этом приводит статистические данные, описывающие тенденции развития туристской индустрии. Аналогичное отождествление индустрии гостеприимства с гостиничной присутствует в работах С. В. Кошечева [11], Е. Б. Доброжанской [6], О. Ю. Нощенко [14]. Такое положение дел можно объяснить, во-первых, своего рода модной тенденцией употребления звучных иностранных терминов; во-вторых, недостаточной изученностью индустрии гостеприимства, выражающейся в отсутствии четко выделенного состава в нее входящих видов деятельности.

В связи с назревшей проблемой разграничения индустрии гостеприимства от гостиничной и туристской необходимо рассмотреть разные подходы к определению их взаимоотношения. В частности по вопросу соотношения индустрии гостеприимства и индустрии туризма мнения ученых разделились (рис. 2).

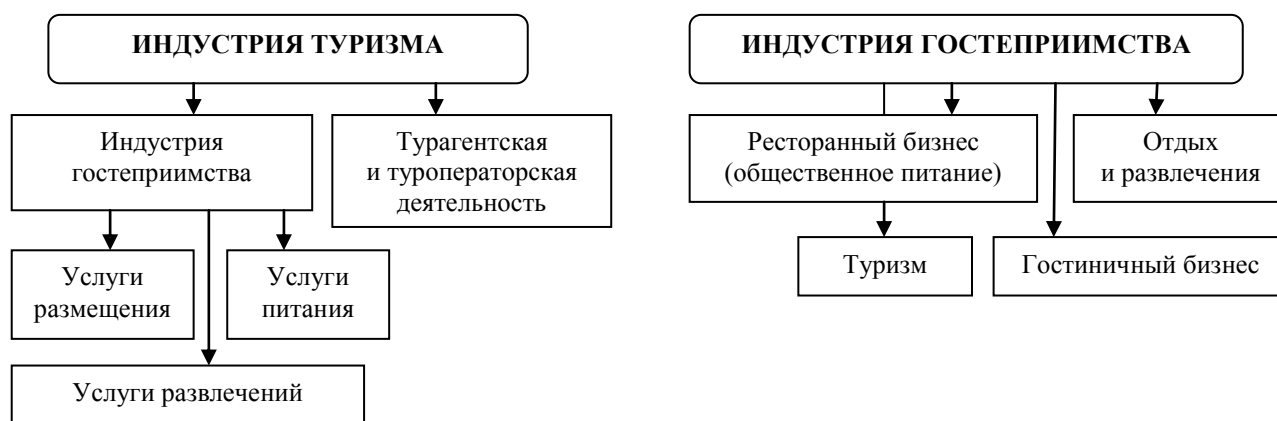

Рис. 2. Подходы к соотношению индустрии гостеприимства и индустрия туризма

Авторы первого подхода [3; 9; 10; 12] полагают, что индустрия гостеприимства является частью туризма и отвечает за размещение и питание туристов, она также включает в себя отрасли, деятельность которых связана с развлекательными мероприятиями. Сторонники второго подхода [1; 21; 23; 24; 4] считают, что индустрия гостеприимства объединяет туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, отдых и развлечения, общественное питание.

Для разграничения понятий «индустрия гостеприимства» и «туристская индустрия» необходимо проанализировать трактовку последней, приведенной в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Согласно данному закону, «туристская индустрия – это совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных центров, а также организаций, предоставляющих услуги экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» [15]. Таким образом, представители российского законодательства в области туризма разделяют точку зрения представителей первого подхода по вопросу соотношения понятий индустрия туризма и индустрии гостеприимства.

Интересно отметить также тот факт, что среди отечественных ученых более распространен термин «индустрия туризма», чем «индустрия гостеприимства». Свидетельствами этого факта является произведенный анализ статей электронной библиотеки eLibrary в 2014 г. (дата обращения: 18.05.2014) по рубрике «Экономика. Экономические науки». В ходе данного анализа было выявлено, что теме «индустрия гостеприимства» посвящено всего 299 статей, тогда как теме «индустрия туризма» – 1103 (пропорция 1:3,7). Между тем во многих публикациях объект исследования во многом выходит за рамки понятия «индустрия туризма», переходя в более обширное – «индустрию гостеприимства». Таким образом, ряд авторов не раз-

деляют эти понятия, употребляя их в качестве синонимов. Нередки также случаи употребления термина «индустрия гостеприимства и туризма».

По нашему мнению, понятие «гостеприимство» является более широким, емким и общим, чем понятие «туризм»: туризм, прежде всего, связан с организацией и рекламой туристских поездок. «В рамках же понятия «гостеприимство» объединяются все родственные отрасли экономики, связанные с обслуживанием людей через специализированные предприятия, причем принцип гостеприимства объединяет все эти сферы в единое целое, являясь их общим детерминантом. Кроме того, услугами гостеприимства пользуются не только туристы, но и другие категории путешественников, которые, согласно статистике Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО), объединены в понятие «посетителей» (visitors)» [16, с. 5], а также местные жители. Индустрия туризма, таким образом, должна входить в состав индустрии гостеприимства; рассматривать эти индустрии необходимо как единое целое по причине неразрывной общности их целей и задач.

Для выявления соотношения гостиничной индустрии и индустрии гостеприимства необходимо рассмотреть структуру последней.

Сфера деятельности индустрии гостеприимства связана с функционированием многочисленных предприятий разной направленности и специализации: гостиницы, рестораны, туристские агентства, музеи, транспортные компании, информационные центры и т. д., объединенных общей целью – удовлетворение любых запросов и желаний потребителей.

Российский ученый, профессор С. С. Скобкин, представил многообразие предприятий, входящих в состав индустрии гостеприимства в виде карты-схемы (рис. 3).

Архитектура и жилищно-коммунальное строительство	Капитальное строительство	Дорожное строительство и эксплуатация дорог	Транспортное машиностроение	Авиационная промышленность	Автомобильная промышленность
Топливо-энергетическая промышленность	Туристская администрация	Управление ресурсами гостеприимства	Центры туристской информации	Санитарный и экологический контроль	Дизайнеры, маркетологи, бухгалтеры и др. работники
Судостроительная промышленность	Гостиницы и мотели	Кемпинг/караванинг	Таймшэр	Арендаторы	Связь: почта, телефонная, мобильная, Интернет
Мебельная промышленность	Организация общественного питания	Рестораны, кафе, закусочные	Закусочные быстрого питания	Тематические клубы	Сельское хозяйство
Поставщики инженерно-технологического образования для гостиниц и ресторанов	Музеи	Парки и сады	Развлечения	Выставки и конференции	Пивовары и виноделы
Поставщики оборудования для предприятий общественного питания	Пассажирский транспорт	Автопрокат	Экскурсионные автобусы	Оздоровление	Поставщики продовольствия и напитков
Текстильная промышленность	Туроператоры	Турагенты	Гиды и экскурсоводы	Розничная продажа билетов	Химическая промышленность
Изготовители формы и спецодежды	Культурное наследие	Культурно-исторические достопримечательности	Театры, концертные залы, музеи, галереи и библиотеки	Тематические парки и сады, заповедники	Поставщики компьютерного оборудования
Поставщики текстильных изделий для гостиниц и ресторанов	Организация досуга, развлечений	Фитнес и СПА центры	Стадионы, теннисные корты	Аквапарки и плавательные бассейны	Разработчики программного обеспечения
Производители и поставщики посуды	Игорный бизнес	Сувенирная торговля	Торговля предметами туристского обихода	Магазины беспошлинной торговли	Археологи, историки, реставраторы и картографы
Средства массовой информации	Профессиональная подготовка кадров	Подготовка по профессиям социального обеспечения	Туристское страхование	Общественные организации	Банки и другие финансовые учреждения
Страховые компании	Медицинские учреждения здравоохранения	Образовательные учреждения	Организации МЧС	Органы правопорядка	Организации по вопросам миграции и виз

	Предприятия и организации, входящие в индустрию гостеприимства
	Предприятия и организации, поддерживающие индустрию гостеприимства

Рис. 3. Схема индустрии гостеприимства

Источник: [22, с. 132 – 133].

Согласно предложенной схеме, индустрия гостеприимства состоит из основных предприятий сферы гостеприимства и поддерживающих, обслуживающих основные.

На наш взгляд, данный подход к определению структуры индустрии гостеприимства является наиболее приемлемым, ведь он позволяет не только отобразить многообразие видов деятельности, входящих в ее состав, но и установить связи индустрии гостеприимства с окружающей средой. Однако такие составляющие, как профессиональная подготовка кадров, подготовка по профессиям социального обеспечения, туристское страхование и общественные организации, больше относятся к направлениям, «поддерживающим» индустрию гостеприимства, чем входящим в состав основных предприятий индустрии гостеприимства.

В целом предложенная С. С. Скобкиным схема, отображающая структуру индустрии гостеприимства, соответствует требованиям диалектики к изучению предметов и явлений.

Изучив и проанализировав трактовки термина «индустрия гостеприимства», предложенные зарубежными и российскими авторами, определив состав индустрии гостеприимства, а также рассмотрев подходы к выявлению взаимоотношений индустрии гостеприимства и туристской индустрии, становится возможным привести авторское определение индустрии гостеприимства.

Полагаем, что индустрию гостеприимства следует рассматривать в широком и узком смысле. В уз-

ком смысле – это совокупность гостиниц и иных средств размещения, предприятий общественного питания, а также туроператорских и турагентских компаний.

В широком смысле индустрия гостеприимства – сектор сферы услуг, взаимосвязанный с индустрией туризма, объединяющий многочисленные предприятия разной направленности (основные: гостиницы, рестораны, туристские агентства, туроператорские компании, развлекательные заведения, объекты культурного и природного наследия, транспортные компании; а также предприятия, поддерживающие функционирование основных этих предприятий: страховые компании, торговые предприятия, средства массовой информации, образовательные учреждения и т. д.), основанный на принципе гостеприимства обслуживания туристов, путешественников, а также местного населения и организации их отдыха и досуга.

Определение индустрии гостеприимства в узком смысле дает представление об основных видах деятельности, входящих в данную индустрию. В широком смысле – раскрывает сущность индустрии гостеприимства, а именно: специфику деятельности, неразрывную связь с туристской индустрией, широкий и разнообразный состав предприятий, непосредственно в нее входящих и ее поддерживающих.

Полагаем, что предложенные определения индустрии гостеприимства могут послужить основой для ее дальнейшего исследования.

Литература

1. Браймер Р. А. Основы управления в индустрии гостеприимства. М.: Аспект Пресс, 1995. 382 с.
2. Бурменко Т. Д., Даниленко Н. Н., Туренко Т. А. Сфера услуг: экономика: учебное пособие: рек. учеб.-метод. центром "Клас. учеб."; под ред. Т. Д. Бурменко. М.: Кнорус, 2007. 322 с.
3. Ваген Л. В. Д. Гостиничный бизнес; пер. А. Сухорукова. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 412 с.
4. Валединская Е. Н. Формирование стратегии развития индустрии гостеприимства и туризма (на примере центрального федерального округа): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 25 с.
5. Всемирная туристская организация (UNWTO). Режим доступа: <http://www2.unwto.org>
6. Доброжанская Е. Б. Управление инновационной деятельностью в сфере гостеприимства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2011. 26 с.
7. Елканова Д. И., Осипов Д. А., Романов В. В. Основы индустрии гостеприимства: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2009. 248 с.
8. Ефремова Н. В. Основы технологии туристского бизнеса: учебное пособие. М.: Ось-89, 2001. 192 с.
9. Зорин И. В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма: [справочник] / Рос. междунар. акад. туризма. М.: Финансы и статистика, 2003. 364 с.
10. Квартальнов В. А. Теория и практика туризма: учебник. М.: Финансы и статистика, 2003. 671 с.
11. Кощеев С. В. Кластерный подход к управлению инновационной активностью в индустрии гостеприимства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Сочи, 2011. 24 с.
12. Лунева Е. В. Формирование российского рынка услуг индустрии гостеприимства: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Краснодар, 2007. 172 с.
13. Макринова Е. И., Иваницкая Т. Ю. Основы индустрии гостеприимства: учебное пособие для студентов. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2012. 265 с.
14. Нощенко О. Ю. Формирование и регулирование российского рынка услуг индустрии гостеприимства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2003. 22 с.
15. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный Закон РФ от 3 мая 2012 г. № 132 // Рос. газета. 2012. 5 мая.
16. Похомчикова Е. О. К вопросу о специфике индустрии гостеприимства // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2014. № 1. Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18742>
17. Рейтинг конкурентоспособности сектора туризма и путешествий. Режим доступа: <http://www.gtai.de>

18. Романова М. М. Формирование индустрии гостеприимства как механизм стратегического развития региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2006. 27 с.
19. Российский союз туристической индустрии. Режим доступа: <http://www.rostourunion.ru>
20. Румянцев Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2006. 809 с.
21. Скобкин С. С. Есть ли у нас индустрия гостеприимства? // Парад отелей. 2000. № 4. С. 1 – 6.
22. Скобкин С. С. Индустрия гостеприимства или туризма? Кто прав? // Российское предпринимательство. 2012. № 21.
23. Туризм, гостеприимство, сервис: слов.-справ. / Г. А. Аванесова, Л. П. Воронкова, В. И. Маслов, А. И. Фролов; под ред. Л. П. Воронковой. М.: Аспект Пресс, 2002. 366 с.
24. Уокер Дж. Р. Введение в гостеприимство: учебник; пер. с англ. Н. Н. Михайлова. М.: ЮНИТИ, 1999. 464 с.
25. Уокер Дж. Р. Введение в гостеприимство = Introduction to Hospitality: учеб. пособие: рек. учеб.-метод. центром "Профессиональный учебник"; пер. с англ. В. Н. Егорова. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 595 с.
26. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru>
27. Экономические статьи. Международный туризм. Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru>
28. Электронный словарь Яндекс. Режим доступа: <http://www.slovari.yandex.ru>
29. Webster N. American Dictionary of the English Language. New York Published by S. Converse, 1828.

Информация об авторе:

Похомчикова Елена Олеговна – аспирант кафедры менеджмента и сервиса Байкальского государственного университета экономики и права, elena.isea@mail.ru.

Elena O. Pokhomchikova – post-graduate student at the Department of Management and Service, Baikal State University of Economics and Law.

(Научный руководитель: Бурменко Татьяна Дмитриевна – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и сервиса Байкальского государственного университета экономики и права, Иркутск, service@isea.ru.

Scientific advisor: Tatiana D. Burmenko – Doctor of Economics, Professor at the Department of Management and Service, Baikal State University of Economics and Law).

Статья поступила в редколлегию 22.10.2014 г.

УДК 339. 97:349.2.03

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАКТИКЕ
КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ НЕФИНАНСОВЫХ ТНК
И. Л. Шевченко**

**SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE PRACTICE OF CORPORATE GOVERNANCE
IN THE LEADING RUSSIAN NON-FINANCIAL TNCs
I. L. Shevchenko**

В статье проанализированы показатели транснациональной деятельности крупнейших российских нефинансовых ТНК, рассмотрены основные аспекты практики корпоративного управления в области социальной ответственности в этих компаниях, выявлены возможности улучшения данной практики.

The paper analyzes the performance of the transnational activities of the largest Russian non-financial TNCs, discusses the main aspects of corporate governance practices in the area of social responsibility in these companies and identifies the opportunities to improve the practice.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное управление, компания, корпоративная социальная ответственность, транснациональные корпорации, нефинансовая отчетность.

Keywords: corporation, corporate governance, company, corporate social responsibility, transnational corporations, nonfinancial statements.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется нарастающим процессом глобализации, с которым связано расширение деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Одна из главных особенностей этих компаний – наличие зарубежных активов, что дает им возможность распространить свою деятельность на сферу международных экономических отношений, оказывать влияние

на экономические, социальные, политические и другие процессы в странах присутствия.

Многие крупные российские нефинансовые корпорации также расширяют и усиливают свое присутствие в зарубежных странах. С 2000 г. наблюдается быстрый рост экспансии отечественных ТНК, что выражается в увеличении зарубежных активов и продаж, росте численности зарубежного персонала. При этом в последние годы у некоторых ведущих

российских ТНК наблюдается постепенное сокращение численности зарубежного персонала. Так, один из крупнейших российских инвесторов за рубежом – компания «Лукойл» – за 2010 – 2012 гг. увеличила зарубежные активы на 33,7 % (с 23,3 до 31,2 млрд долл. США) и зарубежные продажи на 58,9 % (с 71,6 до 113,8 млрд долл. США), а численность зарубежного персонала за тот же период снизилась на 7,5 % – с 19607 до 18144 человек [1 – 3].

Перечисленные выше показатели по ряду ведущих российских нефинансовых компаний приводятся в ежегодных рейтингах, которые составляются Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Основные показатели транснациональной деятельности по восьми представленным в рейтинге за 2011 г. российским нефинансовым ТНК приведены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели российских компаний, входящих в 100 крупнейших (по величине зарубежных активов) нефинансовых ТНК из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, 2011 г.

<i>Ранг</i>		<i>Компания</i>	<i>Активы, млрд долл. США</i>		<i>Продажи, млрд долл. США</i>		<i>Персонал, тыс. занятых</i>		<i>TNI, %</i>
<i>зарубежные активы</i>	<i>TNI*</i>		<i>зарубежные</i>	<i>всего</i>	<i>зарубежные</i>	<i>всего</i>	<i>зарубежный</i>	<i>всего</i>	
9(50)**	53(81)	«Вымпел-Ком»	29,8	54,0	11,3	20,3	34,5	66,0	54,4
11(9)	67(63)	«Лукойл»	29,2	91,2	109,0	133,6	18,1	120,3	42,9
28 (-)	85(-)	«Газпром»	15,8	394,7	91,4	161,2	25,9	404,4	22,4
55(39)	65(55)	«Евраз»	8,3	17,0	9,8	16,4	24,6	112,0	43,4
57(42)	84(71)	«Север-сталь»	7,6	17,9	1,6	15,8	11,6	69,6	23,2
65(56)	80(79)	«Мечел»	6,4	19,3	6,8	12,5	12,0	96,9	33,2
74(53)	95 (96)	АФК «Система»	5,2	43,9	2,5	33,0	19,7	143,0	11,1
78(70)	76(74)	«РУСАЛ»	4,6	25,3	9,7	12,3	7,1	72,0	35,7
377(319)	605(519)	Всего	106,9	663,3	242,1	405,1	153,5	1084,2	-

Примечания: источник: ЮНКТАД [1, 2].

* Индекс транснациональности (TNI) рассчитывается как средний удельный вес зарубежных активов, продаж и персонала в общем объеме активов, продаж и занятости соответственно.

** В скобках – ранг в 2010 г.

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что сумма рангов по зарубежным активам в 2010 г. составила 319, а в 2011 г. она увеличилась до 349 (без учета ранга компании «Газпром»). Сумма рангов тех же семи компаний по индексу TNI почти не изменилась (519 – в 2010 г. и 520 – в 2011 г.). Следует также отметить, что с 2010 г. по 2011 г. количество российских компаний, входящих в 100 крупнейших нефинансовых ТНК из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, уменьшилось с 10 до 8, а к 2012 г. их осталось только 4 [3]. По этому показателю Россия опустилась с 4 на 9 место, пропустив вперед Сингапур, ЮАР, Индию, Республику Корея и Бразилию. Все перечисленные изменения свидетельствуют об ослаблении в последние годы позиций российских нефинансовых ТНК в рассматриваемом рейтинге.

В среднем индекс транснациональности для 8 компаний (таблица 1) – 30,0 %, а в 2010 г. для 10 вошедших в рейтинг отечественных компаний он составлял 34,1 % [2], т. е. произошло снижение степени транснационализации ведущих российских ТНК. При этом между отдельными компонентами данного показателя имеются существенные различия. Так, доля зарубежных активов в общих активах восьми российских ТНК составила 16,1 %, доля зарубежных продаж в общих продажах – 59,8 %, доля

зарубежного персонала в общей численности занятых – 14,2 %.

Особенностью отраслевой структуры рассматриваемой группы ведущих российских нефинансовых ТНК является то, что из 8 компаний 6 – это нефтегазовые и металлургические корпорации. Они представляют отрасли специализации России в мировой экономике. Доля этих ТНК в суммарном объеме зарубежных активов составляет около 67,3 %. Компания «ВымпелКом» работает в отрасли телекоммуникаций, у нее этот показатель – 27,9 %. АФК «Система» представляет собой конгломерат, доля которого – 4,9 %. Кроме того, существует довольно большое число менее крупных российских ТНК, которые не вошли в указанный рейтинг. Эти корпорации относятся ко многим другим отраслям экономики.

В настоящее время в России сложились неблагоприятные условия для инвестиций. Во многом это связано с введенными рядом государств в отношении России и некоторых российских должностных лиц и компаний санкциями из-за украинских событий. Такого рода меры ограничивают конкуренцию со стороны российских компаний на мировом и прежде всего – европейском рынке. Поэтому в ближайшей перспективе крупнейшим отечественным нефинансовым ТНК трудно будет восстановить утраченные позиции среди такого же типа корпораций из

развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

В сложившейся ситуации, несмотря на ослабление стимулов к улучшению корпоративного управления, сохраняет свою значимость развитие соответствующей практики ведущими российскими ТНК, так как в долгосрочной перспективе это будет способствовать росту их конкурентоспособности на мировом и внутреннем рынках. Кроме того, эта группа компаний отличается более высоким уровнем развития практики корпоративного управления и существенным влиянием на систему корпоративного управления в стране в целом. Следовательно, улучшение указанной практики будет способствовать позитивным изменениям российской бизнес-среды.

Практика корпоративного управления в ведущих российских ТНК имеет ряд особенностей на фоне крупнейших ТНК из развитых стран. Среди таких специфических черт можно выделить высокую концентрацию собственности у незначительной части акционеров, участие доминирующих акционеров в управлении компанией в качестве топ-менеджеров, низкий уровень транспарентности, слабые механизмы реализации интересов заинтересованных сторон, большое влияние на результаты деятельности корпораций неформальных связей. Ценные бумаги ведущих российских ТНК (в отличие от большинства отечественных компаний) обращаются на крупных зарубежных фондовых биржах, что означает соблюдение строгих критериев биржевого листинга в части корпоративного управления.

Среди нескольких составляющих практики корпоративного управления особо следует выделить корпоративную социальную ответственность (КСО), которая должна способствовать повышению качества жизни некоторых заинтересованных в деятельности компании сторон (потребителей, сотрудников, бизнес-партнеров, местных сообществ, общества в целом). При этом указанные стейкхолдеры располагаются на территориях многих стран, что усложняет

задачу менеджмента ТНК. Следует также отметить, что КСО оказывает сильное влияние на установление баланса интересов между участниками корпоративных отношений [14]. Поэтому отставание в развитии практики корпоративного управления в данной области от признанных международных стандартов является серьезным препятствием на пути установления такого баланса. Кроме того, КСО в крупнейших российских ТНК имеет повышенную значимость в связи с тем, что эта группа корпораций может своим примером оказывать существенное положительное влияние на указанный компонент практики корпоративного управления во многих отечественных компаниях, в которых социальная ответственность находится пока на более низком уровне развития.

Как уже отмечалось, анализируемые ТНК являются лидерами в области совершенствования практики корпоративного управления. При этом они опережают многие крупные российские компании и по уровню развития КСО, что подтверждается их высокими позициями в соответствующих рейтингах. Так, в интегральном рейтинге КСО крупнейших компаний РФ, который составлялся компанией «Эко-ПромСистемы» совместно с «Национальной службой мониторинга» за период с января 2010 года по декабрь 2013 года, 5 компаний из рассматриваемой группы занимают места с 3 по 13 [4]. Более высокий уровень развития корпоративной социальной ответственности в ведущих российских нефинансовых ТНК можно объяснить следующими причинами: во-первых, они в большей степени вовлечены в процесс глобализации, и в связи с этим они должны стремиться к уровню передовых (в вопросах КСО) зарубежных корпораций; во-вторых, эти компании являются крупными публичными корпорациями, которые имеют необходимые ресурсы для реализации многочисленных программ и проектов в области КСО, подготовки соответствующих отчетов (таблица 2).

Таблица 2

Основные показатели деятельности ведущих российских нефинансовых ТНК в сфере КСО за 2008 – 2013 гг.

<i>Компания</i>	<i>Программы, проекты</i>	<i>Документы</i>	<i>Нефинансовая отчетность</i>		
			<i>вид отчета</i>	<i>цикл отчетности</i>	<i>заверение</i>
«Вымпел-Ком»*	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Кодекс поведения Группы компаний «ВымпелКом»	-	-	-
«Лукойл»	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Социальный кодекс ОАО «Лукойл». Кодекс деловой этики ОАО «Лукойл»	Отчет в области устойчивого развития	Двухгодичный	Общественное заверение СПП

«Газпром»	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Кодекс корпоративной этики ОАО «Газпром»	Экологический отчет, отчет в области устойчивого развития	Одногодичный (для экологических отчетов), двухгодичный (для отчетов в области устойчивого развития)	Отчет в области устойчивого развития за 2008 – 2009 гг. прошел общественное заверение РСПП
«Евраз»*	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Кодекс поведения сотрудников ЕВРАЗ. Основные направления социальных инвестиций	-	-	-
«Северсталь»	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Корпоративная политика социальной ответственности ОАО «Северсталь». Корпоративная политика в области управления внешними социальными программами ОАО «Северсталь». Корпоративный стандарт управления спонсорской и благотворительной деятельностью ОАО «Северсталь»	Социальный отчет (2010 г. и 2011 г.), отчет в области устойчивого развития (2012 г. и 2013 г.)	Одногодичный	Общественное заверение РСПП
«Мечел»*	Программы в сфере КСО реализуются в основном для сотрудников компании и членов их семей. Вклад в социальное развитие регионов присутствия в основном ограничивается налоговыми платежами и обеспечением занятости.	Положение о нормах делового поведения и этики	-	-	-
АФК «Система»	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Кодекс этики ОАО АФК «Система»	Социальный отчет (2008 г., 2010 г. и 2011 г.)	Нерегулярный выпуск отчетов	Отсутствует
«РУСАЛ»	Широкий спектр программ и проектов реализуется для различных групп стейкхолдеров	Экологическая политика компании РУСАЛ	Социальный отчет (2008 г.), отчет в области устойчивого развития (2009 – 2010 гг., 2011 г. и 2012 г.)	Одногодичный, двухгодичный	Независимое заключение об ограниченном заверении получили отчеты за 2009 – 2010 гг., 2011 г.

Примечания: * Нефинансовая отчетность по данной компании не обнаружена.

Источник: составлено автором по материалам сайтов анализируемых компаний [5 – 12] и сайта Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) [13].

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что почти все анализируемые компании реализуют разнообразные программы и проекты в области КСО для различных групп заинтересованных сторон (сотрудников и членов их семей, клиентов, населения по месту деятельности и др.). Менее развитым аспектом практики корпоративного управления в рамках КСО является наличие соответствующих внутренних документов. В 5 из 8 рассматриваемых компаний обнаружено не более одного такого документа, который в основном представляет собой свод правил корпоративной этики (например, Кодекс корпоративной этики ОАО «Газпром»). Ни одна из восьми компаний не имеет полного набора утвержденных документов по отдельным направлениям КСО. К числу таких направлений относятся политики корпоративной социальной ответственности в отношении каждой из основных групп заинтересованных сторон, а также экологическая политика, благотворительная деятельность и др.

За рассматриваемый период 5 компаний готовили нефинансовую отчетность, из них 4 (80 %) делали это на регулярной основе, что значительно выше по сравнению с тем же показателем по всем компаниям, отчеты которых размещены в Национальном Регистре нефинансовых отчетов. Так, согласно данным РСПП по состоянию на 25 сентября 2014 г. в Национальный Регистр нефинансовых отчетов были внесены отчеты 110 организаций, которые составляли отчеты за 2008 – 2013 годы, из них только 49 (44,5 %) делали это систематически [12]. Следует отметить, что данный аспект практики корпоративного управления имеет особую значимость для ТНК. Это объясняется тем, что подготовка и предоставление широкому кругу заинтересованных сторон нефинансовой отчетности помогает транснациональным компаниям: улучшать международную репутацию, развивать взаимодействие с зарубежными стейкхолдерами, повышать инвестиционную привлекательность на мировых фондовых рынках.

Из приведенных (таблица 2) данных видно, что единственной компанией, публиковавшей с разной периодичностью сразу два вида отчетов, является ОАО «Газпром». Такая практика способствует большей информированности заинтересованных сторон. Компании «Северсталь» и «РУСАЛ» перешли на другой вид отчетов – вместо социальных отчетов стали готовить отчеты в области устойчивого развития. Это можно расценить как положительное изменение практики корпоративного управления в области КСО, так как отчеты, ориентированные на раскрытие информации об устойчивом развитии, являются обычно более информативными по сравнению с социальными отчетами. Это связано с тем, что устойчивое развитие невозможно без выполнения обязательств по отношению к широкому кругу заинтересованных сторон. В свою очередь, компании, выпускающие социальные

отчеты, чаще ориентируются на ограниченный круг стейкхолдеров.

Основной системой отчетности, которую все анализируемые компании использовали при подготовке нефинансовых отчетов, является «Руководство по отчетности в области устойчивого развития» Глобальной инициативы по отчетности (GRI) и соответствующие отраслевые приложения к нему. Кроме этого, компании использовали и другие признанные международные и российские рекомендации в области КСО и нефинансовой отчетности (Глобальный Договор ООН, Социальная хартия российского бизнеса и др.). Следует отметить, что некоторые компании, отчеты которых размещены в Национальном Регистре нефинансовых отчетов, готовят соответствующую отчетность в свободной форме. Отсюда видно, что по развитию данного аспекта практики корпоративного управления в области КСО рассматриваемые ТНК опережают часть российских компаний.

Относительно независимого подтверждения отчетной информации следует сказать, что из 5 компаний, готовивших нефинансовую отчетность, ни одна не имеет профессионального аудиторского заключения по каждому отчету, который был выпущен за рассматриваемый период. В связи с этим надо отметить, что для транснациональных корпораций такая форма независимого подтверждения отчетов имеет особую значимость. Отчеты 2 компаний («Лукойл» и «Северсталь») регулярно проходили общественное заверение в Совете РСПП по нефинансовой отчетности, среди отчетов ОАО «Газпром» такое заверение имеет только один – отчет о деятельности в области устойчивого развития за 2008 – 2009 годы. В перспективе количество компаний, отчеты которых прошли общественное заверение, должно увеличиться, так как эта форма будет становиться все более востребованной по мере развития взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами и повышения общественного внимания к вопросам КСО.

Таким образом, в крупнейших российских нефинансовых ТНК практика корпоративного управления в области социальной ответственности находится пока на этапе становления, хотя и на более высоком уровне по сравнению со многими отечественными компаниями. Основными возможностями улучшения этой практики являются: изучение и заимствование опыта передовых (в вопросах КСО) компаний, разработка и утверждение корпорациями соответствующих внутренних документов (экологическая политика, благотворительная и спонсорская деятельность, этический кодекс и др.). При подготовке нефинансовой отчетности эти компании должны ориентироваться на современные международные стандарты в сфере КСО, стремиться пройти процедуру внешнего подтверждения отчетов в форме профессионального аудита.

Литература

1. Annex Table 29 – The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets, 2011 // UNCTAD. Режим доступа: <http://www.unctad.org> (дата обращения: 10.09.2014).
2. Web table 29. The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets, 2010 a // UNCTAD. Режим доступа: <http://www.unctad.org> (дата обращения: 10.09.2014).

3. Annex table 29 – The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets, 2012 а // UNTAD. Режим доступа: <http://www.unctad.org> (дата обращения: 10.09.2014).
4. Рейтинг корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний РФ за январь 2010 – декабрь 2013 // Национальная служба мониторинга. Режим доступа: <http://monitornews.ru/ratings/rejting-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-krupneyshih-kompaniy-rf-za-yanvar-2010-dekabr-2013/> (дата обращения: 15.10.2014).
5. ОАО «ВымпелКом». Режим доступа: <http://about.beeline.ru/index.wbp> (дата обращения: 15.10.2014).
6. ОАО «Лукойл». Режим доступа: <http://www.lukoil.ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
7. ОАО «Газпром». Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
8. ЕВРАЗ. Режим доступа: <http://www.evraz.com/ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
9. ОАО «Северсталь». Режим доступа: <http://www.severstal.com/rus/> (дата обращения: 15.10.2014).
10. ОАО «Мечел». Режим доступа: <http://www.mechel.ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
11. ОАО АФК «Система». Режим доступа: <http://www.sistema.ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
12. ОК РУСАЛ. Режим доступа: <http://www.rusal.ru/> (дата обращения: 15.10.2014).
13. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов // Российский союз промышленников и предпринимателей. Режим доступа: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/157> (дата обращения: 15.10.2014).
14. Перекрестов Д. Г., Поварич И. П., Шабашев В. А. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики. М.: Издательский дом «Академия естествознания», 2011. 216 с.

Информация об авторе:

Шевченко Игорь Леонидович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Кузбасского института экономики и права, kuzgtushev@rambler.ru.

Igor L. Shevchenko – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics, Kuzbass Institute of Economics and Law.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343.3

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ*Р. С. Зайнутдинов*

LIMITATION OF FREEDOM: CRIMINAL LEGAL AND PENAL ASPECTS

R. S. Zainutdinov

Настоящая статья посвящена исследованию уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, раскрывающих содержание уголовного наказания в виде ограничения свободы.

Цель работы – дать ответы на следующие вопросы: является ли ограничение свободы альтернативным видом наказания; соответствует ли занимаемому месту в системе наказаний рассматриваемое наказание; возможно ли достижение целей наказания при назначении и исполнении ограничения свободы; а также помочь правоприменителю правильно руководствоваться нормами, регламентирующими содержание ограничения свободы, порядок исполнения и условия его отбывания.

Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе.

В результате исследования автор приходит к следующим выводам: при назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы возможно достижение всех поставленных целей, стоящих в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ, но социально-экономические преобразования в нашем государстве и практика применения законодательства объективно потребуют внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ, касающихся вопросов оптимизации и более эффективного регулирования правоотношений в сфере назначения и исполнения наказаний.

The paper is devoted to the study of criminal legal and penal rules revealing the contents of criminal punishment in the form of restrictions of freedom. It aims at providing answers to questions such as: whether the restriction of freedom is an alternative type of punishment; whether its space in the system of penalties corresponds to punishment; whether it is possible to achieve the objectives of punishment by sentencing to restriction of freedom. Another aim of the paper is to provide guidance on the use of the norms governing the content of restraint order, its execution and the conditions of the sentence.

According to the study, the author comes to the following conclusions: the appointment and performance of the penalty of restriction of liberty addresses all the challenges within the criminal law and criminal execution legislation of the Russian Federation, but the socio-economic changes in our country and the practice of law objectively will lead to changes and amendments to the criminal and penal laws of the Russian Federation concerning the issues of optimization and more effective regulation of legal relations in the sphere of purpose and execution of punishments.

Ключевые слова: содержание уголовного наказания в виде ограничения свободы, достижение целей, стоящих перед исполнением ограничения свободы в виде исправления и предупреждения совершения новых преступлений.

Keywords: content of criminal punishment in the form of restriction of liberty, the goals facing execution in the form of restrictions on freedom of correction and prevention of new crimes.

Из теории уголовного права и уголовного законодательства следует, что одним из уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, но имеющих воздействие на свободу личности, является ограничение свободы. Предложенная тема является актуальной, так как перед государством стоит сложная задача, заключающаяся в назначении и применении справедливого наказания, соответствующего степени и характеру общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Логически последовательным обоснованием актуальности предложенной темы следует считать постановку и дальнейшее рассмотрение следующих вопросов: является ли ограничение свободы альтернативным видом наказания; соответствует ли за-

нимаемому месту в системе наказаний рассматриваемое наказание; возможно ли достижение целей наказания при назначении и исполнении ограничения свободы.

Ограничение свободы согласно ст. 53 УК РФ заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пре-

бывания, место работы и(или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством РФ. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, является обязательным [4].

Исходя из приведенного содержания рассматриваемого наказания, следует значительное количество правоограничений, в частности, осужденный может быть лишён возможности самостоятельно строить свой распорядок дня; выбирать места для посещения как территориально, так и места проведения массовых и иных мероприятий, участия в них; решать вопрос о выезде за пределы территории соответствующего муниципального образования; менять место жительства или пребывания, место работы и(или) учебы.

Помимо правоограничений, заложенных в УК РФ, существуют ограничения и в уголовно-исполнительном законодательстве РФ. Так, в ч. 1 ст. 60 УИК РФ предусмотрено, что в период отбывания ограничения свободы уголовно-исполнительные инспекции вправе использовать технические средства надзора и контроля. В п. 1 Постановления Правительства РФ от 31.03.2010 № 198 "Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы" [8] к средствам персонального надзора и контроля относят браслет электронный – электронное устройство, надеваемое на осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с целью его дистанционной идентификации и отслеживания его местонахождения, предназначенное для длительного ношения на теле (более 3 месяцев) и имеющее встроенную систему контроля несанкционированного снятия и вскрытия корпуса. В данном случае речь идет о физическом правоограничении, так как ношение на теле электронного браслета создает физическое неудобство в повседневной жизни осужденного.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 60 УИК РФ при осуществлении надзора работник уголовно-исполнительной инспекции вправе посещать в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного. Соответственно возникает правоограничение, связанное с вторжением в личную жизнь человека.

Следует учитывать, что правоограничения носят срочный характер, так, для взрослых осужденных данное наказание устанавливается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести, а также на срок от шести

месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ст. 53 УК РФ), для несовершеннолетних в виде основного наказания – на срок от двух месяцев до двух лет (ст. 88 УК РФ).

Таким образом, речь идет о широком спектре правоограничений, которые так или иначе создают возможность достижения целей, стоящих перед назначением и исполнением наказания в виде ограничения свободы.

Является ли ограничение свободы одним из альтернативных видов наказаний? Анализ УК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель заложил достаточные возможности для суда в назначении данного вида наказания. Так, в санкциях не менее чем в 139 статьях УК РФ ограничение свободы предусмотрено в качестве наказания. При этом в качестве основного вида наказания предусмотрено в 77 статьях и в качестве дополнительно вида наказания – в 62 статьях. Например, за совершение преступления, предусмотренного ст. 259 УК РФ (Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ), установлены наказания в виде штрафа, обязательных работ, ограничения свободы либо лишения свободы.

По прогнозам ФСИН России, основанным на анализе судебной статистики по преступлениям средней тяжести, количество приговоренных к ограничению свободы будет расти с 76 тысяч человек в 2010 г. до 150 – 160 тысяч человек в последующие годы [5].

Ограничение свободы как альтернативный вид наказания предусмотрен в уголовном законодательстве РФ, его назначение будет зависеть не только от того, предусмотрено ли оно в санкции статьи Особенной части УК РФ, но и от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. При этом следует учитывать ограничение, установленное законодателем в возможности назначения данного наказания: оно не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории РФ (ст. 53 УК РФ).

Соответствует ли занимаемому месту в системе наказаний ограничение свободы? Согласно теории уголовного права, систему наказаний образует перечень их видов, расположенных в определенном порядке по степени тяжести. В УК РФ наказания расположены от менее строгого к более строгому. В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей, стоящих перед наказанием.

Существуют точки зрения о том, что наказание в виде ограничения свободы не соответствует своему месту в иерархии уголовных наказаний [1], является мягче по тяжести как наказание по сравнению со штрафом, обязательными и исправительными работами [2].

Сравнение ограничения свободы по тяжести с такими наказаниями, как обязательные работы и исправительные работы, несколько не корректно. Так, в ст. 44 УК РФ ограничение свободы в перечне видов наказания стоит седьмым после ограничения по военной службе, далее следуют принудительные работы, которые по своему содержанию являются более строгими. Для того чтобы убедиться, находится ли ограничение свободы на «своем месте» в перечне наказаний, следовало бы сравнить его с ограничением по военной службе, но сравнение теряет смысл по той лишь причине, что ограничение по военной службе как уголовное наказание предусмотрено только для военнослужащих. Можно сравнить с наказанием, которое следует далее, – принудительные работы, но и это сравнение будет несколько формальным, так как согласно Федеральному закону РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] положения УК РФ, УИК РФ в части принудительных работ применяются с 1 января 2017 года. Поэтому при сравнении следует исходить только из тех положений, которые закреплены в УК РФ, УИК РФ и которые еще не нашли своего правоприменения.

В соответствии со ст. 53.1 УК РФ принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, при этом из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов.

Более ярко о характере правоограничений говорит ст. 60.4. УИК РФ. Осужденные к принудительным работам находятся под надзором и обязаны:

- а) выполнять правила внутреннего распорядка исправительных центров;
- б) работать там, куда они направлены администрацией исправительного центра;
- в) постоянно находиться в пределах территории исправительного центра, проживать, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях, не покидать их в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра;
- г) участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного центра в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю;
- д) постоянно иметь при себе документ установленного образца, удостоверяющий личность осужденного.

Видится, что приведенные положения УК РФ и УИК РФ говорят об очевидном: принудительные работы значительно строже, чем ограничение свободы. Поэтому можно сделать вывод о том, что по степени

тяжести в перечне видов наказаний ограничение свободы занимает соответствующее место.

Возможно ли достижение целей наказания при назначении и исполнении ограничения свободы? Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ целями являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Очевидно, что абсолютное достижение вышеуказанных целей невозможно, тем не менее в относительной степени необходимо и возможно.

Восстановление социальной справедливости следует рассматривать в двух аспектах: достижение социальной справедливости по отношению к осужденному, по отношению к потерпевшему и обществу. Если рассматривать достижение справедливости по отношению к осужденному, то следует иметь в виду, что наказание должно соответствовать степени и характеру общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Если по отношению к потерпевшему и обществу – то осужденный к ограничению свободы на определенный период времени (значительный или незначительный) лишён возможности самостоятельно строить свой распорядок дня; выбирать места для посещения как территориально, так и места проведения массовых и иных мероприятий, участия в них; решать вопрос о выезде за пределы территории соответствующего муниципального образования; менять место жительства или пребывания, место работы и(или) учебы. Тем самым осужденный претерпевает определенные лишения и правоограничения.

Следующая цель – исправление, которая предполагает формирование у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). При исполнении наказания в виде ограничения свободы процесс исправления, безусловно, присутствует и длится во времени. Обратимся к основным средствам исправления осужденного, предусмотренным ч. 2 ст. 9 УИК РФ: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. При исполнении рассматриваемого наказания невозможно применение всех основных средств исправления, так как уголовно-исполнительное законодательство РФ не предусматривает привлечение осужденного к общественно полезному труду, получение им общего образования и профессионального обучения. В данном случае, как и при некоторых других видах наказания, присутствует такое средство исправления, как установленный порядок исполнения наказания, воспитательная работа и общественное воздействие.

Рассмотрим средства исправлений осужденного, существующие при исполнении наказания в виде ограничения свободы.

Установленный порядок исполнения данного наказания предусмотрен главой восьмой УИК РФ и Приказом Министерства юстиции РФ от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»

[6]. Данные нормативные правовые акты в достаточной мере подробно регулируют исполнение ограничения свободы, в частности, установленный порядок исполнения данного наказания включает в себя: порядок исполнения и условия отбывания наказания; исчисление срока наказания; обязанности уголовно-исполнительной инспекции; меры поощрения, применяемые к осужденным к наказанию в виде ограничения свободы; ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания.

Воспитательная работа с осужденным предполагает определенный процесс позитивного воздействия на протяжении всего срока наказания. Среди субъектов, оказывающих такое воздействие, главенствующую роль играют сотрудники уголовно-исполнительной инспекции. Если обратиться к Приказу Министерства юстиции РФ от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», то в п. 24 говорится, что инспекция проводит воспитательную работу с осужденными. Собственно это повторяет положения, содержащиеся в ч. 6 ст. 47.1 УИК РФ. Детализация воспитательной работы в выше указанной Инструкции и в УИК РФ отсутствует.

Воспитательная работа с осужденными тесно связана с другим средством исправления с общественным воздействием. Согласно ч. 6 ст. 47.1 УИК РФ в воспитательной работе с осужденными могут принимать участие представители общественности. Думается, что общественное воздействие может лишь присутствовать, и то, если осужденный является членом трудового или учебного коллектива, где на него могут оказывать положительное влияние.

Последняя цель, предусмотренная законодателем – это предупреждение совершения новых преступлений. Следует отметить, что цель предупреждения достигается в процессе непосредственного исполнения наказания, согласно ст. 54 УИК РФ уголовно-исполнительная инспекция ведет учет осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, разъясняет порядок и условия отбывания наказания, осуществляет надзор за осужденными и принимает меры по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания, оказывает осужденным помощь в трудоустройстве, проводит с ними воспитательную работу, применяет установленные законом меры поощрения и взыскания, вносит в суд представления об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

Установленный законодателем в ст. 60 УИК РФ надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы конкретно указывает на обязанности со стороны уголовно-исполнительной инспекции на осуществление мер по предупреждению совершения новых преступлений со стороны осужденных. В п. 27 Приказа Министерства юстиции РФ от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» говорится, что для обеспечения надзо-

ра, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных инспекция:

- вызывает осужденного на беседы в инспекцию не реже одного раза в месяц в целях получения от него устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания;
- не реже одного раза в месяц проводит проверки по месту жительства, работы, учебы осужденного;
- посещает в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного;
- наводит справки по месту жительства осужденного, по месту работы и(или) учебы осужденного о его поведении;
- в отношении осужденных, имеющих ограничения на посещение ими определенных общественных мест, не реже одного раза в месяц проводит проверки в соответствующих местах;
- своевременно применяет к осужденному установленные законом меры воздействия;
- принимает решение об использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля (далее – технические средства надзора и контроля) к осужденному.

К предупреждению совершения новых преступлений следует отнести и возможность привлечения к ответственности осужденного в порядке ст. 58 УИК РФ за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания. Так, за нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы уголовно-исполнительная инспекция применяет к нему меру взыскания в виде предупреждения. За совершение осужденным в течение одного года после вынесения предупреждения любого из нарушений уголовно-исполнительная инспекция применяет к нему меру взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений.

В случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения ранее установленных осужденному ограничений, начальник уголовно-исполнительной инспекции или замещающее его лицо может внести в суд соответствующее представление.

Злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается:

- а) осужденный, допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений;
- б) осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля;
- в) скрывшийся с места жительства осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней;

г) осужденный, не прибывший в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с предписанием.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания либо избранного в порядке замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы. Злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Так, ст. 314 УК РФ предусматривает наказание в виде принудительных работ на срок до одного года либо лишения свободы на тот же срок за злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания [3].

Таким образом, при назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы возможно дос-

тижение всех поставленных целей, стоящих в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ.

Очевидно, что социально-экономические преобразования в нашем государстве и практика применения законодательства объективно потребуют внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ, касающихся вопросов оптимизации и более эффективного регулирования правоотношений в сфере назначения и исполнения наказаний. Подтверждением этому может быть и то, что Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [7] были кардинально изменены положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ в части содержания, порядка и условий отбывания данного наказания.

Литература

1. Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. 2010. № 5.
2. Гарбатович Д. А. Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8.
3. Губко И. В., Прохоров Л. А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. 2012. № 16.
4. Лаптев С. А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1.
5. Режим доступа: <http://prisonlife.ru/analitika/727-nakazanie-v-vide-ogranicheniya-svobody.html#.U99JIsvlodU>
6. Российская газета. № 243. 27.10.2010.
7. Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.
8. Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1663.
9. Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

Информация об авторе:

Зайнутдинов Рашит Саберьянович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, zainytdinov@mail.ru.

Rashit S. Zainutdinov – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2014 г.

УДК 349.4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ: РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. Л. Лисина

STATE CADASTRAL REGISTRATION OF LAND PLOTS: DEVELOPMENT, PRESENT AND PROSPECTS

N. L. Lisina

В статье проведен анализ развития института государственного кадастрового учета земельных участков в современный период, до начала проведения административной реформы в Российской Федерации, в период ее проведения и по настоящее время. Цель исследования заключается в анализе изменений законодательства с точки зрения государственного кадастрового учета земельных участков, их правовой оценке, в выявлении роли и значения государственного кадастрового учета земельных участков в современный период, значении сведений государственного кадастра недвижимости и межведомственного взаимодействия в учетно-регистрационной сфере. В статье сделаны выводы о значении государственного кадастрового учета земельных участков в современных условиях, выявлено, что государственному кадастру недвижимости придается не только информационное значение, но и учетно-регистрационное, его сведения характеризуют земельный участок как индивидуально-определенный объект. Показана активная роль государства в решении задач по созданию полноценной, открытой и актуальной федеральной информационной системы государственного кадастра недвижимости с переходом в дальнейшем на развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости. Автор указывает и на недостатки системы правового регулирования учетно-регистрационных земельных отношений, решение которых видит, прежде всего, в налаживании информационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления и обмена информацией о земельных участках. Кроме того, автор предлагает придать большую значимость уникальным характеристикам земельных участков, в особенности границам земельных участков.

The paper analyzes the development of the institute of state cadastral registration of land plots in the modern period since the time prior to the administrative reform in the Russian Federation up to the present time. The purpose of the study is to analyze changes in legislation from the point of view of state cadastral registration of land plots, their legal assessment, in identifying the role and importance of state cadastral registration of land plots in the modern period, the value of the data of the state cadastre of real estate and interagency interaction in the registration area. The paper provides some conclusions about the value of state cadastral registration of land plots in modern conditions and reveals the fact that the state cadastre of real estate is given not only informational, but also registrational value, as its information characterizes the land plot as the individual-specific object. The author shows the active role of the state in solving the problems in the creation of a full, open and timely Federal information system of the state cadastre of immovable property with the transition, in the future, to the development of the unified state system of registration of rights and cadastral registration of real estate. The author points to the deficiencies in the system of legal regulation of registration of land relations, the solution of which is seen primarily in establishing information interaction of bodies of state power and bodies of local self-government and information exchange on land plots. In addition, the author proposes to give greater importance to the unique characteristics of land, especially land boundaries.

Ключевые слова: государственный кадастровый учет земельных участков, государственный кадастр недвижимости, значение государственного кадастра недвижимости, земельный участок, границы земельного участка, регистрация прав на земельные участки.

Keywords: state cadastral registration of land plots, state real estate cadastre, value of the state real estate cadastre, land, boundaries of land, registration of land rights.

Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р [11], определила в качестве целей административной реформы повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

С этого времени в Российской Федерации был предпринят ряд новых мер на достижение поставленных целей. Так, реализация административной ре-

формы коснулась такой функции государственного управления в сфере использования и охраны земель как государственный кадастровый учет земельных участков.

Деятельность по использованию и управлению объектами недвижимости должна опираться на определенную информационно-правовую систему. Информационная система складывается из нескольких основных разделов:

- государственный учет объектов недвижимости и создание единой информационной системы о недвижимости;

- государственная регистрация прав на недвижимость;

– сведения о градостроительном планировании территорий и поселений и об их застройке;

– свод нормативно-правовых актов о зонировании поселения [15].

В области информации и информационного обеспечения использования объектов недвижимости особое место занимает государственный учет недвижимости (земельных участков и объектов капитального строительства), государственный кадастр недвижимости.

Государственный кадастр недвижимости имеет информационное значение, которое можно рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, в общем смысле государственный кадастр недвижимости как информационная основа имеет своей целью обеспечить всех заинтересованных субъектов земельных и кадастровых (реестровых) отношений достоверной информацией об объектах недвижимости, их характеристиках, их изменениях, ограничениях использования, иной информацией, необходимой для осуществления использования и охраны земель, функций управления, оценки объектов недвижимости и др. Во-вторых, сведения государственного кадастра недвижимости являются информационным ресурсом для осуществления иных функций государственного управления, а также для ведения иных реестров, кадастров и иных информационных источников. В-третьих, объем информации об объекте недвижимости, содержащейся в государственном кадастре недвижимости, позволяет определить, может ли данный объект быть индивидуально-определенным и, соответственно, может ли находиться в обороте, быть предметом сделки с имеющимися характеристиками, а также может ли быть зарегистрировано право на него.

Вообще необходимость наличия совокупной информации о земельных участках и иных объектах недвижимости обусловило создание единой государственной информационной системы первоначально земельных участков, в дальнейшем объектов капитального строительства, а к настоящему времени – государственного кадастра недвижимости.

Следует отметить, что развитие государственного учета земельных участков имеет длительную историю. Значение и роль кадастра в России менялись в зависимости от того, какие цели и задачи государство ставило перед экономикой: либо это жесткое планирование и управление территориями, либо совершенствование системы налогообложения и учета доходности, либо необходимость учета прав, количественных и качественных характеристик земли.

Развитие земельного рынка в России и проводимые земельные преобразования обусловили необходимость существования информационной системы государственного учета земельных участков и регистрации прав на новой нормативной правовой базе. Однако в период 1990 – 1999 гг. ведение государственного кадастра земельных участков было регламентировано в общих чертах, в основном развивалось законодательство по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Так, в тот период времени действовали Земельный кодекс РСФСР (ст. 110, ст. 111) [16], постановление Правительства РФ от 25.08.1992 № 622 «О совершенствовании ведения государственного земельного кадастра в Российской

Федерации» [17], Указ Президента РФ от 11.12.1993 № 2130 «О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость» [18], Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2], а также ряд ведомственных актов. Однако, как правильно на тот период времени отмечено в литературе, «анализ законодательства РФ о ГЗК свидетельствует о его несовершенстве и отставании от требований времени... нормативные правовые акты обеспечивают главным образом регистрационную часть ГЗК, тогда как другие его подсистемы (формирование земельного участка, государственный учет и оценка земельного участка) остались без правового регулирования» [14].

В 90-х гг. XX в. в России была поставлена задача совершенствования земельно-кадастровых отношений, перехода на автоматизированную систему государственного кадастрового учета. С развитием задач, поставленных Федеральной целевой программой «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 03.08.1996 № 932 [6], предусматривающей разработку, развертывание и функционирование автоматизированной системы ведения земельного кадастра, способствующей обеспечению поступления платежей за землю, функционированию цивилизованного рынка земли и недвижимости и защите прав на землю, в субъектах Российской Федерации стала развиваться работа по налаживанию системы государственного учета земельных участков.

Принятие Федерального закона от 02.01.2000 № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» [19] придало новое значение государственному кадастровому учету земельных участков, расширило содержание государственного земельного кадастра. Согласно ст. 1 данного закона государственный земельный кадастр представлял собой систематизированный свод документированных сведений, получаемых в результате проведения государственного кадастрового учета земельных участков, о местоположении, целевом назначении и правовом положении земель Российской Федерации и сведений о территориальных зонах и наличии расположенных на земельных участках и прочно связанных с этими земельными участками объектов. В сведениях о земельных участках отражались их кадастровые номера; местоположение (адрес); площадь; категория земель и разрешенное использование земельных участков; описание границ земельных участков, их отдельных частей; зарегистрированные в установленном порядке вещные права и ограничения (обременения); экономические характеристики, в том числе размеры платы за землю; качественные характеристики, в том числе показатели плодородия земель для отдельных категорий земель; наличие объектов недвижимого имущества, прочно связанных с земельными участками.

Государственный земельный кадастр был призван обеспечить достоверной информацией о земельных участках органы государственной власти и местного самоуправления, физических и юридических лиц. В ст. 4 указанного закона было определено, что госу-

дарственный земельный кадастр создается и ведется в целях информационного обеспечения государственного и муниципального управления земельными ресурсами; государственного контроля за использованием и охраной земель; мероприятий, направленных на сохранение и повышение плодородия земель; государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; землеустройства; экономической оценки земель и учета стоимости земли в составе природных ресурсов; установления обоснованной платы за землю; иной связанной с владением, использованием и распоряжением земельными участками деятельности.

В этот период времени государство продолжает принимать меры по совершенствованию системы учета, унификации форм и методов государственного учета, стремится объединить существующие информационные ресурсы по учету и регистрации, усилить роль информационного обмена между органами государственной власти и местного самоуправления. В связи с этим принимаются Федеральная целевая программа «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002 – 2008 годы)» с подпрограммой «Информационное обеспечение управления недвижимостью, реформирования и регулирования земельных и имущественных отношений» [7], позднее утверждается подпрограмма «Создание системы кадастра недвижимости (2006 – 2011 годы)» Федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002 – 2008 годы)» [8]. Данные нормативные правовые акты были направлены на создание системы государственного кадастрового учета объектов недвижимости, обеспечивающей реализацию государственной политики эффективного и рационального использования и управления земельными ресурсами и иной недвижимостью в интересах укрепления национальной экономики, повышения благосостояния граждан, обеспечения государственных гарантий прав собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество, формирования полного и достоверного источника информации об объектах недвижимости, а также на совершенствование государственных услуг, оказываемых организациям и гражданам, органам государственной власти и органам местного самоуправления [8]. Указанная подпрограмма определяла два варианта создания государственного кадастра недвижимости. Первым вариантом явился переход к централизованному ведению государственного кадастра недвижимости на уровне органов кадастрового учета субъектов Российской Федерации по единому регламенту [8]. Именно по этому варианту был осуществлен переход на систему государственного кадастрового учета объектов недвижимости в Кемеровской области. Вторым вариантом явилось создание и ведение государственного кадастра недвижимости на федеральном уровне. Однако этот вариант был возможен только после перехода всей системы учета в субъектах Российской Федерации на централизованный кадастровый учет.

С 1 марта 2008 г. вступил в силу Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее – ФЗ «О ГKN») [4]. Закон придал новое значение государственному кадастровому учету по сравнению с ранее действовавшим Федеральным законом «О государственном земельном кадастре», которое отвечает задачам, поставленным государством при реализации административной реформы. В рамках государственного кадастрового учета – это унификация информации об объектах недвижимости, совершенствование системы оказания государственных услуг.

В соответствии со ст. 1 ФЗ «О ГKN» государственный кадастр недвижимости является систематизированным сводом сведений об учтенном в соответствии с данным федеральным законом недвижимом имуществе, а также сведений о прохождении Государственной границы Российской Федерации, о границах между субъектами Российской Федерации, границах муниципальных образований, границах населенных пунктов, о территориальных зонах и зонах с особыми условиями использования территорий, иных сведений.

Соответственно, государственным кадастровым учетом недвижимого имущества признаются действия уполномоченного органа по внесению в государственный кадастр недвижимости сведений о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи, или подтверждают прекращение существования такого недвижимого имущества, а также иных сведений о недвижимом имуществе.

Объектом недвижимости, подлежащим кадастровому учету в государственном кадастре недвижимости, являются, в отличие от ранее действовавшего закона, не только земельные участки, но и объекты капитального строительства (здание, сооружение, помещение, объект незавершенного строительства). Таким образом, кадастр содержит в себе сведения обо всех формируемых объектах недвижимости, права на которые подлежат государственной регистрации (за некоторыми изъятиями).

Значение кадастра недвижимости заключается, прежде всего, в том, что он содержит сведения о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенного объекта.

Таким образом, с вступлением в силу ФЗ «О ГKN» меняется значение государственного кадастра недвижимости: *от исключительно учетной функции к индивидуализации объекта недвижимости*. При этом само по себе присвоение кадастрового номера объекту недвижимости не порождает для субъектов кадастровых отношений каких-либо обязанностей, не может нарушить чьих-либо прав. Это обусловлено тем, что после 1 марта 2008 года инициировать постановку, например, земельного участка на государственный кадастровый учет может любое лицо (даже не правообладатель объекта), а также тем, что сведения об

образованных земельных участках имеют временный статус до регистрации прав на них. Причем, если право на них не будет зарегистрировано в течение пяти лет, то сведения об образованных земельных участках в кадастре аннулируются.

Как следует из п. 4 ст. 4 ФЗ «О ГКН», государственный кадастр недвижимости на электронных носителях является частью единой федеральной информационной системы, объединяющей государственный кадастр недвижимости (ГКН) на электронных носителях и Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) на электронных носителях.

Реализация указанной нормы закона в нашей стране осуществляется последовательно посредством объединения государственных функций ранее выполняемых разными органами власти, налаживания четкого и своевременного информационного обмена между участниками отношений по государственному кадастровому учету и регистрации прав на недвижимое имущество, обеспечения доступа к сведениям ГКН и ЕГРП должностных лиц органов кадастрового учета и регистрации прав на всех стадиях учетно-регистрационного процесса, в том числе на стадии принятия документов от граждан и юридических лиц на государственный кадастровый учет объектов недвижимости и регистрацию прав на них и т. п.

Для оптимизации процедур государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок, а также для повышения качества оказания государственных услуг в этой сфере распоряжением Правительства РФ от 01.12.2012 № 2236-р утвержден План мероприятий («дорожная карта») «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [12]. Таким образом, государство определило, что в результате реализации мероприятий, предусмотренных «дорожной картой», к 2018 году будет создан единый государственный информационный ресурс в сфере недвижимости. В целях повышения качества предоставления государственных услуг посредством внедрения принципа «одного окна», в соответствии с которым у граждан появится возможность получения полного комплекса услуг в одном месте, была разработана и утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 – 2019 годы)» [13], и в дальнейшем – Федеральная целевая программа «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 – 2019 годы)» [9].

Принципы ведения государственного кадастра недвижимости в ФЗ «О ГКН» были заимствованы из ранее действовавшего Федерального закона «О государственном земельном кадастре». Ведение государственного кадастра недвижимости осуществляется на основе принципов единства технологии его ведения на всей территории Российской Федерации, обеспечения общедоступности и непрерывности актуализации содержащихся в нем сведений, сопоставимости када-

стровых сведений со сведениями, содержащимися в других государственных информационных ресурсах (ст. 4 ФЗ «О ГКН»). Сведения государственного кадастра недвижимости носят открытый характер.

В целом состав сведений (характеристик), подлежащих включению в государственный кадастр недвижимости о земельных участках, подразделяется на две группы: уникальные и дополнительные. Уникальные характеристики перечислены в ч. 1 ст. 7 ФЗ «О ГКН», их правовое значение состоит в том, что именно они характеризуют объект недвижимости как индивидуально-определенный объект, это основные, минимально необходимые характеристики земельного участка. Земельный участок как объект рассматриваемых отношений должен иметь минимальные уникальные характеристики, которые характеризуют его как индивидуально-определенный объект. По общему правилу только на такой объект может быть зарегистрировано право.

К уникальным характеристикам земельного участка ФЗ «О ГКН» относит: вид объекта недвижимости (земельный участок); кадастровый номер и дату внесения данного кадастрового номера в государственный кадастр недвижимости; описание местоположения границ земельного участка; площадь земельного участка, определенную с учетом установленных в соответствии с ФЗ «О ГКН» требований.

Адрес объекта недвижимости или, при отсутствии такого адреса, описание местоположения объекта недвижимости, сведения о вещных правах на объект недвижимости и об обладателях этих прав в объеме сведений, сведения об ограничениях (обременениях) вещных прав на объект недвижимости и о лицах, в пользу которых установлены такие ограничения (обременения), сведения о кадастровой стоимости объекта недвижимости, в том числе дата утверждения результатов определения такой стоимости; категория земель, к которой отнесен земельный участок, разрешенное использование земельного участка и др. относятся к дополнительным характеристикам земельного участка. При этом важно отметить, что дополнительные характеристики могут отсутствовать в государственном кадастре недвижимости, поскольку большинство из них определяется и устанавливается не органом кадастрового учета, а иными органами власти, либо вносятся по инициативе заинтересованных лиц. Поэтому, если, например, вид разрешенного использования земельного участка не был установлен, то он может отсутствовать в кадастре, или, например, если адрес объекту учета не был в установленном порядке присвоен, то он будет также отсутствовать в кадастре.

Однако в этой связи следует подчеркнуть, что отсутствие в ГКН дополнительных характеристик или их несоответствие правоустанавливающим (правоудостоверяющим) документам на земельный участок, например, может фактически искажать данные ГКН, следовательно, привести к неверной кадастровой стоимости земельного участка, и в итоге к неверному исчислению земельного налога или расчету арендной платы за земельные участки. Также невнесение или несвоевременное внесение в ГКН сведений об изменении категории земель в результате перевода земель или отнесения земельного участка к той или иной

категории земель отражается на правовом режиме земель, объеме прав и обязанностей лица, использующего земельный участок. В целом подобные ситуации на практике приводят к искажению статистических данных о составе и состоянии земель в Российской Федерации, в субъектах РФ и муниципальных образованиях.

Ключевая роль в решении данного вопроса должна отводиться информационному взаимодействию при ведении ГКН. Правовые основы для осуществления информационного взаимодействия созданы. Так, статья 15 ФЗ «О ГКН» устанавливает обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления по направлениям своей деятельности направлять в орган кадастрового учета соответствующие документы и материалы для внесения в ГКН сведений. Постановлением от 03.02.2014 № 71 Правительство РФ определило перечень, содержание направляемых документов и порядок их направления, в том числе с использованием системы электронного взаимодействия, и требования к формату документов в электронной форме [10]. Однако на практике положения законодательства об информационном взаимодействии реализуются достаточно сложно по причине отсутствия у органов государственной власти и органов местного самоуправления должного объема передаваемой в орган кадастрового учета информации и документов о земельных участках, территориальных зонах, о границах зон с особыми условиями использования территорий и т. п., отсутствия требуемого формата сведений и документов и др. Указанные обстоятельства негативно сказываются на достоверности сведений ГКН и своевременности их внесения в ГКН.

Как уже отмечалось, минимально необходимые характеристики земельного участка – уникальные характеристики – позволяют индивидуализировать земельный участок как объект возможной регистрации прав на него и сделок с ним. Выписка из ГКН, содержащая уникальные характеристики земельного участка, именуется кадастровым паспортом (ч. 4 ст. 14 ФЗ «О ГКН»). До 1 октября 2014 г. в ФЗ «О ГКН» содержалось специальное правило в отношении ранее учтенных земельных участков (предоставленных гражданам для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства), которое позволяло выдавать гражданам кадастровые паспорта (ч. 1 ст. 45 ФЗ «О ГКН») и впоследствии оформлять право собственности на земельные участки без установления границ таких земельных участков на местности [3].

Существование такой возможности с 2006 г. было обусловлено, на наш взгляд, стремлением законодателя максимально упростить и удешевить процедуру оформления права собственности на земельные участки. Однако это не всегда было оправданно. Государство, с одной стороны, позволило оформить право собственности на земельный участок без установления его границ (кадастровых работ), а с другой стороны, при возникновении споров о границах между соседями, собственниками земельных участков, кадастровые работы в отношении которых не были проведены, возникали трудности. И один, и второй – собст-

венники земельных участков по документу, а фактически, где проходит граница земельного участка, кто занял, кому принадлежит часть земельного участка, определить сразу нельзя, границ нет.

В целом подобная ситуация противоречила понятию земельного участка (ст. 11.1 ЗК РФ). В ст. 11.1 ЗК РФ определено, что земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. Данное определение содержит важный признак земельного участка – наличие «границы». Требования к установлению границ земельных участков, во-первых, должны устанавливаться федеральными законами, а не иными нормативными правовыми актами (подзаконными актами, ведомственными актами). После внесения соответствующих изменений в законодательство ЗК РФ и ФЗ «О ГКН» являются основными федеральными законами, которые определяют особенности к установлению границ земельных участков. В связи с этим требования, закрепленные в иных нормативных правовых актах, не имеющих уровня федерального закона, не могут приниматься во внимание субъектами земельных и кадастровых отношений.

Во-вторых, границы земельного участка являются определяющей характеристикой для признания такого объекта существующим. Местоположение границ земельного участка устанавливается посредством определения координат характерных точек таких границ (ч. 7 ст. 38 ФЗ «О ГКН») в процессе кадастровых работ. Данная характеристика является уникальной, и, как следует из ч. 3 ст. 1 ФЗ «О ГКН», уникальные характеристики подтверждают существование объекта недвижимости как индивидуально-определенного объекта. Следовательно, если их нет, то наличие индивидуально-определенного объекта представляется спорным.

После 1 октября 2014 г. положения об исключительных условиях выдачи кадастровых паспортов были исключены из ст. 45 ФЗ «О ГКН» [5]. Однако Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» продолжает содержать положения о том, что государственная регистрация прав на земельный участок приостанавливается в случае, если в ГКН в отношении такого земельного участка отсутствуют сведения о координатах характерных точек границ такого земельного участка или одна из границ такого земельного участка пересекает одну из границ другого земельного участка в соответствии с внесенными в государственный кадастр недвижимости сведениями о последнем, за исключением следующих случаев: если право на такой земельный участок ранее зарегистрировано в установленном данным законом порядке; если такой земельный участок предоставлен для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства; если подано заявление о государственной регистрации возникновения, перехода или прекращения права собственности на земельную долю; если права возникают в связи с переоформлением права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками (ст. 19).

Следовательно, после 1 октября 2014 г. законодатель не связывает наличие или отсутствие возможности предоставления кадастрового паспорта на земельный участок с наличием или отсутствием сведений о координатах характерных точек границ такого земельного участка. Право собственности на земельный участок также в определенных случаях может быть зарегистрировано при отсутствии сведений о границах земельного участка. А это не снимает тех правовых последствий и противоречий, о которых нами указывалось выше.

Таким образом, законодательство в части кадастрового учета земельных участков развивалось последовательно, придавая разное значение государственному кадастровому учету земельных участков: от исключительно учетной, фискальной функции, до информационной, учетно-регистрационной (индивидуализации объекта). В современных условиях сведения государственного кадастра недвижимости характеризуют земельный участок как индивидуально-определенный объект, который может быть вовлечен в оборот, быть предметом гражданско-правовых сделок, права на которые (земельные участки) могут быть зарегистрированы. Государство активно решает задачи по созданию полноценной, открытой и актуальной федеральной информационной системы госу-

дарственного кадастра недвижимости с переходом на развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости.

Однако для эффективной реализации норм законодательства о государственном кадастровом учете земельных участков и регистрации прав на них, полагаем, необходимы: во-первых, налаживание информационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления и обмена информацией о земельных участках (о видах разрешенного использования, категории земель, ограничениях прав, территориальных зонах и т.п.). Отсутствие механизма реализации норм закона об информационном взаимодействии негативно отражается на государственной учетно-регистрационной функции в отношении земельных участков.

Во-вторых, законодателю следует до конца определиться в вопросе о значении уникальных характеристик земельных участков. Если именно они свидетельствуют о земельном участке как индивидуально-определенном объекте, а земельный участок по определению должен иметь границы, то исключений из этого правила быть не должно, поскольку подобные исключения порождают на практике больше проблем, нежели затраты на установление границ земельного участка до регистрации права на него.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4218.
2. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594; 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4225.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» от 30.06.2006 № 93-ФЗ // РГ. 2006. 7 июля.
4. Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4218.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации прав и государственного кадастрового учета объектов недвижимости» от 23.07.2013 № 250-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4083.
6. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра» от 03.08.1996 № 932 (с изм. от 30.12.2000) // СЗ РФ. 1996. № 33. Ст. 4003.
7. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002 – 2008 годы)» от 25.10.2001 № 745 (ред. от 10.03.2009) // СЗ РФ. 2001. № 45. Ст. 4265.
8. Постановление Правительства РФ «Об утверждении подпрограммы «Создание системы кадастра недвижимости (2006 – 2011 годы)» Федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002 – 2008 годы)» от 13.09.2005 № 560 // СЗ РФ. 2005. № 39. Ст. 3951.
9. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 – 2019 годы)» от 10.10.2013 № 903 // СЗ РФ. 2013. № 42. Ст. 5364.
10. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил направления органами государственной власти и органами местного самоуправления документов, необходимых для внесения сведений в государственный кадастр недвижимости, в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, кадастрового учета и ведения государственного кадастра недвижимости, а также о требованиях к формату таких документов в электронной форме» от 03.02.2014 № 71 // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 586.
11. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 гг. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р // СЗ РФ. 2006. № 46. Ст. 4720.
12. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и

государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 01.12.2012 № 2236-р (ред. от 04.09.2014) // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7088.

13. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 – 2019 годы)» от 28.06.2013 № 1101-р // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3634.

14. Карамышева О. В., Герасимова Е. Л. Некоторые правовые аспекты создания и ведения государственного земельного кадастра Российской Федерации в условиях рынка // Государство и право. 1998. № 3.

15. Смоляр И. М. Градостроительное право. Теоретические основы // Труды РААСН. М.: Эдитореал УРСС, 2000. 112 с.

16. Земельный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 25.04.1991 № 1103-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 768. (утратил силу).

17. Постановление Правительства РФ «О совершенствовании ведения государственного земельного кадастра в Российской Федерации» от 25.08.1992 № 622 // САПП РФ. 1992. № 9. Ст. 609. (утратило силу).

18. Указ Президента РФ «О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость» от 11.12.1993 № 2130 // САПП РФ. 1993. № 50. Ст. 4868. (утратил силу).

19. Федеральный закон «О государственном земельном кадастре» от 02.01.2000 № 28-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 149. (утратил силу).

Информация об авторе:

Лисина Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, ecollaw@kemsu.ru.

Natalia L. Lisina – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Labour and Environmental Law and Litigation, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.

УДК 343.242

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Е. Г. Михеенков

ORGANIZATION OF CONVICTS' LABOUR IN PENITENTIARY INSTITUTIONS OF WESTERN SIBERIA IN THE ERA OF THE NEW ECONOMIC POLICY

E. G. Mikheenkova

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области, проект № 14-13-70002.

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, материалов центральных и местных архивов производится попытка историко-правового анализа правовых основ и практики труда осужденных в пенитенциарных учреждениях на территории Западной Сибири в 1920-х годах. На основе анализа нормативно-правовых актов Главного управления местами заключения НКВД РСФСР показывается роль центральных и местных органов управления в организации производства в пенитенциарных учреждениях на территории Западной Сибири, рассматриваются меры государственной поддержки производства. Приводятся формы и методы исправительно-трудового воздействия на осужденных, освещается стимулирование их трудовой деятельности в условиях НЭПа. Автором производится анализ воспитательно-исправительной роли труда осужденных, рассматривается соотношение воспитательно-исправительной и экономической составляющей труда осужденных, причины неэффективности производства. При этом конечная цель исправления через труд в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири не везде была достигнута. Причиной тому стали: специфика содержащегося спецконтингента (большинство осужденных были выходцами из крестьянской среды, не имевших навыков работы в производственном секторе); безработица и конкуренция на рынке труда; отсутствие материальной заинтересованности у осужденных в результатах труда; подчинение производственного сектора пенитенциарных учреждений задачам хозяйственного развития государства.

The paper bases on the analysis of normative-legal acts of Central and local archives and attempts the historical and legal analysis of the legal framework and practices of convicts' labour in penitentiary institutions of Western Siberia in the 1920s. On the basis of the analysis of normative legal acts of the Head department of the Penal System of NKVD RSFSR the role of the central and local governing bodies in the organization of production in penal institutions in the territory of Western Siberia is shown, measures of the state support of production are considered.

Forms and methods of corrective labour influence on convicts are listed, stimulation of their labour activity in the conditions of the New Economic Policy is provided. The author analyses the educational and corrective role of con-

victs' labour, the state support of penitentiary production, the ratio of the educational and corrective and economic component of convicts' work, the reasons for inefficiency of production. Thus, the ultimate goal of correction through work in penal institutions of Western Siberia was not achieved everywhere. The reasons for that were: specifics of the convicts' personalities (the majority were villagers and had no skills for work in the production sector); unemployment and competition in the labour market; lack of convicts' material interest in the results of the work; submission of penal institutions' production sector to the problems of economic development of the state.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Западная Сибирь, новая экономическая политика, осужденные, труд.

Keywords: penal system, Western Siberia, new economic policy, convicts, labour.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года, в частности, предполагает «создание условий для трудовой занятости осужденных в зависимости от вида исправительного учреждения, совершенствование производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы и повышение экономической эффективности труда осужденных». В связи с этим обращение к историческому опыту становления и развития труда осужденных в ИТУ на территории Западной Сибири приобретает особую актуальность.

Спецификой рассматриваемого периода является то, что в большинстве городов Западной Сибири Советская власть установилась позже, чем в европейской части страны, – в конце 1919 года и, проведение новой советской исправительно-трудовой политики стало реальным лишь с начала 1920 года.

Особенностью региона являлось и своего рода «дублирование» пенитенциарных учреждений. Наряду с исправительно-трудовыми домами, домами предварительного заключения, трудовыми домами для несовершеннолетних и сельскохозяйственных колоний, находившихся в подчинении Отдела юстиции Сибирского революционного комитета, с 1920 г. были созданы лагеря принудительных работ, находившиеся в непосредственном подчинении отделов управления местных губисполкомов и напрямую подчинявшиеся Главному управлению принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР. Впоследствии (в конце 1922 г.) лагеря принудительных работ НКВД в большинстве своем прекратили существование (как не предусмотренные УК РСФСР 1922 г.). На их базе создавались переходные исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии [25, с. 315]. При этом ГУПР НКВД ликвидировался, а все подведомственные ему учреждения перешли в ведение Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР [19, л. 142].

Изменилось отношение к труду, который в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. становится обязательным для всех граждан страны. Осужденные при этом явно не являлись исключением из правил. Как справедливо отмечал В. А. Уткин, «исправительную роль в местах заключения призван был играть преимущественно производительный, оплачиваемый труд, направленный не только на «приучению к труду», но и на приобретение осужденными профессиональных навыков» [27, с. 28].

Одним из первых нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательность труда осужденных в исправительно-трудовых учреждениях, становится Постановление НКЮ от 24 января 1918 г. «О тюрем-

ных рабочих командах». В нем впервые на нормативно-правовом уровне признавалась обязательность труда для осужденных, не превышающего по тяжести труд чернорабочих; устанавливался принцип оплачиваемости труда осужденных; регулировался порядок оплаты труда осужденных (1/3 поступала в общетюремный фонд на улучшение жизни осужденных, а 2/3 зачислялось на счет заключенного и выдавалось ему при освобождении. При этом особо оговаривалась возможность получения 1/10 части заработанных средств заключенным по его просьбе в конце рабочей недели) [23, с. 15].

Устранялись каторжные работы, отсутствовало разделение по сословному признаку, стоимость труда заключенных соотносилась с ценой труда на свободе, тем самым устранялась его репрессивность [1, с. 60].

Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. была утверждена Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания такового». В частности, ст. 21 Временной инструкции гласила: «Лишенные свободы, способные к труду, обязательно привлекаются к физическому труду по распределению заведующих местами заключения и принудительными общественными работами». Таким образом, труд признавался обязательным.

Признавалась обязательная оплата труда заключенных «по ставкам профессиональных союзов соответствующих местностей».

Однако устанавливалась ответственность заключенных, нарушающих порядок и дисциплину и не желающих работать без уважительных причин. К ним могли применяться: перевод на более суровый режим (лишение свиданий, переписки и проч.); меры изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней), в исключительных случаях – перевод в специальные тюрьмы.

За необоснованный отказ от работы в лицевой счет заключенного включались все расходы на его содержание. При этом пока сальдо его счета было не в его пользу, он мог быть оставлен в тюрьме, даже в случае полного отбывания срока заключения по решению суда. Также он мог быть переведен на уменьшенный продовольственный паек как неработающий. Временной инструкцией предусматривалась возможность направления заключенного в изолятор как неисправимого [23, с. 23 – 24].

Трудно не согласиться с мнением М. Г. Деткова, отмечавшего поверхностный характер Временной инструкции к регулированию порядка отбывания наказания в местах лишения свободы. Инструкция не содержала целей и задач лишения свободы, принципов его исполнения, правового положения осужденных [8,

с. 33]. Но Временная инструкция послужила скорее своеобразным ориентиром для практических работников, отвечая на насущные вопросы своего времени, в частности – привлечения заключенных к труду. Тем не менее нам не удалось обнаружить в архивах документов о применении карательных санкций в отношении заключенных в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири, что позволяет судить о нежизнеспособности данной нормы.

Для осужденных устанавливался восьмичасовой рабочий день. Для добросовестно работающих заключенных на основании постановления НКЮ от 4 декабря 1919 г. засчитывались каждые два дня работы за три дня срока отбывания наказания; к ним широко применялось условно-досрочное освобождение. Для работающих заключенных устанавливались улучшенные нормы питания [14, с. 68].

Следующим фактором, влияющим на реализацию исправительно-трудовой политики, становится стремление руководства Наркомюста к самокупаемости мест лишения свободы в РСФСР. Стремление освободить государство от излишних расходов на содержание пенитенциарной системы становилось тормозом в развитии гуманистических начал в деятельности мест лишения свободы, превратилось в самоцель при организации трудового использования осужденных, отмечает М. Г. Детков. Принцип окупаемости содержания заключенных трудом антигуманен, т. к. не учитывает состояние физического и психического состояния заключенного и готовности к выполнению определенно-го вида работ [8, с. 34, 68].

Однако, на наш взгляд, более справедливой является точка зрения О. Ю. Олейника, считающего, что следует учитывать сложившуюся в стране обстановку по окончании Гражданской войны, в которой администрация мест заключения стремилась использовать все возможные источники поступления доходов и, прежде всего, труд заключенных [16, с. 53].

Значительный шаг вперед по сравнению с ранее действующими нормативно-правовыми актами в части усиления воспитательной роли труда осужденных был закреплен в Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 года. По мнению В. М. Исакова, это выражалось в возможности индивидуализированного использования труда заключенных. Зафиксированная в ст. 116 и 117 Положения установка на «приучение и обучение труду» содержала элемент избирательности вида занятий и предписание администрации «руководствоваться склонностью заключенного к тому или другому роду труда, познаниям, прежним занятиям», общим состоянием здоровья и возможностью применять полученные навыки на свободе. В связи с этим организация мастерских связывалась с местными условиями и распространением данного вида производства [12, с. 105].

Принятый в 1924 году Исправительно-трудовой кодекс РСФСР сыграл существенную роль в нормативно-правовом регулировании исправительно-трудовой политики Советского государства, в том числе в вопросах регулирования труда осужденных. Он, как и предшествующие нормативно-правовые акты, признавал обязательность труда для всех трудоспособных заключенных. Принципиальным отличием от ранее приня-

тых нормативно-правовых актов являлось то, что признавалось не только воспитательно-исправительное значение труда, а впервые ставилась цель «приучения» заключенных к труду, профессиональное обучение заключенных, что, по справедливому мнению законодателя, должно было дать возможность заключенному по отбытию срока наказания «жить трудовой жизнью» (ст. 51).

ИТК предписывал начальникам мест лишения свободы при назначении осужденного на работы учитывать его образование, квалификацию, предшествующий опыт работы, состояние здоровья (ст. 54 – 55).

Все работы, выполняемые осужденными, должны были оплачиваться в установленном ГУМЗ НКВД с Народным комиссариатом труда порядке (ст. 70). При этом допускалась сдельная и урочная система оплаты (ст. 73).

ИТК 1924 г. впервые вводил возможность зачета двух рабочих дней – за три дня отбывания наказаний, тем самым стремясь к стимулированию трудовой активности осужденных (ст. 52 и п. «в» ст. 199). Однако подобное решение принималось лишь на заседании распределительных комиссий; во-вторых, нормы данных статей применялись, как правило, к осужденным из числа трудящихся; наконец, во внимание принимались дни, в которые труд осужденных был «особо продуктивен», или осужденный занимался получением профессиональных навыков, подтвержденных соответствующей квалификацией.

Анализ документов показывает, что в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири данная норма применялась достаточно активно. Так, распределительной комиссией исправительно-трудового дома № 1 Новосибирска с 1 октября 1925 г. по 20 января 1926 г. было рассмотрено 324 ходатайства, из которых 304 (93,8 %) было удовлетворено и лишь 20 (6,2 %) отклонено [3, л. 38]. Подобная ситуация была свойственна пенитенциарным учреждениям региона. Согласно отчету за второе полугодие 1925 г. прокурора Сибири, распределительными комиссиями было рассмотрено 2152 вопроса о зачете двух рабочих дней за три дня отбывания наказания [26, с. 93]. По большинству из них было вынесено положительное решение.

ИТК РСФСР устанавливал возмещение затрат на содержание заключенных их трудом. При этом воспитательные цели не должны были нивелироваться перед экономическими соображениями. Вместе с тем большинство мест лишения свободы не обладало развитой производственной базой, а следовательно, не могло в должной мере реализовывать принцип самокупаемости без ущерба процесса исправления осужденных.

Для развития производства внутри пенитенциарных учреждений были необходимы стартовые и оборотные средства, приобретение инвентаря и оборудования, наконец – закупка сырья для производства. Определенных материальных затрат требовала и организация производства, в том числе оформление технической, эксплуатационной и финансовой документации. Предоставить средства из бюджета Главного управления мест заключения не представлялось возможным, в то время как местные бюджеты, на которые с 1922 г. были переведены места заключения Западной Сибири [32, л. 147 – 148], не выдерживали нагрузки по их

обеспечению самыми необходимыми вещами (продовольствием для заключенных, одеждой, обувью, обмундированием надзора и проч.).

Об этом красноречиво свидетельствует составленная в 1922 г. смета доходов и расходов на 1922 – 1923 бюджетный год по местам заключения Томской губернии. Так, по смете доходов Томского исправительно-трудового дома значилось 41250 золотых рублей, тогда как смета расходов за тот же период времени составляла 63807 золотых рублей; по Томскому дому заключения: 40900 и 60588 золотых рублей соответственно; по Мариинскому дому заключения: 18150 и 28993 рубля [24, с. 86 – 87, 92 – 105].

В таких условиях начальникам мест заключения оставалось лишь организовывать мастерские кустарного типа, а также акцентировать внимание на развитии внешних работ. В Томском исправительно-трудовом доме функционировали сапожная, портняжная, переплетная и шорная мастерские, выполнялись различного рода кузнечно-слесарные работы. При Томском доме заключения действовали также ткацкая и пимокатная мастерские. Продолжали работать Еловская и Заварзинская сельскохозяйственные фермы, преобразованные в сельскохозяйственные колонии. Труд осужденных применялся на погрузочно-разгрузочных работах, в составе ассенизационного обоза. Зимой осужденных направляли на расчистку железнодорожных путей от снежных заносов [28, л. 21]. Однако данные работы не могли в полной мере окупить содержание заключенных. К тому же существовавшая безработица вела к тому, что труд осужденных на внешних работах нередко осуществлялся по демпинговым расценкам. Так, начальник Новосибирского исправительно-трудового дома № 1 Иванов докладывал 9 марта 1926 г. на совещании по борьбе с преступностью Окружного административного отдела: «Местные организации не разрешают использовать труд заключенных на внешних работах, во избежание увеличения безработицы» [4, л. 38]. Для исправления ситуации потребовалось вмешательство помощника Краевого прокурора Сибири по Новосибирскому округу Ястребова и соответствующее распоряжение Окрисполкома. Причем подобная ситуация была далеко не единичной для пенитенциарных учреждений региона.

Вполне естественно, что ГУМЗ НКВД РСФСР в этих условиях предпринимал меры государственной поддержки предприятий пенитенциарной системы. При этом следует учитывать, что производственная база исправительных учреждений была чрезвычайно различна, что зависело как от предшествующего дореволюционного этапа развития, так и от внешних факторов. Это географическое положение исправительного учреждения (в губернском городе существовала большая потребность в сравнительно недорогой рабочей силе осужденных); климат (оказывающий влияние на перспективы развития сельского хозяйства); конкурентоспособность производимой исправительными учреждениями продукции; наконец, личностные качества руководителей пенитенциарной системы губернии и исправительных учреждений.

Но и меры господдержки были существенны. Циркуляром от 28 ноября 1922 г. от местных налогов освобождались как сельскохозяйственные предприятия

системы, так и предприятия, ориентированные на промышленно-производственные цели. Постановлением Народного комиссариата финансов СССР от 26 сентября 1923 г. отменялась уплата промыслового налога для мастерских и промышленных предприятий, в которых работа производилась трудом заключенных [2, с. 135 – 136]. С июня 1925 г. от арендной платы за землю были освобождены сельскохозяйственные производства, обслуживаемые трудом заключенных [18, л. 72].

В том же месяце ГУМЗ НКВД своим циркуляром разъяснял, что доход от сельскохозяйственных работ должен в полном объеме направляться на развитие мест заключения, поддержку рабочих частей, тогда как содержание осужденных финансировалось за счет сметных ассигнований. Полученная прибыль освобождалась от любых налоговых отчислений. При этом колония признавалась самоокупающейся в том случае, если обладала необходимым инвентарем, а после сбора урожая располагала оборотным фондом, который давал ей возможность просуществовать следующий год до нового урожая, а также определенным количеством заключенных, в том числе – общее и сезонное для выполняемых работ [30, л. 133].

Интенсивное развитие сельскохозяйственных колоний объяснимо рядом обстоятельств. Во-первых, большинство осужденных (до 70 % в Сибири) являлись выходцами из крестьянской среды, а следовательно, снималась проблема с укомплектованием кадрами. Во-вторых, организация сельскохозяйственного производства требовала сравнительно меньше затрат, по сравнению с промышленным, особенно с учетом мер государственной поддержки. В-третьих, предшествовавшая пенитенциарная практика убедительно доказала жизненность подобных форм пенитенциарных учреждений.

Во второй половине 1920-х годов в Сибири наметилась тенденция организации сельскохозяйственных колоний при губернских (уездных) местах заключения. При этом сокращались расходы, например, на содержание управленческого аппарата [2, с. 150]. По данным ГУМЗ к концу 1924 г. на учете состояло 38 самостоятельных сельскохозяйственных колоний, 9 отделений и 70 ферм. На территории Западной Сибири сельскохозяйственные колонии действовали в Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях [26, с. 90].

Известную материальную поддержку производству пенитенциарных учреждений должно было оказать и введение депозитных счетов. На основании решения СНК от 12 января 1922 г. Центральным исправительно-трудовым отделом Наркомюста РСФСР на места был разослан циркуляр «О депозитах в местах лишения свободы», а также разработана Инструкция о поступлении и расходованию депозитных сумм мест лишения свободы. Отныне разрешалось заработанные заключенными средства перечислять на специальные счета пенитенциарных учреждений, используя в том числе для расширения производственной базы [34, л. 144 – 145]. При этом Инструкцией впервые разграничивался депозит от доходов производства и депозит от собственных средств заключенных. Доходы от производства подлежали направлению на приобретение материалов

и оборудование мастерских; выдачу заработной платы заключенным и на удержание с них в доход казны; оплату усиленного пайка работающих осужденным; выдачу заработной платы вольнонаемному персоналу, руководящему работами, и премиального вознаграждения служащим мест лишения свободы.

Депозит от собственных средств заключенных направлялся на приобретение ими дополнительных продуктов питания и других предметов; мог быть направлен на «передачу денег по желаемому ими назначению»; выдавался на руки осужденным при освобождении; направлялся на различного вида удержания (например, за оплату содержания при отказе от работ, порчу или растрату казенного имущества, по приговорам судебных властей) [10, л. 16 – 17].

Постановлением СНК от 6 октября 1922 г. хранение и расходование депозитных сумм мест лишения свободы НКЮ (по работам и собственным средствам заключенных) не ограничивалось во времени. По истечении отчетного года остатки данных средств перечислялись приходной статьей на соответствующий счет последующего года. При этом невостребованные средства осужденных (например, в случае смерти осужденного его приемниками) по истечении года перечислялись в доход казны [17, л. 177 – 178].

Аналогичным образом распределялись полученные денежные средства в последующие годы и в системе учреждений НКВД. Однако, «счет собственных средств заключенных» признавался дополнительной статьей расходов пенитенциарных учреждений. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда от 1 февраля 1925 г., в случае невыплаты денежных средств осужденный имел право подать иск в общем порядке [2, с. 137].

Из «счета по работам» предполагались также расходы в фонд Комитета помощи освобожденным заключенным. Дополнительно из данных средств в доход казны отчислялось 25 % пенитенциарным учреждениями, находящимися на государственном бюджете, и 35 % – на местном [11, с. 76], что вряд ли способствовало повышению производительности труда.

Стремясь к развитию предпринимательской инициативы руководящего состава пенитенциарных учреждений, Циркуляром ГУМЗ с 1 октября 1925 г. вводились в действие Инструкции «По рабочей части мест заключения РСФСР» и «По учету и отчетности мест заключения РСФСР». Отныне рабочая часть мест заключения представляла собой самостоятельную хозяйственную единицу, работа которой основывалась на принципах хозрасчета. Это позволяло рабочим частям более гибко реагировать на производственные потребности: заключать различного вида договоры, приобретать оборудование и материалы, получать кредиты в государственных и кооперативных учреждениях. Полученная прибыль распределялась следующим образом: 40 % поступало на развитие производства; 15 % – в Комитет помощи освобождаемым; 20 % – в пенитенциарный фонд ГУМЗ; по 12,5 % – на улучшение питания осужденных и выплату премиального вознаграждения сотрудникам [29, л. 188 – 189].

Одной из первых попыток централизации производственного сектора пенитенциарных учреждений следует назвать образование при ГУМЗ НКВД РСФСР

особого производственно-хозяйственного объединения «Куст-ГУМЗ», обладавшего полной хозяйственной самостоятельностью. Его целью являлось «руководство в находящихся в его ведение предприятиями при местах заключения, обслуживающихся трудом заключенных». При этом особо оговаривался вопрос о возможности привлечения за дополнительное вознаграждение (с разрешения ГУМЗ НКВД) к работе в качестве уполномоченных «Куст-ГУМЗа» начальников и других служащих мест заключения [20, л. 180 – 181]. В целях расширения производственного потенциала пенитенциарных учреждений с ноября 1922 г. в ведение ГУМЗ НКВД РСФСР были переданы подсобные предприятия Центроэвакуака [21, л. 25].

Однако данная попытка централизации оказалась несвоевременной. В условиях преодоления последствий Гражданской войны, восстановления народного хозяйства ГУМЗ не мог предложить пенитенциарным учреждениям государственных заказов на изготовление конкретного вида продукции. Разнились и условия производства: от кустарных мастерских до промышленных предприятий. Поэтому руководством НКВД РСФСР было принято решение сделать акцент на развитие в пенитенциарных учреждениях децентрализованных производств, функционирующих с учетом местных условий и потребностей внутреннего рынка региона [22, л. 22].

Результаты не заставили себя ждать. В условиях НЭПа получает свое развитие такая форма организации производства, как аренда предприятий, выпускаемая продукция которых была востребована на местном рынке. Так, в 1922 г. Томскому исправительно-трудовому дому был сдан в аренду кожевенный завод, а имеющиеся мастерские по выделке кож позволяли создать своеобразный «замкнутый цикл» производства: от выделки кож до пошива изделий.

Выбор вектора развития данного производства был выбран не случайно. «Кожевенная промышленность Сибири имеет большую роль в отношении военного снабжения, – отмечалось в обзоре промышленности Сибири. – Из имеющихся кожевенных заводов 70 % запущено в ход и работают.

Значительно хуже обстоит вопрос о выработке кожевенных изделий. Сибирь не в состоянии за отсутствием рабочих рук и механических фабрик, хоть в малой степени удовлетворить нужду в кожевенных изделиях. Необходимо, всеми мерами, усилить производительность работающих предприятий по выделке кожевенных изделий, чтобы хотя отчасти удовлетворить жгучие потребности» [9, с. 11 – 12].

В целом места заключения внесли определенную лепту в развитие кожевенной промышленности Сибири. Помимо кожевенного завода в Томске, в 1922 – 1923 гг. при местах заключения были созданы 2 кожевенных завода в Иркутске [14, с. 73], а также в Красноярске. В последний для повышения эффективности труда осужденных было приглашено восемь вольнонаемных специалистов. Таким образом, кожевенный завод при местзаке является в сущности частным коммерческим предприятием, – отмечала газета «Красноярский рабочий» [15].

Помимо предприятий, взятых в аренду, при местах заключения создавались и собственные производства.

Согласно данным Сибирского карательного отдела, к концу 1921 года в местах лишения свободы Омской губернии функционировало 11 сапожных, 19 слесарных, 9 кузнечных, 1 столярная, 2 гончарных, 8 плотницких, 4 бондажных, 3 колесных, 2 шорных, 6 пимокатных, 4 племенных животных мастерских, 1 мастерская валяния и действующей при Омском доме лишения свободы мыловаренный завод [5, л. 67]. В последующие годы в местах лишения свободы Омской губернии были открыты типография и электростанция [14, с. 73]. При Томском доме заключения в 1922 г. была создана химическая лаборатория, снабжавшая канцелярскими принадлежностями практически все государственные учреждения губернии [6, л. 8]. Таким образом, пенитенциарные учреждения на территории Западной Сибири постепенно превращались в комбинированные хозяйства, состоящие как из производства внутри, сельскохозяйственных колоний, так и арендованных предприятий.

В целом по РСФСР усилиями ГУМЗ НКВД и администрации мест заключения удалось создать 1291 мастерских кустарного типа с самым разнообразным производством, из которых 113 приближалось к фабрично-заводским предприятиям. При этом доля занятых на собственном производстве осужденных увеличилась с 16,9 % в 1923 г. до 22,9 % в 1924 г. [13, с. 37].

Примечательно, что вопросы привлечения осужденных к труду, повышение его производительности, создание новых производств постоянно находились в центре внимания центральных органов управления. Анализ протоколов заседаний коллегии НКВД РСФСР за 1923 год позволяет отметить, что лишь на двух заседаниях эти вопросы не рассматривались. Примечательна резолюция, принятая коллегией НКВД РСФСР 16 марта 1925 г. по докладу начальника ГУМЗ Е. Г. Ширвиндта, предусматривающая проработку вопроса о возможном кредитовании рабочих частей в целях развития производства, а также закрепления за местами заключения заводов и фабрик строительной промышленности [7, л. 74 – 75].

На наш взгляд, опыт аренды небольших производств в эпоху НЭПа возможно было бы сегодня распространить как на формирующиеся исправительные центры, так и на колонии-поселения, что способствовало бы трудовой занятости осужденных, приобретения ими профессиональных навыков, наконец – пополнению бюджета УИС.

Помимо внешних, промышленных и сельскохозяйственных работ в пенитенциарных учреждениях существовали и внутренние работы, направленные на удовлетворение нужд самого исправительного учреждения. К бесплатным работам относились: мытье полов, стирка белья, мелкий ремонт, заготовка дров и проч., т. е. те, которые были направлены на обеспечение жизнедеятельности учреждения. Отметим, что в большинстве исправительных учреждений данный вид работ существует и в настоящее время.

Платные работы подразделялись на две группы: работа на низовых должностях административного аппарата (конторщики, писари, счетоводы, работа в учебно-воспитательной части) и хозяйственные платные работы (банщики, ламповщики, хлебопеки, повара

в столовой и проч.). В общей сложности внутренние работы составляли в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири до 50 – 60 %, в зависимости от развития производственной либо сельскохозяйственной сферы деятельности.

Вместе с тем отсутствие материальной заинтересованности осужденных в результатах своего труда негативно сказывались на его эффективности. Так, согласно установленным тарифам, за пошив вещевого довольствия для осужденных последние получали от 0,3 коп. до 51 коп. за одну изготовленную вещь. При этом до 50 % заработанных средств удерживалось в счет амортизации оборудования. Еще меньше получали осужденные, задействованные на внутренних оплачиваемых работах: в 0,02 коп. с одного осужденного оценивался труд кубовщика по приготовлению кипятка, до 20 коп. – с одного пуда постиранного белья [33, л. 105 – 106]. Увеличение тарифов в середине 1920-х годов не являлось кардинальным для осужденных [31, л. 26 – 30] и, прежде всего, из-за многочисленных удержаний.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**.

1. В эпоху НЭПа труд осужденных признается одним из главных элементов ресоциализации осужденного. Он перестает применяться как кара; вводится обязательность оплаты труда; трудовые успехи осужденных объективно способствовали возможности предоставления им условно-досрочного освобождения, отпусков, наличию дополнительных преференций, смягчающих условия отбывания наказания. Получаемые осужденными профессиональные навыки должны были способствовать их последующей ресоциализации, препятствуя совершению новых преступлений.

2. Создание производственного сектора пенитенциарной системы стало результатом объединенных усилий Главного управления мест заключения и руководства пенитенциарными учреждениями на местах. При этом следует учитывать существенную поддержку со стороны государства, без которой данный процесс попросту был невозможен.

3. Вместе с тем, справедливости ради, необходимо сказать, что конечная цель исправления осужденных через труд в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири далеко не везде была достигнута. Причин этому несколько.

Во-первых, это объяснимо спецификой спецконтингента. Подавляющее большинство осужденных являлось выходцами из крестьянской среды, не имевшими необходимого образования и трудовых навыков для труда на промышленном производстве, что негативно сказывалось на качестве и количестве производимой продукции. На наш взгляд, именно этим объясним тот факт, что большинство осужденных использовались на внутренних и внешних неквалифицированных работах, что явно не способствовало получению ими необходимых трудовых навыков. Определенное негативное влияние оказывала и «текучесть» осужденных, связанная с проводимыми амнистиями, условно-досрочными освобождениями и проч.

Во-вторых, значительное влияние на эффективность производства оказывали неблагоприятные эко-

номические факторы: безработица, влекущая за собой конкуренцию на рынке труда.

В-третьих, пенитенциарное производство не могло эффективно конкурировать с кооперативным и государственным сектором экономики. Отсутствие необходимых площадей, должного финансирования, квалифицированных кадров не позволяло расширить имеющиеся производственные мощности. Аренда предприятий, хотя и была эффективной в Сибири, но не носила массового характера. Вместе с тем отдельные пенитенциарные учреждения добились значительных успехов в организации производства.

В-четвертых, не последнюю роль в эффективности труда играло практически полное отсутствие материальной заинтересованности осужденных в результатах своего труда.

В-пятых, со второй половины 1920-х годов, несмотря на провозглашение воспитательной роли труда в действующих нормативно-правовых актах, экономические факторы производственной деятельности пенитенциарных учреждений становятся доминирующими. Особенно ощутимым это становится с включением предприятий пенитенциарной системы в народнохозяйственные планы в годы пятилеток. Труд осужденных все больше интегрировался в общую экономику страны, что приводило к подчинению как труда, так и производственного сектора задачам хозяйственного развития государства, нередко в противоречии с воспитательно-исправительными аспектами воздействия труда на личность преступника.

Литература

1. Бомбергер И. И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921 – 1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2009. 207 с.
2. Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.: монография. Омск: Омская Академия МВД России, 2011. 180 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р. 1978. Оп. 1. Д. 36.
4. ГАО Ф.Р. 1978. Оп. 1. Д. 26.
5. ГАО. Ф.467. Оп. 1. Д. 94.
6. ГАО. Ф.467. Оп. 1. Д. 106.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 23.
8. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917 – 1930-х годов: монография. М.: РИПК работников ОВД МВД РФ, 1992. 206 с.
9. Жизнь Красной Сибири (Новониколаевск). 1920. № 1.
10. Инструкция о поступлении и расходовании депозитных сумм мест лишения свободы Наркомюста (утверждена 15 мая 1922 г. по согласованию с Народным комиссариатом финансов и Рабоче-крестьянской инспекции) // ГАРФ. Ф.А-353. Оп. 5. Д. 332.
11. Инструкция о поступлении и расходовании заработанных сумм и собственных денег заключенных в местах заключения РСФСР (Утверждена Народным Комиссариатом внутренних дел и Народным Комиссариатом финансов РСФСР 1 ноября 1923 г.) // Бюллетень НКВД. 1923. 19 ноября. № 27.
12. Исаков В. М. Правовое регулирование и организация трудовой деятельности осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917 – 1990 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 308 с.
13. Кузьмин С. И. Аналитический обзор деятельности мест заключения РСФСР в период с 1917 по 1930 годы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 31 – 39.
14. Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917 – 1924 гг.): учебное пособие. Омск, 1980. 120 с.
15. Красноярский рабочий. 1923. 30 июня.
16. Олейник О. Ю. Организационно-правовые основы функционирования учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в системе Наркомата юстиции РСФСР: монография. Кострома: Костромской печатный дом, 2009. 232 с.
17. Постановление СНК от 6 октября 1922 г. «Об изъятиях в декрете Совнаркома от 28 октября 1920 года об изменениях ст. 3 сметных правил 24 мая 1919 года в отношении депозитов мест лишения свободы Наркомюста» // ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 441.
18. Постановление СНК РСФСР от 2 июня 1925 г. «О предоставлении льгот по аренде земельных участков для сельскохозяйственных предприятий, организуемых местами заключения» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 21.
19. Приказ ГУМЗ НКВД РСФСР от 13 ноября 1922 г. № 140 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 8.
20. Приказ ГУМЗ НКВД РСФСР от 29 декабря 1922 г. № 174/г // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 8.
21. Приказ НКВД РСФСР от 24 ноября 1922 г. № 162 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 10.
22. Решение коллегии НКВД РСФСР от 16 марта 1925 г. // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 23.
23. Сборник нормативных актов по Советскому исправительно-трудовому праву (1917 – 1959). История законодательства / сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. 348 с.
24. Сметы местных доходов и расходов по Томской губернии: губернских, городских и уездных на 1922 – 1923 бюджетный год. Томск, 1922. 211 с.
25. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, ответственная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М.: Норма, 2005. 720 с.

26. Уйманов В. Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920 – 1941 гг.): монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 328 с.
27. Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 189 с.
28. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 26 января 1923 г. № 20 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 14.
29. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 22 сентября 1925 г. № 505 «О введении в действие с 1 октября 1925 г. инструкций: а) По рабочей части и б) по учету и отчетности по работам в местах заключения РСФСР» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 26.
30. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 29 июня 1925 г. № 360 «О хозрасчете в сельскохозяйственных местах заключения и о самоокупаемости сельскохозяйственных колоний» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 26.
31. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 25 ноября 1925 г. № 444 «Об установлении норм и порядка регулирования вознаграждения заключенным за работы»; Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 16 июля 1926 г. № 155. «О нормах и порядке вознаграждения заключенным на хозяйственные работы»; Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 16 апреля 1927 г. № 154. «О нормах и порядке вознаграждения за работу заключенным, не имеющим квалификации в исполняемой ими работе» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 55.
32. Циркуляр Наркомюста РСФСР от 22 июня 1922 г. № 52 «Об отнесении на местные средства содержания судебных и исправительных учреждений» // ГАРФ. Ф.А-353. Оп. 4. Д. 441.
33. Циркуляр подотдела работ ЦИТО НКЮ РСФСР от 8 марта 1922 г. № 15 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 4.
34. Циркуляр ЦИТО НКЮ РСФСР от 10 июня 1922 г. «О депозитах в местах лишения свободы НКЮ» // ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 441.

Информация об авторе:

Михеенков Егор Геннадьевич – магистр юриспруденции, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник ФКОУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы, MEGASV74@mail.ru.

Egor G. Mikheenkoy – Master of Law, Candidate of History, Associate Professor, Research Associate at the the Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Colonel of Internal Service.

Статья поступила в редколлегию 08.10.2014 г.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Л. В. Петракова, И. А. Гааз

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS

L. V. Petrakova, I. A. Gaag

Настоящая статья посвящена вопросам правового регулирования применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, совершенствования методов уголовно-правовой оценки действий сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия, а также проблемам, существующим в этой сфере деятельности органов полиции МВД РФ.

The paper is devoted to the legal regulation of the use of firearms by the police, improving the methods of criminal law evaluation of the of firearms by the police staff, as well as the problems in the sphere of the activity of police divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Ключевые слова: правоохранительные органы, органы внутренних дел, органы полиции, огнестрельное оружие, принципы деятельности полиции при применении огнестрельного оружия, правовое регулирование и регламентация применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Keywords: law enforcement bodies, internal affairs agencies, the police, firearms, principles of police use of firearms, legal regulation and the regulation of the use of firearms by police officers.

Осложнение криминогенной обстановки в стране непременно создаёт экстремальные условия для служебной деятельности, повышает степень ответственности и личного риска при исполнении сотрудниками полиции своих обязанностей. Применение огнестрельного оружия отдельными категориями должностных лиц полиции – самая жёсткая мера непосредственного принуждения. Признак принудительности как сущностный признак полицейских органов дополняется признаком «вооруженности». Предостав-

ленное полиции как подсистеме исполнительной власти право применять силу для достижения законных целей – ее главная отличительная особенность, позволяющая данной структуре занять особое место в системе правоохранительных органов [20].

Можно говорить, что с одной стороны применение огнестрельного оружия объективно ставит под угрозу здоровье и нередко – жизнь правонарушителя, с другой – является порою единственным способом защиты лиц, подвергнутых преступному посягатель-

ству, а также важнейших интересов общества и государства. Поэтому важно, чтобы применение огнестрельного оружия уполномоченными на то должностными лицами осуществлялось на основе четкой правовой регламентации и в строгом соответствии с Законом. Проблема правового регулирования применения огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей и обеспечение готовности к деятельности всегда занимала одно из центральных мест в деятельности органов внутренних дел в целом, и полиции – в частности.

Вместе с тем до настоящего времени в нашей стране вопросам правового регулирования применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия, совершенствования методов уголовно-правовой оценки их действий, до, в момент и после применения специальных мер принуждения, уделялось недостаточное внимание.

Соблюдение оснований применения огнестрельного оружия имеет значение не только для достижения оптимального результата при пресечении противоправного поведения, но и для правовой оценки действий сотрудников органов внутренних дел. Такая оценка действий следует практически всегда после применения ими оружия и осуществляется в ходе ведомственной служебной проверки или в связи с незаконным применением оружия в ходе уголовного преследования.

Неоднозначность оценки действий сотрудников полиции при применении ими огнестрельного оружия свидетельствует, что между группами норм, регулируемыми применением огнестрельного оружия, возникают противоречия, последствиями которых являются необоснованное привлечение таких сотрудников к ответственности, в том числе и к уголовной. Вместе с тем на фоне непрерывно растущей насильственной преступности растет боязнь сотрудников правоохранительных органов применять оружие. Современная преступность, наряду с опасными изменениями в количественных характеристиках, претерпевает крайне негативные качественные перемены в виде усиления ее агрессивности по отношению к представителям власти. Одновременно при росте деяний, связанных с применением насилия в отношении сотрудников органов внутренних дел, оружие для отражения нападения практически ими не применяется.

Проблемы сущности и оснований правового принуждения были подробно исследованы в работах А. П. Алехина, Д. Н. Бахраха, О. И. Бекетова, А. И. Каплунова, А. П. Коренева, В. П. Сальникова, А. В. Мингеса, С. Ф. Милокова, И. И. Уткина и других. Отдельные вопросы, связанные с применением сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия, нашли свое отражение в исследованиях М. Н. Артамошкина, В. Б. Боровикова, В. А. Иванова, Н. Т. Куца, В. Н. Опарина, А. Д. Санжаревского, П. А. Соколова. Характеристике правил применения названной меры принуждения посвящены работы А. И. Каплунова, Б. П. Кодрашева, В. С. Новикова, Ю. П. Соловья, В. В. Черникова. В работах вышеуказанных авторов рассмотрены основные аспекты проблемы правового регулирования применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия. Однако, несмотря на не-

сомненный вклад в науку, вопросам комплексного решения проблемы применения мер непосредственного принуждения, в том числе совершенствования и развития в рамках единого процесса правоприменительной практики на современном этапе, не было уделено должного внимания.

Остается до сих пор неразрешенным ряд вопросов, связанных с основаниями применения огнестрельного оружия, квалификацией действий сотрудников органов внутренних дел после применения огнестрельного оружия. Одновременно нормы, регулирующие применение оружия указанными сотрудниками, закрепляют перечень случаев применения оружия, не исключая ответственности за возможные последствия, которые могут наступить в результате точного соблюдения ее положений.

Необходимость теоретических обоснований и совершенствования правового регулирования применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия, повышения качества правовой оценки (квалификации) в интересах совершенствования следственной и судебной практики, соотнесенной с современными реалиями, является в настоящее время жизненно важной и своевременной.

Разумеется, что в законе «О полиции» пересмотрены и переработаны аспекты, касающиеся применения огнестрельного оружия. В частности при определении термина «применение оружия» устранены терминологические неточности и неоднозначность его толкования, а также даны определения вооруженного сопротивления, вооруженного нападения и т. д. Все это указывает на работу над ошибками, выявленными в процессе применения закона «О милиции», а значит и на преемственность между законом «О полиции» и законом «О милиции».

Однако в своем Интернет-интервью, подготовленном корреспондентом компании "Консультант Плюс" А. В. Епифановой, генерал-майор милиции С. П. Булавин, статс-секретарь – заместитель Министра внутренних дел РФ заметил, что «...безусловно, законопроект требует дальнейшей корректировки» [3].

Закон «О полиции» допускает применение огнестрельного оружия в установленных случаях в отношении любых лиц независимо от гражданства, наличия дипломатического или консульского иммунитета, социального и имущественного положения посягающего или задерживаемого лица и иных характеризующих его обстоятельств (вменяемость, дееспособность).

Отдельные ученые сходятся во мнении о нецелесообразности существования запретов на применение огнестрельного оружия. Так, А. И. Каплунов и С. Ф. Милоков высказывали мысль, что «зафиксированные в Законе «О милиции» запреты не безупречны. Дело в том, что они, вопреки требованиям УК РФ, ограничивают право сотрудника на необходимую оборону. Думается, что Уголовный кодекс не случайно не содержит каких-либо ограничений на причинение вреда посягающему, в зависимости от его пола, возраста, состояния здоровья (психического и соматического) и прочих характеристик. Ведь главное не в этом, а в характеристике и степени общественной опасности совершаемого деяния. Та же женщина и несовершеннолетний (особенно 15 – 17-летнего возраста) могут об-

ладать большой физической силой, знать боевые приемы борьбы, иметь неоднократные судимости, состоять членами организованных преступных групп. То же можно сказать и про инвалидов (кстати, среди лиц, отбывающих длительные сроки лишения свободы, их немало). Явная инвалидность в ряде случаев (отсутствие одного глаза, пальца на руке, хромота, глухота, немота и др.) нисколько не мешает совершать виновному тяжкие и особо тяжкие преступления. К тому же сотрудник милиции в ходе противоборства может быть серьезно травмирован и не способен оказывать достаточное физическое (мускульное) противодействие нападающему» [7, с. 120].

Учитывая данные обстоятельства, следовало либо отказаться от названных запретов, либо допустить применение в отношении указанных категорий лиц огнестрельного оружия в случаях совершения ими посягательства, связанного с угрозой жизни граждан или сотрудника правоохранительного органа, независимо от группового или вооруженного характера посягательства.

Вместе с тем большинство авторов высказывались и высказываются за сохранение указанных запретов и в большинстве нормативных правовых актов такие запреты имеются. В ряде международных документов также одна категория граждан защищена от применения в отношении них огнестрельного оружия. Речь идет о Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, в котором сказано, что «применение огнестрельного оружия является крайней мерой. Следует приложить все усилия к тому, чтобы исключить применение огнестрельного оружия, особенно против детей». Российский законодатель полностью воспринял это положение и запретил использовать огнестрельное оружие против несовершеннолетних [1, с. 153].

Закон «О полиции» также устанавливает запреты на применение огнестрельного оружия, которые нашли свое отражение в частях 5, 6 ст. 23 указанного Закона. Указанная норма закрепляет то обстоятельство, что «запрещается применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции». Одновременно введено уточнение – «с производством выстрела на поражение». Это связано с тем, что в данной норме не предусмотрено понятия «использования огнестрельного оружия» с тем смысловым содержанием, которому это придавалось в Законе «О милиции». Также в формулировке Закона «О полиции» фразой «угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции» сужены (уменьшены) рамки ограничений, связанных с применением огнестрельного оружия. Частью 6 ст. 23 Закона «О полиции» установлено ограничение, которое связано с запретом применения оружия при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Вопрос об ответственности сотрудника органов внутренних дел за причинение вреда окружающим должен решаться только в зависимости от наличия и формы его вины: либо имел место казус (случай), либо допущена неосторожность [7, с. 127].

Анализ запретов применения огнестрельного оружия позволяет сделать выводы, что под применением огнестрельного оружия как мерой принуждения понимается производство сотрудником органов внутренних дел, находящимся в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление, прицельного выстрела из огнестрельного оружия на поражение посягающего (задерживаемого). Кроме того, Закон «О полиции» допускает применение огнестрельного оружия и в случаях, не связанных с преднамеренным причинением вреда непосредственно жизни или здоровью человека. Положения Закона ограничивают применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел исчерпывающим перечнем случаев. Указанный перечень случаев, наряду с предусмотренными уголовным законом обстоятельствами, исключающими общественную опасность и противоправность деяния, выступает в качестве непосредственных правовых оснований употребления оружия.

Основания применения огнестрельного оружия – это исключительные по своему характеру условия, с возникновением которых Закон связывает возможность применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия. В каждом из перечисленных в Законе условий применения огнестрельного оружия имеют место либо состояние необходимой обороны, либо крайней необходимости, либо ситуация задержания лица, совершившего преступление.

До вступления в силу Закона «О полиции» Закон «О милиции» являлся основным нормативным и правовым источником, где закреплялись нормы права, регламентирующие полномочия сотрудников органов внутренних дел на применение огнестрельного оружия. Сотрудники изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел руководствовались также Федеральным законом от 15 июня 1996 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [17]. Строгое соблюдение закрепленных в указанных законодательных актах правил применения огнестрельного оружия были обязательны при любых обстоятельствах, в том числе и в условиях режима чрезвычайного положения, что соответствовало общепризнанным принципам и нормам международного права.

Применение оружия, как правило, влечет причинение вреда посягающему (задерживаемому) лицу и сопряжено с высоким риском наступления тяжких последствий. В части 9 статьи 18 Федерального закона «О полиции» устранены терминологические неточности и неоднозначность толкования ответственности сотрудников за вред, причиненный в результате применения огнестрельного оружия, которые существовали в законе «О милиции». Вместе с тем статьей 24 Закона «О милиции» устанавливалось, что «на деятельность сотрудника милиции распространяются нормы уголовного законодательства Российской Фе-

дерации о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости...» [15]. Данные нормы распространяются и на действия сотрудников органов внутренних дел, связанные с применением и использованием ими огнестрельного оружия. Аналогичные нормы предусмотрены частями 1, 3 ст. 18 Закона «О полиции» [17].

Таким образом, применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел регламентируется как специальными нормами, устанавливающими основания, условия и порядок его применения, так и нормами уголовного законодательства, закрепляющими обстоятельства, исключающие преступность данного деяния.

Соблюдение тактических принципов применения огнестрельного оружия имеет большое значение не только для достижения оптимального результата при пресечении противоправного поведения, но и для правовой оценки действий сотрудников органов внутренних дел. Такая оценка действий сотрудников следует практически всегда после применения или использования ими оружия и осуществляется в ходе ведомственной служебной проверки или в связи с применением оружия в ходе уголовного расследования. Очень важно, чтобы разбирательство по факту применения и использования сотрудником огнестрельного оружия осуществлялось без обвинительного уклона квалифицированным, опытным, владеющим основами психологии проверяющим, который прежде всего решал бы одну из «основных задач служебной проверки – обеспечение правовой защиты сотрудника ОВД, применившего (использовавшего) огнестрельное оружие при выполнении своих служебных обязанностей, при возбуждении уголовного дела на сотрудника в полной мере распространялся бы такой принцип уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности» [7, с. 211].

Применение оружия сотрудниками органов внутренних дел в установленных законом случаях происходит, как правило, в сложных психологических условиях конфликтной ситуации, вызывающих эмоциональные состояния, которые резко сужают деятельность интеллекта и поражают волю [9, с. 53 – 54]. Причем в ситуациях самообороны в 53,8 % случаев стрельба ведется на «вскидку», опережая нападавших правонарушителей. При этом огневой контакт очень скоротечен, что обусловлено небольшими дистанциями для стрельбы, составляющими в основном 5 – 15 м. В таких условиях довольно сложно с самого начала точно определить, представляет ли общественно опасное деяние и в какой степени угрозу для жизни или здоровья, т. е. предугадать, какие последствия станут явными – смерть или тяжкие телесные повреждения. Трудно далее предугадать последствия, которые могут наступить от выстрела из табельного оружия в момент его производства сотрудником, и сопоставить их с угрожающим вредом. Вполне очевидно, что сделать все это легче стороннему наблюдателю и в спокойной обстановке, нежели человеку, обязанному активно действовать в той или иной экстремальной ситуации, сопряженной с большими физическими и психологическими нагрузками. На слож-

ность применения норм, определяющих правомерность применения огнестрельного оружия, в условиях реального инцидента не раз указывалось на страницах ведомственной периодической печати [2, с. 3; 10, с. 5]. Важно, как справедливо отметил С. Донцов, «чтобы соблюдение условий правомерности применения оружия было реально достижимо в экстремальной ситуации» [4, с. 15].

Таким образом, правомерность применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел законодатель связывал и связывает как со строгим соблюдением специальных норм, устанавливающих условия, основания и порядок его применения (т. е. норм, которые регламентируют сами действия сотрудника по применению оружия), так и со степенью тяжести наступившего при этом вреда (т. е. нормами, исключающими ответственность за последствия совершенных в соответствии с законом действий), не указывая, какие из них должны играть решающую роль.

Однако решение вопроса о роли и взаимосвязи норм административного и уголовного права при определении правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел имеет принципиальное значение для выбора наиболее оптимальной модели правового регулирования данной меры принуждения, характера и содержания корректировки административно-правовых норм, устанавливающих правила применения огнестрельного оружия.

Правомерность применения огнестрельного оружия как меры административного принуждения должна устанавливаться в соответствии со специальными нормами, определяющими основания и порядок применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия [7, с. 59]. Если сотрудник органов внутренних дел, применяя огнестрельное оружие, не выходит за рамки ограничений, предусмотренных специальными нормами, регламентирующими основания и порядок его применения, то он не несет ответственности за вред, который причиняет при этом, каким бы этот вред ни был. При этом основания (случаи) применения должны быть скорректированы на основе принципа соразмерности с учетом допустимости причинения посягающему любого вреда при их возникновении (другими словами, производства «смертельного» выстрела).

Статьи Закона «О полиции» должны реально обеспечивать правовую защищенность сотрудников органов внутренних дел, а не выступать в качестве вспомогательного средства при толковании и применении законодательства о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайней необходимости.

Необходимо отметить, что часть 9 статьи 18 Закона «О полиции» наполнена тем же смысловым содержанием, но только без конкретной ссылки на институты необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании лица, совершившего преступление, а ссылаясь на федеральные конституционные законы, закон «О полиции» и другие федеральные законы.

Для исключения фактов необоснованного привлечения к ответственности сотрудников органов внутренних дел, по мнению А. И. Каплунова, целесообразно включить в закон «О полиции» следующие по-

ложения, устанавливающие пределы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия:

– «сотрудники ОВД применяют физическую силу или специальные средства только тогда, когда находятся в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости или принимают меры к задержанию лица, совершающего правонарушение;

– огнестрельное оружие применяется сотрудниками ОВД только в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо при задержании лица, совершившего преступление» [5, с. 121 – 122].

Учитывая, что полиция в настоящее время наделена широкими полномочиями, в том числе и полномочиями, связанными с применением оружия, которые могут оказывать существенное воздействие на жизнь людей, а при неправомерном применении – привести к грубым нарушениям прав человека. Поэтому международные стандарты предусматривают ограничения этих полномочий. Любое применение силы должно носить законный характер.

Таким образом, применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел регламентируется как специальными нормами, устанавливающими основания, условия и порядок его применения, так и нормами уголовного законодательства, закрепляющими обстоятельства, исключающие преступность данного деяния.

Литература

1. Бесперстов В. Семь выстрелов ...предупредительных... // Криминальный вестник Санкт-Петербурга. 1993. № 14.
2. Донцов С. Правомерность причинения вреда в критических условиях борьбы с преступностью // Советская юстиция. 1990. № 6.
3. Булавин С. П., Черников В. В. Концепция реформирования системы МВД России. Проект федерального закона «О полиции» – новый взгляд на российские органы правопорядка / Интервью подготовлено А. В. Епифановой 13 декабря 2010 // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/interview/bulavin>
4. Каплунов А. И. Совершенствование правового регулирования применения милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Полицейское право. Омск, 2006. 210 с.
5. Каплунов А. И., Милуков С. Ф., Уткин И. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учебное пособие / под ред. В. П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. 271 с.
6. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. Новосибирск: Сиб. унив, изд-во, 2013. 32 с.
7. Куинн Ф. Права человека и ты. Основные документы ООН, документы ОБСЕ и документы Совета Европы о правах человека. Варшава, 1999. 711 с.
8. «Модельный закон о полиции (милиции)». Принят на 20-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 20-12 от 7 декабря 2002 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. СПб. 2003. № 30. Ч. 2.
9. Опалева А. В., Дубова Г. В. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. М.: Щит-М, 1997. 54 с.
10. Петракова Л. В. Правоохранительные органы в России: учебное пособие. Кемерово, 2010. 177 с.
11. Петракова Л. В. Правоохранительные органы Сибири (история, хроника, факты). Курс лекций. Кемерово, 2009. 161 с.
12. «Практика применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел». Информационно-аналитический обзор. Департамент кадрового обеспечения. М., 2006.
13. Приказ МВД России от 03.07.2012 № 663 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.08.2012 № 25094) // Российская газета. № 200. 31.08.2012.
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 07.09.1990 № б/н «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию порядка» // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1992. Российская Федерация. Конституция (1993).

Взятые в единстве и взаимодействии перечисленные нормативные предписания составляют правовую основу применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия. Так, при определении правомерности причинения вреда в результате применения сотрудниками огнестрельного оружия следует учитывать не только специальные нормы, устанавливающие основания и порядок его применения, но и нормы о необходимой обороне и крайней необходимости, устанавливающие общие условия правомерности, относящиеся к защите от общественно опасного посягательства.

Закон «О полиции», безусловно, содержит в себе все общепринятые международные принципы и стандарты, связанные с применением полицией огнестрельного оружия. Кроме того, разработчиками закона устранены терминологические неточности и неоднозначность толкования терминов с учетом опыта применения Закона «О милиции», а в ряде случаев даны определения ряда понятий. Но тем не менее он является преемником Закона «О милиции», и эта преемственность отчетливо прослеживается. Закон «О полиции», так же как и закон «О милиции», закрепляя перечень случаев применения оружия, не исключает ответственности за возможные последствия, которые могут наступить в результате точного соблюдения его положений.

15. Российская Федерация. Законы. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О милиции»: [принят Гос. Думой 31.03.1999., в ред. от 22.07.2010] // Собрание Законодательства РФ, 05.04.1999. № 14.
16. Российская Федерация. Законы. «О милиции»: федер. закон: [принят Гос. Думой 18.04.1991., в ред. от 01.01.2011] // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 18.04.1991. № 16.
17. Российская Федерация. Законы. «О полиции»: федер. закон: [принят Гос. Думой 07.02.2011., в действ. ред. от 03.02.2014] // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011. № 7.
18. Российская Федерация. Законы. «О противодействии терроризму»: федер. закон: [принят Гос. Думой 06.03.2006., в действ. ред. от 02.11.2013] // Собрание Законодательства РФ, 13.03.2006. № 11.
19. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: [принят Гос. Думой 22.11.2001 г.: одобр. Советом Федерации 05.12.2001 г.] ред. от 18.03.2014 г. // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
20. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ: [принят Гос. Думой 24.05.1996 г.: одобр. Советом Федерации 05.06.1996 г.] ред. от 03.02.2014 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25.

Информация об авторах:

Петракова Лариса Викторовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова, полковник юстиции в отставке.

Larisa V. Petrakova – Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, retired Colonel of Justice.

Гааг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, IrinaGaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2014 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащение научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.

¹ Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на [сайте издания](#)

6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#).

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-38-85
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 10.11.2014 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 27.12.2014 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Соу. Усл. печ. л. – 38,25. Уч.- изд. л. – 34,99. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ИП «Пермяков Сергей Александрович». 426006, Удмуртская республика,
г. Ижевск, ул. Баранова, 62 – 67.